ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

А. А. ВАСИЛЬЕВ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Время до Крестовых походов

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. ВАСИЛЬЕВ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Время до Крестовых походов (до 1081 г.)

АЛЕТЕЙЯ

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
1998

А. А. ВАСИЛЬЕВ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Время до Крестовых походов (до 1081 г.)

Вступительная статья, примечания,
научная редакция, перевод с английского языка
и именной указатель *А. Г. Грушевого*

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
1998

ББК 189120 В. (Рос.)
А. А. Васильев 98(1)

Редколлегия серии «Византийская библиотека»:

Г. Г. Литаврин (председатель), О. Л. Абышко (со-председатель), И. А. Савкин (со-председатель), С. С. Аверинцев, М. В. Бибиков, С. П. Карпов Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева, Я. Н. Любарский, И. П. Медведев, Д. Д. Оболенский, Г. М. Прохоров, А. А. Чекалова, И. И. Шевченко

В научном наследии выдающегося русского византиниста и арабиста А. А. Васильева (1867–1953) особое место занимают работы общего плана, охватывающие всю историю Византии вплоть до падения Константинополя в 1453 году. На русском языке в первой четверти XX веке в Петрограде—Петербурге—Ленинграде вышли следующие его работы: 1) Лекции по истории Византии. Время до Крестовых походов (до 1081 года); 2) История Византии и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081–1184) и Ангелов (1185–1204); 3) История Византии. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204–1261); 4) История Византии. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261–1453).

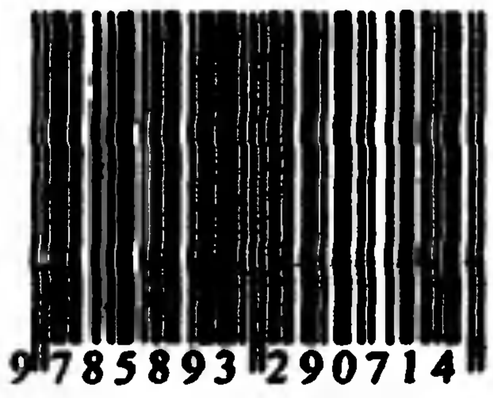
После эмиграции А. А. Васильева, данные работы неоднократно переиздавались им на иностранных языках, с дополнениями и изменениями, обретя во втором американском издании — Hystory of the Byzantine Empire 324–1453. Madison, 1952 — качество всеобъемлющего монографического исследования, одного из важнейших в мировой византинистике. Этим и определяется актуальность издания работы в полном объеме на русском языке в настоящее время.

«Истории Византийской империи» А. А. Васильева свойственны два основных качества — яркость, живописность, образность изложения, позволяющая каждому читателю быть живым свидетелем описываемых событий, целиком и полностью присутствовать в той бесконечно далекой и одновременно немыслимо близкой эпохе, а также скрупулезнейшая научная точность, почти педантичность (но без наукообразного занудства) в характеристике исторических фактов, событий и процессов. Увеличение количества комментариев и примечаний от издания к изданию говорит о предельно серьезном отношении автора к своему сочинению, о стремлении А. А. Васильева ко все более высокому научному идеалу, об учете самых последних достижений византинистики.

Все дополнения А. А. Васильева переведены с английского. Из второго американского издания взяты также все примечания, отсутствующие в русском тексте, библиография и индексы. Новому русскому изданию предпослана вступительная статья о жизненном и научном пути А. А. Васильева. Текст книги заново отредактирован.

Для самого широкого круга читателей.

ISBN 5–89329–071–1

© Издательство «Алетейя» (г. СПб) — 1998 г.
© А. Г. Грушевой — 1998 г.

К переизданию цикла общих работ А. А. Васильева по истории Византии

1. Основные вехи жизни А. А. Васильева

В очередных томах серии «Византийская библиотека» издательство «Алетейя» приступает к изданию цикла общих работ А. А. Васильева по византинистике. В связи с этим представляется необходимым сказать несколько слов об авторе, его работах по истории Византии и принципах, положенных в основу предлагаемого издания.

Писать о биографии А. А. Васильева (1867—1953) достаточно сложно, ибо литературы о нем почти нет,[1] архива ученого в России также нет и поэтому излагаемая ниже систематизированная информация о его жизни, взятая из разных источников, не может претендовать на исчерпывающую картину его жизни.[2]

---

[1] По причинам, излагаемым ниже, его имя замалчивалось.

[2] При написании этой статьи использованы следующие два издания: *И. В. Куклина.* А. А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки. — В кн.: Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995, с. 313—338. *Sirarpie Der Nersessian.* Alexander Alexandrovich Vasiliev. Biography and Bibliography. — Dumbarton Oaks Papers, vol. 9—10. Washington (D. C.), 1956, pp. 3—21. В советские времена об А. А. Васильеве была опубликована краткая, благожелательно-нейтральная заметка в первом издании БСЭ (т. 9, М., 1928, с. 53—54), и небольшая статья И. П. Медведева в следующем издании: Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979, с. 92—94. Последние работы об А. А. Васильеве: *Г. М. Бонгард-Левин, И. В. Тункина.* М. И. Ростовцев и А. А. Васильев (новые архивные материалы) — ВДИ, 1996, № 4, с. 168—188; *их же.* М. И. Ростовцев и А. А. Васильев: Шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества. — В изд.: Скифский роман. Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1977, с. 259—289. Эти публикации дают больше ценного нового материала для характеристики жизни и научного творчества М. И. Ростовцева, чем А. А. Васильева. Письма М. И. Ростовцева к А. А. Васильеву приведены полностью, тогда как письма А. А. Васильева к М. И. Ростовцеву лишь кратко цитируются.

Александр Александрович Васильев родился в Петербурге в 1867 году. Он учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета и получил широкое образование как в области восточных языков (арабский и турецкий) и истории, так и в классических языках и истории, не считая обязательных современных языков. По словам самого А. А. Васильева, его научная судьба определилась случайно. Византинистикой ему посоветовал заняться его преподаватель арабского языка, знаменитый барон В. Р. Розен, направивший его к не менее знаменитому византинисту В. Г. Васильевскому. Последовавший затем благожелательный прием В. Г. Васильевского [1] и первое знакомство с византийской историей в изложении Гиббона, помогли ему выбрать направление специализации. Отметим, однако, что хорошая востоковедная подготовка позволила А. А. Васильеву не только сочетать в своей работе византинистику и арабистику,[2] но и проявить себя арабистом в собственном смысле слова. А. А. Васильев подготовил критические издания с переводом на французский двух арабских христианских историков — Агафия и Йахйи ибн Саида.[3] Видимо, у А. А. Васильева была и еще одна возможность проявить себя профессиональным востоковедом. Если судить по одному письму М. И. Ростовцеву от 14 августа 1942 г.,[4] А. А. Васильев какое-то время преподавал в Санкт-Петербургском университете арабский язык. В упомянутом письме речь идет среди прочего о том, что А. А. Васильев обучал в университете литературоведа Г. Л. Лозинского основам арабского языка.

Для научной судьбы А. А. Васильева большое значение имели три года, проведенные им за границей в качестве стипендиата историко-филологического факультета. Благодаря поддержке В. Г. Васильевского, П. В. Никитина и И. В. Помяловского А. А. Васильев провел 1897—1900 гг. в Париже со стипендией сначала 600 рублей в год, затем — 1500 руб. Во Франции он продолжил изучение восточных языков (арабский, турецкий и эфиопский). За эти же годы им были подготовлены магистерская и докторская диссертации о взаимоотношениях Византии и арабов. Вскоре эти труды обрели вид двухтомной монографии, переведенной, правда, гораздо

---

[1] В научном плане именно В. Г. Васильевский был учителем А. А. Васильева.

[2] История византийско-арабских отношений оставалась одним из важнейших направлений научной деятельности А. А. Васильева.

[3] Во втором случае издание подготовлено совместно с И. Ю. Крачковским. Подробная информация о самих изданиях — ниже, в списке работ А. А. Васильева.

[4] См.: *Г. М. Бонгард-Левин, И. В. Тункина.* М. И. Ростовцев и А. А. Васильев... с. 174.

позже на французский язык (список трудов А. В. Васильева см. ниже).

Весной 1902 г., вместе с Н. Я. Марром, А. А. Васильев предпринял путешествие на Синай, в монастырь Св. Екатерины. Его интересовали хранящиеся там рукописи Агафия. В том же году А. А. Васильев провел несколько месяцев во Флоренции, также работая над рукописями Агафия. Подготовленное им издание текста достаточно быстро вышло в свет в известном французском издании Patrologia Orientalis.[1] Издание текста второго арабского христианского историка — Йахйи ибн Саида — было подготовлено А. А. Васильевым и И. Ю. Крачковским позже — в двадцатые-тридцатые годы.

Научная карьера А. А. Васильева была успешной. В 1904—1912 гг. он был профессором Дерптского (Юрьевского) университета.[2] Принимал А. А. Васильев участие и в работе существовавшего до первой мировой войны Русского археологического института в Константинополе. В 1912—1922 гг. он был профессором и деканом историко-филологического факультета Петербургского (затем — Петроградского) педагогического института. С того же 1912 года по 1925 год А. А. Васильев был профессором Петроградского (затем Ленинградского) университета. Кроме того, А. А. Васильев работал в РАИМК-ГАИМК,[3] где с 1919 г. занимал должность зав. разрядом археологии и искусства древнехристианского и византийского. В 1920—1925 гг. он был уже председателем РАИМК.

Нужно также отметить, что с 1919 г. А. А. Васильев был членом-корреспондентом Российской Академии наук. Без ссылок на источники авторы публикации писем М. И. Ростовцева к А. А. Васильеву сообщают, что постановлением Общего собрания АН СССР от 2 июня 1925 г. А. А. Васильев был исключен из АН СССР и восстановлен только посмертно, 22 марта 1990 г.[4]

В 1934 г. он был избран членом Югославской Академии наук. В последующие годы А. А. Васильев был также президентом института им. Н. П. Кондакова в Праге, членом американской Академии Средневековья и — в последние годы жизни — председателем Международной Ассоциации византинистов.

Переломным в жизни А. А. Васильева стал 1925 г., когда он поехал в официальную зарубежную командировку, не имея спе-

---

[1] Полное описание издания — ниже в библиографическом списке.

[2] Ныне Тартуского (в Эстонии).

[3] Официальное название учреждения, ставшего несколько позже Институтом археологии Академии наук. РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры; ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.

[4] *Г. М. Бонгард-Левин, И. В. Тункина.* М. И. Ростовцев и А. А. Васильев... с. 170.

циальной мысли эмигрировать из России. Однако несколько встреч в Париже с М. И. Ростовцевым, известным русским антиковедом, уехавшим из России вполне сознательно, решили судьбу А. А. Васильева. М. И. Ростовцев еще в 1924 г. предложил А. А. Васильеву содействие в получении места в Висконсинском университете (Мадисон) в связи с тем, что сам М. И. Ростовцев переезжал из Мадисона в Нью Хейвен.[1]

А. А. Васильев согласился и, выехав летом 1925 г. в Берлин и Париж, во Франции сел на пароход до Нью Йорка, имея официальное приглашение на год от Висконсинского университета. Осенью того же 1925 г. он уже имел работу в Америке. Сохранившиеся в Архиве С. А. Жебелева и других ученых письма А. А. Васильева показывают в то же время, что сам А. А. Васильев регулярно продолжал обращаться с просьбами через С. А. Жебелева о предании своему статусу официального характера — он просил об официальном продлении своей командировки. Просьбы его удовлетворялись Наркомпросом и подтверждались Академией наук. Однако в конце концов 1 июля 1928 г. было признано предельным сроком продления его командировки. А. А. Васильев не вернулся ни к этому сроку, ни когда-либо позже. Письмо С. А. Жебелеву, в котором он объяснял причины этого, выглядит очень дипломатично, мягко, но, скорее всего, не раскрывающим основного,[2] ибо слова А. А. Васильева о заключенных контрактах, наладившейся работе, об отсутствии заработка в Ленинграде имеют, бесспорно, отношение к сложившейся ситуации,[3] но кое-что оставляют и в тени.

Ввиду того что архив А. А. Васильева находится в США, здесь мы невольно вступаем в область предположений. Однако для характеристики его как человека крайне важно, по меньшей мере, попытаться *ответить*, *почему* А. А. Васильев *принял приглашение* М. И. Ростовцева о работе в Мадисоне и почему он в конце концов остался в США. Возможностей судить об этом немного и все же несколько тонких, ехидно-иронических замечаний в тексте его «Истории Византийской империи» (например, о славянофильстве в СССР после второй мировой войны) позволяют утверждать, что

---

[1] Об обстоятельствах, приведших к отъезду А. А. Васильева, см.: *Г. М. Бонгард-Левин, И. В. Тункина.* М. И. Ростовцев и А. А. Васильев...

[2] См. подробно: *И. В. Куклина.* А. А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки. В кн.: Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995, с. 318.

[3] Даже по письмам А. А. Васильева видно, что все проблемы с его трудоустройством в Ленинграде могли быть разрешены в случае его возвращения в Ленинград. См. указанную в предыдущем примечании статью, с. 317: «...в АИМК я не утвержден членом до моего возвращения».

вся идейная и политическая обстановка в СССР была А. А. Васильеву глубоко чужда. Легкость, с которой А. А. Васильев решился на переезд в Америку, во многом объясняется также и тем, что его не удерживали семейные узы. Судя по имеющимся документам, у него были брат и сестра, однако всю жизнь он оставался холостым.[1]

Сопоставление некоторых фактов позволяет, как кажется, выявить и еще одну немаловажную причину решимости А. А. Васильева уехать. Выше уже говорилось о том, что на рубеже веков, около пяти лет в общей сложности, А. А. Васильев весьма плодотворно работал за границей, будучи стипендиатом и находясь в официальных командировках. Если учесть все особенности развития СССР в двадцатые-тридцатые годы, то нельзя не признать, что возможность работать в зарубежных научных центрах для А. А. Васильева делалась все более проблематичной — научные командировки за границу становились со временем не нормой, а исключением из правил, особенно для ученых старой формации. Материалы, приводимые И. В. Куклиной, показывают, что после переезда в Америку А. А. Васильев большую часть свободного времени проводил в разъездах, путешествуя когда с целью научной работы, когда просто как турист.

Изложенный материал позволяет прийти в чем-то неожиданному, но по логике событий совершенно закономерному выводу. Одной из субъективно важных для А. А. Васильева причин отъезда должно было быть желание сохранить за собой возможность свободно перемещаться по миру как с целями научными, так и с целями туристическими. Он не мог не понимать, что в условиях СССР двадцатых-тридцатых годов такого ему никто гарантировать не мог.

Иными словами, в 1925—1928 гг. перед А. А. Васильевым стоял выбор — или Советская Россия, политический режим в которой и условия жизни становились для него чуждыми,[2] или другая страна, но гораздо более понятная идейная и политическая ситуация и привычный стиль жизни.

---

[1] По собственному признанию А. А. Васильева, он в жизни много времени отдавал женщинам, временами даже слишком много (*И. В. Куклина*. А. А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки. С. 335). Анализ этой стороны его жизни лежит за пределами наших возможностей и интересов.

[2] Судя по всему, А. А. Васильев не любил касаться этих тем, однако же в письме Ф. И. Успенскому от 9 января 1926 г. из Америки можно прочесть следующее признание: «В последнее время в России я был очень угнетен именно состоянием любимого нами дела византиноведения. Но не было возможности работать» (см.: *И. В. Куклина*. А. А. Васильев: «труды и дни» ученого... с. 314, прим. 8).

Не без колебаний А. А. Васильев выбрал второе. В чем причина колебаний? Дело здесь, видимо, в особенностях характера А. А. Васильева, бывшего, судя по всему, не очень решительным человеком, всегда предпочитавшим компромиссы и отсутствие конфликтов.[1] Вероятно, можно говорить также и о том, что А. А. Васильев не во всем чувствовал себя комфортно и уютно в Америке. В сохранившихся письмах про восприятие Америки А. А. Васильевым информации почти нет. Однако не случайно, конечно, А. А. Васильев писал М. И. Ростовцеву в августе 1942 года: «Да есть ли она у меня, эта радость жизни? Не есть ли это давняя привычка казаться не тем, кто я есть? Ведь, по существу, у тебя более оснований любить жизнь. Не забудь, что мне всегда приходится стараться заполнять мое одиночество — заполнять его искусственно, безусловно, внешне».[2] Весьма возможно, эти слова — невольное признание в вынужденном притворстве и старательно скрываемом бегстве от одиночества — являются ключевыми для понимания внутреннего мира, психологии и деятельности А. А. Васильева как человека во второй период его жизни. Подтвердить или не подтвердить это могут только новые публикации архивных документов.[3] Как бы там ни было, здесь представляется важным подчеркнуть и следующий факт из его биографии.

Научная биография Александра Александровича сложилась блестяще, однако, работая до последних дней, проводя жизнь в многочисленных путешествиях, в личном плане он оставался одиноким, и умер в доме престарелых.

В Америке большая часть его жизни была связана с Мадисоном и Висконсинским университетом. Последние десять лет А. А. Васильев провел в Вашингтоне, в известном византинистическом центре Dumbarton Oaks, где в 1944—1948 гг. он был Senior Scholar, а в 1949—1953 гг. — Scholar Emeritus.

В научном наследии А. А. Васильева особое место занимают два сюжета, ставшие наиболее важными во всей его долгой научной

---

[1] Ср. ниже, в первой главе, примечание научного редактора о неожиданном изменении взглядов А. А. Васильева на сочинение Ю. А. Кулаковского по истории Византии.

[2] *Г. М. Бонгард-Левин, И. В. Тункина.* М. И. Ростовцев и А. А. Васильев... с. 174.

[3] Приводимые исследователями (см. прим. 2 на с. 5) ссылки на документы показывают, что на поверхности все было прекрасно. Имеющиеся документы показывают широту круга интересов А. А. Васильева в искусстве, литературе, в целом к окружающей жизни. Однако приведенная выше цитата из письма 1942 г. говорит о чем-то глубинном, всегда присутствующем в подсознании и тщательно скрываемом под показной — во всяком случае, не всегда естественной — веселостью и жизнерадостностью.

жизни. Это — византийско-арабские отношения [1] и переиздаваемый сейчас цикл общих работ по истории Византии, охватывающий весь период существования империи. В отличие от старшего своего современника, Ю. А. Кулаковского, для которого сочинение общего плана по истории Византии [2] стало основным научным трудом, роль «Истории Византийской империи» в научном наследии Александра Александровича иная.

Исходный русский текст работы был опубликован в четырех томах между 1917 и 1925 гг. Наиболее обработан первый том исходной русской версии издания — «Лекции по истории Византии. Том I. Время до Крестовых походов (до 1081 года)» (Пг., 1917). Книга представляет собой краткое изложение событий рассматриваемого периода, без примечаний, с минимальной литературой вопроса в конце глав, с хронологической и генеалогическими таблицами. Выводы в книге почти отсутствуют, также как и многие разделы, дописывавшиеся А. А. Васильевым позднее. В чисто техническом (типографском) отношении книга издана неважно. Обращает на себя внимание весьма низкосортная бумага и местами нечеткая печать.[3]

Принципиально иначе во всех отношениях выглядят три небольших тома, являющиеся продолжением издания 1917 года,[4] выпущенные в 1923—1925 гг. издательством «Academia»:

— *А. А. Васильев.* История Византии. Византия и Крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081—1185) и Ангелов (1185—1204). Пб., 1923;

— *А. А. Васильев.* История Византии. Латинское владычество на Востоке. Пг., 1923;

— *А. А. Васильев.* История Византии. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453). Л., 1925.

---

[1] Им посвящена магистерская диссертация А. А. Васильева (см. список трудов ниже). Этому же сюжету посвящены и самые последние научные разработки Александра Александровича. Известно, что незадолго до смерти он собирался взяться за написание истории арабско-византийских отношений в первые века существования Халифата, начав с введения, посвященного римско-аравийским и византийско-аравийским отношениями до ислама. Работа эта написана не была. Опубликована лишь не вполне завершенная статья с обзором основных эпизодов византийско-аравийских отношений (Dumbarton Oaks Papers, vol. 9—10, 1955—1956, pp. 306—316).

[2] *Ю. А. Кулаковский.* История Византии, т. 1—3. СПб.: «Алетейя», 1996, 2-е издание.

[3] В выходных данных сообщается лишь, что книга набрана в типографии «Я. Башмаков и К°».

[4] Судя по имеющимся предисловиям, книги 1923—1925 гг. были задуманы А. А. Васильевым как краткие монографии с задачей общей краткой характеристики рассматриваемой эпохи.

Лекции А. А. Васильева и указанные три монографии составили тот цикл общих работ по византийской истории, которые автор перерабатывал и переиздавал на протяжении всей своей жизни. Как видно из списка литературы, общая история Византии А. А. Васильева существует в изданиях на многих языках, однако основными являются следующие три: первое американское — History of the Byzantine Empire, vol. 1—2. Madison, 1928—1929; французское — Histoire de l'Empire Byzantin, vol. 1—2. Paris, 1932; второе американское издание — History of the Byzantine Empire, 324—1453. Madison, 1952. Последнее издание выполнено в одном томе, что достигнуто за счет печати на более тонкой бумаге.

Второе американское издание является наиболее совершенным в научном отношении. Принципиально, однако, отметить, что, несмотря на многочисленные вставки и дополнения, несмотря на обилие примечаний, второе американское издание и исходные русские версии оказываются поразительно близки. Достаточно их положить рядом для того, чтобы с немалым изумлением обнаружить — по меньшей мере 50% текста последнего американского издания представляет собой прямой перевод с исходных русских версий.[1] Количество вставок и дополнений действительно велико [2] и тем не менее исходные русские версии 1917—1925 гг. продолжают составлять основу, костяк даже последнего американского издания работы.[3] Именно поэтому в основу данного издания положен метод текстологического анализа, а не прямого перевода всего текста с издания 1952 года.

Во всех тех случаях, когда для английского текста работы выявлялся русский прототекст, редактор воспроизводил соответствующие места исходных русских версий исходя из того, что бессмысленно переводить на русский язык то, что и так уже на русском языке существует. Воспроизведение это, однако, никогда не было механическим, ибо обработка текста исходных русских версий А. А. Васильевым была многогранной — отдельные слова и фразы убирались чаще всего по стилистическим соображениям, в некоторых случаях фразы переставлялись местами. Достаточно часто А. А. Васильев прибегал к иной организации текста на странице — как правило, во втором американском издании абзацы,

---

[1] Важно отметить, что невелико количество таких мест, которые, по сравнению с исходными русскими версиями, являлись бы не прямым переводом, а именно переработкой русского текста 1917—1925 гг.

[2] Наиболее крупными являются завершающие все главы разделы о литературе и искусстве.

[3] Не случайно, конечно, в предисловии ко второму американскому изданию есть слова автора о том, что он не написал совершенно новой книги по сравнению с предыдущими изданиями работы.

по сравнению с исходными русскими версиями, крупнее. Во всех такого рода спорных случаях предпочтение отдавалось последнему американскому изданию.

Таким образом, приводимый в данных томах текст сочинения А. А. Васильева является двойственным по своему составу. Примерно в 50—60% случаев это воспроизведение соответствующих мест исходных русских версий, примерно на 40—50% — это перевод с английского.

С английского переведены все вставки и дополнения, а также большинство примечаний. Последняя оговорка вызвана тем, что некоторое количество специально не отмечаемых примечаний переведено с французского издания. Объясняется это следующим обстоятельством. А. А. Васильев, сокращая текст примечаний при подготовке второго американского издания, иногда сокращал их настолько, что некоторая существенная для характеристики книги или журнала информация оказывалась утраченной.[1]

Сводный библиографический список в конце работы воспроизводится почти без изменений, за исключением принятого в России разделения русских и иностранных работ. Появление в библиографии некоторого количества работ, вышедших уже после смерти А. А. Васильева, объясняется следующими двумя моментами. А. А. Васильев цитирует некоторых общеизвестных русских авторов в англоязычных переводах (А. И. Герцен, П. Я. Чаадаев), со ссылкой на английские переводы дает А. А. Васильев и цитаты из некоторых авторов, или произведений, пользующихся общемировой известностью (Гегель, Монтескье, Коран). Во всех этих случаях ссылки А. А. Васильева заменены на последние русские издания. По изданию 1996 года (издательство «Алетейя») цитируется также известный русский византинист начала века Ю. А. Кулаковский.

Индекс к работе составлен заново, но с учетом указателя последнего американского издания.

В завершение несколько слов о характеристике работы в целом и месте ее в истории науки. «История Византийской империи» А. А. Васильева относится к числу уникальных явлений в истории исторической мысли. Действительно, общих историй Византии, написанных одним исследователем, крайне мало. Можно вспомнить две немецкие работы, написанные и изданные несколько ранее сочинения А. А. Васильева. Это — *H. F. Hertzberg*. Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches bis gegen Ende des 16. Jahr-

---

[1] В одном отношении текст большинства примечаний редактировался — у А. А. Васильева во втором американском издании работы принята отличающаяся от российских стандартов система передачи выходных данных и страниц цитируемых изданий.

hunderts. Berlin, 1883;[1] *H. Gelzer.* Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. Munchen, 1897. *Все же остальные общие работы по византийской истории, принадлежащие перу одного автора, написаны русскими исследователями, в основном — учениками академика В. Г. Васильевского.*[2] *Это — Ю. А. Кулаковский, Ф. И. Успенский, А. А. Васильев, Г. А. Острогорский.* Из работ, написанных этими авторами, лишь сочинение Ф. И. Успенского [3] и издаваемый цикл работ А. А. Васильева охватывают действительно все стороны жизни империи. Всесторонняя по охвату материала «История Византии» Ю. А. Кулаковского доведена лишь до начала Исаврийской династии. Неоднократно переиздававшееся сочинение Г. А. Острогорского «Geschichte des byzantinischen Staates» описывает историю Византии прежде всего как историю государства и государственных учреждений.

Таким образом, сочинение А. А. Васильева во многих отношениях сопоставимо с «Историей Византийской империи» Ф. И. Успенского, однако между ними, как будет показано ниже, есть и существенные различия.

«История Византийской империи» А. А. Васильева — это прекрасный образец работы общего плана, где кратко, ясно, с большим количеством ссылок на основные источники и исследования дана характеристика всех периодов истории Византии. Внешнеполитическая история изложена А. А. Васильевым полностью. Проблемы внутренней истории рассмотрены неравномерно, хотя основные проблемы внутренней жизни каждого периода затронуты или упомянуты. Каждая глава, то есть соответственно каждый период, завершается у А. А. Васильева характеристикой литературы и искусства.[4] Проблемы торговли и торговых связей рассмотрены только в связи с Космой Индикопловом и временем Юстиниана. А. А. Васильев почти не затрагивает особенности жизни провинций. Проблемы социальных и экономических отношений в империи рассмотрены подробно почему-то только для времени Македонской династии.

---

[1] Есть русский перевод этой книги, осуществленный П. В. Безобразовым. М., 1896.

[2] Это объясняется прежде всего особой судьбой и ролью российского византиноведения. Во многом именно в России, благодаря деятельности В. Г. Васильевского, византиноведение стало исследовательской наукой и перестало сводиться к публикации текстов и собиранию курьезных или поучительных фактов из жизни византийского двора (см. главу 1, дающую очерк развития византиноведения).

[3] *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи, т. 1. СПб., 1914; т. 2. Л., 1927; т. 3. Л., 1948.

[4] В исходных русских версиях такие характеристики есть в изданиях 1923—1925 гг., но отсутствуют в издании 1917 г.

Уникальность сочинения А. А. Васильева заключается среди прочего в достаточно удачной попытке синтеза достижений западноевропейской, американской и русской исторической науки. Работа изобилует ссылками на сочинения русских и советских историков, что в целом не очень характерно для западноевропейской и американской науки.

К особенностям работы следует отнести и манеру подачи материала. Автор в повествовательном стиле излагает события, не давая им в основном объяснений или интерпретации. Исключение составляют некоторые особо важные события, как, например, арабские завоевания, иконоборчество или крестовые походы. Объяснение А. А. Васильева при этом заключается в систематическом изложении всех имеющихся точек зрения по данному вопросу.[1]

Существенным отличием работы А. А. Васильева от «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского, как и в целом от исследований российской византинистики, следует назвать невнимание к проблемам социально-экономического характера.[2] За этим стояло, как кажется, отчасти отсутствие интереса А. А. Васильева [3] к этой проблематике, отчасти же — один объективный фактор.

Все переиздания сочинения А. А. Васильева относятся к американскому периоду его жизни. В США Александр Александрович не случайно считается основателем американской византинистики. В середине двадцатых годов А. А. Васильев начинал свою деятельность почти на пустом месте.[4] Вот почему понятно, что от А. А. Васильева в США ждали не узко специальных исследова-

---

[1] Было бы, однако, неверным утверждать, что в работе А. А. Васильева нет выводов и точки зрения автора. Отдельные обобщающие фразы есть в каждой главе. Важно, тем не менее, отметить, что лишь вторая глава завершается кратким подведением итогов исторического развития всего периода.

[2] Ср. в данной связи позицию В. Г. Васильевского: *Г. Г. Литаврин.* Василий Григорьевич Васильевский — основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения (1838—1899). — Византийский временник, т. 55, 1994, с. 10.

[3] Интересно отметить следующий факт: текстологическое сопоставление исходных русских версий со вторым американским изданием показывает, что достаточно часто А. А. Васильев не включал в последующие переиздания имеющиеся в исходных русских версиях абзацы и фразы по социально-экономической проблематике. Один пример: только во втором американском издании востановлен на том же месте, где он был и в исходной русской версии 1925 г. — раздел о византийском феодализме. (В данном издании это последний раздел восьмой главы.) Во всех предшествующих изданиях этот текст отсутствует.

[4] См., например: *И. В. Куклина.* А. А. Васильев: «труды и дни» ученого... с. 317.

ний,[1] а именно разработки общего, всеобъемлющего курса истории Византии. Этим требованиям сочинение А. А. Васильева полностью удовлетворяло.

Не исключено, что именно этот общий характер работы А. А. Васильева, особенности изложения, когда проблемы не столько раскрываются, сколько описываются, а также невнимание к социально-экономической проблематике привели к следующему неожиданному факту. «История Византийской империи» существует в переводах на многие языки, однако на нее практически не ссылаются в научной литературе, в отличие, например, от «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского.

Факт этот понять, однако, можно, если посмотреть на сочинение А. А. Васильева с другой стороны. В отличие от трехтомной «Истории Византии» Ю. А. Кулаковского, оставшейся в истории именно благодаря крайне детализированному по сути и беллетризированному по форме изложению, «История Византийской империи» А. А. Васильева отличается гораздо более сжатым изложением, более академичным стилем подачи материала, хотя одновременно и немалым количеством тонких, ехидно-иронических замечаний когда в адрес персонажей византийской истории, когда и в адрес современников А. А. Васильева.

Более существенно, однако, другое. Как уже отмечалось, несмотря на все дополнения и вставки, несмотря на обилие новых примечаний, общий характер сочинения А. А. Васильева с 1917 по 1952 гг. не изменился. Его сочинение, написанное и изданное как курс лекций, свод материала для студентов, таковым и осталось. Не случайно так велик процент прямых текстуальных соответствий издания 1952 года и исходных русских версий: А. А. Васильев не менял сути работы. Он постоянно изменял и модернизировал научный аппарат,[2] учитывал новейшие точки зрения по тому или иному вопросу, но при этом он никогда не выходил за рамки того жанра, который требует только грамотного изложения фактов и лишь наметок, краткого указания на научные проблемы, которые связаны с тем или иным периодом. Это относится не

---

[1] В связи с этим можно отметить следующий интересный факт. Во многом под влиянием М. И. Ростовцева и его известной работы о социально-экономической истории Римской империи А. А. Васильев собирался написать социально-экономическую историю Византии. А. А. Васильев даже ездил в Англию договариваться с издательством «The Clarendon Press» уже конкретно о сроках написания такой книги. Однако же такая книга никогда им написана не была. (См.: *Г. М. Бонгард-Левин, И. В. Тункина*. М. И. Ростовцев и А. А. Васильев... с. 176, прим. 53.)

[2] Во втором американском издании работы, являющемся наиболее совершенным из всех зарубежных изданий сочинения, А. А. Васильев кратко вставил основные итоговые моменты всех своих работ.

только к проблемам внутренней жизни, социальных и общественных отношений, в основном А. А. Васильевым не рассматриваемым,[1] но и к проблемам, например, источниковедения, разбираемым автором достаточно подробно. Так, упомянув о крайне сложной истории текста Георгия Амартола, А. А. Васильев лишь слегка коснулся не менее сложной — хотя и несколько в ином отношении — истории текста Иоанна Малалы.[2]

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что «История Византийской империи» А. А. Васильева написана в известном смысле слова в традициях двух школ византиноведения — российской и западноевропейской, не вписываясь при этом до конца ни в одну из них. К своей «Истории Византийской империи» А. А. Васильев возвращался на протяжении своей жизни неоднократно, однако эту работу, видимо, не следовало бы называть основным научным произведением Александра Александровича. Эта книга не является исследованием истории Византии. Вследствие отмеченных выше особенностей работы его «История Византийской империи» это *изложение византийской истории*, в котором все проблемные моменты отодвинуты на второй план, будучи либо лишь названными, либо описанными внешне. Последнее обстоятельство объясняется прежде всего той ролью, которую играл А. А. Васильев в научной жизни США. Оказавшись волею судеб фактическим основателем американской византинистики, А. А. Васильев вынужден был заниматься прежде всего разработкой не частных проблем, а общим курсом истории Византии в целом.

Любое явление, однако, надо оценивать по тому, что оно дает. И в этом смысле «История Византийской империи» А. А. Васильева может дать современному читателю много, ибо существующие на русском языке недавние общие работы по истории Византии (трехтомник «История Византии» (М., 1967); трехтомник «Культура Византии» (М., 1984—1991)), неравноценны, будучи написаны разными авторами и ориентированы в основном на специалистов. До сих пор на русском языке не было полного изложения истории Византии, которое было бы кратким, четко и хорошо написанным, с современным научным аппаратом, позволяющим навести справки и в первом приближении осознать проблемы любого периода ви-

---

[1] В своей работе А. А. Васильев использует папирусы для характеристики различных сторон жизни Египта, но далеко не полностью. См. краткую общую характеристику папирусов византийского времени: *И. Ф. Фихман.* Введение в документальную папирологию. М., 1987, с. 253—255.

[2] Здесь хотелось бы также отметить, что А. А. Васильев, давая достаточно подробные характеристики всех хронистов, не затрагивает причин возникновения этого исторического жанра. См., в частности: Культура Византии. Первая половина IV—половина VII вв. М., 1984, с. 245—246.

зантийской истории. Эти бесспорные и очень важные достоинства работы А. А. Васильева обеспечат ей долгую жизнь среди достаточно широкого круга читателей.

Несколько слов в завершение о примечаниях редактора. В основном они посвящены текстологическим вопросам, связанным с пониманием текста, или же — с расхождениями между исходной русской версией и последующими изданиями на иностранных языках. Редактор не ставил себе специально цели полностью модернизировать научный аппарат работы А. А. Васильева, учитывая новейшие точки зрения по всем рассмотренным в книге проблемам. Это сделано лишь в некоторых наиболее важных местах, а также в тех случаях, когда взгляды А. А. Васильева устарели в свете опубликованных в последние годы исследований.

2. Список трудов А. А. Васильева

а) Монографии

1. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900.

1а. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902

Французский перевод работы: Byzance et les Arabes. I. La dynastie d'Amorium (820—867). Bruxelles, 1935. (*Corpus Bruxellense Historiae Byzantinae, I.*)

Byzance et les Arabes. II, 1. Les relations politiques de Byzance et des arabes a l'epoque de la dynastie macedonienne. Bruxelles, 1968. (*Corpus Bruxellense Historiae Byzantinae, II, 1.*)[1]

2. Ученая поездка на Синай в 1902 году. — Сообщения Императорского Православного Палестинского общества, т. XV, 1904, № 3.

3. Арабская версия жития св. Иоанна Дамаскина. СПб., 1913.

---

[1] По не вполне ясным причинам издатели серии Corpus Bruxellense Historiae Byzantinae под общим заголовком — *A. A. Vasiliev*. Byzance et les arabes — издали две работы, лишь отдаленно имеющие связь с работой А. А. Васильева. Это — *A. A. Vasiliev*. Byzance et les arabes. T. II, 2. La dynastie macedonienne, 2-ieme partie. Extraits des sources arabes, traduits par M. Canard. Bruxelles, 1950, и *A. A. Vasiliev*. Byzance et les arabes. T. 3. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071 von E. Honigmann. Bruxelles, 1961. Если появление первой из этих работ под фамилией А. А. Васильева понять можно — сам А. А. Васильев отмечал ее как свою в сводной библиографии второго американского издания, — то издание монографии Э. Хонигмана с фамилией Васильева непонятно ни практически, ни логически.

4. Учебник истории Средних Веков. М., 1915.

5. Курс истории Средних Веков. Средневековая культура. М., 1915.

6. Лекции по истории Византии. I. Время до эпохи Крестовых походов (до 1081 года). Пг., 1917.

7. История Византии. Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081—1185) и Ангелов (1185—1204). Пг., 1923.

8. История Византии. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204—1261). Пг., 1923.

9. История Византии. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453). Л., 1925.

Первое американское издание: History of the Byzantine Empire. Translated from the Russian by Mrs. S. Ragozin. Vol. 1—2. Madison, 1928—1929. (*University of Wisconsin, Studies in the Social Sciences and History, № 13 and 14.*)

Французское издание: Histoire de l'Empire Byzantin. Traduit du russe par P. Brodin et A. Bourguina. Vol. 1—2. Paris, 1932.

Второе американское издание: History of the Byzantine Empire, 324—1453. Second English edition, revised. Madison, 1952.

Турецкое издание (перевод с французского издания; переведен только первый том; переводчик — Arif Mufid Mansel): Bizans Imperatolugu Tarihi. Vol. I. Ankara, 1943.

Испанское издание (перевод с французского издания; переводчик — J. G. de Luages; редакция и примечания — J. R. Masoliver): Historia del Imperio Bizantino. Vol. 1—2. Barcelona, 1946.

Греческое издание (перевод со второго американского издания; переводчик — Д. Сварамис): Ιστορια τῆς Βυζαντινῆς Αυτοκρατοριας. Ἀθῆναι, 1954—1955. Три тома.

Русское издание (в основе — перевод со второго американского издания с использованием исходных русских версий; переводчик и редактор — А. Г. Грушевой): История Византийской империи. 324—1453, т. 1—2. СПб., 1998.

10. Готы в Крыму. В кн.: Известия Российской Академии истории материальной культуры, т. I, 1921, с. 247—344; т. V, 1927, с. 179—282.

Американское издание: The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936. (*Monographs of the Medieval Academy of America, 11.*)

11. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge, Mass., 1946 (*Publications of the Medieval Academy of America, 46*).

12. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge, Mass., 1950. (*Dumbarton Oaks Studies, I.*)

б) Публикации

1. Греческий текст жития сорока двух аморийских мучеников по рукописи Парижской Национальной библиотеки, № 1534. — Записки Имп. Академии наук, сер. 8, т. III, 1898, № 3.

2. Kitab al- Unwan. Histoire Universelle, ecrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj, editee et traduite en français. — Patrologia Orientalis, vol. V, 1910, pp. 557—692; vol. VII, 1911, pp. 457—591; vol. VIII, 1912, pp. 397—550; vol. XI, 1915, pp. 5—144.

3. Histoire de Yahya-ibn-Sa id d'Antioche, continuateur de Sa id-ibn-Bitriq, editee et traduite en français par I. Kratschkovsky et A. A. Vasiliev. — Patrologia Orientalis, vol. XVIII, 1924, pp. 699—833; vol. XXIII, 1932, pp. 345—520.

в) Статьи

1. Вопрос о славянском происхождении Юстиниана. *Bryce.* «Life of Justinian by Theophylus». — Византийский временник, т. I, 1894, с. 469—492.

2. О греческих церковных песнопениях. — Византийский временник, т. III, 1896, с. 582—633.

3. Одиннадцатый Интернациональный конгресс ориенталистов в Париже. — Византийский временник, т. IV, 1897, с. 759—762.

4. Недавно открытая палестинская мозаика. — Византийский временник, т. IV, 1897, с. 763.

5. Двенадцатый Интернациональный конгресс ориенталистов. — Византийский временник, т. V, 1898, с. 356.

6. Новое издание памятников византийского искусства. — Византийский временник, т. V, 1898, с. 356.

7. Славяне в Греции. — Византийский временник, т. V, 1898, с. 404—438, 626—670.

8. Византийско-арабские отношения в царствование императора Михаила III (842—867). — Журнал Министерства народного просвещения, т. CCCXXIV, 1899, с. 1—55.

9. Византия и арабы при императоре Феофиле (829—842). — Византийский временник, т. VI, 1899, с. 380—447.

10. XII Конгресс ориенталистов. — Византийский временник, т. VI, 1899, с. 617—619.

11. Экскурсия в Македонию Русского археологического института в Константинополе осенью 1899 года. — Византийский временник, т. VII, 1900, с. 588—590.

12. Житие Филарета Милостивого. — Известия Русского археологического института в Константинополе, т. V, 1900, с. 49—86.

13. Время жизни Романа Сладкопевца. — Византийский временник, т. VIII, 1901, с. 435—478.

14. Предполагаемое издание греческих актов. — Византийский временник, т. X, 1903, с. 664—666.

15. Агапий Манбиджский, христианский арабский историк X века. — Византийский временник, т. XI, 1904, с. 574—587.

16. Le XIV[e] Congres international des Orientalistes. Vie Section: Grece et Orient. — Revue Africaine, vol. XLIX, 1905, pp. 337—339.

17. Арабский синаксарь о болгарском походе императора Никифора I. — Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905, с. 361—362.

18. Происхождение императора Василия Македонянина. — Византийский временник, т. XII, 1906, с. 148—165.

19. XIV Интернациональный конгресс ориенталистов в 1905 г. — Византийский временник, т. XII, 1906, с. 573—576.

20. Житие св. Григентия, епископа Омиритского. — Византийский временник, т. XIV, 1907, с. 23—67.

21. Заметки о некоторых греческих рукописях житий святых на Синае. — Византийский временник, т. XIV, 1907, с. 276—333.

22. 50-летний юбилей Мельбурнского университета. — Журнал Министерства народного просвещения, н. с., т. VIII, 1907, с. 29—46.

23. Семнадцатый Международный конгресс американистов в Буэнос-Айресе с 16/3 по 21/8 мая 1910 года. — Журнал Министерства народного просвещения, н. с., т. XXX, 1910, с. 19—35.

24. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе. — Журнал Министерства народного просвещения, т. XXXIX, 1912, с. 41—78, 260—304.

25. Карл Великий и Харун-ар-Рашид. — Византийский временник, XX, 1913, с. 63—116.

26. Мавсолей как одно из чудес мира у Агапия Манбиджского. — Христианский Восток, т. II, 1913, с. 152—154.

27. Ласкарь Канан, византийский путешественник XV века по Северной Европе и в Исландию. — Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь профессора В. П. Бузескула. Харьков, 1914, с. 397—402.

28. Передача Андреем Палеологом своих прав на Византию французскому королю Карлу VIII. — Сборник в честь Н. Кареева. Пг., 1914, с. 273—279.

29. Описание византийских гирь и эксагиев, хранящихся в Академии. — Известия Российской Академии истории материальной культуры, т. II, 1922, с. 237—240.

30. Проблема средневекового Крыма. — Новый Восток, т. III, 1923, с. 378—386.

31. The Struggle [of Byzantium] with the Saracens (867—1057). — The Cambridge Medieval History, vol. IV, 1923, pp. 138—150.

32. La guerre de Cent Ans et Jeanne d'Arc dans la tradition byzantine. — Byzantion, vol. III, 1926, pp. 241—250.

33. Byzantine Studies in Russia. — American Historical Review, vol. XXVII, 1927, pp. 539—545.

34. Das genaue Datum der Schlacht von Myriokephalon. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXVII, 1927, SS. 288—290.

35. Manuel Comnenus and Henry Plantagenet. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXIX, 1929—1930, SS. 233—244.

36. Zur Geschichte von Trapezunt unter Justinian dem Grossen. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXX, 1929—1930, SS. 381—386.

37. La Russie primitive et Byzance. — L'art byzantin chez les Slaves. Les Balkans. Premier recueil dedie a la memoire de Theodore Uspenskij. Paris, vol. I, 1930, pp. 9—19.

38. Alexis I Comnenus. — Menschen die Geschichte machten, vol. II, 1930, pp. 36—40.

39. Quelques remarques sur les voyageurs du Moyen Age a Constantinople. — Melanges Charles Diehl. Études sur l'histoire et sur l'art de Byzance, I. Paris, 1930, pp. 293—298.

40. Il viaggio dell' imperatore bizantino Giovanni V Paleologo in Italia (1369—1371) e l'unione di Roma del 1369. — Studi bizantini e neoellenici, vol. III, 1931, pp. 151—193.

41. Fallmerayer Jacob Philip. — Encyclopaedia of Social Sciences, vol. VI, 1931, pp. 64—65.

42. Finlay George. — Encyclopaedia of Social Sciences, vol. VI, 1931, p. 253.

43. Krumbacher Karl. — Encyclopaedia of Social Sciences, vol. VIII, 1932, p. 605.

44. Economic Relations between Byzantium and Old Russia. — Journal of Economic and Business History, vol. IV, 1932, pp. 314—334.

45. Was Old Russia a Vassal State of Byzantium? — Speculum, vol. VII, 1932, pp. 350—360.

46. Harun-ibn-Yahya and his Description of Constantinople. — Seminarium Kondakovianum, vol. V, 1932, pp. 149—163.

47. Pero Tafur, a Spanish Traveller of the Fifteenth Century and his Visit to Constantinople, Trebizond and Italy. — Byzantion, vol. VII, 1932, pp. 75—122.

48. Justin I (518—527) and Abyssinia. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXXIII, 1933, SS. 67—77.

49. On the Question of Byzantine Feudalism. — Byzantion, vol. VIII, 1933, pp. 584—604.

50. Theodosius I. — Encyclopaedia of Social Sciences, vol. XIV, 1934, pp. 615—616.

51. Theodosius II. — Encyclopaedia of Social Sciences, vol. XIV, 1934, p. 616.

52. Uspensky Fedor Ivanovich. — Encyclopaedia of Social Sciences, vol. XV, 1934, p. 193

53. Vasilievsky Vasily Grigorevich. — Encyclopaedia of Social Sciences, vol. XV, 1934, pp. 231—232.

54. Notes on the History of Trebizond in the Seventh Century. — Εις Μνημην Σ. Λαμπρου. Ἀθῆναι, 1935, pp. 29—34.

55. A Note on Pero Tafur. — Byzantion, vol. X, 1935, pp. 65—66.

56. Jorg of Nürenberg, a Writer contemporary with the Fall of Constantinople (1453). — Byzantion, vol. X, 1935, pp. 205—209.

57. The Foundation of the Empire of Trebizond (1204—1222). — Speculum, vol. XI, 1936, pp. 3—37.

Греческий перевод этой статьи (переводчик — И. Пампукис): Η ιδρυση τῆς Αυτοκρατοριας τῆς Τραπεζουντας 1204—1222. Ἀθῆναι. 1947. (Ποντιακα, I).

58. Expositio totius mundi. An Anonymous Geographic Treatise of the Fourth Century A. D. — Seminarium Kondakovianum, vol. VIII, 1936, pp. 1—39.

59. The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the Eleventh Century. — Annales de l'Institut Kondakov, vol. IX, 1937, pp. 39—70.

60. Preface to the work of Princess N. Andronnikova-Toumanova, Anton Cekhov. The voice of Twilight Russia. New York, 1937.

61. Mesarites as a Source. — Speculum, vol. XIII, 1938, pp. 180—182.

62. Justinian's Digest. In Commemoration of the 1400th Anniversary of the Publication of the Digest (A. D. 533—1933). — Studi bizantini e neoellenici, vol. V, 1939, pp. 711—734.

63. Мои воспоминания о В. Г. Васильевском. — Annales de l'Institut Kondakov, vol. XI, 1940, pp. 207—214.

64. The Empire of Trebizond in History and Literature. — Byzantion, vol. XV, 1940—1941, pp. 316—377.

65. The Life of St. Theodore of Edessa. — Byzantion, XVI, 1942—1943, pp. 165—225.

66. Medieval Ideas of the End of the World: West and East. — Byzantion, vol. XVI, 1942—1943, pp. 462—502.

67. An Edict of the Emperor Justinian II, September 688. — Speculum, vol. XVIII, 1943, pp. 1—13.

68. The Emperor Michael III in Apocryphical Literature. — Byzantina—Metabyzantina, vol. I, 1946, pp. 237—248.

69. The Life of David of Thessalonica. — Traditio, vol. IV, 1946, pp. 115—147.

70. L'entree triomphale de l'empereur Justinien II a Thessalonique en 688. — Orientalia Christiana Periodica, vol. XIII, 1947, pp. 355—368.

71. The «Life» of St. Peter of Argos and its Historical Significance. — Traditio, vol. V, 1947, pp. 163—191.

72. Imperial Porphyry Sarcophagi in Constantinople. — Dumbarton Oaks Papers, vol. 4, 1948, pp. 1—26.

73. The Monument of Porphyrios in the Hippodrome at Constantinople. — Dumbarton Oaks Papers, vol. 4, 1948, pp. 27—49.

74. Opening Address to the First Congress of Byzantino-Slavo-Oriental Studies. — Byzantion, vol. XVIII, 1948, pp. 217—221.

75. The Historical Significance of the Mosaic of Saint Demetrius at Sassoferrato. — Dumbarton Oaks Papers, vol. 5, 1950, pp. 29—39.

76. The Second Russian Attack on Constantinople. — Dumbarton Oaks Papers, vol. 6, 1951, pp. 161—225.

77. Hugh Capet of France and Byzantium. — Dumbarton Oaks Papers, vol. 6, 1951, pp. 227—251.

78. The Iconoclastic Edict of the Calioh Yazid II, A. D. 721. — Dumbarton Oaks Papers, vol. 9—10, 1955—1956, pp. 23—47.

79. Notes on some episods concerning the relations between the Arabs and the Byzantine Empire from the Fourth to the Sixth century. — Dumbarton Oaks Papers, vol. 9—10, 1955—1956, pp. 306—316.

80. Alexandre le Grand, Byzance et l'Islam. — Acts of the Ninth Inter-national Congress of Byzantine Studies at Thessalonica in april 1953.

г) Рецензии, некрологи, обзоры

1. *И. Помяловский.* Житие иже во святых отца нашего Феодора, архиепископа Едесского. — Журнал Министерства народного просвещения, т. CCLXXXVI, 1893, с. 201—210.

2. Библиографический обзор французской и английской литературы. — Византийский временник, т. II, 1895, с. 268—280.

3. Библиографический обзор французской, итальянской и английской литературы. — Византийский временник, т. III, 1896, с. 418—421, 709—715.

4. Библиографический обзор французской, итальянской и английской литературы. — Византийский временник, т. IV, 1897, с. 278—284, 711—726.

5. П. Каллигас. — Византийский временник, т. IV, 1897, с. 313—314.

6. Н. Калогерас. — Византийский временник, т. IV, 1897, с. 314.

7. *Ch. Diehl.* L'Afrique byzantine. — Византийский временник, V, 1898, с. 220—227.

8. *G. Schlumberger.* L'Epopee byzantine a la fin du dixieme siecle, I. — Византийский временник, т. V, 1898, с. 494—508.

9. Библиографический обзор французской, итальянской и английской литературы. — Византийский временник, т. V, 1898, с. 322—335, 778—793.

10. *Ad. Stoll.* Der Geschichtsschreiber Friedrich Wilcken. — Византийский временник, т. VI, 1899, с. 147—152.

11. *G. Rauschen.* Jahrbucher der christlichen Kirche unter dem Kaiser Theodosius dem Grossen. — Византийский временник, т. VI, 1899, с. 152—156.

12. *K. Krumbacher.* Studien zu Romanos. — Византийский временник, т. VI, 1899, с. 468—475.

13. Библиографический обзор французской, итальянской, английской и испанской литературы. — Византийский временник, т. VI, 1899, с. 251—264; 598—613.

14. *R. Roricht.* Geschichte des Konigreichs Jerusalem; *R. Roricht.* Regesta Regni Hierosolymitani. — Византийский временник, т. VII, 1900, с. 152—155.

15. *H. Gelzer.* Sextus Julius Africanus and die byzantinische Chronologie. — Византийский временник, т. VII, 1900, с. 726—732.

16. Библиографический обзор французской, итальянской, английской, испанской, португальской, голландской литературы. — Византийский временник, т. VII, 1900, с. 238—250, 536—571, 781—793.

17. *E. Gerland.* Das Archiv der Herzoge von Kandia. — Византийский сборник, т. VIII, 1901, с. 143—152.

18. *Al. von Milingen.* Byzantine Constantinople. — Византийский сборник, т. VIII, 1901, с. 568—572.

19. Библиографический обзор французской, итальянской, английской, голландской, шведской, финской, испанской литературы. — Византийский временник, т. VIII, 1901, с. 250—267, 656—674.

20. Библиографический обзор французской, итальянской, английской, голландской, финской, испанской литературы. — Византийский временник, т. IX, 1902, с. 243—265.

21. Über die Quellen der ersten vierzehn Bucher des Joannes Malalas. — Византийский временник, т. X, 1903, с. 194—203.

22. *H. Gelzer.* Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. — Византийский временник, т. X, 1903, с. 194—203.

23. *G. Schlumberger.* L'Epopee byzantine a la fin du dixieme siecle, II. — Византийский временник, т. X, 1903, с. 532—535.

24. Библиографический обзор французской, итальянской, английской, голландской, шведской, португальской, немецкой литературы. — Византийский временник, т. X, 1903, с. 239—265, 559—592.

25. *A. Heisenberg.* Analecta. — Византийский временник, т. XI, 1904, с. 115—118.

26. *K. Krumbacher.* Romanos und Kyriakos. — Византийский временник, т. XI, 1904, с. 619—620.

27. *Fr. Westberg.* Die Fragmente des Toparcha Goticus. — Византийский временник, т. XI, 1904, с. 620—622.

28. Библиографический обзор: Россия и Западная Европа (теология, история, география). — Византийский временник, т. XI, 1904, с. 184—193, 229—245, 646—656, 675—685.

29. *Б. А. Панченко.* Крестьянская собственность в Византии. — Журнал Министерства народного просвещения, т. CCCLIX, 1905, с. 444—454.

30. *F. Chaladon.* Essai sur le regne d'Alexis I Comnene. — Византийский временник, т. XII, 1906, с. 266—270.

31. *Ch. Diehl.* Justinien et la civilisation byzantine au Vie siecle. — Византийский временник, XII, 1906, pp. 270—272.

32. Библиографический обзор. Россия и Западная Европа (История и география). — Византийский временник, т. XIII, 1906, с. 336—347, 573—589.

33. Alfred Rambaud. — Византийский временник, т. XIII, 1906, с. 577—579.

34. Барон В. Р. Розен. — Византийский временник, т. XIV, 1907, с. 483—492.

35. *A. J. Butler.* The Arab Conquest of Egypt and the Last Thirty Years of the Roman Domination. — Журнал Министерства народного просвещения, н. с., т. IX, 1907, с. 208—212.

36. *G. Schlumberger.* L'Epopee byzantine a la fin du dixieme siecle, III. — Византийский временник, т. XIV, 1907, с. 390—393.

37. *Ed. Pears.* The Destruction of the Greek Empire and the Story of the Capture of Constantinople by the Turks. — Византийский временник, т. XIV, 1907, с. 393—397.

38. *A. Wachter.* Der Verfall des Griechentums in Kleinasien im XIV. Jahrhundert. — Византийский временник, т. XIV, 1907, с. 397—398.

39. Библиографический обзор. Россия и Западная Европа (История и география). — Византийский временник, т. XIV, 1907, с. 567—580.

40. *Д. Петрушевский.* Очерки из истории средневекового общества и государства. — Журнал Министерства народного просвещения, н. с., т. XVII, 1908, с. 180—185.

41. Библиографический обзор. Россия и Западная Европа. История и география. — Византийский временник, т. XV, 1908, с. 514—522.

42. *П. А. Яковенко.* К истории иммунитета в Византии. — Журнал Министерства народного просвещения, н. с., т. XX, 1909, с. 430—436.

43. K. Krumbacher. — Журнал Министерства народного просвещения, н. с., т. XXV, 1910, с. 88—101.

44. *Н. Адонц.* Армения в эпоху Юстиниана. — Журнал Министерства народного просвещения, н. с., т. XXV, 1910, с. 412—418.

45. Новый труд по истории Византии. *Ю. Кулаковский.* История Византии, I. — Журнал Министерства народного просвещения, н. с., т. XXXIII, 1911, с. 337—351.

46. История Византии. Ответ проф. Ю. Кулаковскому. — Журнал Министерства народного просвещения, н. с., т. XXXVI, 1911, с. 190—195.

47. Несколько заметок по поводу появления статьи Г. Земеля «Э. Долэ в исторической литературе». — Ученые записки Юрьевского университета, т. XX, 1912, № 4, с. 1—16.

48. *J. B. Bury.* A History of the Eastern Roman Empire from the Fall of Irene to the Accession of Basil I (A. D. 802—867). — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXII, 1913, SS. 501—503.

49. *F. Chalandon.* Les Comnenes. Etudes sur l'Empire byzantin au Xie et au XIIe siecles. Jean II Comnene (1118—1143) et Manuel I Comnene (1143—1180). — Византийский временник, т. XXI, 1914, часть 2, с. 1—3.

50. *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи, I. — Вестник Европы, т. XLIX, 1914, с. 389—395.

51. *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи, I. — Журнал Министерства народного просвещения, н. с., т. LV, 1915, с. 227—241.

52. Исторические известия, I, 1916. — Журнал Министерства народного просвещения, н. с., т. LXVII, 1917, с. 219—221.

53. П. А. Яковенко. — Анналы, т. II, 1922, с. 258—259.

54. *Ch. Diehl.* Histoire de l'Empire byzantin. — Анналы, т. II, 1922, с. 271—272.

55. *C. Chapman.* Michel Paleologue, restaurateur de l'Empire byzantin. — Revue de l'Orient Chretien, vol. XXV, 1925—1926, pp. 220—221.

56. *J. Kulischer.* Russische Wirtschaftsgeschichte, I. — American Historical Review, vol. XXXII, 1927, pp. 306—308.

57. *E. Elnett.* History of Origin and Social Development of Family Life in Russia. — American Historical Review, vol. XXXII, 1927, p. 911.

58. *A. Andreades.* Ιστορια τῆς ελληνικῆς δημοσιας οικονομιας απο τῶν ηροικῆν χρονων μεχρι τῆς συστασεως του Ελληνικοῦ Βασιλειου (Συστημα Δημοσιας Οικονομιας, τ. Α′, μ. Β′). — Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher, Bd. V, 1926—1927, SS. 442—444.

59. *M. Canard.* Les expeditions des Arabes contre Constantinople dans l'histoire et dans la legende. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXVIII, 1928, SS. 142—143.

60. *В. Н. Златарски.* История на Българската държава презъ средните векове, I, 2. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXVIII, 1928, SS. 407—411.

61. *E. Stein.* Geschichte des spatromischen Reiches, I. — American Historical Review, vol. XXXVII, 1932, pp. 90—91.

62. *F. W. Buckler.* Harunu'l Rashid and Charles the Great. — American Historical Review, vol. XXXVII, 1932, pp. 583—584.

63. *G. Mickwitz.* Geld und Wirtschaft im romischen Reich des 4ten Jahrhunderts n. Chr. — Classical Philology, vol. XXIX, 1934, pp. 259—261.

64. *W. Hartke.* De saeculi quarti exeunti historiarum scriptoribus quaestiones. — Classical Philology, vol. XXIX, 1934, p. 173.

65. *M. Spinka.* A History of Christianity in the Balkans. — The Journal of Religion, vol. XIV, 1934, p. 213.

66. V. N. Zlatarski. — Seminarium Kondakovianum, vol. VIII, 1936, pp. 280—282.

67. *G. Millet, D. Talbot Rice.* Byzantine Painting at Trebizond. — Classical Weekly, vol. XXX, 1937, p. 238.

68. *Ch. Diehl, G. Marçais.* Le Monde oriental de 395 a 1081. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher, Bd. XIII, 1937, SS. 114—119.

69. *М. В. Левченко.* История Византии. Краткий очерк. — Byzantion, vol. XV, 1940—1941, pp. 489—495.

70. A la memoire de Charles Diehl. — Byzantion, vol. XVII, 1944—1945, pp. 414—417.

71. *S. Der Nersessian.* Armenia and the Byzantine Empire. — Speculum, vol. XX, 1945, pp. 491—494.

72. *М. В. Левченко* (изд.). Византийский сборник. — Speculum, vol. XXII, 1947, pp. 95—100.

73. *G. G. Arnakis.* The Early Osmanlis. A Contribution to the Problem of the Fall of Hellenism in Asia Minor (1282—1337). — American Historical Review, vol. LIV, 1948, pp. 183—184.

74. *W. Ohnsorge.* Das Zweikaiserproblem im fruheren Mittelalter: Die Bedeutung des byzantinischen Reiches fur die Entwicklung der Staatsidee in Europa. — American Historical Review, vol. LIV, 1948, p. 411.

75. *A. Pigagnol.* L'Empire chretien (325—395). — Classical Philology, vol. XLIII, 1948, pp. 51—52.

76. *K. M. Setton.* Catalan Domination of Athens, 1311—1388. — Speculum, vol. XXIV, 1949, pp. 298—300.

77. *L. Brehier.* Le Monde Byzantin, II. «Les Institutions de l'Empire Byzantin». — American Historical Review, vol. LV, 1949, pp. 107—108.

78. *D. Obolensky.* The Bogomils: A Study in Balkan Neo-Manichaeism. — American Historical Review, vol. LV, 1949, p. 657.

79. *E. Stein.* Histoire du Bas-Empire, II. — Speculum, vol. XXVI, 1951, pp. 211—215.

3. Предисловия

Предисловие к книге — Лекции по истории Византии. Том I. Время до эпохи Крестовых походов (до 1081 года). Петроград, 1917.

Главной причиной напечатания моих Лекций по истории Византии является желание дать в руки студентов и курсисток учебное пособие общего характера в данной области. До сих пор еще не было общего очерка истории Византии, написанного русским ученым. Переведенная с немецкого языка «История Византии» Герцберга уже довольно давно вышла из продажи. Переведенный же также с немецкого «Очерк *политической истории Византии*» Гельцера, которым, к крайнему сожалению, в последние годы экзаменующиеся вынуждены были пользоваться, представляет собой конспективное, сухое, мало обработанное, местами без нужды тенденциозное изложение фактов с массой хронологических дат, преследующее справочную цель; эта книга ничего общего с учебным пособием не имеет и может в качестве экзаменационного пособия лишь вызвать отвращение к предмету. Вышедшие в последние годы обширные труды по истории Византии русских ученых, а именно: три тома Ю. А. Кулаковского и один том Ф. И. Успенского, преследуют иные цели; для учебного руководства они чересчур обширны: вышедшие тома доходят лишь до начала VIII века. Больший период времени охватывает том Лекций по истории Византии С. Шестакова, доводящий изложение до 800 года.

Первоначально у меня было намерение в одном томе изложить судьбы Византии на всем протяжении ее истории вплоть до падения Константинополя в 1453 году. Но оказавшиеся сложности работы над историей позднейшего времени Византии надолго задержали бы появление книги. Тогда я и решил напечатать пока первый том, в котором изложение доводится до эпохи крестовых походов.

Рассматривая историю условно называемой Византийской империи как непосредственное продолжение империи Римской, я начинаю изложение с IV века, когда империя из языческой превращается в христианскую, когда она получает новый политический центр в виде Константинополя, когда внутри ее совершается крупная реформа Диоклетиана и Константина и когда, наконец, благодаря варварским вторжениям начинает видоизменяться племенной состав государства.

Во внимание приняты мною не только события внешней истории, но и главнейшие явления жизни внутренней. Ввиду того, что в основу лекций был положен принцип изложения событий по эпохам и династиям, т. е. принцип хронологический, приходилось часто при изображении тех или иных процессов внутренней жизни

их разбивать, останавливаясь в одной главе и возобновляя изложение данного процесса в другой, что, конечно, неблагоприятно отзывалось на наглядности и ясности уразумения самого процесса. Замечаю я и неравномерность в изложении тех или иных явлений. Невольно выходило, что явления, которыми мне приходилось заниматься больше, изложены подробнее, чем другие. Некоторая элементарность даваемых иногда сведений объясняется первоначальным ее заданием.

Библиография дается в конце глав лишь общая; для более подробных библиографических справок указаны пособия в конце первой главы. Для большего удобства в конце книги приложены хронологическая таблица наиболее важных дат и генеалогические таблицы византийских государей. Ввиду трудных условий печатания пришлось, к великому сожалению, отказаться пока от столь необходимых для подобной книги исторических карт.

Выпуская не без колебаний в свет этот первый опыт русского ученого охватить в одном томе историю Византии до эпохи крестовых походов, я понимаю всю сложность и трудность задачи и заранее предвижу в книге целый ряд недостатков, сложностей и ошибок, за указание которых буду глубоко благодарен критике.

Петроград, 25 мая 1917 г.

* * *

Предисловие к книге — История Византии. Византия и Крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081—1185) и Ангелов (1185—1204). Петербург, 1923.

В великом средневековом движении крестовых походов, повлекшем за собой целый ряд политических, экономических, религиозных и вообще культурных изменений как на Западе, так и на Востоке, поставившем миру новые запросы и открывшем человечеству неожиданные перспективы, Византии выпало на долю играть трудную и неблагодарную роль посредствующего звена, которое, получая удары с востока от все усиливавшихся сельджукских турок, в то же время подвергалось смертельной опасности со стороны западных ополчений. В то время как для Западной Европы эпоха крестовых походов была началом новой эры ее жизни, для Византии та же эпоха знаменовала собою начало ее упадка и, по мере развития крестоносных движений, выявляла все яснее и яснее роковые симптомы трагической гибели империи греческих василевсов.

Крестовые походы особенно тяжело и остро отразились на двух сторонах византийской жизни — на политической и экономической. В политическом отношении постепенно и сравнительно быстро выродившаяся идея крестоносных предприятий привела крестоносные полчища к стенам Константинополя, который и перешел в руки латинских завоевателей. Византийская империя с центром в Константинополе в 1204 году прекратила свое существование, а вышедшее из Малой Азии восстановление Византии и обратное отвоевание из рук латинян Константинополя в 1261 году не создало в государстве Палеологов прежней мировой державы, а имело результатом лишь создание небольшого, слабого «эллинского» государства местного значения.

С другой стороны, экономическая мощь и значение Византии, основанные на выгодной роли экономического посредника между Западом и Востоком, со времени крестовых походов исчезли, так как Западная Европа и мусульманский Восток, столкнувшись лицом к лицу друг с другом, завязали прямые, столь насущные для обеих сторон торговые связи и в посреднике более уже не нуждались.

Большой и живой интерес представляет вопрос вообще о византийской культуре в эпоху крестовых походов, когда социальные условия жизни, религиозные интересы и задания, литературные веяния и направления менялись и принимали иногда новые формы от взаимодействия византийских и западных влияний.

Имея в виду напечатать ряд отдельных монографий по различным эпохам истории Византии, долженствующих охватить в главных чертах весь ход истории этого государства до момента его трагической гибели, я в настоящем первом очерке и ставлю своей задачей ознакомить читателя с внешним и внутренним положением Византии в эпоху крестовых походов и, по возможности, выяснить отношение восточной империи к крестовым движениям.

Считаю своим долгом искренне поблагодарить издательство «Academia», давшее мне возможность напечатать мою книжку в серии своих столь полезных для культурной жизни России изданий.

* * *

Предисловие к книге — История Византии. Латинское владычество на Востоке. Петроград, 1923.

Настоящая монография, являясь второй в предпринятой издательством «Academia» серии монографий по истории Византии, посвящена эпохе латинского владычества на Востоке после четвертого крестового похода, — т. е. времени с 1204 по 1261 год, когда

Михаилом Палеологом была восстановлена Византийская империя. Это было время, когда два мира, западный и восточный, столкнувшись между собой, создали в длительном взаимном общении на христианском Востоке сложные и интересные условия международной политической, экономической, религиозной и культурной жизни. В задачу настоящей монографии и входит дать в главных, существенных чертах, историю этой эпохи.

В эту же монографию я счел наиболее удобным поместить главу о феодализме в Византии, так как именно в эпоху латинского владычества западные феодалы, перенесшие устои своей жизни на восточную почву, познакомились с феодализирующими процессами, совершавшимися уже в недрах империи греческих василевсов, следствием чего было, что оба эти элемента, западный и восточный, создали оригинальную обстановку позднесредневековой, византийско-романской культуры.

16 июня 1923 г. Петроград.

* * *

Предисловие к книге — История Византии. Падение Византии (1261—1453). Ленинград, 1925.

Настоящая монография по истории Византии излагает последние судьбы политически и экономически умиравшей империи греческих василевсов, т. е. одну из самых захватывающих драм всемирной истории. Ни уния с Римом, ни помощь, правда очень незначительная, Запада, ни тонкая, подчас вынужденно заискивающая и унизительная политика Палеологов перед султанами не могли спасти одряхлевший организм империи.

Константинополь, как прежде, привлекал к себе внимание и возбуждал честолюбивые замыслы у сильных соседей; причем того, чего не смогли добиться Карл Анжуйский в XIII и Стефан Душан в XIV веке, достиг молодой и энергичный Мухаммед II в XV веке.

Византия пала. Но ее культурное дело в отношении средневекового Запада, южнославянских стран и России, Румынии и Ближнего, особенно кавказского и мусульманского, Востока не умерло.

Я намеренно пока оставляю в стороне общее суждение о значении Византии в мировой истории, так как подобная задача заслуживает отдельной монографии, которая должна иметь в виду не только ту или иную эпоху истории Византии, а весь ход ее истории, как внешней, так и внутренней, со всеми сложными процессами ее политической, социальной, экономической и общекультурной жизни.

4 февраля 1924 г.

* * *

Предисловие к первому американскому изданию. History of the Byzantine Empire by A. A. Vasiliev. Vol. I. From Constantine to the Epoch of the Crusades (A. D. 1081). Translated from the Russian by Mrs. S. Ragozin. Madison, 1928. (*перевод научного редактора*)

Первый том моей книги по истории Византии, который появился в России в 1917 году, был напечатан в последние месяцы царской России и в первые дни первой революции. Этот том появился летом 1917 г. под заголовком «Лекции по истории Византии. Том I. Время до эпохи Крестовых походов (до 1081 года)».

С тех пор прошло десять лет. Эти годы были в области византинистики удивительно богаты на блестящие работы. Когда в 1926 году благодаря любезности Висконсинского университета этот перевод стал возможным, я столкнулся с трудностью. Мне казалось очень неразумным переводить эту книгу в той форме, в какой она была опубликована в 1917 году, так как теперь она была совершенно устарелой. Кроме того, русское издание было совершенно лишено примечаний. Я поэтому снабдил этот английский перевод примечаниями, обновил книгу, насколько это было возможно, и добавил разделы по литературе, образованию и искусству. В моих ссылках на литературу и в библиографии я, как кажется, указал самые основные работы и самые последние публикации. Попытка создавать более или менее полную библиографию по всей византийской истории не входила, естественно, в мои задачи.

Следовательно, это английское издание не является просто переводом моего русского тома, но полной его переработкой. В некоторых местах это совершенно новая книга.[1]

В моем изложении я следовал хронологическому изложению событий, разделив книгу на шесть глав. Как любая другая схема, хронологическая схема построения этой книги является, конечно, только пробной, и я полностью отдаю себе отчет в том, что иногда она ведет к серьезным неудобствам. Внешняя история страдает от такой схемы только минимально, однако в изложении внутренней истории она ведет к тому, что части одного и того же последовательного процесса оказываются разнесенными в разные главы, что ведет к двусмысленностям, фрагментарности и повторам. Это, как будет видно, случилось при описании таких процессов, как рас-

---

[1] Как уже отмечалось выше, в этом утверждении А. А. Васильев прав и неправ одновременно. Примечания, вставки и новые разделы делают книгу новой. Большой процент текстуальных совпадений свидетельствует о том, что суть книги, несмотря на все усовершенствования, не менялась.

пространение славян на Балканах, возникновение и развитие фемного строя и в рассказе о печенегах в XI веке.

Из ученых, писавших рецензии на эту книгу в русских или западноевропейских периодических изданиях, я особенно благодарен двум моим уважаемым коллегам — В. В. Бартольду,[1] члену Академии наук СССР *, и Луи Брейе, профессору университета в Клермон-Ферране во Франции, [2] — которые увидят, просмотрев английское издание, сколь полезным был их комментарий, которому я тщательно следовал.

Госпожа С. М. Рагозина, которая перевела мою книгу, сделала это с удивительной сознательностью, за которую я ей глубоко признателен.

Профессору Х. Б. Латропу (H. B. Lathrop) из Висконсинского университета за его участие в этом деле я обязан больше, чем могу сказать. С неутомимой любезностью он просматривал и корректировал рукопись, делая ценные замечания, которые были с пользой вставлены. Такая помощь, которую я видел от профессора Латропа, не может быть забыта и я прошу его принять мою самую искреннюю благодарность.

Висконсинский университет не только оплатил стоимость перевода, но даже публикует этот том как один из выпусков университетских исследований.** В качестве скромного знака моей признательности я хочу воспользоваться случаем и посвятить этот том Висконсинскому университету, который — за короткое время моего пребывания в Мадисоне — я научился любить и уважать.

Мадисон, Висконсин
15 мая 1927 г.

---

[1] Его рецензия была опубликована в «Записках Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук» (Л., 1925, т. I, с. 461—481). (*Примечание А. А. Васильева.*)

* А. А. Васильев делает здесь необходимое для англоязычного читателя уточнение, не вполне точное для человека, знакомого с российской действительностью. Это вызвало необходимость известной редактуры текста. А. А. Васильев пишет про В. В. Бартольда — member of the Academy of Science at Leningrad, Russia. (Здесь и далее * отмечены примечания научного редактора.)

[2] Его рецензия опубликована в Revue Historique, vol. CXXXIX, 1921, pp. 64—68. (*Примечание А. А. Васильева.*)

** На титульном листе обоих томов первого американского издания работы стоит следующая надпись — University of Wisconsin Studies in the Social Sciences and History, n. 13 (первый том), n. 14 (второй том).

* * *

Предисловие Шарля Диля к французскому изданию *A. A. Vasiliev.* Histoire de l'Empire Byzaitin. Traduit du russe par P. Brodin et A. Bourguina. Preface de M. Ch. Diehl de l'Institut. Tome I (324—1081). Paris, 1932. (*перевод научного редактора*)

История Византийской империи была за последние 30—40 лет почти полностью обновлена. Были открыты важные документы, относящиеся ко многим периодам ее истории. Значительные исследования рассмотрели различные периоды с необходимой научной обстоятельностью. Нам, однако, не хватало общей истории Византийской империи, которая использовала бы эти исследования и с учетом новейших результатов изложила бы полным образом судьбы и эволюцию монархии василевсов. Работы общего плана, предпринятые в России Ю. А. Кулаковским и Ф. И. Успенским, остались незавершенными. Первая останавливается на 717 годе, вторая — в том виде, в каком она опубликована сейчас, — на конце IX века. Ценные работы Бьюри относились только к сравнительно коротким периодам византийской истории. Общие обзоры, которые составили Гельцер, Йорга, Норман Бейнз и к которым — думаю, меня извинят — я добавлю свой собственный, были только лишь популярными работами, не бесполезными, наверное, но, бесспорно, достаточно общего характера.

Это была, таким образом, очень счастливая идея, что пришла в 1917 году А. А. Васильеву,[1] опубликовать первый том «Истории Византийской империи», — в котором он доходил до 1081 года, — дополненный между 1923 и 1925 гг. вторым томом в трех выпусках, где события были доведены до падения империи в 1453 г. Однако эта работа была написана по-русски, на языке, который многие люди, и даже среди византинистов, на Западе знают плохо или не знают вовсе. Вот почему оказалось очень своевременным желание А. А. Васильева дать в 1928—1929 гг. английский перевод своей книги, который на деле, вследствие того объема работы, который автор вложил в переработку, исправление и дополнение книги, стал почти что полностью новым сочинением. И так как во французское издание, каковое имею удовольствие представить читателю, А. А. Васильев вложил такое же заботливое внимание, можно на деле сказать, что это сочинение отражает на 1931 год точное состояние и полную библиографию наших знаний о Византии.

---

[1] Тогда — профессору университета в Петрограде, теперь — профессору университета в Мадисоне (Висконсин). (*Примечание Ш. Диля.*)

И это уже само по себе достаточно для того, чтобы охарактеризовать значимость работы.

Нужно ли добавлять, что А. А. Васильев всеми своими работами был прекрасно подготовлен для написания такого труда? С 1901—1902 гг. он заставил узнать себя благодаря важной двухтомной работе «Византия и арабы в эпоху Аморийской и Македонской династий». Он опубликовал, кроме того, с французским переводом важные тексты — «Всемирную историю», которую написал по-арабски в X в. Агапий Манбиджский, и такое значительное сочинение, как «История Йахйи Антиохийского (XI в.)». Зная, кроме того, — совершенно естественно — русский язык и способный таким образом использовать все столь значительные работы, опубликованные по-русски по византийской истории, он был приспособлен лучше, чем кто-либо, для написания этой общей истории, которую он осуществил и французский перевод которой сейчас выходит в свет.

Здесь не место анализировать даже кратко эти два тома. Я хотел бы отметить только некоторые их черты. Прежде всего, это введение, образуемое первой главой, где примерно на пятидесяти страницах весьма интересно и взвешенно изложено развитие византинистики от Дюканжа до наших дней на Западе и в России. С другой стороны, хочу отметить две длинные главы, которые завершают второй том, — о Никейской империи и об эпохе Палеологов. Для других периодов истории, рассматриваемых им, Васильев имел ценную литературу. Здесь же, наоборот, для периода XIII, XIV и XV вв., еще столь неполно изученных, задача была гораздо более трудоемкой и сложной. Вот почему «История» Васильева оказывает большую услугу, внося в эту сложную эпоху немножко порядка, точности и ясности.

Таковы же особенности и всей работы в целом, что и сделает ее ценной даже для читателей, мало знакомых с событиями византийской истории. Нужно также поблагодарить госпожу А. Бургину и господина П. Бродина за их прекрасный перевод, предоставивший в распоряжение французской публики и особенно студентов университета книгу, которой нам не хватало и которая доносит до нас наилучшим образом новейшие результаты науки византийских исследований.

Шарль Диль

* * *

Предисловие ко второму американскому изданию. *A. A. Vasiliev*. History of the Byzantine Empire. 324—1453. Madison, 1952 (*перевод научного редактора*)

Моя «История Византийской империи», которая теперь выходит в новом английском издании, имеет весьма длинную историю. Ее исходный текст был опубликован в России, по-русски. Первый том был в печати в последние месяцы существования императорской России и в первые дни первой революции и вышел в свет в 1917 году без примечаний под заголовком «Лекции по истории Византии (до Крестовых походов)». Второй том в трех выпусках «Византия и крестоносцы», «Латинское владычество на востоке», «Падение Византии» был опубликован в 1923—1925 гг., и был снабжен ссылками на литературу и источники. Русское издание сейчас совершенно устарело.

Первое английское издание вышло двадцать три года назад (1928—1929) в двух томах в серии исследований Висконсинского университета. Оно основывалось на тексте русского оригинала, который я полностью пересмотрел, дополнил и обновил. Это издание уже давно стало библиографической редкостью и практически недоступно.

В 1932 г. я пересмотрел и значительно расширил текст для французского издания, которое появилось в Париже в том же году. Оно уже тоже практически недоступно. Позже я сделал несколько изменений для испанского издания, которое вышло в свет в Барселоне в 1948 г. Турецкое издание первого тома работы вышло в свет в Анкаре в 1943 г.; это перевод с французского издания. Выпущенное в достаточном количестве, это издание полностью недоступно, так что даже я, автор, не имею своего экземпляра и видел это издание только в Библиотеке Конгресса.

Второе английское издание базируется на французском издании. Однако с 1932 г., с момента появления французского издания, прошло 19 лет и за это время появилось много ценных работ, которые необходимо было учесть при подготовке нового издания. В 1945 г., в соответствии с желанием Висконсинского университета, я пересмотрел заново текст для нового издания и даже добавил раздел о византийском феодализме. Этот пересмотр, однако, был сделан в 1945 г., и в течение 1945—1951 гг. появились новые важные исследования. Я старался сделать все возможное для того, чтобы сделать необходимые дополнения, однако эта работа шла спорадически, не систематически и боюсь, что есть много существенных лакун в том, что касается работ самого последнего периода.

В течение последних двух лет мой бывший студент, а ныне известный профессор университета Ратгерса (Rutgers University) Питер Харанис очень помог мне, особенно в том, что касается библиографии, и это моя обязанность и удовольствие выразить ему мою глубокую признательность. Как я говорил в предисловии к первому английскому изданию, в мою задачу не входило давать полную библиографию изучаемых сюжетов, так что и в тексте, и в библиографии я даю ссылки только на самые важные и новейшие публикации.

Полностью сознавая, что хронологическая схема построения моей книги иногда представляет серьезные трудности, я не изменил ее в этом издании. Если бы я так поступил, мне пришлось бы писать совершенно новую книгу.

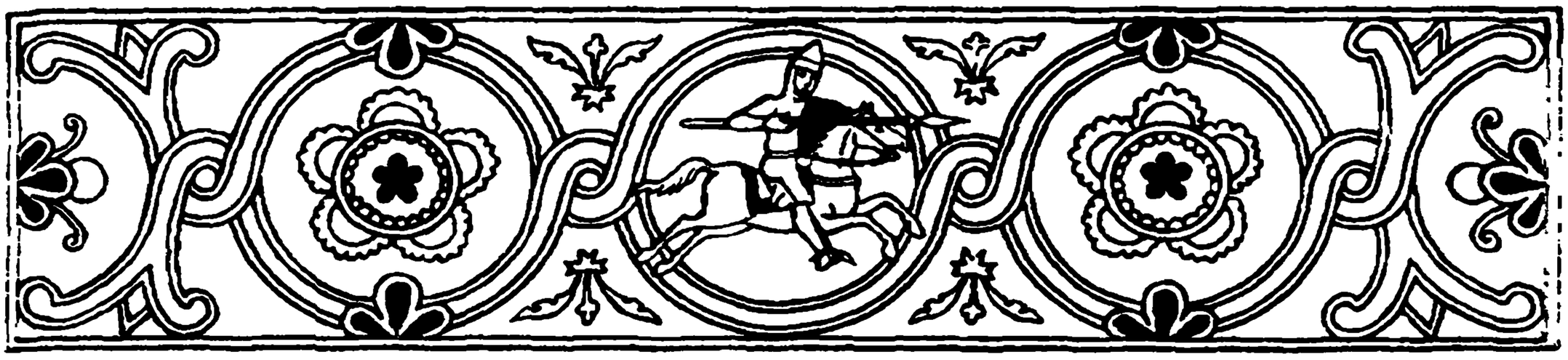
Я выражаю сердечную благодарность господину Роберту Л. Рейнолдсу (Robert L. Reynolds), профессору истории Висконсинского университета, а также географического отдела Висконсинского университета, который был весьма любезен и сотрудничал с издателями этой книги по подготовке карт. Я хочу также выразить мою искреннюю благодарность госпоже Эдне Шепард Томас (Ednah Shepard Thomas), которая с удивительным усердием просмотрела рукопись и исправила несоответствия моего английского. Наконец, я хочу поблагодарить господина Кимона Т. Джокариниса (Kimon T. Giocarinis) за непростую работу по составлению индекса к этой книге.

А. А. Васильев

Dumbarton Oaks
Harvard University
Washington, D. C.

История Византии

том I. Время до Крестовых походов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Очерк разработки истории Византии

1) Краткий очерк разработки истории Византии на Западе

Начало разработки. Эпоха итальянского Возрождения главным образом увлекалась произведениями классической греческой и римской литературы. Византийской литературы в Италии в то время почти не знали и знакомиться с ней не стремились. Но постоянные поездки на восток за греческими рукописями и изучение греческого языка невольно заставляли мало-помалу отказываться от пренебрежительного отношения к средневековой греческой литературе. Первоначальное знакомство с писателями как классическими, так и византийскими сводилось к переводу греческого текста на латинский язык. Однако в XIV—XV веках интерес к византийской литературе проявляется лишь случайно и совершенно поглощается интересом к классическому миру.

Но уже в XVI веке и начале XVII отношение к византийской истории и литературе меняется, и целый ряд византийских авторов, правда довольно случайных и неодинаковых по значению, издается в Германии (напр., Иеронимом Вольфом), Нидерландах (Меурсием) и Италии (двумя греками — Алеманном и Алляцием).

Роль Франции. Время Дюканжа. Настоящей же основательницей научного византиноведения является Франция XVII века. Когда французская литература в блестящую эпоху Людовика XIV стала образцом для всей Европы, когда короли, министры, епископы и частные лица наперебой основывали библиотеки, собирали рукописи и осыпали знаками своего внимания и уважения ученых, тогда и занятия византийским временем нашли во Франции почетное место.

В начале XVII в. Людовик XIII перевел на французский язык наставления диакона Агапита императору Юстиниану. Кардинал Мазарини, будучи любителем книг и неутомимым собирателем рукописей, создал богатую библиотеку с многочисленными греческими рукописями, перешедшую после смерти кардинала в парижскую королевскую библиотеку (теперь Национальная библиотека), настоящим основателем которой был в XVI веке король Франциск I.

Знаменитый министр Людовика XIV, Кольбер, который заведовал также и королевской библиотекой, употреблял все усилия на умножение ученых сокровищ библиотеки и на приобретение рукописей за границей. Богатое частное книгохранилище Кольбера, где было собрано им немало греческих рукописей, было куплено королем в XVIII веке для королевской библиотеки. Кардинал Ришелье основал королевскую типографию в Париже (Луврская типография), которая должна была достойным образом издавать выдающихся писателей. Королевские греческие шрифты для печатания отличались красотой. Наконец, в 1648 году, под покровительством Людовика XIV и Кольбера, из королевской типографии вышел первый том первого собрания византийских историков; на протяжении времени до 1711 года вышли 34 тома in folio этого удивительного для своего времени и до сих пор еще не вполне замененного издания. В год появления первого тома парижского собрания французский ученый издатель Лаббе (Labbe, Labbaeus) напечатал воззвание (Protrepticon) к любителям византийской истории, в котором он говорил об особенном интересе этой истории восточной греческой империи, «столь удивительной по количеству событий, столь привлекательной по разнообразию, столь замечательной по прочности монархии»; он с жаром убеждал европейских ученых отыскивать и издавать документы, погребенные в пыли библиотек, обещая всем сотрудникам этого великого дела вечную славу, «более прочную, чем мрамор и медь».[1]

Во главе ученых сил Франции XVII века стоял знаменитый ученый Дюканж (1610—1688), разнообразные и многочисленные труды которого сохранили свою силу и значение до наших дней. Историк и филолог, археолог и нумизмат, Дюканж во всех этих научных областях выказал себя необыкновенным знатоком и неутомимым работником, прекрасным издателем и тонким исследователем. Он родился в Амьене в 1610 году и был послан отцом в колледж иезуитов. После нескольких лет в Орлеане и Париже в качестве юриста он вернулся в родной город, женился и был отцом десяти детей. В 1668 году, вынуждаемый эпидемией чумы покинуть Амьен, он обосновался в Париже, где и жил до своей смерти 23 октября 1688 г. Достойно удивления, что в возрасте сорока пяти лет он еще ничего не опубликовал и его имя было мало известно за пределами Амьена. Все гигантское научное наследие было создано им в последние тридцать три года его жизни. Перечень его трудов выглядел бы невероятным, если бы оригиналы, все написанные его собственной рукой, не сохранились бы до наших дней. Его биограф пишет: «Один ученый XVIII века воскликнул

---

[1] *Ph. Labbe*. De byzantinae historiae scriptoribus ad omnes per omnes eruditos προτρεπτικον. Paris, 1648, pp. 5—6.

в парадоксальном взрыве энтузиазма: „Как можно столько прочесть, столько обдумать, столько написать и пятьдесят лет быть женатым и отцом многочисленного семейства?“».[1]

Из трудов Дюканжа, касающихся византийской истории, необходимо отметить следующие: «История Константинопольской империи при французских императорах» («Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français»; в конце своей жизни он переработал это сочинение, увидевшее свет во втором издании лишь в XIX веке); «О византийских фамилиях» («De familiis byzantinis»), где собран богатейший генеалогический материал, и «Христианский Константинополь» («Constantinopolis Christiana»), где сведены точные и подробные сведения о топографии Константинополя до 1453 года. Оба эти сочинения носят одно общее заглавие «Historia Byzantina duplici commentario illustrata». Затем, имея от роду уже более семидесяти лет, Дюканж издал в двух томах in folio «Словарь средневекового греческого языка» («Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis»), труд, по словам русского византиниста В. Г. Васильевского, «беспримерный, над которым, казалось, должно было бы работать целое многочисленное общество ученых».[2] Глоссарий Дюканжа до сих пор остается необходимым пособием для всех занимающихся не только византийской, но и вообще средневековой историей. Дюканжу также принадлежат образцовые издания с глубоко научными комментариями целого ряда важных византийских историков. Немалое значение для византийского времени имеет гигантский труд Дюканжа «Словарь средневековой латыни» в трех томах in folio («Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis»). После длительной жизни с идеальным здоровьем Дюканж неожиданно заболел в июне 1688 г. и умер в октябре в возрасте 78 лет, окруженный семьей и друзьями. Он был похоронен в церкви Сен-Жерве (Saint-Gervais). От могилы его не осталось и следа. Одна узкая и отдаленная улица в Париже до сих пор называется «улица Дюканжа».[3]

---

[1] *L. Feugere*. Étude sur la vie et les ouvrages de Ducange. Paris, 1852, p. 9.

[2] *В. Г. Васильевский*. Обзор работ по византийской истории. СПб., 1890, с. 139. См. также письма издателя Жана Амиссиона (Jean Amission) к Дюканжу: *H. Omont*. Le Glossaire du Du Cange. Lettres l'Amission a Du Cange relatifs a l'impression du Glossaire (1682—1688). — Revue des etudes grecques, V, 1892, pp. 212—249.

[3] См.: *Feugere*. Op. cit., p. 67—71. Весьма интересное письмо с описанием его болезни и смерти написано современным ему исследователем Этьеном Балюзом (Étienne Baluze). Оно опубликовано в боннском издании Chronicon Paschale (II, 67—71). Удовлетворительной биографии Дюканжа не существует.

Другие французские исследователи. Но великий Дюканж работал не один. Мабильон издал в его время свой бессмертный труд «Дипломатику», создавший совершенно новую науку о документах и актах. В самом начале XVIII века Монфокон издал свое капитальное, не потерявшее значения до сих пор, произведение «Греческую палеографию». К первой же половине XVIII века относится большое сочинение поселившегося в Париже бенедиктинца Бандури «Восточная империя» («Imperium Orientale»), где собрано громадное количество историко-географического, историко-топографического и археологического материала византийского времени, и капитальный труд доминиканца Лекьена (Le Quien) «Христианский Восток» («Oriens christianus»), где собраны богатейшие сведения по истории, особенно церковной, христианского Востока.[1]

Таким образом, до половины XVIII века Франция стояла, безусловно, во главе византиноведения, и многие труды ее ученых сохранили значение до наших дней.

XVIII век и время Наполеона. Однако в том же веке обстоятельства изменились. Франция, вступив в просветительскую эпоху XVIII века, с ее отрицанием прошлого, со скептицизмом в области религии и с критикой монархической власти, не могла уже более интересоваться Византией. Вся средневековая история рисовалась тогда как «готическая», «варварская» эпоха, как источник мрака и невежества. Никогда серьезно не занимаясь византийской историей, но видя лишь ее внешнюю, временами чисто анекдотическую сторону, лучшие умы XVIII века давали суровые отзывы о средневековой греческой империи. Вольтер, осуждая вообще римскую историю императорского периода, прибавляет: «Существует другая история, еще более смешная (ridicule), чем история римская со времени Тацита: это — история византийская. Этот недостойный сборник (recueil) содержит лишь декламацию и чудеса; он является позором человеческого ума».[2] Монтескье, серьезный историк, о котором речь будет ниже, писал, что, начиная с начала VII века, «история греческой империи... есть не что иное, как непрерывная цепь возмущений, мятежей и предательств».[3] Под влиянием идей XVIII века писал и знаменитый английский историк Гиббон, о

---

[1] См.: *J. U. Bergkamp.* Dom Jean Mabillon and the Benedictine Historical School of Saint-Maur. Washington (D. C.), 1928, c. 116—119 (богатая библиография); *S. Salaville.* Le second centenaire de Michel Le Quien (1733—1933). — Échos d'Orient, XXXII, 1933, pp. 257—266; *J. W. Thompson.* The Age of Mabillon and Montfaucon. — American Historical Review, XLVII, 1942, pp. 225—244.

[2] *F.-M. Voltaire.* Le pyrrhonisme de l'histoire, par un bachelier en theologie, chap. XV. Édition Beuchot, 1768, t. XLIV, p. 429.

[3] *Ш. Монтескье.* Размышления о причинах величия и падения римлян. В кн.: *Ш. Монтескье.* Избранные произведения. М., 1955, с. 142.

котором также будет сказано ниже. Во всяком случае, отрицательный и пренебрежительный тон в отношении к истории Византии, выработавшийся во второй половине XVIII века, пережил время революции и сохранился в начале XIX века. Известный немецкий философ Гегель (1770—1831) писал, например, в своих «Лекциях по философии истории»: «Таким образом, Византийская империя страдала от внутренних раздоров, вызываемых всевозможными страстями, а извне вторгались варвары, которым императоры могли оказывать лишь слабое сопротивление. Государству всегда угрожала опасность, и в общем оно представляет отвратительную картину слабости, причем жалкие и даже нелепые страсти не допускали появления великих мыслей, дел и личностей. Восстания полководцев, свержение императоров полководцами или интригами придворных, умервщление императоров их собственными супругами или сыновьями путем отравления или иными способами, бесстыдство женщин, предававшихся всевозможным порокам, — таковы те сцены, которые изображает нам здесь история, пока наконец дряхлое здание Восточной римской империи не было разрушено энергичными турками в середине XV века (1453)».[1]

На Византию, как на пример, которому не подобало следовать, ссылались государственные люди. Так, Наполеон I, в эпоху ста дней, в июне 1815 года отвечал палатам такими словами: «Помогите мне спасти отечество... Не будем подражать примеру Византийской империи (n'imitons pas l'exemple du Bas-Empire), которая, будучи теснима со всех сторон варварами, сделалась посмешищем потомства, занимаясь тонкими спорами в то время, когда таран разбивал городские ворота».[2]

К половине XIX века отношение к средневековью в научных сферах меняется. После бурь революционного времени и наполеоновских войн Европа иначе взглянула на средневековье. Появился серьезный интерес к изучению этой «готической, варварской» истории; пробудился интерес и к изучению средневековой византийской истории.

Монтескье. Еще в первой половине XVIII века знаменитый представитель французской просветительной литературы Монтескье (1689—1755) написал «Рассуждения о причинах величия и падения римлян» (Considerations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur decadence»; вышли в 1734 году). В первой части этой книги дан краткий, интересно задуманный и талантливо испол-

---

[1] *Г. В. Ф. Гегель.* Лекции по философии истории. Перевод Л. М. Водена. СПб., 1993, с. 357, 2-е изд.

[2] «Moniteur», 13 juin 1815. См. также: *H. Houssaye.* 1815. Vol. I. La Premiere Restauration; le retour de l'île d'Elbe; les cent jours. Paris, 1905, pp. 622—623.

ненный, под влиянием, конечно, идей XVIII века, очерк развития римской истории, начиная с основания Рима, тогда как последние четыре главы труда посвящены византийскому времени. Изложение завершается взятием Константинополя турками в 1453 году. Уже из этого видно, что Монтескье придерживался совершенно правильного взгляда, что так называемая история Византии есть не что иное, как прямое продолжение римской истории. По его собственным словам, он со второй половины VI века лишь стал называть Римскую империю «империей Греческой». С чрезмерной суровостью относится Монтескье к истории этой империи. С одним из его суждений мы уже познакомились. В представлении знаменитого писателя история Византии была исполнена таких органических недостатков в социальном строе, религии, военном деле, что с трудом можно было себе представить, как столь испорченный государственный механизм мог просуществовать до половины XV века. Предложив последний вопрос самому себе (в последней, XXIII главе), Монтескье объясняет причины долговременного существования империи раздорами среди победоносных арабов, изобретением «греческого огня», цветущей торговлей Константинополя, окончательным обоснованием придунайских варваров, которые, усевшись на месте, служили защитой от других варваров. «Таким образом, — пишет автор, — в то время как империя одряхлела при худом управлении, особые причины ее поддерживали». Империя при последних Палеологах, угрожаемая турками и ограниченная предместьями Константинополя, напоминает Монтескье Рейн, «который представляет собой лишь ручей, когда он теряется в океане».

Не занимаясь специально историей Византии и отдав дань господствующим течениям XVIII века, заведомо ей неблагоприятным, Монтескье тем не менее одарил нас в высшей степени содержательными страницами о времени средневековой Восточной империи, которые будят мысль и до сих пор читаются с большим интересом и пользой. Один из новейших исследователей Монтескье, французский ученый Сорель, называет его главы о Византии даже «гениальным очерком и образцовой характеристикой».[1]

Гиббон. Тот же XVIII век дал науке английского историка Эдварда Гиббона (1737—1794), автора знаменитого сочинения «История упадка и разрушения Римской империи» (The History of the Decline and Fall of the Roman Empire).

Гиббон родился 27 апреля 1737 года в Англии. Получив первоначальное воспитание в школе, он в 1752 году был отдан для продолжения образования в оксфордский колледж Магдалины. После кратковременного пребывания в Оксфорде Гиббон переехал

---

[1] *A. Sorel.* Montesquieu. Paris, 1889, p. 64.

в Швейцарию, в Лозанну, где поступил на воспитание к одному кальвинисту. В Лозанне он провел пять лет, и это пребывание оставило на всю жизнь неизгладимое впечатление в сердце молодого Гиббона, проводившего время за чтением классиков и важнейших исторических и философских сочинений и усвоившего в совершенстве французский язык. Швейцария сделалась для него второй родиной. Гиббон писал: «Я перестал быть англичанином. В гибкий период юности, от шестнадцати до двадцати одного года, мои мнения, привычки и чувствования приняли иностранную окраску; слабое и отдаленное воспоминание об Англии почти изгладилось; мой родной язык стал менее близким; и я с радостью принял бы предложение небольшого независимого состояния на условии вечного изгнания». В Лозанне Гиббону удалось увидеть «самого необыкновенного человека того времени, поэта, историка и философа» — Вольтера.[1]

По возвращении в Лондон, Гиббон в 1761 году издал свой первый труд, написанный на французском языке — «Опыт изучения литературы» (Essai sur l'etude de la litterature), — который был встречен весьма сочувственно во Франции и Голландии и весьма холодно в Англии. Прослужив в течение двух с половиной лет в военной милиции, собранной ввиду тогдашней войны между Францией и Англией, т. е. Семилетней войны, Гиббон в 1763 году через Париж возвратился в любимую Лозанну, а в следующем году совершил свое итальянское путешествие, во время которого посетил Флоренцию, Рим, Неаполь, Венецию и другие города.

Для последующей ученой деятельности Гиббона пребывание его в Риме имело первостепенное значение: оно навело его на мысль написать историю «вечного» города. «15 октября 1764 года, — писал Гиббон, — я сидел, погруженный в грезы, среди развалин Капитолия, в то время как босоногие монахи пели свои вечерни в храме Юпитера; в ту минуту впервые блеснула у меня в уме мысль написать историю упадка и разрушения Рима».[2] Первоначальный план Гиббона был написать историю упадка города Рима, а не Римской империи; только несколько позднее план его расширился, и в результате Гиббон написал историю Римской империи, западной и восточной, доведя историю последней до падения Константинополя в 1453 году.

По возвращении в Лондон, Гиббон начал деятельно собирать материал для задуманного труда. В 1776 году появился первый том его труда, начинавший изложение со времени Августа. Успех его был необычаен; первое издание разошлось в несколько дней.

---

[1] The Autobiographies of Edward Gibbon. Ed. Murray J. London, 1896, pp. 148, 152.

[2] Ibid., p. 302.

По словам Гиббона, «его книга была на каждом столе и почти на каждом туалете».[1] Следующие тома его истории, содержащие главы о христианстве, в которых выяснялись личные религиозные воззрения автора в духе XVIII века, подняли целую бурю, особенно среди итальянских католиков.

У Гиббона была одна заветная мечта, а именно: он хотел, чтобы Лозанна, бывшая школой его юности, сделалась его жизненным убежищем на склоне лет. Наконец, спустя почти двадцать лет после своего второго отъезда из Лозанны, Гиббон, имея достаточные средства для независимого существования, переехал в Лозанну, где и окончил свою историю. Автор в таких словах описывает момент окончания своего многолетнего труда: «В день, или скорее в ночь, 27 июня 1787 года, между одиннадцатью и двенадцатью часами, на даче в моем саду я написал последние строки последней страницы. Положив перо, я несколько раз прошелся по аллее акаций, с которой открывается вид на деревню, озеро и горы. Воздух был спокоен; небо ясно; серебряный круг луны отражался в воде, и вся природа молчала. Я не буду скрывать первого чувства радости при возвращении моей свободы и, может быть, при установлении моей славы. Но гордость моя вскоре смирилась, и серьезная печаль овладела моим умом при мысли о том, что я навсегда простился со старым и приятным товарищем, и что какова бы ни была грядущая судьба моей истории, жизнь историка должна быть короткой и непрочной».[2]

Разыгравшаяся французская революция заставила Гиббона возвратиться в Англию, где он и умер в Лондоне в январе 1794 года.

Гиббон принадлежит к тем немногим писателям, которые занимают выдающееся место как в литературе, так и в истории. Гиббон — превосходный стилист. Один современный византинист сравнивает его с Фукидидом и Тацитом.

Гиббон оставил одну из лучших существующих автобиографий, о которой ее новейший английский издатель (Birkbeck Hill) говорит: «Она настолько коротка, что может быть прочитана при свете одной пары свечей; она настолько интересна по своему содержанию и настолько привлекательна по оборотам мысли и стилю, что при втором и третьем чтении она доставляет едва ли меньшее удовольствие, чем при первом».

Отражая на себе веяния эпохи, Гиббон является в своей истории носителем определенной идеи, выраженной им такими словами: «Я описал торжество варварства и религии». Другими словами, историческое развитие человеческих обществ со II века н. э. было, по его мнению, обратным движением (регрессом), в чем главная

---

[1] The Autobiographies of Edward Gibbon. London, 1896, p. 311.
[2] Ibid., p. 333—334.

вина должна падать на христианство. Конечно, главы Гиббона о христианстве имеют в настоящее время лишь исторический интерес.

Не надо забывать, что со времени английского историка исторический материал чрезвычайно разросся, задачи истории изменились, появилась критика источников и новейшие издания последних, выяснилась зависимость источников друг от друга, получили права гражданства в истории вспомогательные дисциплины: нумизматика, эпиграфика, сигиллография (наука о печатях), папирология и т. д. Все это приходится иметь в виду при чтении истории Гиббона. Не надо также забывать, что Гиббон, недостаточно владевший греческим языком, имел до 518 года, т. е. до года смерти императора Анастасия I, превосходного предшественника и руководителя, которому он очень многим обязан, а именно — французского ученого Тиллемона (Tillemont). Последний был автором известного в свое время труда «История императоров» (Histoire des Empereurs, 6 томов, Брюссель, 1692 сл.), доведенного до 518 года. В этой части своей истории Гиббон писал подробнее и внимательнее.

Что касается последующей истории, т. е. восточно-римской, или византийской, империи, которая наиболее нас в настоящем случае интересует, то в этой части Гиббон, встречавший уже гораздо большие препятствия в ознакомлении с источниками и находившийся под сильным влиянием идей XVIII века, не мог удачно справиться со своей задачей. Английский историк Фриман пишет: «При всей удивительной способности Гиббона к группировке и к сгущению красок (condensation), которая нигде столь сильно не проявилась, как в его византийских главах, с его живым описанием и при его еще более действующем искусстве внушения, — стиль его письма не может, конечно, возбуждать уважения к лицам и периодам, о которых он говорит, или привлекать многих к более подробному их изучению. Его бесподобная способность к сарказму и унижению никогда не покидает его труда; он слишком любит анекдоты, показывающие слабую или смешную сторону известного века или лица; он неспособен к восторженному восхищению чем-нибудь или кем-нибудь. Почти всякая история, рассказанная таким образом, должна оставить в воображении читателя прежде всего ее низкую (презренную) сторону... Может быть, ни одна история не могла пройти неповрежденной через такое испытание; византийская история, из всех других, была наименее способна выдержать такой род отношения».[1]

В силу этого византийская история, изложенная Гиббоном со свойственными ему особенностями, представлена им в ложном освещении. Личная история и семейные дела всех императоров, от

---

[1] *E. A. Freeman.* Historical Essays. London, 1879, vol. III, ser. 3, pp. 234—235.

сына Ираклия до Исаака Ангела, собраны в одной главе. «Такой способ трактовать предмет вполне согласуется с презрительным отношением автора к „Византийской“ или „Низкой“ (Lower) империи», — замечает современный английский византинист Бьюри (Bury).[1] Взгляд Гиббона на внутреннюю историю империи после Ираклия отличается не только поверхностностью; он дает совершенно ложное представление о фактах. Однако не надо упускать из виду, что во времена Гиббона целые эпохи оставались еще не обработанными и неразъясненными, как например, эпоха иконоборчества, социальная история X и XI веков и т. д. Во всяком случае, несмотря на крупные недостатки и пробелы и особенно имея их в виду, книгу Гиббона можно читать с пользой и большим интересом и в настоящее время.

Первое издание «Истории упадка и разрушения Римской империи» Гиббона вышло в шести томах в Лондоне в 1776—1788 годах и с тех пор выдержало целый ряд изданий. В конце XIX века английский византинист Бьюри (Bury) вновь издал историю Гиббона, снабдив ее драгоценными примечаниями, целым рядом интересных и свежих приложений по разнообразным вопросам и превосходным указателем (Лондон, 1896—1900, 7 томов); целью Бьюри было показать в своих дополнениях то, чего историческая наука достигла в наше время сравнительно со временем Гиббона. Труд последнего переведен почти на все европейские языки. Особенную цену имел, до появления издания Бьюри, благодаря критическим и историческим примечаниям французский перевод известного французского историка и политического деятеля Гизо (Guizot), появившийся в 13 томах в Париже в 1828 году. На русском языке «История упадка и разрушения Римской империи», переведенная Неведомским, вышла в свет в семи частях в Москве в 1883—1886 годах.[2]

Лебо. Отрицательное отношение к Византии лучших представителей французской мысли XVIII века не помешало французу Шарлю Лебо (Le Beau) во второй половине этого же столетия подробно изложить в двадцати одном томе события византийской истории.[3] Лебо, не владея хорошо греческим языком, пользовался по большей части латинскими переводами авторов, излагал источники без критического к ним отношения и дал заглавие своей компиляции «Histoire du Bas-Empire» (1757—1781), которое на

---

[1] *E. Gibbon.* The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, ed. J. B. Bury. London, 1897, vol. I, p. III.

[2] О восприятии современного читателя см., например: *W. Chamberlain.* On Rereading Gibbon. — The Atlantic Monthly, vol. CLXXIV (October, 1944), pp. 65—70.

[3] Среди многочисленных биографий Лебо см. в особенности: *Dupuy.* Éloge de Lebeau. Опубликовано в: *Ch. Lebeau.* Histoire du Bas-Empire, ed. M. Saint-Martin, M. de Brosset. Paris, 1824, vol. I, pp. XIII—XXVII.

долгое время сделалось символом пренебрежительного отношения к византийской империи.[1] «История» Лебо, продолженная другим лицом и доведенная до 27 томов, теперь значения не имеет. В XIX веке появилось второе издание его истории, исправленное и дополненное на основании восточных источников двумя ориенталистами, арменоведом Сен-Мартеном (J. A. Saint-Martin) и грузиноведом Броссэ (M. F. Brosset) Сен-Мартен писал: «Это не просто новое издание сочинения Лебо, это фундаментальный труд, значение которого не может быть не оценено теми, кто заинтересован в развитии исторических наук».[2] Последнее издание (21 том, Париж, 1824—1836) благодаря обильным дополнениям из восточных, преимущественно армянских, источников может иметь некоторое значение и в настоящее время.

Нугаре. В 1799 году французский автор П. Ж.-Б. Нугаре (P. J.-B. Nougaret) опубликовал пятитомный труд под очень длинным названием, сокращенный вариант которого звучит так: «Анекдоты о Константинополе, или Поздней империи от царствования Константина, его основателя, до взятия Константинополя Мохаммедом II и далее до наших дней... с наиболее яркими примерами превратностей судьбы и наиболее удивительными революциями». Это сочинение представляет собой исключительно компиляцию из разных авторов, в основном из «Истории Поздней империи» Лебо, и не имеет научного значения. Во введении Нугаре отразил политические взгляды своего времени. Он предвидел «катастрофу, которая, как кажется, готовится перед нашими глазами и которая может привести второй Рим под власть татар, которых ныне зовут русскими... сейчас часто говорят о Константинополе, с момента чудовищного союза турок и русских против Франции».[3]

В 1811 году Нугаре сократил пятитомный труд до одного тома, каковой опубликовал под заголовком «Прелести Поздней империи, содержащие наиболее любопытные и интересные рассказы от Константина Великого до взятия Константинополя Мохаммедом II». Он посвятил этот труд просвещению молодежи: «Эти гибельные и

---

[1] Во французском языке прилагательное bas имеет два значения — «низкий» (в разных значениях) и «поздний», если речь идет о времени. Лебо имел в виду последнее.

[2] *Ch. Lebeau.* Histoire du Bas-Empire, ed. M. Saint-Martin, M. de Brosset. Paris, 1824, vol. I, p. XI. В 1847 г. вышло сокращенное переложение сочинения Лебо в 5 томах: *Delarue.* Abrege de l'histoire de Bas-Empire de Lebeau. Первые 22 тома первого издания были переведены на немецкий Й. А. Хиллером (Leipzig, 1765—1783). См.: *E. Gerland.* Das Studium der byzantinischen Geschichte vom Humanismus bis zur Jetztzeit. Athen, 1934, S. 9. По сообщению Н. Иорги, сочинение Лебо было переведено на итальянский. См.: Revue historique du sud-est europeen. IX, 1932, p. 428, note 3.

[3] Ссылка по второму изданию — Paris, 1814, vol. I, pp. XIV—XV.

кровавые сцены, — писал автор, — эти события, столь достойные памяти, пробудят в наших молодых читателях самые полезные мысли, они дадут им почувствовать, сколь ценна добродетель, принимая во внимание, что порок и преступление были часто причиной гибели народов. Они будут благословлять небеса за возможность жить в эпоху, когда революции известны только в истории, и они смогут оценить счастье нации, которая управляется великодушным повелителем и благодетелем своих подданных».[1]*

Руайу. В Наполеоновскую эпоху появилась на французском языке компиляция в девяти томах Руайу (J.-C. Royou), журналиста, адвоката во время Директории и театрального цензора в эпоху Реставрации, носящая одинаковое заглавие с сочинением Лебо, «История Поздней империи от Константина до взятия Константинополя в 1453 году» (Histoire du Bas-Empire depuis Constantin jusqu'a la prise de Constantinople en 1453. Paris. An XII [1803]). Автор, заявив в предисловии, что большинство написанных по-французски историй требуют переделки и переработки, особенно для «Bas-Empire», обращается к Лебо, который, «несмотря на некоторые достоинства, едва лишь удобочитаем». По мнению Руайу, Лебо забыл, что «история должна быть не рассказом о всем том, что произошло в мире, но о всем том, что в нем произошло интересного; то, что не представляет ни поучения (instruction), ни удовольствия, должно быть без колебания принесено в жертву...». Автор полагает, что «наблюдая причины падения государств, можно узнать средства предотвратить его или, по крайней мере, замедлить... Наконец, в Константинополе с удовольствием можно следить за тенью, некоторым образом, Римской империи: это зрелище притягивает до последнего момента».[2] Несамостоятельный, часто анекдотический текст истории Руайу не сопровождается никакими ссылками. Уже по взглядам автора, приведенным выше, видно, что сочинение Руайу не имеет значения.

Вскоре после сочинения Руайу появилась «История Поздней империи» удивительно плодовитого французского автора М. Леконт де Сегюра (M. Le Comte de Segur). Его сочинение, охватывающее весь период византийской истории, научного значения не имеет, однако оно было очень популярно среди французских читателей и издавалось неоднократно.[3]

---

[1] Ibid., p. 6.

* Эти далекие от сути излагаемого материала цитаты из второстепенного французского исследователя появились в английской версии работы, видимо, во многом под влиянием ассоциаций А. А. Васильева с бесспорно памятными ему событиями 1917 г. в России.

[2] *J.-C. Royou.* Histoire du Bas-Empire. Paris, 1844, preface.

[3] Там же, во введении к сочинению Руайу. Об изданиях сочинения де Сегюра см. библиографию у Руайу. Я использовал седьмое издание.

От середины девятнадцатого века до настоящего времени

До середины девятнадцатого столетия серьезных общих работ по истории Византийской империи не появлялось.

Финлей. Большой шаг вперед сделала византийская история в трудах английского историка Георга Финлея (George Finlay), автора «Истории Греции с эпохи покорения ее римлянами до настоящего времени — с 146 года до н. э. по 1864 год» (A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time B. C. 146 to A. D. 1864). Финлей, подобно Гиббону, оставил автобиографию, из которой можно познакомиться с главными фактами интересной жизни автора, повлиявшей на создание его труда.

Финлей родился в Англии в декабре 1799 года, где и получил свое первоначальное воспитание. Несколько позднее, для усовершенствования в римском праве, он направился в германский город Геттинген, имея в виду сделаться адвокатом. На прощанье дядя молодого Финлея сказал ему следующее: «Хорошо, Георг! Я надеюсь, что ты будешь усердно заниматься римским правом; но я полагаю, что ты посетишь греков раньше, чем я тебя снова увижу».[1] Слова дяди оказались пророческими.

Вспыхнувшая в то время греческая революция привлекла к себе внимание Европы. Вместо того чтобы усердно заниматься римским правом, Финлей читал сочинения по истории Греции, знакомился с греческим языком и в 1823 году решил посетить Грецию с целью личного ознакомления с условиями жизни заинтересовавшего его народа, а также с целью на месте выяснить вопрос о возможности успеха восстания. Во время пребывания в Греции в 1823—1824 годах Финлей неоднократно встречался с лордом Байроном, приехавшим, как известно, в Грецию на защиту ее национального дела и нашедшим там безвременную кончину. В 1827 году, после пребывания в Англии, Финлей возвратился в Грецию и принимал участие в экспедиции генерала Гордона для освобождения Афин от осады. Наконец, прибытие графа Каподистрии в качестве Президента Греции и покровительство трех великих держав обещали, по словам Финлея, грекам время мирного прогресса. Убежденный филэллин, свято веривший в великую будущность нового государства, Финлей в порыве увлечения решил навсегда поселиться на земле древней Эллады и приобрел для этого в Греции земельную собственность, на покупку и обработку которой потратил все свои деньги. В это самое время он и задумал написать историю греческой революции. Умер Финлей в Афинах в январе

---

[1] Автобиографию Финлея см. в следующем издании: A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time, ed. H. F. Tozer. Oxford, 1877, vol. I, pp. XXXIX—XLVI.

1876 года. План Финлея написать историю греческой революции заставил его заняться прошлыми судьбами Греции. Постепенно из-под пера Финлея появился целый ряд отдельных трудов по истории Греции. В 1844 году вышла его книга «Греция под римским владычеством» (Greece under the Romans), охватывавшая события со 146 года до н. э. до 717 года н. э. В 1854 году появилось двухтомное сочинение Финлея «История Византийской и Греческой империй с 716 по 1453 год» (A History of the Byzantine and Greek Empires from 716 to 1453). За этим следовали два сочинения по новой и новейшей истории Греции. Позднее автор просмотрел все свои труды и подготовил их к новому изданию. Но Финлей умер, не успев довести начатого дела до конца. После его смерти общая «История Греции с эпохи покорения ее римлянами до настоящего времени — с 146 года до н. э. по 1864 год» (A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time. B. C. 146, A. D. 1864) была издана в 1877 году в семи томах Тозером (Tozer), который в первом томе напечатал и автобиографию Финлея. Последним изданием теперь и надлежит пользоваться. В русском переводе существует лишь одно сочинение Финлея — «Греция под римским владычеством» (Москва, 1876).

С точки зрения Финлея, история Греции под иностранным владычеством повествует об упадке и бедствиях той нации, которая в древнем мире достигла высшей степени цивилизации. Две тысячи лет страданий не стерли национального характера, не потушили национального самолюбия. История народа, который в течение веков сохранил свой язык и свою национальность, и энергия, которая ожила с такой силой, что образовала независимое государство, не должны находиться в полном пренебрежении. Условия Греции в долгие времена ее рабства не были условиями однообразного вырождения. Под владычеством римлян и впоследствии османов греки представляли собой лишь незначительную часть обширной империи. Благодаря своему невоинственному характеру они не играли важной политической роли, и многие из крупных перемен и революций, имевших место во владениях императоров и султанов, не оказывали прямого влияния на Грецию. Следовательно, ни общая история Римской империи, ни общая история Оттоманской империи не являются частью греческой истории. Иначе дело обстояло при византийских императорах; греки были отождествлены тогда с императорской администрацией. Различие в политическом положении нации в течение этих периодов требует от историка различных приемов для выяснения характерных черт тех времен.[1]

---

[1] A History of Greece... vol. I, pp. XV—XVII.

Финлей делит историю греков, как подчиненного народа, на шесть периодов. 1) Первый период обнимает историю Греции под римским владычеством; этот период преобладающего влияния римских начал кончается только в первой половине VIII века со вступлением на престол Льва III Исавра, давшего константинопольской администрации новый характер. 2) Второй период охватывает историю Восточной Римской империи в ее новой форме, под условным названием Византийской империи. История этого деспотизма, смягченного, обновленного и снова оживленного императорами-иконоборцами, представляет один из самых замечательных и поучительных уроков в истории монархических учреждений. В продолжение этого периода история греков тесно переплетается с анналами императорского правительства, так что история Византийской империи образует часть истории греческого народа. Византийская история тянется от вступления на престол Льва Исавра в 716 году до покорения Константинополя крестоносцами в 1204 году. 3) После разрушения Восточной Римской империи греческая история расходится по многим путям. Изгнанные константинопольские греки (у Финлея Roman-Greeks) бежали в Азию, утвердили свою столицу в Никее, продолжали императорскую администрацию в некоторых провинциях по старому образцу и со старыми именами и меньше чем через шестьдесять лет снова овладели Константинополем; но, хотя их правительство удержало гордое название Римской империи, оно было лишь выродившимся представителем даже Византийского государства. Этот третий период можно назвать Константинопольской греческой империей, слабое существование которой было прикончено османскими турками при взятии Константинополя в 1453 году. 4) Крестоносцы, покорив большую часть Византийской империи, разделили свои завоевания с венецианцами и основали Латинскую империю Романии с ее феодальными княжествами в Греции. Владычество латинян очень важно тем, что указывает на упадок греческого влияния на Востоке и является причиной быстрого уменьшения благосостояния и численности греческой нации. Этот период тянется от взятия Константинополя крестоносцами в 1204 году до покорения острова Наксоса турками в 1566 году. 5) Покорение Константинополя в 1204 году повлекло за собой основание нового греческого государства в восточных провинциях Византийской империи, известного под названием Трапезундской империи. Ее существование является любопытным эпизодом в греческой истории, хотя правительство отличалось особенностями, указывающими скорее на влияние азиатских, чем европейских обычаев. Она очень походила на Грузинские и Армянские монархии. В течение двух с половиной столетий Трапезундская империя имела значительную степень влияния, основанного скорее на ее торговом значении, чем на политической

силе или греческой цивилизации. Ее существование оказывало мало влияния на судьбы Греции, и ее падение в 1461 году возбудило мало сочувствия. 6) Шестой и последний период истории Греции под чужеземным владычеством тянется от 1453 до 1821 года и обнимает время османского управления и временного занятия Пелопоннеса Венецианской республикой с 1685 по 1715 год.[1]

Финлей, как было уже замечено выше, делает в изучении истории Византии большой шаг вперед. Если его деление греческой истории на периоды, как почти всякое подобное схематическое деление, подлежит оспариванию, то несомненная заслуга автора остается в том, что он первый обратил внимание на внутреннюю историю византийского государства, на отношения юридические, социально-экономические и т. д. Конечно, это не был ряд глубоких, самостоятельных исследований, которых мы по многим вопросам не имеем и до настоящего времени; большая часть страниц, посвященных у Финлея внутренней истории, основывалась иногда на общих рассуждениях и на позднейших аналогиях. Но крупная заслуга его заключается уже в том, что он наметил и поднял многие интересные вопросы внутренней истории. Сочинение Финлея и теперь читается с большой пользой и интересом, несмотря на то, что он занялся византийской историей просто потому, что не мог без нее рассказать греческую историю.

Английский историк Фриман так оценивал работу Финлея в 1855 году. «По глубине и оригинальности исследования, — говорил он, — по умению охватить свой предмет и особенно по смелому и самостоятельному духу изыскания, Финлей может занять место среди первоклассных историков нашего времени. Если принять во внимание все обстоятельства, обширность идеи сочинения и трудности ее выполнения, то книга Финлея есть величайшее историческое произведение, какое английская литература дала со времен Гиббона. Он провел жизнь в стране и среди народа, о которых писал. Может быть, ни одно историческое произведение не было столь непосредственно обязано своим происхождением практическим явлениям (to the practical phaenomena) современного мира. Живя в Греции, будучи человеком смелого наблюдательного ума, скорее юрист и политико-эконом, чем профессиональный ученый, он был вынужден глубоко задумываться над состоянием страны, в которой он жил, и открывать причины того, что он видел, в их начале за две тысячи лет тому назад. При чтении сочинений Финлея легко видеть, как много они выиграли и потеряли от тех своеобразных обстоятельств, в которых были написаны. Ни одно сочинение, написанное обыкновенным ученым или обыкновенным политиком, никогда не могло приблизиться к врожденной силе и оригинальности произведения

---

[1] A History of Greece... vol. I, pp. XVII—XIX.

уединенного мыслителя, изучающего, размышляющего и повествующего о событиях двух тысяч лет для того, чтобы разрешить проблемы, которые он видел у своих собственных дверей».[1]

В последних словах Фримана верно схвачена одна из отличительных особенностей Финлея, а именно — при помощи древних пережитков в настоящем пытаться объяснять аналогичные явления в прошлом.[2]

Папарригопуло. В половине XIX века обращает на себя внимание серьезный греческий ученый, профессор Афинского университета Папарригопуло, посвятивший всю жизнь изучению прошлых судеб своей родины. Уже в сороковых и пятидесятых годах он выступал с небольшими интересными историческими работами, как например, «О поселении некоторых славянских племен в Пелопоннесе» (Περι τῆς εποικησεως Σλαβικῶν τινων φυλων εις την Πελοποννησον. Афины, 1843). Но это были лишь подготовительные работы к его большому труду. Главной задачей его жизни было написать историю своего народа. Плодом его тридцатилетних трудов явилась пятитомная «История греческого народа с древнейших времен до новейших» (Ιστορια τοῦ ελληνικοῦ εθνους απο τῶν αρχαιοτατων χρονων μεχρι τῶν νεωτερων. Афины, 1860—1877). Было много изданий этой работы, самое последнее из которых подготовлено Каролидисом и опубликовано в Афинах в 1925 г. Сочинение это излагает историю греческого народа до 1832 года. Главнейшие результаты своего довольно громоздкого, написанного по-новогречески и потому далеко не всем доступного труда, Папарригопуло изложил по-французски в одном томе, изданном под заглавием «История эллинской цивилизации» (Histoire de la civilisation hellenique. Париж, 1878). Незадолго до смерти автор предпринял нечто подобное и на греческом языке, но умер до окончания работы. После его смерти она была издана в Афинах под заглавием «Наиболее поучительные результаты истории греческого народа» (Афины, 1899) и представляет собой извлечение или обзор, а иногда

---

[1] *E. A. Freeman.* Historical Essays, vol. III, ser. 2, first ed. London, 1871, pp. 241—243.

[2] По поводу Финлея см.: *W. Miller.* The Finlay Library.— Annual of the British School at Athens, XXVI, 1923—1925, pp. 46—66; *W. Miller.* The Finlay's Papers, George Finlay as a Journalist and the Journal of Finlay and Jarvis. — Englich Historical Review, XXXIX, 1924, pp. 386—398, 552—567. Дата смерти Финлея (1876 вместо 1875) указана неверно в его автобиографии, опубликованной Тозером. См. English National Biography. (Эта фраза оставлена, несмотря на свою очевидную странность, так, как она зафиксирована в английской версии. Судя по всему, речь идет о том, что Тозер, издатель сочинения Финлея, дополнил автобиографию Финлея ошибочной, с точки зрения А. А. Васильева, информацией о дате смерти Финлея. — *Науч. ред.*)

и исправление того, что было рассказано подробнее в пятитомной истории. Византийского времени касаются второй, третий, четвертый и пятый том последнего сочинения.

Несмотря на большую тенденциозность, сочинение Папарригопуло заслуживает большого внимания. Автор, убежденный патриот, смотрит на историю с чисто национальной, греческой точки зрения; он во всех главнейших явлениях видит греческое начало и считает римское влияние случайным и наносным. Особенным вниманием и исключительной любовью автора пользуется эпоха императоров-иконоборцев. Не останавливаясь только на религиозной стороне вопроса, греческий ученый видит в этом движении попытку настоящей социальной реформы, вышедшей из тайников эллинского духа, и в своем увлечении утверждает, что «в результате эллинская реформа VIII века, если не касаться основных догматов веры, была с точки зрения социальных изменений гораздо более широкой и систематической, чем реформа, совершившаяся позднее в Западной Европе, и проповедовала принципы и доктрины, которые с удивлением встречают в VIII веке».[1] Но подобная реформа была слишком смела и радикальна для византийского общества, вследствие чего за иконоборческой эпохой последовала реакция; поэтому Македонская династия в истории Византии имела консервативное значение. Эллинизм сохранял свою силу в течение всего средневековья. Внутренних причин, например, для падения Константинополя в 1204 году не было; столица государства уступила только грубой физической силе крестоносцев. Если печальное событие 1204 года нанесло удар «византийскому эллинизму», то вскоре после этого первое место занимает «современный эллинизм», непосредственными потомками которого являются греки XIX века. Таким образом, по мнению Папарригопуло, эллинизм в той или иной форме жил бодрой жизнью в продолжении всей византийской истории. Конечно, на труде греческого ученого сильно отразилось увлечение греческого патриота. Тем не менее его большая «История греческого народа» и французская «История эллинской цивилизации», несмотря на указанную выше тенденциозность, являются очень полезными книгами. Главная заслуга Папарригопуло заключается в том, что он указал на большое значение и сложность иконоборческой эпохи. В одном отношении пользование его «Историей» неудобно: она лишена научного аппарата, и поэтому проверка рассказа и выводов Папарригопуло сопряжена с большими трудностями и неудобствами.

Гопф. К числу весьма серьезных и трудолюбивых ученых в области византиноведения в половине XIX века принадлежит немецкий профессор Карл Гопф (1832—1873). Гопф, вестфалец родом,

---

[1] *C. Paparrigopulo.* Histoire de la civilisation hellenique. Paris, 1878, p. 194.

был сыном учителя гимназии, занимавшегося Гомером. Уже с ранних лет он поражал своей необыкновенной памятью и способностью к иностранным языкам. По окончании образования в Боннском университете Гопф сделался там же доцентом и с увлечением отдался выполнению своей главной жизненной, ученой задачи, а именно: изучению истории Греции под франкским владычеством, т. е. после 1204 года. В 1853—1854 годах Гопф предпринял первое путешествие через Вену в находившуюся тогда еще в руках Австрии Верхнюю Италию, где усердно работал, особенно в частных фамильных архивах. Результатом этих работ был ряд монографий, посвященных истории отдельных франкских княжеств в Греции и островов Эгейского моря, а также изданию архивных документов по данным вопросам.

Став профессором в Грейсвальде и затем главным библиотекарем и профессором университета в Кенигсберге, Гопф продолжал заниматься Средними веками. Во время своего второго научного путешествия с 1861 по 1863 год он посетил Геную, Неаполь, Палермо, Мальту, Корфу, Занте, Сиру, Наксос и Грецию, где собрал громадный рукописный материал. По возвращении на родину Гопф принялся за его обработку; но здоровье его пошатнулось, и в августе 1873 года он умер в Висбадене в цвете сил и своего научного творчества. Он оставил после себя немало монографий и статей и издания различных памятников франкской эпохи.

Самым главным и наиболее ценным трудом Гопфа является «История Греции с начала средневековья до новейшего времени» (Geschichte Griechenlands vom Beginne des Mittelalters bis auf die neuere Zeit. 1867—1868).

«История Греции» Гопфа прежде всего поражает обширным знакомством автора с источниками, особенно в тех частях книги, где он пользовался собранными им рукописными сокровищами. Наибольшее место в труде Гопфа занимает история франкского владычества на Востоке; основывая свое изложение на массе рукописного, архивного материала, он, можно сказать, первый подробно изложил внешнюю историю этого владычества не только в главных центрах, но и на мелких островах Эгейского моря. Так как не все собранные Гопфом рукописные материалы еще изданы, то в некоторых местах его книга является не только пособием, но и источником.* В его же истории подробно разобран вопрос о славянах в Греции. В этом отделе книги Гопф выступает против известной теории Фалльме-

---

* В соответствующем месте русской версии здесь стоит несколько слов, которые были затем исключены А. А. Васильевым из последующих изданий. Между тем для характеристики сочинения Гопфа они важны. Согласно А. А. Васильеву, выборочная проверка сообщаемых Гопфом сведений показывает, что они не всегда точны (*А. А. Васильев.* Лекции по Истории Византии... с. 20).

райера, утверждавшего, что в крови современных греков не течет ни капли древней эллинской крови и что современные греки являются потомками вторгнувшихся в Грецию в эпоху Средних веков славян и албанцев.[1]

К сожалению, важное и ценное сочинение Гопфа издано в старой и мало распространенной «Общей Энциклопедии наук и искусств» Эрша и Грубера (Ersch–Gruber. Allgemeine Enzyklopadie der Wissenschaften und Kunste, тома 85 и 86). Неудовлетворительно исполненное издание «Истории» Гопфа не имеет не только столь нужного для такой работы указателя, но даже простого оглавления; поэтому пользование этим изданием, с чисто внешней стороны, представляет большие трудности. Затем, сочинение Гопфа в том виде, как мы теперь его имеем, очевидно, не было еще вполне обработано автором: материал расположен без строго определенного *плана; язык — сухой и тяжелый; читается книга нелегко.* Но громадное количество свежего, неизданного материала, введенного в сочинение Гопфа и иногда почти открывавшего целые новые страницы средневековой истории Греции в эпоху франкского владычества, позволяет считать труд немецкого ученого в высшей степени важным.* В настоящее время рукописное наследство Гопфа находится в Берлинской Королевской библиотеке и представляет богатый материал для историков.

В последующие годы многие немецкие исследователи использовали сочинение Гопфа в написании более читаемых работ по средневековой греческой или византийской истории. Из таких историков по меньшей мере должны быть упомянуты двое: Герцберг и Грегоровиус.

Герцберг. Герцберг (Hertzberg), занимаясь некоторое время историей древней Греции и Рима, перешел затем к Средним векам и написал два сочинения общего характера: 1) «История Греции со времен окончания античной жизни до настоящего времени» («Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens bis zum Gegenwart». 4 части, Гота, 1876—1879); 2) «История византийцев и османского государства до конца XVI века» («Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches bis gegen Ende des sechszehnten Jahrhunderts». Берлин, 1883). Эти два сочинения, не представляя собою самостоятельных исследований в полном смысле этого слова, ввели, можно сказать, многие резуль-

---

[1] Об этом любопытном вопросе речь будет ниже.

* В соответствующем месте русской версии далее следует фраза, которая не была включена в последующие издания труда А. А. Васильева. Между тем она представляется существенной для характеристики научного наследия Гопфа: «Гопф умер рано, не успев ни использовать, ни издать всего собранного им рукописного материала» (*А. А. Васильев.* Лекции по истории Византии... с. 21).

таты работ Гопфа в более обширный круг читателей, тем более что они написаны хорошим, легким языком.

Второе сочинение вышло в русском переводе П. В. Безобразова с примечаниями и приложениями под заглавием: Г. Ф. Герцберг. «История Византии» (Москва, 1896). Русский перевод этого сочинения, сравнительно с немецким оригиналом, особенно ценен тем, что П. В. Безобразов в примечаниях не только указывал новую литературу предмета, но и прибавил к книге несколько приложений, в которые ввел главнейшие результаты работ русских ученых в области внутренней истории Византии, оставляемой Герцбергом в стороне, а именно: Большой дворец и придворный церемониал; ремесленные и торговые корпорации; крестьяне; крестьянская община и Земледельческий устав; меры в защиту крестьянского землевладения и закрепощение крестьян; положение крепостных, крестьянские наделы и писцовые книги; податная система и злоупотребления сборщиков податей. Последнее сочинение Герцберга* очень полезно для первоначального ознакомления с византийской историей.

Грегоровиус. Вторым ученым, положившим труды Гопфа в основание своей работы, был Грегоровиус (F. Gregorovius), пользовавшийся уже до этого вполне заслуженной известностью благодаря своему большому сочинению по истории Рима в Средние века. Работа над средневековой историей Рима навела автора на мысль приступить к средневековой истории другого культурного центра древности — Афин. Результатом последней работы явилась двухтомная «История города Афин в средние века» (Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter. Штуттгарт, 1889). Книга Грегоровиуса построена на трудах Гопфа, образовавших, по словам автора, прочное основание для всех работ, которые с тех пор велись в данной области и которые еще появятся в будущем.[1] Но Грегоровиус привлек для своей работы также культурную жизнь страны, чем, как известно, Гопф не занимался. Грегоровиус блестяще справился со своей задачей. Воспользовавшись материалами, появившимися после Гопфа, он дал пластическое изложение истории средневековых Афин на фоне общей истории Византии и довел изложение событий до провозглашения греческого королевства в XIX веке.**

---

* В соответствующем месте русской версии есть еще три слова, выпущенные в последующих изданиях: «особенно в русском переводе» (*А. А. Васильев.* Лекции по истории Византии... с. 22).

[1] *F. Gregorovius.* Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter von der Zeit Justinian's bis zur turkischen Eroberung. Stuttgart, 1889. Bd. I, S. XVIII—XIX.

** В соответствующем месте русской версии есть еще одна фраза, опущенная в последующих изданиях: «Сочинение Грегоровиуса существует в русском переводе (СПб., 1900) и может быть с большой пользой прочтено всеми интересующимися историй Византии» (*А. А. Васильев.* Лекции по истории Византии... с. 23).

Бьюри. Дж. Б. Бьюри (Bury, 1861—1927) был профессором в Кембриджском университете. Он написал, помимо прочих книг по византинистике, три тома по общей истории Византийской империи, включая события от 395 по 867 гг. Первые два тома были опубликованы в 1889 г. под заголовком «История позднейшей Римской империи от Аркадия до Ирины» (A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene). В этих двух томах речь идет о событиях до 800 г., то есть до коронации Карла Великого папой Львом Третьим в Риме. Н. Х. Бейнз (Baynes) сказал: «Никто не мог быть подготовлен к открытию глубины и размаха работ Бьюри по византинистике, осуществленных в 1889 году, тогда, когда были опубликованы два тома „Истории позднейшей Римской империи". Это поразительный образчик новаторской работы, благодаря которой Бьюри прочно установил свою репутацию историка».[1] Третий том был опубликован двадцатью двумя годами позже под заголовком: «История Восточной Римской империи от падения Ирины до восшествия Василия I» (A History of the Eastern Roman Empire from the Fall of Irene to the Accession of Basil I. London, 1912). В этом томе изложены события от 802 до 867 гг. В 1923 г. появилось второе издание первых двух томов. В них излагаются события до конца царствования Юстиниана Великого (до 565 г.). Это больше чем обновленное и расширенное издание; это почти что новая работа по ранней истории Византийской империи. Первый из этих двух томов, по словам автора, может быть назван «Германское завоевание Западной Европы», а второй — «Время Юстиниана».[2] История периода от 565 до 800 гг. еще не была вторично переиздана. Бьюри совершенно очевидно намеревался писать византийскую историю с большим размахом, но, к великому сожалению, умер 1 июня 1927 г., не доведя до конца этот план.

Бьюри выступает в своем труде представителем идеи непрерывной Римской империи с I до XV вв. Нет другого периода в истории, говорит он в предисловии к первому тому, который был бы столь затемнен неправильными и сбивчивыми названиями, как период позднейшей Римской империи. То обстоятельство, что значение этого периода истории так упорно ошибочно понималось и его характер так часто представлялся в ложном свете, зависело больше, чем можно было бы предположить с первого взгляда, от неподходящих имен, которые прилагались к этой истории. Первой ступенью

---

[1] *N. H. Baynes* (ed.). A Bibliography of the Works of J. B. Bury. Cambrige, 1929. Это прекрасная работа. На страницах 1—124 приведена биография Бьюри; на с. 124 — некролог; на с. 125—175 — полная библиография его трудов.

[2] *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395—800), London, 1889, vol. I, preface, p. VII.

к пониманию истории тех веков, через которые древний мир перешел в новый, является уразумение того факта, что древняя Римская империя не переставала существовать до 1453 года. Ряд римских императоров продолжался в непрерывной последовательности от Октавиана Августа до Константина Палеолога, последнего византийского императора. В настоящее время этот существенный факт затемнен приложением названия «византийский» или «греческий» для империи в ее позднейшие времена. Историки, стоявшие за название «Византийская империя», не сходятся в определении, где кончается Римская империя и начинается Византийская. Иногда границей этих двух историй считается основание Константинополя Константином Великим, иногда смерть Феодосия Великого, иногда царствование Юстиниана Великого, иногда, как это делает уже известный нам Финлей, вступление на престол Льва Исавра; причем историк, принимающий одно деление, не может утверждать, что историк, который принимает иное деление, неправ, так как все подобные деления совершенно произвольны. Римская империя не приходила к концу до 1453 года, и выражения «Византийская, Греческая, Ромейская или Греко-Римская империя» лишь затемняют важный факт и способствуют серьезному заблуждению. Бьюри, однако, в 1923 году утверждал, что совершенно новый период истории, которую условно называют византийской историей, начался со времени Константина Великого. Бьюри начал первый том своей «Истории позднейшей Римской империи» со следующего утверждения: «Континуитет в истории, который означает контроль за настоящим и будущим, осуществляемый прошлым, стал общим местом, и хронологические рамки, которые рассматривали как считающиеся важными, теперь признаются малозначительными, за исключением того, когда они являются удобными вехами в истории. Теперь введено в оборот понятие, которое мы могли бы назвать кульминационными эпохами, в которых накапливающиеся в прошлом тенденции, достигая определенного уровня, внезапно приводят к видимому изменению, которое, как кажется поворачивает мир в новом направлении. Такая кульминационная эпоха была в истории Римской империи в начале четвертого века. Царствование Константина Великого начало новую эру в гораздо более полном смысле, чем царствование Августа, основателя империи».[1]

Побуждаемый такими соображениями, Бьюри дал заглавие своим первым двум томам, доведенным, как уже известно, до 800 года, «История позднейшей Римской империи». В 800 году Карл Вели-

---

[1] *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. I, p. I. См. также: *G. Ostrogorsky*. Die Perioden der byzantinischen Geschichte. — Historische Zeitschrift, Bd. CLXIII, 1941, S. 235, Anm. 1.

кий в Риме был провозглашен императором. Поэтому с этих пор вполне правильно называть две соперничавшие империи Западной и Восточной. Но, к несчастью, название Восточной Римской империи прилагается часто к тому времени, когда это совершенно неправильно. Говорят, например, о Восточной и Западной Римской империи в V веке или о падении Западной империи в 476 году. Такие утверждения, хотя и освященные авторитетом выдающихся умов, неправильны и ведут к дальнейшей путанице. Неправильность подобных утверждений заключается в следующем: в V веке Римская империя была едина и нераздельна; хотя в ней вообще было более одного императора, двух империй никогда не было. Говорить о двух империях в V или IV веке, это значит представлять в совершенно неправильном виде теорию имперского основоположения. Никто не говорит о двух Римских империях в дни Констанция и Константа (преемников Константина Великого); отношения же Аркадия к Гонорию, Феодосия Малого к Валентиниану III, Льва I к Анфимию были точно такими, как политические отношения между сыновьями Константина. Правители могли быть независимы друг от друга, даже враждебны; единство империи, в которой они управляли, этим теоретически не нарушалось. Империя в 476 году не пала; этот год указывает только на ступень, и даже не на самую важную, в процессе разъединения (дезинтеграции), который продолжался в течение целого столетия. Отречение Ромула Августула даже не пошатнуло Римскую империю; тем не менее оно привело империю к падению. К несчастью, со времени Гиббона, который говорил о «падении Западной империи», многие современные писатели дали санкцию этой фразе.

Итак, Римская империя существовала с I века до н. э. до половины XV века. Только с 800 года можно называть ее Восточно-Римской империей ввиду основания другой Римской империи на Западе.[1] Поэтому Бьюри свой третий том, вышедший в 1912 году и излагающий события с 802 года, озаглавил уже «Историей Восточной Римской империи» в отличие от двух первых томов,

Упомянув о том пренебрежении, с которым к Византии с XVIII века относились историки и философы, Бьюри замечает, что этим они показывают свое полное незнакомство с одним из самых важных, существенных факторов в развитии западноевропейской цивилизации — а именно с влиянием позднейшей Римской империи и Нового Рима.[2]

---

[1] *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. I, pp. V—VII. Это введение отсутствует во втором издании, однако оно имеет отношение к нашему обзору. См. также: *F. Dolger*. Review: Bury. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXVI, Heft 1—2, 1926, S. 97.

[2] Ibidem.

Конечно, взгляд Бьюри не является чем-либо особенно новым. Непрерывность Римской империи до XV века признавали и раньше, например, Монтескье в своих «Рассуждениях о причинах величия римлян и их упадка» (Considerations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur decadence). Но Бьюри с особенной силой оттенил этот тезис и провел в своем труде.

Сочинение Бьюри, особенно же последний, третий том, заслуживает самого большого внимания. Излагая судьбы восточной половины империи, он следит также до 800 года за событиями ее западной половины, что вполне, конечно, соответствует его взгляду о единой Римской империи. Бьюри в своей книге не ограничивается одной политической историей; целые главы у него посвящены вопросам администрации, литературы, общественной жизни, географии, искусства и т. д. Первые две главы второго издания, посвященные образованию монархии и административному устройству, оценены прекрасно известным специалистом по истории Римской империи, как лучшее краткое описание общих условий, которые господствовали в поздней Римской империи.[1] Автор прекрасно знаком с русским и другими славянскими языками; поэтому в третьем томе его истории привлечена к делу и оценена вся русская и болгарская литература по данной эпохе.

Ламброс. Спиридон Ламброс (Λαμπρος), современный греческий ученый и профессор Афинского университета, деятельный издатель рукописных документов и исторических текстов, автор каталога греческих рукописей Афона и т. д., написал на протяжении с 1886 по 1908 гг. шеститомную «Историю Греции с рисунками с древнейших времен до взятия Константинополя» (Ιστορια τῆς Ελλαδος μετ' εικονων απο τῶν αρχαιοτατων χρονων μεχρι τῆς αλωσεως τῆς Κωνσταντινουπολεως. Афины, 1886—1908, в 6 томах). Сочинение Ламброса, предназначенное преимущественно для читающей публики, ясно и толково излагает события византийской истории до конца существования империи. Источники автором не указываются; текст иллюстрирован многочисленными рисунками.[2]

---

[1] *M. Rostovzeff.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926, p. 628.

[2] См. том, посвященный памяти Ламброса, на современном греческом: Σπυριδων Λαμπρος, 1851—1919, изданный А. Н. Скиасом, с. 5—29; библиография работ Лаброса — с. 35—85; неопубликованные рукописи работ, найденные после его смерти, с. 86—138; см. также: *E. Stefanou.* Spyridon Lambros, 1851—1919; *Xenophon Siderides*, 1851—1929. — Échos d'Orient, XXIX, 1930, pp. 73—79. Работы Лаброса по византинистике еще недостаточно оценены. (Ни в примечании, ни в библиографии А. А. Васильев не указал выходных данных тома памяти Ламброса, изданного А. Н. Скиасом. — *Науч. ред.)*

Гельцер. Профессор Йенского университета Генрих Гельцер написал для второго издания «Истории византийской литературы» Крумбахера «Очерк византийской императорской истории» (Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. Мюнхен, 1897). Очерк Гельцера касается, главным образом, внешней истории, находится местами в зависимости от известной уже нам книги Герцберга и в своем поспешном, не всегда точном изложении фактического материала не отделяет существенного от второстепенного. Будучи партийным политическим борцом, Гельцер иногда без всякой нужды переносит свои политические симпатии и антипатии на оценку исторических явлений византийской истории. Очерк Гельцера может быть полезен для первоначальных справок.

Интересно услышать из уст немецкого ученого следующие строки в заключение его очерка: «Русский царь сочетался браком с царевной из дома Палеологов; венец Константина Мономаха был возложен в Кремле на самодержца всея Руси. Русское государство представляет собой действительное продолжение Византийской империи. И если св. София будет когда-либо возвращена истинной вере, если Малая Азия будет когда-либо вырвана из рук отвратительно хозяйничающих там турок, то это может быть сделано только русским царем. Противодействие Англии идет вразрез с природой и историей и поэтому, наверно, хотя быть может довольно поздно, будет сломлено. Константинопольским императором может стать только защитник православной веры, русский царь, поскольку он серьезно проникнется великими обязанностями, связанными с этой задачей».[1]*

Гесселинг. В 1902 году профессор Лейденского университета в Голландии Гесселинг (D. C. Hesseling) издал на голландском языке книгу «Византия. Исследования в области нашей духовной культуры со времени основания Константинополя» (Byzantium. Studien over onze beschaving na de stichting van Konstantinopel. Haarlem, 1902). Ввиду малой распространенности голландского языка работа Гесселинга стала, можно сказать, доступной для всех лишь в 1907 году, когда появился французский перевод его книги с предисловием известного французского византиниста, академика Шлюмберже (G. Schlumberger) под заглавием «Опыт византийской

---

[1] Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte, S. 1067.

* В соответствующем месте русской версии стоят две фразы, не включенные А. А. Васильевым в последующие издания. Они, между тем, важны для русского читателя: «Очерк Гельцера существует в русском переводе под заглавием „Очерк политической истории Византии“. (Очерки по истории Византии под редакцией и с предисловием В. Н. Бенешевича, проф. СПб. Университета. Выпуск I. СПб., 1912)». — *А. А. Васильев*. Лекции по истории Византии... с. 27.

цивилизации» (Essai sur la civilisation byzantine par D. C. Hesseling. Париж, 1907). Во французском предисловии самого автора несколько загадочно замечено, что «перевод приспособлен ко вкусу французской публики».

Содержательная, сравнительно небольшая по объему книга Гесселинга в главных чертах рисует картину византийской цивилизации, обращая внимание на все стороны многообразной жизни Восточной империи. Из политических событий автором приняты в расчет лишь те, которые являются необходимыми для лучшего уяснения идеи византийской цивилизации, а из личных имен и отдельных фактов упомянуты лишь те, которые имеют отношение к общим идеям. Большое место уделено в книге Гесселинга литературе и искусству.

«Опыт византийской цивилизации» Гесселинга, написанный, может быть, несколько элементарно для специалистов, будет очень полезен для всех тех, кто захотел бы в доступном и вместе с тем серьезно обоснованном изложении познакомиться с общим значением Византии.

Бассел. Двухтомная работа В. Ф. Бассела (F. W. Bussel) * «Римская империя: опыт конституционной истории от восшествия Домициана до отстранения Никифора III (1081)» (Roman Empire: Essays on the Constitutional History from the Accession of Domitian to the Retirement of Nicephorus III (1081 A. D.)) была опубликована в Лондоне в 1910 году. Хотя нельзя сказать, что в этой работе нет интересных идей и аналогий, она страдает от обширных пересказов, повторов и отсутствия ясности в плане. В результате ценные идеи иногда остаются затемненными. Хронологические рамки этой работы выбраны произвольно, хотя автор и постарался придать им известное обоснование (см. vol. I, pp. 1—2, 13—17). Во втором томе читатель с удивлением обнаружит очерк истории отношений Армении и Византийской империи с 520 до 1120 гг. Работу Бассела читать трудно. Ссылок она не имеет. Основная идея автора заключается в том, что республиканские формы римского государственного устройства в имперское время, совершенно очевидные в раннее время, продолжали существовать в той или иной степени до времени Комнинов, то есть до 1081 г., когда были окончательно заменены византийской формой самодержавия — тиранией.

---

* Здесь в английском тексте стоит прилагательное English, смысл которого, учитывая факт издания работы в Лондоне, не очень ясен. Можно предположить, что Бассел был американцем, однако сам А. А. Васильев, как правило, очень ясно указывающий этническую принадлежность всех исследователей, в данном случае не сказал ничего. Вызывает некоторое удивление и тот факт, что работа Бассела не была включена А. А. Васильевым в общую сводную библиографию своего труда.

«Кембриджская средневековая история» (The Cambridge Medieval History). Полную историю Византийской империи с прекрасной библиографией можно найти в «Кембриджской Средневековой истории». Первый том содержит главы по истории от Константина Великого до смерти Анастасия в 518 г.; во втором томе главы от восшествия Юстиниана I в 518 г. до времени иконоборчества. Весь четвертый том посвящен истории Византийской империи от 717 до 1453 гг. в увязке с историей древних славян, армян, монголов, а также балканских государств. Специальной главы о периоде Палеологов здесь нет. Эта общая история средних веков была издана под руководством покойного Дж. Б. Бьюри и представляет собой коллективную работу хорошо известных европейских исследователей.

Ромейн. В 1928 г. Йан Ромейн (Jan Romein) опубликовал на голландском прекрасного качества обзор византийской истории под заголовком: «Византия. Исторический обзор о государстве и цивилизации в Восточной Римской империи» (Byzantium. Geschiedkundig Overzicht van Staat et Beschaving in het Oost-Romeinsche Rijk). Книга эта достойна доверия и, хотя ссылки не приведены, она основана на оригинальных источниках. Автор разбирает не только политическую историю, но также и социальное, экономическое и культурное развитие империи. В книге тридцать пять превосходных иллюстраций.

Васильев. «The History of the Byzantine Empire» А. А. Васильева была опубликована в Мадисоне, штат Висконсин в 1928 и 1929 гг. Работа охватывает всю историю Византийской империи от четвертого века до ее падения в 1453 г. В 1932 г. эта книга была опубликована по-французски как расширенное и переработанное издание с иллюстрациями и весьма неудовлетворительными картами. К французскому изданию великодушное предисловие было написано знаменитым французским византинистом Шарлем Дилем.[1] (Второе, переработанное американское издание «The History of the Byzantine Empire» уже в одном томе было опубликовано в том же Мадисоне в 1952 г. — *Науч. ред.*) *

Рансимен. Весьма ценная работа Стивена Рансимена (Stephen Runciman) «Византийская цивилизация» (Byzantine Civilization).

---

[1] *A. A. Vasiliev.* Histoire de l'Empire Byzantin. Vol. 1—2. Paris, 1932. Перевод с русского П. Бродина и А. Бургиной, издано А. Пикаром (A. Picard), с предисловием Ш. Диля. Утверждение, встречающееся на обложке, что книга переведена с русского, неверно. Перевод сделан с английского издания, впрочем, переводчики могли использовать устаревшее русское издание. См. также библиографию о различных изданиях работы.

* О соотношении версий работы см. подробно предисловие редактора.

Рансимен начинает свою книгу с обсуждения вопроса об основании Константинополя. В последующих главах он дал весьма краткий, но ясный очерк политической истории, имперской организации, административного устройства, религии и церкви, армии и флота, дипломатии, торговли, городской и сельской жизни, воспитания и обучения, литературы и искусства и, наконец, разбор проблемы «Византия и окружающий мир». Это очень интересная и хорошо написанная книга.[1]

Иорга. В 1934 году румынский историк Н. Иорга (N. Iorga) опубликовал на французском «Историю византийской жизни. Империя и цивилизация» (Histoire de la vie byzantine. Empire et civilisation). Автор делит историю Византийской империи на три периода: 1) от Юстиниана до смерти Ираклия — «экуменическая империя» (l'empire œcumenique); 2) от времен Ираклия до времени Комнинов — «средняя империя греческой цивилизации» (l'empire moyen de civilisation hellenique); 3) время Комнинов и Палеологов — «империя латинского проникновения» (l'empire de penetration latine). Книга содержит большое количество информации по всем вопросам византийской истории, ценные замечания и оригинальные, иногда дискуссионные, идеи. Книга снабжена весьма богатой и разнообразной библиографией.

Диль и Марсэ. «Восточный мир с 365 по 1081 год» (Le Monde Orientale de 365 a 1081» Шарля Диля и Жоржа Марсэ (Ch. Diehl, G. Marçais) был опубликован в Париже в качестве одного из томов серии «Общая история» (Histoire generale), опубликованной под руководством Гюстава Глотца (Gustave Glotz). Впервые в истории византинистики история мусульманского мира, судьбы которого неразрывано связаны с Восточной империей, была включена в книгу о Византии. Два выдающихся исследователя обеспечили прекрасное качество работы. Ш. Диль, конечно, находился здесь в полной зависимости от своих предыдущих работ. В соответствии с планами серии, Ш. Диль начал книгу с 395 года, так что четвертый век, который так важен для византийских штудий, оказался за пределами работы. Ш. Диль довел историю Византии до 1081 года, до эпохи крестовых походов, когда начинается новый период в истории Ближнего Востока. Книга дает прекрасное представление не только о политической истории империи, но и о ее внутренней жизни, социальной и экономической структуре, законодательстве и, наконец, о ее разносторонней и разнообразной цивилизации.

---

[1] См. рецензию Ш. Диля в Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXXIV, 1934, SS. 127—130. Диль отмечает некоторое количество ошибок, но признает книгу превосходной.

В книге приведена превосходная библиография основных источников и современных исследований.[1]

Второй том «Восточного мира» (Le Monde Orientale) был написан Ш. Дилем, Р. Гийаном (Guilland), Л. Икономосом (Oeconomos) и Р. Груссе (Grousset) под заголовком «Восточная Европа от 1081 г. до 1453 г.» (L'Europe Orientale de 1081 a 1453). Этот том был опубликован в 1945 году. Диль в сотрудничестве с Икономосом описал период от 1081 до 1204 года; Гийан представил историю Византии от 1204 до 1453 года; Груссе писал историю латинского Востока. Книга включает очерки по истории соседних народов, таких как болгары, сербы, турки-османы, о цивилизации Венеции и Генуи, о царстве киликийской Армении и латинских владениях на островах Греции. Книга является полезным и ценным вкладом в науку.[2]

Хайхельхайм. В 1938 г. Фритц Хайхельхайм (Fritz Heichelheim) опубликовал два объемистых тома по «Экономической истории античности от Палеолитической Эры до миграции германцев, славян и арабов» (Wirtschaftsgeschichte des Altertums von Palaolitickum bis zur Volkerwanderung der Germanen, Slaven und Arabes). Сегодня особенно интересны две главы — восьмая «Время от Августа до Диоклетиана» и девятая «Поздняя античность от Диоклетиана до Ираклия как страж богатств Древней Цивилизации для будущего». Книга содержит весьма разнообразную информацию по социальным и экономическим условиям жизни империи в четвертом, пятом, шестом и седьмом веках. Все это, однако, представлено в неясной форме, так что книгой трудно пользоваться как источником информации. Книга написана тяжелым немецким стилем, но византийская ее часть заслуживает изучения и детальной рецензии специалистом-византинистом.

Амантос. Греческий ученый Константин Амантос (Ἀμαντος) опубликовал в 1939 году первый том «Истории Византийской империи» (Ιστορια τοῦ Βυζαντινοῦ Κρατους). Работа охватывает время

---

[1] В рецензии Э. Штайн замечает, что все серьезные критики с сожалением отмечают факт появления «Истории Византии» в серии Глотца (Revue belge de philologie et d'histoire, vol. XVII, 1938, pp. 1024—1044). Это утверждение не только несправедливо, но и неточно. См. протест Henri Gregoire: Byzantion, vol. XIII, 2, 1938, pp. 749—757, со ссылкой на хвалебную рецензию по поводу Диля, написанную Г. Острогорским на сербо-хорватском и переведенную Грегуаром. См. также рецензию А. А. Васильева: Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher, Bd. XIII, I, 1937, SS. 114—119.

[2] Ш. Диль умер в Париже 4 ноября 1944 г. О работах Ш. Диля и их значении см.: *V. Laurent*. Charles Diehl, historien de Byzance; *G. Brattianu*. Charles Diehl et la Roumanie. — Revue historique du sud-est europeen, vol. XXII, 1945, pp. 5—36.

от 395 до 867 гг. то есть до начала Македонской династии. В начале книги Амантос дает прекрасную характеристику империи четвертого века, подчеркивая триумф христианства, основание Константинополя и германские вторжения. Это прекрасный образец работы с многочисленными важными замечаниями. Работа показывает, что греки наших дней серьезно заинтересованы не только в изучении классического времени и современной политики, но и в разработке истории средних веков Ближнего Востока, которые очень много значат для истории Греции. Второй том истории Амантоса, охватывающий период 867—1204 годов, вышел в 1947 году.

Острогорский. В 1940 году Георгий Острогорский, русский ученый, живущий теперь в Белграде, опубликовал на немецком «Историю византийского государства» (Geschichte des byzantinischen Staates).[1] Эта работа имеет первостепенное значение. В ней рассмотрен весь период византийской истории до падения империи. Г. А. Острогорский дает прекрасную картину развития Византии, начиная с шестого века. Ранний период истории империи, 324—610 гг., обрисован только кратко, в соответствии с планом Handbuch, в рамках которого сочинение Г. А. Острогорского было опубликовано. Текст снабжен весьма полезными и прекрасно подобранными примечаниями и ссылками. Книга дает хорошую, вызывающую доверие картину развития Восточной империи. Как показывает заголовок, основная задача автора заключалась в намерении показать развитие Византийского государства и его изменения под влиянием внутренних и внешних политических факторов. Хотя политическая история в этой книге и преобладает, однако социальные, экономические и культурные феномены принимаются во внимание. В качестве приложения к этому тому можно горячо порекомендовать прекрасную главу Г. А. Острогорского из первого тома «Кембриджской Экономической Истории Европы от упадка Римской Империи» (The Cambridge Economic History of Europe from the Decline of the Roman Empire) — «Аграрные условия в Византийской империи в Средние века» (Agrarian Conditions in the Byzantine Empire in the Middle Ages). Книга Г. А. Острогорского

---

[1] Сочинение Острогорского представляет собой первую половину второго тома серии Byzantinisches Handbuch im Rahmen des Handbuchs der Altertumswissenschaft, ed. W. Otto. Ни первый том, ни вторая половина второго тома этой серии никогда не публиковались. (А. А. Васильев не отметил того, что сочинение Г. А. Острогорского переиздавалось неоднократно и на разных языках. Второе немецкое издание работы вышло в 1952 г. в Мюнхене. Наиболее полным же, но и сильно переработанным, является последнее сербо-хорватское издание — «Историја Византије». Београд, 1969. — *Науч. ред.)*

является прекрасным образцом научного исследования и совершенно необходима изучающему византийскую историю.[1]

В 1947—1950 гг. были опубликованы три тома работы известного французского византиниста **Л. Брейе** (L. Brehier), умершего в октябре 1950 г., под заглавием «Византийский мир: I. Жизнь и смерть Византии; II. Учреждения Византийской империи. III. Византийская цивилизация» (Le Monde Byzantin: I. Vie et mort de Byzance; II. Les Institutions de l'Empire Byzantin; III. La Civilisation Byzantine).

Общие популярные обзоры истории Византии

Историческая литература имеет в своем распоряжении несколько обзоров византийской истории, предназначенных для широкой публики и в большинстве случаев не имеющих серьезного научного значения. Тем не менее подобные популярные очерки, хотя бы и не самостоятельные, могут принести известную пользу и возбудить у читателя дальнейший интерес к судьбам Византийской империи. Большинство популярных очерков по истории Византии написано на английском языке.

Ярко написана и снабжена хорошими рисунками английская книга Омана «Византийская империя» (*Oman*. The Byzantine Empire. 3-е издание, Лондон, 1892). Англичанин Гаррисон сделал, на основании трудов Финлея и Бьюри, попытку выяснить значение Византии с точки зрения западноевропейской цивилизации в своей небольшой книжке (63 стр.) «Византийская история в раннее средневековье» (*F. Harrison*. Byzantine history in the early middle ages. Лондон, 1900). Любопытная попытка нарисовать картину социальной и политической эволюции Византийской империи сделана французом Гренье, человеком, никогда не занимавшимся историей Византии, в его двухтомном труде «Византийская империя: ее социальная и политическая эволюция» (*Pierre Grenier*. L'Émpire Byzantin: son evolution sociale et politique. Париж, 1904). Несмотря на неудовлетворительность общей конструкции эволюции и на большое число крупных и мелких промахов и недостатков, что является вполне понятным для неспециалиста, пожелавшего охватить то, что до сих пор было недоступным и для специалистов,

---

[1] См. рецензию Gregoire на Острогорского: Byzantion, vol. XVI, 2, 1944, pp. 545—555. См. по поводу этой книги интересные замечания: *G. Rouillard*. A propos d'un ouvrage recent sur l'histoire de l'État byzantin. — Revue de philologie, 3e ser., vol. XIV, 1942, pp. 169—180.

[2] Позднее перепечатано в: *F. Harrison*. Among My Books: Centenaries, Reviews, Memoirs. London, 1912, pp. 180—231.

Константин Великий у Мульвийского моста. Миниатюра из византийской рукописи X в. Национальная библиотека. Париж.

сочинение Гренье может быть прочитано не без пользы, так как дает весьма много разнообразных и разносторонних сведений, правда, далеко не всегда точных, из области византийской истории.

Краткую, но содержательную историю Константинополя в связи с общей историей империи можно найти в английской книжке Хаттона «Константинополь: История старой столицы империи» (*W. N. Hutton*. Constantinople: the Story of the Old Capital of the Empire. London, 1904).

Краткий и очень сухой обзор истории Византии написан Ротом «История Византийского государства» (*K. Roth*. Geschichte des Byzantinischen Reiches. Leipzig, 1904, 125 S.; есть русский перевод). Профессор Скала дал во «Всемирной истории» Гельмольта очень содержательный, продуманный, основанный на хорошем знакомстве с источниками и литературой очерк истории Византии под заглавием «Эллинизм со времен Александра Великого» (*R. von Scala*. Das Griechentum seit Alexander dem Grossen. — В пятом томе изд.: *Helmolt*. Weltgeschichte. Leipzig, Wien, 1904, 116 S.; есть плохой русский перевод). В последнем очерке автор с вниманием остановился на анализе византийской цивилизации и на выяснении ее значения. На английском языке существует краткий, серьезный и составленный по очень наглядному плану очерк румынского историка Иорга под заглавием «Византийская империя» (*N. Iorga*. The Byzantine Empire. London, 1907). Наконец, на английском же языке, с прекрасными рисунками, появилась в 1911 году живо написанная книга Фурда «Византийская империя — арьергард европейской цивилизации» (*E. Foord*. The Byzantine Empire — the Rearguard of European Civilization. London, 1911). Жаль, что

в этой книге чрезмерно кратко и поверхностно изложена история Византии в эпоху ее падения, т. е. после 1204 г.

Краткий очерк истории Византии можно найти во «Всеобщей истории с IV века до наших дней» Лависса и Рамбо (*E. Lavisse et A. Rambaud*. Histoire generale du IV-ieme siecle a nos jours). Работа итальянца Турки (N. Turchi) «Византийская цивилизация» (La civilta bizantina. Torino, 1915) представляет собой ценный очерк византийской культуры.

В 1919 г. Ш. Диль опубликовал «Историю Византийской империи» (Histoire de l'Empire Byzantin). В этой книге Ш. Диль попытался дать более, чем просто обзор политической истории Византийской империи, он дал очерк наиболее важных внутренних процессов и объяснение значения византийской цивилизации. Книга имеет краткую библиографию, а также много карт и иллюстраций. Эта работа выдержала во Франции много изданий.*

В работе «Византия: величие и упадок» (Byzance: Grandeur et Decadence. Paris, 1919) Ш. Диль изобразил блистательную картину внутренней жизни Византии. Он рассматривает причины величия и упадка империи, влияние византийской цивилизации на соседние народы, византийское наследие в Турции, Руси и балканских государствах.[1] Август Гейзенберг (August Heisenberg) дал серьезный и хорошо написанный очерк жизни и цивилизации Византии в книге: «Государство и общество византийского царства» (Staat und Gesellschaft des Byzantinischen Reiches), которая составляет часть издания «Культура современности» (Die Kultur der Gegenwart), изданной П. Хиннебергом (P. Hinneberg). Норман Х. Бейнз (N. H. Baynes) дал подобную картину в своей «Византийской империи» (Byzantine Empire. London, 1926), которая охватывает период от IV века до времени взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. История Византийской империи до конца одиннадцатого века была кратко описана Л. Альфеном (L. Halphen): «Варвары: от великих нашествий до турецких завоеваний XI века» (Les Barbares: des grandes invasions aux conquêtes turques du XIe siecle.

---

* Здесь А. А. Васильев сообщает об английском переводе этой работы. В данном издании представляется более важным отметить для русского читателя наличие русского перевода: *Ш. Диль.* История Византийской империи. Пер. с франц. А. Е. Романской под ред. и с предисл. Б. Т. Горянова. М., 1948.

[1] Основа этой книги послужила Ш. Дилю базой для текста глав XXIII и XXIV четвертого тома «Кембриджской средневековой истории». Это выявилось в еще более ясной форме в работе «Les grands problemes de l'histoire byzantine» (Paris, 1943, p. 178). (Отметим, что последняя работа существует в русском переводе: *Ш. Диль.* Основные проблемы византийской истории. Пер. с франц. и предисл. Б. Т. Горянова под ред. С. Д. Сказкина. М., 1947. — *Науч. ред.*)

Paris, 1926). В книге есть хорошая библиография. Еще одна книга общего характера — *R. Byron.* The Byzantine Achievement. An Historical Perspective A. D. 330—1453. London, 1929. Небольшая французская книжка Огюста Байи (Auguste Bailly) «Византия» (Byzance. Paris, 1939) в популярной форме излагает всю византийскую историю. Книга не только приятна, но и полезна для чтения. «Императорская Византия» (Imperial Byzantine), английское издание оригинальной немецкой работы Берты Динер (Bertha Diener), появилось в 1938 г.[1] Завися от современных византинистов в том, что касается фактов, она изложила историю империи в несколько живописном стиле, как предполагают названия глав. Глава III названа «Ангелы и евнухи», а последняя, которая содержит общий обзор положения в империи после четвертого крестового похода, соответственно названа «Сон в летнюю ночь середины лета» (Midsummer Night's Dream). Короткая, но очень хорошая «История Византии» (Histoire de Byzance) П. Лемерля была опубликована в Париже, в 1943 г.[2] Краткие, но заслуживающие внимания общие обзоры византийской истории даны Е. Герландом (E. Gerland) в «Catholic Encyclopedia» и Дж. Б. Бьюри в одиннадцатом издании «Encyclopedia Britannica».

Превосходным введением в историю Византии является монументальная работа О. Зеека (O. Seek) «История упадка античного мира» (Geschichte des Untergangs der Antiken Welt), опубликованная между 1895 и 1930 гг., в которой события доведены до 476 г. Двумя другими очень полезными введениями в византийскую историю являются исследования Э. Штайна (E. Stein) «История поздней империи»* и Ф. Лота (F. Lot) «Конец античного мира и начало средних веков» (La fin du monde antique et le debut du Moyen Age. Paris, 1927). Последняя книга включает эпоху Юстиниана Вели-

---

[1] Немецкое первоиздание 1937 г. называлось: «Византия. Об императорах, ангелах и евнухах» (Byzanz. Von Kaisern, Engeln und Eunuchen) и появилось под псевдонимом «Сер Галахад». Французское издание было осуществлено в том же году.

[2] См. весьма положительную рецензию В. Грюмеля на эту книгу: Études byzantines, vol. II, 1945, p. 275.

* История работы Э. Штайна сложна. Написана она была по-немецки, однако на немецком языке существует лишь первый том работы — Geschichte des Spatromischen Reiches. Bd. I. Wien, 1928. По принципиальным соображениям политического характера Э. Штайн отказался от продолжения публикации на немецком языке. В результате работа была издана полностью только по-французски. Второй том работы — это А. А. Васильев отмечает — был издан в 1949 г. под заголовком «Histoire du Bas-Empire». Через семь лет после второго американского издания работы А. А. Васильева, в 1959 г., на французском языке под тем же заглавием был издан и первый том «Истории поздней империи» Э. Штайна.

кого. Второй том Э. Штайна, освещающий события 476—565 гг., опубликован в 1949 г.

Византийская литература. Настольной книгой для знакомства с византийской литературой и для различных справок в ее области является второе издание капитального труда мюнхенского профессора Карла Крумбахера «История византийской литературы от Юстиниана до конца Восточно-римского государства» (*Karl Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des ostromischen Reiches. München, 1897, 1193 S.). Богословская литература во втором издании Крумбахера составлена профессором Эрхардом (A. Ehrhard); там же помещен, как было уже отмечено выше, «Очерк политической истории Византии» Гельцера.

Введение к труду Крумбахера и главы об историках и хронистах вышли в русском переводе в «Очерках по истории Византии» под редакцией проф. В. Н. Бенешевича (вып. III. СПб., 1913; и вып. IV. Пг., 1915).

Труд Крумбахера есть главное, основное пособие для изучения византийской литературы, поражающее громадным количеством привлеченного материала и показывающее глубокие познания и необычайное трудолюбие автора. Крумбахер был хорошо знаком с русским и другими славянскими языками, и поэтому русские и вообще славянские работы всегда принимались им в расчет. Конечно, труд Крумбахера предназначен лишь для специалистов; обычному читателю он не подходит. Но сам Крумбахер в другом месте изложил для широкой публики в доступной форме на 50 страницах историю византийской литературы под заглавием «Греческая литература средневековья» (Die griechische Literatur des Mittelalters (Leipzig, Berlin, 1912), в сборнике «Die Kultur der Gegenwart», под редакцией Hinneberg'a). Эта последняя работа Крумбахера вышла в свет после его смерти. Для народной греческой литературы имеет значение книга К. Дитериха «История византийской и новогреческой литературы» (*K. Dieterich*. Geschichte der byzantinischen und neugriechischen Literatur. Leipzig, 1902).

Ценный историко-литературный материал включен в написанную по-итальянски книгу Г. Монтелатичи (G. Montelatici) «История византийской литературы, 324—1453» (Storia della letteratura bizantini, 324—1453), опубликованную в Manuali Hoepli, serie scietifica (Milano, 1916). Эта книга не является повторением работы Крумбахера, она была опубликована девятнадцатью годами позже и включает большое количество новой информации. С. Меркати (S. Mercati) написал детальную рецензию на эту книгу с перечислением многих ошибок (Roma e l'Oriente, VIII, 1918, pp. 171—183). Краткий обзор византийской литературы на польском — Ян Сайдак (*Jan Saidak*. Litteratura Bizantynska. Warszawa, 1933) — доверия

Сон Константина Великого. Миниатюра из византийской рукописи X в. Национальная библиотека. Париж.

не внушает. Для раннего периода византийской литературы, начиная с IV века, очень полезна книга В. Криста «История греческой литературы» (*W. Christ*. Geschichte der griechischen Litteratur. Bd. II. Munchen, 1924). Три другие ценные книги: «История позднегреческой литературы от смерти Александра в 323 г. до н. э. до смерти Юстиниана в 565 г. н. э.» Ф. А. Райта (*F. A. Wright*. A History of Later Greek Literature from the Death of Alexander in 323 B. C. to the Death of Justinian in 565 A. D. New York, 1932), «Папирология» Отто Барденхевера (*O. Bardenhewer*. Papyrologie. 3. Aufl. Freiburg, 1910) и его же «История литературы древней Церкви» в 5 томах (Geschichte der altkirchlichen Literatur. Freiburg, 1910). В последней работе особенно важны завершающие три тома, охватывающие период с IV по VIII вв. Н. Иорга кратко проанализировал византийскую литературу в статье «La litterature byzantine, son sens, ses divisions, sa portee» (Revue historique du sud-est europeen, vol. II, 1925, p. 370—397).

Очерк разработки истории Византии в России

В России русские ученые стали серьезно заниматься историей Византии со второй половины XIX столетия.

Академики-немцы. В первой половине этого века историей Византии интересовались у нас приехавшие в Россию немцы, которые, будучи избраны членами нашей Академии наук, оставались в Санкт-Петербурге до самой смерти. Главный их интерес заключался в выяснении значения Византии и византийских источников

для русской истории. Из этих академиков можно назвать Ф. Круга (1764—1844) и А. Куника (1814—1899).

Западники и славянофилы. Среди наиболее выдающихся представителей русского общества в первой половине XIX века Византия очень часто служила материалом для подкрепления тех или других общественных течений; так, например, некоторые славянофилы [1] черпали из истории Византии данные, полезные для поддержания и исторического оправдания их теорий; западники брали из того же источника данные, которые должны были показать отрицательное значение византийской истории и выяснить всю опасность для России, если бы последняя вздумала следовать заветам погибшей империи. В одном из своих произведений Герцен писал: «Древняя Греция изжила свою жизнь, когда римское владычество накрыло ее и спасло, как лава и пепел спасли Помпею и Геркуланум. Византийский период поднял гробовую крышку, и мертвый остался мертвым; им завладели попы и монахи, как всякой могилой, им распоряжались евнухи, совершенно на месте, как представители бесплодности... Византия могла жить, но делать ей было нечего; а историю вообще только народы и занимают, пока они на сцене, т. е. пока они что-нибудь делают».* Другой наш западник, Чаадаев, говорил: «Повинуясь нашей злой судьбе, мы обратились к жалкой, глубоко презираемой этими народами Византии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания. Волей одного честолюбца эта семья народов только что была отторгнута от всемирного братства, и мы восприняли, следовательно, идею, искаженную человеческой страстью».** Но надо помнить, что подобные отзывы этих безусловно талантливых и образованных людей не имеют никакой исторической ценности, так как ни тот, ни другой никогда историей Византии не занимались.

---

[1] Славянофилы восхищались русской православной церковью и древнерусскими политическими и общественными учреждениями, существовавшими до времен Петра Великого, реформы которого, как они полагали, сбили Россию с пути. Западники, напротив, утверждали, что Россия должна жить в полном единстве с Западной Европой и что Россия стала цивилизованной страной только со времени реформ Петра Великого.

* *А. И. Герцен.* Былое и думы. Части 6—8. М., 1982, с. 379—380.

** *П. Я. Чаадаев.* Философические письма. Письмо первое, второе. Цит. по изданию: Россия глазами русского. Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. Отв. ред. А. Ф. Замалеев. СПб., 1991, с. 30. Во втором письме (там же, с. 39) высказана та же мысль, но с большей силой и без прямого упоминания Византии. Отметим также, что А. А. Васильев цитирует в английском переводе только первое из этих предложений. Между тем, мысль П. Я. Чаадаева без второй фразы непонятна: бедствия России начались с отдаления от Западной Европы после принятия православия и окончательного раскола Церкви.

Но сознание важности изучения Византии было налицо уже у нас в середине XIX века. Один из самых глубоких славянофилов, А. С. Хомяков, в пятидесятых годах писал: «По нашему мнению, говорить о Византии с пренебрежением — значит расписываться в невежестве».[1] В 1850 году знаменитый Т. Н. Грановский писал: «Нужно ли говорить о важности византийской истории для нас, русских? Мы приняли от Царьграда [2] лучшую часть народного достояния нашего, т. е. религиозные верования и начатки образования. Восточная империя ввела молодую Русь в среду христианских народов. Но кроме этих отношений, нас связывает с судьбой Византии уже то, что мы славяне. Последнее обстоятельство не было, да и не могло быть по достоинству оценено иностранными учеными».[3] Успешное решение наиболее важных задач византийской истории, по мнению того же Грановского, возможно было в его время только русским или вообще славянским ученым. На нас лежит, по его словам, некоторого рода обязанность оценить явление, которому мы так многим обязаны.[4]

Васильевский. Настоящим основателем ученого византиноведения в широком смысле этого слова был профессор Санкт-Петербургского Императорского университета, академик В. Г. Васильевский (1838—1899), одаривший русскую науку целым рядом важных исследований по специальным вопросам византийской истории, как внешней, так и внутренней, а также посвятивший много труда и тонкого аналитического таланта на изучение русско-византийских отношений. Некоторые работы Васильевского имеют крупное значение и для всеобщей истории; так, например, без его работы «Византия и печенеги» нельзя теперь никому обойтись при исследовании вопроса о первом Крестовом походе, что признается и в западноевропейской литературе.[5]

Профессор **Н. П. Кондаков**, который скончался в 1925 г., и академик **Ф. И. Успенский**, также являются выдающимися уче-

---

[1] *А. С. Хомяков*. Голос грека в защиту Византии. — В изд.: *А. С. Хомяков*. Сочинения, 4-е изд. Москва, 1914, т. 3, с. 366.

[2] Русское название Константинополя. (Примечание А. А. Васильева для англоязычного читателя. — *Науч. ред.*)

[3] *Т. Н. Грановский*. Собрание сочинение, 4-е изд. Москва, 1900, с. 378.

[4] Там же, с. 379.

[5] Столетие со дня рождения В. Г. Васильевского отмечалось в 1938 г. См.: *A. A. Vasiliev*. My Reminiscences of V. G. Vasilievsky; *G. Ostrogorsky*. V. G. Vasilievsky as Byzantinologist and Creator of Modern Russian Byzantology. Обе статьи см.: Annales de l'Institut Kondakov, vol. XI, 1940, pp. 207—214, 227—235. Очень хорошая статья о Васильевском и значении его трудов появилось в «Историческом журнале» за 1944 г. Автор — Н. С. Лебедев.

ными, первый — в области византийского искусства, второй — в области византийской социальной истории.

Мы не будем здесь останавливаться на разборе и на посильной оценке трудов этих трех наиболее видных представителей нашей науки. Задача настоящего очерка дать сведения об общих трудах по истории Византии. Между тем, В. Г. Васильевский оставил лишь работы по специальным вопросам; Н. П. Кондаков дал великой ценности труды, иногда общего характера, но только в области искусства.[1] Исключение составляет Ф. И. Успенский, о двух томах общего характера по византийской истории (опубликованы в 1914 и 1927 гг.) которого речь пойдет ниже.

Итак, до последнего времени основная роль наших наиболее выдающихся византинистов заключалась в детальной разработке и всестороннем освещении различных специальных вопросов, иногда в высшей степени важных.[2]

Ертов. Попытки приступить к печатанию общей истории Византии были сделаны русскими учеными лишь в последние годы. Правда, еще в 1837 году было напечатано в трех частях сочинение И. Ертова «История Восточно-Римской, или Константинопольской, империи, выбранная из всеобщей истории». Последнее прибавление в заглавии объясняется тем, что в начале тридцатых годов (1830—1834) была издана в пятнадцати частях «Всеобщая история и Продолжение всеобщей истории о переселении народов и образовании новых государств в Европе, Азии и Африке, от основания государства российского до разрушения восточной греческой империи» того же автора. Из последнего труда и было извлечено первое сочинение. И. Ертов — сын купца, писатель-самоучка — составил свое сочинение об истории Византии, имея в виду, что «для русских читателей нужнее наперед повествовательная история». Источниками Ертову, по его собственным словам, служили, «кроме многих извлечений из разных книг и журналов (на французском языке), „История“ Руайу, сокращение „Истории Восточной империи“ Лебо и „История“ Гиббона, сокращенная Адамом и переведенная на французский язык».[3] Конечно, компиляция Ертова, излагающая события византийской истории до падения Константинополя, никакого научного значения не имеет; но я счел

---

[1] См., однако, посмертное издание сочинений Н. П. Кондакова «Наброски и заметки по истории средневекового искусства и культуры» (Прага, 1929, III, с. 455).

[2] В 1926 г. английский историк Н. Х. Бейнз писал: «Вся литература о землевладении и налогах весьма специфична, и лучшее, что в данной области есть, написано по-русски» (*N. H. Baynes*. The Byzantine Empire. London, New York, 1926, p. 248).

[3] «История Восточно-Римской, или Константинопольской, империи», введение.

возможным сказать о его книге несколько слов, как о любопытном явлении для своего времени.

Ю. А. Кулаковский. Первая попытка написать серьезное сочинение по общей истории Византии принадлежит профессору университета св. Владимира, Ю. А. Кулаковскому. Будучи специалистом в области римской словесности, проф. Кулаковский работал над римской древностью, над историей римских учреждений, преимущественно императорского периода, и преподавал в университете римскую историю. С 1890 года он начал уделять часть своего времени на христианскую археологию и на византийскую историю. Как бы введением в историю Византии послужил сделанный проф. Кулаковским в начале нашего столетия (1906—1908) русский перевод известного римского языческого историка IV века н. э. Аммиана Марцеллина. В 1910 году автор выпустил в свет первый том своей «Истории Византии», охватывающий события с 395 по 518 гг. В 1912 году появился второй том, а в 1915 году третий том, в которых излагаются судьбы империи с 518 по 717 гг, т. е. до эпохи иконоборчества. В 1913 году вышло уже второе, пересмотренное, издание первого тома. С необыкновенным трудолюбием и неослабной энергией автор изучил византийские источники, греческие, латинские и восточные (в переводах), и на основании их и хорошего знакомства с литературой предмета подробно изложил внешнюю историю Византии до выше указанного времени. Явления внутренней истории, которых также касается проф. Кулаковский, теряются в массе подробностей из жизни внешней.

В своем изложении автор, по его собственным словам в предисловии к первому тому, старался, предлагая вниманию читателя события живой действительности, дать ему возможность чувствовать дух и настроение тех давних времен. «Наше русское прошлое, — продолжает автор, — связало нас нерасторжимыми узами с Византией, и на этой основе определилось наше русское национальное самосознание». С горечью в сердце отмечая факт устранения греческого языка из программы средней школы, проф. Кулаковский пишет: «Быть может, поймем и мы, русские, как понимают в Европе, что не в последнем слове современника, а в первом слове эллинов заключено творческое начало высокой европейской науки и культуры». В предисловии к третьему тому автор еще раз определяет свой план истории Византии такими словами: «Моей целью было представить последовательную, точную в хронологическом отношении и по возможности полную картину жизни империи на основании непосредственного изучения свидетельств источников на уровне современной разработки материала, как она дана в монографиях, относящихся к этому периоду, а также в многочисленных исследованиях по отдельным частным вопросам, появлявшихся в разных периодических изданиях, посвященных

византиноведению». Сочинение проф. Кулаковского может принести немалую пользу тому, кто захотел бы на русском языке познакомиться подробно с фактической историей Византии или прочитать в русском изложении главнейшее содержание источников; попутно читатель ознакомится и с некоторыми выводами современной исторической литературы по главнейшим вопросам византийской истории, как внешней, так и внутренней. Чересчур подробное изложение фактического материала привело к тому, что в трех первых вышедших томах, т. е. более чем на 1400 страниц, события доведены лишь до начала VIII века.*

Ф. И. Успенский. В 1914 году вышел в свет первый том «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского — академика и директора Русского археологического института в Константинополе. «История» Ф. И. Успенского, — роскошное, с картами, таблицами и многочисленными рисунками издание, доводящее на 872 страницах первого и пока еще единственного вышедшего тома изложение истории с IV века по начало VIII века, т. е. до эпохи иконоборчества. Это — первая попытка написать общую историю Византии. Человек, который сделал это, является одним из наиболее известных исследователей в области византийской истории и культуры. Он посвятил свою долгую и плодотворную жизнь почти исключительно изучению различных аспектов и эпох сложной истории империи. Он умер в Ленинграде в 1928 г. в возрасте 83 лет. Имея в виду дать читающей публике историю в общедоступном изложении, Ф. И. Успенский не дает большого научного аппарата ни в подстрочных примечаниях, ни в конце глав, а ограничивается лишь указанием руководящих пособий. Первая половина второго тома, опубликованная в 1927 году, содержит описание иконоборческой эпохи, а также проблемы славянских апостолов Кирилла (Константина) и Мефодия.

---

* Несколько ранее, в 1911 г., А. А. Васильев опубликовал на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» подробную рецензию на первый том «Истории Византии» Ю. А. Кулаковского. При корректной словесной форме эта рецензия была резко отрицательной по своей сути, ибо А. А. Васильев тщательно проанализировал и выявил все крупные и мелкие недочеты рецензируемого тома, каковых, особенно последних, в дореволюционном издании Ю. А. Кулаковского действительно немало. Остается только гадать, что именно привело к изменению взглядов А. А. Васильева на сочинение Ю. А. Кулаковского. Видимо, дело в особенностях характера А. А. Васильева. (О рецензии А. А. Васильева см. подробно: *А. Г. Грушевой.* Ю. А. Кулаковский (1855—1919) и его «История Византии». — В кн.: Ю. А. Кулаковский. История Византии. Том I. 395—518 гг. СПб.: «Алетейя», 1996, с. 438—440; *И. В. Куклина.* А. А. Васильев: «труды и дни» ученого в свете неизданной переписки. — В кн.: Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995, с. 327).

Первый том труда Ф. И. Успенского представляет собой в его большей части как бы обширное введение в историю Византии, когда слагались главные элементы «византинизма» и создавалась сложная византийская культура. Автор не может удержаться от того, чтобы в явлениях прошлой жизни Византии не видеть некоторых «уроков» для современности. Говоря о преобладающем значении для Византии ее восточных провинций и указав на то, что именно в Малой Азии, в Никейской империи, сохранилась и созрела идея восстановления Византийской империи в XIII веке, Успенский заключает: «Урок истории должен быть строго проверен, взвешен теми, кто в настоящее время ожидает дележа наследства после „опасно больного“ на Босфоре».[1] В другом месте автор говорит: «По отношению к оставленному Византией наследству мы напрасно стали бы себя обманывать, что в нашей воле уклониться от деятельной роли в ликвидации дел по этому наследству. Хотя вообще от наследника зависит, принимать наследство или отказаться, но роль России в Восточном вопросе завещана историей и не может быть изменена по произволу, если только какое-либо определенное потрясение не даст нам способности забвения, не отшибет память о том, чем мы жили, к чему стремились, от чего страдали».[2]

Обращая в своем изложении очень большое внимание на выяснение славяно-византийских отношений, автор в конце предисловия, написанного в октябре 1912 года, говорит: «Пусть читатель вдумается в содержание глав, посвященных южным славянам, и поищет там иллюстраций к переживаемым ныне печальным событиям на Балканском полуострове!», т. е. к событиям второй Балканской войны.[3]*

Успенский поставил себе целью дать в руки русского читателя такое чтение, которое, с одной стороны, своей строгостью и серьезностью давало бы ему идею о продуманной и тщательно взвешенной системе, а с другой — оставило бы добрую память об авторе, который убежден в том, что утверждение знаний о Византии и выяснение наших к ней отношений в высшей степени обязательно

---

[1] *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи, т. I, с. XII.
[2] Там же, с. 46—47.
[3] Там же, с. XIV.

* В соответствующем месте русской версии есть абзац, не включенный А. А. Васильевым в последующие издания. Между тем, для характеристики отношения А. А. Васильева к Ф. И. Успенскому эти слова представляются важными: «Итак, целью автора является дать читателю в общедоступном изложении „продуманную и тщательно взвешенную систему“ в области истории Византии, что должно сослужить большую службу для русского самосознания. Надо сказать, что автор не решил этой поставленной себе трудной и сложной задачи» (*А. А. Васильев.* Лекции по истории Византии... с. 36).

для русского ученого и не менее полезно как для образования, так и для направления на верный путь русского политического и национального самосознания.

Успенский, выступая защитником византинизма, не раз на протяжении своего изложения возвращается к выяснению этого понятия. По мнению автора, «самая существенная черта, которой открывается византинизм, заключается в иммиграции варваров в империю и в культурном и религиозном кризисе III—IV вв.».[1] В другом месте мы читаем: «Византинизм есть исторический принцип, действия которого обнаруживаются в истории народов юга и востока Европы; этот принцип заправляет развитием многих народов до настоящего времени и выражает особый склад верований и политических учреждений и, можно думать, особый вид организации сословных и земельных отношений».[2] Под византинизмом, который есть результат слияния романизма со старыми культурами — иудейской, персидской и эллинской, «прежде всего разумеется совокупность всех начал, под влиянием которых постепенно реформировалась Римская империя в V—VIII вв., прежде чем преобразоваться в Византийскую империю».[3] «Многообразные перемены вызвали германская и славянская иммиграции, произведшие реформы в социальном и экономическом строе и военной системе империи. Под действием новых начал реформируется Римская империя на востоке, приобретая характер византинизма».[4] «Проявляется же византинизм в следующих признаках: 1) в постоянной отмене господствовавшего латинского языка и замене его греческим или, собственно говоря, византийским; 2) в борьбе национальностей из-за политического преобладания; 3) в оригинальном характере развития искусства и в появлении новых мотивов, влиявших на создание новых памятников, равно как в своеобразных чертах литературных произведений, где вырабатывается постепенно новый и оригинальный метод под влиянием восточных культурных преданий и образцов».[5]

Из слов Успенского, что Римская империя на Востоке приобретает характер византинизма к VIII веку, видно, что мнение его в этом отношении совпадает с мнением английского византиниста Финлея.

Общие тезисы Успенского не доказаны в первом томе и поэтому могут быть надлежащим образом обсуждены и оценены лишь тогда, когда мы перед собой будем иметь законченную историю Византии или, по крайней мере, доведенную до латинского завоевания.

---

[1] *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи, т. I, с. 47—48.
[2] Там же, с. 16.
[3] Там же, с. 39.
[4] Там же, с. 39—40.
[5] Там же, с. 40.

Наиболее важными вопросами в первом томе, охватывающем, как было отмечено выше, события до начала иконоборческого периода в VIII веке, нужно признать: 1) вопрос о славянской иммиграции на Балканский полуостров и о ее последствиях для византийской жизни; 2) о землевладении в Византии и 3) о фемном, т. е. областном, строе империи. Если данные вопросы и не находят настоящего решения на страницах книги Успенского, то, во всяком случае, предложенное автором толкование их возбуждает желание и потребность подвергнуть эти сложные проблемы дальнейшему изучению.

Задуман труд был автором более четверти века тому назад, и писался, очевидно, долго и с перерывами, поэтому ценность его в различных частях далеко не одинакова. Наряду с главами в высшей степени живыми, свежими и интересными, мы имеем главы, основанные на устаревшем материале и не стоящие на уровне современного положения того или другого вопроса в науке. Особенно это чувствуется в главах об арабах и мусульманстве. К достоинствам книги безусловно принадлежит то, что автор много уделяет места явлениям внутренней жизни империи.

Первый том труда Успенского дает теперь возможность ознакомиться с начальным периодом византийской истории, написанной ясным языком и вышедшей из-под пера специалиста, посвятившего сорок лет своей научной работы почти исключительно изучению Византии. В 1948 г. был опубликован третий том его «Истории Византийской империи», охватывающий период 1081—1453 гг. Вторая половина второго тома не публиковалась.

С. П. Шестаков. В 1913 году в Казани вышли «на правах рукописи» «Лекции по истории Византии» профессора Казанского университета С. П. Шестакова; в 1915 году эти же лекции напечатаны были 2-м изданием, исправленным и дополненным (том I), причем на заглавном листе гриф «на правах рукописи» уже не стоял.

Лекции Шестакова излагают события, начиная с поступательного движения варварского мира в пределах западной и восточной половин Римской империи в III—V вв. и кончая коронованием Карла Великого в 800 году. Книга дает немало сведений, иногда неточных, о внешних делах, внутренней жизни, историографии и литературе предмета.*

---

* В соответствующем месте русской версии (*А. А. Васильев*. Лекции по истории Византии... с. 38—40) помещен большой раздел, не включавшийся автором в последующие издания — «Вопрос о постановке византиноведения в России». Причина, заставившая А. А. Васильева отказаться от воспроизведения этого текста в переработанных изданиях, понятна. Заявленный вопрос интересен только для русского читателя. Именно поэтому в данном издании этот текст приводится.

Вопрос о постановке византиноведения в России

Давно и часто говорили, что русским в деле изучения Византии должно принадлежать первое место, так как Россия получила наибольшую часть византийского культурного наследия, так как она ближе и вернее других государств и народов может понять и оценить явления византийской жизни. Эта необходимость сознавалась многими наиболее выдающимися умами русской науки; но, к сожалению, вопрос этот далее теоретических рассуждений и платонических пожеланий не шел.

Обоснованным пессимизмом звучат слова Ф. И. Успенского, когда он пишет о современном состоянии вопроса об изучении Византии в России. «Была пора, — и это не так давно, — когда на русских возлагались надежды, что они возьмут на себя всестороннюю разработку темы о византинизме и о культурном его значении и дадут разрешение занимавшей многих загадки. Но в настоящее время, когда изучением византийской истории и литературы усердно занимаются немцы, французы, англичане, итальянцы и другие народы, когда за границей появились специальные научные органы, посвященные византиноведению, нами утрачено и, вероятно бесповоротно, бывшее за нами право сказать новое слово в этой области». В другом месте Успенский замечает: «У нас нет научной византийской школы и, по-видимому, глохнут и византийские традиции».

Действительно, Западная Европа, для которой византийские интересы должны были бы казаться более далекими и чуждыми, чем нам, раньше нас поняла важность изучения Византии. Почин принадлежал Германии, где в 1892 году в Мюнхене была учреждена баварским правительством при университете кафедра византийской филологии, порученная Карлу Крумбахеру. В 1907 году при Парижском университете была также учреждена кафедра византийской истории, во главе которой встал французский византинист Шарль Диль (Charles Diehl). Конечно, благодаря созданию двух таких очагов византиноведения дело изучения Византии пошло в этих странах быстро вперед, и в семинариях обоих этих ученых, прекрасно оборудованных (особенно в Мюнхене) вспомогательными средствами в виде прекрасно подобранных специальных библиотек, собрания диапозитивов с памятников искусства и фотографических снимков с рукописей, работали не только немцы и французы, но и целый ряд приезжающих иностранцев, в том числе славян вообще и русских в частности. В 1906 году кафедра византийской филологии была основана при Римском университете, а в 1907 году профессура по новогреческой филологии была учреждена в Лейдене (Голландия).

В России дело византиноведения обстояло очень плохо. В университетах до последнего времени история Византии, приуроченная к кафедре всеобщей истории, не имела специальных центров. Поэтому очень немногие лица, посвящавшие лишь часть своего времени изучению Византии и обязанные главные общие курсы читать по западноевропейской истории, не могли, конечно, отдаться вполне излюбленному делу и создать то, что Россия нравственно давно должна была иметь, и что Западная Европа, как мы видели, уже имеет, т. е. специальную отрасль византиноведения в обширном смысле этого слова. Нужен был исключительный талант В. Г. Васильевского, который, работая при столь неблагоприятных условиях, смог оставить после себя нескольких византинистов, но работа последних, в смысле близких им византийских интересов, где они могли бы принести посильную пользу, протекала в очень тяжелых условиях.

Правда, в 1900 году в Одессе была учреждена экстраординатура по византийской филологии; но подобная, вызванная случайными обстоятельствами профессура, представитель которой, если только он не перейдет на другую кафедру, никогда не может сделаться ординарным профессором, конечно, задачи не решала. Поэтому то немногое, что выходило в России по византиноведению, было довольно случайным, хотя в научном отношении часто и представляло большую ценность. Немало пользы принесли византийским занятиям, особенно в области изучения церковных вопросов, работы Духовных Академий. Основанный в 1894 году Русский археологический институт в Константинополе, имеющий ближайшей своей задачей изучение византийской археологии и истории, также дал много ценного материала для византиноведения в своих «Известиях» (вышло 16 томов).

В настоящее время, при продолжающемся отсутствии отдельной кафедры византиноведения, в обиход университетского преподавания введена история Византии в виде отдельного предмета. Насколько мне известно, проект нового университетского устава предусматривает отдельную кафедру византиноведения.

К. Н. Успенский. Очень сильное и свежее впечатление оставляют его «Очерки по истории Византии», ч. I, М., 1917.[1] Книга имеет 268 страниц и содержит интересное общее введение и обзор социального и экономического развития Римской империи. Книга дает возможность читателю ощутить важные проблемы византийской истории. Рассказ завершается концом иконоборческого периода и восстановлением иконопочитания в 843 г., во время царствования Феодоры. Отличительная черта «Очерков» — подчеркивание вопросов внутренней организации империи, религиозной и социальной эво-

[1] Он умер в Москве в 1917 году.

люции; политические события приведены только в той мере, в какой автор считает их ценными для объяснения определенных феноменов социальной жизни. К. Н. Успенский старательно развил свою основную и совершенно правильную идею о греческой (Hellenistic) природе римской и византийской империи. Он сделал интересную попытку исследовать процессы феодализации византийской жизни как в светском, так и в церковном землевладении. К. Н. Успенский особенно интересовался иконоборческим периодом и последние главы «Очерков» заслуживают особого внимания. Он анализировал образование первых варварских королевств в рамках империи, административные реформы и финансовое состояние при Юстиниане, организацию фем, крестьянство VI, VII и VIII веков и так называемый «Земледельческий закон», проблемы землевладения и экскуссии. Небольших размеров, но богатая по содержанию, эта книга весьма ценна.

Васильев. «History of the Byzantine Empire» Васильева была сперва опубликована на русском языке в России. Вся работа состоит из двух томов и охватывает всю историю Византийской империи. Первый том был опубликован в 1917 г. в Петрограде под заголовком «Лекции по истории Византии. Т. I. Время до Крестовых походов». Второй том, охватывающий период от Крестовых походов по падения Константинополя, был опубликован в трех частях:

— История Византии. Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081—1185) и Ангелов (1185—1204). Пг., 1923;

— История Византии. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204—1261). Л., 1925;

— История Византии. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453). Л., 1925.

Информация о переводах, переработанных и расширенных изданиях включена в общую библиографию.*

Безобразов. «Очерки византийской культуры», посмертное сочинение П. В. Безобразова, скончавшегося в октябре 1918 г., было опубликовано в Петрограде в 1919 г. Эта живо написанная книга отличается несимпатичным (unsympathetic) подходом к византийской жизни, которую он изображает в очень мрачных красках. Он обсуждает императоров и императриц, деятелей церкви и государственных служащих, земельных собственников, ремесленников, литературу, представления и развлечения и дела юридические. П. В. Безобразов был очень талантливым исследователем и его книга не только приятна, но и полезна.

Левченко. Первая попытка кратко изложить византийскую историю с марксистской точки зрения была осуществлена в 1940 г. в книге «История Византии. Краткий очерк» (М.; Л., 1940), на-

---

* А также проанализирована в предисловии к настоящему изданию.

писанной М. В. Левченко. Если отмести в сторону стандартные атаки на «буржуазных византинистов», которые, совершенно очевидно, являются обязательными в России, книга показывает хорошее знание материала, дает интересную, хотя и несколько с предубеждением сделанную подборку отрывков из источников и посвящает много внимания внутренней истории, особенно социально-экономическим проблемам, которые М. В. Левченко связывает с интересами масс. Автор пишет (с. 4): «Как известно, христианство было принято Русью от Византии. Вместе с христианством славяне получили письменность и некоторые элементы более высокой византийской культуры. Ясно, что трудящиеся массы нашей страны вправе заинтересоваться историей Византийской империи, а советский историк должен удовлетворить этот интерес и дать научную историю Византии, построенную на основе марксистско-ленинской методологии».

Периодика, справочные издания, папирология

Первым специальным органом по византиноведению был немецкий журнал, издающийся с 1892 года, «Византийский журнал» (Byzantinische Zeitschrift); в нем, помимо многочисленных статей и рецензий на новые книги и издания, ведется подробная библиография всего того, что появляется в области византиноведения; большое внимание обращается на русские и вообще славянские издания. Основателем и первым редактором журнала был уже известный нам мюнхенский профессор Крумбахер. До 1914 года вышло двадцать два тома. К первым двенадцати томам в 1909 году издан том превосходного аналитического указателя. В течение Первой мировой войны журнал «Byzantinische Zeitschrift» перестал выходить, однако после войны он возобновился снова. В настоящее время * его издает Ф. Дельгер.

С 1894 года начал издаваться при нашей Академии наук журнал «Византийский временник», под редакцией В. Г. Васильевского и В. Э. Регеля, преследующий одинаковые с немецким журналом задачи. В библиографическом отделе особое внимание было обращено на славянские страны и страны христианского Востока. Журнал издается на русском языке, но иногда в нем можно найти статьи на французском и новогреческом. Его издание также прерывалось в годы Первой мировой войны. К 1917 году было опубликовано 22 тома, но 23-й появился только в 1923 г., а 25-й был опубликован в 1928 г. Шестнадцатый том содержит аналитический индекс к предыдущим пятнадцати, составленный П. В. Безобразовым. Ф. И. Успенский издавал «Византийский временник» до своей

---

* Время жизни А. А. Васильева.

смерти. После 1947 года в России началось издание новой серии «Византийского временника». В 1951 году был опубликован четвертый том.

С 1909 года начал выходить в Афинах на новогреческом языке также специальный журнал по византиноведению, издаваемый Афинским Византинологическим обществом под названием «Византия» (Βυζαντις). С 1915 года было издано три тома «Византийского обозрения» — журнала, издаваемого историко-филологическим факультетом Юрьевского (Тартуского) университета под редакцией В. Э. Регеля.

Н. А. Веис (N. A. Bees) начал в Берлине в 1920 году издание Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher, основная цель которых совпадает с задачами Byzantinische Zeitschrift. Начиная с пятого тома, этот журнал публикуется в Афинах, в Греции, где Веис является университетским профессором.

Во время Пятого интернационального конгресса историков, проходившего в Брюсселе в 1923 г., секция византинистики выразила желание создать новый международный журнал по византинистике. Во время Первого интернационального конгресса византинистов, который проходил в Бухаресте в 1924 году, окончательные планы издания такого журнала были оформлены, и в 1925 г. первый номер появился. Он был назван «Byzantion. Revue Internationale des Études Byzantines». Издателями его были P. Graindor, H. Gregoire. Том был посвящен всемирно известному русскому ученому Н. П. Кондакову и его восьмидесятилетию, но как раз в день выхода журнала пришла весть о кончине Кондакова (16 февраля 1925 г.).

Между 1924 и 1950 годами было опубликовано в Афинах двадцать томов нового греческого издания «Ἐπετηρις Εταιρειας Βυζαντινῶν Σπουδῶν». Многие статьи, опубликованные в этом издании, интересны и важны.

В дополнение к материалам, приводимым в этих специальных изданиях, много ценной информации по исследованиям византийского периода можно быть также найти в журналах, не связанных напрямую с византинистикой. Особенно важны для византинистики греческое издание « Ελληνομνημων», издававшееся С. Ламбросом с 1904 г. и продолженное после его смерти многими греческими учеными, а также «Échos d'Orient» и «Revie de l'Orient Chretien».

Основной труд по византийскому праву — Geschichte des griechisch-romischen Rechts — принадлежит перу знаменитого немецкого юриста Карла Эдуарда Цахариэ фон Лингенталя. Третье издание появилось в Берлине в 1892 г. Среди более ранних работ следует назвать издание Codex Theodosianus Жаком Годфруа (Godefroy, Gothofredus, 1587—1652). Он родился в Женеве и был послан во Францию изучать юриспруденцию и историю. После

тридцати лет работы он подготовил издание Codex Theodosianus, снабдив его важными примечаниями и комментариями, которые очень ценны для раннего периода византийского законодательства. Работа его была опубликована через тринадцать лет после его смерти. Другими важными сочинениями являются: *Montreuil.* Histoire du droit byzantin в трех томах, опубликованная в Париже в 1843—1847 гг.; немецкий обзор Г. Э. Хаймбаха (G. E. Heimbach) в издании Ersch und Gruber Enzyclopädie, Bd. LXXXVI, pp. 191—471; исследование на русском языке Августа Энгельмана (August Engelman) «Об ученой обработке греко-римского права, с обозрением новейшей его литературы: Опыт введения в изучение Византийской юридической истории», опубликованное в в Петербурге в 1857 году. Последняя работа сейчас устарела, но так как она очень редко упоминается и скорее недоступна, обзор ее содержания может заинтересовать исследователей: значение истории Византии и греко-римского права, обзор истории изучения греко-римского права, концепция и масштаб греко-римской правовой истории, разделение истории законов на периоды и характеристика каждого периода, основные сюжеты изучения греко-римского права в настоящее время и обзор научной литературы по греко-римскому праву, начиная с 1824 года. Другое русское исследование написано Азаревичем: «История византийского права» (две части, Ярославль, 1876—1877). Весьма содержательный очерк, снабженный ценными библиографическими примечаниями, написан итальянским исследователем Л. Сичилиано (L. Siciliano) в Enciclopedia Giuridica Italiana, vol. IV, part 5, fasc. 451 и 460. Сочинение было опубликовано и отдельно, в Милане в 1906 году. Полезен также труд Альдо Альбертони (*Aldo Albertoni.* Per una esposizione del diritto bizantino con riguardo all'Italia. Imola, 1907) вместе с добавлениями Н. Х. Бейнза (N. H. Baynes) в журнале «Byzantinische Zeitschrift» (Bd. XXXVIII, 1926, SS. 474—476) и, кроме того, монография Н. В. Витткена (*N. W. Wittken.* Die Entwicklung des Rechtes nach Justinian in Byzanz. Halle, 1928).

Наиболее важными работами по византийскому искусству являются: *Н. П. Кондаков.* История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876; атлас, Одесса, 1877; французское переработанное издание в двух томах — Париж, 1886—1891; *Байе.* Византийское искусство (*Bayet.* L'art byzantin) в рамках «Французской истории искусств», составленной А. Мишелем (A. Michel), тома I и III, Париж, 1905 и 1908; сочинение Шарля Диля «Руководство по византийскому искусству» (Manuel d'art byzantin. Paris, 1910), расширенное и дополненное издание в двух томах — Париж, 1925—1926; две работы О. М. Далтона (O. M. Dalton): «Византийское искусство и археология» (Byzantine Art and Archaeology. Oxford, 1911) и «Восточнохристи-

анское искусство. Обзор памятников» (East Christian Art. A Survey of the Monuments. Oxford, 1925), вторая из них содержит раздел об архитектуре; а также «Византийское искусство» Л. Брейе (*L. Brehier*. L'art byzantin. Paris, 1924) и двухтомное «Византийское искусство» Г. Пирса и Р. Тайлера «Византийское искусство» (*H. Pierce et R. Tyler*. L'art byzantin. Paris, 1932, 1934).

Среди работ по византийской хронологии наиболее важны: *H. L. Clinton*. Fasti Romani (английское издание в двух томах — Оксфорд, 1845—1850). В работе описание исторических событий доведено до смерти императора Ираклия в 641 г. н. э. *Muralt*. Essai de chronographie byzantine, два тома, Санкт-Петербург и Базель, 1855 и 1873 гг. Работа охватывает весь период византийской истории до 1453 г., однако пользоваться ею следует с большой осторожностью. *O. Seek*. Regesten der Kaiser und Papste fur die Jahre 311 bis 476 N. Chr.: Vorarbeit zu einer Prosopographie der christlichen Kaiserzeit. Stuttgart, 1919. Работа весьма полезна, также как и сочинение Ф. Дельгера «Regesten der Kaiserurkunden des ostromischen Reiches» (Munchen, Berlin, 1924—1932), опубликованное в составе «Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit» (Akademien der Wissenschaften in Munchen und Wien). Можно также использовать: *V. Grumel*. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople. Издано в Стамбуле, в 1932 и 1936 гг. Работа охватывает время 381—1043 гг. Новая обработка византийской хронологии является одной из насущнейших проблем современной византинистики.

Библиографическую информацию общего плана по другим ветвям византинистки, таким как нумизматика, сигиллография и папирология можно найти в «Истории Византийской литературы» Крумбахера, также как и в библиографических разделах специальных византинистических изданий.

Только в последние тридцать или сорок лет большое значение и настоящий интерес византийского времени признано в области папирологии. Предшествующие поколения папирологов, как говорил один из лучших специалистов в этой области Г. А. Белл (H. I. Bell), смотрели на византийское время скорее неприязненным взором, посвящая основное внимание птолемеевскому и римскому периодам.[1]

---

* В соответствующем месте русской версии А. А. Васильев отмечает, что существует русский перевод работы Байе — СПб., 1888 (*А. А. Васильев*. Лекции по истории Византии... с. 42).

[1] *H. I. Bell*. The Decay of a Civilization. — Journal of Egyptian Archaeology, vol. X, 1924, pp. 201—216.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Империя от времен Константина до Юстиниана Великого

Константин Великий и христианство

Культурный и религиозный кризис, который Римская империя переживала в IV веке, является одним из самых важных моментов, какие когда-либо переживала всемирная история. Древняя языческая культура столкнулась с христианством, которое, будучи признано Константином Великим в начале IV века, было объявлено в конце того же века Феодосием Великим религией господствующей, религией государственной. Могло казаться, что эти два столкнувшиеся элемента, исходя из совершенно противоположных точек зрения, никогда не смогут найти путей для соглашения и будут исключать друг друга. Однако действительность показала иное. Христианство и языческий эллинизм слились, мало-помалу, в одно целое и создали христианско-греко-восточную культуру, которая и получила название византийской культуры. Центром последней сделалась новая столица Римской империи — Константинополь.

Главное значение в деле создания нового положения вещей в империи принадлежит Константину Великому. При нем христианство впервые стало на твердую почву официального признания; с него прежняя языческая империя стала превращаться в империю христианскую.

Обычно обращение народов или государств в христианство происходило в истории на первых шагах их исторической жизни, их государственного бытия, когда прошлое таких народов не создало еще твердых, установившихся основ или создало некоторые основы в грубых, примитивных образах и формах. Переход в подобном случае от грубого язычества к христианству не мог порождать в народе или государстве глубокого кризиса. Не то представлял собой IV век в истории Римской империи. Империя, обладавшая многовековой мировой культурой, достигшая совершенных для своего времени форм государственности, имевшая, таким образом, за

собой великое прошлое, с идеями и воззрениями которого население сжилось и сроднилось, — эта империя, претворяясь в IV веке в государство христианское, т. е. вступая на путь противоречия с прошлым, а иногда и полного его отрицания, должна была пережить в высшей степени острый и тяжелый кризис. Очевидно, древний языческий мир, по крайней мере в области религиозной, более уже не удовлетворял народных потребностей. Народились новые запросы, новые желания, которые, в силу целого ряда сложных и многообразных причин, смогло удовлетворить христианство.

Если с моментом подобного исключительного по своей важности кризиса связывается какое-либо историческое лицо, сыгравшее в нем выдающуюся роль, то в исторической науке по вопросу о нем, конечно, появляется целая литература, стремящаяся оценить значение этого лица в данный период времени и проникнуть в тайники его духовной жизни. Для IV века таким лицом явился Константин Великий. Константин родился в городе Наисс (в настоящий момент — Ниш). Со стороны отца, Констанция Хлора, Константин принадлежал, вероятно, к иллирийскому роду. Мать его, Елена, была христианкой, ставшей потом Св. Еленой. Она совершила паломничество в Палестину, где, согласно традиции, она нашла Крест, на котором распяли Христа.[1] Когда в 305 году Диоклетиан и Максимиан, согласно установленному ими положению, сложили с себя императорское звание и удалились в частную жизнь, августами сделались Галерий на Востоке и Констанций, отец Константина, на Западе. Но в следующем году Констанций умер в Британии, и подчиненные ему войска провозгласили его сына Константина августом. В это время против Галерия вспыхнуло неудовольствие в Риме, где восставшее население и войско провозгласили императором, вместо Галерия, Максенция, сына сложившего с себя императорские полномочия Максимиана. К сыну присоединился престарелый Максимиан, принявший снова императорский сан. Настала эпоха междоусобной войны, во время которой умерли Максимиан и Галерий. Наконец, Константин, соединившись с одним из новых августов Лицинием, разбил в решительной битве недалеко от Рима Максенция, который во время бегства утонул в Тибре. Оба императора-победители, Константин и Лициний, съехались в Милане, где и обнародовали знаменитый Миланский эдикт, о котором речь будет ниже. Согласие между императорами продолжалось, однако, недолго. Между ними разгорелась борьба, которая привела к полной победе Константина. В 324 году Лициний был убит, и Константин стал единодержавным государем Римской империи.

---

[1] См.: *H. Vincent, F.-M. Abel.* Jerusalem. Recherches de topographie, d'archeologie et d'histoire. Paris, 1914, t. II, pp. 202—203.

Двумя событиями из времени правления Константина, имевшими первостепенное значение для всей последующей истории, являются официальное признание христианства и перенесение столицы с берегов Тибра на берега Босфора, из древнего Рима в «Новый Рим», т. е. Константинополь.

При изучении положения христианства в эпоху Константина исследователи обращали особенное внимание на два вопроса: на «обращение» Константина и на Миланский эдикт.[1]

«Обращение» Константина

В обращении Константина историков и богословов особенно интересовал вопрос о причинах обращения. Почему Константин склонился в пользу христианства? Должно ли в данном случае видеть лишь акт политической мудрости Константина, который рассматривал христианство как одно из средств для достижения его политических целей, ничего общего с христианством не имевших? Или Константин перешел на сторону христианства путем внутреннего убеждения? Или, наконец, в процессе обращения Константина на него оказывали влияние как политические мотивы, так и его внутренние, склонявшиеся к христианству убеждения?

Главное затруднение в решении этого вопроса заключается в тех противоречивых сведениях, которые оставили нам в данной области источники. Константин в изображении христианского писателя епископа Евсевия, например, совершенно непохож на Константина под пером языческого писателя Зосима. Поэтому историки, работая над Константином, находили богатую почву для привнесения в данный запутанный вопрос своих предвзятых точек зрения. Французский историк Буасье (G. Boissier) в своем сочинении «Падение язычества» пишет: «К несчастью, когда мы имеем дело с великими людьми, которые играют первые роли в истории, и пытаемся изучить их жизнь и отдать себе отчет в их образе действий, то мы с трудом удовлетворяемся самыми естественными объяснениями. Так как они имеют репутацию людей необыкновенных, то мы никогда не хотим верить, чтобы они действовали так же, как все. Мы ищем скрытых причин для самых простых их действий, приписываем им утонченность соображений, глубокомыслие, вероломство, о которых они и не помышляли. Это и случилось с Константином; заранее составилось такое убеждение, что этот ловкий политик захотел нас обмануть, что чем с большим

---

[1] Что касается общих вопросов о том, что недавно сделано в разработке проблем, связанных с Константином Великим, см. очень полезную статью: *A. Piganiol.* L'etat actuel de la question Constantinienne, 1930/49. — Historia, vol. I, 1950, pp. 82—96.

жаром он предавался делам веры и объявлял себя искренне верующим, тем более пытались предполагать, что он был индифферентист, скептик, который, в сущности, не заботился ни о каком культе и который предпочитал тот культ, из которого он думал извлечь наиболее выгод».[1]

В течение долгого времени большое влияние оказывали на мнение о Константине скептические суждения известного немецкого историка Якоба Буркхардта, высказанные в его блестяще написанном сочинении «Время Константина Великого» (1-е изд. в 1853 г.). В его представлении Константин, гениальный человек, охваченный честолюбием и стремлением к власти, приносил в жертву все для исполнения своих мировых планов. «Часто пытаются, — пишет Буркхардт, — проникнуть в религиозное сознание Константина и начертать картину предполагаемых изменений в его религиозных воззрениях. Это — совершенно напрасный труд. Относительно гениального человека, которому честолюбие и жажда власти не оставляют спокойного часа, не может быть и речи о христианстве и язычестве, о сознательной религиозности или нерелигиозности; такой человек по существу совершенно безрелигиозен (unreligios)... Если он, хоть одно мгновение, подумает о своем истинном религиозном сознании, то это будет фатализм». Этот «убийственный эгоист», поняв, что в христианстве заключается мировая сила, пользовался им именно с этой точки зрения, в чем заключается великая заслуга Константина. Но последний давал определенные гарантии и язычеству. Какой-либо системы у этого непоследовательного человека напрасно было бы искать; была лишь случайность. Константин — «эгоист в пурпуровом одеянии, который все, что делает и допускает, направляет к возвышению своей собственной власти». Сочинение Евсевия «Жизнеописание Константина», являющееся одним из главных источников для его истории, совершенно недостоверно.[2] Вот в немногих словах суждение Буркхардта о Константине, не оставлявшее, как видно, никакого места для религиозного обращения императора.

Исходя из других оснований, немецкий богослов Гарнак в своем исследовании «Проповедь и распространение христианства в первые три века» * (1-е изд. в 1892, 2-е изд. в 1906 г.) приходит к аналогичным выводам. Изучив положение христианства в отдельных

---

[1] *G. Boissier.* La fin du paganisme; l'etude sur les dernieres luttes religieuses en Occident au quatrieme siecle. Paris, 1891, vol. I, pp. 24—25.

[2] *J. Burckhardt.* Die Zeit Konstantin's des Grossen. 3. Aufl. Leipzig, 1898, SS. 326, 369—370, 387, 407.

* В соответствующем примечании в английской версии А. А. Васильев сообщает информацию о переводах работы А. Гарнака на английский.

провинциях Империи и признавая невозможность определить число христиан в точных цифрах, Гарнак заключает, что христиане, будучи к IV веку уже довольно многочисленными и представляя собой значительный фактор в государстве, тем не менее не составляли еще большинства населения. Но, по замечанию Гарнака, численная сила и влияние не везде совпадают друг с другом: меньшее число может пользоваться очень сильным влиянием, если оно опирается на руководящие классы, и большое число может мало значить, если оно состоит из низших слоев общества или, главным образом, из сельского населения. Христианство было городской религией: чем больше город, тем крупнее — вероятно, также относительно — число христиан. Это было необычайным преимуществом. Но вместе с тем христианство проникло в большом числе провинций уже глубоко и в деревню: это мы точно знаем относительно большинства малоазиатских провинций и далее относительно Армении, Сирии и Египта, относительно части Палестины и также Северной Африки.

Разделив все провинции Империи на четыре разряда по степени большего или меньшего распространения в них христианства и рассмотрев данный вопрос в каждом из четырех разрядов, Гарнак приходит к заключению, что главный центр христианской церкви в начале IV века был в Малой Азии. Константин до своего отъезда в Галлию много лет жил в Никомедии при дворе Диоклетиана. Малоазиатские впечатления сопровождали его в Галлию и превратились в ряд политических соображений, которые привели к решительным заключениям: он мог опереться на твердые и сильные церковь и епископат. Праздный вопрос о том, одержала ли бы победу церковь без Константина. Какой-либо Константин должен был бы прийти; только с каждым десятилетием становилось бы легче быть тем Константином. Во всяком случае, победа христианства во всей Малой Азии была уже решена до времени Константина; в других же областях она была хорошо подготовлена. Не было нужды ни в каком особенном озарении, ни в каком небесном призыве к войне, чтобы осуществить на деле то, что уже было готово. Нужен был только проницательный и сильный политик, который бы в то же время имел внутреннее влечение к религиозным переживаниям. Таким человеком был Константин. Его гениальностью было ясное распознание и верное понимание того, что должно было случиться.[1]

Как видно, в представлении Гарнака Константин является только гениальным политиком. Конечно, статистический метод для того времени, даже и весьма относительный, почти невозможен.

---

[1] *A. Harnack.* Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. 2. Aufl. Leipzig, 1906, Bd. II, SS. 276—285.

Но тем не менее теперь наиболее серьезные ученые признают, что при Константине язычество являлось преобладающим элементом в обществе и правительстве и что христиан было меньшинство. По вычислениям проф. Болотова и некоторых других, «может быть, ко времени Константина христианское население равнялось $^1/_{10}$ всего населения; но, может быть, и эту цифру нужно понизить. Всякое же представление, что христиан было более 10% в массе населения, будет рискованным».[1] В настоящее время меньшинство христиан в Империи при Константине признано почти всеми. Если же это так, то политическая теория в ее чистом виде относительно Константина и христианства должна отпасть. Политик не мог строить свои обширные планы, опираясь на $^1/_{10}$ населения, которая, как известно, даже не вмешивалась в политику.

В представлении французского историка Дюрюи (Duruy), автора «Истории римлян», находившегося под некоторым влиянием Буркхардта, появляется при оценке деятельности Константина и религиозная сторона в виде «честного и спокойного деизма, который образовывал его религию». По словам Дюрюи, Константин «рано понял, что христианство по своему основному учению соответствовало его собственной вере в единого Бога».[2] Но несмотря на это, политика у Константина играла преобладающую роль. «Подобно Бонапарту, старавшемуся примирить церковь и революцию, — пишет Дюрюи, — Константин задался целью заставить жить в мире, один рядом с другим, старый и новый режим, благоприятствуя, однако, последнему. Он понял, в какую сторону шел мир, и помогал этому движению, не ускоряя его. Слава этого государя заключается в том, что он оправдал название, которое начертал на своей триумфальной арке: quietis custos (страж покоя)... Мы попытались, кончает Дюрюи, — проникнуть до глубины души Константина и нашли в ней скорее политику, чем религию».[3] В другом месте, разбирая значение Евсевия как историка Константина, Дюрюи замечает: «Константин Евсевия видел часто, между небом и землей, вещи, которые никто никогда не замечал».[4]

Следует отметить две из большого количества публикаций, которые появились в 1913 году в связи с празднованием тысячешестисотлетия так называемого Миланского эдикта. Это «Kaiser Konstantin und die christliche Kirche», написанная Э. Шварцем (E. Schawrtz), и «Gesammelte Studien», изданные Ф. Дёльгером. Э. Шварц утверждал, что Константин «с дьявольской проница-

---

[1] *В. В. Болотов*. Лекции по истории Древней Церкви. СПб., 1913, т. III. с. 29.

[2] *V. Duruy*. Histoire des Romains. Paris, 1885, vol. VII, p. 102.

[3] Ibid., p. 86, 88, 519—520.

[4] Ibid., vol. VI, p. 602.

тельностью опытного политика реализовал важность, каковую имел союз с церковью для создания всемирной (unversal) монархии, которую он собирался построить, и он имел смелость и энергию создать такой союз вопреки всем традициям цезаризма».[1] Э. Кребс (E. Krebs) в рамках «Gesammelte Studien», изданных Дёльгером, писал, что все шаги Константина к христианству были всего лишь вторичными причинами ускорения победы церкви; основная же причина заключалась в сверхъестественной силе самого христианства.[2]

Мнения исследователей в этом вопросе очень различаются. П. Баттифоль защищал искренность обращения Константина,[3] а сравнительно недавно Ж. Морис, хорошо известный исследователь нумизматики времени Константина, попытался материализовать элемент чудесного в его обращении.[4] Г. Буасье отмечал, что для Константина как для государственного деятеля отдать самого себя в руки христиан, которые были меньшинством в империи, было рискованным экспериментом; поэтому, раз он не изменил свою веру по политическим причинам, необходимо допустить, что он сделал это по убеждению.[5] Ф. Лот [6] склонялся к тому, чтобы принять искренность обращения Константина. Э. Штайн [7] выдвигал политические мотивы. «Величайшее значение религиозной политики Константина, — говорил он, — заключалось во введении христианской церкви в структуру государства». Он утверждал также, что Константин находился в некоторой степени под влиянием государственной религии зороастризма в Персии. А. Грегуар писал, что политика всегда первенствует над религией, особенно внешняя политика.[8] А. Пиганьоль говорил, что Константин был христианином, не зная этого.[9]

---

[1] *E. Schwartz*. Kaiser Konstantin und die christliche Kirche. Leipzig, Berlin, 1913, S. 2.

[2] *E. Krebs*. Konstantin der Grosse und seine Zeit. Gesammelte Studien, herausgegeben von F. J. Dolger. Freiburg, 1913, S. 2.

[3] *P. Battifol*. La paix constantinienne et le catolicisme. 3-ieme ed. Paris, 1914, pp. 256—259.

[4] *J. Maurice*. Constantin le Grand: L'Origine de la civilisation chretienne. Paris, 1925, pp. 30—36.

[5] *G. Boissier*. Op. cit., vol. I, p. 28; *H. Leclercq*. Constantin. — Dictionnaire d'archeologie chretienne et de liturgie, vol. III, 2, col. 2669.

[6] *F. Lot*. La fin du monde antique et le debut du moyen âge. Paris, 1927, pp. 32—38.

[7] *E. Stein*. Geschichte des spatromisches Reiches. Wien, 1928, Bd. I, SS. 146—147. О работах Ф. Лота и Э. Штайна см. интересный комментарий Н. Бейнза: Journal of Roman Studies, vol. XVIII, 1928, p. 220.

[8] *H. Gregoire*. La «conversion» de Constantin. — Revue de l'Universite de Bruxelles, vol. XXXVI, 1930—1931, p. 264.

[9] *A. Piganiol*. L'Empereur Constantin le Grand. Paris, 1932, p. 75.

Конечно, обращение Константина, обычно связываемое с его победой над Максенцием в 312 году, не должно рассматриваться как его истинное обращение в христианство. На самом деле он принял религию в год смерти. В течение всего своего правления он оставался «pontifex maximus»; воскресный день он иначе не называл, как «день солнца» (dies solis); а под «непобедимым солнцем» (sol invictus) обычно разумели тогда персидского бога Митру, культ которого пользовался громадным распространением на всем протяжении империи, как на Востоке, так и на Западе, и временами являлся серьезным соперником христианству. Известно, что Константин был сторонником культа солнца; но какое божество в частности почитал он под этим названием, в точности не известно; может быть, это был Аполлон. Ж. Морис заметил, что эта солярная религия обеспечила ему огромную популярность во всей Империи.[1]

Недавно некоторые историки предприняли интересную попытку представить Константина более как продолжателя и исполнителя политики других, чем единственного поборника христианства. Согласно А. Грегуару, Лициний еще до Константина начал политику терпимости к христианству. Шенебек, немецкий историк, оспаривал мнение Грегуара. Он рассматривал Максенция как поборника христианства в своей части Империи, а также в качестве того, кто создал Константину модель для подражания, [2]

Нельзя совершенно оставлять без внимания и его политические планы; последние также должны были сыграть роль в его отношениях к христианству, которое во многом могло ему помочь. Но, во всяком случае, не политические планы явились причиной обращения Константина; последний обратился к христианству в силу внутреннего убеждения, возникшего и окрепшего не под влиянием политики. В том-то и заключается гениальность Константина, что он, сам искренне сочувствуя христианству, понял, что в будущем оно будет главным объединяющим элементом разноплеменной Империи. «Он хотел, — как пишет кн. Е. Трубецкой, — скрепить единое государство посредством единой церкви».[3]

Обращение Константина связывается с известным рассказом о явлении на небе креста во время борьбы Константина с Максенцием, т. е. для объяснения причин обращения вводится элемент чуда. Однако источники об этом вызывают большие несогласия. Древнейшее свидетельство о чудесном знамении принадлежит христи-

---

[1] *J. Maurice.* Numismatique Constantinienne. Paris, 1910, vol. II, pp. VIII, XII, LVI.

. [2] *H. Gregoire.* La «conversion» de Constantin... p. 231—232; *H. von Schoenebeck.* Beitrage zur Religionspolitik des Maxentius und Constantin. Leipzig, 1939, SS. 1—5, 14, 22, 27.

[3] *Е. Трубецкой.* Религиозные и общественные идеалы западного христианства в пятом веке. М., 1892, т. 1, с. 2.

анскому современнику Константина Лактанцию, который в своем сочинении «О смерти гонителей» (De mortibus persecutorum) говорит лишь о полученном Константином во время сна вразумлении, чтобы он изобразил на щитах небесное знамение Христа (coeleste signum Dei).[1] О действительном же небесном знамении, которое будто бы видел Константин, у Лактанция не говорится ни слова.

Другой современник Константина, Евсевий Кесарийский, дважды говорит о победе его над Максенцием. В более раннем произведении, в «Церковной истории», Евсевий лишь замечает, что Константин, идя на защиту Рима, «призвал в молитве в союзники Бога небесного и Его Слово, Спасителя всех, Иисуса Христа».[2] Как видно, ни о сне, ни о каких знаках на щитах здесь не говорится. Наконец, тот же Евсевий в другом своем произведении, написанном лет двадцать пять после победы над Максенцием, а именно в «Жизнеописании Константина», дает, со слов самого императора, клятвенно подтвердившего свое сообщение, известный рассказ о том, будто Константин во время похода увидел над солнцем знамение креста с надписью: «сим побеждай» (τουτω νικα). Ужас объял его и войско. В ближайшую ночь явившийся Константину во сне Христос с крестом повелел сделать подобие его и с таким знамением выступить против врагов. Утром император рассказал о чудесном сновидении, призвал мастеров и, описав им вид явленного знамения, приказал приготовить подобное знамя,[3] известное под названием *labarum*.[4]

Лабарум представлял собой продолговатый крест, с поперечной реи которого спускался вышитый золотом и украшенный драгоценными камнями кусок шелковой ткани с изображениями Константина и его сыновей; на вершине креста был прикреплен золотой венок, внутри которого была монограмма Христа.[5] Со времени Константина labarum сделался знаменем Византийской империи. Упоминания о явившемся Константину «богознамении» или о виденных на небе войсках, посланных Богом ему на помощь, можно найти и у других писателей. Известия по данному вопросу настолько

---

[1] *Lact.* De mortibus persecutorum, 44.

[2] *Euseb.* Hist. eccl., IX, 9, 2.

[3] *Euseb.* Vita Constantini, I, 38—40.

[4] Загадка происхождения этого слова была разрешена Грегуаром — L'etymologie de «Labarum». — Byzantion, vol. IV, 1929, pp. 477—482. Это латинское слово laureum в значении signum или vexillum. См. также в Byzantion, vol. XI, 1937 (указание страниц отсутствует. — *Науч. ред.*), и Byzantion, vol. XIII, 1939, p. 583. Этимология Грегуара выдвигалась также Валезием (H. Valois) в семнадцатом веке.

[5] Изображение «лабарума» можно видеть на монетах эпохи Константина. См.: *J. Maurice.* Numismatique Constantinienne. Paris, 1908, vol. I, p. 2, а также tab. IX.

сбивчивы и противоречивы, что не могут быть в должной мере исторически оценены. Некоторые даже думают, что рассказанное событие имело место не во время похода против Максенция, а еще до выступления Константина из Галлии.

Так называемый Миланский эдикт. Во время Константина Великого христианство получило законное право на существование и дальнейшее развитие. Первый указ в пользу христианства вышел из рук одного из самых свирепых его гонителей, а именно Галерия. Последний в 311 году издал указ, на основании которого христиане, получая прощение за свое прежнее упорство в борьбе с правительственными распоряжениями, имевшими целью вернуть христиан к язычеству, вместе с тем признавались имеющими законное право на существование. Указ Галерия объявлял: «Пусть снова будут христиане, пусть они составляют свои собрания, лишь бы не нарушали порядка! За эту нашу милость они должны молить своего Бога о благоденствии нашем, нашего государства и о своем собственном».[1]

Через два года, после победы над Максенцием, Константин и вступивший с ним в соглашение Лициний сошлись в Милане и, обсудив положение дел в Империи, издали интереснейший документ, который, может быть не совсем правильно, называется Миланским эдиктом. Сам текст документа до нас не дошел. Но он сохранился у христианского писателя Лактанция в форме написанного по-латыни рескрипта Лициния, данного на имя префекта Никомедии. Греческий же перевод латинского оригинала помещен Евсевием в его «Церковной истории».

На основании этого указа христианам и всем другим предоставлялась полная свобода следовать той вере, какой кто пожелает; всякие мероприятия, направленные против христиан, устранялись. «Отныне, — объявляет указ, — всякий, кто хочет соблюдать христианскую веру, пусть соблюдает ее свободно и искренно, без всякого беспокойства и затруднения. Мы заблагорассудили объявить это твоей попечительности (т. е. префекту Никомедии) как можно обстоятельнее, чтобы ты знал, что мы предоставили христианам полное и неограниченное право почитать свою веру. Если это мы разрешили им, то твоей светлости должно быть понятно, что вместе с этим и для других предоставляется открытое и свободное право, ради спокойствия нашего времен, соблюдать свои обычаи и свою веру, чтобы всякий пользовался свободой почитать то, что избрал. Так определено нами с той целью, чтобы не казалось, будто мы хотим унизить чье-либо достоинство или веру».[2]

---

[1] *Lact.* De mortibus persecutorum, 34, 4—5; *Euseb.* Hist. eccl., VIII, 17, 9—10.

[2] *Lact.* Op. cit., 48, 4—8; *Euseb.* Hist. eccl., X, 5, 6—9.

Этот же указ повелевал возвратить христианам, безвозмездно и беспрекословно, отобранные у них частные здания и церкви.

В 1891 г. немецкий ученый О. Зеек выдвинул теорию, что Миланский эдикт никогда не существовал. Единственный эдикт, который когда-либо появлялся, — утверждал он, — эдикт о веротерпимости Галерия от 311 г.[1] Долгое время большинство историков отказывалось признавать эту точку зрения. В 1913 г. тысячешестисотлетие Миланского эдикта торжественно отмечалось во многих странах и появилось большое количество литературы по этому вопросу. На деле, конечно, цитированный выше эдикт, провозглашенный Лицинием в 313 г. в Никомедии, был подтверждением эдикта Галерия, который, совершенно очевидно, соблюдался недостаточно. Документ, подписанный в марте 313 г. в Милане Константином и Лицинием, был не эдиктом, а письмом, адресованным главам провинциальных администраций Малой Азии и Востока в целом с объяснением и указанием, как следует поступать с христианами.[2]

На основании данного текста Миланского эдикта надо прийти к заключению, что Константин признал христианство религией, равноправной с другими религиями, а значит, и с язычеством. Для времени Константина о торжестве христианства говорить еще нельзя; его лишь можно предчувствовать. Христианство казалось Константину совместимым с язычеством. Великое значение акта Константина заключается в том, что он позволил христианству не только жить, но и взял его под защиту государства. Это был важнейший момент в истории раннего христианства. Никомедийский эдикт (The Edict of Nicomedia), таким образом, не дает права говорить, как утверждают некоторые историки, о том, что при Константине христианство было поставлено во главе всех других религий, которые признавались лишь терпимыми,[3] и что Милан-

---

[1] *O. Seek.* Das sogennante Edikt von Mailand. — Zeitschrift fur Kirchengeschichte, Bd. XII, 1891, SS. 381—386. См. также его же: Geschichte des Untergangs der Antiken Welt. Berlin, 1897, Bd. I, 2. Aufl., S. 495.

[2] Я приведу лишь несколько комментариев исследователей: *J. Knipfing.* Das Angebliche Mailander Edikt von J. 313 im Lichte der neueren Forschung. — Zeitschrift fur Kirchengeschichte, Bd. XL, 1922, S. 218: «Следует отрицать существование так называемого Миланского эдикта»; *N. Baynes.* Journal of Roman Studies, vol. XVIII, 1928, p. 228: «Мы теперь знаем, что не было никакого „Миланского эдикта“»; *E. Caspar.* Geschichte des Papstum. Tubingen, 1930, Bd. I, S. 105, Anm. 3: «„Миланский эдикт“ следует исключить из истории»; *H. Gregoire.* La «conversion» de Constantin... p. 263: «Эдикт о веротерпимости от марта 313 г., подписанный Константином в Милане, это не эдикт, а рескрипт или письмо наместникам провинций Азии и Востока».

[3] *А. Лебедев.* Эпоха гонений на христианство. 3-е изд. СПб., 1904, с. 300—301.

ский эдикт установил не толерантность, а провозгласил господство христианства.[1]

Когда поднимается вопрос о господстве или равных правах христианства с язычеством, решение должно быть в пользу равных прав. Как бы там ни было, значение Никомедийского эдикта (the Edict of Nicomedia) велико. Как сказал А. И. Бриллиантов,* «в действительности, и без ненужного преувеличения, остается несомненным важное значение Миланского эдикта, как акта, положившего решительный конец бесправному положению христиан в Империи и вместе с этим, через объявление полной религиозной свободы, низведшего язычество de jure из прежнего положения единой государственной религии в ряд всех других религий».[2]

Но Константин не удовольствовался лишь дарованием христианству равноправия, как определенному религиозному учению.

Духовенство (clerici) освобождалось при нем, подобно языческим жрецам, от несения государственных податей и повинностей, от всякого занятия должностей, которые могли бы отвлекать клириков от выполнения их духовных обязанностей (право иммунитета). Каждый человек имел право делать завещание в пользу церкви, за которой этим самым признавалось пассивное наследственное право. Таким образом, одновременно с объявлением религиозной свободы христианские общины стали признаваться за юридические лица, а последнее обстоятельство создавало для христианства совершенно новое положение в юридическом отношении.

Очень важные привилегии были даны епископским судам. Всякий человек имел право, по соглашению с противной стороной, переносить любое гражданское дело на епископский суд, хотя бы дело в гражданском суде и было уже начато. В конце правления Константина компетенция епископских судов была еще более рас-

---

[1] *Н. Гроссу*. Миланский эдикт. — Труды Киевской Духовной академии. Киев, 1913, с. 29—30.

* В английской версии работы (p. 52) сказано безлично: «as one historian has said». Здесь имя А. И. Бриллиантова появляется только в сноске. В соответствующем месте русской версии (с. 53) имя А. И. Бриллиантова стоит в тексте, что и позволило в данном случае последовать тексту 1917 года.

[2] *А. И. Бриллиантов*. Император Константин Великий и Миланский эдикт. Пг., 1916, с. 157. Ср.: *M. A. Huttman*. The Establishment of Christianity and the Proscription of Paganism. New York, 1914, p. 123: «Тогда как мы можем рассматривать Константина как первого христианского императора и первого императора, который поставил христианство в равные условия с язычеством, он не был первым, кто стремился сделать христианство легальным, ибо Галерий осуществил это в 311 г.». Впечатляющие свидетельства свободного сосуществования христианства с язычеством дают монеты. См.: *Maurice*. Numismatique Constantinienne. Paris, 1910, vol. II, p. IV.

ширена: 1) решения епископов должны были признаваться окончательными по делам лиц всякого возраста; 2) всякое гражданское дело могло быть перенесено в епископский суд в любой стадии процесса и даже при нежелании противной стороны; 3) приговоры епископских судов должны утверждаться светскими судьями. Подобные судебные привилегии епископов, возвышая их авторитет в глазах общества, в то же время являлись для них тяжелым бременем, так как создавали немало осложнений; претерпевшая сторона в силу безапелляционности епископского приговора, который не всегда мог быть и правильным, сохраняла в себе чувство раздражения и недовольства. К тому же привлечение епископов к исполнению светских функций вносило в их среду чрезвычайно много мирских интересов.

Кроме этого, церковь пользовалась богатыми приношениями из государственных средств, в виде земельных участков, денежных и хлебных выдач. Христиане не могли быть принуждаемы к участию в языческих празднествах. Под влиянием христианства были введены некоторые смягчения в наказаниях.

В добавление ко всему этому имя Константина связывается с возведением многих церквей во всех частях его огромной Империи. Базилика Св. Петра, как и Латеранская в Риме, приписываются ему. Особенно он был заинтересован в Палестине, где его мать, Елена, нашла, как предполагают, истинный Крест. В Иерусалиме, на месте, где был похоронен Христос, был возведен храм Гроба Господня, на Оливковой горе Константин возвел церковь Вознесения и в Вифлееме — церковь Рождества. Новая столица, Константинополь, и его пригороды также были украшены многочисленными церквами. Самая известная — церковь Апостолов и церковь Св. Ирины; возможно, Константин заложил фундамент Св. Софии, который был завершен его преемником Констанцием. Много церквей строилось во время царствования Константина в других местах — в Антиохии, Никомедии и Северной Африке.[1]

После царствования Константина образовалось три важных центра христианства — ранний христианский Рим в Италии, хотя языческие симпатии и продолжали существовать некоторое время; христианский Константинополь, который очень скоро стал вторым Римом в глазах христиан востока; и, наконец, христианский Иерусалим. После разрушения Иерусалима Титом в 70 г. н. э. и основания на его месте римской колонии Элии Капитолины, во

---

[1] См., например, по поводу Никомедии: *J. Solch.* Historischgeographische Siedlungen: Nikomedia, Nizaa, Prusa. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher, Bd. I, 1920, SS. 267—268; по поводу Африки см.: *D. Gsell.* Les monuments antiques de l'Algerie. Paris, 1901, vol. II, p. 239.

время царствования Адриана во II веке н. э., старый Иерусалим потерял свое значение, хотя и оставался церковью-матерью христианства (mother church of Christendom), и центром первой апостольской проповеди. Христианский Иерусалим возродился к новой жизни во времена Константина. В политическом смысле город Цезарея, а не Элия, был столицей провинции. Церкви, построенные во время данного периода в этих трех центрах, стали символами триумфа Христианской Церкви на земле. Эта Церковь скоро стала государственной. Новая идея царства земного была прямо противоположной первичной христианской концепции «царства небесного»* и скорого приближения конца света.[1]

Арианство и первый Вселенский собор

При создавшихся новых условиях церковной жизни в начале IV века христианская церковь переживала время напряженной деятельности, которая особенно ярко выражается в области догматики. Догматическими вопросами в IV веке занимались уже не отдельные лица, как то было в III веке, например Тертулиан или Ориген, но целые многочисленные по составу партии, прекрасно организованные.

Соборы в IV веке становятся обычным явлением, и в них усматривается единственное средство для разрешений спорных церковных вопросов. Но уже в соборном движении IV века замечается новая, в высшей степени важная, черта для всей последующей истории отношений между духовной и светской властью, между церковью и государством. Начиная с Константина Великого, государственная власть вмешивается в догматические движения и направляет их по своему усмотрению. В последнем случае далеко не всегда государственные интересы совпадали с интересами церковными.

Уже давно главным культурным центром Востока была египетская Александрия, где интеллектуальная жизнь била могучим ключом. Совершенно естественно, что и новые догматические движения развились в той же Александрии, которая с конца II века «сделалась, — по словам проф. А. Спасского, — центром богословского развития Востока и приобрела в христианском мире особую славу — славу церкви философской, в которой никогда не ослабевали интересы к изучению высших вопросов веры и знания».[2]

---

* Буквально у А. А. Васильева в английском тексте (p. 54) сказано: «not of this world» — «не этого мира».

[1] В. В. Бартольд в «Записках Коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН». Л., 1925, т. I, с. 463.

[2] *А. Спасский.* История догматических движений времени первых Вселенских Соборов. Сергиев Посад, 1906, с. 137.

Однако именно александрийским священником был Арий, который дал свое имя наиболее значительному «еретическому» учению времени Константина. Сама же доктрина образовалась во второй половине III в. в Антиохии, в Сирии, где Лукиан, один из наиболее образованных людей того времени, основал школу экзегетики и теологии. Эта школа, как сказал Гарнак, «является кормилицей арианской доктрины, а Лукиан, ее глава, является Арием до Ария».[1]

Арий выдвинул идею о том, что Сын Божий создан, сотворен. Это и составило сущность арианской ереси. Учение Ария получило быстрое распространение не только в Египте, но и за его пределами. На сторону Ария перешли Евсевий, епископ Кесарийский, и Евсевий, епископ Никомедийский. Эмоции поднялись высоко (feeling ran high). Несмотря на старания единомышленников Ария, епископ Александрийский Александр отказывал Арию в общении. Попытки успокоить взволнованную церковь, предпринятые местными средствами, не привели к желанному результату.

Константин, только что победивший Лициния и сделавшийся единодержавным государем, прибыл в 324 году в Никомедию, где и получил целый ряд жалоб как со стороны противников Ария, так и его сторонников. Желая прежде всего сохранить церковный мир в государстве и не отдавая себе отчета в важности происходившей догматической распри, император обратился с письмом к Александру Александрийскому и Арию, где убеждал их примириться, взяв пример с философов, которые, хотя и спорят между собой, но уживаются мирно; примириться же им легко, так как оба признают Божественное провидение и Иисуса Христа. «Возвратите же мне мирные дни и спокойные ночи, — пишет в послании Константин, — дайте и мне насладиться безмятежной жизнью».[2] С письмом Константин отправил в Александрию одного из самых доверенных лиц, епископа Кордубского (в Испании) Осию, который, передав письмо и разобрав дело на месте, после возвращения разъяснил императору всю важность арианского движения. Тогда Константин решил созвать собор.

Первый Вселенский собор был созван императорскими грамотами в 325 году в вифинском городе Никее. Число приехавших членов собора в точности неизвестно; обычно число никейских отцов определяется в 318 [3] человек. Большинство состояло из вос-

---

[1] *A. Harnak.* Lehrbuch der Dogmengeschichte. Tubingen, 1919, Bd. II, S. 187

[2] *Euseb.* Vita Const. II, 72.

[3] Иное количество см.: *Battifol.* La paix Constantinienne. Paris, 1914, pp. 321—322. См. также: *E. Honigmann.* La liste originale des Peres de Nicee. — Byzantion, t. XIV, 1939, pp. 17—76; *E. Honigmann.* The Original Lists of the Members of the Council of Nicaea, the Robber-Synod and the Council of Chalcedon. — Byzantion, t. XVI, I, 1944, pp. 20—80.

точных епископов. Престарелый римский епископ прислал вместо себя двух пресвитеров. Из дел, предназначенных для разбора на соборе, самым важным был вопрос об арианском споре. На соборе председательствовал император, который даже руководил прениями.

Деяния (акты) Никейского собора не сохранились. Некоторые даже сомневаются, составлялись ли вообще протоколы собора. Сведения о нем дошли до нас в сочинениях участников собора и историков.[1] После жарких споров собор осудил ересь Ария и после некоторых поправок и дополнений принял Символ Веры, в котором, вопреки учению Ария, Иисус Христос признавался Сыном Божиим, несотворенным, единосущным Отцу. С особым рвением и большим искусством восставал против Ария архидиакон александрийской церкви Афанасий. Никейский символ подписали многие из арианских епископов. Наиболее же упорные из них, в том числе и сам Арий, подверглись изгнанию и заточению. Один из лучших специалистов по арианству писал: «Арианство началось с мощью, обещавшей большое будущее, и через несколько лет казалось, что на Востоке нет равного претендента на господство. Однако его сила надломилась в момент собрания собора, „увянув“ (withered) от всеобщего осуждения христианского мира... Арианство казалось безнадежно сокрушенным, когда закрылся собор».[2] Торжественное соборное послание возвестило всем общинам о наступившем церковном согласии и мире. Константин писал: «Что ни злоумышлял против нас дьявол, все (теперь) уничтожено в самом основании; двоедушие, расколы, смуты, смертельный яд, так сказать, несогласия — все это, по велению Божию, победил свет истины».[3]

Действительность не оправдала этих радужных надежд. Никейский собор своим осуждением арианства не только не положил конца арианским спорам, но даже явился причиной новых движений и осложнений. В настроении самого Константина замечается совершенно определенная перемена в пользу ариан. Через три года после собора из ссылки были возвращены Арий и его наиболее ревностные приверженцы;[4] вместо них в ссылку направились наиболее видные защитники никейского символа. Если никейский

---

[1] *S. A. Wilckenhauser*. Zur Frage der Existenz von Nizanischen Synodalprotocolen. — Konstantin der Grosse und seiner Zeit. Gesammelte Studien, herausgegeben von F. Dolger. Freiburg, 1913, SS. 122—142.

[2] *H. M. Gwatkin*. Studies on Arianism. London, 1900, pp. 1—2.

[3] *Socrat*. Hist. eccl., I, 9.

[4] См. две весьма интересные статьи Н. Бейнза в Journal of Egyptian Archaeology: «Athanasiana» (vol. XI, 1925, pp. 58—69) и «Alexandria and Constantinople: A Study in Ecclesiastical Diplomacy» (vol. XII, 1926, p. 149).

символ не был официально отвергнут и осужден, то он был сознательно забыт и отчасти заменен иными формулами.

Трудно с точностью выяснить, каким образом создалась упорная оппозиция Никейскому собору и чем была вызвана перемена в настроении самого Константина. Может быть, в числе различных даваемых объяснений этому из области придворных влияний, интимных семейных отношений и т. д., надо выделить одно объяснение, а именно, что Константин, приступив к решению арианского вопроса, не был знаком с религиозным настроением Востока, который в своей большей части сочувствовал арианству; сам император, наученный вере Западом и находившийся под влиянием своих западных руководителей, например Осии, епископа Кордубского, выработал в этом смысле и никейский символ, не подходивший к Востоку. Поняв, что на Востоке никейские определения шли вразрез с настроением церковного большинства и с желаниями массы, Константин и стал склоняться к арианству.

Во всяком случае, в последние годы правления Константина арианство проникло ко двору и с каждым годом все прочнее утверждалось в восточной половине Империи. Многие приверженцы никейского символа были лишены кафедр и отправились в изгнание. История арианского преобладания за это время, из-за состояния источников, недостаточно еще выяснена наукой.[1]

Как известно, Константин до последнего года своей жизни оставался официально язычником. Лишь на смертном одре он принял крещение из рук Евсевия Никомедийского, т. е. арианина; но, как замечает проф. Спасский,[2] умер с завещанием на устах возвратить из ссылки Афанасия, известного противника Ария. Своих сыновей Константин сделал христианами.

Основание Константинополя

Вторым событием первостепенной важности, после признания христианства, было основание Константином новой столицы на европейском берегу Босфора, уже при входе его в Мраморное море, на месте древней мегарской колонии Византия (Βυζαντιον—Byzantium).

Уже древние, задолго до Константина, прекрасно оценили исключительное по важности военное и торговое положение Византия на границе между Европой и Азией, дававшее господство над двумя морями, Черным и Средиземным, и приблизившее Империю к источникам древних блестящих культур.

---

[1] См., например, попытку Гуоткина объяснить новое отношение Константина к арианству ссылками на консерватизм Азии: Studies in Arianism. London, 1900, p. 57, 96.

[2] *А. Спасский.* История догматических движений... с. 258.

Насколько можно судить по дошедшим до нас сведениям, мегарские выходцы в первой половине VII века до н. э. основали на азиатском берегу южной оконечности Босфора, напротив будущего Константинополя, колонию Халкидон. Через несколько лет после этого другая партия мегарцев основала на европейском берегу южной оконечности Босфора колонию Византий, название которой производится от имени главы мегарской экспедиции Визы (Βυζας—Byzas). Преимущества Византия перед Халкидоном понимались уже древними. Греческий историк V века до н. э. Геродот (IV, 144), рассказывает, что персидский полководец Мегабаз, прибыв в Византий, назвал жителей Халкидона слепыми, потому что они, имея перед собой лучшее место, а именно то, где через несколько лет был основан Византий, выбрали худшее. Позднейшая литературная традиция, как то: географ Страбон (VII, 6, с. 320) и римский историк Тацит (Ann. XII, 63), приписывает несколько измененное выражение Мегабаза Пифийскому Аполлону, который на вопрос мегарцев у оракула, где им построить город, ответил, чтобы они искали поселения против земли слепых. Византий играл значительную роль в эпоху греко-персидских войн и Филиппа Македонского. Превосходно оценил политическое и особенно экономическое положение Византия греческий историк II века до н. э. Полибий (IV, 38 и 44), который, признавая всю важность товарообмена между Грецией и городами Черноморского побережья, писал, что без воли жителей Византия ни одно торговое судно не сможет ни войти в Черное море, ни выйти из него, и что византийцы держат в своих руках все полезные для человеческой жизни продукты, даваемые Понтом.[1]

С тех пор как Римское государство перестало быть республикой, императоры не раз имели намерение перенести столицу из республикански настроенного Рима на Восток. По свидетельству римского историка Светония (I, 79), уже Юлий Цезарь собирался переехать из Рима в Александрию или Илион, т. е. на место древней Трои. Императоры первых веков христианской эры нередко надолго покидали Рим благодаря частым военным походам и разъездам по государству. В конце II века Византий постиг жестокий удар. Септимий Север, победив своего соперника Песценния Нигера, на стороне которого был Византий, подверг город жестокому разгрому и почти полному разрушению. Между тем Восток продолжал привлекать к себе императоров. Император Диоклетиан (284—305) с особенной охотой жил в Малой Азии, в вифинском городе Никомедии, который он украсил великолепными постройками.

Константин, решив создать новую столицу, не сразу остановил свой выбор на Византии. Некоторое время он, по-видимому, думал

---

[1] *Polyb.* Hist., IV, 38, 44.

о Наиссе (Нише), где он родился, о Сардике (ныне София) или о Фессалонике (Солуни). Но особенное внимание Константина было привлечено местом древней Трои, откуда, по преданию, прибыл в Италию, именно в Лациум, Эней и положил основание римскому государству. Император лично отправился в знаменитые места, где сам определял очертания будущего города. Ворота были уже построены, как, по свидетельству христианского писателя V века Созомена, однажды ночью Константину во сне явился Господь и убедил его искать для столицы другое место. После этого Константин остановил окончательно свой выбор на Византии. Еще сто лет спустя проезжавшие на кораблях мимо троянского берега видели с моря неоконченные постройки Константина.[1]

Византий, не оправившийся еще от разгрома, учиненного Септимием Севером, был в это время незначительным селением и занимал лишь часть мыса, вдающегося в Мраморное море. В 324 г. Константин решился на строительство новой столицы и в 325 г. началась постройка основных зданий.[2] Христианское предание рассказывает, что император с копьем в руке определял границы города, и когда приближенные, видя чрезвычайные размеры намечаемой столицы, с удивлением спрашивали его: «Докуда, государь, (ты пойдешь)?», — он отвечал: «(Я пойду) до тех пор, пока не остановится идущий впереди меня».[3] Этим он объяснял, что некая небесная сила им руководит. Рабочие и материал для постройки были собраны отовсюду. Лучшие языческие памятники Рима, Афин, Александрии, Эфеса, Антиохии шли на украшение созидавшейся новой столицы. 40.000 готских воинов, так называемых федератов, участвовали в работе. Целый ряд разнообразных льгот, торговых, денежных и т. д., был объявлен для новой столицы, чтобы привлечь туда население. Наконец, к весне 330 г. работы настолько продвинулись вперед, что Константин счел возможным официально открыть новую столицу. Открытие состоялось 11 мая 330 г. и сопровождалось празднествами и увеселениями, длившимися сорок дней. В этом году христианский Константино-

---

[1] *Soz.* Hist. eccl., II, 3.

[2] См.: *J. Maurice.* Les Origines de Constantinople. Paris, 1904, pp. 289—292; *L. Brehier.* Constantin et la fondation de Constantinople. — Revue historique, vol. CXIX, 1915, p. 248; *D. Lathoud.* La consecration et la dedicace de Constantinople. — Échos d'Orient, vol. XXIII, 1924, pp. 289—294; *C. Emereau.* Notes sur les origines et la fondation de Constantinople. — Revue archeologique, vol. XXI, 1925, pp. 1—25; *E. Gerland.* Byzantion und die Grundung der Stadt Konstantinopel. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher, Bd. X, 1933, SS. 93—105; *R. Janin.* Constantinople Byzantine. Paris, 1950, pp. 27—37.

[3] *Philostorg.* Hist. eccl., II, 9.

поль оказался как бы «наложенным» (superimposed) на языческий Византий.[1]

Трудно точно определить размеры города времени Константина. Во всяком случае, он по величине далеко превосходил территорию прежнего Византия. У нас нет точных данных о численности населения Константинополя в VI веке. По предположительной оценке, она могла превышать 200.000 человек.[2] Для защиты с суши против внешних врагов Константин выстроил стену, которая шла от Золотого Рога до Мраморного моря.

Несколько позднее древний Византий, превратившийся в столицу мировой державы, стал называться «городом Константина», или Константинополем. Столица получила муниципальное устройство Рима и делилась, подобно последнему, на четырнадцать округов-регионов, из которых два лежали за городскими стенами. Из памятников города, современных Константину, до нас почти ничего не дошло. Однако к его времени относится церковь св. Ирины, которая, будучи позднее дважды перестроена, особенно при Юстиниане Великом и потом при Льве III, существует и поныне (в настоящее время в ней помещается турецкий военный музей). Затем знаменитая змеиная колонна из Дельф (V века до н. э.), сделанная в память сражения при Платее, перевезенная Константином в новую столицу и водруженная им на Ипподроме, находится на том же месте, правда, в несколько испорченном виде, и теперь.

Гениальная прозорливость Константина сумела оценить все преимущества положения прежнего Византия, политические, экономические и культурные. В политическом отношении Константинополь, этот «Новый Рим», как часто его называют, для борьбы с внешними врагами обладал исключительными условиями: с моря он был недоступен; с суши его охраняли стены. В экономическом отношении Константинополь держал в своих руках всю торговлю Черного моря с Архипелагом и Средиземным морем и был предназначен сделаться торговым посредником между Европой и Азией. Наконец, в культурном отношении Константинополь находился вблизи главнейших очагов эллинистической культуры, которая, слившись с христианством и, конечно, видоизменившись, дала в результате христианско-греко-восточную культуру, получившую название византийской культуры.

---

[1] *N. Baynes*. The Byzantine Empire, p. 18.

[2] *E. Stein*. Geschichte des spatromischen Reiches. Wien, 1929, Bd. I, S. 196; *F. Lot*. La fin du monde antique et le debut du Moyen âge. Paris, 1927, p. 81. А. Андреадес склонен считать, что численность населения составляла от 700 до 800 тыс. человек: «De la population de Constantinople sous les empereurs byzantins». — Metron, vol. I, 1920, p. 80. См. также: *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire. 2nd ed. London, 1931, vol. I, p. 88.

«Выбор места для новой столицы, — пишет Ф. И. Успенский, — устройство Константинополя и создание из него всемирно-исторического города составляет неотъемлемую заслугу политического и административного гения Константина. Не в эдикте о веротерпимости мировая заслуга Константина: не он, так его ближайшие преемники принуждены были бы даровать господство христианству, которое от того ни мало не потеряло бы; между тем как своевременным перенесением столицы мира в Константинополь он в одно и то же время и спас древнюю культуру, и создал благоприятную обстановку для распространения христианства».[1]

Со времени Константина Великого Константинополь делается политическим, религиозным, экономическим и культурным центром Империи.[2]

Реформы Диоклетиана и Константина

Реформы Константина и Диоклетиана характеризуются строгой централизацией власти, внедрением многочисленного чиновничества и четким разделением гражданской и военной власти. Эти реформы не были новыми и неожиданными. Римская империя вступила на путь централизации еще со времени Августа. Параллельно с поглощением Римом новых областей эллинистического Востока, в котором в течение уже долгих столетий развивалась высокая культура и традиционные формы управления, особенно в провинциях Птолемеевского Египта, наблюдалось и в жизни постепенное заимствование обычаев и эллинистических идеалов недавно обретенных земель. Отличительной чертой государств, образовавшихся на руинах империи Александра Македонского, — Пергам Атталидов, Сирия Селевкидов, Египет Птолемеев — была неограниченная власть монархов, что выражалось в особенно четких и ясных формах в Египте. Для египетского населения завоеватель Август и его преемники продолжали быть такими же неограни-

---

[1] *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи. СПб., 1913, т. 1, с. 60—62.

[2] Мы уже некоторое время отмечаем тенденцию уменьшать значимость основания Константинополя. См.: *O. Seek.* Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Berlin, 1921, Bd. III, SS. 426—428. Ему следует Э. Штайн: Geschichte des spatromischen Reiches. Wien, 1929, Bd. I, SS. 2—3, 193, Anm. 6. См. также: Gnomon, Bd. IV, 1928, SS. 411—412. Ср. также его же: Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher, Bd. I, 1920, S. 86. Ф. Лот отмечает, что основание Константинополя является со всех точек зрения очень важным историческим событием, но он добавляет, что «основание Константинополя — это загадка», и что «столица родилась из каприза деспота, охваченного сильной религиозной экзальтацией» (La fin du monde antique... pp. 39—40, 43).

ченными и обожествленными монархами, как и Птолемеи до них. Это была идея, почти что полностью противоположная римской концепции власти первых принцепсов, являвшейся компромиссом между римскими республиканскими учреждениями и новыми, недавно развившимися формами государственной власти. Политические влияния эллинистического Востока, конечно, постепенно меняли исходный характер власти римских принцепсов, которые очень скоро стали показывать их предпочтение Востоку и восточным концепциям имперской власти. Светоний сказал об императоре I века н. э. Калигуле, что тот был готов принять императорскую корону — диадему; [1] согласно источникам, император первой половины III века Элагабал, уже носил диадему в частной обстановке.[2] И хорошо известно, что император второй половины III века Аврелиан был первым, кто носил диадему публично. Надписи называют его «Богом» и «Господином» (Deus Aurelianus, Imperator Deus et Dominus Aurelianus Augustus).[3] Именно Аврелиан установил автократическую форму правления в Римской империи.

Процесс развития императорской власти сначала на базе Птолемеевского Египта и позднее под влиянием Сасанидского Ирана, был практически завершен к IV веку. Диоклетиан и Константин хотели сделать явной организацию абсолютной власти и для этой цели они просто заменили римские политические традиции на обычаи и практику, которые господствовали на эллинистическом Востоке и были уже известны в Риме, особенно со времени Аврелиана.

Смутное время и военная анархия III века сильно расстроили внутреннюю организацию империи и привели к дезинтеграции внутри государства. На некоторое время Аврелиан восстановил единство империи и вследствие этого современные ему документы и надписи характеризуют его как «восстановителя империи» (Restitutor Orbis). Однако после его смерти наступил беспокойный период. Потом Диоклетиан поставил перед собой цель направить весь государственный организм на нормальный и правильный путь. В сущности, однако, он совершил лишь большую административную реформу. Но тем не менее, как Диоклетиан, так и Константин внесли столь важные преобразования во внутренний строй государства, что их можно считать основателями нового типа монархии, создавшейся под сильным влиянием Востока.

Живя часто в Никомедии и имея вообще склонность к Востоку, Диоклетиан усвоил многие черты восточных монархий. Он был

---

[1] *Sveton.* Caligula: nec multum afuit quin statim diadema sumeret.

[2] SHA. *Lampridius.* Antonini Heliogabali vita, 23, 5: quo (diademate demmato) et usus est domi.

[3] *L. Homo.* Essai sur le regne de l'empereur Aurelien. Paris, 1904, pp. 191—193.

настоящим самодержцем, государем-богом, носившим царскую диадему. Восточная роскошь и сложный церемониал были введены во дворце. Подданные, получившие аудиенцию, должны были перед императором падать на колени, едва смея поднять глаза на своего государя. Все, что касалось императора, называлось священным: священная особа его, его священные слова, священный дворец, священная казна и т. д. Императора окружал многочисленный двор, который, будучи со времени Константина перенесен в Константинополь, поглощал громадные деньги и сделался центром многочисленных происков и интриг, так сильно осложнявших позднее жизнь Византийской империи. Таким образом, самодержавие в форме близкой к восточным деспотиям было установлено Диоклетианом и сделалось одним из отличительных признаков государственного строя Византии.

Для упорядочения управления обширной и разноплеменной монархией Диоклетиан ввел систему тетрархии, т. е. четановластия. Власть в империи была разделена между двумя августами с одинаковыми полномочиями, из которых один должен был жить в восточной, а другой в западной части государства; но оба августа должны были работать для одного римского государства. Империя продолжала оставаться единой; назначение же двух августов показывало, что правительство признавало уже в те времена различие между греческим Востоком и латинским Западом, управление которыми для одного лица было уже не по силам. Каждый август должен был взять себе в помощники по цезарю, которые после удаления от власти или смерти августа делались бы августами, избирая себе нового цезаря. Создавалась, таким образом, как бы искусственная династическая система, которая должна была избавить государство от прежних смут и происков различных честолюбцев и лишить легионы решающего значения при выборе нового императора. Первыми августами были Диоклетиан и Максимиан, а цезарями — Галерий и Констанций Хлор, отец Константина Великого. Диоклетиан оставил себе азиатские провинции, Фракию и Египет с центром в Никомедии, Максимиан — Италию, Африку и Испанию с центром в Медиолане (Милане), Галерий — Балканский полуостров (кроме Фракии) с прилегавшими к нему дунайскими провинциями с центром в Сирмиуме на р. Саве (вблизи совр. Митровицы) и Констанций Хлор — Галлию и Британию с центрами в Трире и Эбораке (Йорке). Все четыре правителя считались правителями единого целого, и государственные законы издавались от имени всех четырех. При теоретическом равенстве обоих августов Диоклетиан, как император, имел неоспоримое преобладание. Цезари находились в подчинении у августов. По истечении известного времени августы должны были сложить свои полномочия и передать их цезарям. Действительно, в 305 году

Диоклетиан и Максимиан, сложив свое звание, удалились в частную жизнь; августами сделались Галерий и Констанций Хлор. Но последующие смуты быстро положили конец искусственной системе тетрархии, которая в начале IV века уже прекратила свое существование.

Большие изменения были введены Диоклетианом в управление провинциями. При нем прежнее различие между сенатскими и императорскими провинциями исчезло; все провинции зависели от императора. Прежние сравнительно немногочисленные провинции империи отличались крупными территориальными размерами и давали большую силу лицам, стоявшим во главе их управления. Оттуда угрожали не раз серьезные опасности для центрального правительства: там часто разгорались революции, и правители провинций во главе перешедших на их сторону провинциальных легионов нередко являлись претендентами на императорский престол. Диоклетиан, желая уничтожить политическую опасность крупных провинций, решил их раздробить на более мелкие единицы. Из 57 провинций, существовавших в момент вступления Диоклетиана на престол, он сделал 96 провинций, а может быть, и больше. Более того, эти провинции оказались под властью наместников с чисто гражданскими полномочиями. Точное количество небольших провинций, созданных при Диоклетиане, точно неизвестно из-за неудовлетворительного состояния информации, сообщаемой источниками, Дело в том, что главным источником информации о провинциальном устройстве империи в это время является так называемая Notitia dignitatum, официальный перечень придворных, гражданских и военных должностей с перечислением провинций. Но, по определению ученых, этот недатированный памятник относится к началу V века, когда в него уже вошли изменения, сделанные в провинциальном управлении преемниками Диоклетиана. Notitia dignitatum насчитывает 120 провинций. Другие списки, также сомнительной, но более ранней датировки, дают меньшее число провинций.[1] При Диоклетиане же определенное число небольших новых соседствующих провинций было сгруппировано в административную единицу, называемую диоцез, под контролем должностного лица с чисто гражданскими полномочиями. Диоцезов было тринадцать. По своим размерам диоцезы напоминали старые провинции. В конце концов, в течение IV века диоцезы были сгруппированы в четыре (в некоторые периоды — три) префектуры под руководством префекта претория, наиболее крупного должностного лица того времени. После того

---

[1] Между 426 и 437 годами. См.: *J. B. Bury*. The Notitia dignitatum. — JRS, vol. X, 1920, p. 153; *J. B. Bury*. The Provincial List of Verona. — JRS, vol. XIII, 1923, pp. 127—151.

как Константин лишил их военных функций, они стояли во главе всей гражданской администрации и контролировали как администрацию диоцезов, так и администрацию провинций. К концу IV века империя для целей гражданского правления была разделена на четыре большие зоны (префектуры): 1. Галлия, включавшая в себя Британию, Галлию, Испанию и северо-западную оконечность Африки; 2. Италия, включавшая в себя Африку, Италию, провинции между Альпами и Дунаем и северо-западную часть Балканского полуострова. 3. Иллирик, самая маленькая из префектур, включавшая в себя провинции Дакию, Македонию и Грецию [1] и 4. Восток, включавший в себя азиатскую территорию, а также, на севере, Фракию в Европе и, на юге, Египет.

Вообще надо иметь в виду, что многие детали реформы Диоклетиана, из-за состояния источников, недостаточно выяснены. Нужно особо подчеркнуть следующее. Чтобы еще более обезопасить свою власть со стороны возможности провинциальных осложнений, Диоклетиан в провинциях строго отделил военную власть от гражданской; с этих пор провинциальные губернаторы имели в своих руках лишь судебные и административные функции. Провинциальная реформа Диоклетиана особенно отразилась на Италии: Италия из руководящей области превратилась в провинцию.* Подобная реформа влекла за собой учреждение громадного числа чиновников. Установилась сложная бюрократическая система с многочисленными должностями и разнообразными титулами, со строгим подчинением одних чиновников другим, низших высшим. Константин Великий в некоторых отношениях развил и дополнил преобразовательное дело Диоклетиана.

Итак, главными отличительными признаками реформы Диоклетиана и Константина было установление неограниченной (абсолютной) власти императора и строгое разделение военных и граждан-

---

[1] О сложной истории Иллирика в конце IV века, когда Иллирик иногда объединялся с Praefectura praetoris Italiae et Africae; см.: *E. Stein.* Untersuchungen zur spatromischen Verwaltungsgeschichte. — Rheinisches Museum fur Philologie, N. F. См. также карту у Э. Штайна: Geschichte des spatromischen Reiches, Bd. I, «*Imperium Romanum* anno 390 P. Ch. N.» (три префектуры). См.: *J.-R. Palanque.* Essai sur la prefecture du pretoire du Bas-Empire. Paris, 1933; критика Э. Штайна — Byzantion, t. IX, 1934, pp. 327—353. Ответ Ж.-Р. Паланка — «Sur la liste des prefets du pretoire du IVe siecle. Reponse a M. Ernest Stein». — Byzantion, t. IX, 1934, pp. 703—713.

* В соответствующем месте русской версии (с. 64) здесь стоит фраза, не включенная А. А. Васильевым в последующие издания. Между тем она представляется важной. «Рим, древняя столица мировой державы, сделался обыкновенным провинциальным городом».

ских властей, что повлекло за собой учреждение громадного количества чиновников. В византийское время сохранилась первая черта, т. е. неограниченная власть монарха; вторая же черта подверглась сильному изменению, пойдя по пути постепенного сосредоточения в одних руках военной и гражданской власти. Многочисленный же штат чиновничества перешел в Византию и с довольно, правда, большими изменениями как в самих должностях и титулах, так и в названиях их, дожил до последних времен империи. Большинство названий должностей и чинов из латинских сделались греческими; многие должности превратились в простые титулы или чины; но немало было создано и новых должностей и чинов.

Очень важным фактором в истории империи IV века является постепенная иммиграция варваров, а именно — германцев (готов). Но об этом вопросе речь будет ниже, когда можно будет охватить IV столетие в целом.

В 337 году Константин Великий умер. Его деятельность нашла редкую в истории оценку: римский сенат, по свидетельству историка IV века Евтропия, счел Константина достойным возведения в боги,[1] история признала его Великим, а Церковь Святым и Равноапостольным.

Современные историки сравнивали его с Петром Великим в России [2] и Наполеоном.[3]

Евсевий Кесарийский в своем «Панегирике Константину» писал, что после триумфа христианства, положившего конец созданиям Сатаны, т. е. ложным богам, языческие государства оказались уничтожены: «Единый Бог провозглашен для всего рода людского. В то же время единая мощь, Римская империя, поднялась и достигла расцвета. В тот же период, по ясному знаку того же Господа, два источника благословения — Римская империя и доктрина христианского благочестия — слились вместе для блага человечества... Две могущественные силы, начавшиеся в одной точке, Римская империя под скипетром самодержца и христианская религия, подчинили все [эти] противоречивые силы».[4]

Императоры и общество от Константина Великого до начала шестого века

После смерти Константина его три сына Константин, Констанций и Констант, приняли каждый титул августа и разделили

---

[1] *Eutrop.* Breviarium Historiae Romanae, X, 8.

[2] A Dictionnary of Christian Biography, t. I, 1877, «Constantine I», p. 644. См. также: *V. Duruy.* Histoire des Romains... vol. VII, p. 88.

[3] *H. Gregoire.* La «conversion» de Constantin... p. 270.

[4] *Euseb.* De laudibus Constantini, XVI, 3—5.

Византийская императрица (Ариадна, жена Зенона, потом Анастасия?). Слоновая кость. Museo Nazionale (Bargello). Флоренция

между собой власть в империи. Вскоре между тремя правителями вспыхнула борьба, в которой двое из братьев были убиты, Константин в 340 году, Констант десятью годами позже. Констанций, тем самым, остался единственным властителем империи и правил до 361 года. Будучи бездетным, после смерти братьев он был очень озабочен вопросом престолонаследия. Его политика по уничтожению всех членов своей семьи пощадила только двух двоюродных братьев — Галла и Юлиана, которых он убрал (kept away) из столицы. Желая, однако, обеспечить трон своей династии, он сделал Галла цезарем. Последний же вызвал подозрения императора и был убит в 354 году.

Таково было положение дел, когда брат Галла Юлиан был вызван ко двору Констанция, где он получил положение цезаря (355 г.) и женился на Елене, сестре Констанция. За кратким царствованием (361—363) Юлиана, смерть которого положила конец династии Константина Великого, последовало столь же краткое правление его преемника, бывшего командира придворной гвардии Иовиана (363—364), который был избран августом армией. После его смерти новый выбор пал на Валентиниана I (364—375), который, сразу же после избрания, был вынужден из-за требований своих солдат утвердить своего брата Валента августом и соправителем (364—376). Валентиниан правил в западной части империи, доверив восточную Валенту. Валентиниану на Западе наследовал его сын Грациан (375—383), тогда как в то же самое время армия провозгласила августом Валентиниана II (375—392), четырехлетнего сводного брата Грациана. После смерти Валента (378) Грациан утвердил на высокое положение августа Феодосия и доверил ему управление восточной частью империи и значительной частью Иллирика. Феодосий, родом с дальнего Запада (Испания) был первым императором династии, которая занимала трон до смерти Феодосия Младшего в 450 г. После смерти Феодосия его сыновья, Аркадий и Гонорий, получили в управление империю: Аркадий восточную часть, Гонорий — западную. Как и раньше в IV веке, при совместном правлении Валента с Валентинианом I или Феодосия с Грацианом и Валентинианом II, когда подобное разделение управления империей не нарушало ее единства, так и при Аркадии и Гонории последнее нарушено не было: было два правителя единого государства. Современники их именно так смотрели на дело, и историк V века Орозий, автор «Истории против язычников», писал: «Аркадий и Гонорий начали сообща владеть империей, имея только различные резиденции».[1]

Государями в восточной части империи за время с 395 по 518 гг. были следующие лица: сначала сидела на престоле испан-

---

[1] *Oros.* Historiae adversum paganos, VII, 36, 1.

ская линия Феодосия Великого — сын его Аркадий (395—408), женатый на Евдоксии, дочери германского (франкского) вождя; затем сын Аркадия, Феодосий II Младший (408—450), женатый на дочери афинского философа Афинаиде, во святом крещении получившей имя Евдокии. После смерти Феодосия II сестра его Пульхерия вышла замуж за Маркиана, родом из Фракии, который и сделался императором (450—457). В 450 году, таким образом, окончилась мужская линия испанской династии Феодосия. После смерти Маркиана на престол был избран военачальник Лев I (457—474), родом из Фракии или из «Дакии в Иллирике», т. е. в префектуре Иллирика. Дочь Льва I Ариадна, бывшая замужем за исавром Зеноном, имела сына Льва, который в возрасте шести лет после смерти своего деда сделался императором (474), но через несколько месяцев умер, успев сделать соимператором своего отца Зенона, из дикого горного племени исавров, живших внутри Малой Азии, в горах Тавра. Этот Лев известен в истории как Лев II Младший. После смерти последнего правил его отец Зенон (474—491). В 491 году его не стало, и вдова Зенона Ариадна отдала свою руку силенциарию,[1] престарелому Анастасию, родом из Диррахиума (Дураццо), в Иллирии (в современной Албании), который и был провозглашен императором (Анастасий I, 491—518).

Этот список императоров показывает, что после смерти Константина Великого и до 518 г. трон в Константинополе занимала сперва дарданская династия Константина, или, скорее, династия его отца, который, вероятно, принадлежал к какому-то романизованному племени на Балканах, затем — определенное количество римлян — Иовиан и семья Валентиниана I; затем тремя членами испанской династии Феодосия, за которыми последовали случайные императоры, принадлежавшие к разнообразным племенам: фракийцы, один исавр и иллириец (вероятно, албанец). В течение всего периода ни один грек не занимал престола.

Констанций (337—361)

Сыновья Константина, Константин, Констанций и Констант, приняв каждый титул августа, стали править империей после смерти отца. Вражда между братьями, поделившими между собой государство, осложнялась еще тем, что империя должна была вести изнурительную борьбу с персами и германцами. Братьев разъединяли не только политические интересы, но и религиозные. В то время как Константин и Констант были на стороне никейцев, Констанций, продолжая и развивая религиозное настроение по-

---

[1] Силенциарии были «швейцарами» при дверях императорского дворца.

следних лет жизни своего отца, открыто стоял за ариан. В междоусобных войнах погибли насильственной смертью сначала Константин, а через несколько лет Констант. Констанций сделался в конце концов единым государем империи.

Будучи убежденным сторонником арианства, Констанций упорно проводил арианскую политику в ущерб язычеству, которое при нем подверглось крупным ограничениям. Один из указов Констанция провозглашал: «Да прекратится суеверие, да уничтожится безумие жертвоприношений».[1] Но языческие храмы вне городских стен оставались пока в неприкосновенности. Через несколько лет вышел указ о закрытии языческих храмов, о запрещении доступа в них и о запрещении жертвоприношений во всех местностях и городах империи под угрозой смертной казни и конфискации имущества. В другом указе читаем, что смертная казнь грозила всякому, кто принес жертву или поклонялся идолам.[2] Когда Констанций, желая отпраздновать двадцатилетие своего правления, прибыл впервые в Рим, то он, после осмотра многочисленных памятников древности под руководством сенаторов, которые оставались язычниками, повелел удалить из сената алтарь Победы, олицетворявший для язычества все прошлое величие Рима. Этот факт произвел глубокое впечатление на язычников, которые почувствовали, что для них наступают последние времена. При Констанции расширились иммунитеты духовенства; епископы освобождались от светского суда.

Одновременно с подобными суровыми мерами против язычества последнее, тем не менее, продолжает существовать не только само по себе, но и продолжает иногда находить некоторое покровительство в правительстве. Весталки и жрецы были оставлены Констанцием в Риме. В одном указе он приказывает избрать жреца (sacerdos) для Африки. До конца дней своих Констанций носил титул Pontifex Maximus. В результате язычество при Констанции пережило целый ряд ограничительных мер, в то время как христианство, хотя и в форме арианства, сделало дальнейшие шаги на пути своего развития и закрепления.

Последовательная и упорная арианская политика Констанция приводила его к столкновениям с никейцами. Особенной настойчивостью отличалась его долгая борьба с известным защитником никейства, Афанасием Александрийским. Когда в 361 году Констанций умер, то ни никейцы, ни язычники не могли искренно оплакивать почившего государя. Язычники радовались тому, что на престол вступал Юлиан, открытый сторонник язычества. Чувства же православной партии по поводу смерти Констанция можно

---

[1] Cod. Theod., XVI, 10, 2.
[2] Cod. Theod., XVI, 10, 3—6.

выразить словами блаженного Иеронима: «Господь пробуждается, он повелевает буре, зверь умирает и спокойствие восстанавливается».[1] Торжественное погребение Констанция, умершего во время персидского похода в Киликии и перевезенного в Константинополь, произошло в присутствии нового императора Юлиана в построенном Константином Великим храме св. Апостолов.[2] Сенат причислил покойного императора к сонму богов.

Юлиан Отступник (361—363)

С именем Юлиана тесно связана последняя попытка восстановить язычество в империи.

Юлиан представляет собой в высшей степени интересную личность, которая давно уже останавливала на себе внимание ученых и литераторов и продолжает увлекать их до настоящего времени. Литература о Юлиане очень обширна. Дошедшие до нас сочинения самого Юлиана дают богатый материал для суждения о нем. Главная цель исследователей была разгадать и понять этого увлеченного «эллина», который, с полным убеждением в правоте и успехе своего дела, задумал во второй половине IV века возродить и оживить язычество и поставить его в основу религиозной жизни государства.

Юлиан потерял родителей в очень юном возрасте: его мать умерла через несколько месяцев после его рождения, его отец умер, когда ему было шесть лет. Юлиан получил для своего времени хорошее образование. Евнух Мардоний, по происхождению скиф, знаток греческой литературы и философии, обучавший мать Юлиана поэмам Гомера и Гесиода, перешел в качестве воспитателя и наставника к ее сыну. В то время как Мардоний знакомил юного Юлиана с античной литературой, Евсевий, епископ Никомедийский и потом Константинопольский, убежденный арианин, или окружавшие его представители духовенства вводили Юлиана в изучение Священного Писания. Таким образом, Юлиан, по словам одного историка,[3] получил сразу два различных воспитания, которые поместились в нем одно возле другого, но так, что не касались друг друга. Юлиан был крещен. Впоследствии он вспоминал об этом времени, как о мраке, который нужно забыть.

---

[1] *Hieronymi* Altercatio Luciferiani et Orthodoxi, 19 (PL, t. XXIII, col. 181).

[2] Эта церковь приписывается некоторыми источниками времени Константина Великого, другими — времени Констанция. *G. Downey.* The Builder of the Original Church of the Apostles at Constantinople. — Dumbarton Oaks Papers, vol. VI, 1951, pp. 51—80.

[3] *P. Allard.* Julien l'Apostat. Paris, 1906, vol. I, p. 269.

Юные годы Юлиана прошли в большой тревоге, так как Констанций, видевший в нем своего возможного соперника и подозревавший его в честолюбивых замыслах, держал его то в провинции, как бы в ссылке, то призывал в столицу, чтобы иметь его на глазах. Зная о насильственной смерти многих родственников, павших от руки Констанция, Юлиан ежедневно должен был бояться за свою жизнь. После вынужденного пребывания в течение нескольких лет в Каппадокии, где он продолжал под руководством сопровождавшего его Мардония изучение древних авторов и где, по всей вероятности, он хорошо познакомился с Библией и Евангелием, Юлиан для окончания образования был переведен сначала в Константинополь, затем в Никомедию, где у него и появилось первое серьезное влечение к язычеству.

В это время в Никомедии преподавал лучший ритор той эпохи Либаний, настоящий представитель эллинизма, не знавший и не желавший знать латинского языка, к которому относился с пренебрежением, презиравший христианство и видевший смысл всего лишь в эллинстве. Привязанность Либания к язычеству не знала пределов. Лекции его пользовались громадным успехом в Никомедии. Отправляя Юлиана туда и предчувствуя, может быть, какое неизгладимое впечатление должны будут произвести воодушевленные лекции Либания на молодого слушателя, Констанций запретил Юлиану заниматься у знаменитого ритора. Юлиан формально не нарушил императорского запрета; но он изучил сочинения Либания, знакомился с его лекциями через слушателей и настолько усвоил себе стиль Либания и его манеру писать, что позднее его считали учеником последнего. Там же Юлиан с увлечением знакомился с тайным (оккультным) учением неоплатоников, вылившимся в то время в формы проникновения в будущее, вызывания при помощи известных заклинательных формул не только умерших обыкновенных людей, но даже богов (теургия). Ученый философ Максим Эфесский в этом отношении оказал на Юлиана большое влияние.

Пережив опасное время смерти своего брата Галла, убитого по приказанию Констанция, Юлиан был для оправданий вызван ко двору в Милан и после этого отправлен в ссылку в Грецию, в Афины. Афины, славные своим великим прошлым, во время Констанция представляли собой довольно захолустный, провинциальный город, где, впрочем, о минувших веках напоминала известная языческая школа. Для Юлиана пребывание в Афинах было полно глубокого интереса. Позднее, в одном из своих писем, он «с удовольствием вспоминал об аттических беседах... о садах, об афинском предместье, о миртовых аллеях и о домике Сократа».[1] Во время

---

[1] *Julian*. Quae supersunt omnia. Ed. F. C. Hertlein, vol. I, p. 328, 335; The Works of Emperor Julian, ed. W. Wright, vol. II, 217.

афинского пребывания, как думает большинство историков, Юлиан был посвящен элевсинским иерофантом (жрецом) в элевсинские мистерии. Это было, по словам Буасье, как бы крещением новообращенного.[1] Надо заметить, что в последнее время некоторые ученые сомневаются в элевсинском обращении Юлиана.[2]

В 355 году Констанций провозгласил Юлиана цезарем, женил на своей сестре Елене и отправил начальником войск в Галлию, где шла упорная и тяжелая борьба с наступавшими германцами, которые разоряли страну, разрушали города и истребляли население. Юлиан удачно справился с трудной задачей спасти Галлию и под Аргенторатом (ныне Страсбургом) нанес германцам сильное поражение. Главной резиденцией Юлиана в Галлии сделалась Лютеция (Lutetia Parisiorum; позднее Париж). Это был в то время небольшой город на острове Сены, сохранившем до сих пор название la cite (лат. civitas), т. е. город, который был соединен деревянными мостами с обоими берегами реки. На левом берегу Сены, где уже было немало домов и садов, находился построенный, вероятно, Констанцием Хлором дворец, остатки которого, около музея Клюни, видны и теперь. Юлиан избрал дворец своим местопребыванием. Он любил Лютецию и в одном из своих позднейших сочинений вспоминает о зимовке в «дорогой Лютеции».[3]

Дела Юлиана шли удачно, и германцы были отброшены за Рейн. «Я, будучи еще цезарем, — писал Юлиан, — в третий раз перешел Рейн; я потребовал от зарейнских варваров 20.000 пленных... я, по воле богов, взял все города, немногим меньше сорока».[4] Среди войска Юлиан пользовался большой любовью.

Констанций с подозрением и завистью относился к успехам Юлиана. Предпринимая персидский поход, он потребовал от него присылки из Галлии вспомогательных отрядов. Галльские легионы возмутились и, подняв Юлиана на щит, провозгласили августом. Новый август потребовал от Констанция признания совершившегося факта. Последний не соглашался. Грозила вспыхнуть междоусобная война. Но в это время Констанций умер. В 361 году Юлиан был признан императором на всем пространстве империи. Сторонники Констанция и люди, близко к нему стоявшие, подверглись жестоким преследованиям и карам со стороны нового императора.

---

[1] *G. Boissier.* La fin du paganisme, vol. I, p. 98. См. также: *Geffcken.* Kaiser Julian. Leipzig, 1914, SS. 21—22. Автор не сомневается в приобщении Юлиана. См. также: *Negri.* Julian the Apostate. New York, 1905, vol. I, p. 47.

[2] *P. Allard.* Julien, vol. I, p. 330. О ранних годах Юлиана см.: *N. H. Baynes.* The Early Life of Julian the Apostate. — Journal of Hellenic Studies, vol. XLIV, 1925, pp. 251—254.

[3] *Julian.* Opera, II, 438; ed. Wright, II, p. 429.

[4] Ibid., I, 361; ed. Wright, II, p. 273.

Будучи в это время уже убежденным сторонником язычества и будучи вынужден до смерти Констанция скрывать свои религиозные взгляды, Юлиан, став полновластным государем, прежде всего решил приступить к выполнению своей заветной мечты, а именно к восстановлению язычества. В первые же недели после своего восшествия на престол Юлиан по поводу этого издал эдикт. Историк Аммиан Марцеллин в таких словах говорит об этом важном моменте: «Хотя Юлиан со времени раннего детства уже чувствовал склонность к почитанию богов и по мере того, как рос, пылал желанием восстановить его, однако из-за сильной боязни он совершал языческие обряды в возможно глубокой тайне. Как только же Юлиан увидел, что за исчезновением того, чего он боялся, у него оказалась полная возможность делать то, что он хотел, он открыл свои тайные мысли и ясным, формальным эдиктом приказал открыть храмы и для почитания богов приносить на алтарях жертвы».[1] Эдикт этот не был неожиданностью, так как всем была известна склонность Юлиана к язычеству. Радость язычников была безмерная; для них восстановление их религии знаменовало собой не только свободу, но и победу. Не во всех частях империи эдикт Юлиана мог найти одинаковое применение: в западной части государства было больше язычников, чем в восточной.

Ко времени Юлиана в самом Константинополе не было уже ни одного языческого храма. Новых храмов в короткий срок воздвигнуть было нельзя. Тогда Юлиан совершил торжественное жертвоприношение, по всей вероятности, в главной базилике, предназначавшейся для прогулок и деловых бесед и украшенной Константином статуей Фортуны. По свидетельству церковного историка Созомена, здесь произошла такая сцена: слепой старец, которого вел ребенок, приблизившись к императору, назвал его безбожником, отступником, человеком без веры. На это Юлиан ему отвечал: «Ты слеп, и не твой галилейский Бог возвратит тебе зрение». «Я благодарю Бога, — сказал старик, — за то, что он меня его лишил, чтобы я не мог видеть твоего безбожия». Юлиан промолчал на эту дерзость и продолжал жертвоприношение.[2]

Задумав восстановить язычество, Юлиан понимал, что восстановление его в прошлых, чисто материальных формах невозможно; необходимо было его несколько преобразовать, улучшить, чтобы создать силу, которая могла бы вступить в борьбу с христианской церковью. Для этого император решил заимствовать многие стороны христианской организации, с которой он был хорошо знаком. Языческое духовенство он организовал по образцу иерархии христианской церкви; внутренность языческих храмов была устроена

---

[1] *Amm. Marc.* Res Gestae, XXI, 5, 1—2.
[2] *Soz.* Hist. eccl., V, 4; *Socrat.* Hist. eccl. III, 2.

по образцу храмов христианских; было предписано вести в храмах беседы и читать о тайнах эллинской мудрости (ср. христианские проповеди); во время языческой службы было введено пение; от жрецов требовалась безупречная жизнь, поощрялась благотворительность; за несоблюдение религиозных требований грозили отлучением и покаянием и т. д. Одним словом, чтобы несколько оживить и приспособить к жизни восстановленное язычество, Юлиан обратился к тому источнику, который он всеми силами своей души презирал.

Количество жертвенных животных, принесенных на алтари богов, было настолько велико, что вызывало сомнения и некоторую долю насмешки даже среди язычников. Сам император принимал деятельное участие при жертвоприношениях и не гнушался самой низкой работой. По словам Либания,[1] он бегал вокруг алтаря, зажигал огонь, держал в руках нож, убивал птиц и гадал по их внутренностям. В связи с необычным количеством убиваемых жертвенных животных была в ходу в то время эпиграмма, некогда обращенная к другому императору — философу Марку Аврелию: «Белые быки цезарю Марку (шлют) привет! Если ты возвратишься с победой, мы погибнем».[2]

Подобное видимое торжество язычества должно было сильно отразиться на положении христиан в империи. Вначале казалось, что христианству не грозит каких-либо серьезных опасностей. Пригласив из христиан вождей различных религиозных направлений с их сторонниками во дворец, Юлиан объявил, что теперь, по окончании гражданских усобиц, каждый мог беспрепятственно, без всякого опасения следовать своей вере. Итак, объявление веротерпимости было одним из первых актов самостоятельного правления Юлиана. Иногда в его присутствии христиане поднимали между собой споры, и тогда император, пользуясь словами Марка Аврелия, не раз говорил: «Слушайте меня, как меня слушали аламаны и франки!»[3] Вскоре же был издан указ, на основании которого все изгнанные при Констанции епископы, каких бы религиозных воззрений они ни придерживались, освобождались из ссылки, а их конфискованные имения возвращались прежним владельцам.

Но возвратившиеся представители духовенства, принадлежа к различным религиозным направлениям, совершенно, с их точки зрения, непримиримых между собой, не могли ужиться в согласии и начали ожесточенные споры, на что, по-видимому, и рассчитывал

---

[1] Oratio Εις 'Ιουλιανον αυτοκρατορα υπατον, XII, 82; ed. R. Forster, vol. II, 38.

[2] *Amm. Marc.* Res Gestae, XXV, 4, 17.

[3] Ibid., XXII, 5, 3—4.

Юлиан. Даруя кажущуюся веротерпимость и хорошо зная психологию христиан, он был уверен, что в их церкви сейчас же начнутся раздоры, и такая разъединенная церковь уже не будет представлять для него серьезной опасности. Одновременно с этим Юлиан обещал большие выгоды тем из христиан, которые согласились бы отречься от христианства. Примеров отречения было немало. Св. Иероним называл подобный образ действия Юлиана «преследованием ласковым, которое скорее манило, чем принуждало к жертвоприношению».[1]

Между тем христиане последовательно удалялись из чиновного и военного мира; причем их места замещались язычниками. Знаменитый лабарум Константина, служивший знаменем в войсках, был уничтожен, и блиставшие на знаменах кресты были заменены языческими эмблемами.

Но что нанесло христианству наиболее чувствительный удар, это школьная реформа Юлиана. Первый указ касается назначения профессоров в главные города империи. Кандидаты должны быть избираемы городами, но для утверждения представляемы на усмотрение императора, поэтому последний мог не утвердить всякого неугодного ему профессора. В прежнее время назначение профессоров находилось в ведении города. Гораздо важнее был второй указ, сохранившийся в письмах Юлиана. «Все, — говорит указ, — кто собирается чему-либо учить, должны быть доброго поведения и не иметь в душе направления, несогласного с государственным».[2] Под государственным направлением надо, конечно, разуметь языческое направление самого императора. Указ считает нелепым, чтобы лица, объясняющие Гомера, Гесиода, Демосфена, Геродота и других античных писателей, сами отвергали чтимых этими писателями богов. «Я предоставляю на выбор, — говорит в указе Юлиан, — или не учить тому, что они не считают серьезным, или, если они желают учить, должны прежде всего на деле убедить учеников, что ни Гомер, ни Гесиод, никто другой из писателей, которых они объясняют и вместе с тем обвиняют в нечестии, безумии и заблуждении по отношению к богам, не таковы. Если же они, получая за труды свои плату, кормятся тем, что древние написали, то этим самым они показывают себя настолько корыстолюбивыми, что готовы на все из-за нескольких драхм. До сих пор было много причин не посещать храмов богов, и висящий отовсюду страх оправдывал скрытность по отношению к истинным мыслям о богах; теперь же, так как боги даровали нам свободу, мне кажется нелепым учить людей тому, что они сами не считают здравым. Но, если они считают мудрыми тех писателей, которых

---

[1] *Hieronymi* Chronicon ad olympiad., 285 (PL, t. XXVII, col. 691—692).
[2] *Julian.* Opera, II, 544 ff.; Epistola 42, ed. Wright, III, 117—123.

они объясняют и толкуют, то пусть прежде всего они подражают их благочестивым чувствам по отношению к богам; если же они полагают, что почитаемые боги ложны, то пусть идут в церкви галилеян объяснять Матфея и Луку... Таков общий закон для начальников и учителей... Хотя было бы справедливо лечить (упорствующих) против их воли, как поступают с сумасшедшими; однако да будет прощение всем, подверженным этой болезни. Ибо, по моему мнению, безумцев надо учить, а не наказывать».[1] Аммиан Марцеллин, друг Юлиана и сотоварищ по его походам, вкратце так говорит об этом эдикте: «(Юлиан) запретил христианам обучать риторике и грамматике, если они не перейдут к почитанию богов»,[2] т. е., другими словами, не сделаются язычниками. Некоторые полагают, на основании указаний христианских писателей, что Юлиан издал второй указ, запрещавший христианам не только учить, но и учиться в школах. Св. Августин, например, писал: «Разве Юлиан, который запретил христианам учить и учиться наукам (liberales litteras), не преследовал церковь?»[3] Но текста этого второго указа до нас не дошло, поэтому его могло и не быть; тем более, что и первый указ о запрещении христианам преподавания косвенно влек за собой и запрещение христианам учиться. После его опубликования христиане должны были посылать своих детей в грамматические и риторические школы с языческим преподаванием, от чего большинство христиан воздерживалось, так как опасалось, что через одно или два поколения языческого преподавания христианская молодежь может возвратиться к язычеству. С другой стороны, если христиане не будут получать общего образования, они будут уступать в умственном развитии язычникам. Поэтому указ, даже если он был только один, имел для христиан громадное значение и грозил им в будущем серьезной опасностью. Еще Гиббон правильно заметил: «Христианам п р я м о было запрещено учить; им же к о с в е н н о было запрещено учиться, раз они не могли (морально) посещать языческие школы».[4]

Надо сказать, что громадное большинство риторов и грамматиков из христиан предпочло покинуть свои кафедры, чем в угоду императору перейти в язычество. Даже среди язычников отношение к эдикту Юлиана было различно. Языческий писатель Аммиан Марцеллин по этому поводу писал: «Должно подлежать вечному умолчанию то, что Юлиан запрещал учить тем преподавателям

---

[1] Ibidem.
[2] Res Gestae, XXV, 4, 20.
[3] De civitate Dei, XVIII, 52.
[4] History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Ed. J. B. Bury. London, 1897, vol. I, chap. 23. См. также: *Negri*. Julian... vol. II, pp. 411—414.

риторики и грамматики, которые были почитателями христианской веры».[1]

Интересно, как христиане реагировали на указ Юлиана. Некоторые из них наивно радовались тому, что император затруднил верующим изучение языческих писателей. Чтобы возместить запретную языческую литературу, христианские писатели того времени, особенно Аполлинарий-старший и Аполлинарий-младший, отец и сын, задумали для школьного преподавания создать свою литературу; для этого они, например, переложили псалмы наподобие од Пиндара, Пятикнижие Моисея изложили гексаметром, Евангелие в виде диалогов наподобие Платона и т. д. Из этой неожиданной литературы до нас ничего не дошло. Конечно, подобная литература действительной ценности иметь не могла и исчезла тотчас же после смерти Юлиана, когда его указ потерял силу.

Летом 362 года Юлиан предпринял путешествие в восточные провинции и прибыл в Антиохию, где население, по словам самого императора, «предпочитало атеизм»,[2] т. е. было христианским. Поэтому в городе среди торжества официального приема чувствовалась и временами прорывалась некоторая холодность и затаенная враждебность. Антиохийское пребывание Юлиана важно в том отношении, что оно заставило его убедиться в трудности, даже невыполнимости предпринятого им восстановления язычества. Столица Сирии осталась совершенно холодна к симпатиям гостившего в ней императора. Юлиан рассказал историю своего визита в своем сатирическом сочинении «Мисопогон, или Ненавистник бороды».[3] В большой языческий праздник в храме Аполлона, в антиохийском предместье Дафне, он думал увидеть громадную толпу народа, жертвенных животных, возлияния, благовония и прочие атрибуты большого языческого торжества; по прибытии же к храму Юлиан, к своему удивлению, нашел лишь одного жреца с одним гусем в руках для жертвы. В изложении Юлиана: «В десятый месяц, согласно вашему летоисчислению — Лоос, думаю, так вы его называете — происходит праздник, основанный вашими предками, в честь этого бога. И это ваш долг быть усердными в посещении Дафне. Поэтому я и поспешил туда, в храм Зевса Кассия, думая, что в Дафне, если и где еще, я смогу порадоваться зрелищем ващего благосостояния и общественного духа. И я представлял в

---

[1] Res gestae, XXII, 10, 7.

[2] *Julian*. Opera, II, 461; ed. Wright, II, 475.

[3] Юлиан имел длинную бороду, что было весьма нетипично для императора, и народ часто смеялся над ним. По поводу «Мисопогона» см.: *Negri*. Julian... vol. II, pp. 430—470, где переведена его большая часть.

своем воображении вид процессии, как она должна была бы быть, подобно человеку, видящему видения во сне, животных для жертвоприношения, возлияния, хоры в честь бога, благовония и молодежь вашего города, окружающая святыню, их души, украшенные всей святостью, и они сами, одетые в белые и прекрасные одежды. Однако, когда я вошел в святыню, я не нашел ни благовоний, никого вообще, ни одного жертвенного животного. На мгновение я был удивлен и подумал, что я все еще нахожусь вне святыни и что вы ждете сигнала от меня, оказывая мне почет из-за того, что я — верховный понтифик. Однако, когда я начал спрашивать, какую жертву город намеревается принести для отмечания ежегодного праздника в честь бога, жрец ответил: „Я принес с собой из моего дома гуся как жертвоприношение богу, но город в это время никаких приготовлений не предпринимал“».[1] Антиохия ничем не отозвалась на этот праздник. Подобные факты раздражали Юлиана против христиан. Еще более обострил отношения между ними вспыхнувший пожар упомянутого храма в Дафне, в чем заподозрены были христиане. Рассерженный Юлиан приказал в наказание закрыть главную антиохийскую церковь, которая к тому же была разграблена и подверглась осквернению. Подобные же факты произошли в других городах. Напряжение дошло до крайних пределов. Христиане в свою очередь разбивали изображения богов. Некоторые представители церкви потерпели мученическую кончину. Стране грозила полная анархия.

Весной 363 года Юлиан покинул Антиохию, направляясь в поход против персов, во время которого, как известно, император был смертельно ранен копьем и, будучи перенесен в палатку, вскоре умер. Точно не знали, кто поразил императора. Поэтому позднее возникло немало рассказов. Среди них была, конечно, версия, что он пал от руки христиан. Христианские же историки сообщают известную легенду, будто он, схватившись за рану, наполнил руку кровью и бросил ее в воздух со словами: «Ты победил, Галилеянин!»[2]

Около умиравшего в палатке Юлиана собрались его друзья и главные военачальники, к которым он обратился с прощальным словом. Предсмертная речь императора дошла до нас в изложении Аммиана Марцеллина (XXV, 3, 15—20). В ней он дает апологию своей жизни и деятельности, с философским спокойствием ожидает неизбежной смерти и в конце речи, когда уже слабели его силы, не указав на возможного наследника, высказал пожелание, чтобы после него нашелся хороший правитель. Заметив, что окружавшие его люди плачут, умирающий сказал с упреком, что недостойно

---

[1] *Julian.* Opera, II, 467; ed. Wright, II, 487—489.
[2] *Theodoret.* Hist. eccl., III, 7.

оплакивать государя, примирившегося с небом и звездами. Умер Юлиан в полночь 26 июня 363 года, тридцати двух лет от роду. Знаменитый ритор Либаний сравнивал смерть Юлиана со смертью Сократа.[1]

Армия избрала императором начальника дворцовой гвардии Иовиана, христианина, приверженца никейского исповедания. Стесненный персидским царем, Иовиан должен был заключить с ним мир на условии уступки Персии нескольких провинций на восточном берегу Тигра. Смерть Юлиана была с радостью встречена христианами. Христианские писатели называли покойного императора драконом, Навуходоносором, Иродом, чудовищем. Однако он был похоронен в церкви Святых Апостолов в пурпурном саркофаге.

Юлиан оставил после себя ряд сочинений, которые позволяют ближе познакомиться с этой интересной личностью. Центром религиозного мировоззрения Юлиана является культ Солнца, создавшийся под непосредственным влиянием культа персидского светлого бога Митры и идей выродившегося к тому времени платонизма. Уже с самых юных лет Юлиан любил природу, особенно же небо. В своем рассуждении «О Царе-Солнце»,[2] главном источнике религии Юлиана, он писал, что с юных лет был охвачен страстной любовью к лучам божественного светила; он не только днем желал устремлять на него свои взоры, но и в ясные ночи он оставлял все, чтобы идти восхищаться небесными красотами; погруженный в это созерцание, он не слышал тех, кто с ним говорил, и даже терял сознание. Довольно темно изложенная Юлианом его религиозная теория сводится к существованию трех миров в виде трех солнц. Первое солнце есть высшее Солнце, идея всего существующего, духовное, мыслимое (νοητος) целое; это — мир абсолютной истины, царство первичных принципов и первопричин. Видимый нами мир и видимое солнце, мир чувственный, является лишь отражением первого мира, но отражением не непосредственным. Между этими двумя мирами, мыслимым и чувственным, лежит мир мыслящий (νοερος) со своим солнцем. Получается, таким образом, троица (триада) солнц, мыслимого, или духовного, мыслящего и чувственного. или материального. Мыслящий мир является отражением мыслимого, или духовного мира, но сам, в свою очередь, служит образцом для мира чувственного, который является, таким образцом, отражением отражения, воспроизведением во второй ступени абсолютного образца. Высшее Солнце слишком

---

[1] Oratio Ἐπιταφιος επι Ἰουλιανῷ, XVIII, 272, ed. Forster. См. также: *N. H. Baynes*. The Death of Julian the Apostate in a Christian Legend. — Journal of Roman Studies, vol. XXVII, 1937, pp. 22—29.

[2] *Julian*. Opera, I, 168—169; Oratio, IV, ed. Wright, I, 353—355.

недоступно для человека; солнце чувственного мира слишком материально для обоготворения. Поэтому Юлиан сосредоточивает все свое внимание на центральном мыслящем Солнце, его называет «Царем-Солнцем» и ему поклоняется.

Несмотря на все свое увлечение, Юлиан понимал, что восстановление язычества представляет громадные трудности. В одном письме он писал: «Мне нужно много помощников, чтобы восстановить то, что так жалко упало».[1] Но Юлиан не понимал, что упавшее язычество уже не могло подняться, потому что оно умерло. Поэтому попытка Юлиана заранее была обречена на неудачу. «Его дело, — по словам Буасье, — могло потерпеть крушение: мир от этого ничего не должен был потерять».[2] «Этот филэллин-энтузиаст, — писал Гефкен,[3] — наполовину восточный человек, наполовину — ранневизантийский (Fruhbyzantiner)». Другой биограф сказал: «Император Юлиан представляется исчезающим и светлым явлением в нижней части горизонта, на котором уже исчезла звезда той Греции, которая была для него святой землей цивилизации, матерью всего прекрасного и красивого в мире, той Греции, которую он с сыновней и искренней признательностью называл своей истинной родиной».[4]

Церковь и государство в конце IV века

Феодосий Великий *и торжество христианства*. При преемнике Юлиана Иовиане (363—364), убежденном христианине в никейском смысле, христианство было восстановлено. Но последнее обстоятельство не обозначало гонений против язычников, опасения которых, при вступлении на престол нового императора, оказались неосновательными. Целью Иовиана было установить в государстве порядок, существовавший до Юлиана. Была объявлена свобода совести. Он разрешил открыть языческие храмы и приносить жертвы. Несмотря на свои никейские убеждения, Иовиан не принимал принудительных мер против других церковных партий. Христианские изгнанники различных направлений вернулись из ссылки. Лабарум снова появился в войсках. Иовиан правил всего несколько месяцев, но его деятельность в области церкви оставила немалое впечатление, и христианский историк арианского направления, писавший в V веке, Филосторгий, отметил: «Иовиан восстановил

---

[1] *Julian*. Opera, II, 520; Epistola, 21, ed. Wright, III, 17.
[2] *G. Boissier*. La fin du paganisme... vol. I, s. 142.
[3] *J. Geffcken*. Kaiser Julian... p. 126.
[4] *Negri*. Julian... vol. II, p. 632. По поводу финансовой политики Юлиана см. интересную статью: *E. Condurachi*. La politique financiere de l'Empereur Julien. — Bulletin de la section historique de l'Academie roumaine, vol. XXII, 2, 1941, pp. 1—59.

в церквах прежний порядок, избавив их от всех оскорблений, какие нанес им Отступник».[1]

Иовиан внезапно умер в феврале 364 г. Его преемниками стали два брата — Валентиниан I (364—375) и Валент (364—378), которые разделили управление империей. Валентиниан стал правителем западной половины империи, Валенту доверили управлять восточной. Братья в делах веры придерживались разных направлений: в то время как Валентиниан был горячим сторонником никеизма, Валент был арианин. Но никеизм не делал Валентиниана нетерпимым, и в его время фактически существовала наилучшая, наиболее гарантированная свобода совести. В начале правления им был издан закон, «на основании которого каждому предоставлялась свободная возможность почитать то, что он имеет в душе».[2] Язычество пользовалось полной терпимостью. Но несмотря на это Валентиниан целым рядом мер показал, что он был христианским государем; так, например, он восстановил привилегии, дарованные духовенству Константином Великим. По иному пути пошел Валент. Сделавшись сторонником арианского направления, он нетерпимо относился к другим христианам, и хотя его гонение не отличалось особой суровостью и систематичностью, тем не менее население восточной половины империи переживало при нем очень тревожные времена.

Во внешних делах братьям пришлось вести упорную борьбу с германцами. Валент преждевременно погиб во время своей кампании против готов. На Западе Валентиниану I наследовали его сын Грациан (375—383) и одновременно провозглашенный войском сводный брат последнего, четырехлетний Валентиниан II (375—392). После же смерти Валента (378 г.) Грациан назначил августом Феодосия, которому поручил управление восточной половиной империи и Иллирик.

Если не считать безвольного и юного Валентиниана II, не игравшего роли, но склонного к арианству, государство при Грациане и Феодосии совершенно определенно сошло с пути религиозной терпимости и перешло на сторону никейского символа. Особенно крупное значение имел в этом вопросе государь восточной половины империи Феодосий, прозванный Великим (379—395), с именем которого всегда связывается представление о торжестве христианства. При таком направлении о терпимости к язычеству не могло быть и речи.

Фамилия Феодосия выдвинулась во второй половине IV века благодаря его отцу, также Феодосию, который был одним из блестящих полководцев на Западе во время Валентиниана I. До

---

[1] *Philosorg.* Hist. eccl., VIII, 5.
[2] Cod. Theod., IX, 16, 9.

получения им высокого ранга августа Феодосий лишь слегка интересовался христианскими идеями, однако на следующий год после назначения он был крещен в Фессалонике епископом города Асхолием, сторонником никеизма.

На долю Феодосия выпало две трудные задачи: 1) установить единство внутри империи, раздираемой религиозными смутами благодаря существованию многочисленных религиозных партий разнообразных направлений и 2) спасти империю от упорного натиска варваров-германцев, а именно готов, которые ко времени Феодосия грозили самому существованию государства.

Как известно, при предшественнике Феодосия на Востоке, Валенте, арианство играло преобладающую роль. С его смертью, особенно при временном до избрания Феодосия отсутствии власти, религиозные споры снова разгорелись и принимали иногда очень грубые формы. Особенно отзывались эти тревожные настроения восточной церкви в Константинополе. Догматические споры, выйдя за пределы тесного круга духовенства, захватили все тогдашее общество, проникли в толпу, на улицу. Вопрос о природе Сына Божия, уже с половины IV века, с необыкновенной страстностью обсуждался повсюду: на соборах, в церквах, во дворце императора, в хижинах отшельников, на площадях и рынках. Григорий, епископ Нисский, не без сарказма пишет во второй половине IV века о создавшемся положении следующее: «Все полно таких людей, которые рассуждают о непостижимых предметах, — улицы, рынки, площади, перекрестки; спросишь, сколько нужно заплатить оболов, — (в ответ) философствуют о рожденном и нерожденном; хочешь узнать о цене хлеба, — отвечают: Отец больше Сына; справишься, готова ли баня, — говорят: Сын произошел из ничего».[1]

При вступлении на престол Феодосия обстоятельства изменились. Прибыв в Константинополь, он предложил арианскому епископу отречься от арианства и примкнуть к никейству. Однако, епископ отказался исполнить волю Феодосия и предпочел удалиться из столицы за городские ворота, где и продолжил арианские собрания. Все константинопольские церкви были переданы никейцам.

Перед Феодосием стоял вопрос об урегулировании отношений к еретикам и язычникам. Еще при Константине Великом католическая (т. е. вселенская) церковь (ecclesia catholica) противополагалась еретикам (haeretici). При Феодосии же отличие кафолика от еретика было окончательно установлено законом, а именно: под кафоликом стал разуметься сторонник никейской веры; представители других религиозных направлений были еретиками. Язычники (pagani) стояли особо.

---

[1] *Gregorius Nyss.* Oratio de Deitate Filii et Spiritus Sancti. PG, t. XLVI, col. 559.

Объявив себя убежденным никейцем, Феодосий открыл ожесточенную борьбу с еретиками и язычниками; причем наказания, налагаемые на них, постепенно усиливались. На основании указа 380 г. только те, кто согласно апостольскому наставлению и евангельскому учению верят в единое Божество Отца, Сына и Св. Духа, должны называться кафолическими христианами; все же прочие, эти «сумасбродные безумцы», придерживавшиеся «позора еретического учения», не имели права называть свои собрания церквами и должны были подвергнуться строгим наказаниям.[1] Этим указом Феодосий, по словам одного исследователя, «первый из государей от своего лица, а не от лица Церкви, регламентировал кодекс христианских истин, обязательных для подданных».[2] Несколько указов Феодосия запрещают еретикам все религиозные собрания публичного или частного характера; допускались только собрания приверженцев никейского символа, которым должны быть переданы церкви в столице и во всем государстве. Еретики подвергались серьезным ограничениям в гражданских правах, например в области завещаний, наследства.

Желая внести мир и согласие в христианскую церковь, Феодосий созвал в 381 году в Константинополе собор при участии лишь представителей восточной церкви, который известен под названием второго Вселенского собора. Ни об одном из вселенских соборов мы не имеем столь скудных известий; деяния (акты) его неизвестны. Он вначале не признавался даже Вселенским собором, и только на Вселенском соборе 451 года получил официально санкцию собора Вселенского. Главным вопросом второго собора в области веры был вопрос о ереси Македония, который, продолжая идти по пути дальнейшего развития арианства, доказывал творение Св. Духа. Собор, установив учение о единосущии Св. Духа с Отцом и Сыном и осудив ересь Македония (македонианство) и целый ряд других находившихся в связи с арианством ересей, подтвердил никейский символ об Отце и Сыне и добавил к нему часть о Св. Духе. Этим добавлением был утвержден догмат о равенстве и единосущии Св. Духа с Отцом и Сыном. Однако благодаря скудости и неясности известий об этом соборе в науке некоторыми западными учеными было высказано сомнение по поводу константинопольского символа, сделавшегося не только господствующим, но и официальным символом у всех христианских исповеданий, несмотря на всё разнообразие их догматики. Стали утверждать, что данный символ не принадлежал трудам второго собора, который не составлял и не мог составлять его, — что он является «апокрифом»;

---

[1] Cod. Theod., XVI, 1, 2.

[2] *Н. Чернявский*. Император Феодосий и его религиозная политика. Сергиев Посад, 1913, с. 188—189.

другие говорили, что символ был составлен или раньше, или после второго собора. Большинство же, особенно русские церковные историки, доказывает, что константинопольский символ был действительно составлен отцами второго собора, но стал особенно известным после победы православия на Халкидонском соборе.

Второй же собор установил для константинопольского патриарха право чести в отношении римского епископа. Третий канон собора гласит: «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести после римского епископа, так как Константинополь есть новый Рим». Итак, константинопольский патриарх занял среди патриархов второе место после римского епископа; с подобным отличием его не могли сразу согласиться другие, более древние восточные патриархи. Интересно отметить аргументацию третьего канона, который определяет церковный ранг константинопольского епископа гражданским положением города, как столицы империи.

Избранный на константинопольскую епископскую кафедру Григорий Назианзин (Богослов), игравший видную роль вначале правления Феодосия в столице, не будучи в состоянии справиться с многочисленными враждовавшими на соборе между собой партиями, скоро вынужден был оставить кафедру и удалился с собора, а затем и из Константинополя. На его место был избран Нектарий, человек светский, не обладавший глубокими богословскими познаниями, но умевший ладить с императором. Нектарий и сделался председателем собора. Летом 381 года собор окончил свои заседания.

Что касается отношения Феодосия вообще к духовенству, т. е. духовенству кафолическому (никейскому), то он сохранял, а иногда и расширял привилегии епископов и клириков в области личных повинностей, суда и т. д., дарованные им при предшествовавших императорах; причем он старался, чтобы подобные привилегии не отзывались вредно на государственных интересах. Так, одним эдиктом Феодосий наложил на церковь несение чрезвычайных государственных повинностей (extraordinaria munera).[1] Причем был ограничен обычай, ввиду частых злоупотреблений, прибегать к церкви, как убежищу, спасавшему преступника от преследования власти; например, государственным должникам было запрещено искать спасения от долгов в храмах, а духовенству скрывать их.[2]

Феодосий, стремившийся самовластно распоряжаться церковными делами и вообще успевавший в этом, столкнулся, однако, с одним из выдающихся представителей западной церкви, с епископом медиоланским Амвросием, из-за избиения в Фессалонике. В этом многолюдном и богатом городе, благодаря бестактности

---

[1] Cod. Theod., XI, 16, 18.
[2] Cod. Theod., IX, 45, 1.

начальника германцев, многочисленные отряды которых были там расквартированы, произошел мятеж населения, выведенного из себя насилием варваров. Германский начальник и многие германцы были перебиты. Разгневанный Феодосий, расположенный к германцам, которых он принимал в свои войска, отомстил Фессалонике кровавым избиением ее жителей, без различия пола и возраста; приводили в исполнение приказ императора германцы. Но этот ужасный поступок Феодосия не прошел даром и для него. Амвросий отлучил от церкви императора, который, несмотря на свою власть и могущество, должен был всенародно исповедать свой грех, смиренно выполнить наложенную на него Амвросием епитимью и не носить во время нее царских облачений. Феодосий и Амвросий являлись представителями различных точек зрения на отношения между церковью и государством. Первый стоял за господство государства над церковью; второй полагал, что церковные дела лежат вне компетенции светской власти.

Ведя беспощадную борьбу против еретиков, Феодосий открыл решительные действия и против язычников. Рядом указов император запретил жертвоприношения и гадания по внутренностям жертвенных животных, доступ в языческие храмы; ввиду этого храмы закрывались; их здания иногда служили государственным потребностям; иногда же языческие храмы со всеми заключавшимися в них богатствами и памятниками искусства подвергались разрушению со стороны фанатически настроенной толпы. Особенно известен факт разрушения в Александрии знаменитого храма бога Сераписа, Серапия, остававшегося центром языческого культа в этом городе. Последний закон Феодосия против язычников, изданный в 392 году, окончательно запрещавший жертвоприношения, возлияния, воскурение фимиама, развешивание венков, гадания и называвший прежнюю религию языческим суеверием (gentilicia superstitio),[1] объявляет всех преступивших данный эдикт виновными в оскорблении величества и религии и грозит строгими карами. Один историк называет эдикт 392 года «похоронной песней язычества».[2] Им заканчивается борьба Феодосия с язычеством Востока.

В западной части империи из борьбы императоров Грациана, Валентиниана II и Феодосия особенно известен факт удаления из здания римского сената статуи Победы. Сенаторы, остававшиеся еще наполовину язычниками, видели в насильственном удалении статуи Победы гибель прошлого величия Рима. К императору был направлен язычник, известный оратор Симмах, с запиской о возвращении

---

[1] Cod. Theod., XVI, 10, 12.

[2] *G. Rauschen.* Jahrbucher der christlichen Kirche unter dem Kaiser Theodosius dem Grossen. Freiburg, 1897, S. 376.

статуи в сенат, — с этой, по выражению Ф. И. Успенского, «последней песней умирающего язычества, которое робко и жалобно просит милости у юного императора (т. е. у Валентиниана II) в пользу религии, которой его предки обязаны славой и Рим — своим величием».[1] Миссия Симмаха не удалась: победу одержал вмешавшийся в это дело епископ медиоланский Амвросий. В 393 году в последний раз были отпразднованы Олимпийские игры. В числе других античных памятников знаменитая статуя Зевса работы Фидия была перевезена из Олимпии в Константинополь.

Религиозная политика Феодосия отличается от таковой же политики его предшественников. Последние, встав на сторону того или другого христианского направления, или язычества, как Юлиан, все-таки придерживались в известной степени терпимости по отношению к другим направлениям; de jure равенство религий существовало. Феодосий встал на иную точку зрения. Избрав никейскую формулу как единственно правильную, он утвердил ее законом, наложив полный запрет на другие религиозные направления в христианстве и на язычество. В лице Феодосия на римском престоле сидел император, считавший церковь и религиозные убеждения своих подданных входящими в область его полномочий. Несмотря на все это Феодосию не удалось разрешить религиозный вопрос так, как он желал, т. е. создать единую никейскую церковь. Религиозные споры, не только продолжаясь, но и умножаясь и разветвляясь, создали в V веке условия для бурной и кипучей религиозной жизни. В отношении же язычества Феодосий одержал полную победу. При нем было, действительно, торжество христианства. Язычество, потеряв всякую возможность так или иначе проявлять открыто свои религиозные чувства, окончило свое существование как организованное целое. Язычники, конечно, остались; но это были уже отдельные семьи, отдельные лица, хранившие в тайне дорогие им заветы умершей религии.

Известную афинскую языческую школу Феодосий не тронул; она продолжала существовать, поддерживая знакомство слушателей с произведениями античной литературы.

Германский (готский) вопрос в IV веке

Жгучим вопросом в конце IV века для империи был вопрос германский, а именно готский.

В силу каких-то не вполне еще выясненных причин готы, жившие в начале христианской эры на южном берегу Балтийского моря, передвинулись, вероятно, в конце II века, оттуда на юг в

---

[1] *Ф. И. Успенский*. История Византийской империи. СПб., 1913, т. 1, с. 140.

пределы современной южной России, дошли до берегов Черного моря и заняли пространство от Дона до нижнего Дуная. Днестр разделял готов на два племени: на восточных готов, остготов, или остроготов, и западных готов, вестготов. Будучи, как и другие германские народы той эпохи, настоящими варварами, готы на юге России попали в благоприятные культурные условия. Как известно, все северное побережье Черноморья задолго до н. э. было покрыто богатыми культурными центрами, греческими колониями, влияние которых заходило, судя по археологическим данным, довольно далеко вглубь страны на север и давало себя чувствовать и в христианское время. В Крыму находилось богатое и культурное Боспорское царство. Очутившись под некоторым влиянием античной культуры в местах своего нового поселения и вступив, с другой стороны, в длительное соприкосновение с Римской империей на Балканском полуострове, готы в позднейшую эпоху своего появления в Западной Европе были народом, в культурном отношении, конечно, превосходившим других своих германских сородичей, которые выступили на арену своей исторической жизни на Западе в состоянии полного варварства.

Деятельность готов, обосновавшихся в степях современного нашего юга, была направлена во II веке по двум путям: с одной стороны, их влекло море и представлявшаяся возможность принимать морские набеги на прибрежные местности; с другой стороны, на юго-западе готы подошли к римской границе на Дунае и столкнулись с империей.

Утвердившись на северном берегу Черного моря и овладев в половине III века Крымом и расположенным на нем Боспорским царством, готы на многочисленных боспорских судах в течение второй половины III века предприняли длинный ряд грабительских набегов. Они неоднократно разоряли богатое прикавказское и малоазиатское побережье, по западному берегу Черного моря заходили в Дунай и, пересекши море, через Босфор, Пропонтиду (Мраморное море) и Геллеспонт (Дарданеллы) проникли в Архипелаг. На пути подверглись ограблению Византий, Хрисополь (на азиатском берегу, против Византия; теперь Скутари), Кизик, Никомедия и острова Архипелага; на этом готские пираты не остановились: они напали на Эфес, Солунь и приплыли к берегам Греции, где предали разорению Аргос, Коринф и, по всей вероятности, Афины; к счастью, драгоценные памятники античного искусства в последнем городе уцелели. Острова Крит, Родос и даже лежащий в стороне Кипр также подверглись готским набегам. Но все эти морские экспедиции ограничивались лишь грабежом и разорением, после чего готские суда возвращались на северные берега Черного моря. Многие же из этих грабительских шаек, высаживавшихся на берегах, были уничтожены или захвачены римскими войсками.

Несравненно серьезнее по результатам были сухопутные отношения готов к империи. Готы, воспользовавшись смутами III века в империи, еще в первой половине этого столетия начали переходить Дунай и вторгаться в пределы римского государства. Император Гордиан обязался даже платить им ежегодную дань. Но это не помогло. Вскоре готы снова вторглись в римские пределы и наводнили Македонию и Фракию. Выступивший против них император Деций пал в битве (251 г.). В 269 году императору Клавдию удалось нанести готам сильное поражение при Наиссе (Нише); император захватил много пленных, из которых одну часть он принял в войско, другую часть поселил в качестве колонов в обезлюдевших римских областях. За свою победу над готами Клавдий получил прозвание Готского (Gothicus). Но уже временный восстановитель империи Аврелиан (270—275) вынужден был уступить варварам Дакию, а ее римское население водворить в Мезии. В IV веке готы нередко упоминаются в римских войсках. По словам историка Иордана, отряд готов верно служил римлянам во время царствования Максимиана.[1] Хорошо известно, что служившие в войске Константина Великого готы помогали ему против Лициния. Наконец, с тем же Константином вестготы заключили договор, по которому обязывались поставлять империи для борьбы с различными народами 40.000 воинов. Готский отряд был в войске Юлиана.

В III веке среди готов, а именно среди крымских готов, начинает распространяться христианство, занесенное туда, вероятно, христианскими пленниками из Малой Азии, которых готы захватывали во время своих морских набегов. На первом Вселенском соборе в Никее (325 г.) уже присутствовал готский епископ Феофил, подписавший никейский символ. Просветителем других готов явился в IV веке Ульфила (Вульфила), по происхождению, может быть, грек, но родившийся на готской земле, который прожил некоторое время в Константинополе и был там посвящен в епископы арианским епископом. Вернувшись к готам, Ульфила в течение нескольких лет проповедовал среди них христианство по арианскому обряду; чтобы готы легче могли ознакомиться с книгами Священного Писания, он, при помощи греческих букв, составил готскую азбуку и перевел на готский язык Библию. Арианская форма христианства, принятая готами, имела для последующей их истории важное значение, так как во время их позднейшего утверждения в пределах римского государства мешала им слиться с туземным населением, которое придерживалось никейства. Крымские готы оставались православными.

---

[1] Getica, XXI, 110.

Мирные отношения готов с империей прекратились в 375 году, когда вторглись из Азии в Европу дикие гунны. Они были диким народом монгольской расы.[1] Гунны нанесли жестокое поражение восточным готам, т. е. остготам, и в своем дальнейшем натиске на запад, уже вместе с покоренными остготами, стали сильно теснить вестготов, которые, будучи пограничным народом с империей и не будучи в состоянии оказать сопротивления гуннам, истребившим громадное их число вместе с женщинами и детьми, должны были силой обстоятельств перейти границу и вступить на территорию римского государства. Источники сообщают, что готы стояли на северном берегу Дуная, с плачем умоляя римские власти о разрешении переправиться через реку. Варвары соглашались, с соизволения императора, расселиться по Фракии и Мезии для возделывания земли, обещали поставлять ему войско и обязывались повиноваться велениям императора, подобно его подданным. К императору в этом смысле было отправлено посольство. Большая часть римского правительства и военачальников очень сочувственно относились к возможному поселению готов, видя в этом полезное для государства пополнение земледельческого населения и увеличение состава войск: новые подданные будут защищать империю; коренные же жители провинций, подлежавшие до тех пор ежегодному набору, будут вместо этого вносить в казну денежный налог, что умножит государственные доходы.

Эта точка зрения восторжествовала, и готы получили разрешение переправиться через Дунай. «Так были приняты, — говорит Фюстель де Куланж, — в пределы империи 400 или 500 тысяч варваров, около половины которых могли носить оружие».[2] Если даже уменьшить только что приведенную цифру поселенных в Мезии готов, все-таки число их окажется очень значительным. Первое время варвары жили спокойно. Но постепенно в их среде стало расти недовольство и раздражение против римских начальников и чиновников, которые, утаивая часть денег, назначаемых на пропитание поселенцев, кормили их плохо, притесняли, оскорбляли их жен, обижали детей; многих из них переправили на житье

---

[1] Есть три основных теории о происхождении гуннов — монгольская, тюркская и финно-угорская. См.: *К. Иностранцев.* Хунну и гунны. Анализ теорий происхождения народа хунну китайских летописей, происхождения европейских гуннов и взаимоотношений этих двух народов. Л., 1926, с. 103—109. Это очень ценная книга. Русский историк Иловайский в течение всей своей научной карьеры с непонятным упорством защищал идею славянского происхождения гуннов. Один русский писатель примерно сто лет назад (Вельтман в 1858 г.) даже называл Аттилу «самодержцем всея Руси».

[2] *N. D. Fustel de Coulanges.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Paris, 1904, p. 408.

в Малую Азию. Жалобы готов не имели успеха. Тогда возмущенные варвары подняли восстание и, призвав к себе на помощь отряды аланов и гуннов, пробились во Фракию и двинулись к Константинополю. Император Валент, воевавший в это время с Персией, по получении известия о готском восстании прибыл из Антиохии в Константинополь. В происшедшем сражении у Адрианополя (378 г.) готы нанесли сильное поражение римскому войску; сам Валент пал в битве. Казалось, что дорога к столице для готов была открыта. Но они, очевидно, не имели общего плана нападения на империю. Преемник Валента Феодосий сумел при помощи отрядов из тех же готов разбить варваров и остановить их грабежи. Это показывает, что в то время как одна часть готов воевала с империей, другая согласна была служить в ее войске и биться со своими соплеменниками. После победы Феодосия, по словам языческого историка V века Зосима, «во Фракии установилось спокойствие, так как находившиеся там варвары погибли».[1] Таким образом, победа готов при Адрианополе не позволила им утвердиться в какой-либо области империи.

Но зато с этого времени германцы начинают проникать в жизнь империи мирным путем. Феодосий, понимая, что войной он не в силах будет сломить поселенных на его территории варваров, пошел по пути мирного сближения с ними, приобщения их к римской культуре и, что особенно важно, привлечения их в ряды войска. Мало-помалу войска, на обязанности которых лежала защита империи, превратились в своей большей части, по своему составу, в германские дружины. Германцы должны были очень часто оборонять империю против своих же германских соплеменников. Готское влияние проникло в высшее командование армией и в администрацию, где наиболее ответственные и высокие посты поручались германцам. Феодосий, видя спасение и покой империи в своей германофильской политике, не понимал той опасности, которая при дальнейшем усилении варварского германизма в жизни империи может угрожать самому ее существованию. Ненадежность подобной политики, особенно в области военной обороны страны, также, по-видимому, не была ясна для Феодосия. Между тем готы, усвоив римское военное искусство, римскую тактику, приемы борьбы, вооружение, становились грозной силой, которая в любой момент могла поднять оружие против империи. Местное греко-римское население, отодвинутое как в общественной, так и в частной жизни на второй план, было очень недовольно подобным германским засильем. Росло антигерманское движение, которое могло привести к серьезным внутренним осложнениям.

---

[1] *Zosim.* Hist. nov., IV, 25.

В 395 году Феодосий умер в Медиолане, откуда набальзамированное тело умершего императора было перевезено в Константинополь и погребено в храме Апостолов. Феодосий оставил двух юных и слабовольных сыновей, признанных наследниками, Аркадия и Гонория. Аркадий получил в управление восточную часть империи. Гонорий — западную. За свои великие заслуги в пользу христианства в его борьбе с язычеством Феодосий получил в истории прозвание Великого.

Однако в двух поставленных себе задачах Феодосий не достиг желаемых результатов. Второй Вселенский собор, провозгласив никейство господствующей формой религии, не смог установить церковного единства. Арианство в его различных проявлениях продолжало существовать и в своем развитии создавало новые религиозные течения, захватившие в V веке религиозную и тесно связанную с ней общественную жизнь, особенно в восточных провинциях, Сирии и Египте, что позднее имело для империи в высшей степени важные последствия. Затем сам Феодосий, допустив в войска германский элемент, получивший в них преобладание, т. е. элемент арианский, должен был арианам оказыватть снисхождение и таким образом отступить от провозглашенного строгого никейства. С другой стороны, германофильская политика Феодосия, отдавшая в руки варваров защиту страны и наиболее ответственные места в администрации, привела к германскому засилью и вызывала живейшее неудовольствие и раздражение со стороны туземного греко-римского населения. Главными центрами германского преобладания были сама столица, Балканский полуостров и некоторая часть Малой Азии; восточные провинции, Сирия с Палестиной и Египет, этого гнета не ощущали. Подобное преобладание варваров начинало уже в конце IV века угрожать столице, а значит, всей восточной части империи. Таким образом, обе задачи Феодосия, а именно — установить единую и единообразную церковь и примирить империю с варварами, ему не удались, и его преемники получили в наследство два запутанных и чрезвычайно сложных вопроса: вопрос религиозный и вопрос германский, или точнее — готский.

Национальные и религиозные интересы эпохи

Эта эпоха имеет особенно большое значение из-за того, что в это время пересекались основные национальные и религиозные вопросы. Под национальным вопросом надо разуметь историю борьбы различных племен, населявших империю или нападавших на ее пределы.

Эллинизм в восточной половине Римской империи должен был, казалось, играть роль одного из главных объединяющих элементов

Император Аркадий, деталь диска Феодосия I. Гравировка по серебру. Мадрид. Академия истории

среди ее разноплеменного состава. В действительности этого не было. Начатки эллинизма на азиатском Востоке до Евфрата и в Египте появились еще во времена Александра Македонского и диадохов. Главным средством для насаждения эллинизма Александр считал основание колоний; говорят, что он один основал на Востоке более семидесяти городов. Преемники Александра продолжали это дело более или менее в его духе. Если провести крайние границы, до которых доходила эллинизация в тех странах, то на севере граница ее дойдет до Армении, на юге — до берегов Красного моря; на Востоке эллинизация проникла в Персию и Месопотамию. Центром же эллинизма сделалась египетская Александрия. Но, конечно, названные страны представляли собой крайние пределы, за которыми эллинизация уже совершенно исчезала. Наибольшему влиянию эллинизма подверглись прибрежные страны Средиземного моря, а именно: Малая Азия, Сирия и Египет. Из этих трех стран Малая Азия была наиболее эллинизированной страной; берега ее с давних пор были усеяны греческими колониями, и греческое влияние, мало-помалу, хотя и не без труда, проникло и во внутрь страны.

Гораздо слабее была эллинизация Сирии, где эллинизм коснулся лишь высшего, образованного класса; масса же населения, не зная греческого языка, продолжала говорить на своих родных языках: сирийском или арабском. Один ученый писал, что, «если уже в таком мировом городе, как Антиохия, простой человек говорил по-арамейски (по-сирийски), то можно спокойно предположить, что внутри страны греческий язык был не языком образованного класса, а только тех, кто ему специально обучался».[1] В виде прекрасного примера того, насколько местный сирийский язык крепко держался на Востоке, можно привести так называемый «Сирийско-римский законник V века».[2] Древнейшая, дошедшая до нас сирийская рукопись законника написана в начале VI века, следовательно, еще до Юстиниана, и, по всей вероятности, в северо-восточной Сирии. Но сирийский текст представляет собой перевод с греческого; неизвестный нам пока греческий оригинал законника, относящийся, по некоторым данным, к семидесятым годам V века, был тотчас же переведен на сирийский язык. Кроме сирийского текста законника, до нас дошли версии арабская и армянская. По всей вероятности, законник имеет церковное происхождение, будучи составлен в интересах церкви; в нем с особенной подробностью

---

[1] *Th. Noldeke*. Über Mommsen's Darstellung der romischen Herrschaft und romischen Politik im Orient. — Zeitschrift der morgenlandischen Gesellschaft, Bd. XXXIX, 1885, S. 334.

[2] *K. G. Bruns, E. Sachau*. Syrisch-Romisches Rechtsbuch aus dem funften Jahrhundert. Leipzig, 1880.

рассматриваются статьи по брачному и наследственному праву и смело выставляются преимущества духовенства. Для нас в данном месте не столько важно содержание законника, сколько факт его большого распространения и бытового приложения на Востоке, от Армении до Египта, на что указывают его различные версии и то обстоятельство, что заимствования из него встречаются в сирийских и арабских сочинениях XIII—XIV веков. Когда при Юстиниане его законодательство стало официально обязательным для всего государства, то для восточных провинций оно оказалось слишком громоздким и неудобопонятным; на практике сирийский законник являлся там заменой кодекса. Когда в VII веке мусульмане завоевали восточные области, то тот же сирийский законник и под их владычеством получил широкое распространение. Таким образом, этот памятник, переведенный по-сирийски уже во второй половине V века, может служить прекрасной иллюстрацией того положения, что масса населения, не понимавшая ни по-латыни, ни по-гречески, крепко держалась своего родного сирийского языка.

В Египте, несмотря на такой мировой культурный центр, как Александрия, эллинизм также коснулся лишь правящего, высшего класса, светского и духовного; народная же масса продолжала говорить на своем родном египетском (коптском) языке.

Трудность управления столь разнообразным племенным составом восточных провинций со стороны органов центрального правительства усугублялась еще тем обстоятельством, что громадное большинство населения Сирии и Египта и некоторая часть восточной Малой Азии крепко держалась арианства с его последующими разветвлениями. Таким образом, здесь и без того сложный племенной вопрос усложнился в V веке еще более благодаря разыгравшимся важным событиям в церковной жизни этих провинций.

В западных провинциях Восточной империи, т. е. на Балканском полуострове, в столице и в западной части Малой Азии стоял на очереди вопрос германский, или готский, угрожавший, как было уже замечено выше, существованию империи. В середине V века, после решения готского вопроса в пользу правительства, некоторое время казалось, что дикие исавры займут в столице место, подобное готам. На востоке продолжалась борьба с персами, тогда как в северной части Балканского полуострова болгары, народ гуннского (тюркского) происхождения,[1] и славяне начали свои опустошительные нападения.

---

[1] О ранней истории болгар см.: *В. Златарски*. История на българската държава през средните векове. София, 1918, т. 1, с. 23 и сл.; *L. Niederle*. Manuel de l'antiquite slave, vol. I. Paris, 1923; *J. Moravcsik*. Zur Geschichte der Onoguren. — Ungarische Jahrbucher, Bd. X, 1930, SS. 68—69.

Аркадий (395—408)

Аркадию было всего 17 лет, когда он вступил на престол. Не имея ни государственного опыта, ни твердой воли, он подчинялся временщикам, которые забрали всю власть в свои руки и, управляя государством, имели на первом плане свои личные выгоды и выгоды своей партии. Первым временщиком был Руфин, назначенный в качестве регента Аркадия еще при жизни Феодосия, а через два года, после насильственной смерти Руфина, исключительным влиянием у государя стал пользоваться евнух Евтропий, положивший начало своему возвышению устройством брака Аркадия с Евдоксией, дочерью франка, служившего военачальником в римской армии. Младший брат Аркадия, Гонорий, получивший в управление Запад, имел еще при жизни отца в качестве опекуна талантливого вождя Стилихона, представлявшего собой пример романизованного германского варвара, оказавшего большие услуги империи в борьбе с его соплеменниками.

Разрешение готского вопроса

Центральным вопросом государства при Аркадии был вопрос германский.

Поселенные на севере Балканского полуострова вестготы, во главе с их вождем Аларихом Балтой, двинулись в самом начале правления Аркадия в Мезию, Фракию и Македонию, угрожая столице. Благодаря дипломатическому вмешательству Руфина, Аларих отказался от плана идти на Константинополь и устремил свое внимание на Запад, а именно на Грецию. Пройдя Фессалию, он через Фермопилы вторгся в Среднюю Грецию.

В то время в Греции жило еще вообще несмешанное греческое население, каким его знали Павсаний и Плутарх. Язык, религия, обычаи и законы предков, по словам Грегоровиуса, продолжали существовать в городах и селениях, и, если христианство было официально признано господствующей религией и осужденное правительством служение богам было обречено на исчезновение, все же древняя Греция носила еще духовный и монументальный (благодаря сохранившимся памятникам древности) отпечаток язычества.[1]

Беотия и Аттика были разграблены и опустошены Аларихом. Афинская гавань Пирей была захвачена готами, которые, однако, пощадили Афины. Языческий историк V века Зосим сообщает легенду о том, что Аларих, подойдя с войском к афинской стене, увидел в вооружении богиню Афину Промахос и стоявшего перед

---

[1] *F. A. Gregorovius.* Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter von der zeit Justinians bis zum turkischen Eroberung. Stuttgart, 1889, Bd. I, S. 35.

стеной троянского героя Ахилла; пораженный этим видением, Аларих отказался от нападения на Афины.[1] Тяжела была участь Пелопоннеса, где вестготы разграбили Коринф, Аргос, Спарту и некоторые другие города. На освобождение Греции выступил Стилихон, высадившийся с войсками в Коринфском заливе на Истмийском перешейке и отрезавший таким образом Алариху обратный путь в Среднюю Грецию. С большим трудом пробился Аларих на север в Эпир, и император Аркадий не постыдился удостоить истребителя его провинций высоким военным саном магистра армии в Иллирике (magister militum per Illyricum). После этого Аларих уже перестает угрожать восточной части империи и направляет главное внимание на Италию.

Помимо готской опасности на Балканском полуострове и в Греции, готское преобладание чувствовалось со времени Феодосия Великого особенно сильно в столице, где наиболее ответственные места в армии и многие из высоких постов в администрации находились в германских руках. В момент вступления Аркадия на престол наибольшим влиянием пользовалась в столице германская партия, во главе которой находился один из главных начальников императорского войска гот Гайна; около него сплотились военные люди преимущественно готского происхождения и представители местного германофильства. Слабой стороной этой партии было религиозное разногласие, так как готы, как известно, большей частью были арианами. Второй партией в первые годы правления Аркадия можно назвать партию всесильного временщика евнуха Евтропия, окружившего себя различными приспешниками и честолюбцами, которые на первое место ставили устроение при помощи Евтропия своих личных дел и карьеры. Гайна и Евтропий, конечно, ужиться в мире не могли; тот и другой стремились к власти. Наконец, историки отмечают третью партию, враждебную как германцам, так и Евтропию; последнее течение, к которому примыкали сенаторы, служилые люди и большая часть духовенства, может быть охарактеризовано как оппозиция во имя национальной и религиозной идеи против разросшегося варварского и инославного влияния; грубая и корыстолюбивая личность временщика евнуха Евтропия также не могла находить сочувствия в представителях названного направления. Наиболее видным лицом в последней партии можно признать городского префекта Аврелиана.[2]

Многие люди того времени сознавали всю опасность германского преобладания; наконец, само правительство почувствовало германскую грозу.

---

[1] *Zosim.* Hist. nov., V, 6.

[2] *J. B. Bury.* A History of the Later Roman Empire... London, 1889, vol. I, p. 127.

До нас дошел замечательно интересный документ, ярко рисующий настроение некоторых общественных кругов в германском вопросе; это — записка Синезия «Об императорской власти» или, как ее иногда переводят, «Об обязанностях государя» (Περι βασιλειας), поданная или, может быть, даже прочтенная Аркадию. Синезий, из северо-африканского города Кирены, образованный неоплатоник, принявший христианство, отправился в 399 году в Константинополь с ходатайством перед императором о некоторых податных облегчениях для своего родного города. Впоследствии, по возвращении на родину, он был избран епископом северо-африканской Птолемаиды. За три года своего пребывания в Константинополе Синезий прекрасно дал себе отчет в германской опасности для империи и составил вышеназванную записку, которая, по словам одного историка, может быть названа антигерманским манифестом национальной партии Аврелиана.[1] «Достаточно будет небольшого предлога, — писал Синезий, — чтобы вооруженные (варвары) сделались господами граждан; и тогда невооруженные будут сражаться с людьми, изощренными в военной борьбе. Прежде всего надо устранить (иноземцев) от начальственных должностей и лишить их сенаторских званий, так как то, что в древности у римлян казалось и было самым почетным, сделалось, благодаря иноземцам, позором. Как во многом другом, так особенно в этом отношении я удивляюсь нашему неразумию. В каждом доме, маломальски зажиточном, найдешь раба-скифа (т. е. гота); они служат поварами, виночерпиями; скифы же и те, что ходят с небольшими стульями на плечах и предлагают их тем, кто желает на улице отдохнуть. Но недостойно ли крайнего удивления то обстоятельство, что те же самые белокурые и причесанные по эвбейской моде варвары, которые в частной жизни исполняют роль прислуги, в политической являются нашими повелителями? Государю надо очистить войско, как кучу пшеницы, из которой мы отделяем мякину и все то, что, произрастая, вредит настоящему зерну. Отец твой, по своему крайнему милосердию, принял их (варваров) мягко и снисходительно, дал им звание союзников, наделил политическими правами и почестями и наградил земельными пожалованиями. Но варвары не так поняли и оценили благородное с ними обхождение; они увидели в этом нашу слабость, что внушило им дерзкую надменность и самохвальство. Увеличив наш набор и с набором укрепив наш дух и наши собственные войска, восполни в государстве то, чего ему недостает. Против этих людей нужна настойчивость. Или пусть варвары возделывают землю, как в древности мессенцы, бросив оружие, служили илотами (рабами) у лакедемонян, или пусть уходят тем же путем, что пришли, воз-

[1] *J. B. Bury.* A History of the Later Roman Empire... vol. I, p. 129; 83.

вещая живущим по ту сторону реки (Дуная), что у римлян более уже нет мягкости и что над ними царствует благородный юноша!»[1]

Итак, главный смысл этого замечательного современного событиям документа заключался в том, что Синезий, понимая опасность, грозившую со стороны готов государству, советовал удалить их из войска, набрать свое, местное войско и после этого превратить варваров в земледельцев, а если бы они этого не пожелали, очистить от них территорию римского государства, удалив их за Дунай, т. е. туда, откуда они пришли.

Наиболее влиятельный начальник войска в империи, вышеупомянутый гот Гайна, не мог спокойно сносить исключительного влияния временщика Евтропия, и удобный случай действовать скоро представился. В это время готы, поселенные еще Феодосием Великим в малоазиатской области Фригии, подняли восстание под предводительством своего вождя Трибигильда и разоряли страну. Отправленный против бунтовщика Гайна оказался его тайным союзником. Подав друг другу руки и намеренно допустив поражение высланных против Трибигильда императорских отрядов, они сделались господами положения и заявили императору требование об удалении и выдаче им Евтропия. Против последнего была также очень раздражена супруга Аркадия Евдоксия и партия Аврелиана. Поставленный в безвыходное положение благодаря германским успехам, Аркадий должен был уступить: он отправил Евтропия в ссылку (399 г.). Но это не удовлетворило торжествовавших готов, которые принудили императора вернуть Евтропия в столицу, предать суду и казнить. После этого Гайна потребовал у императора уступки арианам-готам одного из столичных храмов для отправления в нем арианского богослужения. Но этому решительно воспротивился константинопольский епископ Иоанн Златоуст, и Гайна, зная, что на стороне последнего стояла не только вся столица, но и большая часть населения империи, более не настаивал на своем требовании.

Обосновавшись в столице, готы стали полными распорядителями судеб государства. Аркадий и столичное население понимали весь ужас положения. Однако Гайна, несмотря на все успехи, не смог удержаться в Константинополе. Во время отсутствия его в столице там вспыхнуло восстание; многие готы были перебиты. Гайна не смог вернуться в столицу. Воспрянувший духом Аркадий отправил против него верного язычника-гота Фравитту, который

---

[1] Περι βασιλειας, Opera, par. 14—15 (PG, t. LXVII, col. 1092—1097). См. также: *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. I, pp. 129—130. *A. Fitzgerald*. The Letters of Synesius of Cyrene. London, 1926, pp. 23—24. *A. Fitzgerald*. The Essays and Hymns of Synesius of Cyrene. London, 1930, vol. I, pp. 134—139, 206—209.

разбил Гайну во время попытки последнего переправиться в Малую Азию. Гайна бежал во Фракию, где попал в плен к гуннскому вождю, который, отрубив ему голову, послал ее в виде подарка Аркадию. Таким образом, грозная германская опасность была устранена благодаря германцу же язычнику Фравитте, удостоенному за эту великую услугу консульского звания. Готский вопрос в начале V века был решен в пользу правительства. Позднейшие попытки готов возвратить утраченное влияние уже не имели большого значения.

Иоанн Златоуст

На фоне германских осложнений выступает выдающаяся личность константинопольского патриарха Иоанна Златоуста.[1] Будучи родом из Антиохии и учеником знаменитого ритора Либания, Иоанн, готовившийся к светской карьере, отказался от нее и, приняв крещение, отдался всей душой проповеднической деятельности в родной Антиохии, где он был пресвитером. Временщик Евтропий, после смерти патриарха Нектария, остановил свой выбор на знаменитом уже антиохийском проповеднике Иоанне, который и был тайно увезен в столицу из боязни, чтобы антиохийское население, очень любившее своего проповедника, не воспротивилось его отъезду. Несмотря на происки Феофила, епископа Александрийского, Иоанн был посвящен в епископы, и ему вверена была столичная кафедра (398 г.). Столица получила в его лице замечательного, бесстрашного оратора и одного из тех убежденных людей, у которых принципы не расходились с делом. Проповедник строгой нравственности и противник излишней роскоши, не отступавший от своего никейского мировоззрения, Иоанн встретил среди своей

---

[1] В 1926 году Н. Бейнз писал: «Все же странно, что до сих пор нет хорошей биографии Хрисостома. См.: Alexandria and Constantinople: A Study in Ecclesiastical Diplomacy». — Journal of Egyptian Archaeology, vol. XII, 1926, p. 150. Теперь же у нас есть детальная и весьма обстоятельно документированная его биография в двух томах, написанная бенедиктинцем — *P. Chrysostomus Baur*. Der heilige Johannes Chrysostomus und seine Zeit. Leipzig, 1929—1930, Bd. 1—2. Я нигде не встречал упоминаний о весьма детальной биографии Златоуста с многочисленными ссылками на источники, которая есть в: Œuvres completes de saint Jean Chrysostome. Arras, 1887. См. также: *N. Turchi*. La civilta bizantina. Torino, 1915, pp. 225—267. О последней работе в библиографии Баура упоминаний нет. См. также: *L. Meyer*. S. Jean Chrysostome, maître de la perfection chretienne. Paris, 1933; *A. Crillo de Albornoz*. Juan Crisostomo y su influencia social en el imperio bizantino. Madrid, 1934, p. 187; *S. Attwater*. St. John Chrysostome. Milwaukee, 1934, p. 113; Histoire de l'eglise depuis les origines jusqu'a nos jours. Ed. A. Fliche et V. Martin. Paris, 1936, vol. IV, pp. 129—148.

паствы немало врагов. Среди последних находилась императрица Евдоксия, любившая роскошь и удовольствия, которую он в своих публичных проповедях осыпал упреками, а в одной из них, подлинность которой некоторыми учеными, без больших оснований, оспаривается, сравнивал с Иезавелью и Иродиадой.[1] Твердой политики он держался по отношению к арианам-готам, которые, как уже было сказано выше, в лице Гайны требовали уступки им для совершения арианского богослужения одной из столичных церквей. Иоанн отказал в просьбе, и готы примирились с этим и продолжали довольствоваться отведенной им церковью за городскими стенами. Но к меньшинству готов, которые были православными, Иоанн относился очень внимательно, он отвел им церковь в городе, часто бывал в ней и через переводчика вел с ними беседы.

Твердая религиозность, нежелание делать уступки и суровое обличительное слово Иоанна создали ему много врагов. Аркадий подчинился этому течению и открыто высказался против патриарха, который удалился в Малую Азию. Происшедшее народное волнение в столице из-за удаления любимого пастыря заставило императора вернуть его обратно. Но мир между правительством и патриархом продолжался недолго. Освящение статуи императрицы дало повод к новому горячему выступлению Иоанна. Он был объявлен лишенным сана, и его последователи, иоанниты, подвергались преследованиям. Наконец, в 404 году Иоанн был отправлен в ссылку в каппадокийский город Кукуз, куда он прибыл после длинного, тяжелого путешествия. Это было, по словам Иоанна, «самое пустынное место всего государства».[2] Через три года пришло распоряжение о новой ссылке Иоанна на далекое восточное побережье Черного моря, по пути куда он в 407 году и умер. Так закончил свою жизнь один из наиболее выдающихся представителей восточной церкви раннего средневековья. Заступничество папы и западного императора Гонория перед Аркадием за преследуемых Иоанна и иоаннитов не увенчалось успехом.

Иоанн оставил после себя богатое литературное наследство, которое рисует яркую картину общественной и религиозной жизни той эпохи, не убоявшийся открыто выступить против арианских притязаний всесильного Гайны, отстаивавший с убежденным упорством идеалы апостольской церкви. Иоанн Златоуст, по выражению одного писателя, останется всегда одним из прекраснейших нравственных примеров, какие только может созерцать человечество. «Он был безжалостен ко греху и исполнен милосердия к грешни-

---

[1] Подлинность этих проповедей под вопросом. См.: *O. Seek.* Geschichte des Untergangs der antiken Welt, Bd. V, S. 365, 583; *J. Baur.* Der heilige Chrysostomus, Bd. II, S. 144—145, 196, 237. *J. B. Bury.* The Later Roman Empire, vol. I, p. 155.

[2] Epistola, 234 (PG, t. LII, col. 739).

ку».[1] Аркадий умер в 408 году, когда его жена Евдоксия уже скончалась, а его сыну и преемнику Феодосию было только семь лет.

Феодосий II Малый, или Младший (408—450)

По свидетельству некоторых источников, Аркадий в своем завещании назначил своему малолетнему преемнику Феодосию в качестве опекуна персидского царя Йездигерда, из боязни, как бы константинопольские придворные не лишили Феодосия престола. Персидский царь свято соблюдал возложенную на него Аркадием обязанность и при помощи своего уполномоченного оберегал Феодосия от происков окружавших его лиц. Многие из ученых отвергают достоверность этого рассказа; но другие находят, что в нем нет ничего неправдоподобного.[2]

Гармоничные отношения между двумя империями объясняют непривычно благоприятный статус христианства в Персии во время царствования Йездигерда I. Персидская традиция, которая отражает умонастроение магов и знати, называет Йездигерда «отступником», «безнравственным» (the Wicked), другом Рима и христиан и преследователем магов. Христианские же источники восхваляют его за доброту, мягкость и иногда даже заявляют, что он был готов обратиться в христианство. На деле же, конечно, Йездигерд I, подобно Константину Великому, оценил, сколь велико значение христианского элемента в его империи для его собственных политических планов. В 409 г. он официально гарантировал христианам открыто отправлять культ и восстанавливать церкви. Некоторые историки называют этот декрет Миланским эдиктом для сирийской церкви.[3]

---

[1] Иногда подвергается сомнению подлинность очень живописного современного Иоанну источника, изображающего взаимоотношения между Златоустом и императрицей и дающего общую картину придворной жизни времени Аркадия — «Житие Порфирия, епископа Газского, написанное его коллегой и другом Марком Дьяконом». В любом случае не подлежит сомнению то, что документ этот имеет достойную доверия историческую основу. См.: *H. Gregoire, M. Kugener*. La vie de Porphyre, evêque de Gaza, est-ell authentique? — Revue de l'Universite de Bruxelles, vol. XXXV, 1929—1930, pp. 53—60. См. также превосходное введение к их изданию и переводу жития Порфирия: «Marc le Diacre. Vie de Porphyre, evêque de Gaza». Paris, 1930, pp. IX—CIX. Большие отрывки из жития есть у Бьюри: *J. B. Bury*. The Later Roman Empire, vol. I, pp. 142—148. Баур рассматривает Житие как источник, весьма заслуживающий доверия: Bd. I, S. XVI; ср., однако, Bd. II, SS. 157—160. Проблема требует дальнейшего исследования.

[2] *J. B. Bury*. The Later Roman Empire, vol. II, p. 2, note 1.

[3] См.: *J. Labourt*. Le Christianisme dans l'Empire Perse sous la dynastie Sassanide. Paris, 1904, p. 93; *W. A. Wigram*. An Introduction to the History of the Assyrian Church. London, 1910, p. 89.

В 410 году собрался собор в Селевкии, на котором и была организована христианская церковь в Персии. Епископ Селевкии Ктесифона был избран главой церкви. Он получил титул «католикоса» и имел резиденцию в столице персидской империи. Члены совета сделали следующее заявление: «Мы все единодушно умоляем нашего Милостивого Бога, чтобы Он продлил дни победоносного и знаменитого царя Йездигерда, Царя Царей, и чтобы его годы были продолжены на поколения поколений и на годы годов».[1] Христиане не пользовались полной свободой долгое время. Преследования возобновились в последние годы царствования Йездигерда.

Не обладая государственными талантами и мало интересуясь делами правления, Феодосий в течение своего долгого царствования стоял почти в стороне от них; он имел склонность к уединенной жизни, живя во дворце как в монастыре, и посвящал много времени каллиграфии, переписывая своим красивым почерком древние рукописи.[2] Но Феодосия окружали талантливые и энергичные люди, которые немало способствовали тому, что время его правления ознаменовано важными событиями во внутренней жизни государства. Поэтому современная наука перестает смотреть на Феодосия, как на человека безвольного и бесталанного. Особенным влиянием пользовалась в течение всей жизни Феодосия его благочестивая и не лишенная государственного ума сестра Пульхерия. Благодаря последней Феодосий женился на дочери афинского философа Афинаиде, названной во святом крещении Евдокией. Получив в Афинах прекрасное образование и обладая литературным талантом, она написала несколько дошедших до нас сочинений, в которых, помимо религиозных сюжетов, нашли отражение и современные политические события.

При Феодосии восточная половина империи во внешних отношениях не переживала тяжелых потрясений, подобных тем, которые пришлось переживать в ту эпоху западной половине в связи с германскими передвижениями. Вестготский вождь Аларих взял Рим, прежнюю столицу римского языческого государства, и это событие произвело на современников потрясающее впечатление. В Западной Европе и Северной Африке образовались на римской территории первые варварские государства. В восточной же части империи Феодосию пришлось столкнуться с дикими гуннами, нападавшими на византийские пределы и в своих опустошительных набегах доходившими до стен Константинополя. Император должен

---

[1] Synodicon Orientale ou Recueil de Synodes Nestoriens, ed. J. B. Chabot. — Notices et extraits des manuscrits de la Bibliotheque Nationale, vol. XXXVII. Paris, 1902, p. 258.

[2] См.: *L. Brehier*. Les empereurs byzantins dans leur vie privee. — Revue historique, vol. CLXXXVIII, 1940, pp. 203—204.

был уплатить им большую сумму денег и уступить землю на юг от Дуная. Установившиеся после этого мирные отношения с гуннами повели к отправлению к ним в Паннонию посольства во главе с Приском, который составил в высшей степени интересное описание как двора Аттилы, так и нравов и обычаев гуннов. Описание это получает совершенно исключительный для нас интерес, так как, по всей вероятности, гунны на среднем Дунае подчинили себе живших там славян; поэтому многие черты в описании Приска должны относиться к славянским племенам.[1]

Богословские споры и третий Вселенский собор

Первые два вселенских собора окончательно решили вопрос о том, что Иисус Христос есть Бог и вместе с тем человек. Но последнее решение далеко не удовлетворило пытливые богословские умы, которые стали заниматься вопросом о способе соединения в Иисусе Христе двух природ и о взаимном их отношении. Из Антиохии еще в конце IV века вышло учение о том, что полного слияния обеих природ в Иисусе Христе не было; в своем дальнейшем развитии это учение доказывало полную самостоятельность человеческой природы в Иисусе Христе, как до соединения, так и после соединения ее с природой Божественной. Пока это учение не выходило за пределы ограниченного круга лиц, оно не вызывало в церкви больших смут. Но со времени появления на константинопольской патриаршей кафедре убежденного сторонника этого учения, антиохийского пресвитера Нестория, обстоятельства изменились: последний сделал антиохийское учение общецерковным. Новый патриарх, знаменитый своим красноречием, сразу же после посвящения обратился с такими словами к императору: «Дай мне, государь, очищенную от еретиков землю, и я за это дам тебе небо; помоги истребить мне еретиков, и я помогу тебе истребить персов».[2] Под еретиками Несторий разумел всех тех, кто не разделял его взглядов на самостоятельность человеческой природы в Иисусе Христе. Деву Марию Несторий называл не Богородицей, а Христородицей.

Открыв суровые преследования против своих противников, Несторий вызвал в церкви большую смуту. Особенно сильно восстал против учения Нестория патриарх александрийский Кирилл и папа Целестин, осудивший на римском соборе еретическое учение. Император Феодосий, желая положить конец церковным распрям, созвал в Эфесе третий Вселенский собор, который осудил несто-

---

[1] См.: *W. Ennslin.* Maximinus und sein Begleiter, der Historiker Priskos. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher, Bd. V, 1926, SS. 1—9.

[2] *Socrat.* Hist. eccl., VII, 29.

рианство (431 г.). Сам Несторий был отправлен в ссылку в Египет, где и умер.

Несмотря на осуждение несторианства, несториане оставались в довольно большом количестве в Сирии и Месопотамии; против них гражданские власти, по приказанию императора, неоднократно прибегали к строгим мерам. Главным центром несторианства была Эдесса, где находилась знаменитая школа, распространявшая антиохийские идеи. В 489 году, при императоре Зеноне, школа была уничтожена, а профессора и ученики изгнаны. Последние направились в Персию, где основали школу в городе Нисибин. Персидский царь охотно принимал несториан и оказывал им покровительство, так как видел в них врагов империи, которыми при случае он мог воспользоваться. Персидская церковь несториан, или сиро-халдейских христиан, имела во главе епископа, который назывался католикосом. Из Персии христианство в форме несторианства переходило в другие страны, например в Индию.

В самой византийской церкви, особенно в Александрии, после Эфесского собора появилось новое течение, возникшее и развившееся в противоположность несторианству. Приверженцы Кирилла Александрийского, давая перевес в Иисусе Христе его Божественной природе над человеческой, пришли к заключению, что последняя была совершенно поглощена первой, т. е. что в Иисусе Христе была лишь одна Божественная природа. Учение это стало называться монофизитством, а его последователи — монофизитами (от греческих слов μονος — один и φυσις — природа). Монофизитство делало большие успехи при александрийском епископе Диоскоре и константинопольском архимандрите Евтихии, убежденных монофизитах. Император склонился на сторону Диоскора, так как видел в нем проводника идей Кирилла Александрийского. Против нового учения восстали константинопольский патриарх и папа Лев I Великий. По настоянию Диоскора император собрал в 449 году собор в Эфесе, получивший в истории название Разбойничьего собора. На нем александрийская партия монофизитов во главе с Диоскором, председателем собора, путем насильственных мер по отношению к несогласным с ними участникам собора, признала учение Евтихия, т. е. монофизитство, правоверным и осудила противников этого учения. Император утвердил постановления собора и признал его Вселенским. Конечно, это решение не дало церкви мира. В момент сильных церковных смут Феодосий умер, оставив решение столь важного в последующей истории Византии вопроса о монофизитстве своему преемнику.

Помимо событий бурной и чреватой своими последствиями церковной жизни эпоха Феодосия II интересна также и другими важными явлениями во внутренней жизни империи.

Высшая школа в Константинополе. Для культурного процветания Византии из эпохи Феодосия Младшего имеют крупное значение основание высшей школы в Константинополе и издание Феодосиева кодекса.

До V века одним из главных центров преподавания языческих наук в Римской империи были Афины, где находилась знаменитая философская школа. Туда отовсюду собирались софисты, т. е. греческие учителя риторики и философии, из которых одни желали блеснуть своими знаниями и ораторским искусством, другие надеялись хорошо устроиться в качестве профессоров-учителей. Последние частью получали жалованье из императорской казны, частью из сумм того или другого города. Частные уроки и лекции также оплачивались в Афинах лучше, чем в других городах. Торжество христианства в конце IV века нанесло сильный удар значению афинской школы. Кроме того, умственная жизнь в Афинах была нарушена в самом конце того же IV века тем, что Греция подверглась опустошению от вторгнувшихся туда под предводительством Алариха вестготов. После их удаления афинская школа опустела; философов стало мало. Еще более сильный удар афинской языческой школе был нанесен основанием при Феодосии II высшей христианской школы, или университета, в Константинополе.

Когда Константинополь стал столицей империи, многие риторы и философы прибыли в новую столицу, так что даже и до Феодосии II какой-то вид высшей школы мог там существовать. Преподаватели и ученые приглашались в Константинополь из Африки, Сирии и других мест. Св. Иероним заметил в своей хронике: «Еванфий, наиболее ученый грамматик, умер в Константинополе и на его место пригласили из Афин Харисия».[1] Вот почему современный исследователь высших школ в Константинополе в Средние века говорит, что при Феодосии II высшая школа была не основана, а реорганизована.[2]

В 425 году Феодосий II издал указ об основании высшей школы.[3] Профессоров было 31; они преподавали грамматику, риторику, законоведение и философию. Преподавание велось частью на латинском языке, частью на греческом.

Указ говорил о трех риторах (oratores) и десяти грамматиках, знатоках латинского языка, и о пяти риторах, или софистах, (sofistae) и десяти грамматиках, знатоках греческого языка; кроме

---

[1] *Hieronym.* Chronicon (PL, t. XXXVII, col. 689—690). См.: *H. Usener.* Vier Lateinische Grammatiker. — Rheinisches Museum fur Philologie, Bd. XXIII, 1868, S. 492.

[2] *F. Fuchs.* Die Hoheren Schulen von Konstantinople im Mittelalter. Berlin und Leipzig, 1926, S. 2.

[3] Cod. Theod., XIV, 9, 3.

того, указ предусматривал одного специалиста-философа и двух юристов. Хотя государственным языком оставался все еще язык латинский, тем не менее учреждение кафедр с греческим языком указывает на то, что сам император начинал признавать в новой столице права и за этим языком, который в восточной половине империи был, конечно, более понятен, чем латинский. Нелишне отметить, что риторов с греческим языком было в высшей школе пять, а риторов с латинским языком всего три. Для новой высшей школы, которую ученые иногда называют университетом, было отведено особое здание с обширными залами для аудиторий, где читали лекции. Профессора не имели права обучать кого-либо у себя на дому, но все свое внимание и время должны были посвящать преподаванию в здании высшей школы. Профессора пользовались определенным содержанием из государственных средств и могли дослужиться до очень высоких чинов. Новый христианский центр просвещения в Константинополе явился опасным соперником для Афинской языческой школы, которая приходила во все больший упадок. В последующей истории Византии высшая школа Феодосия II явится тем очагом, около которого будут объединяться лучшие умственные силы империи.

Codex Theodosianus. Ко времени Феодосия II относится также древнейший дошедший до нас сборник указов римских императоров. Уже давно чувствовалась настоятельная необходимость в подобном сборнике, так как многочисленные указы, не собранные воедино, забывались и терялись, что вносило большую путаницу в дела и затрудняло юристов. До Феодосия II известны два сборника указов, Codex Gregorianus и Codex Hermogenianus, названные так, вероятно, по именам своих неизвестных нам составителей, Григория и Гермогена. Первый сборник относился к эпохе Диоклетиана и содержал указы, вероятно, со времени Адриана до Диоклетиана. Второй сборник был составлен при его преемниках в IV веке и содержал указы от конца III до шестидесятых годов IV века. Оба эти сборника до нас не дошли и известны лишь по незначительным сохранившимся отрывкам.

Феодосий II также решил издать, по образцу двух предшествовавших сборников, сборник указов христианских императоров, начиная с Константина Великого до его времени. Созванная императором комиссия после восьмилетней работы издала так называемый Codex Theodosianus. Язык его был латинский. В 438 году Codex Theodosianus был опубликован на Востоке; но вскоре же он был введен и в западной половине империи. Кодекс Феодосия распадается на 16 книг, которые подразделяются на известное число глав (tituli). Каждая книга охватывает какую-либо сторону государственной жизни, например: вопрос о должностях, о военном деле, о религиозной жизни и т. д. В главах указы распределены

в хронологическом порядке. Появившиеся после издания кодекса указы стали называть новеллами (leges novellae).[1]

Кодекс Феодосия имеет в истории крупное значение. Прежде всего он является драгоценнейшим источником вообще для внутренней истории IV и V веков. Кроме того, охватывая эпоху, когда христианство сделалось государственной религией, законодательный сборник Феодосия как бы подводит итоги тому, что новая религия сделала в области права, какие изменения она внесла в юридические отношения. Далее, кодекс Феодосия, вместе с предыдущими сборниками, послужил солидным основанием для последующего законодательного дела Юстиниана. Наконец, будучи введен и на западе в период передвижения германских племен, он вместе с двумя более ранними кодексами, позднейшими новеллами и некоторыми другими юридическими памятниками императорского Рима, например институциями Гая, оказал большое влияние, прямое и косвенное, на варварское законодательство. Известный «Римский закон вестготов» (Lex Romana Visigothorum), предназначавшийся для римских подданных Вестготского королевства, представляет собой не что иное, как сокращение Феодосиева кодекса и других вышеотмеченных источников; поэтому этот закон называется «Бревиарием Алариха» (Breviarium Alaricianum), т. е. «Сокращением», изданным при вестготском короле Аларихе II в начале VI века. Это пример прямого влияния Феодосиева кодекса на варварское законодательство. Но еще более частым является его косвенное влияние через упомянутый вестготский сборник. Когда в период раннего средневековья на западе ссылались на римский закон, то имели в виду почти всегда «Римский закон вестготов», а не настоящий Феодосиев кодекс. Последний, таким образом, влиял на законодательство Западной Европы в раннее средневековье, включая и каролингскую эпоху, через посредство «Бревиария Алариха», сделавшегося главным источником римского права на западе. Отсюда видно, что римское право в то время оказывало влияние на Западную Европу не через посредство кодекса Юстиниана, который распространился на западе лишь с XII века. Об этом иногда забывают, и даже такой выдающийся историк, как француз Фюстель де Куланж, утверждал, будто бы «наукой доказано, что Юстиниановы законодательные сборники сохраняли силу в Галлии до глубины Средних веков».[2]

---

[1] *O. Seek.* Die Quellen des Codex Theodosianus. — Regesten der Kaiser und Papste fur die Jahre 311 bis 476 n. Chr. Stuttgart, 1919, SS. 1—18.

[2] *N. D. Fustel de Coulanges.* Histoire des institutions politiques. Paris, 1904, p. 513.

Влияние Codex Theodosianus шло еще дальше, ибо «Бревиарий Алариха», очевидно, сыграл определенную роль в истории Болгарии. Во всяком случае, таково мнение знаменитого хорватского ученого Богишича, аргументы которого были позднее развиты и подтверждены болгарским исследователем Бобчевым.[1] Согласно их точке зрения, «Бревиарий Алариха» был послан папой Николаем I болгарскому царю Борису I после того, как он обратился в 866 году к папе с просьбой послать ему «светские законы» (leges mundane). В ответ на эту просьбу папа в своем «Ответе на запрос болгар» (Responsa papae Nicolai ad consulta Bulgarorum) объявил, что посылает им внушающие уважение римские законы (venerandae Romanorum leges). Это, как считают Богишич и Бобчев, и был «Бревиарий Алариха». Даже если это и так, значение этого Кодекса для жизни древних болгар не следует преувеличивать, ибо всего через несколько лет Борис порвал с римской курией и стал искать сближения с Константинополем. Однако простой факт того, что папа послал «Бревиарий», мог означать его немалое значение в европейской жизни IX века. Все эти обстоятельства ясно показывают, как велико и широко распространено было влияние и значение «Кодекса Феодосия».[2]

Стены Константинополя

К числу очень важных событий из времени Феодосия II надо, безусловно, отнести сооружение константинопольских стен. Уже Константин Великий окружил новую столицу стеной как с суши, так и с моря. Ко времени Феодосия II город разросся далеко за пределы Константиновой сухопутной стены. Необходимо было принять новые меры к защите города от нападения врагов. Пример Рима, взятого в 410 году Аларихом, являлся серьезным предостережением для Константинополя, которому в первой половине V века угрожали дикие гунны.

Для выполнения столь трудной задачи нашлись около Феодосия талантливые и энергичные люди. Стены строились при нем в два приема. Еще в малолетство Феодосия префект Анфимий, бывший регентом, соорудил в 413 году сухопутную стену с многочисленны-

---

[1] *V. Bogišic.* Pisani zakoni na slovenskom jugu. Zagreb, 1872, vol. I, pp. 11—13; *Стефан С. Бобчев.* История на старобългарското право. — София, 1910, сс. 117—120.

[2] Есть полный английский перевод Кодекса Феодосия, осуществленный C. Parr в сотрудничестве с T. S. Davidson и M. B. Parr. Издание — Princeton, 1951. См. также: *A. Berger, A. A. Schiller.* Bibliography of Anglo-American Studies in Roman, Greek and Greco-Egyptian Law and Related Sciences. Washington (D. C.), 1945. Очень полезная публикация. Многое из внесенного в библиографию имеет отношение к византийским временам.

ми башнями, от Мраморного моря до Золотого Рога, в некотором расстоянии на запад от стены Константина. Стена Анфимия, спасшая столицу от нападения Аттилы, существует и по настоящее время, на расстоянии от Мраморного моря на север до развалин византийского дворца, известного под названием Текфур Серая. После сильного землетрясения, повредившего стены, префекты Кир и Константин, которых в науке нередко отождествляют, уже в конце царствования Феодосия не только исправили стену Анфимия, но и соорудили впереди последней еще стену, также со многими башнями, перед которой вырыли глубокий и широкий, наполненный водой ров. Таким образом, с суши получился тройной ряд укреплений, уцелевших до нашего времени: две стены и перед ними ров. При Кире были также построены стены вдоль берега моря. Сохранившиеся от того времени до наших дней на стенах две надписи, одна греческая, другая латинская, говорят о строительной деятельности Феодосия. С именем же Кира связывается введение ночного уличного освещения в столице.[1]

В 450 году Феодосий II умер. Несмотря на отсутствие в нем талантов государственного человека, его долговременное правление, благодаря удачному подбору окружавших его лиц, имеет очень важное значение для последующей истории, особенно с точки зрения культуры: высшая школа в Константинополе и Феодосиев кодекс остаются прекрасными памятниками культурного движения первой половины V века. Возведенные же Феодосием городские стены сделали Константинополь на много веков неприступным для врагов Византии. Н. Х. Бейнз заметил: «В известном отношении стены Константинополя представляли для Востока пушки и порох, из-за отсутствия которых погибла империя на Западе».[2]

Маркиан (450—457) и Лев I (457—474). Аспар

Феодосий умер не оставив наследника. Его престарелая сестра Пульхерия согласилась стать номинальной женой Маркиана, фракийца по происхождению, который позже и был провозглашен

---

[1] См.: Chronicon Paschale, I, p. 588. О строительной деятельности Кира и Константина см.: *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. I, pp. 70, 72, note 2; *A. Van Milingen*. Byzantine Constantinople, the Walls of the City and Adjoining Historical Sites. London, 1899, p. 48; *B. Meyer-Plath, A. M. Schneider*. Die Landmauer von Konstantinopel. Berlin, 1943. Известная новая информация о жизни Кира, не использованная Дж. Б. Бьюри, есть в Житии св. Даниила Столпника, изданном И. Дале: Analecta Bollandiana, t. XXXII, 1913, p. 150; *H. Delehaye*. Les Saints Stylites. Bruxelles, 1923, pp. 30—31. См. также: *N. Baynes*. The Vita S. Danielis. — English Historical Review, vol. XL, 1925, p. 397.

[2] *N. H. Baynes*. The Byzantine Empire. London; New York, 1926, p. 27.

императором. Маркиан был весьма способным, но скромным военным и был возведен на престол только по настоянию влиятельного начальника войск Аспара, алана по происхождению.

Готский вопрос, сделавшийся в смысле преобладания готов в империи в конце IV и начале V века опасным для государства, был, как сказано уже выше, решен при Аркадии в пользу правительства. Но несмотря на это, готский элемент в византийском войске продолжал существовать, хотя и в гораздо меньших размерах, и в середине V века варвар Аспар, опираясь на готов, сделал последнюю попытку восстановить прежнее германское преобладание. На некоторое время это ему удалось. Два императора, Маркиан и Лев I, были возведены на престол по желанию Аспара, которому арианство являлось помехой лично занять престол. В столице снова разрасталось недовольство против Аспара, его семьи и вообще против варварского влияния в войсках. Два обстоятельства довели напряжение до крайности. Снаряженная при Льве I с громадными затратами и трудами морская экспедиция в Северную Африку против вандалов окончилась полной неудачей. Народ обвинял за это Аспара в измене, так как последний являлся противником экспедиции против вандалов, т. е. германцев, соплеменников готов, и экспедиция была предпринята вопреки желанию Аспара. Кроме того, Аспар заставил Льва I сделать одного из своих сыновей кесарем, т. е. дать ему самое высокое в империи звание. В таких обстоятельствах император, при помощи находившихся в большом числе в столице воинственных исавров, решил избавиться от германского засилья: он убил Аспара и часть его семьи и этим самым нанес окончательный удар германскому влиянию при константинопольском дворе. За эту жестокую расправу Лев I получил прозвание Макелла, т. е. убийцы, мясника. Ф. И. Успенский утверждал, что только одно это может оправдать прозвище «Великий», даваемое иногда Льву, так как это был существенный шаг в направлении национализации войска и ослабления преобладания варварских дружин.[1]

Страшные для Византии гунны, еще в начале правления Маркиана, двинулись на Запад, где произошла знаменитая Каталаунская битва. Вскоре сам Аттила умер, и его громадная держава распалась. Гуннская опасность для Византии, таким образом, миновала при Маркиане.

Четвертый Вселенский собор

Маркиан унаследовал от своего предшественника весьма сложное состояние дел в церкви. Монофиситы торжествовали. Маркиан,

---

[1] *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи. СПб., 1913, т. I, с. 330.

стоя на точке зрения первых двух Вселенских соборов, не мог с этим примириться и созвал в 451 году четвертый Вселенский собор в Халкидоне, имевший первостепенное значение для всей последующей истории. Состав собора был очень многочисленный; папа прислал на собор своих легатов.

Осудив деяния Эфесского разбойничьего собора и лишив Диоскора епископского сана, собор выработал религиозную формулу, совершенно отвергавшую монофизитство и вполне согласную с воззрением римского папы. Собор признал «Христа, Сына Господа единородного, в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого». Определение веры Халкидонского собора, торжественно подтвердившее определения первых двух Вселенских соборов, сделалось одним из главнейших устоев вероучения православной церкви.

Постановления Халкидонского собора имели для истории Византии также крупное политическое значение. Византийское правительство и константинопольская церковь, выступив в середине V века решительно против монофизитства, оттолкнули от себя восточные провинции — Египет и Сирию, где население было по преимуществу монофизитским. Египетские и сирийские монофизиты остались и после собора 451 года верными своим религиозным взглядам и ни на какие уступки не соглашались. Египетская церковь отказалась от употребления греческого в качестве языка богослужения и ввела в использование египетский (коптский). Религиозные смуты, вылившиеся вскоре после этого в Иерусалиме, Александрии и Антиохии, на почве насильственного введения соборных решений в форме серьезных народных восстаний, должны были быть подавляемы с большим кровопролитием при помощи гражданских властей и военной силы. Подавление всех этих восстаний, однако, не решало основные проблемы эпохи. И вот на фоне все более обострявшихся религиозных противоречий стали ярче выступать, особенно в Египте и Сирии, противоречия племенные. Египетское и сирийское туземное население постепенно приходило к мысли о желательности отпадения от Византии. Подобная религиозная обстановка в восточных провинциях, в связи с составом населения, создала в них к VII веку такие условия, которые облегчили переход этих богатых и культурных областей сначала в руки персов, а потом арабов.

Имеет также немалое значение 28-й канон Халкидонского собора, вызвавший переписку между императором и папой, не признанный последним, но принятый на Востоке. Вопрос был о праве чести константинопольского патриарха в отношении римского папы, т. е. вопрос, решенный уже третьим каноном второго Вселенского собора. Следуя решению последнего собора, 28-й канон Халкидонского собора предоставил «равные преимущества святейшему

престолу нового Рима, справедливо рассудив, чтобы город, почтенный царским правительством и синклитом и имеющий равные преимущества с древним царственным Римом, был возвеличен, подобно ему, и в церковных делах, будучи вторым по нем».[1] Далее, в том же 28-м каноне константинопольскому патриарху предоставляется право посвящать епископов в областях Понта, Азии и Фракии, заселенных иноплеменниками. «Достаточно припомнить, — говорит Ф. И. Успенский, — что сюда могли относиться все христианские миссии на Востоке, в южной России и на Балканском полуострове, и все те приобретения восточного духовенства, которые с течением времени могли быть сделаны в указанных областях. Во всяком случае, на этой точке зрения стоят последующие греческие канонисты, отстаивающие права Константинопольского патриархата. Вот в кратких словах всемирно-историческое значение 28-го канона».[2]

Таким образом, в лице Маркиана и Льва I мы имеем императоров, строго придерживавшихся православия.

Зенон (474—491), Одоакр и Теодорих Остготский

После смерти Льва I (474 г.) императором сделался шестилетний внук его Лев, который умер в том же году, успев объявить соимператором своего отца Зенона, из дикого малоазиатского племени исавров. Зенон после смерти сына сделался императором (474—491). С его воцарением прежнее германское влияние при дворе сменилось новым варварским влиянием — исаврийским. Дикие исавры получили в столице преобладающее значение, занимая лучшие места и ответственные должности. Зенон, увидев, что среди его соплеменников были люди, поднявшие против него восстание, решительно выступил против повстанцев и подавил мятеж в самой горной Исаврии, где велел срыть большую часть укреплений. Исаврийское же влияние в столице продолжалось до самой смерти Зенона.

Со временем Зенона связаны очень важные события в Италии. Во второй половине V века там получили решающее значение предводители германских дружин, которые по своему желанию возводили и низводили императоров в Риме. В 476 году один из предводителей варварских дружин, Одоакр (или Одовакар), низложил последнего западного императора, юного Ромула Августула, и стал сам править в Италии; но, чтобы закрепить свое право на

---

[1] *J. D. Mansi.* Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Firenze; Venezia, 1762, t. VII, p. 445.

[29] *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи. СПб., 1913, т. I, с. 276.

управление Италией, он отправил от имени римского сената посольство к Зенону с уверением, что для Италии особого императора не надо и что таким императором должен быть Зенон; но в то же время Одоакр просил Зенона пожаловать его титулом римского патриция и уполномочить управлять Италией. Просьба Одоакра была исполнена: он стал узаконенным правителем Италии. Прежде считали 476 год годом падения Западной Римской империи; но это неверно, так как в V веке еще не было особой Западной Римской империи; была, как и прежде, одна Римская империя, которой управляли два государя, один в восточной, другой в западной ее части. В 476 же году в империи снова был один император, а именно: император ее восточной половины Зенон.

Получив управление Италией, Одоакр стал держать себя все более и более независимо. Зенон, не будучи в состоянии лично выступить против Одоакра, решил наказать его при помощи остготов, которые после распада державы Аттилы жили в Паннонии и оттуда, под предводительством своего короля Теодориха, производили опустошительные нападения на Балканский полуостров, угрожая и самому Константинополю. Ввиду этого Зенон сумел направить внимание Теодориха на богатую Италию, достигнув таким образом двойной цели: во-первых, он избавлялся от опасного северного соседа; во-вторых, он при помощи чужой силы отделывался от неприятного для него правителя Италии Одоакра. Во всяком случае, Теодорих в Италии был для Зенона менее грозным, чем на Балканском полуострове.

Теодорих двинулся в Италию и, победив Одоакра и взяв его главный город Равенну, основал в Италии, уже после смерти Зенона, остготское королевство со столицей в Равенне. Балканский полуостров от остготской опасности был избавлен.

Акт единения

Самым важным вопросом внутренней жизни при Зеноне был вопрос церковный, поддерживавший смуту в государстве благодаря религиозному разномыслию. В Египте, Сирии, частью в Палестине и Малой Азии население твердо держалось монофизитства. Строго православная политика обоих предшественников Зенона тяжело отражалась на восточных провинциях. Желая найти примирительный выход из создавшегося тяжелого положения, константинопольский патриарх Акакий, стоявший раньше за халкидонское решение, предложил Зенону вступить на путь примирения при помощи взаимных уступок. Согласившийся с патриархом император издал в 482 году Акт единения, или Энотикон (ενωτικον), адресованный к церквам, подведомственным александрийскому патриарху. Главной задачей этого акта было не задеть ни право-

славных, ни монофизитов в учении о соединении в Иисусе Христе двух природ — Божественной и человеческой. Энотикон, признавая незыблемыми основания веры, выработанные на первом и втором Вселенских соборах и подтвержденные на третьем, и предавая анафеме Нестория и Евтихия с их единомышленниками, называл Иисуса Христа «единосущным Отцу по Божеству и единосущным нам по человечеству»; но вместе с тем он избегал выражений «одна природа» и «две природы» и ничего не говорил об определении Халкидонского собора относительно соединения в Иисусе Христе двух природ. О Халкидонском соборе в Энотиконе упоминается лишь один раз в таких выражениях: «Всякого, кто думал или думает иначе, будет ли то теперь или в другое время, в Халкидоне или на каком другом соборе, того мы предаем анафеме».[1]

Однако Энотикон, после первого видимого успеха в Александрии, в конце концов не удовлетворил ни православных, ни монофизитов: первые не могли примириться со сделанными монофизитам уступками; вторые, ввиду неопределенности выражений Энотикона, считали уступки недостаточными. Энотикон Зенона внес новые осложнения в церковную жизнь Византии, увеличив число партий. Часть духовенства стояла за идею примирения и поддерживала Акт единения. Но вместе с тем появились как со стороны православных, так и со стороны монофизитов люди непримиримые, не шедшие ни на какие уступки; такие строго православные назывались а к и м и т а м и, т. е. неусыпающими (так как в их монастыре служба совершалась непрерывно в течение целых суток, для чего они были разделены на три смены), а строгие монофизиты назывались а к е ф а л и т а м и, т. е. безглавыми, так как они не признавали принявшего Энотикон александрийского патриарха. Восстал против Энотикона и римский папа, который, разобрав жалобы восточного духовенства, не согласного с указом, и ознакомившись с самим Актом единения, отлучил на соборе в Риме от Церкви и предал анафеме константинопольского патриарха Акакия. Последний вычеркнул имя папы из церковных диптихов, т. е. перестал поминать. Таким образом, произошел первый разрыв между восточной и западной церковью, продолжавшийся до 518 года, когда на престол вступил Юстин I.[2] Существовавшее уже политическое отчуждение между восточной и западной частями империи, особенно в связи с основанием в V веке на западе варварских

---

[1] *Evagr.* Hist. eccl., III, 14. См. также: The Syriac Chronicle, known as the Chronicle of Zachariah of Mytilene, V, 8. Trans. F. J. Hamilton and E. W. Brooks. London, 1899.

[2] См.: *S. Salaville.* L'affaire de l'Henotique ou le premier schisme byzantin au Ve siecle. — Échos d'Orient, vol. XVIII, 1916, pp. 225—265, 389—397; vol. XIX, 1920, pp. 49—68, 415—433. Царствование Анастасия включено в рассмотрение.

германских государств, еще более обострилось благодаря отчуждению церковному.

Анастасий I (491—518)

Решение исаврийского вопроса. Персидская война. Нападения болгар и славян. Длинная стена. Отношения к Западу. После смерти Зенона вдова его Ариадна отдала руку престарелому Анастасию, родом из Диррахиума, занимавшему довольно скромную придворную должность силенциария (silentiarius).[1] Анастасий был коронован императором, после того как дал константинопольскому патриарху, убежденному сторонникy Халкидонского собора, письменное обещание не вводить никаких церковных новшеств.

Прежде всего Анастасию нужно было покончить с исаврами в столице, которые, как известно, при Зеноне получили преобладающее влияние. Их исключительное положение раздражало население столицы. Когда же после смерти Зенона среди исавров обнаружилось движение против нового императора, Анастасий быстро изгнал их из столицы, конфисковав имущество и лишив должностей, а затем в упорной шестилетней войне с исаврами окончательно смирил их уже в самой Исаврии. Многие из исавров были переселены во Фракию. Так закончился сравнительно короткий период варварского исаврийского засилья в Византии. В решении исаврийского вопроса в пользу правительства заключается большая заслуга Анастасия.

Из внешних событий, кроме изнурительной и безрезультатной войны с Персией, имеют крупное значение для последующей истории отношения на дунайской границе. Северная граница, после удаления остготов в Италию, подвергалась в течение всего царствования Анастасия опустошительным набегам болгар, гетов и скифов. Нападавшие с конца V века на византийские пределы болгары были народом тюркского происхождения. Впервые имя болгар на Балканском полуострове упоминается при Зеноне в связи с остготскими передвижениями на северной границе.

Что касается несколько неопределенных названий гетов и скифов, то, принимая во внимание неосведомленность хронистов того времени в этнографических наименованиях северных народов, в этих именах можно видеть понятие собирательное, и наука считает возможным среди них находить славян. Византийский писатель начала VII века Феофилакт Симокатта даже прямо отождествляет гетов со славянами.[2] Таким образом, при Анастасии впервые сла-

---

[1] Силенциарии, как уже говорилось, были швейцарами, охранявшие двери во время заседаний императорских советов и приемов.

[2] Historiae, III, 4, 7.

Святой Симеон Стилит. Миниатюра из Менология Василия II

вяне начали производить вторжения вместе с болгарами на Балканский полуостров. «Гетские всадники», как говорит источник, опустошив Македонию, Фессалию и Эпир, доходили до Фермопил.[1] В науке высказывались мнения о заселении славянами Балканского полуострова в более раннее время. Профессор Дринов, например, на основании изучения географических и личных имен полуострова, возводил начало его заселения славянами к концу II века н. э.[2] В настоящий момент эта теория отвергнута.*

Все эти набеги тюркских болгар и славян во время Анастасия для той эпохи еще не имели большого значения: вторгавшиеся толпы варваров грабили и уходили. Но набеги эпохи Анастасия явились как бы предвестниками уже крупных славянских вторжений на полуостров в VI веке во время Юстиниана, открывших собой период заселения полуострова славянами и повлекших за собой глубокие последствия для внутренней жизни Византии.

Для защиты столицы от северных народов Анастасий построил во Фракии, на расстоянии 40 верст от Константинополя, так называемую «Длинную стену», которая шла от Мраморного моря до Черного и превратила, по словам одного источника, город из полуострова почти в остров.[3] Однако Анастасиева стена не оправдала впоследствии возлагавшихся на нее надежд и благодаря поспешности в работе и землетрясениям не служила серьезным препятствием для приближения врагов к городским стенам. В настоящее время укрепления Чаталджи, возведенные несколько ближе к городу, являются как бы подражанием Анастасиевой стене, следы которой можно видеть и теперь.

В Западной Европе во время Анастасия происходили дальнейшие изменения. Теодорих сделался остготским королем в Италии, а на далеком северо-западе, еще до вступления Анастасия на престол, Хлодвиг основал сильное франкское государство. Оба государства были созданы на землях, теоретически принадлежавших римскому, т. е. в данном случае византийскому, императору. Конечно, о какой-либо действительной зависимости, особенно отдаленного франкского государства, от Константинополя не было и

---

[1] Comitis Marcellinis Chronicon ad annum 517, ed. Th. Mommsen, vol. II, p. 100.

[2] *М. С. Дринов*. Славянская оккупация Балканского полуострова. М., 1873. В настоящее время в советской России проявляется очень большой интерес к проблеме раннего проникновения славян на Балканский полуостров. На эту тему опубликовано много статей, и теория Дринова рассматривается снова благосклонно. Книга Дринова была переиздана В. Златарским (София, 1909).

* Фраза эта, имеющаяся в русской версии (с. 116), была затем исключена А. А. Васильевым из последующих изданий.

[3] *Evagr*. Hist. eccl., III, 38.

речи. Но в глазах подчинявшегося германцам туземного населения власть пришлого государя только тогда получала настоящее обоснование, когда она подтверждалась с берегов Босфора. Поэтому когда готы провозгласили Теодориха в Италии королем, «не подождав, — как говорит современный хронист, — распоряжения нового принцепса», т. е. Анастасия,[1] Теодорих просил последнего прислать ему знаки императорской власти, отправленные раньше Одоакром Зенону. Просьбу остготского короля Анастасий исполнил, после чего первый в глазах итальянского туземного населения сделался законным правителем.[2] Дальнейшему сближению остготов с Италией мешало, как известно, их арианство.

Хлодвигу франкскому Анастасий послал диплом на консульское достоинство, которое с великой радостью было им принято.[3] Конечно, здесь речь шла лишь о почетном звании консула, которое не влекло за собой отправления соответствующих обязанностей. Тем не менее для Хлодвига это имело большое значение. Римское население Галлии смотрело на восточного императора как на носителя верховной власти, от которой другая власть должна была получать свою компетенцию. Диплом Анастасия на консульское звание доказывал галльскому населению законность власти Хлодвига над ними. Он делался этим как бы наместником провинции, которая теоретически оставалась частью единой Римской империи. Подобные отношения византийского государя к западным германским государствам указывают на то, как в конце V и начале VI века еще сильно жила на Западе идея единой империи.

Религиозная политика Анастасия. Восстание Виталиана. Внутренняя деятельность. В своей религиозной политике, несмотря на вышеупомянутое обещание патриарху не вводить в церковь никаких новшеств, Анастасий был склонен к монофизитству; через некоторое же время он открыто перешел на сторону монофизитов. Последнее обстоятельство было приветствовано в Египте и Сирии, областях по-преимуществу монофизитских. Но зато в самой столице монофизитские симпатии императора вызвали большое смущение. Когда же Анастасий, по образцу Антиохии, велел Трисвятое петь с прибавлением слов «Распныйся за ны», т. е.: «Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, распныйся за ны, помилуй нас», то в Константинополе поднялось сильное восстание, едва не кончившееся низложением императора.

---

[1] Anonymus Valesianus, par. 57; ed. V. Gardhausen, p. 295; ed. Th. Mommsen, Chronica Minora, I, p. 322.

[2] См.: *J. Sundwell.* Abhandlungen zur Geschichte der ausgehenden Romertums. Helsingfors, 1919, SS. 190—229.

[3] *Gregorii Turonensis episcopi* Historia Francorum, II, 38 (XXVIII).

На фоне религиозной политики Анастасия вспыхнуло во Фракии восстание Виталиана, выступившего с большим сухопутным войском, в состав которого входили гунны, болгары и, может быть, славяне, и с многочисленными судами против столицы; имея в виду свергнуть императора с престола, т. е. цель политическую, Виталиан объявил, что поднялся на защиту угнетенной православной церкви. После долгой, упорной и временами неудачной для императора борьбы с Виталианом восстание последнего было подавлено. В истории оно имеет немалое значение: по словам Ф. И. Успенского, Виталиан, «приводя три раза под Константинополь отряды, собранные из племен разного происхождения, и, истребовав от правительства огромные денежные выдачи, обнажил перед варварами слабость империи и громадные богатства Константинополя и приучил их к комбинированным движениям с суши и с моря».[1]

Внутренняя деятельность Анастасия, до сих пор еще недостаточно оцененная и исследованная в исторической литературе, отличаясь большим оживлением, касается важных сторон экономической и финансовой жизни страны.

На первое место должна быть поставлена его финансовая мера, отменившая ненавистный, тяжелый налог — хрисаргир, т. е. налог, уплачиваемый золотом и серебром (по-латыни он назывался lustralis collatio). Это подать, введенная еще при Константине Великом, падала на все существовавшие в империи ремесла и промыслы, не исключая прислуги, нищих, публичных женщин и т. д., и даже, вероятно, на самые орудия для добывания средств к жизни, как, например, на лошадь, мула, осла, собаку и т. д. Особенно страдали от хрисаргира бедные классы. Хотя эта подать должна была быть взимаема раз в пять лет, на самом деле во времени ее взимания господствовали произвол и полная неожиданность, что приводило в отчаяние население.[2] Анастасий, невзирая на крупный доход казне от этого налога, окончательно отменил его, уничтожив все связанные с ним документы. Население восторженно встретило отмену ненавистного налога, о которой, по словам одного историка VI века, «нужно было бы говорить языком Фукидида, или даже еще более важным и красивым».[3] Сирийский источник VI века так описывал радость, с которой декрет об отмене был встречен в Эдессе:

---

[1] *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи. СПб., 1913, т. I, с. 352.

[2] *O. Seek.* Collatio lustralis. — RE, Bd. IV, Sp. 370—376.

[3] *Evagr.* Hist. eccl., III, 39. E. W. Brooks в «Cambridge Medieval History» (t. I, p. 484) называет хрисаргир «налогом на все виды товаров и растений в торговле». Дж. Б. Бьюри в своей книге «A History of the Later Roman Empire...» (vol. I, p. 441) называет хрисаргир «налогом на доходы».

«Весь город радовался, и они [жители] все надели белые одежды; все, большие и маленькие, несли зажженные свечи и курильницы, полные горящего ладана, и шли вперед с псалмами и гимнами, благодаря Господа и хваля императора, к церкви св. Сергия и св. Симеона, где они славили благую весть (the eucharist). Затем они вернулись в город и организовали радостный и веселый праздник, продолжавшийся всю неделю, и они приняли закон, что они должны отмечать этот праздник каждый год. Все ремесленники радовались, совершая омовения и празднуя во дворе самой большой церкви и во всех портиках (porticos) города».

Объем собираемого в Эдессе хрисаргира составлял 140 фунтов золота каждый год.[1] Отмена этого налога давала особое удовлетворение церкви, ибо, из-за того, что брался он и с доходов проституток, налог соответственно легализировал порок.[2]

Конечно, отмена хрисаргира лишала казну значительного дохода, однако эта потеря была скоро компенсирована введением нового налога — «хрисотелии» (χρυσοτελεια), «налог золотом», или «налог в золоте», направленный на поддержку армии. Он тоже был тяжелым для бедных классов, так что вся финансовая реформа имела в виду скорее более регулярное распределение налогового бремени, чем его реальное облегчение.[3] Возможно, наиболее важной финансовой реформой Анастасия была отмена, по совету его верного префекта претория, сирийца Марина, системы, при которой городской совет (town corporations) (curiae) был ответствен за сбор налогов в городе; Анастасий передал эту обязанность должностным лицам, называемым виндиками (vindices), которых, вероятно, утверждал префект претория. Хотя эта новая система сбора налогов значительно увеличила доходы, в последующие годы она была изменена. При Анастасии, как кажется, гораздо более острой, чем когда-либо ранее, стала проблема заброшенной и необрабатываемой земли (the problem of sterile land). Бремя дополнительных налогов падало как на людей, не способных платить, так и на неурожайную землю. Собственники плодородной земли, таким образом, становились ответственными перед властями за полную уплату налогов. Это дополнительное обложение, называвшееся по-гречески «эпиболе» (επιβολη) — т. е. надбавка, придача, была очень древним институтом, восходящим к птолемеевскому Египту. С особой суро-

---

[1] The Chronicle of Joshua the Stylite, trans. W. Wright. Cambridge, 1882, chap. XXXI, 22.

[2] *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. I, p. 442.

[3] *E. W. Brooks*. The Eastern Provinces from Arcadius to Anastasius. — Cambridge Medieval History, t. I, p. 484; *E. Stein*. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus. Stuttgart, 1919, S. 146.

востью его собирали во время правления Юстиниана Великого.[1] Анастасий издал также указ о том, что свободный человек, проживший в одном месте тридцать лет, становился колоном, т. е. прикреплялся к земле, не теряя своей личной свободы и права владения имуществом.

Время Анастасия отмечено также большой денежной реформой. В 498 году был введен большой бронзовый фолл (follis) с его мелкими номинациями. Новую монету приветствовали особенно бедные граждане, ибо медная монета в обращении стала редкой, была плохой по качеству и не имела указания ценности. Новую монету чеканили на трех монетных дворах, которые функционировали при Анастасии в Константинополе, Никомедии и Антиохии. Бронзовая монета, введенная Анастасием, оставалась образцом имперских денег до второй половины седьмого века.[2]

К числу гуманных мер Анастасия надо отнести его указ о запрещении борьбы с дикими зверями в цирках.

Несмотря на то, что Анастасий нередко жаловал податные облегчения провинциям и городам, особенно восточным, ввиду их разорения, вызванного персидской войной, несмотря на крупные сооружения, требовавшие немало средств, как, например, Длинная стена, водопроводы, маяк в Александрии и т. д., государство к концу правления императора обладало солидной денежной наличностью, которую историк Прокопий, правда, очевидно, не без некоторого преувеличения, определяет в количестве 320.000 фунтов золота,[3] т. е. около 130—140 миллионов золотых рублей. Эко-

---

[1] По поводу «эпиболе», помимо работы А. Монье (*H. Monnier*. Études du droit byzantin. — (Nouvelle Revue historique de droit, vol. XVI, 1892, pp. 497—542, 637—672), см. также: *F. Dolger*. Beitrage zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts. Leipzig; Berlin, 1927, SS. 128—133; *Г. А. Острогорский*. Византийский трактат о налогах. — Recueil d'etudes dediees a N. P. Kondakov. Прага, 1926, с. 114—115; *G. Ostrogorski*. Die landliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. — Vierteljahrschrift fur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, Bd. XX, 1927, SS. 25—27. Эти три исследования дают хорошую библиографию.

[2] См.: *W. Wroth*. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908, vol. I, pp. XIII—XIV, LXXVII; *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire, vol. I, pp. 446—447. Новейшее исследование — *R. P. Blake*. The Monetary Reform of Anastasius I and its Economic Implications. — Studies in the History of Culture, the Disciplines of Humanities. Menasha, Wisconsin, 1942, pp. 84—97.

[3] Historia quae dicitur Arcana, 19, 7—8; *H. Delehaye*. La vie de Daniel Stylite... Analecta Bollandiana, vol. XXXII, 1913, p. 206; См. также: *N. Baynes*. Vita S. Danielis. — Englich Historical Review, vol. XL, 1925, p. 402.

номия Анастасия, конечно, сыграла свою роль в многосторонней и кипучей деятельности второго преемника Анастасия, Юстиниана Великого. Время Анастасия служит прекрасным введением в следующую, юстиниановскую эпоху.

Общие выводы

Главный интерес вышеизложенной эпохи, начиная с Аркадия и кончая Анастасием (395—518), заключается в национальном и религиозном вопросах; причем относительно последнего надо всегда иметь в виду, что он неразрывно связан с вопросом политическим. Германское или, точнее, готское засилье, свившее себе прочное гнездо в столице, грозившее в конце IV века самому государству и осложненное арианством готов, было прекращено в начале V века при Аркадии, чтобы при новой, уже более слабой вспышке в половине V века быть окончательно сломленным во время Льва I. Новая гроза с севера со стороны остготов к концу века, обещавшая новые опасности Византии, прошла мимо нее, направившись при Зеноне в Италию. Германский вопрос в восточной половине империи был решен в пользу правительства. В восточной половине империи также удачно был решен во второй половине V века другой национальный вопрос, гораздо меньшей остроты и важности, а именно вопрос об исаврийском засилье. Что же касается появления северных народов, болгар и славян, то последние в рассматриваемый период лишь начинали свои нападения в пределы империи, и по этим нападениям еще нельзя было судить о той первостепенной роли, которую вскоре славяне, а позднее болгары, будут играть в истории Византии. Время Анастасия есть введение в славянскую эпоху на Балканском полуострове.

Религиозный вопрос в данное время распадается на два периода: православный до Зенона и монофизитский при Зеноне и Анастасии. Склонность к монофизитству Зенона и ясно выраженное монофизитство Анастасия могут быть оценены не только с вероисповедной точки зрения, но и с политической. К концу V века западная часть империи, несмотря на теоретическое признание ее единства, фактически ушла из-под ведения Константинополя. В Галлии, Испании и Северной Африке образовались варварские германские государства; в Италии распоряжались германские вожди и в конце V века основалось остготское государство. Это состояние дел объясняет, почему восточные провинции, т. е. Египет, Палестина, Сирия, получили для восточной половины империи первостепенное значение. Большая заслуга Зенона и Анастасия заключается в том, что они поняли, куда переместился при них центр тяжести, и, поняв насущное значение для империи восточных областей, употребляли все усилия для того, чтобы найти пути к примирению

между столицей и данными областями. А так как последние, особенно Египет и Сирия, в своей большей части твердо держались монофизитства, то путь был для империи один, а именно — примирение с монофизитами. Этим объясняется нерешительный и намеренно туманный Энотикон Зенона, как первая попытка к сближению, а после его неудачи решительная монофизитская политика Анастасия. Оба эти императора оказались политически прозорливыми правителями, в противоположность государям следующей эпохи. Но подобное монофизитское направление Зенона и Анастасия поставило их лицом к лицу с православным населением, которое господствовало в столице, на Балканском полуострове, в большинстве областей Малой Азии, на островах и в некоторой части Палестины. На стороне православия стоял, как известно, и римский папа, порвавший из-за Энотикона сношения с Константинополем. Политика и религия должны были столкнуться, чем и объясняются религиозные смуты времени Анастасия. Последний при жизни не смог довести своего дела до желанного умиротворения. Его преемники повели империю по совершенно иному пути, и отчуждение восточных провинций уже начинало ощущаться в конце этого периода.

В целом же это был период борьбы между разными народами, движимыми разными целями и надеждами — германцы и исавры надеялись достичь политического господства, тогда как копты в Египте и сирийцы были озабочены прежде всего триумфом их религиозных учений.

Литература, просвещение и искусство

Развитие литературы, образования и воспитания в течение периода с IV до начала VI вв. тесно связано со взаимоотношениями, установившимися между христианством и старинным языческим миром с его великой культурой. Споры апологетов христианства второго и третьего веков по вопросу, можно или нельзя христианину использовать языческое наследие, не привели к ясным выводам. Тогда когда одни из апологетов находили достоинство в греческой культуре и считали возможным примирить ее с христианством, другие не допускали того, что языческая древность может иметь какую-либо ценность для христианина и отвергали ее. Иное отношение господствовало в Александрии, старинном центре жарких философских и религиозных диспутов, где дискуссии о совместимости древнего язычества с христианством стремились увязать вместе эти два на вид несовместимых элемента. Клемент Александрийский, например, знаменитый автор конца второго века, говорил: «Философия, служа гидом, готовит тех, кто призван

Христом, к совершенству».[1] Однако проблема взаимоотношений языческой культуры и христианства никоим образом не была решена во время дебатов первых трех веков христианской эры.

Жизнь, однако, делала свое дело, и языческое общество было постепенно обращено в христианство. Процесс этот получил особый размах в IV веке. Ему помогали, с одной стороны, поддержка правительства, с другой — многочисленные так называемые «ереси», которые пробуждали интеллектуальные диспуты, служили поводом для страстных дискуссий и создавали целую серию новых важных вопросов. Тем временем христианство постепенно поглощало многие элементы языческой культуры, так что, согласно Крумбахеру, «христианские положения бессознательно облачались в языческие одеяния».[2] Христианская литература IV и V веков обогатилась сочинениями значительных писателей как в области прозы, так и в области поэзии. В то же самое время языческие традиции продолжались и развивались представителями языческой мысли.

На широких просторах Римской империи, внутри границ, которые существовали до персидских и арабских завоеваний VII века, христианский Восток IV и V веков имел множество определенных, хорошо известных литературных центров, основные писатели которых оказывали большое влияние на окружающую их деятельность далеко за пределами границ их родных городов и провинций. Каппадокия в Малой Азии имела в IV веке трех знаменитых «каппадокийцев» — Василия Великого, его друга Григория Богослова и Григория Нисского, младшего брата Василия. Важными культурными центрами в Сирии были города Антиохия и Берит (Бейрут) на морском побережье. Последний был наиболее известен своими юридическими изысканиями. Время его славы длилось примерно с 200 г. до 551 г.[3] В Палестине Иерусалим в это время еще не полностью оправился от разрушения во времена Тита и, соответственно, не играл очень существенной роли в культурной жизни IV и V веков. Однако Кесария и к концу IV века южнопалестинский город Газа с его процветающей школой знаменитых риторов и поэтов во многом способствовали пополнению богатств мысли и литературы в это время. Однако над ними всеми египетский город Александрия продолжал оставаться центром, который оказывал широчайшее и глубочайшее влияние на весь азиатский Восток. Новый город Константинополь, которому суждено

---

[1] Stromata (PG, t. VIII, col. 717—720).

[2] Die griechische Literatur des Mittelalters. Die Kultur des Gegenwart: ihre Entwicklung und Ziehle. Leipzig; Berlin, 1912, S. 337.

[3] См.: *P. Collinet*. Histoire de l'École de droit de Beyrouth. Paris, 1925, p. 305.

было иметь блестящее будущее во времена Юстиниана, в рассматриваемое время только начинал проявлять признаки литературной активности. Здесь официальная защита латинского языка, несколько оторванная от насущной жизни, была особенно ощутимой. Известное значение в общем культурном и литературном развитии этой эпохи имели два других западных центра восточной империи — Фессалоника и Афины, последняя со своей языческой Академией, заслоненная в последующие годы своим победоносным соперником — Константинопольским университетом.

Сопоставление культурного развития восточных и западных провинций Византийской империи показывает интересный феномен: в европейской Греции с ее древним населением умственная и созидательная деятельность была бесконечно малой в сравнении с развитием в провинциях Азии и Африки, несмотря на тот факт, что большая часть этих провинций, согласно Крумбахеру, была «открыта» и колонизирована только со времени Александра Македонского. Тот же исследователь, обращаясь к «нашему любимому современному языку цифр», утверждал, что европейская часть византийских провинций была ответственна только за десять процентов всей культурной продукции этого времени.[1] На самом деле подавляющее большинство писателей того времени происходило из Азии и Африки, тогда как после основания Константинополя почти все историки были греками. Патристическая литература имела блистательный период развития в IV и начале V века.

Каппадокийцы Василий Великий и Григорий Назианзин получили прекрасное образование в риторических школах Афин и Александрии. К сожалению, нет никакой информации о раннем этапе образования младшего брата Василия — Григория Нисского, наиболее глубокого мыслителя из всех трех. Они все были хорошо знакомы с классической литературой и представляли так называемое «новое александрийское» течение. Оно, это течение, хотя и использовало достижения философской мысли, настаивая на определенное привлечение разума в изучении религиозной догмы и отказываясь от крайностей мистическо-аллегорического течения так называемой «александрийской» школы, все же не отказывалось от церковной традиции. Вдобавок к большому количеству литературных произведений по чисто теологическим сюжетам, в которой они страстно защищали православие в его борьбе с арианством, они оставили большое количество речей и писем. Эта коллекция является одним из богатейших источников культурной жизни периода и даже сейчас ее значение с исторической точки зрения не исчерпано. Григорий Назианзин оставил также некоторое количе-

---

[1] *K. Krumbacher*. Die griechische Literatur des Mittelalters. Berlin, 1912, S. 330.

ство поэм, которые в основном теологические, догматические и дидактические, но в известном отношении также и исторические. Его большая поэма «О своей собственной жизни» должна из-за своей формы и содержания занять высокое место в литературе в целом. При всей своей блистательности эти три автора были только представителями своих городов. «Когда эти три гения ушли, Каппадокия вернулась в темноту, из которой они ее вытащили».[1]

Антиохия, сирийский центр культуры, создала в противовес александрийской школе свое собственное направление, которое защищало буквальное понимание Священного Писания без аллегорических интерпретаций. Это движение возглавлялось таким необычным человеком действия, каким был ученик Либания и любимец (favorite) Антиохии Иоанн Златоуст. Он сочетал классическое образование с необычной стилистикой и ораторским искусством, так что его многочисленные сочинения являются одним из драгоценнейших сокровищ мировой литературы. Последующие поколения попали под чары его гения и высоких моральных качеств. В результате литературные течения последующих периодов заимствовали идеи, образы и выражения из его трудов как из неисчерпаемого источника. Его репутация была столь велика, что в течение времени (in the course of time) многие сочинения безызвестных авторов были приписаны ему. Его подлинные сочинения — проповеди и речи и более двухсот писем, написанных в основном в годы изгнания, представляют собой весьма ценный источник о внутренней жизни в империи.[2] Отношение к нему последующих поколений хорошо характеризуется византийским автором XIV века, Никифором Каллистом, который писал: «Я прочитал более тысячи его проповедей, которые источали невыразимую сладость. С самой моей юности я любил его и слушал его голос, как если бы это был голос Господа. И всем, что я знаю, и всем, что я есть, я обязан ему».[3]

Из палестинского города Кесария происходил «отец церковной истории» Евсевий, который жил во второй половине III века и в начале IV. Он умер около 340 года. Он цитировался выше как главный авторитет по Константину Великому. Евсевий жил на пороге двух весьма важных исторических эпох. С одной стороны, он был свидетелем суровых преследований Диоклетиана и его последователей и лично весьма пострадал из-за своих христианских

---

[1] *E. Fialon.* Étude historique et litteraire sur Saint Basile. Paris, 1869, p. 284.

[2] См.: *J. M. Vance.* Beitrage zur byzantinische Kulturgeschichte am Anfange des IV. Jahrhunderts aus den Schriften des Johannes Chrysostomos. Jena, 1907.

[3] Hist. eccl. XIII, 2 (PG, t. CXLVI, col. 933). П. Баур начинает свою биографию Иоанна Златоуста с этого красивого отрывка (Bd. I, S. VII).

убеждений; с другой стороны, после эдикта Галерия он пережил период постепенного триумфа христианства при Константине, участвовал в арианских спорах, склоняясь иногда к арианству. Позже он стал одним из наиболее близких доверенных лиц и друзей императора. Евсевий написал много теологических и исторических сочинений. Preparatio evangelica — большое сочинение, в котором он защищал христианство от религиозных нападок со стороны язычников; Demonstratio evangelica — в котором он обсуждает только временное значение закона Моисея и исполнение ветхозаветных пророчеств Иисусом Христом. Его сочинения по вопросам критики и интерпретации Священного Писания, также как и многие другие его сочинения, дали ему право на высокое место в области теологической литературы. Эти сочинения содержат также ценные отрывки из более древних сочинений, которые были позже утрачены.

Весьма важны для рассматриваемого вопроса исторические сочинения Евсевия. Хроника, написанная совершенно очевидно до гонений времени Диоклетиана, содержит краткий обзор истории халдеев, ассирийцев, евреев, египтян, греков и римлян. Основная ее часть дает хронологические таблицы наиболее важных исторических событий. К сожалению, хроника сохранилась только в армянском переводе и частично в латинском переложении блаж. Иеронима. Таким образом, четкого представления о форме и содержании исходного текста сегодня нет, особенно потому, что сохранившиеся переводы были сделаны не с исходного греческого текста, а с сокращенного ее варианта, который появился вскоре после смерти Евсевия.

Его самым замечательным историческим сочинением является «Церковная история» в десяти книгах, охватывающая время от Рождества Христова до победы Константина над Лицинием. По его собственному заявлению, он не ставил себе целью рассказывать о войнах и трофеях полководцев, но скорее «записать нестираемыми буквами самые мирные войны, ведомые ради мира души, и рассказать о людях, совершающих героические поступки скорее ради истины, чем для страны, скорее ради благодати, чем для самых лучших друзей».[1] Под пером Евсевия церковная история стала историей мученичеств и преследований, со всем их сопровождающим террором и ужасами. Из-за изобилия документальных сведений его «История» должна быть признана одним из наиболее важных источников для первых трех столетий христианской эры. Кроме того, Евсевий очень важен и потому, что он был первым историком, написавшим историю христианства, охватывающую все возможные аспекты этой темы. Его «Церковная история» принесла ему большую славу, стала основой для работы многих позднейших

---

[1] *Euseb.* Hist. eccl., введение к пятой книге.

церковных историков и часто служила объектом для подражания. В начале IV века она была широко распространена на Западе благодаря латинскому переводу Руфина.[1]

«Жизнь Константина», написанная Евсевием позднее, — если вообще она была им написана — вызвала множество интерпретаций и оценок в ученом мире. Это произведение надо отнести не столько к сочинениям чисто исторического типа, столько к панегирикам. Константин представлен как избранный Богом император, наделенный даром предвидения, новым Моисеем, назначение которого вести народ Господа к свободе. В интерпретации Евсевия, три сна Константина символизируют Святую Троицу, тогда как сам Константин был благодетелем христиан, который достиг того высокого идеала, о котором они ранее только мечтали. Для того чтобы сохранить в целостности гармонию своего произведения, Евсевий не показывал мрачные события своих дней, однако отдался полностью восхвалению и прославлению своего героя. При умелом обращении, однако, это сочинение может дать ценное понимание времени Константина особенно, так как оно содержит много официальных документов, которые, вероятно, были вставлены после того, как была написана первая редакция работы.[2] Несмотря на свои посредственные литературные способности, Евсевий должен рассматриваться как один из крупнейших христианских ученых раннего средневековья и как писатель, оказавший большое влияние на средневековую христианскую литературу.

Целая группа историков продолжила то, что начал Евсевий. Сократ из Константинополя довел свою «Церковную историю» до 439 года. Созомен, происходивший из области, соседней с палестинским городом Газа, был автором другой «Церковной истории», также доведенной до 439 года. Феодорит, епископ Киррский, родом из Антиохии, написал подобную историю, охватывающую период от Никейского собора до 428 года, и, наконец, арианин Филосторгий, сочинения которого сохранились только во фрагментах, изложил события до 425 г. со своей точки зрения.

Очень интенсивную и весьма разнообразную интеллектуальную жизнь во время этого периода можно было найти в Египте, особенно в его основном (progressive) центре, в Александрии.

---

[1] Среди многих исследований о Евсевии хотелось бы отметить — *R. Laqeur*. Eusebius als Historiker seiner Zeit. Leipzig, 1929. Автор показал историческое значение последних трех книг «Истории» Евсевия (VIII—X).

[2] В 1938 году Грегуар убедительно доказал, как я полагаю, тот факт, что Евсевий не был автором «Жизни Константина» в той форме, в какой она дошла до нас (см. Byzantion, t. XIII, 1938, pp. 568—583; t. XIV, 1939, pp. 318—319).

Необычной и интересной фигурой литературной жизни конца IV и начала V веков был Синезий из Кирены. Потомок старинной языческой семьи, он воспитывался в Александрии и позднее был посвящен в мистерии неоплатонической философии. Он сменил свои привязанности с Платона на Христа, женился на девушке-христианке и стал в последние годы своей жизни епископом Птолемаиды. Несмотря на все это, Синезий, вероятно, всегда чувствовал себя более язычником, чем христианином. Его миссия в Константинополь и его речь-обращение (adress) «О царстве» показывают его интерес к политике. Строго говоря, он историком не был, однако он оставил очень важную историческую информацию в 156 письмах, которые отражают его блестящие философские и риторические достижения, которые установили стандарт стиля для византийских Средних веков. Его гимны, написанные метрикой и стилем классической поэзии, показывают странную смесь философских и христианских взглядов. Этот епископ-философ чувствовал, что классическая культура, которая была так ему дорога, приближалась к своему концу.[1]

Во время длительной и жестокой борьбы с арианством появилась блистательная фигура страстного поборника взглядов Никейского собора Афанасия, епископа Александрийского, который оставил немалое число сочинений, посвященных теологическим спорам IV века. Он написал также Житие св. Антония, одного из основателей восточного монашества, изобразив в нем идеальную картину аскетической жизни. К V веку относится также крупнейший историк египетского монашества Палладий из Элленополя, родившийся в Малой Азии, но хорошо знакомый с египетской монашеской жизнью, так как он провел десять лет в египетском монашеском мире. Под влиянием Афанасия Александрийского Палладий еще раз изобразил идеал монашеской жизни, вводя в свою историю элемент легенды. Безжалостный враг Нестория, Кирилл, епископ Александрийский, также жил в это время. Во время его бурной и энергичной жизни он написал множество писем и проповедей, которые греческими епископами последующего времени иногда заучивались наизусть. Он оставил также известное количество догматических, полемических и экзегетических трактатов, которые являются одним из основных источников по церковной истории V века. Согласно его собственному признанию, его риторическое образование было недостаточным и он не мог похвалиться аттической чистотой собственного стиля.

---

[1] *A. Fitzgerald*. The Letters of Synesius of Cyrene. London, 1926, pp. 11—69; *A. Fitzgerald*. Essays and Hymns of Synesius of Cyrene. London, 1930, pp. 1—102 (большое введение), pp. 103—107 (прекрасная библиография). См. также: *C. H. Coster*. Synesius, a Curialis of the Time of the Emperor Arcadius. — Byzantion, t. XV (1940—1941), pp. 10—38.

Другой весьма интересной фигурой этой эпохи была женщина-философ Ипатия, которая была убита фанатичной толпой в начале V века. Она была женщиной исключительной красоты и необычных умственных способностей. Благодаря ее отцу, знаменитому александрийскому математику, она познакомилась с математическими науками и классической философией. Она завоевала широкую известность благодаря своим замечательным качествам преподавателя. Среди ее учеников были известные литераторы, как, например, Синезий из Кирены, который упоминает Ипатию во многих своих письмах. Один источник говорит: «Одетая в плащ, она имела обыкновение бродить по городу и объяснять случайным слушателям сочинения Платона, Аристотеля или каких-либо других философов».[1]

Греческая литература процветала в Египте до 451 года, когда Халкидонский собор не осудил монофизитское учение. Ввиду того что это была официальная египетская религия, за решением собора последовал отказ церкви от греческого языка и замена его коптским. Коптская литература, которая развивалась после этого, имеет известное значение даже по отношению к греческой литературе, ибо некоторое количество не сохранившихся оригинальных греческих сочинений дошли до настоящего времени только в коптском переводе.

Это время увидело развитие литературы религиозных гимнов. Авторы гимнов постепенно отошли от исходной традиции имитации классической поэзии и развили свои собственные формы. Формы эти были совершенно самобытны и иногда их рассматривали просто как прозаические. И только сравнительно недавно эти размеры были частично объяснены. Они характеризуются разными типами акростихов и рифм. К сожалению, сейчас очень мало известно о религиозных гимнах IV и V веков. Поэтому история их постепенного развития неясна. Тем не менее совершенно очевидно, что развитие их было значительным. Тогда, когда Григорий Богослов следовал античной метрике в большей части своих поэтических гимнов, Роман Сладкопевец, сочинения которого появились в начале VI века при Анастасии I, использовал новые формы для произведений и обращался к акростихам и рифмам.

Исследователи долго спорили по вопросу, жил ли Роман в VI веке или же в начале VIII. В его кратком жизнеописании упоминается о его приезде в Константинополь во время правления императора Анастасия, однако долгое время невозможно было определить, идет ли речь об Анастасии I (491—518), или же об Анастасии II (713—716). Ученый мир, однако, после долгого изучения сочинений Романа Сладкопевца, в конце концов окончатель-

---

[1] *Suidae* Lexicon, s. v. Υπατια.

но согласился, что речь идет об Анастасии I.[1] Романа Сладкопевца иногда называют величайшим поэтом византийского времени. Этот «Пиндар ритмической поэзии»,[2] «величайший религиозный гений», «Данте ново-греков»[3] является автором большого количества превосходных гимнов, среди которых и знаменитый христианский гимн «Дева днесь Пресущественнаго рождает» (Supersubstantial).[4] Поэт родился в Сирии и весьма вероятно, что расцвет его гения приходится на время Юстиниана, ибо согласно его жизнеописанию, он был молодым дьяконом, когда он приехал во время царствования Анастасия из Сирии в Константинополь, где и обрел чудесным образом дар писания гимнов. Законченность произведений Романа, как кажется, показывает, что религиозная поэзия в V веке достигла высокого уровня развития; к сожалению, правда, достаточным количеством информации мы не располагаем. Трудно, однако, представить себе существование этого необычного поэта в VI веке без известного предшествующего развития церковной поэзии. К сожалению, его нельзя полностью оценить, ибо большая часть его гимнов до сих пор не опубликована.[5]

Лактанций, известный христианский писатель начала IV века, родом из Северной Африки, писал по-латински. Он особенно важен как автор сочинения «О смерти преследователей» (De mortibus persecutorum). Это сочинение дает весьма интересную информацию о времени Диоклетиана и Константина до так называемого Миланского эдикта.[6]

---

[1] См.: *А. А. Васильев.* Время жизни Романа Сладкопевца. — Византийский временник, т. 8, 1901, с. 435—478; *P. Maas.* Die Chronologie der Hymnen des Romanos. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XV, 1906, SS. 1—44. Более новые исследования — *M. Carpenter.* The Paper that Romanos Swallowed. — Speculum, vol. VII, 1932, pp. 3—22; *M. Carpenter.* Romanos and the Mystery Play of the East. — The University of Missouri Studies, vol. XI, 3, 1936; *E. Mioni.* Romano il Melode. Saggio critico e dieci inni inediti, VI, 230. (Он не знал о статье Васильева.) *G. Cammelli.* Romano il Melode. Firenze, 1930.

[2] *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Litteratur... S. 663.

[3] *H. Gelzer.* Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899, S. 96. Гельцер думал, что Роман жил в VIII веке. О Романе ср. также: *E. Stein* в Gnomon, vol. IV, 1928, p. 413: «Церковный поэт Роман мне кажется просто скучным».

[4] См.: *G. Camelli.* L'inno per la nativita de Romano il Melode. — Studi bizantini, 1925, pp. 45—48. *G. Camelli.* Romano il Melode... p. 88.

[5] Критическое издание сочинений Романа подготовлено Маасом (P. Maas). См.: Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXIV, 1924, S. 284.

[6] См.: *M. von Schanz.* Geschichte der romischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian. Munchen, 1905, Bd. 3. SS. 413—437. По поводу De mortibus persecutorum — pp. 462—467. Лучшая работа о Лактанции, *R. Pichon.* Lactance. Étude sur le mouvement philosophique

Христианская литература этого времени представлена многими известными авторами, однако языческая литература не очень сильно отставала. Среди ее представителей также было немало талантливых и интересных личностей, одним из которых был Фемистий из Пафлагонии, живший во второй половине IV века. Он был философски образованным руководителем Константинопольского университета,* придворным оратором и сенатором, весьма уважаемым язычниками и христианами. Он написал большое сочинение «Парафразы Аристотеля», в котором предполагал сделать более ясными самые сложные идеи греческого философа. Он также является автором примерно сорока речей, которые дают много информации о важных событиях эпохи, также как и о его собственной жизни. Крупнейшим из всех языческих риторов IV века был Либаний из Антиохии, который более чем кто-либо другой оказал влияние на своих современников. Среди его учеников был Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Назианзин. Его лекции с большим энтузиазмом изучались также молодым Юлианом до его восшествия на престол. Большой интерес представляют 65 публичных речей Либания, которые дают обильный материал о внутренней жизни эпохи. Не меньшее значение представляют его письма, которые по богатству содержания и замечательному духу могут быть сопоставлены с письмами Синезия из Кирены.

Император Юлиан был весьма яркой фигурой в интеллектуальной жизни IV века и, несмотря на краткость своей карьеры, он ясно показал свой талант в разных областях литературы. Речи Юлиана, отражающие его темные философские и религиозные спекуляции, такие как обращение к «Царю Солнцу»; его письма, сочинение «Против христианства», сохранившееся только во фрагментах, сатирический «Мисопогон» («Ненавистник бороды»), написанный против антиохийцев, важный как биографический источник, — все это показывает Юлиана как талантливого писателя,

---

et religieux sous le regne de Constantin. Paris, 1901. Новейшая библиография о Лактанции есть в следующем сочинении: *K. Roller*. Die Kaisergeschichte in Laktanz De mortibus persecutorum. Английский перевод — *W. Fletcher*. Ante-Nicene Christian Library. Edinbourgh, 1871, pp. XXI—XXII. (Сочинение К. Роллера в сводной библиографии у А. А. Васильева отсутствует. Если следующее далее указание об английском переводе Флетчера относится к библиографии К. Роллера, то не ясно, как можно называть ее новейшей, даже исходя из времени жизни А. А. Васильева. — *Науч. ред.*)

* А. А. Васильев называет его «director of the school of Constantinople», однако даже из контекста видно, что речь идет не просто о школе, а именно о высшей школе, университете Константинополя, открытом при Феодосии.

[1] Жители Антиохии смеялись над бородой Юлиана.

историка, сатирика и моралиста. Особо следует подчеркнуть теснейшую связь его сочинений с насущными проблемами времени. Ранняя и внезапная смерть этого молодого императора воспрепятствовала полному развитию его необычного гения.

Языческая литература IV—V веков представлена также многими писателями в области собственно истории. Среди наиболее значительных был автор широко известного сборника биографий римских императоров, написанный по-латински в IV веке и известный под названием Scriptores Historiae Augustae («Писатели истории августов»). Автор, время создания и историческое значение сборника — все это является предметом дискуссий, породивших огромное количество литературы.[1] В 1923 году один английский историк писал: «Время и усилия, проведенные над историей августов... ошеломляют, однако результат этих усилий — насколько вообще возможно практическое использование результатов для истории (as far as any practical use for history goes) — равен нулю».[2] Н. Бейнз недавно сделал интересную попытку доказать, что этот сборник был написан при Юлиане Отступнике с определенной целью — пропаганды в пользу Юлиана, его администрации, его религиозной политики.[3] Эта точка зрения не была принята исследователями.[4]

Приск Фракийский, историк V века и участник посольства к гуннам, был другим автором, сделавшим существенный вклад в описание событий эпохи. Его «Византийская история», которая сохранилась во фрагментах, и его информация об обычаях гуннов весьма интересны и ценны. Приск на деле был основным источником по истории Аттилы и гуннов для латинских историков VI века — Кассиодора и Иордана. Зосим, живший в V веке и в начале VI, написал «Новую историю», изложение событий в которой доведено до осады Аларихом Рима в 410 году. Ревностный почитатель старых богов, он объяснял упадок Римской империи гневом богов, оставленных римлянами. Наибольшую критику у него вызывает Константин Великий. Его мнение о Юлиане было весьма высоким. Согласно современному исследователю, Зосим является

---

[1] См., например: *Schanz*. Geschichte der romischen Literatur... Bd. III, SS. 83—90; *A. Gercke, E. Norden*. Einleitung in die Altertumswissenschaft. Leipzig; erlin, 1914, Bd. 3, SS. 255—256; *A. Rosenberg*. Einleitung und Quellenkunde zur romischen Geschichte. Berlin, 1921, SS. 231—241.

[2] *B. Henderson*. The Life and Principate of the Emperor Hadrian. London, 1923, p. 275.

[3] *N. Baynes*. The Historia Augusta: Its Date and Purpose. Oxford, 1926, pp. 57—58. На страницах 7—16 — очень хорошая библиография. Автор начинает свою книгу с цитированного выше отрывка из Хендерсона.

[4] *N. Baynes*. The Historia Augusta: Its Date and Purpose. A Reply to Criticism. — The Classical Quarterly, vol. XXII, 1928, p. 166. Сам автор замечает, что его предположение имеет в целом «слабую базу».

не только историком «упадка Рима», но также и теоретиком республики, которую он защищает и прославляет. Он — единственный «республиканец» V века.[1]

Аммиан Марцеллин, сирийский грек родом из Антиохии, писал свои «Деяния» (Res Gestae) — историю Римской империи на латинском языке — в конце IV века. Он стремился быть продолжателем истории Тацита, начиная свою историю от времени Нервы до смерти Валента (96—378). Сохранились только последние восемнадцать книг его сочинений,* охватывающие период 353—378 годов. Автор воспользовался собственным суровым военным опытом во время кампаний Юлиана против персов и дал первостепенное по значению описание современных ему событий. Хотя он оставался язычником до конца жизни, Аммиан проявлял большую терпимость к христианству. Его сочинение является важным источником для времени от Юлиана до Валента, а также для готской истории и ранней истории гуннов. Его литературные способности были весьма высоко оценены сегодняшними исследователями. Э. Штайн называл его величайшим литературным гением в мире между Тацитом и Данте,[2] а Н. Бейнз называл его последним великим историком Рима.[3]

Афины, город угасающей классической мысли, были в V веке домом последнего выдающегося представителя неоплатонизма — Прокла из Константинополя, который преподавал и писал там в течение долгих лет. Афины были также местом рождения жены Феодосия II Евдокии (Афинаиды), которая обладала определенными литературными способностями и написала некоторое количество произведений.

Западноевропейская литература этого времени, которая была блистательно представлена замечательными сочинениями Августина и некоторыми другими талантливыми писателями в прозе и поэзии, здесь не рассматривается.

После перенесения столицы в Константинополь, латинский все еще оставался официальным языком империи в IV и V веках. Он использовался во всех императорских декретах, собранных в Кодексе Феодосия, также как и в позднейших декретах V и начала VI веков. Однако в повседневном процессе обучения в константинопольской высшей школе во времена Феодосия II отмечается упа-

---

[1] *E. Condurachi.* Les idees politiques de Zosime. — Rivista classica, vol. XIII—XIV, 1941—1942, p. 125, 127.

* А. А. Васильев здесь невольно ошибается. Из тридцати одной книги труда Аммиана Марцеллина до нас дошли книги 14—31, то есть семнадцать книг.

[2] *E. Stein.* Geschichte des spatromisches Reiches, Bd. I, S. 331.

[3] См.: JRS, vol. XVIII, 2, 1928, p. 224.

док господства латинского языка и явное предпочтение греческому, который был вообще-то (after all) наиболее широко распространенным разговорным языком в восточной половине империи. Греческие традиции поддерживались также афинской языческой школой.

Время от IV до VI века было периодом, когда разные элементы постепенно смешивались в новое искусство, которое носит имя византийского или восточно-христианского. По мере того как историческая наука все глубже исследует корни этого искусства, все более становится ясно, что Восток и его традиции играли ведущую роль в развитии византийского искусства. В конце девятнадцатого века немецкие исследователи выдвинули теорию о том, что искусство Римской империи (Romische Reichskunst), которое развивалось на Западе в течение первых двух веков существования империи, заменило старую эллинистическую культуру Востока, которая была в состоянии упадка, и, так сказать, заложило краеугольный камень христианского искусства IV и V веков. В настоящее время эта теория отвергнута. С момента появления в 1900 г. знаменитого труда Д. В. Айналова «Эллинистическое происхождение византийского искусства» и в 1901 году замечательного труда австрийского ученого Й. Стржиговского (J. Stržygowski) «Восток или Рим» проблема происхождения византийского искусства приобрела совершенно новые формы. Считается теперь точно установленным, что основная роль в развитии восточно-христианского искусства принадлежит Востоку и проблема заключается только в определении, что следует понимать под терминами «Восток» и «восточные влияния». В большом количестве будящих мысль (stimulating) сочинений неутомимый Стржиговский доказывал огромное влияние, оказанное древним Востоком. Сперва он искал центр этого влияния в Константинополе, потом он обратился к Египту, Малой Азии и Сирии и, двигаясь далее на восток и север, он дошел до пределов Месопотамии и искал истоки основных влияний на плато и горах Алтая-Ирана и в Армении. Он утверждал: «Чем Эллада была для искусства античности, тем Иран был для искусства нового христианского мира».[1] Он обращался также к Индии и китайскому Туркестану для дальнейшего изучения проблемы. Признавая его большие заслуги в поисках истоков византийского искусства, современная историческая наука до сих пор с большой осторожностью подходит к его новейшим гипотезам.[2]

IV век был очень важным периодом в истории византийского искусства. Новый статус христианской веры в Римской империи,

---

[1] Ursprung der christlichen Kirchenkunst. Leipzig, 1920, S. 18.

[2] См., например: *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin. Paris, 1925, vol. I, p. 16—21; *O. Dalton.* East Christian Art. Oxford, 1925, pp. 10—23 и особенно 366—376.

сперва как легальной, позже — как государственной религии, ускорил развитие христианства. Три элемента — христианство, эллинизм и Восток — встретились в IV веке, и из их союза выросло то, что известно под именем восточно-христианского искусства.

Будучи политическим центром империи, Константинополь постепенно стал также интеллектуальным и артистическим центром государства. Случилось это не сразу. «В Константинополе не было никакой установившейся ранее культуры, которая позволила бы сопротивляться натиску экзотических сил. Константинополь вынужден был прежде всего взвешивать и поглощать новые влияния, задача, которая требовала по меньшей мере сотни лет».[1]

Сирия и Антиохия, Египет, ведомый Александрией, и Малая Азия, отражая в своей художественной жизни влияния более древних традиций, оказывали весьма сильное и благотворное влияние на развитие восточно-христианского искусства. Сирийская архитектура процветала на протяжении IV, V и VI веков. Блистательные церкви Иерусалима и Вифлеема, а также некоторые церкви Назарета, были возведены в годы правления Константина Великого. Необычная пышность отличала церкви Антиохии и Сирии. «Антиохия, как центр блистательной культуры, естественно оказалась лидером христианского искусства в Сирии».[2] К сожалению, длительное время доступных сведений об искусстве Антиохии было очень мало и лишь недавно красота и значение памятников культуры в городе стали известны лучше.[3] «Мертвые города» центральной Сирии, открытые в 1860 и 1861 годах М. де Вогюэ, дают известное представление о том, что представляла собой христианская архитектура IV, V и VI веков. Одним из наиболее замечательных памятников конца V века является монастырь св. Симеона Столпника, расположенный между Антиохией и Алеппо и до сих пор производящий впечатление своими величественными руинами.[4] Хорошо известный фриз из Мшатты, к востоку от Иордана (теперь в Берлине, в Kaiser Friedrich Museum), очевидно, также является произведением IV, V или VI веков.[5] К началу V века относится красивая базилика в Египте, возведенная императором Аркадием

---

[1] *O. Dalton.* Byzantine Art and Archaeology. Oxford, 1911, p. 10.

[2] *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin, vol. I, p. 26.

[3] См., например: *C. R. Morey.* The Mosaics of Antioch. New York, 1932.

[4] См. план и иллюстрации у Диля: Manuel d'art byzantin, vol. I, pp. 36—37, 45—47. *J. Mattern.* A travers les villes mortes de Haute-Syrie. — MUSJ, vol. XVII, 1, 1933, p. 175; о святилище св. Симеона — pp. 87—104; много иллюстраций. Отдельное издание: *J. Mattern.* Villes mortes de Haute-Syrie. Beyrouth, 1944, pp. 115—138.

[5] О вариантах датировки см.: *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin, vol. I, p. 53; *O. Dalton.* East Christian Art, p. 109, note 1.

над могилой Мины, известного египетского святого. Руины базилики были недавно раскопаны и изучены Кауфманом.[1] В области мозаик, портретного искусства, текстиля (узорчатый шелк раннехристианского времени) и так далее, существует множество интересных образцов ранневизантийского времени.

Городские стены, которые окружали Константинополь в V веке, сохранились до наших дней. Золотые Ворота (Porta Aurea), через которые императоры официально въезжали в город, были построены в конце IV века или в начале V в. Замечательные благодаря своему архитектурному великолепию, они существуют до сих пор.

С именем Константина связано возведение церквей св. Ирины и Церкви Апостолов в Константинополе. Св. София, возведение которой могло начаться в это время, была завершена при его сыне Констанции. Эти церкви были перестроены в VI веке Юстинианом. В V веке другая церковь украсила новую столицу — базилика св. Иоанна Студита, ныне мечеть Мир-Ачор джами (Mir-Achor djami).

Некоторое количество памятников ранневизантийского искусства сохранилось в западных областях империи. Среди них несколько церквей в Фессалонике (Салониках); дворец Диоклетиана в Салонах (ныне Сплит) в Далмации (начало IV века), несколько живописных изображений в церкви S. Maria Antiqua в Риме, относящихся, очевидно, к концу V века;[2] мавзолей Галлы Плацидии и православный баптистерий в Равенне (V век); а также некоторые памятники в Северной Африке.

В истории искусства период IV и V веков можно рассматривать как подготовительный период к эпохе Юстиниана Великого, когда «столица достигла полного самосознания и приняла на себя руководящую роль», эпохе, которую справедливо описывали как первый золотой век византийского искусства.[3]

[1] *C. M. Kaufmann.* Die Menasstadt. Leipzig, 1910.
[2] *O. Dalton.* East Christian Art, p. 249; ср. также: *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin, vol. I, p. 352.
[3] *O. Dalton.* Byzantine Art and Archaeology, p. 10.

ГЛАВА 3

Юстиниан Великий и его ближайшие преемники (518—610)

Как во внешней, так и в религиозной политике преемники Анастасия пошли по иному пути, перенеся центр тяжести с Востока на Запад. Государями за время с 518 по 610 год были следующие лица: один из начальников гвардии (экскувиторов),[1] необразованный Юстин I Старший, случайно избранный на престол после смерти Анастасия (518—527); после него знаменитый его племянник Юстиниан I Великий (527—565), а за ним племянник последнего Юстин II Младший (565—578). С именами Юстина и Юстиниана связан вопрос об их славянском происхождении, которое в течение долгого времени признавалось очень многими за исторический факт. Основанием для этого взгляда послужило напечатанное в начале XVII века ученым книгохранителем Ватиканской библиотеки Николаем Алеманном жизнеописание императора Юстиниана, составленное каким-то аббатом Феофилом, наставником Юстиниана. В этом житии приведены были для Юстиниана и его родни особые имена, которыми они назывались на родине и которые являлись, по мнению лучших славистов, славянскими; так, например, Юстиниан назывался Управдой. Рукопись, которой пользовался Алеманн, была найдена и исследована в конце XIX века (1883 г.) английским ученым Брайсом, который показал, что данная рукопись, будучи составлена в начале XVII века, носит легендарный характер и исторической ценности не имеет. Таким образом, теперь теория о славянском происхождении Юстиниана должна быть отброшена.[2] На основании источников, Юстина и Юстиниана можно считать иллирийцами, может быть, албанцами. Во всяком случае, Юстиниан родился в одной из деревень верхней Македонии, недалеко от современного Ускюба, на границе Албании. Некоторые

---

[1] Экскувиторы представляли собой подразделение дворцовой охраны.

[2] *J. Bryce*. Life of Justinian by Theophilus. — Archivio della Reale Societa Romana di Storia Patria, t. X, 1887, pp. 137—171; см. также — English Historical Review, vol. II, 1887, pp. 657—684.

ученые производят семью Юстиниана от римских колонистов в Дардании, т. е. в верхней Македонии.[1] Итак, первые три императора эпохи были иллирийцами, или албанцами, хотя, конечно, романизованными. Их родным языком был латинский.

Слабоумный, не имевший детей Юстин II усыновил и сделал кесарем начальника гвардии, фракийца Тиверия. По этому случаю он произнес весьма интересную речь, которая произвела глубокое впечатление на современников своим искренним тоном и покаянием. Ввиду того, что речь была стенографирована писцами, она сохранилась в оригинале.[2] После смерти Юстина II Тиверий правил как Тиверий II (578—582). Со смертью последнего окончилась династия Юстиниана. После него правил муж дочери Тиверия, Маврикий (582—602). Источники по-разному говорят о его происхождении: одни считают родиной Маврикия и его семьи отдаленный каппадокийский город Арависс,[3] другие, называя его каппадокийцем, считают первым греком на византийском престоле.[4] Одно другому не противоречит, и, может быть, Маврикий был, действительно, первым византийским императором-греком, родом из Каппадокии.[5] Встречается еще традиция, выводящая род Маврикия из Рима.[6] Ю. А. Кулаковский считает вероятным армянское происхождение Маврикия на том основании, что туземное население Каппадокии составляли армяне.[7] Последним императором нашего периода был свергнувший Маврикия тиран, фракиец Фока (602—610).*

---

[1] *C. Jireček.* Geschichte der Serben. Gotha, 1911, Bd. I, S. 36; *J. B. Bury.* A History of the Later Roman Empire. London, 1889, vol. II, p. 18, note 3. О происхождении Юстиниана см.: *А. А. Васильев.* Вопрос о славянском происхождении Юстиниана. — Византийский временник, т. I, 1894, с. 469—492. О происхождении Юстиниана имеется множество статей.

[2] Текст речи воспроизведен Феофилактом Симокаттой — III, 11; Евагрием — Hist. eccl., V. 13; Иоанном Эфесским — Hist. eccl., III, 5. Интересная статья по поводу этой речи написана русским исследователем В. Вальденбергом. Он полагает, что тексты, сохраненные этими тремя авторами, представляют собой три разные версии одной и той же речи. См.: *В. Э. Вальденберг.* Речь Юстина II к Тиверию. — Известия АН СССР, 1928, № 2, с. 129. Английский перевод есть у Бьюри: A History of the Later Roman Empire, vol. II, pp. 77—78.

[3] *Evagr.* Hist. eccl., V, 19; *Iohan. Ephes.* Hist. eccl., V, 21.

[4] *Pauli Diaconi* Historia Langobardorum, III, 15.

[5] *E. Stein.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus. Stuttgart, 1919, S. 100, Anm. 2.

[6] *Evagr.* Hist. eccl., V. 19.

[7] *Ю. А. Кулаковский.* История Византии. СПб., «Алетейя» 1996, т. II, с. 338.

* В тексте русской версии (с. 124) есть фраза, исключенная А. А. Васильевым из последующих изданий. Между тем она представляется важ-

Юстин I

Сразу же после прихода к власти Юстин I отошел от религиозной политики своих предшественников, окончательно присоединившись к последователям Халкидонского собора и начав период суровых преследований монофизитов. Мирные отношения установились с Римом, и разногласия между восточной и западной церковью, восходящие к Энотикону Зенона, пришли к концу. Религиозная политика императоров этого времени была основана на православии. Это еще более отдалило восточные провинции. Весьма интересный в связи с этим намек на мягкость появляется в письме, адресованном папе Гормизде в 520 г., написанном племянником Юстина Юстинианом, влияние которого чувствовалось с первого года правления его дяди. Он тактично предлагал мягкость к несогласным: «Вы сможете привести к миру народ Господа нашего не преследованиями и кровопролитиями, но терпением, чтобы, желая завоевать души, мы не теряли бы тела многих людей, как и души. Подобает исправлять длительные ошибки с мягкостью и снисхождением. Тот доктор справедливо восхваляется, кто страстно стремится вылечить старые болезни таким образом, чтобы от них не произошли бы новые раны».[1] Более всего интересно слышать такие советы от Юстиниана, который в последующие годы не часто им следовал.

На первый взгляд, известная несообразность проявляется во взаимоотношениях Юстина с далеким эфиопским царством Аксума. В своей войне с царем Йемена, защитником иудаизма, эфиопский царь с эффективной помощью Юстина и Юстиниана обрел сильную поддержку в Йемене, расположенном на юго-западе Аравии, по другую сторону Баб-эль-Мандебского пролива, и восстановил христианство в этой стране. Мы в первый момент удивлены, видя как православный Юстин, который принял халкидонитскую доктрину и начал наступление против монофизитов в своей собственной империи, поддерживает монофизитского эфиопского царя. Однако за официальными границами империи византийский император поддерживал христианство в целом, вне зависимости от совпадения или несовпадения с его собственными религиозными догмами. С внешнеполитической точки зрения, византийские императоры рассматривали каждое завоевание для христианства как важное политическое и, возможно, экономическое завоевание (advantage).

ной и принципиальной, ибо сходным образом завершаются у него все краткие характеристики императоров той или иной эпохи. А. А. Васильев писал: «Таким образом, если не считать Маврикия, который, вероятно, был греком, остальные императоры VI века являлись романизованными варварами-иллирийцами и фракийцами».

[1] Collectio Avellana, n° 106. — Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum, t. XXXV, 1895, pp. 655—656.

Это сближение между Юстином и эфиопским царем имело весьма необычное отражение в позднейшие времена. В Эфиопии в XIV веке был составлен один из важнейших памятников эфиопской литературы — Кебра Нагаст — «Слава Царей», содержащий весьма интересный сборник легенд. Он провозглашает, что эфиопская царствующая династия ведет свою генеалогию вглубь веков, ко времени Соломона и царицы Савской. И в наши дни Эфиопия утверждает, что управляется старейшей династией в мире. Эфиопы, согласно Кебра Нагаст, являются избранным народом, новым Израилем; их царство значительнее (higher) Римской империи. Два царя, Юстин, царь Рима, и Калеб, царь Эфиопии, встретились в Иерусалиме и разделили Землю между собой. Эта весьма интересная легенда ясно показывает глубокое впечатление, которое произвела на эфиопскую историческую традицию эпоха Юстина I.[1]

Царствование Юстиниана и Феодоры

Преемником Юстина был знаменитый его племянник Юстиниан (527—565), являющийся центральной фигурой всего данного периода.

С именем Юстиниана неразрывно связано имя его царственной супруги Феодоры, одной из самых интересных и талантливых женщин в византийском государстве. «Тайная история», принадлежащая перу Прокопия, историка эпохи Юстиниана, рисует в сгущенных красках развратную жизнь Феодоры в ее юные годы, когда она, происходя из низов общества (отец ее был сторожем медведей в цирке), в морально нездоровой обстановке тогдашней сцены превратилась в женщину, дарившую многих своей любовью. Природа наделила ее красотой, грацией, умом и остроумием. По словам одного историка (Диля), «она развлекала, чаровала и скандализировала Константинополь».[2] Честные люди, встретив Феодору на улице, рассказывает Прокопий, сворачивали с дороги, чтобы прикосновением не осквернить своего платья.[3] Но все грязные подробности о юной поре жизни будущей императрицы должны быть принимаемы с большой осторожностью, как исходящие от Прокопия, который в своей «Тайной истории» задался целью очернить Юстиниана и Феодору. После столь бурной жизни она на некоторое время исчезает из столицы в Африку. По возвращении в Константинополь Феодора уже не была прежней легкомысленной

---

[1] См.: *A. A. Vasiliev*. Justin I (518—527) and Abyssinia. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXXIII, 1933, SS. 67—77. См. также: *A. A. Vasiliev*. Justin I (518—527): An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge (Mass.), 1950, pp. 299—302.

[2] *Ch. Diehl*. Figures byzantines. Paris, 1909, vol. I, p. 56.

[3] *Procop*. Hist. arc., 9, 25.

актрисой: она, оставив сцену, вела уединенную жизнь, интересуясь церковными вопросами и занимаясь пряжей шерсти. В это время ее увидел Юстиниан. Красота Феодоры поразила его. Увлеченный император приблизил ее ко двору, пожаловал званием патрикии и вскоре женился на ней. Со вступлением Юстиниана на престол она сделалась императрицей Византии. В своей новой роли Феодора оказалась на высоте положения: оставаясь верной женой, она интересовалась государственными делами, умела в них разбираться и влияла в этом отношении на Юстиниана. В восстании 532 года, о чем будет речь ниже, Феодора играла одну из главных ролей; она своим хладнокровием и энергией, может быть, спасла государство от дальнейших потрясений. В своих религиозных симпатиях она открыто стояла на стороне монофизитов, в противоположность колеблющейся политике супруга, который большую часть своего долгого царствования, при некоторых уступках в пользу монофизитства, держался, главным образом, православия. В последнем случае Феодора лучше Юстиниана понимала значение для Византии восточных монофизитских провинций, в которых заключалась живая сила для империи, и хотела вступить на путь примирения с ними. Феодора умерла от рака в 548 году задолго до смерти Юстиниана.[1] На известной равеннской мозаике VI века в церкви св. Виталия Феодора изображена в царском облачении, окруженная своим штатом. Церковные историки, ее современные и позднейшие, сурово относились к личности Феодоры. Тем не менее в нашем месяцеслове под 14 ноября мы читаем: «Успение правоверного царя Юстиниана и память царицы Феодоры».[2] Она похоронена в церкви Св. Апостолов.

Внешняя политика Юстиниана и его идеология. Многочисленные войны Юстиниана были частью наступательными, частью оборонительными. Первые велись с варварскими германскими государствами западной Европы, вторые с Персией на востоке и со славянами на севере.

Главные силы были направлены императором на Запад, где военные операции византийских войск сопровождались внешним блестящим успехом. Вандалы, остготы и отчасти вестготы должны были подчиниться императору. Средиземное море превратилось почти в византийское озеро. В своих указах Юстиниан называл себя Цезарем Флавием Юстинианом Аламанским, Готским, Франкским, Германским, Антским, Аланским, Вандальским, Африканским. Но эта

---

[1] *Victoris Tonnensis* Chronica, s. a. 549 (Chronica Minora, ed. Th. Mommsen, vol. II, p. 202): Theodora Augusta Chalcedonis synodi inimica canceris plaga corpore toto perfusa vitam prodigiose finivit.

[2] *Архимандрит Сергий* <Спасский>. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901, т. 2, с. 354.

блестящая внешность имела свою обратную сторону. Успехи были куплены слишком дорогой ценой и повлекли за собой материальное истощение страны. Вследствие переброски войск на запад, восток и север были открыты для нападения персов, славян и гуннов.

Главным врагом, с точки зрения Юстиниана, были германцы. Таким образом, германский вопрос снова встал в VI веке перед Византией; но разница была в том, что в V веке германцы теснили империю, в VI веке империя теснила германцев.

Юстиниан вступил на престол с идеями императора римского и христианского. Видя в себе наследника римских цезарей, он считал своим священным долгом восстановить единую империю в пределах I—II века. Как император христианский, он не мог допустить, чтобы германцы-ариане притесняли православное население. Константинопольские государи, являясь законными наследниками цезарей, имели исторические права на Западную Европу, занятую варварами. Германские короли были лишь вассалами византийского императора, который делегировал им власть. Франкский король Хлодвиг получил звание патриция от Анастасия; от него же получил свое королевское утверждение Теодорих остготский. Юстиниан, решив начать войну с готами, писал: «Готы, захватив силой нашу Италию, решили ее не отдавать».[1] Он остается естественным сюзереном всех правителей, обосновавшихся в пределах Римской империи. Как император христианский, Юстиниан получил миссию насаждать правую веру среди неверных; будут ли то еретики или язычники. В IV веке Евсевий Кесарийский в своей «Похвале Константину», писал, что после того как восторжествовавшее христианство разъясняло творение демонов, т. е. ложных богов, языческие государства отжили свое время. «Единый Бог возвещен всем; вместе с тем единая империя явилась для всех: это — империя Римская... В одно и то же время, как бы небесной волей, два зерна добра возрасли для людей: это Римская империя и христианская вера. Вышедши как бы из одного корня две великих силы сразу все подчинили и соединили узами любви: это — единодержавная Римская империя и учение Христа». Эта теория IV века жила и в VI веке. Из нее для Юстиниана вытекало обязательство воссоздать единую Римскую империю, которая, по словам одной его новеллы,[2] доходила прежде до двух океанов и которую римляне по небрежности потеряли, и установить в воссозданной империи единую христианскую веру как среди схизматиков, так и среди язычников. Такова была идеология Юстиниана, заставлявшая этого всеобъемлющего политика и крестоносца мечтать о подчинении всего известного тогда мира.

---

[1] *Procop.* De bello gothico, I, 5, 8.
[2] *Justiniani* Novellae Constitutiones, № 30 (44), II.

Но надо помнить, что обширные притязания императора на отторгнутые части Римской империи не были исключительно его личным убеждением. Подобные притязания казались естественными и населению занятых варварами провинций, которые, попав в руки ариан, видели единственного защитника в лице Юстиниана. Положение Северной Африки при вандалах было особенно тяжело; они открыли суровые преследования против православного туземного населения, заточали жителей и представителей духовенства в тюрьмы, конфисковывали имущество. Беженцы и изгнанники из Африки, среди которых немало было православных епископов, приезжали в Константинополь и умоляли императора выступить в поход против вандалов, обещая всеобщее восстание туземцев.

Аналогичное настроение замечается и в Италии, где туземное православное население, несмотря на продолжительную религиозную терпимость Теодориха и на его любовь к римской цивилизации, продолжало хранить тайное недовольство и также обращало свои взоры на Константинополь, ожидая оттуда помощи, избавления от пришельцев и восстановления православной веры.

Но еще интереснее то, что сами варварские короли поддерживали честолюбивые стремления императора. Они выказывали знаки глубокого уважения к империи, заискивали перед императором, добивались всеми силами римских почетных званий, выбивали свои монеты с изображением императора и т. д. По выражению французского византиниста Диля,[1] они охотно повторили бы слова того вестготского вождя, который говорил: «Да. Император есть Бог на земле, и всякий, кто поднимет на него руку, должен заплатить за это преступление своею кровью».[2]

Несмотря на благоприятное для императора настроение в Африке и Италии, предпринятые им против вандалов и остготов войны оказались в высшей степени трудными и продолжительными.

Войны с вандалами, остготами и вестготами; их результаты. Персия. Славяне

Вандальская экспедиция представлялась чрезвычайно трудной. Надо было перевезти морем в Северную Африку многочисленную армию, которая должна была вступить в борьбу с народом, обладавшим сильным флотом и в середине V века уже разорившим Рим. Кроме того, переброска крупных сил на Запад должна была отразиться на восточной границе, где Персия, наиболее опасный враг империи, вела с последней постоянные пограничные войны.

---

[1] Justinien et la civilisation byzantine au VIe siecle. Paris, 1901, p. 137.
[2] *Jordanis* Getica, XXVIII.

Историк сообщает интересный рассказ о совете, на котором впервые обсуждался вопрос об африканской экспедиции.[1] Наиболее верные советники императора высказывали сомнение в исполнимости задуманного предприятия и считали его опрометчивым. Сам Юстиниан уже начинал колебаться и только, в конце концов, оправившись от кратковременной слабости, настоял на первоначальном своем плане. Экспедиция была решена. К тому же в это время в Персии произошла смена правителей, и Юстиниану удалось в 532 году с новым государем заключить «вечный» мир на унизительных для Византии условиях ежегодной уплаты персидскому царю крупной суммы денег. Последнее обстоятельство позволяло Юстиниану с большей свободой действовать на западе и юге. Во главе многочисленной армии и флота был поставлен талантливый полководец Велизарий, главный помощник в военных предприятиях императора, незадолго перед тем усмиривший большое внутреннее восстание «Ника», о котором речь будет ниже.

Надо сказать, что к тому времени вандалы и остготы уже не являлись теми страшными врагами, какими они были раньше. Попав в условия необычного для них расслабляющего южного климата и столкнувшись с римской цивилизацией, они довольно быстро потеряли свою прежнюю энергию и силу. Известное уже нам арианство германцев ставило их в натянутые отношения с туземным римским населением. Восставшие берберские племена также немало ослабляли вандалов. Юстиниан прекрасно учел создавшееся положение: он при помощи умелой дипломатии обострял их внутренние раздоры и был уверен, что германские государства никогда не выступят против него сообща, так как остготы находились в ссоре с вандалами, православные франки враждовали с остготами, а слишком далекие, жившие в Испании вестготы не смогут серьезно вмешаться в эту борьбу. Юстиниан поэтому надеялся разбить врагов поодиночке.

Вандальская война продолжалась с некоторыми перерывами с 533 по 548 год.[2] В начале Велизарий в самый короткий срок рядом блестящих побед подчинил вандальское государство, так что торжествующий Юстиниан объявил, что «Бог, по своему милосердию, предал нам не только Африку и все ее провинции, но и возвратил нам императорские украшения, которые, после взятия Рима (вандалами), были ими унесены».[3] Думая, что война закончена, им-

---

[1] *Procop.* De bello vandalico, I, 10.

[2] См.: *Ch. Diehl.* L'Afrique byzantine. Paris, 1896, pp. 3—33, 333—381. *Ch. Diehl.* Justinien et la civilisation byzantine du VI[e] siecle. Paris, 1901, pp. 173—180; *W. Holmes.* The Age of Justinian and Theodora. London, 1912, vol. II, pp. 489—526; *J. B. Bury.* A History of the Later Roman Empire... vol. II, pp. 121—148.

[3] Codex Justinianus, vol. I, 27, 1, 7.

ператор отозвал Велизария с большей частью войска в Константинополь. Тогда в Северной Африке вспыхнуло ожесточенное восстание берберов, с которым оставленному оккупационному корпусу было очень трудно бороться.

Преемник Велизария Соломон был полностью разбит и убит. Изнурительная война продолжалась до 548 года, когда императорская власть была полностью восстановлена решительной победой Иоанна Троглиты, как дипломата, так и талантливого генерала. Третий герой императорской оккупации Африки, он поддерживал там полное спокойствие примерно четырнадцать лет. Его деяния рассказаны современником, африканским поэтом Кориппом в его историческом произведении «Иоаннея».[1]

Эти победы не вполне соответствовали надеждам и планам Юстиниана, так как западная часть ее до Атлантического океана воссоединена не была, за исключением сильной крепости Септем (Septem) на проливе Геркулесовы Столпы (теперь испанская крепость Сеута — Ceuta). Но тем не менее большая часть Северной Африки, Корсика, Сардиния и Балеарские острова подчинились Юстиниану, который положил немало труда на водворение порядка в завоеванной стране. Еще в настоящее время величественные развалины многочисленных византийских крепостей и укреплений, возведенных Юстинианом в Северной Африке, свидетельствуют о кипучей деятельности, проявленной императором для защиты страны.

Еще более изнурительна была остготская кампания, продолжавшаяся с перерывами с 535 по 554 год. Из этих хронологических дат видно, что эта война велась в продолжение первых тринадцати лет одновременно с вандальской войной. Вмешавшись во внутренние раздоры остготов, Юстиниан открыл военные действия. Одна армия начала завоевание входившей в состав остготского государства Далмации; другая армия, посаженная на суда и имевшая во главе Велизария, без труда заняла Сицилию и, перенеся военные действия в Италию, завоевала Неаполь и Рим. Вскоре после этого столица остготов Равенна открыла ворота Велизарию. Их король был перевезен в Константинополь. Юстиниан к своему титулу «Африканский и Вандальский» прибавил «Готский». Казалось, что Италия окончательно покорена Византией.

В это время у остготов появился энергичный и талантливый король Тотила, последний защитник остготской самостоятельности. Он быстро восстановил дела остготов. Одно за другим византийские завоевания в Италии и на островах переходили в руки остготов. Несчастный Рим, переходивший несколько раз из рук в руки, превратился в груду развалин. После стольких неудач Велизарий

---

[1] См.: *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. II, p. 147.

был отозван из Италии. Дела поправил другой выдающийся византийский полководец Нарзес, который рядом искусных действий сумел победить готов. Армия Тотилы была разбита в битве при Busta Gallorum в Умбрии. Сам Тотила бежал, но напрасно.[1] «Его окровавленные одежды и шлем, украшенный драгоценными камнями, который он носил, были доставлены Нарзесу, который послал их в Константинополь, где они были положены к ногам императора как видимое доказательство того, что врага, который так долго бросал вызов его власти, больше нет».[2] После двадцатилетней опустошительной войны, в 554 году, Италия, Далмация и Сицилия были воссоединены с империей. Прагматическая санкция, опубликованная в том же году Юстинианом, возвращала крупной земельной аристократии в Италии и церкви отнятые у них остготами земли и привилегии и намечала ряд мер для облегчения разоренного населения. Со времени остготской войны промышленность и торговля на долгие времена остановились в Италии, а из-за недостатка рабочих рук итальянские поля оставались необработанными. Рим превратился в заброшенный, разрушенный, не имевший политического значения центр, где приютился папа.*

Последнее завоевательное предприятие Юстиниана было направлено в год окончания остготской войны (554) против вестготов на Пиренейском полуострове. Но забывшие ввиду грозившей опасности свои внутренние распри вестготы дали сильный отпор византийскому войску и отстояли свою независимость. В руки Юстиниана отошел лишь юго-восточный угол полуострова с городами Карфагеном, Малагой и Кордовой. Его территория, в конечном счете, тянулась от мыса св. Винсента на западе за Карфаген на востоке.[3]

---

[1] Самое детальное описание битвы есть у Бьюри — A History of the Later Roman Empire... vol. II, pp. 261—269; 288—291.

[2] *Malalae* Chronographia, p. 486; *Theophanis* Chronographia, s. a. 6044, ed. C. de Boor, p. 228. См. также: *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. II, p. 268.

* В русской версии (с. 131) здесь есть одна фраза, которая не была включена А. А. Васильевым в последующие издания. Между тем она представляется важной: «Подобная запущенность и отсталость Рима как города является его характерной чертой вплоть до эпохи Возрождения».

[3] *Ch. Diehl*. Justinien et la civilisation byzantine... pp. 204—206; *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. II, p. 287; *Georgii Cyprii* Descriptio Orbis Romani, ed. H. Gelzer, pp. XXXII—XXXV; *F. Gorres*. Die byzantinischen Besitzungen an den Kusten des spanisch-westgothischen Reiches (554—624). — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XVI, 1907, S. 516. *E. Bouchier*. Spain under the Roman Empire. Oxford, 1914, pp. 54—55; *R. Altamira*. The Cambridge Medieval History, vol. II, pp. 163—164; *P. Goubert*. Byzance et l'Espagne wisigothique (554—711). — Études byzantines, vol. II, 1945, pp. 5—78.

С известными изменениями императорская провинция, таким образом установившаяся в Испании, просуществовала под властью Константинополя примерно семьдесят лет. Не вполне ясно, была ли эта провинция независимой, или же она зависела от наместника Африки.[1] Некоторое количество церквей и других архитектурных памятников византийского искусства было недавно открыто в Испании и, насколько можно судить, большой ценности они не имеют.[2]

В результате наступательных войн Юстиниана пространство его монархии, можно сказать, удвоилось: Далмация, Италия, восточная часть Северной Африки (часть современного Алжира и Тунис), юго-восток Испании, Сицилия, Сардиния, Корсика и Балеарские острова вошли в состав государства Юстиниана. Границы его простирались от Геркулесовых Столпов до Евфрата. Но несмотря на эти громадные успехи, разница между замыслами Юстиниана и действительными результатами была очень значительна: западную Римскую империю в ее целом ему возвратить не удалось. Вне его власти остались западная часть Северной Африки, Пиренейский полуостров, северные части остготского государства к северу от Альп (прежние провинции Реция и Норика). Вся Галлия не только осталась в полной независимости от Византии, но Юстиниан, ввиду угрозы со стороны франкского государства, даже согласился на уступку франкскому королю Прованса. Не надо также забывать, что на всем великом пространстве вновь завоеванной территории власть императора далеко не везде была одинаково крепка; на это у государства не хватало ни сил, ни средств. Между тем удержать эти территории можно было только силой. Поэтому блестящая внешность наступательных войн Юстиниана таила в себе зачатки серьезных грядущих затруднений как политического, так и экономического характера.

Оборонительные войны Юстиниана были гораздо менее удачны и временами очень унизительны по результатам. Эти войны велись с Персией на востоке и со славянами и гуннами на севере.

В VI веке существовали две «великих» державы: Византия и Персия, у которых уже издавна шли утомительные и кровопролитные войны на восточной границе. После «вечного» мира с Персией, о котором речь была выше и который развязал Юстиниану руки на западе, персидский царь Хосров Ануширван, т. е. Спра-

---

[1] *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. II, p. 287; *P. Goubert*. Byzance et l'Espagne... — Études byzantines, vol. II, 1945, pp. 76—77. (до 624 г.)

[2] См.: *J. Puigi i Cadafalch*. L'architecture religieuse dans le domaine byzantin en Espagne. — Byzantion, vol. I, 1924, p. 530.

ведливый, талантливый и искусный правитель, уводя честолюбивые замыслы императора на Запад, воспользовался ситуацией.[1]

Получив просьбу о помощи от теснимых остготов и имея всегда насущные вопросы в пограничных областях, он нарушил «вечный» мир и открыл военные действия против Византии.[2] Началась кровопролитная война с перевесом в сторону персов. Призванный из Италии Велизарий ничего не мог сделать. Хосров между тем вторгся в Сирию, взял и разорил Антиохию, этот, по словам Прокопия, «древний, знаменитый, самый богатый, большой, многолюдный и красивый город из всех римских городов на востоке»,[3] и дошел до берегов Средиземного моря. На севере персы воевали в прикавказских странах, с лазами (в Лазике, современном Лазистане), стараясь пробиться к Черному морю. Лазика находилась в то время в зависимости от Византии. Юстиниану после больших трудов удалось купить перемирие на пять лет за уплату крупной суммы денег. Но, в конце концов, бесконечные военные столкновения утомили и Хосрова. В 562 году между Византией и Персией был заключен мир на пятьдесят лет. Благодаря историку Менандру,[4] до нас дошли точные, подробные сведения о переговорах и об условиях самого мира. Император обязался ежегодно платить Персии очень большую сумму денег и выговорил у персидского царя религиозную терпимость для христиан, живших в Персии, но под непременным условием не вести в ней дальнейшей христианской пропаганды. Что было важно для Византии, это согласие персов очистить Лазику, прибрежную область на юго-востоке Черного моря. Другими словами, персам не удалось утвердиться на берегах Черного моря, которое осталось в полном распоряжении

---

[1] Э. Штайн очень высоко оценивал Хосрова, однако не только его, но и его отца Кавада, человека гениального. Он сравнивал Кавада с Филиппом Македонским и Фридрихом Вильгельмом I Прусским, людьми, чьи сыновья своими собственными успехами оттеснили в тень менее блистательные, но, возможно, более смелые свершения отцов, на основе которых они действовали сами. *E. Stein*. Ein Kapitel vom persischen und vom byzantinischen Staate. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher, Bd. I, 1920, S. 64.

[2] О персидских войнах при Юстиниане см.: *Ch. Diehl*. Justinien et la civilisation... pp. 208—217; *W. Holmes*. The Age of Justinian and Theodora... vol. II, pp. 365—419; 584—604; *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. II, pp. 9—123; *Ю. А. Кулаковский*. История Византии. СПб.: «Алетейя», т. II, 1996, с. 159—175.

[3] *Procop*. De bello pers., II, 8, 23.

[4] *Menandri* Excerpta, ed. B. G. Niebuhr. — Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae, 1829, pp. 346 ff. То же самое — Excerpta historica jussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta, ed. C. de Boor, vol. I, pp. 175 ff.

Византии. Последнее обстоятельство имело крупное политическое и торговое значение.[1]

Иной характер имели оборонительные войны на севере, т. е. на Балканском полуострове. Как было сказано выше, северные варвары, болгары и, по всей вероятности, славяне опустошали провинции полуострова еще при Анастасии. При Юстиниане славяне являются впервые под своим собственным именем (с к л а в и н ы у Прокопия). В его время славяне уже гораздо более густыми толпами и отчасти болгары, которых Прокопий называет гуннами, почти ежегодно переходят Дунай и углубляются далеко в византийские области, предавая огню и мечу проходимые местности. Они доходят, с одной стороны, до предместий столицы и проникают к Геллеспонту, с другой стороны, в Греции до Коринфского перешейка и к западу до берегов Адриатического моря. При Юстиниане же славяне уже показали свое стремление к берегам Эгейского моря и грозили Фессалонике (Солуни), второму после Константинополя в империи городу, который вместе со своими окрестностями вскоре сделается одним из центров славянства на Балканском полуострове. Императорские войска с громадным напряжением боролись со славянскими вторжениями и очень часто заставляли славян уходить снова за Дунай. Но уже почти наверняка можно сказать, что не все славяне уходили обратно; некоторые из них оставались, так как войскам Юстиниана, занятым на других театрах войны, было не под силу до конца доводить ежегодные операции на Балканском полуострове. Эпоха Юстиниана важна именно тем, что она на Балканском полуострове положила основание славянскому вопросу, который, как мы увидим ниже, к концу VI и началу VII века получит для Византии уже первостепенное значение.

Помимо славян, германцы-гепиды и кутургуры, народ, родственный гуннам, вторгались на Балканский полуостров с севера. Зимой 558—559 годов кутургуры во главе с их вождем Забергáном, заняли Фракию. Отсюда один отряд (one band) был направлен разорять Грецию, другой захватил Херсонес Фракийский, а третий, конный отряд, направился под предводительством самого Забергана на Константинополь. Страна была разорена. В Константинополе царила паника. Церкви захваченных областей отсылали свои сокровища в столицу или посылали их морем на азиатский берег Босфора. Юстиниан призвал Велизария спасать Константинополь в этой кризис-

---

[1] О деталях договора см.: *K. Guterbock*. Byzanz und Persien in ihren diplomatisch-volkerrectlichen Beziehungen im Zeitalter Justinians. Berlin, 1906, SS. 57—105; *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. II, pp. 120—123. Год договора — 562. См. также — *E. Stein*. Studien zur Gechichte des Byzantinischen Reiches... Stuttgart, 1919, SS. 2, 28, Anm. 3. У него год заключения договора — 561.

ной ситуации. Кутургуры были в конечном счете разбиты по всем трем направлениям их атак, однако Фракия, Македония и Фессалия понесли ужасный экономический урон от их вторжения.[1]

Гуннская опасность чувствовалась не только на Балканах, но и в Крыму,* который частично принадлежал империи. Здесь были знамениты тем, что сохраняли в течение веков в варварском окружении греческую цивилизацию, два города — Херсонес и Боспор. Эти города играли важную роль в торговле между империей и территорией современной России. В самом конце V века гунны захватили равнины полуострова и стали угрожать византийским владениям на полуострове, также как и маленькому готскому поселению вокруг Дори в горах, под византийским протекторатом. Под влиянием гуннской опасности Юстиниан построил и восстановил многие форты и возвел длинные стены, следы которых еще видны,[2] своего рода limes Tauricus, который обеспечивал эффективную защиту.[3]

Наконец, миссионерский пыл Юстиниана и Феодоры не обошел вниманием африканские народы, которые жили на Верхнем Ниле между Египтом и Эфиопией, в районе первого порога — блеммиев и нобадов (нубийцев). Благодаря энергии и искусству Феодоры нобады с их королем Силко были обращены в христианство монофизитского толка и новообращенный король, соединившись с византийским полководцем, заставил блеммиев принять ту же веру. Для того чтобы отметить свою победу, Силко оставил в одном храме блеммиев надпись, по поводу которой Бьюри сказал: «Хвастовство этого маленького правителя было бы уместно в устах Аттилы или Тамерлана».[4] В надписи говорится: «Я, Силко, царек (βασιλισκος) нобадов и всех эфиопов».[5]

Значение внешней политики Юстиниана

Подводя общие итоги всей внешней политике Юстиниана, приходится сказать, что его бесконечные и напряженные войны, в

---

[1] *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. II, pp. 298—308.

* Здесь для англоязычного читателя А. А. Васильев объясняет, что Крым и Таврический полуостров — синонимы и что Крым расположен на Черном море. В данном издании эти слова опущены.

[2] *W. Tomaschek*. Die Goten in Taurica. Wien, 1881, SS. 15—16; *A. A. Vasiliev*. The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936, pp. 70—73. Остатки стен Юстиниана следует изучать на месте.

[3] *A. A. Vasiliev*. The Goths in the Crimea... p. 75; *Ю. А. Кулаковский*. Прошлое Тавриды. Киев, 1914, с. 60—62.

[4] *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. II, p. 330.

[5] CIG, vol. III, 5072; *G. Lefebvre*. Recueil des inscritions grecques chretiennes d'Egypte. Cairo, 1907, n° 628.

результате не соответствовавшие его надеждам и планам, гибельно отозвались на общем состоянии государства. Прежде всего, эти гигантские предприятия требовали громадных денежных средств. По преувеличенному, вероятно, подсчету Прокопия в его «Тайной истории», т. е. источнике, к которому надо относиться с осторожностью, Анастасий оставил в казне громадную для того времени наличность в количестве 320.000 фунтов золота (около 130—140 миллионов золотых рублей), которые Юстиниан будто бы быстро истратил даже в царствование своего дяди.[1]

Но, по свидетельству другого источника VI века, сирийца Иоанна Эфесского,[2] казна Анастасия была окончательно истрачена лишь при Юстине II, т. е. уже после смерти Юстиниана. Во всяком случае, Анастасиев фонд, принятый нами даже в меньших размерах, чем у Прокопия, должен был оказаться Юстиниану очень полезным в его военных предприятиях. Но тем не менее этого было недостаточно. Новые налоги не соответствовали платежным силам страны. Попытки императора сократить расходы на содержание войск отзывались на их численности, а уменьшение последней делало шаткими все его западные завоевания.

С точки зрения римской идеологии Юстиниана его западные войны понятны и естественны. Но с точки зрения действительных интересов страны они должны быть признаны ненужными и вредными. Различие между Востоком и Западом в VI веке было уже настолько велико, что самая идея присоединения Запада к восточной империи была анахронизмом; прочного слияния быть уже не могло. Удержать завоеванные страны можно было лишь силой; но на это, как было замечено уже выше, не было у империи ни сил, ни денег. Увлеченный своими несбыточными мечтами, Юстиниан не понимал значения восточной границы и восточных провинций, где находился настоящий жизненный интерес Византии. Западные походы, являясь результатом одной, личной воли императора, не могли иметь прочных результатов, и план восстановить единую Римскую империю умер с Юстинианом. Благодаря же его общей внешней политике империя должна была пережить тяжелый внутренний хозяйственный кризис.

Законодательная деятельность Юстиниана. Трибониан

Мировую известность получил Юстиниан благодаря своей законодательной деятельности, которая поражает широтой размаха. Император, с его точки зрения, «должен быть не только украшен оружием, но и вооружен законами, чтобы быть в состоянии управлять

---

[1] *Procop.* Hist. arc., 19, 7—8.
[2] Hist. eccl., V, 20.

как в военное, так и мирное время; он должен быть как твердым защитником права, так и триумфатором над побежденными врагами».[1] Сам Бог даровал императорам право творить и толковать законы. Таким образом, император, в представлении Юстиниана, должен быть законодателем, и право на это освящено свыше.

Но, конечно, помимо подобных теоретических оснований императором руководили и практические побуждения. В его время в римском праве царил полный беспорядок.

Во время еще языческой Римской империи, когда законодательная власть находилась всецело в руках императора, единственной формой законодательства были императорские конституции, получившие название «законов» (leges). В противоположность последним, все право, созданное прежним законодательством и разработанное юристами классического периода, называлось «древним правом» (jus vetus или jus antiquum). С половины III века юриспруденция стала быстро падать; юридическая же литература ограничивалась чисто компилятивной работой, стараясь на основании выдержек из императорских конституций и наиболее известных сочинений старых юристов составлять сборники для облегчения судьям, которые уже не были в состоянии справиться со всей юридической литературой. Но это были лишь частные сборники, не имевшие никакой официальной силы. Поэтому в действительности судья должен был разбираться во всех императорских конституциях и во всей обширной классической литературе, что одному человеку было не под силу. Надо помнить, что какого-либо центрального органа для опубликования императорских конституций не существовало; увеличиваясь ежегодно в количестве и будучи разбросаны по разным архивам, императорские конституции представляли громадные трудности для пользования, тем более что новые указы очень часто отменяли или изменяли старые. Поэтому чувствовалась настоятельная потребность собрать императорские указы воедино и дать всем желающим возможность пользоваться таким сборником. Мы знаем, что в этом отношении было сделано довольно много еще до Юстиниана, который при своей законодательной работе имел уже в руках Codex Gregorianus, Codex Hermogenianus и Codex Theodosianus. Что же касается облегчения пользования классической литературой, т. е. «древним правом», то при Феодосии II и его западном современнике Валентиниане III был издан закон, придававший юридически обязательную силу сочинениям лишь пяти наиболее известных юристов. Прочие юридические писатели могли не приниматься в расчет. Конечно, это было только формальным разрешением вопроса, тем более что и у пяти узаконенных юристов вовсе не легко было

---

[1] Institutiones. Introductio.

найти подходящее решение для данного случая; сами юристы иногда противоречили друг другу; наконец, при изменившихся условиях жизни решения классических юристов оказывались иногда устаревшими. Одним словом, чувствовалась общая потребность в полном и официальном пересмотре всей правовой системы, в подведении итогов всего многовекового развития.

В предшествовавших кодексах были собраны за определенное время лишь императорские конституции. Юридическая литература в них затронута не была. Юстиниан предпринял громадную законодательную работу составить не только свод императорских конституций до своего времени, но и переработать юридическую литературу. Главным помощником императора в этом трудном начинании и душой всего дела был Трибониан.

Работа шла поразительно быстро. В феврале 528 года императором была созвана комиссия из десяти опытных и знающих человек, в числе которых находился Трибониан, «правая рука императора в его большом деле кодификации и, возможно, в чем-то вдохновитель работы комиссии», и Феофил, профессор права в Константинополе.[1]

Задача комиссии была пересмотреть прежние три кодекса, удалить из них все устаревшее и привести в порядок конституции, вышедшие после кодекса Феодосия; все это должно было составить один сборник. В апреле 529 года кодекс Юстиниана (Codex Justinianus) уже был опубликован; будучи разделен на двенадцать книг и заключая в себе конституции со времени императора Адриана до Юстиниана, он сделался единственным обязательным для всей империи сводом законов и отменял, таким образом, прежние три кодекса.

Если работа Юстиниана над кодексом была облегчена предшествовавшими законодательными сборниками, то подобная же работа над «древним правом» являлась уже личным делом императора. В 530 году Трибониану было поручено составить комиссию, которая должна была пересмотреть сочинения всех классических юристов, сделать из них извлечения, отбросить устаревшее, устранить разногласия и, наконец, весь собранный материал расположить в известном порядке. Для этой цели комиссии пришлось прочесть и разобрать около двух тысяч книг и более трех миллионов строк. Эта громадная работа, на исполнение которой, по словам Юстиниана, «никто из его предшественников не надеялся, которая считалась невозможной для человеческого ума»[2] и «которая освободила все древнее право от излишнего многословия»,[3] — эта работа

---

[1] *J. B. Bury.* A History of the Later Roman Empire... vol. II, p. 396.
[2] Constitutio Tanta, praefatio, ed. P. Kruger, 13.
[3] Codex Justiniani, de emendatione Codicis, ed. P. Kruger, 4.

через три года была закончена. Опубликованный в 533 году свод, разделенный на пятьдесят книг, получил название дигест (Digesta), или пандект (Pandectae), и тотчас же вступил в действие.[1]

Несмотря на всю важность дигест, поспешность работы не могла не отразиться на достоинствах труда, в котором можно заметить повторения, противоречия, устаревшие решения; затем, благодаря полномочию, данному комиссии, сокращать тексты, пояснять их и, наконец, сводить несколько текстов в один, в работе заметен некоторый произвол, следствием которого были иногда искажения древних текстов. Единства в этой работе не было. Последнее обстоятельство заставляло иногда ученых юристов XIX века, придававших первостепенное значение классическому римскому праву, сурово судить дигесты Юстиниана. Однако, дигесты, несмотря на многие их несовершенства, сослужили большую практическую службу, к тому же они сохранили потомству богатый материал, извлеченный из произведений классических римских юристов, которые далеко не все до нас дошли. Одновременно с работой над дигестами Трибониану и двум его ученым помощникам, Феофилу, профессору в Константинополе, и Дорофею, профессору в Бейруте (Сирия), была поручена новая задача. По словам Юстиниана, не все «были способны выносить тяжесть столь великой мудрости», т. е. кодекса и дигест; например, молодым людям, «которые, стоя в преддверии законов, стремятся войти в самое святилище»,[2] было нужно хорошее практическое руководство. В том же 533 году был составлен, преимущественно в учебных целях, официальный элементарный курс гражданского права, состоявший из четырех книг и получивший название институций (Institutiones); последние должны были, по словам императора, свести «все мутные источники древнего права в одно прозрачное озеро».[3] Императорский указ, которым санкционировались институции, был адресован «к жаждущей законов молодежи» (cupidae legum juventuti).[4]

Во время работ над дигестами и институциями текущее законодательство не бездействовало; было издано немало указов; целый ряд вопросов требовал пересмотра. Одним словом, кодекс в издании 529 года уже оказался во многих своих частях устаревшим. Тогда было приступлено к новой переработке кодекса, которая и была закончена в 534 году. В ноябре этого года второе издание кодекса,

---

[1] См.: *A. A. Vasiliev*. Justinian's Digest. In commemoration of the 1400th anniversary of the publication of the Digest (A. D. 533—1933). — Studi bizantini e neoellenici, vol. V, 1939, pp. 711—734.

[2] Constitutio Tanta, II, ed. Kruger, 18.

[3] Constitutio Omnem, 2, ed. Kruger, 10.

[4] Institutions, ed. Kruger, XIX.

Юстиниан. Мозаика церкви Св. Аполлинария в Равенне

исправленное и дополненное, было опубликовано под названием Codex repetitae praelectionis. Последнее издание уничтожало собой издание 529 года и заключало в себе указы со времени Адриана до 534 года. Этим закончено было составление Свода. Это первое издание Свода не сохранилось.

Указы, выходившие после 534 года, назывались новеллами (novellae leges). В то время как кодекс, дигесты и институции были написаны на латинском языке, громадное большинство новелл было издано уже на языке греческом, что являлось серьезной уступкой со стороны императора, пропитанного римскими традициями, требованиям действительной жизни. В одной новелле Юстиниан писал: «Мы этот закон написали не на отечественном языке, но на разговорном греческом, чтобы закон всем был известен из-за легкости понимания».[1] Сам Юстиниан, несмотря на свое намерение, не собрал в одно целое выходившие при нем новеллы. Но некоторые частные сборники новелл были составлены во время его правления. Новеллы рассматриваются как последняя часть законодательства и являются одним из самых важных источников для внутренней истории его эпохи.

Все указанные четыре части — кодекс, дигесты, институции и новеллы — должны были, по мысли императора, составить один свод, или Corpus, права; но при нем они не были соединены в такой сборник. Только позднее, в Средние века, начиная с XII века, когда в Европе возродилось изучение римского права, весь законодательный свод Юстиниана стал называться Corpus juris civilis, т. е. Свод гражданского права. Так он называется и в настоящее время.

Громоздкость законодательного творения Юстиниана и уже малопонятный для большинства населения его латинский язык привели к тому, что еще при жизни императора появился ряд греческих толкований (парафраз, indices, комментариев) отдельных частей Свода, более или менее дословные переводы институций и дигест с примечаниями, различные переработки кодекса на греческом языке, особенно при помощи изложения или перевода его текста с примечаниями (так называемые indices). Эти вызванные потребностями времени и практическими соображениями небольшие юридические сборники на греческом языке, иногда заключавшие в себе немало ошибок и искажений первоначального латинского текста, оттеснили оригинал и почти заменили его.[2]

---

[1] Novella 7 (15) a.

[2] См.: *K. E. Zacharia von Lingenthal.* Geschichte des griechisch-romischen Rechts. Berlin, 1892, SS. 5—7. См. также: *P. Collinet.* Byzantine Legislation from Justinian (565) to 1453. — Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 707; *P. Collinet.* Histoire de l'ecole de droit de Beyrouth. Paris, 1925, pp. 186—188, 303.

Сообразно с новыми законодательными трудами было преобразовано и юридическое преподавание. Были составлены новые программы. Курс объявлялся пятилетний. Главным предметом изучения в первый год были институции, во второй, третий и четвертый — дигесты и, наконец, в пятый год — кодекс. «Ученики, — писал Юстиниан, — раскрыв себе все тайны права, да не имеют ничего скрытого, но, прочтя все, что для нас составлено Трибонианом и другими, да сделаются прекрасными ораторами и хранителями справедливого суда, превосходными мастерами в своем деле и счастливыми правителями во всяком месте и во всякое время».[1] Обращаясь к профессорам, Юстиниан писал: «Начинайте, с помощью Божьей, обучать праву учеников и открывать им путь, который мы обрели, чтобы они, следуя по этому пути, сделались превосходными служителями справедливости и государства и чтобы вы заслужили на веки вечные величайшую славу».[2] Обращаясь к учащейся молодежи, император писал: «С величайшим вниманием и бодрым усердием примите эти наши законы и покажите себя настолько сведущими, чтобы вас ободряла прекраснейшая надежда, по окончании полного курса права, быть в состоянии управлять государством в тех частях его, которые вам будут вверены».[3] Само преподавание сводилось лишь к простому усвоению преподаваемого материала и толкованию на основании последнего; прибегать же к первоисточникам, т. е. к сочинениям классических юристов, для проверки и лучшего понимания текста, не разрешалось. Допускались лишь буквальные переводы и составление кратких пересказов и извлечений.

Несмотря на вполне понятные несовершенства в выполнении и многие методологические недостатки, гигантское законодательное творение VI века имеет всемирное непреходящее значение. Свод Юстиниана сохранил нам римское право, вписавшее существенные принципы того права, которое управляет современными нам обществами. «Воля Юстиниана, — как пишет Диль, — совершила одно из самых плодотворных деяний для прогресса человечества».[4] Когда в Западной Европе началось с XII века изучение римского права, или, как обычно называют это явление, р е ц е п ц и я р и м с к о г о п р а в а, то во многих местах Свод гражданского права делается настоящим законом. «Римское право, — пишет проф. И. А. Покровский, — воскресло для новой жизни и во второй раз объединило мир. Все правовое развитие Западной Европы идет под знаком римского права, все самое ценное из него перелито в параграфы и статьи современных кодексов и действует под именем этих послед-

---

[1] Constitutio Omnem, 6, ed. Kruger, 11.
[2] Ibid., II, ed. Kruger, 12.
[3] Constitution Imperatoriam maiestatem, 7, ed. Kruger, XIX.
[4] *Ch. Diehl.* Justinien et la civilisation byzantine, p. 248.

них».[1] Уже одно законодательное дело Юстиниана дает ему полное право именоваться в истории Великим.

В новейшее время в изучении законодательного творения Юстиниана замечается интересное явление. До сих пор изучение Юстинианова свода, не считая новелл, служило средством для лучшего знакомства с римским правом и имело, таким образом, вспомогательное значение. Сам по себе свод не изучался, не служил предметом «независимого» исследования. При такой постановке вопроса главный упрек делу Юстиниана заключался в том, что он или, скорее, Трибониан, извратил классическое право, сокращая или дополняя тексты. В наши дни, однако, упор делается на то, соответствовало ли творение Юстиниана нуждам его времени, в какой мере оно успело их удовлетворить. Изменения классических текстов надо, соответственно, рассматривать не как результат произвола составителей, а как результат их желания приспособить римское право к условиям жизни восточной империи VI века.

Успех кодекса в выполнении этой задачи следует рассматривать в связи с общими общественными условиями времени. И эллинизм, и христианство должны были оказать влияние на работу составителей. Живые обычаи Востока также должны были быть отражены в пересмотре старинных римских законов. В соответствии с этим некоторые исследователи говорят о восточном характере законодательной деятельности Юстиниана. Задача современной историко-юридической науки — определить и оценить византийские влияния на Юстиниановом Своде, а именно в кодексе, дигестах и институциях.[2] Новеллы Юстиниана как текущее законодательство, конечно, отражали на себе условия и нужды современной эпохи.

Во время Юстиниана процветали три школы права. Одна — в Константинополе, другая — в Риме и третья в Бейруте. Все остальные школы были закрыты, ибо они служили базой для язычества. В 551 году Бейрут (Берит) был разрушен страшным землетрясением, за которым последовала приливная волна и пожар. Бейрутская школа была перенесена в Сидон, но в дальнейшем значения не имела.

В России, при царе Федоре Алексеевиче (1676—1682), существовал проект перевода Юстинианова Свода на русский. Г. А. Острогорский * опубликовал недавно статью по этому вопросу, где на-

---

[1] *И. А. Покровский.* История римского права. Пг., 1915, с. 4.

[2] *P. Collinet.* Études historiques sur le droit de Justinien. Paris, 1912, vol. I, p. 7—44.

* А. А. Васильев непосредственно в тексте английской версии (p. 147) имени Г. А. Острогорского не называет (у него оно только в примечании). В основном же тексте А. А. Васильев по непонятным причинам пишет о Г. А. Острогорском — «a German scholar». Ввиду того, что последняя характеристика никак не соответствует истине, редактор рискнул предложить замену.

звал этот проект подвигом, достойным Геракла (hoc opus Hercule dignum). К сожалению, этот проект реализован не был.[1]*

Церковная политика Юстиниана

Как наследник римских цезарей, Юстиниан считал своей обязанностью воссоздать Римскую империю. Но вместе с этим он желал, чтобы в государстве был один закон и одна вера. «Единое государство, единый закон и единая церковь» — такова была краткая формула всей государственной деятельности Юстиниана. Исходя из принципа абсолютной власти, он полагал, что в хорошо устроенном государстве все должно было подлежать императорскому вниманию. Понимая, какое прекрасное орудие для правительства представляла собой церковь, он прилагал все усилия к тому, чтобы она находилась в его руках. Исследователями обсуждался вопрос о том, какие побуждения руководили Юстинианом в его церковной политике; в то время как одни склонялись к тому, что в последней политические мотивы стояли на первом плане, что религия была лишь прислужницей государства для государственных целей,[2] другие писали, что этот «второй Константин Великий за делами церкви готов был забывать свои прямые обязанности государственные».[3] Желая быть хозяином в церкви, Юстиниан не только стремился иметь в своих руках внутреннее управление и судьбу духовенства, не исключая самых высших его представителей, но и считал своим правом устанавливать среди своих подданных определенную догму. Какого религиозного направления придерживался император, такого же направления должны были придерживаться и его подданные. На основании вышеизложенного византийский император имел право регулировать быт духовенства, замещать по своему усмотрению высшие иерархические должности,

---

[1] См.: *G. Ostrogorski.* Das Project einer Rangtabelle aus der Zeit des Zaren Fedor Alekseevič. — Jahrbuch fur Kultur und Geschichte der Slaven, Bd. IX, 1933, S. 133, Anm. 131.

* В этом примечании А. А. Васильев пишет далее, что Г. А. Острогорский ссылается на статью Левенсона (L. Loewenson) по тому же вопросу. Однако название статьи не указано. Не указан также год выхода тома журнала, где статья была опубликована. Речь же идет — по данным А. А. Васильева — о «Zeitschrift zür Osteuropäische Geschichte» (N. F., Bd. II, Teil 2, S. 234 ff.). В сводной библиографии, завершающей книгу, этой статьи также нет.

[2] См.: *A. Knecht.* Die Religions-Politik Kaiser Justinians. Würzburg, 1896, SS. 53, 147; *J. Lebon.* Le Monophysisme severien. Paris, 1909, pp. 73—83; *Ю. А. Кулаковский.* История Византии. СПб.: «Алетейя», 1996, том II, с. 193—215.

[3] *А. Лебедев.* Вселенские соборы шестого, седьмого и восьмого века. СПб., 1904, с. 16.

выступать в качестве посредника и судьи в клире; он покровительствовал церкви в лице ее служителей, способствовал постройке храмов, монастырей, умножению их привилегий; наконец, император устанавливал вероисповедное единство среди всех подданных империи, давал последним норму правоверного учения, участвовал в догматических спорах и давал заключительное решение по спорным догматическим вопросам. Подобная политика светского преобладания в религиозных и церковных делах, вплоть до тайников религиозных убеждений человека, особенно ярко проявленная Юстинианом, получила в истории название цезарепапизма, и этот император считается одним из наиболее типичных представителей цезарепапистического направления.[1] Глава государства был цезарем и папой, т. е. совмещал в своей особе всю полноту власти светской и духовной. Для историков, выдвигающих политическую сторону деятельности Юстиниана, главным мотивом его цезарепапизма было стремление обеспечить свою политическую власть, укрепить государство и найти для случайно доставшегося ему трона религиозную опору.

Юстиниан был религиозно образованным человеком, знал хорошо Священное Писание, любил лично участвовать в религиозных спорах и являлся автором церковных песнопений. Для Юстиниана религиозные несогласия, как вносившие смуту в государство, казались опасными и с политической точки зрения: они угрожали единству империи.

Мы уже знаем, что два последних предшественника Юстина и Юстиниана, Зенон и Анастасий, вступили на путь примирения с восточной монофизитской церковью и тем самым порвали отношения с римской церковью. Юстин и Юстиниан определенно встали на сторону последней и возобновили с ней общение. Это обстоятельство должно было снова оттолкнуть от Юстиниана восточные провинции, что совершенно не входило в планы императора, желавшего установить единую веру в своем обширном государстве. Осуществить же религиозное соединение Востока с Западом, Александрии и Антиохии с Римом, было невозможно. «Правительство Юстиниана, — по словам одного историка, — в церковной политике представляло собой двуликого Януса, одно лицо которого было обращено на Запад, спрашивало директив у Рима, а другое на Восток, искало истины у сирийского и египетского монашества».[2]

---

[1] О цезарепапизме в Византии см.: *G. Ostrogorski.* Relation between the Church and the State in Byzantium. — Annales de l'Institut Kondakov, vol. IV, 1931, pp. 121—123. См. также: *B. Biondi.* Giustiniano Primo Principe e Legislatore Cattolico. Milano, 1936, pp. 11—13.

[2] *А. Дьяконов.* Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908, с. 52—53.

Поставив в начале своего правления в основу церковной политики сближение с Римом, Юстиниан должен был выступать защитником Халкидонского собора, против которого были непримиримо настроены восточные провинции. Римский престол пользовался при нем наивысшим церковным авторитетом. В своих письмах к римскому епископу Юстиниан называл его «папой», «папой римским», «апостольским отцом», «папой и патриархом» и т. д., причем титул «папа» прилагался исключительно к римскому епископу. В одном послании император называет папу «главой всех святых церквей» (caput omnium sanctarum ecclesiarum) [1] и в одной из своих новелл определенно говорит, что «блаженнейший архиепископ Константинополя, Нового Рима, занимает второе место после святейшего апостольского престола Старого Рима».[2]

Юстиниану пришлось столкнуться с иудеями, язычниками и еретиками; к числу последних он причислял манихеев, несториан, монофизитов, ариан и других представителей менее значительных религиозных учений. Арианство было распространено на западе среди германских народов. Остатки язычества существовали в различных частях империи и имели главным своим центром философскую школу в Афинах. Иудеи же и представители других еретических учений находились, главным образом, в восточных провинциях. Наибольшим влиянием, конечно, пользовались монофизиты. Борьба с арианами выразилась в форме его военных предприятий на западе, окончившихся уже известными нам подчинениями, полными или частичными, германских государств.

При убеждении Юстиниана в необходимости иметь в государстве единую веру, не могло быть и речи о терпимом отношении к представителям других религий и еретических учений, которые подвергались при нем суровым преследованиям при помощи военных и гражданских властей.

Закрытие афинской школы

Для окончательного искоренения остатков язычества Юстиниан закрыл в 529 году знаменитую философскую школу в Афинах, этот последний оплот отжившего язычества, которому, как было сказано выше, нанес уже раньше сильный удар основанный в V веке при Феодосии II Константинопольский университет. После закрытия школы при Юстиниане афинские профессора подверглись изгнанию; имущество школы было конфисковано. Один историк пишет: «В том же году, в котором св. Бенедикт разрушил последнее языческое национальное святилище в Италии, а именно храм

---

[1] *A. Knecht.* Die Religions-Politik Kaizer Justinians, SS. 62—65.
[2] Novella 131 b.

Аполлона в священной роще на Монте Кассино, была также разрушена твердыня античного язычества в Греции».[1] С этих пор Афины утратили окончательно свое былое значение культурного центра и превратились в глухой провинциальный город. Полного искоренения язычества Юстиниан не достиг; оно продолжало скрываться в некоторых малодоступных местностях.

Иудеи и близкие им по вере самаритяне в Палестине, не вынесшие правительственного преследования и поднявшие восстание, были усмирены с большой жестокостью. Синагоги разрушались; в остававшихся синагогах запрещалось читать книги Ветхого Завета по древнему еврейскому тексту, который должен был быть заменен греческим переводом семидесяти толковников; гражданские права отнимались. Несториане также преследовались.

Церковные проблемы и пятый Вселенский собор

Важнее всего, конечно, было отношение Юстиниана к монофизитам. Во-первых, отношение к ним имело государственное значение и ставили вопрос о в высшей степени важных для государства восточных провинциях: Египте и Сирии с Палестиной; во-вторых, на стороне монофизитов была супруга Юстиниана Феодора, имевшая на него сильное влияние. Один современный ей монофизитский писатель называет ее «правоверной, исполненной ревности», «христолюбивой царицей, поставленной Богом в трудные времена для поддержки гонимых».[2]

По совету Феодоры Юстиниан в отношении к монофизитам уже в начале своего правления вступил на путь примирения. Изгнанные при Юстине и в первые годы Юстиниана монофизитские епископы получили право вернуться из ссылки. Многие монофизиты были приглашены в столицу на религиозное примирительное совещание, на котором император, по словам очевидца, убеждал их «с кротостью Давида, терпением Моисея и снисходительностью апостольской».[3] Пятьсот поселенных в одном из столичных дворцов монофизитских монахов, по выражению современника, превратили дворец в «великую и дивную пустыню отшельников».[4] В 535 г. Север,

---

[1] *A. Knecht*. Die Religions-Politik Kaiser Justinians, S. 36.

[2] *John of Efesus*. Lives of Eastern Saints. (Commentarii de Beatis Orientalibus). Syriac text and English trans. E. W. Brooks. — Patrologia Orientalis, t. XVIII, 1924, p. 634 (432), 679 (477), 677 (475). Latin transl. W. J. Douwen and J. P. N. Land. Amsterdam, 1889, pp. 114, 247. См. также: *А. Дьяконов*. Иоанн Эфесский... с. 63.

[3] *J. D. Mansi*. Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio, vol. VIII, Firenze; Venezia, 1762, p. 817. *Caesari Baronii* Annales ecclesiastici, ed. Theiner. Paris, 1868, vol. IX, p. 32 (s. a. 532), p. 419.

[4] *John of Ephesus*. Commentarii... p. 155, ed. Brooks, II, 677 (475). См. также: *А. Дьяконов*. Иоанн Эфесский... с. 58.

глава и «истинный законоучитель монофизитов», прибыл в Константинополь и оставался там год.[1] Столица империи в начале 535 года приобрела в известном отношении облик, как в царствование Анастасия.[2] На константинопольскую патриаршую кафедру был возведен епископ Трапезундский Анфим, известный своей примирительной политикой в отношении к монофизитам. По-видимому, монофизиты торжествовали.

Ситуация, однако, очень скоро изменилась. Приехавший в Константинополь папа Агапит и партия акимитов (строго православных) подняли такой шум против религиозной уступчивости Анфима, что Юстиниан, конечно, с внутренним сожалением, вынужден был уступить: Анфим был смещен, и на его место назначен убежденный православный пресвитер Мина. Источник сообщает нам о такой беседе между императором и папой: «„Я или заставлю тебя согласиться с нами, или отправлю в ссылку“, — сказал Юстиниан. На что Агапит ответил: „Я желал прийти к христианнейшему императору Юстиниану, а нашел теперь Диоклетиана; однако, твоих угроз я не боюсь“».[3] Очень вероятно, что уступка императора папе была вызвана отчасти тем, что в это время началась остготская война в Италии, и Юстиниану было необходимо сочувствие Запада.

Но сделав вышеуказанную уступку, Юстиниан не отказался от дальнейших примирительных попыток относительно монофизитов. На этот раз император поднял известный вопрос о трех главах. Дело шло о трех церковных писателях V века, Феодоре Мопсуестийском, Феодорите Киррском и Иве Эдесском, относительно которых монофизиты ставили в упрек Халкидонскому собору то, что вышеназванные писатели, несмотря на свой несторианский образ мыслей, не были на нем осуждены. Юстиниан, раздраженный противодействием папы и акимитов, признал, что в данном случае монофизиты правы и что православные должны им сделать уступку. Поэтому в начале сороковых годов он издал указ, в котором подвергал анафеме сочинения этих трех писателей и грозил анафемой всем тем лицам, которые станут защищать или одобрять данные сочинения.[4]

Своему указу Юстиниан хотел придать общецерковное значение и требовал, чтобы его подписали все патриархи и епископы. Но

---

[1] *J. Maspero.* Histoire des patriarches d'Alexandrie. Paris, 1923, pp. 3, 100, 110; *Lebon.* Le Monophysisme severien, p. 74—77.

[2] *Maspero.* Patriarches d'Alexandrie, p. 110.

[3] Vita Agapeti papae, ed. L. Duchesne. In: *L. Duchesne.* Liber Pontificalis. Paris, 1886, vol. I, p. 287; *Mansi.* Sacrorum conciliorum... collectio, vol. VIII, p. 843.

[4] Указ о трех главах получил свое название от того, что в нем было три главы или параграфа, посвященные вышеназванным трем писателям; но вскоре первоначальный смысл этого названия затерялся, а под тремя главами стали разуметь Феодора, Феодорита и Иву.

этого нелегко было достигнуть. Запад был смущен тем, что согласие подписать императорский указ будет обозначать собой посягательство на авторитет Халкидонского собора. Говорили, что, «если подвергаются укоризнам определения Халкидонского собора, то как бы не подвергся подобной опасности и собор Никейский».[1] Затем поднимался вопрос, можно ли осуждать умерших, ведь все три писателя умерли еще в предыдущем столетии. Наконец, некоторые представители Запада держались того мнения, что император своим указом совершает насилие над совестью членов церкви. Последнее сомнение почти не существовало в восточной церкви, где вмешательство императорской власти в решение догматических споров закреплено было долговременной практикой. Вопрос же об осуждении умерших был обоснован ссылкой на ветхозаветного царя Иосию, не только заклавшего живых жрецов идольских, но и раскопавшего гробы тех, которые задолго до того времени умерли (IV Книга Царств, 23, 16). Таким образом, в то время как восточная церковь соглашалась признать указ и осудить три главы, западная церковь высказалась против этого. Указ Юстиниана общецерковного значения не получил.

Для того чтобы привлечь западную церковь на свою сторону, надо было прежде всего убедить одобрить указ римского папу. Тогдашний папа Вигилий был вызван в Константинополь, где и прожил более семи лет. Явившись туда, папа открыто восстал против указа Юстиниана и отлучил от церкви константинопольского патриарха Мину. Но мало-помалу, в силу различных влияний, Вигилий уступил Юстиниану и Феодоре и в 548 году издал осуждение трех глав, так называемый Iudicatum, и таким образом присоединил свой голос к голосу четырех восточных патриархов. Это было последним торжеством Феодоры, уверенной в наступлении окончательной победы монофизитства. В том же году она умерла. По распоряжению Вигилия священники в Западной Европе должны были начать непрерывные молитвы за «наимилостивейших государей Юстиниана и Феодору».[2]

Однако западная церковь не одобрила уступки Вигилия. Африканские епископы, собрав собор, даже отлучили его от церковного общения. Под влиянием западной церкви папа начал колебаться в своем решении и взял обратно Iudicatum. В таких обстоятельствах Юстиниан решил прибегнуть к созыву Вселенского собора, который и собрался в Константинополе в 553 году.

Задача этого пятого Вселенского собора была гораздо уже задач предшествовавших соборов. На нем не было дела с какой-либо новой ересью; задачей его являлось урегулировать некоторые воп-

---

[1] *Fulgentii Ferrandi* Epistola VI, 7 (PL, LXVII, col. 926).
[2] Monumenta Germaniae Historica. Epistolarum, III, 62 (n. 41).

росы, связанные с деятельностью третьего и четвертого соборов и касавшиеся несторианства и главным образом монофизитства. Император хотел, чтобы на соборе присутствовал папа, проживавший в то время в Константинополе. Но папа под разными предлогами уклонялся от этого, так что все заседания собора состоялись без него. Собор, разобрав сочинения вышеназванных трех писателей и согласившись с мнением императора, осудил и предал анафеме «нечестивого Феодора, который был епископом Мопсуестийским, вместе с нечестивыми его сочинениями, и все, что нечестиво написал Феодорит, и нечестивое послание, приписываемое Иве, и тех, которые пишут или писали в защиту их (ad defensionem eorum)».[1] Постановление собора получило обязательную силу, и Юстиниан стал преследовать и подвергать ссылке епископов, не согласившихся на осуждение трех глав. Папа Вигилий был сослан на один из островов Мраморного моря. Согласившись, в конце концов, подписать осуждение, он получил разрешение возвратиться в Рим, но, не доехав, умер в Сиракузах. Запад до конца VI века не признавал решений собора 553 года, и только при папе Григории I Великом (590—604), объявившем, что «на соборе, на котором дело шло о трех главах, ничего не было нарушено в деле веры или каким-нибудь образом изменено»,[2] собор 553 года был признан на всем Западе Вселенским собором, наравне с первыми четырьмя соборами.

Напряженная религиозная борьба, которую вел Юстиниан и которая должна была, как он ожидал, примирить монофизитов с православными, не оправдала его надежд. Монофизиты спокойно относились к развертывавшимся событиям и не казались удовлетворенными сделанными уступками. В последние годы своей жизни Юстиниан все решительнее склонялся на сторону монофизитов. Несогласные с ним епископы отправлялись в ссылку. Монофизитство могло сделаться государственной религией, обязательной для всех, что повлекло бы за собой новые крупные осложнения. Но в это время престарелого императора не стало, и с его смертью императорская религиозная политика изменилась.

Если, подводя итог всему сказанному в области церковно-религиозной политики Юстиниана, предложить вопрос, достиг ли он установления единой церкви в империи, то ответ, конечно, придется дать отрицательный. Примирение православия с монофизитством не состоялось; несторианство, манихейство, иудейство

---

[1] *Mansi*. Sacrorum Conciliorum... collectio, vol. IX, p. 376.

[2] Epistolae Graegorii Magni, II, 36; *Mansi*. Sacrorum Conciliorum... collectio, vol. IX, p. 1105; Gregorii I Papae Registrum epistolarum, ed. L. M. Hartmann, II, 49. — Monumenta Germaniae Historica. Epistolarum, I, 151.

и, в отдельных случаях, язычество продолжали существовать. Религиозного единства не было, и вся политика Юстиниана установить таковое должна быть признана неудавшейся.

Но, говоря о религиозной политике Юстиниана, нельзя забывать о миссионерской деятельности в его время. Он, как император христианский, считал своим долгом насаждать христианскую веру и за пределами государства. До нас дошли известия о принятии христианства герулами на Дунае, некоторыми кавказскими народами, туземными племенами Северной Африки и Среднего Нила.[1]

Внутрениая политика Юстиниана. Восстание «Ника»

В момент вступления Юстиниана на престол во внутренней жизни империи царили везде беспорядок и смута. Бедность, особенно в провинциях, давала себя сильно чувствовать; на́логи поступали в казну плохо. Партии цирка, лишенные трона родственники императора Анастасия и, наконец, религиозные распри еще более увеличивали внутренние иесогласия и создавали очень тревожную обстановку.

Вступив на престол, Юстиниан ясно понимал, что внутренняя жизнь империи нуждается в крупных реформах; к последним он смело и приступил. Главным источником для административной деятельности императора служат его новеллы, трактат Иоанна Лидийца «О магистратах римского государства» и «Тайная история» его современника Прокопия. В недавние времена ценный материал был обнаружен также в папирусах.

В начале правления Юстиниану пришлось пережить страшное восстание в столице, едва не лишившее его престола.

Центральным пунктом в Коистантинополе был цирк, или ипподром, который являлся любимым местом для сборищ столичного населения, увлекавшегося в былое время пышными цирковыми зрелищами в виде борьбы атлетов-гладиаторов между собой и бега колесниц. На том же ипподроме новый император после коронации нередко появлялся в царской ложе — кафизме — и получал первые приветствия собравшейся там толпы. Возничие цирковых колесниц носили одеяния четырех цветов: зеленого, голубого, белого и красного. Бег на колесницах оставался единственным зрелищем в цирке с тех пор, как христианская церковь запретила гладиаторские состязания. Около возниц определенного цвета образовались партии, получившие прекрасную организацию, имевшие свою кассу, дававшие средства на содержание кучеров, лошадей и колесниц и

---

[1] *Maspero*. Patriarches d'Alexandrie, p. 135. Масперо дает очень хорошую историю монофизитской проблемы при Юстиниане (с. 102—165). См. также: *А. Дьяконов*. Иоанн Эфесский... с. 51—87.

всегда соперничавшие и враждовавшие с партиями других цветов. Партии стали называться зелеными, голубыми и т. д. Как самый цирк с его состязаниями, так и цирковые партии перешли в Византию из римского государства, и позднейшая литературная традиция относит их происхождение еще к мифическим временам Ромула и Рема. Первоначальный смысл названий четырех партий также неясен. Источники VI века, т. е. эпохи Юстиниана, говорят, что эти наименования соответствуют четырем стихиям: земле (зеленые), воде (голубые), воздуху (белые) и огню (красные). Цирковые празднества отличались необыкновенной пышностью; зрителей иногда бывало до 50.000 человек.

Мало-помалу цирковые партии, называвшиеся в византийское время д и м а м и, превратились в партии политические, которые сделались выразительницами того или иного политического или общественного, или религиозного настроения. Толпа в цирке стала как бы общественным мнением и народным голосом. Ипподром, по словам Ф. И. Успенского, «представлял единственную арену, за отсутствием печатного станка, для громкого выражения общественного мнения, которое иногда имело обязательную силу для правительства».[1] Император иногда являлся в цирк и давал толпе объяснения.

В VI веке особенным влиянием пользовались две партии: голубые (венеты), стоявшие за православие, или халкидониты, как назывались приверженцы Халкидонского собора, и зеленые (прасины), стоявшие за монофизитов. Еще в конце правления Анастасия, приверженца монофизитов, в столице вспыхнул мятеж, и православная партия, произведя большие разорения и провозгласив нового императора, бросилась на ипподром, куда вышел испуганный Анастасий, без диадемы, и повелел глашатаям объявить народу, что он готов сложить с себя власть. Увидев своего императора в столь жалком положении, народ успокоился, и мятеж прекратился. Этот эпизод очень характерен, как показатель влияния ипподрома и столичной толпы на правительство и самого императора. Анастасий, как монофизит, сочувствовал, конечно, партии зеленых.

Со вступлением на престол Юстина и Юстиниана восторжествовала православная точка зрения, а с ней вместе и партия голубых. Феодора же была на стороне партии зеленых. На императорском престоле появились, таким образом, защитники различных партий.

Почти так же ясно, что димы выражали не только политические и религиозные взгляды, но и разные классовые интересы. Голубых можно рассматривать как партию состоятельных классов, зеле-

---

[1] *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи. СПб., 1914, т. I, с. 506.

ных — как партию бедных. Если это так, византийские факции приобретают новое и очень важное значение в качестве социального элемента общества.[1]

Интересное проявление этой модели можно найти в начале шестого века в Риме, при Теодорихе Великом, когда две соперничающие партии, зеленые и голубые, продолжали состязаться. При этом голубые представляли состоятельные классы, а зеленые — бедных.[2]

Важный новый подход к этому вопросу был недавно заявлен и выдвинут на обсуждение. А. Дьяконов подчеркивал «методическую ошибку» Рамбо, Манойловича и других, кто не проводил различия между димами и партиями, которые на деле вовсе не идентичны и которых надо рассматривать по отдельности. Задачей работы Дьяконова было не разрешение проблемы, а новое к ней обращение, так что этот новый подход должен быть рассмотрен в будущем, в более специальных исследованиях.[3]

---

[1] См. крайне важную монографию Манойловича. Она была написана в 1904 г. на сербо-хорватском и на нее никто не ссылался. А. Грегуар перевел ее на французский под заголовком «Le peuple de Constantinople». (Byzantion, t. XI, 1936, pp. 617—716). Утверждения Манойловича приняты не всеми. Ф. Дельгер их принимает (Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXXVII, 1937, S. 542). Г. А. Острогорский отвергает (Geschichte des byzantinischen Staates, S. 41, Anm. 1). Э. Штайн отклонял их в 1920 г. (сам он сербо-хорватский оригинал не читал), но признал в 1930 г. (Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXX, 1930, S. 378). Я сам считаю, что Манойлович свои положения аргументировал убедительно:

[2] См.: *E. Condurachi.* Factions et jeux de cirque a Rome au debut du VI[e] siecle. — Revue historique du sud-est europeen, vol. XVIII, 1941, pp. 95—102, в особенности pp. 96—98. Источником для этого важного вывода является сочинение современника — Кассиодора — Variae. См. также фразу Манойловича, не подкрепленную, однако, ссылкой: «кристаллизация (классов), возникших в цирке древнего Рима» (Byzantion, vol. XI, 1936, p. 642, 711—712).

[3] *А. П. Дьяконов.* Византийские димы и факции (τα μερη) в V—VII вв. — Византийский сборник. М.; Л., 1945, с. 144—227. Введение — с. 144—149. Прекрасное исследование, которое должно служить основанием для по-следующего изучения этого вопроса. По истории димов и партий в более позднее время, особенно когда их политическое влияние стало падать, см.: *G. Bratianu.* La Fin du regime des parties a Byzance et la crise antisemite du VII[e] siecle. — Revue historique du sed-est europeen, vol. XVIII, 1941, pp. 49—57. *А. Дьяконов.* Византийские димы... с. 226—227. А. Грегуар не вполне прав в своем заявлении: «На деле после 641 года политическая роль цветов Цирка больше не обнаруживается» (Notules epigraphiqes. — Byzantion, t. XIII, 1938, p. 175). См. также: *F. Dvornik.* The Circus Parties in Byzantium. — Byzantina—Metabyzantina, vol. I, 1946, pp. 119—133.

Причины, вызвавшие страшное восстание 532 года в столице, были разнообразны. Оппозиция, направленная против Юстиниана, была троякого рода: династическая, общественная и религиозная. Остававшиеся еще в живых племянники покойного Анастасия считали себя обойденными вступлением на престол Юстина, а потом Юстиниана и, опираясь на монофизитски настроенную партию зеленых, стремились низложить Юстиниана. Общественная оппозиция создалась из всеобщего раздражения против высших чиновников, особенно против известного уже нам юриста Трибониана и префекта претория Иоанна Каппадокийского, которые своим бессовестным нарушением законов, вымогательствами и жестокостью вызвали глубокое возмущение в народе. Наконец, религиозная оппозиция шла со стороны монофизитов, претерпевавших сильные стеснения в начале правления Юстиниана. Все это вместе взятое вызвало народное восстание в столице. Интересно отметить, что голубые и зеленые, на время забыв о своих религиозных пререканиях, выступили вместе против ненавистного правительства. Переговоры императора с народом через глашатая на ипподроме ни к какому результату не привели.[1] Мятеж быстро распространился по городу. От крика мятежников «Ника!», т. е. «Побеждай!», этот мятеж носит в истории название «восстания Ника». Лучшие здания, памятники искусства подверглись разрушению и пожарам. Была сожжена базилика св. Софии, на месте которой позднее был выстроен знаменитый храм св. Софии. Обещание императора отставить от должностей Трибониана и Иоанна Каппадокийского и личное обращение его к толпе на ипподроме успеха не имели. Племянник Анастасия был провозглашен императором. Укрывшись во дворце, Юстиниан и его советники уже думали бегством спасаться из столицы. Но в этот критический момент их ободрила Феодора. Прокопий сообщает даже речь ее, в которой она высказывала, например, такие мысли: «Человеку, появившемуся на свет, необходимо умереть, но быть беглецом для того, кто был императором, невыносимо... Если ты, государь, хочешь спастись, это нисколько не трудно: у нас много средств: вот море, вот корабли. Однако подумай, как бы после бегства ты не предпочел смерть спасению. Мне же нравится древнее изречение, что царское досто-

---

[1] См. любопытный диалог между императором и зелеными через глашатая у Феофана: *Theophanes* Chronographia, ed. C. de Boor, pp. 181—184. См. также: Chronicon Paschale, p. 620—621. Ср. также: *P. Maas*. Metrische Akklamationen der Byzantiner. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXI, 1912, SS. 31—33, 46—51. Бьюри полагает, что все это может относиться к другому периоду царствования Юстиниана. См.: *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. II, p. 40, n. 3, p. 72. У Бьюри есть английский перевод беседы: с. 72—74 указанного издания.

инство есть прекрасный погребальный наряд».[1] Тогда дело подавления мятежа, продолжавшегося уже шесть дней, было поручено Велизарию, который, сумев загнать бунтующую толпу внутрь ипподрома и заперев ее там, перебил от 30 до 40 тысяч мятежников. Восстание было подавлено, и Юстиниан снова укрепился на троне. Племянники Анастасия были казнены. Подавление мятежа 532 года усилило еще больше императорскую власть в смысле ее неограниченности.[2]

Налогообложение и финансовые проблемы

Одной из отличительных черт внутренней политики Юстиниана была его упорная, до сих пор не полностью объясненная, борьба с крупными землевладельцами. Эта борьба отражена в новеллах, папирусах, а также в «Тайной истории» Прокопия, который, несмотря на защиту взглядов аристократии и несмотря на изобилие в сочинении абсурдных обвинений в адрес Юстиниана, выскочки, в его глазах, на троне, все же дает весьма интересную картину социальной борьбы в VI веке. Правительство чувствовало, что его самыми опасными соперниками и врагами были крупные землевладельцы, которые вели дела своих больших владений, совершенно не принимая в расчет центральную власть. Одна из новелл Юстиниана, осуждая отчаянное положение государственного и частного землевладения в провинциях из-за ничем не ограниченного поведения местных магнатов и адресованная проконсулу Каппадокии, имеет следующие весьма многозначительные строчки: «Новости дошли до нас о столь значительных злоупотреблениях в провинциях, что их исправление едва может быть осуществлено одним человеком с большими полномочиями. И нам даже стыдно говорить, сколь неприлично ведут себя управляющие крупных землевладельцев, прогуливаясь с телохранителями, как за ними следует целая толпа людей, как они беззастенчиво крадут все подряд... Государственная земельная собственность почти полностью перешла в частные руки, ибо она была украдена и разграблена, включая все табуны лошадей, и ни один человек не выступил против, ибо уста всех были остановлены золотом».[3] Как кажется, каппадокийские магнаты имели полную власть в своей провинции и даже имели свои собственные отряды вооруженных людей и телохранителей. Магнаты захватывали частную и государственную землю. Интересно отметить, что эта новелла появилась на следующий год после

---

[1] De bello pers., I, 24, 35—37.

[2] О восстании «Ника» см. замечания А. Дьяконова в «Византийских димах» (Византийский сборник. М. Л., 1945, с. 209—212).

[3] Novella 30, (44), 5.

восстания Ника. Подобная информация о Египте времени Юстиниана встречается в папирусах. Член известной египетской семьи землевладельцев Апионов владел в VI веке собственностью в разных местах Египта. Целые деревни входили в состав его владений. Его домашнее хозяйство было почти что царским. Он имел секретарей и слуг, множество работников, своих собственных экспертов (assessors) и сборщиков налогов, своего собственного казначея, свою полицию и даже собственную почту. Такие магнаты имели собственные тюрьмы и содержали свои войска.[1] Крупные владения концентрировались также в руках церкви и монастырей.

Юстиниан вел против крупных земельных собственников беспощадную войну. Вторгаясь в дела наследования, насильственными и иногда подложными подношениями императору, конфискациями на основе ложных свидетельств или подстрекательством религиозных споров с целью постараться лишить церковь земельных владений, Юстиниан сознательно и упорно стремился к разрушению крупного землевладения. Особенно многочисленные конфискации были проведены после попытки дворцового переворота 532 года. Юстиниан, однако, не достиг успеха в сокрушении крупного землевладения и оно оставалось одной из неизменных черт жизни империи в более поздние периоды.*

Юстиниан видел и понимал недостатки внутренней администрации государства, выражавшиеся в продажности, воровстве, вымогательстве и влекшие за собой бедность, разорение, а за ними неизбежную смуту; он давал себе отчет в том, что подобное положение страны вредно отзывалось на общественной безопасности, на городских финансах и на состоянии земледелия, что финансовое

---

[1] См.: *H. I. Bell.* The Byzantine Servile State in Egypt. — Journal of Egyptian Archaeology, vol. IV, 1917, p. 101—102; *H. I. Bell.* An Epoch in the Agrarian History of Egypt. — Études egyptiennes dediees a Jean-François Champollion. Paris, 1922, p. 263; *M. Gelzer.* Studien zur byzantinischen Verwaltung Aegyptens. Leipzig, 1909, SS. 32, 83—90; *A. E. R. Boak.* Byzantine Imperialism in Egypt. — American Historical Review, vol. XXXIV, 1928, p. 6.

* Хотелось бы отметить, что в своих рассуждениях о войне Юстиниана с крупными землевладельцами А. А. Васильев прав лишь частично. Действительно, борьба с ними отвечала, в конечном счете, государственным интересам, как-то защищая мелкого землевладельца: основного воина и плательщика налогов. Однако Юстиниан, как глава государства, поступал по отношению к крупным землевладельцам как еще более крупный земельный магнат, озабоченный увеличением своих собственных владений, в какой-то мере, правда, и благополучием своих «работников». Объективно говоря, все конфискации, не решая проблемы, вели лишь к увеличению домена императора. Судя по всему, следует говорить о том, что Юстиниана заботили не крупные землевладельцы как таковые. Вероятно, он опасался ситуации, что такие люди начнут ему, самодержцу, диктовать свою волю.

расстройство вносило в страну беспорядок. Император желал помочь в этом отношении государству. В его представлении роль преобразователя являлась обязанностью императорского служения и актом со стороны императора благодарности Богу, который осыпал его своими благодеяниями. Но как убежденный представитель идеи абсолютной императорской власти, Юстиниан видел единственное средство для облегчения страны в централизованной администрации с улучшенным и вполне покорным ему штатом чиновничества.

На первом плане стояло финансовое положение страны, внушавшее самые серьезные опасения. Военные предприятия требовали громадных средств; между тем налоги поступали в казну все с большими затруднениями. Это беспокоило императора, и он в одной из новелл писал, что ввиду больших военных расходов подданные «должны вносить государственные налоги со всей готовностью сполна».[1] Но, выступая, с одной стороны, как только что мы видели, защитником ненарушимости прав казны, он, с другой стороны, объявлял себя заступником плательщика против вымогательства чиновников.

Для характеристики преобразовательной деятельности Юстиниана имеют крупное значение две его больших новеллы 535 года. В них изложены главные основания административной реформы и точно определены новые обязанности чиновников. Новелла повелевает правителям «отечески относиться к благомыслящим, повсюду охранять подданных от притеснений, не брать от них никаких приношений, быть справедливыми в приговорах и в административных решениях, преследуя за преступления, охраняя невинных и налагая законную кару на виновных, и вообще относиться к подданным, как отец относился бы к детям».[2] Но в тоже время правители, «имея везде чистые руки», т. е. не беря взяток, должны неусыпно заботиться о государственных доходах, «увеличивая государственную казну и прилагая всяческое усердие на ее пользу».[3] Ввиду покорения Африки и вандалов, и других предполагаемых обширных предприятий, говорится в новелле, «необходимо вносить государственные налоги сполна, охотно и в определенные сроки. Итак, если вы благоразумно встретите правителей и они с легкостью немедленно соберут нам государственные налоги, то мы похвалим правителей и подчиненных».[4] Чиновники должны были давать торжественную клятву в честном исполнении своих обязанностей и вместе с тем становились ответственными за полный взнос податей во вверенной им области. Епископы должны были наблюдать за

---

[1] Novella 8 (16), 10.
[2] Novella 8 (16), 8.
[3] Novella 28 (31), 5.
[4] Novella 8 (16), 10.

поведением правителей. Провинившимся чиновникам грозило строгое наказание, честно же исполнявшим обязанности были обещаны повышения. Итак, обязанность как правительственных чиновников, так и плательщиков, по новеллам Юстиниана, чрезвычайно проста: первые должны быть честными людьми, вторые должны охотно, сполна и вовремя платить налоги. В последующих указах император неоднократно ссылается на эти основные принципы его административной реформы.

Не все провинции империи управлялись одинаково. Были провинции, особенно пограничные, с беспокойным туземным населением, которые требовали более сильной власти. Известно, что реформы Диоклетиана и Константина до чрезмерности увеличили провинциальные деления и устроили громадный штат чиновников со строгим отделением гражданской власти от военной. При Юстиниане можно заметить в отдельных случаях разрыв с этой системой и возвращение к прежней, до-диоклетиановской системе. Юстиниан соединил несколько мелких провинций, преимущественно восточных, в более крупные единицы; в некоторых же провинциях Малой Азии он, отметив ссоры и распри между представителями военной и гражданской власти, вредившие делу, постановил соединить функции обеих властей в руках одного лица, губернатора, называвшегося претором. Особенное внимание Юстиниан обратил на Египет с Александрией, откуда Константинополь снабжался хлебом. Организация хлебного дела в Египте и его доставки в столицу пришла, как следует из новеллы, в полное расстройство.[1] Чтобы снова привести в порядок столь важную отрасль государственной жизни, Юстиниан передал в руки гражданского лица, августала (vir spectabilis Augustalis), также и военные функции как в самой Александрии, в этом многолюдном и беспокойном городе, так и в обеих египетских провинциях.[2] Но подобные попытки централизации территорий и властей в провинциях при Юстиниане не носили систематического характера.

Проводя в некоторых восточных провинциях идею соединения властей, Юстиниан оставил на Западе, в недавно завоеванных префектурах Северной Африки и Италии, прежнее отделение гражданской власти от военной.

Император надеялся, что он рядом своих поспешных указов исправил все внутренние недомогания страны и «дал, — по его словам, — своему государству, благодаря блестящим мероприяти-

---

[1] Edictum 13 (96), introd.

[2] *M. Gelzer*. Studien zur byzantinischen Verwaltung Aegyptens, SS. 21—36; *J. B. Bury*. A History Later Roman Empire... vol. II, pp. 342—343; *G. Rouillard*. L'administration civile de l'Égypte byzantine. Paris, 1928, p. 30.

ям, новый расцвет».[1] Действительность обманула его ожидания, и многочисленные указы не могли переродить людей. Свидетельство последующих новелл доказывает, что прежние смуты, вымогательства и разорение продолжались. Постоянно приходилось возобновлять указы и напоминать о них. В некоторых провинциях была введена усиленная охрана, а иногда прибегали чуть ли не к осадному положению.

Нуждаясь в средствах, Юстиниан иногда обращался к тем мерам, которые он строго запрещал в указах: он за большие деньги продавал должности и вводил, вопреки своему обещанию, новые налоги, хотя, на основании новелл, видно, что он знал о полной несостоятельности населения нести новые налоговые обязательства. Под влиянием финансовых затруднений он стал прибегать к девальвации денег и выпуску монет пониженного качества. Однако отношение населения к этому быстро стало настолько угрожающим, что он был вынужден практически сразу отказаться от этой меры.[2] Ему нужно было во что бы то ни стало пополнять государственную казну — фиск, занимающий, по словам Кориппа, поэта VI века, «место желудка, посредством которого питаются все члены».[3] Строгость во взимании налогов достигла крайних пределов и гибельно отзывалась на обессиленном населении. По словам одного современника, «иностранное вторжение казалось менее страшным налогоплательщикам, чем прибытие должностных лиц фиска».[4] Деревни обнищали и опустели, так как жители их разбегались. Производительность страны снизилась. В различных местностях происходили возмущения.

Видя разорение страны и сознавая необходимость экономии, Юстиниан стал прибегать к ней в областях, наиболее опасных для империи. Он уменьшил численность войска и стал задерживать ему жалованье; а так как войска главным образом состояли из наемников, то последние, не получая условленного содержания, поднимали восстания и мстили беззащитному населению. Вследствие этих мер граница недостаточно зорко охранялась, и варвары безнаказанно проникали на византийскую территорию, подвергая ее грабежу и разорению. Сооруженные Юстинианом крепости не поддерживались. Не имея возможности противостоять силой вторгавшимся варварам, он должен был от них откупаться, на что нужны были новые средства. Образовался, по словам французского ученого Диля, заколдованный круг: из-за недостатка денег умень-

---

[1] Novella 33 (54), introd.

[2] *Malalas*, p. 486. Если я не ошибаюсь, Бьюри не упоминает этот текст.

[3] *Corippus*. De laudibus Iustini, II, vv. 249—250.

[4] *Ioanni Laurentii Lydi* De magistratibus, III, 70.

Феодора, супруга Юстиниана. Мозаика церкви Св. Витали в Равенне

шили войско; из-за недостатка солдат нужно было теперь найти еще больше денег для уплаты нападавшим врагам.[1]

Если ко всему этому добавить частые голодные года, эпидемии и землетрясения, которые разоряли население и увеличивали просьбы о правительственной помощи, то становится ясным, что к концу правления Юстиниана положение империи было по-настоящему прискорбным. Среди этих бедствий особого упоминания заслуживает опустошительная чума 542 года. Она началась около Пелузия, на берегах Египта. Ее, предположительно эфиопское, происхождение неясно. Существовало традиционное древнее подозрение, что эта болезнь обычно шла из Эфиопии. Как Фукидид изучал чуму в Афинах в начале Пелопонесской войны, так историк Прокопий, который был свидетелем ее действия в Константинополе, определил природу и течение бубонной чумы. Из Египта инфекция пошла на север в Палестину и Сирию; на следующий год она достигла Константинополя, затем, распространившись по Малой Азии и Месопотамии, направилась в Персию. Из заморских территорий * она захватила Италию и Сицилию. В Константинополе эпидемия длилась четыре месяца. Смертность была огромной. Деревни и города были заброшены, сельское хозяйство замерло и голод, паника и бегство большого количества людей прочь из зараженных мест были бесконечными. Все это ввергло империю в хаос. Прервались все придворные мероприятия. Сам император заболел чумой, однако заражение не оказалось смертельным.[2] Это был только один из факторов, вызвавших ту безотрадную картину, которая нашла свое отражение в первой новелле Юстина II, в которой он говорит о «государственной казне, отягощенной многими долгами и доведенной до крайней нищеты», и о «войске, настолько уже пропитанном недостатком во всем необходимом, что государство страдало от бесчисленных нападений и набегов варваров».[3]

Попытка административной реформы Юстиниана окончилась полной неудачей. В финансовом отношении империя стояла на краю гибели. С этой стороны, конечно, нельзя упускать из виду тесной связи, которая существовала между внутренней и внешней политикой императора. Его обширные военные предприятия на Западе, требовавшие громадных средств, разорили Восток и оста-

---

[1] *Ch. Diehl.* Justinien et la civilisation byzantine... p. 311.

[2] Лучшим и основным источником является Прокопий, который жил в Константинополе во время эпидемии. De bello pers., II, 22—23. См. также: *J. B. Bury.* A History of the Later Roman Empire... vol. II, pp. 62—66. См. также: *H. Zinner.* Rats, Lice and History. Boston, 1935, pp. 144—149.

[3] *K. E. Zacharia von Lingenthal.* Jus graeco-romanum, III, 3.

* Видимо, по отношению к Египту. В тексте — «over the sea it invaded».

вили преемникам тяжелое, запутанное наследство. Добрые, искренние намерения Юстиниана упорядочить жизнь империи и поднять нравственный уровень правительственных органов, о чем торжественно объявляли его новеллы более раннего времени, столкнулись с его военными планами, как наследника римских цезарей, и не могли быть проведены в жизнь.

Торговля в царствование Юстиниана*

В истории византийской торговли время Юстиниана также оставило заметный след. Как и в эпоху языческой Римской империи, главная торговля в христианское время велась с Востоком, и наиболее редкие, драгоценные предметы торговли приходили из отдаленных стран Китая и Индии. Западная Европа, находясь в раннее средневековье в периоде создания новых германских государств, из которых некоторые, как известно, при Юстиниане были завоеваны его полководцами, жила в условиях, в высшей степени неблагоприятных для развития собственной экономической жизни. Восточная Римская империя с таким центром, как Константинополь, оказалась силой обстоятельств в роли посредника между Западом и Востоком, и подобная роль ее продолжалась до эпохи Крестовых походов.

Но само византийское государство не находилось в прямых торговых сношениях со странами дальнего Востока; посредником между ними, имевшим от этого громадные выгоды, являлась персидская держава Сасанидов. Главных торговых путей было два: один сухопутный, другой водный. Первый, караванный, путь шел от западных границ Китая, через Согдиану (современную Бухару), к персидской границе, где происходила перегрузка товаров из рук китайских купцов в руки персидских, которые уже отправляли их дальше в определенный таможенный пункт на византийской границе. Другой, водный, путь шел таким образом: китайские купцы на кораблях везли свои товары до острова Тапробан (теперь Цейлон), на юг от полуострова Индостан, где товары перегружались, преимущественно на персидские корабли; последние везли их по Индийскому океану и Персидскому заливу к устьям Тигра и Евфрата, откуда вверх по Евфрату товары доходили до лежавшего на этой реке византийского таможенного пункта. Отсюда видно, что торговля Византии с Востоком, бывшая в руках персидских купцов, находилась

---

* А. А. Васильев не успел ознакомиться с одной важной работой, где очень подробно рассмотрены все анализируемые им в данном разделе вопросы: *Н. В. Пигулевская.* Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком IV—VI вв. М.; Л., 1951; *idem.* Byzanz auf den Wegen nach Indien. Aus der Geschichte des byzantinischen Handels mit dem Orient von 4. bis 6. Jahrhundert. Berlin, 1969.

в зависимости от отношений империи к Персии; а так как военные действия с Персией были обычным явлением в истории Византии, то византийская торговля с Востоком беспрестанно прерывалась и несла чрезвычайный ущерб. Особенно важной отраслью торговли был китайский шелк, секрет производства которого бдительно охранялся Китаем. Ввиду трудности его доставки цена на шелк и на шелковые изделия, на которые был громадный спрос в Византии, поднималась временами до необычайных размеров. Кроме китайского шелка, из Китая и Индии шли на запад благовония, пряности, хлопок, драгоценные камни и некоторые другие предметы, находившие также широкий сбыт в византийском государстве.

Не мирясь с экономической зависимостью Византии от Персии, Юстиниан поставил своей целью найти такой путь торговых сношений с Китаем и Индией, который не находился бы в сфере персидского влияния.

Косма Индикоплов

Ко времени Юстиниана относится замечательный литературный памятник, сообщающий драгоценные сведения как о географии бассейнов Красного моря и Индийского океана, так и о торговле с Индией и Китаем: это — «Христианская топография» Космы Индикоплова, написанная в середине VI века.[1]

Родившись в Египте, вероятно в Александрии, Косма с ранних лет занялся торговлей, но, не довольствуясь торговыми операциями в родной стране, предпринял ряд дальних путешествий, во время которых посетил берега Красного моря, Синайский полуостров, Эфиопию (Абиссинию) и, может быть, доезжал до Цейлона. Будучи христианином, вероятно, несторианином, он после разнообразной жизни окончил свои дни в монастыре монахом. Прозвание Космы Индикопловом (по-гречески «Индикоплевст»), встречается уже в древних списках его сочинения.

Для нас не важна основная цель «Христианской топографии», доказывающей христианам, что, вопреки системе Птолемея, земля имеет не форму шара, а вид продолговатого четырехугольного ящика, наподобие жертвенника в ветхозаветной скинии Моисея;

---

[1] Индикоплов означает «плывущий в Индию», или «плывущий по Индийскому океану». Сочинение было переведено на английский язык Дж. Мак-Криндлом: The Christian Topography of Cosmas, an Egyptian Monk. London, 1897. См.: *C. Beazly.* The Down of Modern Geography. London, 1897, vol. I, pp. 190—196; 273—303. Наиболее полный и красочный очерк о сочинении Космы, согласно Уинстеду (The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes. Cambridge, 1909, p. VI), — это *M. V. Anastos.* The Alexandrian Origin of the Christian Topography of Cosmas Indicopleustes. — Dumbarton Oaks Papers, vol. III, 1946, pp. 75—80.

вся же Вселенная уподобляется общему виду скинии. Для науки имеют громадное значение, как отмечено выше, географические и торговые сведения Космы. Автор добросовестно оповещает читателя о своих источниках и дает им соответственную оценку; он различает свои личные наблюдения, как очевидца, сообщения других очевидцев и, наконец, сведения, полученные им понаслышке. Он в качестве очевидца описывает дворец абиссинского царя в городе Аксуме (в так называемом Аксумском царстве), дает точное описание нескольких интересных надписей на берегу Красного моря и в Нубии, а также индийских и африканских зверей, и, что особенно надо отметить, сообщает ценнейшие сведения об острове Тапробане (Цейлоне) и выясняет его торговое значение в эпоху раннего средневековья. Из его описания явствует, что Цейлон в VI веке был центром мировой торговли между Китаем, с одной стороны, и восточной Африкой, Персией и через нее с Византией, с другой стороны. По словам Космы, «Служа посредником *, остров принимает многочисленные корабли, приходящие со всей Индии, Персии и Эфиопии». Жившие на острове персы-христиане, т. е. несториане, имели там свою церковь и штат духовенства.

Интересно, что, несмотря на почти полное отсутствие примеров прямых торговых сношений Византии с Индией, византийские монеты эпохи Константина Великого появляются на индийских рынках, проникая туда, очевидно, не через византийских купцов, а при посредстве персов и абиссинцев (аксумитов). Монеты с именами императоров в Византии IV, V и VI веков — Аркадия, Феодосия, Маркиана, Льва I, Анастасия I, Юстиниана I, были найдены в южной и северной Индии.[1] В международной экономической

---

* Начиная с русского издания 1917 г. (с. 160), А. А. Васильев воспроизводил не вполне точный перевод этого места: — «остров, находясь в центре». Между тем, стоящее здесь в греческом тексте слово означает именно «посредник».

По-настоящему научное издание «Христианской топографии» Космы Индикоплова вышло через два десятилетия после смерти А. А. Васильева. (*Cosmas Indicopleustes*. Topographie chretienne. Tome I (livres I—IV). Introduction, texte critique, illustration, traduction et notes par W. Wolska-Conus. Paris, 1968. Sources chretiennes, n. 141; t. II (livres V). Paris, 1970. Sources chretiennes, n. 159; t. III (livres VI—XI; index). Paris, 1973. Sources chretiennes, t. 197). Именно поэтому в данных примечаниях ссылки даны на новое издание, а имеющаяся устаревшая информация А. А. Васильева опущена. В данном конкретном случае имеется в виду следующее место: XI, 15. По новому французскому изданию — t. III, p. 344.

[1] См.: *R. Sewell*. Roman Coins in India. — JRAS, vol. XXXVI, 1904, pp. 620—621; *М. Хвостов*. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907, с. 230; *E. Warmington*. The Commerce between the Roman Empire and India. Cambridge, 1928, p. 140.

жизни VI века Византия играла настолько крупную роль, что, по свидетельству того же Космы, «все народы вели торговлю при посредстве византийской золотой монеты (номисмы или солида), которая принимается повсюду от одного края земли до другого, служа предметом удивления для всех людей и всех государств, так как такой монеты в других государствах не было».[1]

Косма рассказал весьма интересную историю, которая показывает глубокое уважение в Индии к византийской золотой монете (номисме):

«Однажды * один из местных торговцев ** по имени Сопатр — умерший, как мы знаем,*** тридцать пять лет назад, — прибыл для торговых дел на остров Тапробану. Случилось так, что и из Персиды корабль бросил якорь. Люди Адулиса,**** с которыми был Сопатр, сошли на берег, сошли и персы, с которыми был и посол персов. Затем архонты ***** и сборщики налогов их приняли и отвели к царю. Царь принял их, и после того, как они пали ниц, разрешил им сесть. Тогда он их спросил: „Каковы ваши страны и каковы ваши дела?“. Они ответили: „Хорошо“. Потом, среди других вопросов, царь спросил: „Который из ваших царей лучше и сильнее?“ Перс вскричал: „Наш более могущественный, более великий, более богатый, и он — царь царей. И если он чего хочет, он — может этого добиться“. Сопатр молчал. Тогда царь обратился к нему: „А ты, ромей, тебе нечего сказать?“. Сопатр же: „Что мне сказать, когда перс говорит такие вещи? Если ты хочешь узнать правду, ты имеешь здесь обоих царей. Рассмотри каждого из них и ты увидишь, кто из них более блистателен и могущественен“. Царь, удивившись этим словам, сказал: „Как же я имею здесь обоих царей?“. Сопатр ответил: „Ты имеешь монеты обоих — от одного номисму, от другого — драхму, то есть миллиарисий. Посмотри на изображение каждого и ты узнаешь правду“. Царь, похвалив и одобрив (предложение), велел доставить обе монеты. Номисма была из чистого золота, блестящая и хорошей чеканки. Дело в том, что туда доставляют монеты лучшего образца. Миллиарисий же был серебряной монетой, и этого достаточно,

---

[1] Topographie chretienne, II, 77 (Topographie chretienne. Paris, 1968, vol. I, pp. 392—395).

* Перевод сделан по греческому тексту, воспроизведенному во французском издании с учетом французского перевода.

** То есть византийских.

*** Стиль Космы Индикоплова, писавшего о себе самом во множественном числе.

**** Крупный торговый порт, существовавший в древности на территории современной Эфиопии.

***** В данном случае — общий термин для обозначения должностных лиц.

чтобы его невозможно было бы сравнивать с золотой. Царь, покрутив обе монеты, их изучил и, похвалив номисму, сказал: „В самом деле, ромеи блистательны, могущественны и мудры". Он приказал оказать большой почет Сопатру и, посадив его на спину слона, приказал возить по городу в сопровождении барабанов, с большим почетом. Это нам рассказал Сопатр и его спутники с Адулиса, прибывшие на остров. Они также говорили, что перс от всего случившегося был очень унижен».[1]

Кроме историко-географического и бытового значения, труд Космы имеет и крупное художественное значение благодаря многочисленным рисункам (миниатюрам), которыми был украшен его текст; может быть, некоторые рисунки были исполнены самим автором. Рукописный оригинал VI века до нас не дошел; но сохранившиеся позднейшие рукописи «Христианской топографии» содержат копии первоначальных миниатюр и поэтому являются ценным источником для раннего византийского, специально александрийского искусства. «Миниатюры рукописи Космы, — говорит Н. П. Кондаков, — характеризуют византийское искусство в эпоху Юстиниана лучше, чем всякий другой памятник этого периода, за исключением некоторых мозаик Равенны».[2]

Сочинение Космы впоследствии было переведено на славянский язык и пользовалось большим распространением. Существует много русских списков «Христианской топографии» с приложением портрета самого Космы Индикоплова.[3]

Защита византийской торговли

Юстиниан задался целью освободить византийскую торговлю от персидской зависимости. Для этого необходимо было установить прямые сношения с Индией через Красное море. В северо-восточном углу Красного моря (в Акабском заливе) находился византийский порт Айла, откуда индийские товары могли идти уже сухим путем через Палестину и Сирию к Средиземному морю. Другой порт, Клисма (около современного Суэца), лежал в северо-западном углу

---

[1] Topographie chretienne, XI, 17—19 (Topographie chretienne. Paris, 1973, vol. III, pp. 348—351). История эта выглядит очень традиционной, так как Плиний рассказывает нечто подобное о послах с Цейлона во времена царствования Клавдия (*Plin.* Nat. hist. VI, 85). См. также: *J. E. Tennent.* Ceylon. London, 1860, p. 560.

[2] *N. P. Kondakov.* Histoire de l'art byzantin considere principalement dans les miniatures. Paris, 1886, vol. I, p. 138. По русскому изданию — Одесса, 1876, с. 88.

[3] *Е. К. Редин.* «Христианская Топография» Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. Москва, 1916.

Красного моря, откуда был прямой путь к Средиземному морю. На одном из островов, Иотаба (теперь Тиран), при входе в Акабский залив, у южной оконечности Синайского полуострова, при Юстиниане был устроен дозорный таможенный пункт для проходящих судов.[1] Но у императора не было в Красном море для регулярной торговли достаточного количества кораблей. Ввиду этого он вступил в сношения с единоверными абиссинцами (с Аксумским царством), убеждая их покупать в Индии шелк и потом перепродавать его Византии, т. е. хотел, чтобы они явились, подобно персам, посредниками в торговле между Византией и Индией. Но эта попытка окончилась ничем, так как абиссинские купцы не могли справиться с персидским влиянием в Индии, и монополия на покупку шелка осталась в руках персидских купцов. Таким образом, новых путей для прямой торговли с Востоком Юстиниану открыть не удалось. В мирные промежутки Персия по-прежнему оставалась посредницей, удерживая торговлю в своих руках и наживая большие деньги.

Счастливый случай, однако, помог Юстиниану разрешить столь важный для его государства вопрос о торговле шелком. Несколько монахов или, по другому источнику, один перс,[2] — сумели, обманув всю бдительность китайских досмотрщиков, доставить в империю коконы шелковичного червя и научили греков искусству разведения шелковичных куколок. Тогда Византия быстро освоилась с этим делом: появились плантации шелковицы; основывались фабрики для выделки шелковых материй. Главные фабрики шелковых тканей были в Константинополе, затем в сирийских городах, Бейруте, Тире и Антиохии, и, наконец, позднее в Греции, в основном в Фивах. Одна существовала в Александрии, ибо египетские одежды

---

[1] *W. Heyd.* Histoire du commerce du Levant au moyen âge. Leipzig, 1886. p. 10. (Репринтное воспроизведение книги — Leipzig, 1936). *Ch. Diehl.* Justinien et la civilisation byzantine... p. 390. *F.-M. Abel.* L'île de Jotabe. — RB, vol. XLVII, 1938, pp. 520—524.

[2] Мнения источников по этому вопросу очень расходятся. Прокопий (De bello gothico, IV, 17) приписывает этот подвиг нескольким монахам. У Феофана Византийского (Excerpta e Theophanis Historia. Bonn ed., p. 484; ed. L. Dindorf. Historici Graeci Minores, vol. I, p. 447) речь идет об одном персе. Полная путаница фактов и имен присутствует в сочинении *F. Richthofen.* China. Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegrundete Studien. Bd. I, S. 528—529, 550. (В сводной библиографии у А. А. Васильева эта работа отсутствует. — *Науч. ред.*) Сериндия Прокопия иногда идентифицируется с Хотаном (*Richthofen.* China, Bd. I. SS. 550—551; *W. Heyd.* Histoire du commerce du Levant... p. 12; *J. B. Bury.* A History of the Later Roman Empire... vol. II, p. 332, note 1). По истории шелководства в Византии в целом см. очень важную статью: *R. E. Lopez.* Silk Industry in the Byzantine Empire. — Speculum, vol. XX, 1945, pp. 1—42. Есть несколько иллюстраций.

продавались в Константинополе.[1] Шелковое производство, сделавшееся казенной монополией, стало давать империи крупные доходы. Византийские шелковые ткани расходились по всей Западной Европе и украшали дворцы западных государей и частные дома богатых купцов. Таким образом, во время Юстиниана византийская торговля пережила один из самых важных моментов в своем развитии. Однако, как бы ни были значительны доходы от шелкового производства, они не были в состоянии поправить общего критического финансового положения империи. Юстин II мог показать тюркскому послу, посетившему его двор, шелковое производство в полном объеме.[2]

Обращая внимание на все стороны государственной жизни, Юстиниан предпринял громадную работу защиты империи против внешних врагов путем сооружения целого ряда крепостей и укреплений. В течение нескольких лет он построил на всех границах империи почти непрерывный ряд укреплений (castella): в Северной Африке, на берегах Дуная и Евфрата, в горах Армении, на отдаленном Крымском полуострове, восстановив и расширив таким образом замечательную оборонительную систему, созданную еще Римом. Своей строительной деятельностью Юстиниан, по словам Прокопия, «спас имерию».[3] В другом месте своего сочинения «О постройках» Прокопий пишет: «Если бы мы перечислили крепости, которые здесь сооружены императором Юстинианом, другим людям, живущим в чужом, далеком государстве и лишенным возможности проверить лично наши слова, то я убежден, что число сооружений показалось бы баснословным и совершенно невероятным».[4] Еще по настоящее время сохранившиеся развалины бесчисленных укреплений на всем протяжении бывшей Византийской империи приводят в удивление путешественников.

Строительная деятельность Юстиниана была ознаменована не только возведением укреплений. Будучи императором христианским, он заботился и о сооружении храмов, во главе которых стоит несравненная константинопольская св. София, сделавшая эпоху в истории византийского искусства. Св. София описана подробно ниже. Точно так же он заботился о постройках даже в горах далекого Крыма, где он приказал построить большую церковь (базилику) в Дори, главном центре готского поселения. Там был найден фрагмент надписи с его именем.[5]

---

[1] *J. Ebersolt*. Les arts somptuaires de Byzance. Paris, 1923, p. 12—13. *G. Rouillard*. L'administration de l'Égypte, p. 83.

[2] Excerpta e Theophanis Historia. Bonn ed., p. 484; Fragmenta Historicorum Graecorum, vol. IV, p. 270.

[3] *Procop*. De aedificiis, II, 1, 3.

[4] *Procop*. De aedificiis, IV, 4, 1.

[5] *A. Vasiliev*. The Goths in the Crimea, p. 71.

Непосредственные преемники Юстиниана

Когда сильная фигура Юстиниана сошла со сцены, то вся его искусственная государственная система, временно удерживавшая империю в состоянии равновесия, разрушилась. С его смертью, по словам английского историка Бьюри, «ветры вырвались из темницы; разъединяющие элементы начали действовать с полной силой; искусственная система пала, и метаморфоза в характере империи, совершавшаяся, наверное, уже давно, но несколько затемненная среди поражающих событий деятельного царствования Юстиниана, начала теперь совершаться быстро и заметно».[1]

Время с 565 по 610 гг. принадлежит к одному из самых безотрадных периодов византийской истории, когда анархия, нищета и эпидемия свирепствовали внутри страны. Царившая тогда смута заставляла говорить жившего в эпоху Юстина II историка Иоанна Эфесского[2] о близости кончины мира. Английский историк Финлей писал об этом времени: «Может быть, не было периода в истории, когда общество находилось в состоянии такой всеобщей деморализации».[3]

Ближайшими преемниками Юстиниана были, как уже сказано выше, Юстин II Младший (565—578), Тиверий II (578—582), Маврикий (582—602) и Фока (602—610). Из них более других выдавался энергичный воин и опытный вождь, Маврикий. Большим влиянием на государственные дела и сильным характером отличалась супруга Юстина II, София, напоминавшая этим Феодору. Наиболее важными фактами во внешних делах этих государей надо считать персидскую войну, борьбу со славянами и аварами на Балканском полуострове и завоевания лангобардов в Италии. Во внутренней жизни империи за это время надо иметь в виду строго православную политику императоров и образование двух экзархатов.

Война с персами

Пятидесятилетний мир с Персией, заключенный в 562 году Юстинианом, был нарушен при Юстине II, который не захотел дальше платить условленной ежегодной суммы денег. В это время ввиду общих действий против Персии завязались интересные сношения Византии с турками, которые, появившись незадолго перед тем в западной Азии и у Каспийского моря и владея уже страной

---

[1] *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. II, p. 67.
[2] *Joh. Ephes*. Hist. eccl., I, 3.
[3] *G. Finlay*. A History of the Greece, ed. H. F. Tozer, vol. I, p. 298. К. Амантос думает, что эта грустная картина несколько преувеличена. См.: Ιστορια του Βυζαντινοῦ κρατους, vol. I, p. 260.

между Китаем и Персией, также видели в персидском государстве своего врага. Турецкое посольство, перевалив через Кавказские горы, после долгого пути прибыло в Константинополь, где встретило любезный прием. Намечался род наступательного и оборонительного тюрко-византийского союза против Персии. В высшей степени интересно предложение турецкого посольства византийскому правительству о посредничестве в торговле шелком между Китаем и Византией, минуя Персию; другими словами, турки предлагали императору то, к чему стремился Юстиниан Великий; только последний надеялся устроить это южным морским путем при помощи Абиссинии, а турки при Юстине II имели в виду северный сухопутный путь. Однако тюрко-византийские переговоры не привели к заключению союза и общим действиям против персов, так как Византия в конце шестидесятых годов была отвлечена делами на Западе, особенно в Италии, куда произвели вторжение лангобарды; к тому же и турецкие военные силы казались Юстину не особенно значительными. Результатом краткосрочного ромейско-тюркского мира была напряженность между Византией и Персией.[1] Во время царствования Юстина, Тиверия и Маврикия почти постоянно шла война против персов. Во время царствования Юстина II эта война была очень неудачной для Византии. Осада Нисибина была снята, авары из-за Дуная вторглись в византийские провинции Балканского полуострова, и Дара, важный укрепленный пограничный город, после шестимесячной осады перешел в руки персов. Эта потеря так потрясла слабого умом Юстина, что он стал безумным, и императрица София, заплатив 45 000 золотых монет, добилась передышки в виде годичного перемирия (574).[2] Сирийская хроника XII века, базирующаяся, без сомнения, на более раннем источнике, замечает: «Узнав, что Дара захвачена, император впал в отчаяние, он приказал закрыть лавки и прекратить торговлю».[3] Персидская война при Тиверии и Маврикии была более успешной для Византийской империи из-за умелого руководства Маврикия, которому помогала борьба за трон в Персии.[4] Мирный договор при Маврикии

---

[1] *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. 2, p. 97; *Ю. А. Кулаковский*. История Византии. т. II. СПб., 1996, с. 291—292; *E. Stein*. Studien zur Geschichte des byzantinisches Reiches... S. 21; *S. Vaillhe*. Projet d'alliance turco-byzantine au VIe siecle. — Échos d'Orient, vol. XII 1909, p. 206—214.

[2] Об этой войне см.: *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. 2, pp. 95—101; *Ю. А. Кулаковский*. История Византии, с. 297—299; *E. Stein*. Studien zur Geschichte... SS. 38—55.

[3] Chronique de Michel le Syrien, trans. J.-B. Chabot. Paris, 1910, vol. II, p. 312.

[4] По поводу этой войны см.: *E. Stein*. Studien zur Geschichte... SS. 58—86 (при Тиверии Цезаре), SS. 87—102 (при Тиверии Августе).

имел большое значение: Персармения и восточная Месопотамия с городом Дара были уступлены Византии, унизительное для нее условие ежегодной уплаты персидской дани было уничтожено; наконец, империя получала возможность, освободившись от персидской опасности, обратить все свое внимание на западные дела, особенно на непрекращавшиеся нападения аваров и славян на Балканском полуострове.[1] Начавшаяся при Фоке новая война с Персией, имевшая для Византии громадное значение, окончилась уже при Ираклии; поэтому оценка ее будет сделана ниже.

Славяне и авары

Важные события разыгрывались после смерти Юстиниана на Балканском полуострове. К сожалению, источники дают о них лишь отрывочные сведения. Уже раньше была речь о том, что при Юстиниане славяне производили частые нападения на области Балканского полуострова, заходя далеко на юг и угрожая временами даже Солуни. После смерти Юстиниана эти вторжения продолжались, причем славяне значительными массами уже оставались в византийских областях и мало-помалу заселяли полуостров. Вместе с ними действовали авары, народ тюркского племени, живший в то время в Паннонии. Славяне и авары грозили столице, побережью Мраморного и Эгейского морей, проникали в Грецию, достигая Пелопоннеса. Слух об этих вторжениях дошел до Египта, где Иоанн, епископ Никиу, писал в VII веке, во время царствования Фоки: «Подробно рассказано, что имели повелители эпохи от варваров и чужеземцев и что иллирийцы разорили христианские города и захватили в плен их жителей и что, за исключением Фессалоники, не было городов, которые избежали бы этого. Фессалонику же спасла крепость стен и помощь Господа, благодаря которой инородцы были не в состоянии овладеть ей».[2] Немецкий исследователь начала XIX века выдвинул теорию, анализируемую ниже, о том, что в конце VI века греки были полностью вытеснены

---

[1] О персидской войне при Тиверии и Маврикии см.: *Ю. А. Кулаковский*, История Византии, т. 2, с. 310—319; 342—360; *M. J. Higgins*. The Persian War of the Emperor Maurice I. The Chronology with a Brief History of the Persian Calendar. — The Catholic Historical Review, vol. XXVII, 1941, pp. 279—315 (героем Хиггинса является Тиверий, достойный, по его мнению (p. 315), стоять в ряду величайших личностей в долгой истории империи); *V. Minorsky*. Roman and Byzantine Campaigns in Atropatene. — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, vol. XI, 1944, pp. 244—248 (кампания 591 г.).

[2] Хроника Иоанна, епископа Никиусского, гл. CIX, с. 430 (Notices et extraits des manuscrits de la Bibliotheque Nationale. Paris, 1883, vol. XXIV. Trans. M. Zotentberg).

славянами. Изучение проблемы славянских поселений на Балканском полуострове зависит во многом от изучения деяний великомученика Димитрия, небесного покровителя Фессалоники — одного из главных славянских центров на полуострове.[1]

В конце VI и начале VII веков, благодаря упорному аваро-славянскому движению к югу, которого не могли остановить византийские войска, на Балканском полуострове произошел важный этнографический переворот: полуостров в своей значительной части оказался занятым славянами. Писатели того времени вообще плохо разбирались в северных народностях, а кроме того, славяне и авары нередко производили совместные нападения.

Италия после смерти Юстиниана не была достаточно защищена против нападений внешних врагов. Этим объясняется легкость и быстрота завоевания большей части Италии германскими варварами лангобардами, появившимися там спустя немного лет после уничтожения Юстинианом остготского государства. Лангобарды, уничтожив в союзе с аварами в половине VI века у среднего Дуная державу варварского племени гепидов, двинулись, может быть, опасаясь своих союзников аваров, из Паннонии под начальством короля (конунга) Альбоина в Италию; шли они с женами и детьми; в состав их войска входили многие другие племена; особенно много было саксов.

Народная легенда обвинила в их призыве в Италию престарелого правителя ее и полководца времени Юстиниана Нарзеса. Подобное обвинение Нарзеса должно считаться необоснованным. Он, по вступлении на престол Юстина II, благодаря преклонному возрасту удалился от дел и вскоре умер в Риме.

В 568 году лангобарды вступили в северную Италию. Они, представляя собой дикую, варварскую орду, подвергли страшному опустошению все местности, по которым проходили. По своему исповеданию они были арианами. Северная Италия быстро подчинилась власти лангобардов, от имени которых, как известно, и происходит название северной Италии — Ломбардия. Византийский правитель, не располагая достаточными силами для борьбы с ними, держался в Равенне. Лангобарды же, покорив северную Италию, стали двигаться к югу, оставив в стороне Равенну. Их толпы рассеялись почти по всему полуострову, забирая беззащитные города, дошли до южной Италии и овладели Беневентом. Хотя Рим не был захвачен варварами, однако римская область была окружена ими с севера, востока и юга. Они прервали сношения Равенны с Римом, который не мог надеяться на помощь византийского правителя, сидевшего в Равенне. При этом Рим не мог

---

[1] См.: *O. Tafrali.* Thessalonique des origines au XIV[e] siecle. Paris, 1913, pp. 101—108.

также рассчитывать и на помощь еще более далеких константинопольских императоров, которые, как было уже отмечено выше, переживали в это время одну из очень тяжелых и смутных эпох. В Италии образовалось крупное германское государство лангобардов. Тиверий и, даже гораздо более серьезно, Маврикий, старались установить союз с франкским королем Хильдебертом II (570—595) в надежде склонить его начать военные действия против лангобардов в Италии, однако усилия оказались тщетными. Стороны обменивались многими посольствами, и Хильдеберт много раз посылал войска в Италию, но всегда с целью завоевать древние франкские владения для самого себя, чем с намерением помочь Маврикию. Прошло более полутора столетий, прежде чем франкские короли, вдохновляемые папой, но не императором, оказались способными уничтожить лангобардское владычество в Италии.[1] Предоставленный самому себе Рим, выдержавший не одну лангобардскую осаду, нашел защитника в лице папы, который вынужден был не только заботиться о духовной жизни своей римской паствы, но и принять меры к защите города от лангобардов. В конце VI века римская церковь и выставила одного из замечательных своих представителей, а именно папу Григория I Великого. Ранее он был папским апокрисиарием, или нунцием, в Константинополе, где провел шесть лет, оказавшись не в состоянии выучить даже основы греческого языка.[2] Однако, несмотря на этот лингвистический недостаток, он был хорошо знаком с жизнью и политикой Константинополя.

Лангобардское завоевание Италии совершенно ясно показало несостоятельность внешней политики Юстиниана на Западе; империя не имела достаточно сил для удержания владений покоренного остготского королевства. С другой стороны, лангобардское вторжение положило основание для постепенного отдаления Италии от Византии и ослабления в Италии политической власти империи.

Религиозные дела

В церковном отношении ближайшие императоры после Юстиниана держались православия, и временами монофизиты, как то было, например, при Юстине II, подвергались суровым преследованиям. Имеют довольно важное значение отношения Византии

---

[1] См.: *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. II, pp. 160—166; *G. Reverdy*. Les Relations de Childebert II et de Byzance. — Revue historique, vol. CXIV, 1913, pp. 61—85.

[2] О пребывании Григория в Константинополе см.: *F. Dudden*. Gregory the Great: His Place in History and Thought. London, 1905, vol. I, pp. 123—157. Возможно, Григорий был отозван в Рим в 586 году (см. с. 156—157 указанной книги).

во время Маврикия и Фоки к римской церкви. Последняя, в лице папы Григория Великого, высказалась против присвоения константинопольским епископом титула в с е л е н с к о г о. В письме к императору Маврикию папа Григорий обвиняет тогдашнего патриарха Иоанна Постника в чрезмерной гордости. «Я должен, — писал папа, — при этом воскликнуть и произнести „о, времена! о, нравы!“ (o, tempora, o, mores). В такое время, когда вся Европа подпала под власть варваров, когда города разрушены, крепости срыты, провинции опустошены; когда поля остаются без рук, идолопочитатели свирепствуют и господствуют на погибель верующим, — и в такое-то время священнослужители домогаются тщеславных титулов и гордятся тем, что носят новые, безбожные наименования, вместо того чтобы повергаться в прах, обливаясь слезами. Разве я защищаю, благочестивейший государь, свое собственное дело? Неужели я хочу, говоря так, отомстить личную свою обиду? Нет, я говорю в защиту дела Всемогущего Бога и дела вселенской церкви... Кто оскорбляет святую вселенскую церковь, в чьем сердце бушует гордость, кто хочет пользоваться особенными титулами и, наконец, хочет этим титулом поставить себя выше прерогативы вашей власти — того нужно наказать».[1]

В этом споре папа не добился желаемой уступки и в течение некоторого времени даже не посылал в Константинополь своего представителя. Когда в 602 году там вспыхнула революция против Маврикия в пользу Фоки, который, после безжалостного и зверского умерщвления императора и его семьи, был провозглашен государем, папа Григорий обратился к нему с письмом, тон и содержание которого так мало подходили к этому бессмысленному тирану на византийском престоле. Григорий писал: «Слава в вышних Богу... Да веселятся небеса и да торжествует земля (Пс. 95, 11). Весь народ, доселе сильно удрученный, да возрадуется о ваших благорасположенных деяниях!.. Пусть каждый наслаждается свободой под ярмом благочестивой империи. Ибо в том и состоит различие между властителями других народов и императорами, что первые господствуют над рабами, императоры же римского государства повелевают свободными!»[2] По-видимому, на Фоку подобное отношение папы произвело впечатление, так как второй преемник Григория на папском престоле добился того, что Фока запретил константинопольскому патриарху именоваться вселенским и объявил, по словам источника, чтобы «апостольский престол блаженного апостола Петра был главой всех церквей».[3]

---

[1] Epistulae, V, 20 (PL, LXVII, col. 746—747); Monumenta Germaniae Historica, Epistularum, I, 322 (V, 37).

[2] Epistulae, XIII, 37 (PL, LXXVII, col. 1281—1282); Mon. Germ. Hist., Epistularum, II, 397 (XIII, 34).

[3] Liber Pontificalis, ed. L. Duchesne, vol. I, p. 316.

Таким образом, в то время как Фока во всех своих внешних и внутренних предприятиях терпел неудачи и вызывал негодование и раздражение своих подданных, отношения его к Риму, основанные на уступках императора папе, были в течение всего царствования дружественными и мирными. В память таких добрых отношений между Римом и Византией на римском Форуме была воздвигнута равеннским экзархом поныне существующая колонна с хвалебной надписью в честь Фоки.

Формирование экзархатов и переворот 610 г.

В связи с лангобардскими завоеваниями в Италии в управлении последней произошло важное изменение, которое, вместе с аналогичной, одновременной реформой в управлении Северной Африкой, положило начало развившемуся позднее в империи фемному строю.

Византийская власть в Италии была не в состоянии оказать должного сопротивления лангобардам, завоевавшим две трети полуострова. В таких обстоятельствах, перед лицом грозной опасности в Италии, византийское правительство решило усилить там свою власть, сосредоточив в руках военных правителей гражданские функции. Во главе византийского управления Италией был поставлен генерал-губернатор с титулом э к з а р х а, которому всецело были подчинены гражданские чиновники и резиденция которого находилась в Равенне. Основание р а в е н н с к о г о э к з а р х а т а относится к концу VI века, ко времени императора Маврикия. Подобное сосредоточение административных и судебных функций в руках военных властей не обозначало собой немедленного уничтожения гражданских чиновников; чиновники продолжали существовать параллельно с военными властями, но только действовали по указанию последних. Лишь позднее, в VII веке, гражданские власти, по-видимому, исчезли и были заменены властями военными. Экзарх, являясь представителем императорской власти, вносил в свое управление и известные черты столь близкого императорам цезарепапизма, т. е. вмешивался в виде решающей инстанции в церковные дела экзархата. Обладая неограниченными полномочиями, экзарх пользовался царским почетом: его дворец в Равенне назывался священным (Sacrum palatium), как называлось лишь место царского пребывания; когда экзарх приезжал в Рим, ему устраивалась царская встреча: сенат, духовенство и народ в торжественной процессии встречали его за стенами города. Все военные дела, гражданская администрация, судебная и финансовая часть — все это находилось в полном распоряжении экзарха.[1]

---

[1] По поводу образования равеннского экзархата см.: *Ch. Diehl.* Études sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne. 568—751. Paris, 1888, pp. 3—31.

Если равеннский экзархат был обязан своим возникновением вторжению лангобардов в Италию, то причиной основания африканского экзархата в Северной Африке, на месте прежнего вандальского королевства, была такая же внешняя опасность со стороны африканских туземцев, мавров, или, как их иногда называют источники, маврусиев (берберов), которые нередко поднимали серьезные восстания против византийских войск, оккупировавших эту страну. Начало африканского или, как его часто называют по резиденции экзарха Карфагену, карфагенского экзархата относится также к концу VI века, ко времени императора Маврикия. Африканский экзархат был устроен одинаково с равеннским экзархатом, и африканский экзарх обладал такими же неограниченными полномочиями, как и его итальянский коллега.[1]

Конечно, только необходимость заставила императора создать должность такого неограниченного правителя, как экзарх, который, при желании и при наличности известных условий, мог быть опасным для самой императорской власти. Действительно, как мы увидим ниже, африканский экзарх поднимет вскоре знамя восстания против Фоки, и сын экзарха в 610 году сделается императором.

Что касается деятельности экзархов, то африканские экзархи, которых умело выбирал Маврикий, искусно управляли страной и энергично и удачно защищали ее от нападений туземцев; равеннские же экзархи справиться с лангобардской опасностью не смогли.

По справедливому рассуждению французского византиниста Диля,[2] в выше названных двух экзархатах надо видеть начало фемной (фема — область, округ) организации, т. е. той областной реформы в Византии, которая, начиная с VII века, стала постепенно распространяться на всю территорию империи и отличительным признаком которой служило соединение в руках правителя фемы, обычно называемого стратигом, военной и гражданской власти. Если нападения лангобардов и мавров вызвали столь важные изменения на Западе в конце VI века, то нападения персов и арабов вызовут, немного времени спустя, подобные же мероприятия на Востоке, а нападения славян и болгар — на Балканском полуострове.

Неудачная внешняя политика Фоки по отношению к аварам и персам и кровавый террор, которым он только и надеялся спасти свое положение, вызвали восстание африканского экзарха Ираклия. После того как к его плану присоединился Египет, африканский флот, под начальством сына экзарха, по имени также Ираклий, будущего императора, отплыл к столице, которая, покинув Фоку, перешла на сторону Ираклия. Схваченный Фока был казнен, и на

---

[1] *Ch. Deihl.* L'Afrique byzantine. Paris, 1896, pp. 453—502.

[2] *Ch. Diehl.* Études byzantines. (L'origine du regime des themes). Paris, 1905, p. 277.

престол в 610 году вступил Ираклий, открывший собой новую династию.

Вопрос о славянах в Греции

На основании разбора источников о славянских нападениях во второй половине VI века на Балканский полуостров возникла в первой половине XIX века теория о полной славянизации Греции, возбудившая в науке жаркие споры.

Когда в двадцатых годах прошлого столетия вся Европа была охвачена чувством глубокой симпатии к грекам, поднявшим знамя восстания против турецкого ига; когда после геройского сопротивления эти борцы за свободу сумели отстоять свою самостоятельность и благодаря помощи европейских держав создали независимое греческое королевство; когда увлеченное европейское общество в этих героях видело сынов древней Эллады и узнавало в них черты Леонида, Эпаминонда, Филопемена, — в это время из одного небольшого немецкого города раздался голос, который заявлял пораженной Европе, что в населении нового греческого государства нет ни капли настоящей эллинской крови, что весь великодушный порыв Европы помочь делу детей священной Эллады основан на недоразумении, что древнегреческий элемент давно уже исчез и сменился новыми, совершенно чуждыми этнографическими элементами, и преимущественно — славянским и албанским. Человек, решившийся открыто выступить в такой момент со своей новой, потрясающей до основания верования тогдашней Европы теорией, был профессор всеобщей истории в одном из немецких лицеев, Фалльмерайер.

В первом томе его вышедший в 1830 году «Истории полуострова Мореи в Средние века» мы читаем следующие строки: «Эллинское племя в Европе совершенно истреблено. Красота тела, полет духа, простота обычаев, искусство, ристалище, город, деревня, роскошь колонн и храмов, даже имя его исчезли с поверхности греческого континента. Двойной слой из обломков и типы двух новых, различных человеческих рас покрывает могилы этого древнего народа. Бессмертные творения его духа и некоторые развалины на родной почве являются теперь единственными свидетелями того, что когда-то был народ эллины. И если бы не эти развалины, не эти могильные холмы и мавзолеи, если бы не земля и не злополучная участь ее обитателей, на которых европейцы нашего времени в порыве человеческого умиления изливали всю свою нежность, свое восхищение, свои слезы и красноречие, — то (пришлось бы сказать, что) один пустой призрак, бездушный образ, существо, находящееся вне природы вещей, взволновало глубину их сердец. Ведь ни единой капли настоящей, чистой эллинской крови не течет в жилах

христианского населения современной Греции. Страшный ураган разбросал на всем пространстве между Истром и самым отдаленным закоулком Пелопоннеса новое, родственное с великим славянским народом племя. Скифские славяне, иллирийские арнауты, дети полунощных стран, кровные родственники сербов и болгар, далматинцев и московитов, — вот те народы, которые мы называем теперь греками и генеалогию которых, к их собственному удивлению, возводим к Периклу и Филопемену... Население со славянскими чертами лица или с дугообразными бровями и резкими чертами албанских горных пастухов, конечно, не произошло от крови Нарцисса, Алкивиада и Антиноя; и только романтическая, пылкая фантазия в наши дни еще может грезить о возрождении древних эллинов с их Софоклами и Платонами».[1]

По мнению Фалльмерайера, благодаря славянским нашествиям в VI веке Византия, не потеряв собственно ни одной провинции, могла считать в это время своими подданными только население прибрежных стран и укрепленных городов. Появление аваров в Европе образует настоящую эпоху в истории Греции: они привели с собой славян; они дали им толчок к покорению священной земли Эллады и Пелопоннеса.

Главное основание, на котором Фалльмерайер построил свою теорию, находится у церковного историка конца VI века Евагрия, где мы читаем следующее: «Авары, пройдя два раза до так называемой Длинной стены, овладели Сингидоном, Анхиалом и всей Грецией с другими городами и крепостями, все уничтожили и сожгли, в то время как большая часть войск находилась на Востоке».[2]

Упоминание у Евагрия о «всей Греции» дало Фалльмерайеру основание говорить об истреблении греческой народности в Пелопоннесе. «Авары» Евагрия его не смущали, так как в те времена авары нападали обычно сообща со славянами. Данное нападение Фалльмерайер относил к 589 году. Но кое-какие остатки греков продолжали существовать. Окончательный же удар нанесла грекам в Пелопоннесе занесенная туда из Италии в 746 году чума. Сюда относится знаменитое место царственного писателя X века Константина Багрянородного, который в одном из своих сочинений, говоря о Пелопоннесе, отметил, что после вышеупомянутой ужасной чумы «вся страна ославянилась и сделалась варварской».[3] Год

---

[1] *J. P. Fallmerayer*. Geschichte der Halbinsel Morea wahrend des Mittelalters. Stuttgart, 1830, Bd. I, SS. III—XIV.

[2] *Evagr*. Hist. eccl., VI, 10.

[3] De thematibus, II, 33. Иногда мы находим иной перевод. «Вся страна была обращена в рабство и стала варварской». Дело в том, что Константин Багрянородный употребляет здесь необычный глагол — εσθλαβωθη, который интерпретируют либо как «ославянилась», либо как «была обращена в рабство». Я предпочитаю первое.

смерти императора Константина Копронима (775 г.) можно считать, по словам Фалльмерайера, гранью, когда опустошенная страна снова, и на этот раз уже совершенно, заполнилась славянами и, мало-помалу, начала покрываться новыми городами, деревнями и поселками.[1]

В следующем сочинении Фалльмерайер, без больших оснований, распространил свои выводы и на Аттику. Во втором же томе своей «Истории полуострова Мореи» он выступает с новой, албанской теорией, по которой со второй четверти XIV века населявшие Грецию греко-славяне были оттеснены и подавлены албанскими поселенцами, так что, по мнению Фалльмерайера, греческое восстание XIX века было делом рук албанцев.

Теория Фалльмерайера, вызвавшая горячую полемику и не выдерживавшая серьезной научной критики, важна тем, что дала начало действительно строго научной разработке вопроса о славянском влиянии в Греции. Есть основания думать, что и сам автор теории, вообще любивший эффекты, не был в ней искренно убежден.

Первым серьезным противником Фалльмерайера, глубоко изучившим вопрос о славянах в Греции, был немецкий историк Карл Гопф, выпустивший в 1867 году свою «Историю Греции с начала средневековья до нашего времени». Но Гопф впал в другую крайность, желая во что бы то ни стало умалить значение славянского элемента в Греции. По его суждению, славянские поселения в Греции существовали только с 750 по 807 год; до 750 года таких поселений не было. Что касается славянизации Аттики, то Гопф показал, что суждения Фалльмерайера по этому вопросу основывались на подложном документе.[2]

Обширная литература по данному вопросу, часто разноречивая и несогласная, позволяет сделать заключение о том, что славянские поселения, и притом очень значительные, были в Греции с конца VI века, но, конечно, не имели своим результатом ни панславизации, ни полного уничтожения греков. Источники сохранили нам упоминания о славянах в Греции, преимущественно в Пелопоннесе, на всем протяжении Средних веков вплоть до XV века.[3] Самым важным источником по истории славянского проникновения на Балканский полуостров являются Деяния св. Димитрия, упомяну-

---

[1] Geschichte der Halbinsel Morea, Bd. I, SS. 208—210.

[2] *K. Hopf*. Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf die neuere Zeit, Bd. I, SS. 103—119.

[3] *А. А. Васильев*. Славяне в Греции. — Византийский временник, т. 5, (1898), с. 416—438. С 1898 г. по этому обсуждаемому (debatable) вопросу была опубликована обширная литература. Подробный список этих публикаций можно найти в недавней книге: *A. Bon*. Le Peloponnese Byzantin. Paris, 1951, pp. 30—31.

Император Михаил III обнаруживает знаменитую реликвию — голову Иоанна Крестителя. Миниатюра из Менология Василия II

тые выше. Этот источник не использовался должным образом ни Фалльмерайером, ни Гопфом, на деле он не исследовался должным образом до наших дней.[1]

В науке не раз обсуждался вопрос об оригинальности теории Фалльмерайера. Высказанное им мнение не было новостью; о славянском влиянии в Греции говорили и до него; Фалльмерайер только высказал свое суждение резко и прямо. В 1913 году русский исследователь высказал хорошо обоснованное мнение о том, что истинным виновником возникновения теории Фалльмерайера, не развившим, правда, ее подробно, но зато и не доведшим ее — в погоне за эффектом — до степени антинаучного парадокса, был венский славист начала XIX века Копитарь, который проводил мысль о значительной роли славянской стихии в образовании новогреческой народности.[2] «Крайности теории Фалльмерайера, — говорил Н. М. Петровский, — разумеется, не могут быть защищаемы в настоящее время, после тщательного обследования относящихся сюда вопросов; но сама теория, стройно и живо изложенная Фалльмерайером, имеет все права на внимание даже со стороны несогласных с ней ни в целом, ни в частностях историков».[3] Без сомнения, теория Фалльмерайера, несмотря на совершенно очевидные преувеличения, сыграла очень важную роль в исторической науке, обратив внимание на один из очень интересных, но вместе с тем и очень темных вопросов, а именно — на вопрос о славянах в Греции в Средние века. Но труды Фалльмерайера получат еще более общеисторическое значение, если на него взглянуть как на первого ученого, обратившего внимание на этнографическое преобразование не только Греции, но и Балканского полуострова в Средние века вообще. В настоящее время в России этот тезис о раннем проникновении славян на Балканы усиленно поддерживается. В современных русских научных изданиях, таких как «Исторический журнал», «Вестник древней истории», на эту тему появилось несколько статей. Фалльмерайер весьма популярен у русских историков, которые объявили, что его сочинение недооценено. Современное славянофильское движение в России кажется даже более сильным, чем подобное движение примерно сто лет назад, упомянутое в первой главе этой книги.

---

[1] См. интересную главу об актах св. Димитрия: *H. Gelzer*. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899, SS. 42—64. См. также: *O. Tafrali*. Thessalonique... p. 101.

[2] *Н. М. Петровский*. О проблеме происхождения теории Фалльмерайера. — ЖМНП, 1913, с. 143, 149.

[3] Там же, с. 104.

Литература, просвещение и искусство

Отражая многостороннюю деятельность Юстиниана, которая удивляла даже его современников, эпоха между 518 и 610 годами дала обильное наследство в различных отраслях образования (learning) и литературы. Император сам пробовал заниматься литературным творчеством в области догматики и гимнографии. Маврикий также проявлял вкус к письмам. Он, однако, не только покровительствовал, но и поощрял литературу и часто проводил значительную часть ночи в обсуждениях или размышлениях по вопросам поэзии или истории.[1] Это время дало многих историков, которых мероприятия Юстиниана снабдили богатым материалом.

Юстиниан имел специального историка своего времени в лице Прокопия Кесарийского, нарисовавшего в своих сочинениях очень полную картину его правления. Будучи юристом по образованию, Прокопий был назначен секретарем к известному полководцу Велизарию, с которым участвовал в походах против вандалов, готов и персов. Прокопий имеет значение и как историк, и как писатель. Как историк он был поставлен в наилучшие условия в смысле источников и осведомленности. Близость к Велизарию давала ему доступ ко всем официальным документам канцелярий и архивов, тогда как его личное участие в походах и прекрасное знакомство со страной всегда давало ему драгоценный и живой материал личного наблюдения и устных сообщений современников.

В композиции и стиле Прокопий часто следовал античным историкам, особенно Геродоту и Фукидиду. Как писатель Прокопий, несмотря на зависимость от древнегреческого языка прежних историков и некоторую искусственность изложения, дал пример образного, ясного и сильного языка. Прокопию принадлежат три сочинения. Самое крупное из них — «История в восьми книгах», где описываются войны Юстиниана с персами, вандалами и готами. Но, помимо этого, в этом труде автор затрагивает многие другие стороны государственной жизни и, несмотря на несколько хвалебный тон в отношении императора, не раз высказывает горькую правду. Это сочинение может быть названо общей историей времени Юстиниана. Другое сочинение Прокопия «О постройках», являясь сплошным панегириком императору, может быть, было даже написано по его поручению. Главная тема сочинения — перечисление и описание многочисленных и разнообразных сооружений, возведенных Юстинианом во всех частях его обширной империи. Но, несмотря на риторические преувеличения и чрезмерные восхвале-

---

[1] *Menander*. Excerpta, Bonn. ed. 439; Fragmenta Historicorum Graecorum, vol. IV, p. 202; *Theophylact. Simocatta*. Historia, VIII, 13, 16; *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... vol. II, p. 182.

ния, сочинение «О постройках» содержит богатый географический, топографический и финансовый материал и служит поэтому важным источником для внутренней истории государства. Наконец, третье сочинение Прокопия — «Anecdota» или «Тайная история» (Historia arcana) — резко отличается от двух предыдущих. Это есть род злостного памфлета на деспотическое правление Юстиниана и его супруги Феодоры, где сам император, Феодора, Велизарий и его супруга смешиваются с грязью и где Юстиниан выставляется главным виновником всех несчастий, постигших в его время империю. Противоречие между последним сочинением и первыми двумя было настолько разительно, что в науке был поставлен вопрос о подлинности «Тайной истории», ибо казалось невозможным, чтобы все три сочинения принадлежали одному лицу. Только после того как «Тайная история» была подробно изучена в связи с эпохой Юстиниана и всеми ее источниками, вопрос о ней был решен в пользу ее подлинности. Но при умелом пользовании это сочинение является очень ценным источником для внутренней истории Византии в VI веке. Итак, сочинения Прокопия, несмотря на их преувеличения в плохую или хорошую сторону при оценке деяний Юстиниана, представляют собой в высшей степени важный современный источник для знакомства с данной эпохой. Этого мало: славянская история и славянская древность находят у Прокопия ценнейшие известия о быте и верованиях славян, а тогдашние германские племена через него же знакомятся со своей историей.

Современник Юстиниана и Прокопия, историк Петр Патрикий, блестящий юрист и дипломат, постоянно посылался послом в Персию и к остготскому двору, где он содержался пленником три года. Его записи составили «Историю», или «Историю Римской империи», рассказывающую — как можно судить по обильным сохранившимся фрагментам, в которых сочинение только и сохранилось, — о событиях от второго триумвирата (от Августа) до времени Юлиана Отступника. Ему также принадлежит трактат «О государственном устройстве» (Катастасис, или Книга церемоний), часть которого была включена в знаменитую книгу времени Константина Багрянородного (X в.) «Книга дворцовых церемоний».

От Прокопия до начала VII века была непрерывная традиция исторических сочинений и каждый историк основывался на трудах своих предшественников.

Прокопию непосредственно следовал хорошо образованный юрист Агафий из Малой Азии, который оставил наряду с некоторым количеством стихотворений и эпиграмм несколько искусственно написанную книгу «О царствовании Юстиниана», которая охватывала период с 552 по 558 гг. Следуя за Агафием, Менандр Протектор писал во времена Маврикия «Историю», которая была

продолжением сочинения Агафия и излагала события с 558 по 582 гг., то есть до года восшествия на престол Маврикия. Только фрагменты этого сочинения существуют сейчас. Они, тем не менее, дают достаточно материала для того, чтобы оценить важность этого источника, особенно с географической и этнографической точки зрения. Этот материал достаточно показывает, что Менандр был лучшим историком, чем Агафий. Сочинение Менандра было продолжено Феофилактом Симокаттой, египтянином, который жил во времена Ираклия и занимал должность секретаря императора. Исключая небольшое сочинение по естественной истории и собрания писем, он описал время Маврикия (582—602). Стиль Феофилакта перегружен аллегориями и искусственными выражениями в гораздо большей степени, чем у кого-либо из его предшественников. «В сравнении с Прокопием и Агафием, — говорит Крумбахер, — он является пиком быстро поднимающейся кривой. Историк Велизария, несмотря на напыщенность, все же прост и естественен; щедрее в поэтических цветистых выражениях поэт Агафий, однако оба эти писателя кажутся более непосредственными в сопоставлении с Феофилактом, который удивляет читателя на каждом повороте новыми неожиданными вспышками и искусственными картинами, аллегориями, афоризмами, мифологическими и другими тонкостями».[1] Однако, несмотря на все это, Феофилакт является прекрасным, основным источником о времени Маврикия. Он дает также очень ценную информацию о Персии и славянах на Балканском полуострове в конце VI века.

Посол Юстиниана к сарацинам и эфиопам Нонн оставил описание своего далекого путешествия. Время сохранило только один отрывок,* который находится в сочинениях патриарха Фотия. Однако даже этот фрагмент дает прекрасную информацию о природе и этнографии стран, которые он посетил. Фотий сохранил также отрывок Феофана Византийского, который писал в конце VI века и, возможно, охватил в своем сочинении период от Юстиниана до

---

[1] *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischer Litteratur... Munchen, 1897, S. 249.

* В английском тексте здесь стоит слово fragment, в отличие от русского означающее и «фрагмент», и «отрывок». В связи с этим представляется необходимым сделать одно уточнение, отсутствующее у А. А. Васильева. Действительно, от Нонна сохранился в составе знаменитой «Библиотеки» патриарха Фотия (Cod. 3) один отрывок, но этот отрывок, по традиции, восходящей ко второй половине XIX века, делится на три фрагмента — frgm. 1, frgm. 2a, frgm. 2b. Все то же самое относится к упоминаемому чуть ниже Феофану Византийскому. От него в составе «Библиотеки» патриарха Фотия также сохранился один, достаточно большой отрывок, делящийся по давно установившейся традиции на два фрагмента.

первых годов правления Маврикия. Этот фрагмент важен, ибо он содержит информацию о начале шелководства в Византии и содержит также одно из наиболее ранних упоминаний о турках. Другим источником, особенно важным для церковной истории V—VI веков, является сочинение сирийца Евагрия, скончавшегося в конце VI века. Его «Церковная история» в шести книгах является продолжением историй, написанных Сократом, Созоменом и Феодоритом. Сочинение содержит рассказ о событиях от Эфесского собора в 431 году до 593 года. Кроме информации о событиях церковной жизни, его «История» содержит интересную информацию по общей истории всего периода.

Иоанн Лидиец отличался прекрасным образованием, и Юстиниан был о нем столь высокого мнения, что поручил ему написать панегирик императору. Среди прочих трудов Иоанн оставил трактат «Об управлении римского государства», который еще недостаточно изучен и оценен. Он содержит многочисленные факты о внутреннем устройстве империи и может послужить ценным дополнением к «Тайной истории» Прокопия.[1]

Разностороннее значение «Христианской топографии» Космы Индикоплова, широкий географический масштаб которой так хорошо соответствует размаху планов Юстиниана, уже обсуждалось. К области географии относится также статистический обзор восточной Римской империи времени Юстиниана, который вышел из-под пера грамматика Иерокла и носит название «Спутник путешественника (Συνεκδημος, Synecdemus). Автор концентрирует свое внимание не на церковной, но скорее на политической географии империи, с ее 64 провинциями и 912 городами. Невозможно определить, является ли этот обзор результатом собственной инициативы Иерокла или результатом поручения каких-либо руководящих органов. В любом случае в сухом обзоре Иерокла заключен прекрасный источник для определения политической ситуации в империи в начале царствования Юстиниана.[2] Иерокл был основным источником по географическим вопросам для Константина Багрянородного.

Кроме этих историков и географов, VI век имел также своих хронистов. Эпоха Юстиниана продолжала еще оставаться тесно связанной с классической литературой, и сухие византийские хронисты, которых стало много в более поздний период византийской истории, являлись только редкими исключениями в это время.

---

[1] Много информации об Иоанне Лидийце и значении его сочинений можно найти в сочинении Э. Штайна: Untersuchungen uber das Officium der Pratorianenprafektur seit Diokletian. Wien, 1922.

[2] Сочинение Иерокла было написано до 535 года. См.: *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Litteratur... S. 417; *G. Montelatici.* Storia della litteratura bizantina, 354—1453. Milano, 1916, p. 76.

Промежуточное положение между историками и хронистами занимал Гесихий из Милета, который жил, вероятнее всего, во времена Юстиниана. Его труды сохранились только в писаниях Фотия и лексикографа X века Свиды. На основании этих фрагментов видно, что Гесихий писал всемирную историю в форме хроники, охватывая период от древней Ассирии до смерти Анастасия (518 г.). Среди сохранившихся есть большой отрывок, посвященный ранней истории Византии даже до времени Константина Великого. Гесихий был также автором истории времен Юстина I и начала царствования Юстиниана, которая по стилю и концепции очень отличалась от первого сочинения и содержала детальное описание событий, современных времени автора. Третьим сочинением Гесихия был словарь знаменитых греческих писателей разных областей знаний. Ввиду того, что словарь не включал христианских авторов, некоторые исследователи утверждают, что он, возможно, был язычником. Это мнение, однако, принимается не всеми.[1]

Истинным хронистом VI века был необразованный сириец из Антиохии Иоанн Малала, автор греческой хроники — всемирной истории, которая, судя по единственной сохранившейся рукописи, рассказывала о событиях с легендарных времен египетской истории до конца царствования Юстиниана. Возможно, однако, хроника содержала также сообщения о более позднем периоде.[2] Хроника является христианской и апологетической по своим целям, очень ясно выражая монархические тенденции автора. Нечеткая по содержанию, смешивающая легенды и факты, важные события и второстепенные, она совершенно очевидно предназначалась не для образованных читателей, а для масс, церковных и светских, для которых автор включил много разнообразных и развлекательных фактов. «Это сочинение представляет собой историческую брошюру (booklet) в самом полном смысле слова».[3] Особого внимания заслуживает стиль, ибо это сочинение является первым значительным, написанным на греческом разговорном языке, популярном на Востоке, который смешивал элементы греческого с латинским и восточными выражениями. Ввиду того, что эта хроника соответствовала вкусу и умонастроению масс, она оказала огромное влияние на византийскую, восточную и славянскую хронографию. Большое количество славянских извлечений и переводов сочинения Малалы

---

[1] *G. Montelatici.* Storia della litteratura bizantina, 354—1453, pp. 63—64.

[2] Возможно, хроника Иоанна Малалы доходила до первых лет правления Юстиниана, и в новом издании последовало добавление, написанное либо автором, либо кем-то другим. См.: *J. B. Bury.* A History of the Later Roman Empire... vol. II, p. 435.

[3] *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Litteratur... S. 326.

имеют большое значение для восстановления исходного греческого текста его хроники.[1]*

В добавление к большому количеству сочинений, написанных по-гречески, к этой эпохе (518—610) относятся также сочинения на сирийском языке Иоанна Эфесского, который умер в конце VI века (возможно, в 586 году).[2] Родившийся в верхней Месопотамии и убежденный монофизит по вере, Иоанн провел много лет своей жизни в Константинополе и Малой Азии, где он занимал положение епископа Эфеса и познакомился с Юстинианом и Феодорой. Он был автором «Жизней восточных святых, или Историй, касающихся путей жизни святых Востока» (Commentarii de Beatis Orientalibus) и «Церковной истории» (на сирийском), которая исходно охватывала время от Юлия Цезаря до 585 года. Это бесценный источник для данного периода. Написанная с монофизитской точки зрения, «История» Иоанна Эфесского отражает не столько догматические основы монофизитских споров, сколько их национальную и культурную основу. Согласно исследователю, посвятившему себя специальному изучению сочинения Иоанна, «Церковная история» «проливает много света на последние моменты борьбы между христианством и язычеством, отражая истоки этой борьбы в области культуры». Это сочинение также «весьма ценно для политической и культурной истории, особенно в том, что касается

---

[1] М. Спинка в сотрудничестве с Г. Дауни перевел книги VIII—XVIII славянской версии Малалы на английский. А. Т. Олмстед в рецензии писал: «Иоанн Малала был, конечно, худшим хронистом мира. Историк может проклинать его глупости, но должен его использовать, так как Малала сохранил большое количество важной информации, которая иначе была бы утрачена» (The Chicago Theological Seminary Register, vol. XXXI, 4, 1942, p. 22).

* Здесь хотелось бы от себя добавить, что А. А. Васильев, специально не занимавшийся ранним периодом истории Византии, приводит, скорее всего, не столько свое мнение, сколько представления о Малале нескольких исследователей рубежа веков, воспитанных на античной классической литературе и смотрящих поэтому с эстетствующим высокомерием на Иоанна Малалу и на тот жанр исторической литературы, который по-настоящему начался с него. Между тем, он не может быть худшим уже потому, что влияние его огромно. Бесспорно, его невозможно (да и не нужно, ибо подобное сравнение неправомерно) сравнивать с Геродотом или Фукидидом, однако для своего времени и своего жанра Малала очень хороший образец исторического сочинения. Сетования же о «глупости» Малалы неуместны потому, что к средневековой литературе невозможно (просто крайне непродуктивно) подходить с мерками античной литературы и у хронистов и других историков принципиально иного мировоззрения искать что-то похожее или сопоставимое по содержательности, идеям и глубине их разработки с классической греческой или римской литературой.

[2] *E. W. Brooks*. — Patrologia Orientalis, vol. XVII, 1923, p. VI.

определения предела восточных влияний. В своем повествовании автор входит во все детали и тонкости жизни, давая обильный материал для тесного знакомства с нравами и обычаями, а также древностями описываемого периода».[1]

Монофизитские споры, продолжавшиеся в течение всего VI века, вызвали большую литературную активность в том, что касается догматики и полемики. Даже Юстиниан не устранился от участия в этих литературных диспутах. Сочинения монофизитской направленности в греческом оригинале не сохранились. О них можно судить по цитатам, находимых в сочинениях авторов противоположного лагеря или по переводам, сохранившимся в сирийской и арабской литературе. Среди писателей православного направления выделялся современник Юстина и Юстиниана Леонтий Византийский, который оставил немало сочинений против несториан, монофизитов и прочих. О жизни этого автора догматических сочинений (dogmatist) и его полемике с идейными противниками есть очень немного информации.[2] Он является примером интересного явления времени Юстиниана, особенно потому, что влияние Платона на отцов церкви начало уже уступать место влиянию Аристотеля.[3]

Развитие монашеской и отшельнической жизни на Востоке в VI веке оставило свои следы в сочинениях аскетической, мистической и агиографической литературы. Иоанн Лествичник (ο τῆς κλιμακος) жил длительное время в пустыне горы Синай и написал то, что известно под названием «Духовная лествица» (Scala Paradisi).[4] Сочинение состоит из тридцати глав, или степеней, в которых он описывает духовное восхождение к моральному совершенству. Это сочинение стало любимым чтением среди византийских монахов, служа указателем в достижении аскетического и духовного идеала. Однако удивительная популярность сочинения никоим образом не ограничивалась Востоком. Есть множество переводов на сирийский, современный греческий, латинский, итальянский, испанский, французский и славянский. Некоторые из рукописей содержат много интересных иллюстраций (миниатюр) религиозной и монашеской жизни.[5]

---

[1] *А. П. Дьяконов.* Иоанн Эфесский... с. 359.

[2] См.: *F. Loofs.* Leontius von Byzanz. Leipzig, 1887, S. 297—303; *P. W. Rugamer.* Leontius von Byzanz. Würzburg, 1894, S. 49—72.

[3] *P. W. Rugamer.* Leontius von Byzanz. Wurzburg, 1894, S. 72.

[4] Здесь подразумевается библейская «небесная лестница», увиденная Иаковом во сне (Быт. 28, 12). Греческий родительный падеж ο τῆς κλιμακος латинизировался в Climacus, так что наименование Johannes Climacus является традиционным на Западе.

[5] Репродукция многих из миниатюр есть в следующем издании — *C. R. Morey.* East Christian Paintings in the Freer Collection. New York, 1914, p. 1—30. См. также: *O. M. Dalton.* East Christian Art, p. 316.

Главой агиографов VI века следует назвать Кирилла Скифопольского, уроженца Палестины, который провел последние годы своей жизни в знаменитой палестинской лавре св. Саввы. Кирилл хотел составить большой сборник монашеских «житий», однако ему не удалось достичь в этом успеха, возможно, из-за своей ранней смерти. Некоторое количество его сочинений сохранилось. Среди них житие св. Евфимия и св. Саввы, а также несколько житий менее значимых святых. Из-за точности его рассказа, из-за правильности понимания им аскетической жизни, а также из-за простоты его стиля, все сохранившиеся сочинения Кирилла служат ценным источником для культурной истории ранневизантийского времени.[1] Иоанн Мосх, тоже палестинец, жил в конце VI и в начале VII века. Он является автором знаменитого сочинения «Луг духовный» (Pratum Spirituale, Λειμων), написанного на основании собственного опыта, приобретенного им во время многочисленных путешествий по монастырям Палестины, Египта, горы Синай, Сирии, Малой Азии и островов Средиземноморья и Эгейского моря. Сочинение содержит впечатления автора о его путешествиях, а также разнообразную информацию о монастырях и монахах. В некоторых отношениях «Луг духовный» представляет большой интерес для истории культуры. Позже это сочинение стало любимой книгой не только в Византийской империи, но и в других странах, особенно в Древней Руси.

Поэтическая литература также имела ряд представителей в это время. Вполне очевидно, что Роман Сладкопевец (гимнограф), знаменитый благодаря своим церковным песнопениям, достиг апогея своей творческой карьеры во время Юстиниана. В то же время Павел Силенциарий составил два поэтических описания (в греческих стихах) Св. Софии и ее прекрасного внутреннего убранства. Эти сочинения представляют большой интерес для истории искусства[2] и весьма ценились современником Агафием,[3] упоминавшимся выше. Наконец, Корипп, родом из Северной Африки, который позже поселился в Константинополе, — человек ограниченных поэтических способностей — написал два произведения по-латински. Первое из них, Johannis, написанное в честь византийского полководца Иоанна Троглиты, который подавил восстание североафриканских местных жителей против империи, содержит очень ценную информацию о географии и этнографии Северной Африки, также как и об Африканской войне. Факты, сообщаемые Кориппом, иногда более надежны, чем те, что сообщает Прокопий. Второе произведение Корипа — Панегирик Юстину (In laudem Justini) — описывает в на-

---

[1] См.: *E. Scwartz.* Kyrillos von Skythopolis. Leipzig, 1939.

[2] См. недавнее издание обоих сочинений: *P. Fridlander.* Johannes von Gaza und Paulus Silenziarius. Leipzig, Berlin, 1912, SS. 227—265. Комментарий — с. 267—305.

[3] *Agath.* Historiae, V, 9.

пышенном стиле восшествие Юстина II и первые годы его царствования. Это произведение уступает первой поэме, однако содержит много интересных фактов о церемониале византийского двора в VI веке.

Папирусы открыли некоего Диоскора, который жил в VI веке в небольшой деревне Афродито в верхнем Египте. Копт по рождению, он, как кажется, получил хорошее общее образование с основательной практикой в законах. Он имел также и литературные амбиции. Хотя большая коллекция его деловых документов и других папирусов дает много ценной информации о социальной и административной истории этого времени, его поэмы ничего не добавляют к славе греческой поэзии; они представляют собой сочинения любителя, которые «полны грубых ошибок в грамматике и в просодии».[1] Ж. Масперо называет Диоскора последним греческим поэтом Египта, также как и одним из последних представителей греческой культуры в долине Нила.[2]

Закрытие афинской языческой академии во времена правления Юстиниана не могло нанести серьезного вреда литературе и образованию этого времени, так как академия уже изжила себя. Она не имела уже большого значения в христианской империи. Сокровища классической литературы постепенно проникали, зачастую только внешне, и в христианские сочинения. Университет Константинополя, организованный Феодосием II, продолжал существовать во времена Юстиниана. Новые труды по юриспруденции показывают важность изучения права в это время. Оно ограничивалось, правда, формальным навыком буквального перевода юридических текстов и писанием кратких парафраз и извлечений. У нас нет точной информации о том, как развивалось юридическое образование после смерти Юстиниана. В то время как Маврикий проявлял много интереса к образованию, его преемник Фока, по-видимому, приостановил деятельность университета.[3]

В области искусства эпоха Юстиниана носит имя Первого Золотого Века. Архитектура этого времени создала уникальный в своем роде памятник — церковь Св. Софии.[4]

---

[1] *H. I. Bell.* Byzantine Servile State. — Journal of Egyptian Archaeology, vol. IV, 1917, pp. 104—105; *H. I. Bell.* Greek Papyri in the British Museum. — Journal of Egyptian Archaeology, vol. V, 1917, pp. III—IV. См. также: *W. Schubart.* Einfuhrung in die Papyruskunde. Berlin, 1918, SS. 145—147, 495.

[2] *J. Maspero.* Un dernnier poete grec d'Egypte: Dioscore, fils d'Apollôs. — REG, vol. XXIV, 1911, pp. 426, 456, 469.

[3] См.: *F. Fuchs.* Die hoheren Schulen von Konstantinopel, SS. 7—8.

[4] Последней работой о Св. Софии является: *E. H. Swift.* Hagia Sofia. New York, 1940. См. также: *Th. Whittemore.* Preliminary Reports on the Mosaics of St. Sofia at Istanbul, vols. I—IV. Oxford, 1933—1952.

Св. София, или Большая Церковь, как она называлась на Востоке, была сооружена по приказу Юстиниана на месте небольшой базилики Св. Софии («Божественной Премудрости»), которая была сожжена во время восстания Ника (532). Для того чтобы сделать этот храм сооружением невиданного блеска, Юстиниан, согласно поздней традиции, приказал наместникам провинции прислать в столицу лучшие части древних памятников. Огромное количество мрамора разных цветов и оттенков было привезено в столицу с богатейших мест добычи мрамора. Серебро, золото, слоновая кость и драгоценные камни были привезены для того, чтобы усилить великолепие нового храма.

Император выбрал для исполнения этого грандиозного проекта двух талантливых архитекторов — Анфимия и Исидора. Оба были родом из Малой Азии, Анфимий из Тралл, Исидор — из Милета. Оба они деятельно принялись за работу, имея под своим наблюдением до 10 000 человек. Император лично посещал стройку, наблюдая за ее ходом, давая советы и возбуждая усердие строящих. На Рождество 537 года, в присутствии императора, произошло торжественное освящение Св. Софии. Позднейшая традиция сообщает, что будто бы восхищенный своим творением, Юстиниан при входе в храм произнес следующие слова: «Слава Богу, удостоившему меня совершить такое дело! Я победил тебя, Соломон!»[1] По случаю этого торжественного события народу были дарованы великие милости и устроены празднества.

Внешний вид Св. Софии, со стенами из голого кирпича, очень прост и лишен каких-либо украшений; даже знаменитый купол кажется несколько тяжелым и вдавленным. Особенно теряется Св. София в настоящее время, когда она в значительной степени «закрыта» современной турецкой застройкой. Для того, чтобы понять и прочувствовать все величие и великолепие храма, надо увидеть его внутри.

В былые времена перед храмом находился обширный двор-атриум, окруженный портиками, посреди которого был прекрасный мраморный фонтан. Четвертая сторона атриума, прилегавшая к храму, представляла собой внешний притвор (нартекс), который пятью дверями сообщался со вторым, внутренним притвором. Девять бронзовых дверей вели оттуда в храм; средняя, более широкая и высокая, царская дверь предназначалась для императора. Сам храм, приближаясь по своему архитектурному типу к купольным базиликам, образует большой прямоугольник, с великолепным центральным нефом, над которым высился громадный купол в 31 метр окружностью, возведенный с необыкновенными трудностями на высоте более пятидесяти метров от поверхности земли.

---

[1] Scriptores originum Constantinopolitarum, ed. T. Preger, I, 105.

Из сорока больших окон, сделанных у основания купола, обильный свет разливался по всему храму. По обеим сторонам центрального нефа были построены двухэтажные арки с богато украшенными колоннами. Пол и колонны были сделаны из многоцветного мрамора; им же была выложена часть стены. Чудные мозаики, закрашенные в турецкое время, восхищали взор. Особенно глубокое впечатление производил на молящихся громадный крест у вершины купола, блиставший на мозаичном небе, усеянном звездами. И теперь еще наверху ниже купола можно различить под турецкой краской крупные фигуры крылатых ангелов.

Главный труд для строивших Св. Софию, еще никем до сих пор не превзойденный, заключался в возведении громадного и вместе с тем легкого купола. Этот удивительный купол, однако, обрушился еще при Юстиниане и к концу его правления был отстроен вновь уже в менее смелых формах. Современники Юстиниана с таким же восторгом говорили о Св. Софии, с каким и последующие поколения до нашего времени. Русский паломник XIV века Стефан Новгородский писал в своем путешествии в Царьград: «О святой Софии, Премудрости Божией, ум человечь не может ни сказати, ни вычести».[1] Несмотря на многочисленные и сильные землетрясения, Св. София стоит до наших дней. Храм был преобразован в мечеть в 1543 году. Стржиговский писал: «По своей концепции храм Св. Софии чисто армянский».[2]

Когда время прошло, истинная история строительства храма трансформировалась в источниках в своего рода легенду с массой чудесных деталей. Из Византийской империи эти легенды нашли свой путь в южно-славянскую и русскую, также как и в исламские — арабскую и турецкую — литературы. Славянские и исламские версии дают весьма интересный материал для истории международных литературных влияний.[3]

Второй знаменитой церковью столицы, построенной Юстинианом, была Церковь Святых Апостолов. Она была первоначально построена при Константине Великом или при Констанции, однако к VI веку она была в состоянии полного упадка. Юстиниан снес ее и построил заново в более крупном и великолепном масштабе. Церковь имела форму креста с четырьмя равными сторонами (arms)

---

[1] *Т. Сахаров.* Сказания русского народа. СПб., 1849, т. 2, с. 52; *М. Н. Сперанский.* Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934, с. 50—76. Цитированные слова — с. 53.

[2] Ursprung der christlichen Kirchenkunst. Leipzig, 1920, S. 46. *O. Dalton.* East Christian Art. Oxford, 1925, p. 93.

[3] См.: *М. Н. Сперанский.* Южно-славянские и русские тексты легенды строительства церкви Св. Софии в Царьграде. — Сборник в честь на Васил Н. Златарски. София, 1925, с. 41—422; *В. Д. Смирнов.* Турецкие легенды о Святой Софии. СПб., 1898.

и центральным куполом между четырьмя другими куполами. Среди архитекторов церкви были Анфимий из Тралл и Исидор Младший. Когда Константинополь был взят турками в 1453 году, церковь была разрушена для того, чтобы освободить место для мечети Мехмеда II Завоевателя. Достаточно ясное представление о том, какой была эта церковь, можно составить по Собору Св. Марка в Венеции, построенному по ее образцу. Церковь Святых Апостолов была также повторена в церкви Св. Иоанна в Эфесе, а на французской земле ее копией является St. Front в городе Периге (Perigueux). Прекрасные мозаики церкви Апостолов были описаны Николаем Месаритом, епископом Эфесским, в начале XIII века, и подробно проанализированы А. Гейзенбергом (Heisenberg).[1] Церковь Апостолов известна также тем, что она была местом захоронения византийских императоров от Константина Великого до XI века.

Влияние архитектурных памятников Константинополя чувствовалось на Востоке, например, в Сирии, и на Западе, в Паренцо, в Истрии и особенно в Равенне.

Св. София может произвести впечатление, очаровать своим куполом, скульптурными украшениями колонн, многоцветным мрамором стен и пола, и еще более изобретательностью воплощения всего ансамбля; однако чудесные мозаики этого замечательного храма были до последнего времени недоступны из-за того, что они были закрашены в турецкое время. Новая эра в истории Св. Софии все же началась недавно, благодаря просвещенной политике турецкого правительства под руководством Мустафы Кемаля Ататюрка. Здание было прежде всего полностью открыто иностранным археологам и ученым. В 1931 году вышло распоряжение турецкого правительства, дающее американскому Византийскому Институту (Byzantine Institute) разрешение раскрыть и законсервировать мозаики Св. Софии. Профессор Томас Уитмор (Whittemore) обеспечил (secured) разрешение раскрыть и законсервировать мозаики, и в 1933 году работа началась во внешнем притворе (нартексе). В декабре 1934 года Мустафа Кемаль объявил, что здание закрыто как мечеть и будет отныне сохраняться как музей и памятник византийского искусства. Благодаря неутомимой и систематической работе Т. Уитмора чудесные мозаики Св. Софии постепенно появляются во всем своем блеске и красоте. После смерти Уитмора в 1950 году работа была продолжена профессором П. А. Андервудом (P. A. Underwood).

Прекрасное представление о византийских мозаиках дает северо-итальянский город Равенна. Полторы тысячи лет тому назад Равенна была цветущим приморским городом на Адриатическом море.

---

[1] *A. Heisenberg*. Die Apostelkirche in Konstantinopel. Leipzig, 1908.

В V веке находили в Равенне убежище последние западные римские императоры; в VI веке Равенна была столицей остготского королевства; наконец, с середины VI века и до половины VIII века Равенна была центром управления византийской Италии, отвоеванной Юстинианом у остготов, где жил византийский наместник-экзарх. Это было лучшее время для Равенны, в которой била могучим ключом политическая, торговая, умственная и артистическая жизнь.

Памятники искусства в Равенне соединяются с воспоминаниями о трех лицах: о Галле Плацидии, дочери Феодосия Великого и матери западного императора Валентиниана III, затем о Теодорихе Великом и, наконец, о Юстиниане. Оставляя в стороне более ранние памятники времени Галлы Плацидии и Теодориха, мы скажем несколько слов о равеннских памятниках времени Юстиниана.

Император, будучи сам усердным строителем памятников светской и духовной архитектуры по всей обширной территории своего государства, после завоевания Равенны докончил те церкви, которые начаты были еще при остготском владычестве. Из таких церквей, с точки зрения искусства, имеют большое значение церковь св. Аполлинария в Классисе (S. Apollinare in Classe), т. е. в равеннской гавани Classis, и особенно церковь св. Виталия (S. Vitale). Главное значение в этих церквах имеют мозаики.

Примерно в пяти километрах от Равенны, в пустынной лихорадочной местности, где в Средние века был богатый торговый порт города, возвышается совершенно простая по внешности церковь Св. Аполлинария in Classe, представляющая собой по форме настоящую древнюю христианскую базилику. Сбоку стоит круглая колокольня более позднего происхождения. Внутри церковь имеет три нефа. В древних, украшенных скульптурными изображениями саркофагах, вдоль церковных стен, были погребены наиболее известные архиепископы Равенны. Мозаика VI века находится в глубине апсиды и изображает св. Аполлинария, покровителя Равенны, стоящего с поднятыми руками на фоне мирного пейзажа и окруженного ягнятами; над святым, на голубом, усеянном золотыми звездами фоне большого медальона, красуется крест, осыпанный драгоценными камнями. Другие мозаики относятся к более позднему времени.[1]

Самым важным монументом в Равенне для суждения об искусстве эпохи Юстиниана является церковь св. Виталия. Здесь мозаики VI века сохранились практически без повреждений. Купольная церковь св. Виталия внутри почти вся, сверху донизу, покрыта чудными скульптурными и мозаичными украшениями. Особенной известностью пользуется апсида, на боковых стенах

---

[1] *O. Dalton.* East Christian Art, pp. 77—78.

которой находятся две знаменитых мозаики. На одной из них изображен Юстиниан, окруженный епископом, священниками и светскими людьми; на другой изображена Феодора, его супруга, окруженная своим штатом. Одеяние изображенных на картинах людей поражают своим блеском и роскошью. Равенну иногда называют «итало-византийскими Помпеями» или «западной Византией».[1] Ее памятники дают самый ценный материал для характеристики развития ранневизантийского искусства V и VI веков.

Строительная деятельность Юстиниана не ограничивалась только возведением крепостей и церквей. Он построил также много монастырей, дворцов, мостов, цистерн, водопроводов, бань и больниц. В отдаленных провинциях империи имя Юстиниана связано со строительством монастыря св. Екатерины на Синае. В апсиде церкви монастыря находится знаменитая мозаика Преображения, относимая к VI веку.[2]

Сохранилось некоторое количество миниатюр и тканных изделий, относящихся к этой эпохе.[3] И хотя, под влиянием церкви, скульптура была в целом в состоянии упадка, имеется немалое количество изящных и красивых изделий из слоновой кости, резьбы по дереву, особенно на пластинах диптихов, и особенно в группе консульских диптихов. Их производство начиналось в V веке и закончилось вместе с отменой консулата в 541 году.

Почти все писатели этого времени и строители Св. Софии и церкви Апостолов были родом из Азии и Северной Африки. Эллинистический Восток продолжал оплодотворять интеллектуальную и артистическую жизнь Византийской империи.

Если бросить общий взгляд на долговременное, многообразное и сложное правление Юстиниана, то придется прийти к заключению, что в большей части своих начинаний он не достиг желаемых результатов. Внешне блестящие военные предприятия на Западе, определенно вытекавшие из его представления о себе, как наследнике римских цезарей, который обязан возвратить отнятые земли, оказались в конце концов неудачными. Не соответствуя насущным интересам империи, центр которых находился на Востоке, войны Юстиниана разорили страну; недостаток средств, повлекший за собой уменьшение численности войска, не позволил ему как следует укрепиться в покоренных областях, результаты чего сказались при его преемниках. Церковная политика, руководимая императором, также не дала религиозного единства и внесла лишнюю смуту в

---

[1] *Ch. Diehl.* Ravenne. Paris, 1907, p. 8, 132.

[2] См. статью на эту тему В. Н. Бенешевича: Sur la date de la mosaïque de la Transfiguration au Mont Sinaï. — Byzantion, vol. I, 1924, pp. 145—172.

[3] См.: *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin, vol. I, pp. 230—277.

восточные провинции. Полной неудачей окончилась его административная реформа, начатая с чистыми, хорошими побуждениями и приведшая, особенно из-за непосильных налогов и вымогательств местных властей, к обнищанию и обезлюживанию деревни.

Однако два творения Юстиниана оставили глубокий след в истории человеческой цивилизации и вполне оправдали данное ему в истории прозвище «Великого»: это — его Свод гражданского права и Св. София.

ГЛАВА 4

Эпоха династии Ираклия (610—717)

В лице Ираклия и его ближайших преемников Византия имела на своем престоле династию, может быть, армянского происхождения. По крайней мере, армянский историк VII века Себеос, драгоценный источник для времени Ираклия, пишет, что фамилия Ираклия находилась в родстве с известным армянским родом Аршакидов.[1] Этому может несколько противоречить свидетельство источников о белокурых, золотистых волосах Ираклия.[2] Ираклий правил с 610 по 641 год. От первой жены Евдокии Ираклий имел сына Константина, который, процарствовав несколько месяцев после смерти отца, умер в том же 641 году. В истории он известен как Константин III (один из трех сыновей Константина Великого считался Константином II). После Константина III правил в течение нескольких месяцев сын Ираклия от его второй жены Мартины, по имени Ираклон или Ираклеон (настоящее его имя было, по всей вероятности, Ираклий). Ираклон был осенью 641 года свергнут, после чего императором был провозглашен сын Константина III, Констант II, царствовавший с 641 по 668 год. Вероятно, в данном случае греческая форма его имени Конста (лат. Констант) есть уменьшительное имя от Константина; последнее имя было официальным, по крайней мере, на византийских монетах; в западных официальных документах того времени и даже в некоторых византийских источниках он называется Константином. Народ же, по-видимому, называл его Константом. После него правил энергичный сын Константин IV с обычным прозванием Погонат, т. е. Бородатый (668—685). Но, по всей вероятности, как теперь оказывается, это неверно, и прозвание «Погонат» надо относить к его отцу.[3] Со смертью Константина IV в 685 году кончается лучшая эпоха Ираклей-

---

[1] *Себеос*. История императора Иракла. Перевод с армянского К. Патканова. СПб., 1862, с. 129.

[2] *A. Pernice*. L'imperatore Eracleo. Firenze, 1905, p. 44; *H. Gregoire*. An Armenian Dynasty on the Byzantine Throne. — Armenian Quarterly, vol. I. 1946, pp. 4—21. Он называет весь период с 582 до 713 гг. первой армянской эрой в византийской истории (p. 8).

[3] *E. W. B. Brooks*. Who was Constantine Pogonatus? — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XVII, 1908, SS. 460—462.

ской династии. Последний представитель этой династии, Юстиниан II, с прозвищем Ринотмет, т. е. «с отрезанным носом», сын Константина IV, правил два раза, — с 685 по 695 год и с 705 по 711 год. Время Юстиниана II, отмеченное многочисленными жестокостями, еще достаточно не изучено. Надо думать, что жестокая расправа императора с представителями знати должна быть объясняема не одним его произволом, но тем глухим недовольством ее представителей, которые не хотели примириться с сильной волей и самовластьем Юстиниана и стремились свергнуть его с престола. Даже в источниках довольно ясно выступает тенденциозно враждебная Юстиниану традиция. В 685 г. он был свергнут и по урезании носа и языка [1] сослан в крымский Херсонес; оттуда ему удалось бежать к хазарскому кагану, на сестре которого он женился; позднее при помощи болгар он успел вернуть себе трон. По возвращении в столицу Юстиниан жестоко стал мстить всем лицам, причастным к его свержению. Наконец, установленная им тирания вызвала в 711 г. революцию, во время которой были убиты сам Юстиниан и его семья. В 711 году Ираклейская династия окончилась. В период между двумя царствованиями Юстиниана II правили два случайных императора — военный вождь Леонтий (695—698), родом из Исаврии, и Апсимар, получивший при возведении на престол имя Тиверия (Тиверий III, с 698 по 705 год). Некоторые ученые склонны приписывать Апсимару-Тиверию гото-греческое [2] происхождение. После жестокого свержения Юстиниана II в 711 году, на протяжении шести лет, с 711 по 717 год, на византийском престоле сидели три случайных императора: армянин Вардан, или Филиппик (711—713), Артемий, переименованный при коронации в Анастасия (Анастасий II, 713—715) и, наконец, Феодосий III (715—717). Время анархии, царившей в Византии с 695 года, окончилось в 717 году возведением на престол знаменитого Льва III, с которого начинается уже новая эпоха в истории Византии.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Персидские войны и кампании против авар и славян

В лице Ираклия империя получила талантливого и энергичного государя, который, особенно после тирании Фоки, казался населению образцовым правителем. По словам современного Ираклию поэта Георгия Писиды, описавшего в хороших стихах его персидские походы и аварское нашествие,[3] новый император провоз-

---

[1] Не настолько, чтобы воспрепятствовать ему говорить.

[2] *J. B. Bury*. A History of the Later Roman Empire... London, 1889, vol. II, p. 354.

[3] De expeditione persica, vv. 90—91.

гласил, что «власть должна блистать не столько в страхе, сколько в любви».

«Ираклий был создателем средневековой Византии, — говорил Острогорский, — государственной концепцией которой была римская идея, язык и культура которой были греческими, а вера — христианской».[1] Достижения Ираклия тем более заслуживают внимания, что к моменту его пришествия к власти положение империи было крайне опасным. Персы угрожали с востока, авары со славянами с севера. Внутренние дела после только что пережитого несчастного правления Фоки находились в состоянии анархии. У нового императора не было в распоряжении ни достаточного количества войск, ни денег. Поэтому начало правления Ираклия было исполнено тяжелых испытаний для империи.

Персы в 611 году предприняли завоевание Сирии и овладели главным городом византийских восточных провинций, Антиохией. Дамаск вскоре также перешел в руки персов. Завоевав Сирию, персы двинулись в Палестину и приступили в апреле 614 года к осаде Иерусалима, продолжавшейся двадцать дней. Наконец, стенобитные орудия персов разрушили городскую стену, после чего, по выражению одного источника, «злые враги вступили в город с большой яростью, точно рассвирепевшие звери и обозлившиеся драконы».[2] Город был разграблен; христианские святыни разрушены. Храм Гроба Господня, построенный Константином Великим и Еленой, был сожжен и ограблен. Христиане подверглись беспощадному избиению. Иерусалимские евреи были на стороне персов и при взятии ими города принимали деятельное участие в избиении христиан, которых, по некоторым сведениям, погибло до 60 000. Много драгоценностей было увезено в Персию. Одна из самых дорогих святынь христианского мира, Святое Животворящее Древо, или Крест Господень, была также увезена в Ктесифон. Среди многочисленных пленных, отправленных в Персию, находился иерусалимский патриарх Захария.[3]

Опустошительное завоевание персами Палестины и разгром Иерусалима являются поворотным пунктом в истории этого края. По словам академика Н. П. Кондакова, «это было бедствие, неслыханное после взятия Иерусалима при Тите и на этот раз непопра-

---

[1] *G. Ostrogorski.* Geschichte des byzantinischen Staates. Munchen, 1940, S. 96.

[2] *Антиох Стратиг.* Взятие Иерусалима персами в 614 г. Перевод с грузинского Н. Я. Марра. СПб., 1909; английский перевод — F. C. Conebeare в журнале English Historical Review, vol. XXV, 1910, p. 506. См. также: *P. Peeters.* La prise de Jerusalem par les perses. — MUSJ, vol. IX, 1923.

[3] См.: *H. Vincent, F. M. Abel.* Jerusalem. Recherches de topographie, d'archeologie et d'histoire, vol. II, par. 4, pp. 926—928.

вимое: для этого города уже не было потом эры, подобной временам Константина, и великолепные сооружения в его стенах, подобно так называемой Омаровой мечети, уже не составят эпохи в истории; отныне город и его здания приходят в упадок, со ступеньки на ступеньку, и самые крестовые походы, изобилующие всякого рода результатами и, пожалуй, всякой добычей для самой Европы, отзовутся только смутой, путаницей и разложением в жизни самого Иерусалима. Персидское нашествие разом снесло наносную, искусственную греко-римскую культуру Палестины, разорило земледелие, обезлюдило города, уничтожило или на время, или навсегда монастыри и лавры, прекратило торговлю. Этим нашествием освободились от прежних уз и страха грабительские племена арабов, и они приготовились к сплочению в будущем и повсеместному наступлению. Отныне период культурного развития страны кончен; для нее настает та смутная эпоха, которой всего естественнее было бы дать название Средних веков, если бы только она не продолжалась вплоть до настоящего времени».[1]

Легкость завоевания персами Сирии и Палестины объясняется монофизитским составом большей части населения этих областей. Монофизиты, как известно, испытывали сильные притеснения со стороны византийского правительства преемников Юстиниана и поэтому предпочли владычество персидских огнепоклонников, в стране которых несториане, например, пользовались относительной веротерпимостью.

Персидское нашествие не ограничилось Сирией и Палестиной. Часть персидского войска, пройдя через всю Малую Азию и завоевав Халкидон, на берегу Мраморного моря у Босфора, расположилась лагерем у Хрисополя (совр. Скутари), напротив Константинополя. Другая же персидская армия завоевала Египет. Александрия пала, вероятно, в 618 или 619 году. Как в Сирии и Палестине, монофизитское население Египта не оказало должной поддержки византийскому правительству и с легким сердцем перешло под власть персов. Потеря Египта была тяжелым ударом для Византийской империи, так как Египет был житницей Константинополя. Прекращение снабжения египетским зерном имело тяжелые последствия для экономического положения столицы.

Одновременно с жестокими потерями на юге и востоке в войне с персами Византия подверглась серьезной опасности на севере, а именно на Балканском полуострове, где аваро-славянские полчища во главе с аварским каганом, грабя и разрушая, дошли до самого Константинополя и ворвались в город. На этот раз дело ограничилось набегом, позволившим аварскому кагану возвратиться на

---

[1] *Н. П. Кондаков.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904, с. 173—174.

север с многочисленными пленными и богатой добычей.[1] Эти захватчики упоминаются в писаниях современника Ираклия, Исидора, епископа Севильского, который заметил в своей хронике: «Шел шестнадцатый (пятый) год правления Ираклия, в начале которого славяне захватили у римлян Грецию и персы захватили Сирию, Египет и множество провинций».[2]* Примерно в это же время (624) Византия потеряла свои последние владения в Испании, где вестготское завоевание было завершено королем Свинтилой. Балеарские острова остались в руках Ираклия.[3]

После некоторых колебаний император решил начать войну с Персией. Ввиду истощения казны император воспользовался церковными сокровищами столицы и провинций и повелел отчеканить большое количество золотой и серебряной монеты. Опасность со стороны аварского кагана на севере была, как надеялся Ираклий, устранена уплатой ему большой суммы денег и вручением знатных заложников. После этого, весной 622 года, император переправился в Малую Азию, где в течение нескольких месяцев производил набор войска и обучал его военному делу. Персидский поход, имевший, между прочим, целью возвратить Животворящее Древо и Иерусалим, получал вид крестового похода.

Современные историки полагают, что Ираклий на протяжении с 622 по 628 год совершил три персидских похода, увенчавшихся поразительным успехом византийского оружия. Современный событиям поэт Георгий Писида составил Эпиникий (Песнь победы) по этому случаю, названный «Ираклиада», а в другой поэме «Гексамерон» («Шестоднев»), о сотворении мира, он намекал на шестилетнюю войну, в которой Ираклий победил персов. Они напо-

---

[1] Возможно, аварское вторжение имело место в 617 году. См. *N. Baynes*. The Date of the Avar Surprise. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXI, 1912, SS. 110—128.

[2] Хронология Исидора неточна. *Isidori Hispalensis* Chronica Majora (PL, t. LXXXIII, col. 1056) — пятый год царствования. Ed. Th. Mommsen. Monumenta Germaniae Historica. Auctorum Antiquissimorum, XI, Chronica Minora, II, p. 479 — шестнадцатый год царствования.

* После этой фразы в русской версии (с. 184) следует целый абзац, не включенный А. А. Васильевым в последующие издания. «Павший духом Ираклий задумал покинуть столицу и переправиться в Африку (Ливию). Но патриарх Сергий и другие приближенные убедили императора отказаться от этой опасной и чреватой последствиями для империи мысли, тем более, что и византийские владения в Северной Африке, после завоевания персами Египта, не могли считаться безопасными».

[3] См.: *F. Gorres*. Die byzantinischen Besitzungen an den Kusten des spanich-westgothischen Reiches (554—624). — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XVI, 1907, SS. 530—532; *E. Bouchier*. Spain Under the Roman Empire. Oxford, 1914, pp. 59—60; *P. Goubert*. Byzance et l'Espagne wisigothique (554—711). — Études byzantines, vol. II, 1945, pp. 48—49, 76—77.

мнили Ф. И. Успенскому блистательные походы Александра Македонского.[1] Ираклий привлек на свою сторону кавказские народы и вступил в союз с хазарами. Вообще северные прикавказские области Персии служили одной из главных арен военных действий.

Во время отсутствия императора, пребывавшего со своими войсками в далеких походах, столица подверглась серьезной опасности. Аварский каган, нарушив заключенные с императором условия, двинулся в 626 году с громадными толпами аваров и славян к Константинополю, вступив одновременно в соглашение с персами, отряд которых дошел до Халкидона. Аваро-славянские полчища осадили Константинополь, который переживал опасные моменты. Однако константинопольскому гарнизону удалось отбить атаку и обратить нападавших в бегство. Узнав о неудаче аварского кагана, персы удалились из-под Халкидона в Сирию. Поражение аваров под Константинополем в 626 году явилось одной из главных причин ослабления дикого аварского государства.[2]

Между тем Ираклий в конце 627 года нанес решительное поражение персам близ развалин древней Ниневии (около современного города Мосула на р. Тигр) и вступил в центральные персидские области. Богатая добыча досталась в руки императора. Он послал в Константинополь обширный, триумфальный манифест, описывающий его успехи в войне против персов и объявляя о конце войны и его блистательной победе.[3] «В 629 году слава Ираклия была полной, солнце его гения рассеяло тьму, которая нависла над империей, и теперь перед глазами всех славная эра мира и величия, казалось, начиналась. Вечный и ужасный враг — персы — были навсегда повержены, на Дунае могущество аваров быстро уменьшалось. Кто, таким образом мог противостоять византийским армиям? Кто мог угрожать империи?[4] В это самое время персидский царь Хосров был свергнут и убит, а его победитель, вступивший на престол Кавад Широе, начал с Ираклием мирные переговоры. На основании условий мира персы возвратили Византии завоеванные области, Сирию, Палестину и Египет, и увезенное ими Животворящее Древо. Ираклий с великим торжеством вернулся в столицу; а несколько времени спустя направился в Иерусалим, где к глубокому утешению христианского мира Животворя-

---

[1] *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи. СПб., 1914, т. I, с. 684.

[2] *A. Pernice.* L'imperatore Eraclio. Firenze, 1905, pp. 141—148; *Ю. А. Кулаковский.* История Византии. СПб., 1996, т. 3, с. 74—87.

[3] Этот манифест сохранился в Пасхальной хронике — pp. 727—734.

[4] A. Pernice. Op. cit., p. 179. См. также: *V. Minorsky.* Roman and Byzantine Campaigns in Atropatene. — Bulletin of the School of Oriental Research and African Studies, vol. XI, 2, 1944, pp. 248—251. (Кампании Ираклия 626 и 628 гг.)

щий Крест, возвращенный из Персии, был водворен на прежнее место к великой радости всех христиан. Современный событиям армянский историк Себеос дал описание события: «В день вступления в Иерусалим немало происходило там ликования. Раздавался голос плача и печали, лились слезы умиленного сердца у царя и знати, всех войск и жителей города. И никто не мог петь Господних песен от плачевного умиления всей толпы. Царь водрузил Крест на своем месте и всю церковную утварь расположил по своим местам и раздал всем церквам и жителям города подарки и деньги на ладонь».[1]

Интересно отметить, что победа Ираклия над персами упомянута в Коране: «Побеждены Румы * в ближайшей земле, но они после победы над ними победят через несколько лет».[2]

Значение персидских кампаний Ираклия

Персидская война Ираклия составляет важную эпоху в истории Византии. Из двух мировых держав, какими в раннее средневековье были Византия и Персия, последняя потеряла окончательно прежнее значение и превратилась в слабое государство, вскоре под натиском арабов прекратившее свое политическое существование. Победоносная Византия, нанесшая смертельный удар своему вековому врагу, возвратившая империи все потерянные восточные провинции и христианскому миру драгоценную святыню Древа Господня, освободившая столицу от грозных аваро-славянских полчищ, была, казалось, на высоте славы и могущества. Правитель Индии послал свои поздравления Ираклию по случаю его победы над персами вместе с большим количеством драгоценных камней.[3] Царь франков Дагоберт послал специальных послов для заключения вечного мира с империей.[4] Наконец, в 630 году персидская царица Боран также послала специального посланника Ираклию и заключила официальный мир.[5]

---

[1] *Себеос*. История императора Иракла. Перевод с армянского К. Патканова. СПб., 1862, гл. 29, с. 111; trad. F. Macler. Paris, 1904, p. 91. В последней фразе оба переводчика переводят «благословения» вместо «дары». См.: *Ю. А. Кулаковский*. История Византии, т. 3, с. 113, прим. 1.

[2] Коран. Сура XXX, 1 (2)—2 (3). Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963, с. 321, 578.

* Традиционный арабский термин для обозначения Рима, Византии.

[3] *Theophanes*. Chronographia, ed. C. de Boor, p. 335.

[4] Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici, IV, 62. Mon. Germ. Hist. Scriptores rerum merovingicarum, II, 151. См. там же: Gesta Dagoberti I regis Francorum, 24; Mon. Germ. Hist., 409.

[5] Chronica Minora, I; trans. I. Guidi, Corpus scriptorum Christianorum Orientalium, Scriptores Syri, ser. III, IV. Agapius (Mahboub) de Menbidg,

В связи с успехом персидской войны Ираклий в 629 году впервые официально назвал себя василевсом. Последнее название уже давно употреблялось на Востоке и особенно в Египте, а с IV века в частях империи, говорящих на греческом языке. Но оно не было принято, как официальный титул. До VII века греческим эквивалентом для латинского названия «император» (imperator) был «автократор» (αυτοκρατωρ), т. е. «самодержец», что этимологически не соответствует значению слова «император». Единственным иностранным государем, если не считать далекого абиссинского царя, был персидский царь, которому римский император соглашался давать титул василевса. Английский византинист Бьюри пишет: «Пока вне Римской империи существовал крупный независимый василевс, императоры воздерживались принимать титул, который пришлось бы разделять с другим монархом. Но как только этот монарх был низведен до положения зависимого вассала и не было более конкуренции, император отметил это событие, приняв официально тот титул, который в течение нескольких столетий прилагался к нему неофициально».[1]

Арабы

Возвращенные империи области, Сирия, Палестина и Египет, с преобладающим в них монофизитским населением снова ставили на очередь наболевший вопрос об отношении византийского правительства к монофизитам, имевший, как мы уже отмечали выше, серьезное государственное значение. Не надо также забывать того, что многолетняя, упорная борьба Ираклия с персами, несмотря на блестящий окончательный исход, должна была на время ослабить военную мощь Византии ввиду крупных потерь в войсках и сильного финансового напряжения. Но столь необходимого отдыха страна не получила, так как вскоре после окончания персидской войны появилась совершенно неожиданная, в первый момент недостаточно оцененная грозная опасность со стороны арабов, открывших своим выступлением против Византии и Персии новую эру во всемирной истории.

Histoire universelle, ed. A. A. Vasiliev. — Patrologia Orientalis, VIII, 1912, II, (2), 453 (193). Chronique de Michel le Syrien, trans. J. B. Chabot, II, 420. См. также: *T. Noldeke*. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leiden, 1879, SS. 391—392; *T. Noldeke*. Aufsatze zur persischen Geschichte. Leipzig, 1887, S. 129.

[1] *J. B. Bury*. The Constitution of the Later Roman Empire. Cambridge, 1910, p. 20; *J. B. Bury*. Selected Essays, ed. H. Temperly. Cambridge, 1930, p. 109. Эта точка зрения была оспорена Э. Штайном. См.: Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXIX, 1930, S. 353.

Гиббон так говорит об этом выступлении арабов: «В то время как император торжествовал в Константинополе или Иерусалиме, незначительный город на границах Сирии был разграблен сарацинами, которые изрубили войска, выступившие на его освобождение: обычный и пустяшный случай, если бы он не был прелюдией могучей революции. Эти разбойники были апостолы Мухаммеда; их фантастическая храбрость вышла из пустыни; и в последние восемь лет своего царствования Ираклий потерял те самые провинции, которые он освободил от персов».[1]

Мухаммед и ислам

Еще в дохристианские времена арабы, народ семитской расы, населяли Аравийский полуостров и Сирийскую пустыню, расположенную к северу от него, до Евфрата. Аравийский полуостров, равный по величине приблизительно четверти Европы, омывается, как известно, на востоке Персидским заливом, на юге Индийским океаном, на западе Красным или Черным морем; на севере он сливается с сирийской пустыней. Наиболее известные в истории области этого полуострова были: 1) Неджд, занимавший центральное плоскогорье; 2) Йемен, или Счастливая Аравия, на юго-западе полуострова и 3) Хиджаз — прибрежная полоса по Красному морю, идущая от севера полуострова до Йемена. Пустынный полуостров далеко не везде был удобен для жилья, и арабы, ведя кочевой образ жизни, обитали главным образом в центральной и северной Аравии. Это были бедуины, считавшие себя настоящими, наиболее чистыми представителями арабского племени, истинными носителями благородства и доблести. Кроме кочевых бедуинов были и оседлые жители немногочисленных городов и поселков, к которым бедуины относились свысока и даже с некоторым пренебрежением.

Римское государство неминуемо должно было на своей восточной сирийской границе сталкиваться с арабскими племенами и принимать меры для большей безопасности последней. В этих видах римские императоры выстроили ряд пограничных укреплений, другими словами, сирийский limes, напоминавший, конечно в гораздо меньших размерах, знаменитый limes romanus на дунайской границе против германцев. Развалины главнейших римских укрепленных пунктов на сирийской границе сохранились до наших дней.[2]*

---

[1] The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, ed. J. B. Bury, ch. 46.

[2] По поводу сирийского лимеса см.: *R. Dussaud*. Les arabes en Syrie avant l'Islam. Paris, 1907, pp. 24—56.

* За последние годы историко-археологическое изучение Ближнего Востока, в том числе — лимеса, значительно продвинулось вперед и в на-

Уже со II века до н. э. среди сирийских арабов стали образовываться самостоятельные государства с сильным влиянием арамейской и греческой культур, называемые иногда арабско-арамейскими эллинистическими царствами. Из городов особенно выдвинулась и разбогатела, благодаря выгодному положению на пересечении важных торговых путей, Петра, величественные развалины которой до сих пор привлекают к себе внимание историков и археологов.

Наиболее важным из сирийских арабских царств в культурном и политическом отношении в эпоху Римской империи была Пальмира, где эллинистически образованная и мужественная царица Зиновия, как ее называют римские и греческие писатели, во второй половине III века создала большое государство: она завладела Египтом и большей частью Малой Азии. Это было, по словам профессора Тураева,[1]* первым проявлением реакции Востока и первым распадением империи на западную и восточную. Император Аврелиан вернул империи единство, и побежденная царица в 273 году должна была идти за триумфальной колесницей победителя при въезде его в Рим. Восставшая Пальмира подверглась разрушению; но ее грандиозные развалины, подобно Петре, до настоящего времени влекут к себе ученых и туристов. Известный эпиграфический памятник Пальмиры, а именно высеченный на громадном камне пальмирский тариф II века н. э., дающий драгоценные сведения о торговле и финансах этого города, перевезен в Петроград и хранится в Эрмитаже.

В византийское время выделились две арабские династии. Одна — династия Гассанидов в Сирии, монофизитская по религии,

---

ши дни ссылка А. А. Васильева на работу Р. Дюссо 1907 года безнадежно устарела. Отметим здесь прежде всего итоговое исследование Р. Дюссо, посвященное в принципе той же проблематике, что и работа 1907 года: *R. Dussaud*. La penetration des arabes en Syrie avant l'Islam. Paris, 1955, pp. 147—158. Что касается ближневосточного лимеса, его укреплений и истории, то здесь следует прежде всего назвать: *S. Th. Parker*. Romans and Saracens. A History of the Arabian Frontier. (American Schools of Oriental Research. Dissertation Series. 6. Published by The American Schools of Oriental Research, distributed by Eisenbrauns, Winona Lake, In, 45690), 1986. В последней работе указаны современные исследования по частным проблемам и отдельным археологическим памятникам.

[1] *Б. А. Тураев*. История Древнего Востока. Петроград, 1914, т. 2, с. 373.

* Литература о Пальмире огромна. Поэтому здесь представляется возможным ограничиться двумя указаниями на современные работы: *И. Ш. Шифман*. Пальмирский пошлинный тариф. М., 1980; *J. Teixidor*. Un port romain du desert. Palmyre. Paris, 1984. (Semitica. Cahiers publies par l'Institut d'etudes semitiques, XXXIV.)

находившаяся в зависимости от византийских императоров, особенно усилившаяся в VI веке при Юстиниане, помогавшая империи в ее военных предприятиях на востоке и прекратившая свое существование, вероятно, в начале VII века при завоевании персами Сирии и Палестины. Вторая арабская династия была династия Лахмидов с центром в городе Хире у Евфрата, находившаяся в вассальных отношениях к персидским Сасанидам, враждебная поэтому Гассанидам, прекратившаяся также в начале VII века.* В Хире было распространено христианство в форме несторианства, и некоторые представители династии Лахмидов также были христианами. Обе династии обязаны были защищать границу: Гассаниды — византийскую, Лахмиды — персидскую. Как видно, оба вассальных государства исчезли в начале VII века, так что, ко времени выступления Мухаммеда, в пределах Аравийского полуострова и населенной арабами Сирийской пустыни не было, за одним исключением, ни одной политической организации, которая заслуживала бы названия государства. Лишь на юго-западе Аравийского полуострова продолжало существовать с конца второго века до н. э. царство Сабейско-Химьярское, или Химьяритов (Омиритов).** Однако около 570 г. Йемен был завоеван персами.[1]***

---

* Характеристика Гассанидов и, видимо, Лахмидов (о последних, к сожалению, гораздо меньше информации) как династов не вполне точна, ибо речь идет о людях с двойственным юридическим положением. Гассаниды были, с одной стороны, достаточно высокопоставленными чиновниками в рамках византийской бюрократической системы. С другой стороны, налицо и очевидная «династическая» преемственность их власти в связи с их высоким общественным положением в среде аравийских племен в приграничной с Византией полосой. Научная литература о них весьма велика. Из русских работ хотелось бы отметить сочинение Н. В. Пигулевской «Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв» (М.; Л., 1964). Из иностранных — *M. Sartre*. Trois etudes sur l'Arabie romaine et byzantine. Bruxelles, 1982, pp. 121—203, в особенности pp. 170—188.

** Греческое название Химьяритов.

[1] Excerpta e Theophanis Historia. Bonn. ed., p. 485. См. также: *T. Noldeke*. Geschichte der Perser und Araber... SS. 249—250; *C. Conti Rossini*. Storia d'Etiopia. Bergamo, 1928, p. 199.

*** Видимо, потому что в начале второй главы, рассказывая о Юстине I, А. А. Васильев достаточно подробно писал о Йемене, он не включил в иностранные издания довольно большой отрывок, имеющийся в соответствующем месте русской версии (с. 189). Ввиду того, что этот текст лишь незначительно повторяет рассказ о Йемене начала второй главы, здесь воспроизводится этот не переводившийся впоследствии отрывок: «...царство Сабейско-Химьярское, или Химьяритов (Омиритов), где с половины IV века стало распространяться христианство, встретившее позднее сильного противника в распространившемся там иудействе. В первой половине VI века химьярский (омиритский) царь, покровитель последо-

Древние арабы до Мухаммеда жили в условиях родового быта. Кровное родство являлось единственной основой их общих интересов, сводившихся почти исключительно к обязательным для всех членов племени принципам верности, покровительства, помощи и мести за причиненные врагами племени обиды. Ничтожного повода было достаточно, чтобы вызвать длившуюся иногда десятки лет кровопролитную борьбу между племенами. Воспоминания об этих временах сохранились в древней арабской поэзии и прозаических преданиях. Враждебность и высокомерие были преобладающим настроением во взаимных отношениях различных племен арабской древности.

Религиозные представления древних арабов были очень примитивны: племена имели своих богов * и священные предметы, например камни, деревья, источники; через них арабы хотели узнавать будущее; в некоторых частях Аравии было распространено почитание звезд. Едва ли древние арабы, по мнению одного знатока арабской древности, в своих религиозных переживаниях поднимались выше чувства фетишиста перед предметом его поклонения.[1] Они верили в невидимые дружественные, но чаще враждебные силы, — в демонов (джиннов). Представление о высшей невидимой силе, об Аллахе, отличалось у древних арабов неопределенностью. Молитвы, как формы почитания, они, по-видимому, совсем не знали; если же они обращались к божеству, то это обращение было воззванием о помощи для мести за понесенную обиду или несправедливость. «Остатки до-исламских стихотворений, — по словам одного ученого, — не заключают никаких намеков на стремление к божеству даже более возвышенных душ и дают лишь слабые указания на отношение их к религиозным преданиям своего народа».[2]

вателей иудейства, открыл жестокое гонение на южно-арабских христиан, что вызвало вмешательство христианского абиссинского (эфиопского) царя; последний одержал полную победу над иудействующим царем и принялся деятельно восстанавливать в Йемене христианство; причем о своей победе над иудейством он оповестил александрийского патриарха и византийского императора Юстина I. Преемник последнего, Юстиниан Великий, отправлял посольства в Аксум, столицу Абиссинского царства, и к химьяритам, желая заинтересовать эти далекие страны в своих военных предприятиях и торговых планах. С этой стороны попытка Юстиниана не удалась. Но в делах церковных в течение всего его правления византийское влияние давало себя чувствовать, как у абиссинцев, так и у химьяритов, те и другие просили у византийского императора епископов».

* У А. А. Васильева в русском тексте (с. 190) — идолы.

[1] *I. Goldziher.* Die Religion des Islams. — Die Kultur der Gegenwart: Die Religionen des Orients, hrsg. P. Hinneberg. Bd. III, I, Teil 2, S. 102.

[2] Ibidem, S. 102. (Пренебрежительно-высокомерный тон, проглядывающий во всем этом абзаце, вызван, видимо, отчасти духом эпохи (ср.

Кочевая жизнь бедуинов, проводивших свои дни в перевозимых с места на место палатках, конечно, не способствовала устроению постоянных, определенных мест для совершения религиозного культа, хотя бы и очень примитивного. Но, как было замечено уже выше, помимо бедуинов были оседлые жители городов и поселков. Последние возникали и развивались преимущественно на торговых путях, особенно по караванной дороге, шедшей с юга на север, из Йемена в Палестину, Сирию и к Синайскому полуострову. Из городов на этом пути наиболее известными и богатыми были, еще задолго до появления Мухаммеда, Мекка (Макораба у древних писателей) и к северу от нее Йасриб (будущая Медина). В них останавливались торговые караваны, приходившие с севера и юга. Между купцами было немало евреев, которые жили не только в двух поименованных городах, но и в других частях полуострова, например в северном Хиджазе. Известно, что много евреев было и в Йемене, в царстве Химьяритов. С севера, из римско-византийских владений Палестины и Сирии, и с юга, из Абиссинии через Йемен, проникали на полуостров христиане. Центром смешанного населения полуострова сделалась Мекка, где с ранних пор уже находилось святилище первоначально совершенно не арабского характера, Кааба, кубообразное каменное сооружение около 35 футов в вышину, внутри которого хранился главный предмет поклонения, черный камень, ниспосланный, по преданию, с неба. Предание связывало основание мекканского святилища с именем ветхозаветного Авраама. Мекку, благодаря ее выгодному торговому положению, посещали торговцы всех арабских племен. Для большего привлечения их сюда в Каабе были, по словам легенды, поставлены идолы различных племен, так что представители каждого племени, придя в это святилище, могли совершать поклонение своему наиболее почитаемому божеству. Число паломников увеличивалось, чему особенно способствовал соблюдавшийся во время священного периода «Божий мир», который более или менее гарантировал неприкосновенность территории племен, пославших

выше, пренебрежительный отзыв о Малале), отчасти тем, что А. А. Васильев ориентировался при написании этих страниц на работы первых двух десятилетий нынешнего века. За прошедшее время взгляд на доисламскую аравийскую культуру во многом изменился. У нас нет оснований считать аравийскую культуру и религию этого времени примитивной или недоразвитой. См. по этому вопросу подробно: *J. Wellhausen.* Reste arabischen Heidentums. Gesammelt und erläutert von J. Wellhausen. Leipzig, 1927. (Эта работа А. А. Васильевым использована не была); *T. Fahd.* Le pantheon de l'Arabie centrale a la veille de l'hegire. Paris, 1968. О доисламской аравийской культуре в целом см.: Очерки истории арабской культуры V—XV вв. М., 1982. — *Науч. ред.*)

Фома беседует с сарацинами и заключает с ними договор. Миниатюра из рукописи Истории Иоанна Скилицы. Национальная библиотека. Мадрид

своих представителей в Мекку. Время религиозных празднеств совпадало с большой мекканской ярмаркой, на которой арабы и иностранные купцы устраивали свои торговые дела. Мекка богатела; в ней приблизительно с V века выделилось богатое и знатное племя курейшитов, которое получило в городе преобладающее значение. Конечно, материальные интересы склонных к наживе мекканцев не были забыты, и священные собрания Мекки бывали ими использованы в своих своекорыстных целях. По словам одного ученого, «находясь под господством этих знатных родов, заведовавших выполнением традиционных обрядов, город носил материалистический, надменно-плутократический характер, в котором глубокое религиозное чувство не находило никакого удовлетворения».[1]*

Под влиянием еврейства и христианства, с которыми, особенно в Мекке, была полная возможность познакомиться, среди арабов встречались незадолго до Мухаммеда отдельные личности, искренне воодушевленные религиозными идеями, совершенно непохожими на сухую обрядность их древних религиозных обычаев. Стремление к монотеизму и аскетическому образу жизни являлось отличительной чертой этих скромных исповедников, находивших удовлетворение в своих личных переживаниях и не оказывавших большого влияния на других. Объединителем арабов и основателем одной из мировых религий явился Мухаммед. Из скромного проповедника покаяния он сделался сначала пророком, а затем главой политической общины.

Мухаммед родился около 570 года. Происходя из племени курейшитов и принадлежа к одному из беднейших родов его, хашимитам, он рано осиротел и должен был зарабатывать себе хлеб, сопровождая торговые караваны богатой вдовы Хадиджи в качестве погонщика верблюдов. Материальное положение Мухаммеда улучшилось, когда он женился на Хадидже. Под влиянием знакомства с евреями и христианами он, обладая уже с детства болезненной натурой, стал все больше и больше задумываться над религиозным укладом жизни Мекки. Возникавшие сомнения приводили его в отчаяние и доставляли бесконечные страдания; с ним делались нервные припадки; во время своих одиноких скитаний

---

[1] *I. Goldziher.* Die Religion des Islams... S. 103. См. также: *P. H. Lammens.* La Mecque a la veille de l'hegire. — MUSJ, vol. IX, 1924, p. 439; *idem.* Les sanctuaires preislamiques dans l'Arabie Occidentale. — MUSJ, vol. XI, 1926, p. 173.

* Из новых работ о жизни Мухаммеда и доисламской Мекке здесь хотелось бы отметить — *О. Г. Большаков.* История Халифата. I. Ислам в Аравии. М., 1989. В целом данная книга представляет собой детальный анализ жизни и деятельности Мухаммеда. Специально о Мекке VI—VII вв. см. с. 44—59.

по окрестностям Мекки ему казались видения, и у него крепла уверенность в том, что Бог посылает его для спасения своего вступившего на ложный путь народа.

Мухаммеду было уже сорок лет, когда он решился выступить открыто в роли скромного проповедника нравственности, сначала в своей семье; затем его стала слушать немногочисленная группа лиц из низшего слоя, а позднее и некоторые почтенные люди. Курейшиты, однако, выступили против Мухаммеда и создали ему в Мекке невозможные условия жизни. В таких обстоятельствах он со своими приверженцами в 622 году тайно удалился в лежащий к северу город Йасриб, население которого, имея в своем составе немало евреев, не раз приглашало к себе проповедника, обещая ему лучшие условия жизни. Йасриб радушно встретил Мухаммеда и его приверженцев и впоследствии стал называться Мединой, т. е. городом (пророка).

Год переселения или, как еще чаще говорят, бегства (по-арабски «хиджра») Мухаммеда из Мекки в Медину сделался мусульманской эрой.[1] С 622 года арабы, а за ними и другие мусульманские народы, ведут свое летоисчисление, но по лунным годам, которые, как известно, немного короче годов солнечных. Обычно началом первого года хиджры мусульмане считают пятницу 16 июля 622 года. Эра хиджры была введена лишь к 16 году (считая от 622 г.).

Надо иметь в виду, что, благодаря неудовлетворительному состоянию источников, о первоначальном мекканском периоде жизни Мухаммеда мы почти не имеем достоверных сведений. В это время его учение имело столь неопределенный, почти хаотический характер, что не могло еще даже и называться новой религией.

В Медине Мухаммед, сделавшись уже главой многочисленной общины, положил начало политическому государству на религиозной основе. Выработав главные основания своей религии, установив религиозные обряды и упрочив свое политическое положение, он в 630 году завоевал Мекку, где уничтожил идолов и другие следы политеизма. Культ единого Бога-Аллаха был поставлен в основу новой религии. Всем врагам своим Мухаммед даровал род амнистии. Взятие Мекки не сопровождалось ни убийствами, ни грабежом. С этих пор Мухаммед со своими последователями мог свободно совершать паломничество в Мекку и установить свои обряды. В 632 году Мухаммед умер.

Религиозное учение Мухаммеда, который не был последовательным мыслителем, невозможно изложить в систематическом

---

[1] Лучше не переводить слово «хиджра» как «бегство», ибо глагол «бежать» не передается в арабском корнем «хаджара», который означает «прервать отношения, покинуть племя, эмигрировать». См.: Encyclopedie de l'Islam, vol. II, pp. 320—321.

виде. Его учение не является творением оригинальным; оно создалось под влиянием других религий, а именно: христианства, иудейства и отчасти парсизма, т. е. религии тогдашней персидской державы Сасанидов. Современные исследователи пришли к выводу, что исходно мусульманская община была, вопреки предшествующим представлениям, теснее связана с христианством, чем с иудаизмом.[1] С этими религиями Мухаммед мог познакомиться в молодые годы во время своих путешествий, а затем в Мекке и Йасрибе (Медине). Характерной чертой его религиозного учения является сознание полной зависимости человека от Бога, слепое подчинение его воле. Единый Бог неограниченно господствует над своими созданиями. Поэтому религия Мухаммеда носит название ислама, что в переводе обозначает «предание себя Богу, покорность»; последователи же ислама называются мусульманами (или часто, в неправильном написании, магометанами; правильнее было бы: мухаммеданами). В основе его религии лежит ясное представление о едином Боге — Аллахе; таким образом, его учение есть религия монотеистическая, т. е. признающая единого Бога. Изречение «нет Божества кроме Бога и Мухаммеда, Его посланника» является одним из основных положений его учения. Мухаммед признавал пророками также Моисея и Иисуса Христа, который был предпоследним пророком; но они, по учению Мухаммеда, были ниже его. В бытность свою в Медине он говорил, что его религиозное творение представляет собой восстановление в чистом виде религии Авраама, испорченной христианами и евреями. Одной из первых задач Мухаммеда было вывести арабов из состояния их варварства (по-арабски д ж а х и л и й я) и привить им некоторые более высокие нравственные принципы: вместо распространенного среди арабов-язычников жестокого обычая мести он учил миролюбию и самообладанию; им был положен конец существовавшему среди некоторых племен обычаю закапывать живыми в землю новорожденных девочек; были несколько урегулированы брачные отношения в смысле ограничения полигамии; дозволялось иметь одновременно четыре законных жены; большая свобода в этом вопросе представлялась лишь Мухаммеду. В противовес прежним родовым понятиям Мухаммед в своем учении выдвинул личные права, например право наследования. Были введены определенные установления относительно молитвы и поста: во время молитвы надо было обращаться лицом по направлению к Каабе; для великого поста был избран девятый месяц, называемый рамаданом; еженедельный празднич-

---

[1] См.: *В. В. Бартольд*. Ориентация первых мусульманских мечетей. — Ежегодник Института истории искусств, т. I, 1922, с. 116; *C. H. Bekker*. Vom Werden und Wesen der Islamischen Welt: Islamstudien, I. Leipzig, 1924, S. 429.

ный день был назначен в пятницу. Подверглись запрещению вино, кровь, свинина, мясо животных, погибших не от заклания или служивших жертвами в языческом культе, азартные игры. Вера в ангелов и дьявола для мусульманина обязательна. Представления о рае и аде, воскресении и страшном суде имели материалистический характер; основные черты этих представлений можно найти в еврейско-христианской апокрифической литературе.

Мухаммед включил в свое учение также милосердие Бога, раскаяние грешников и добрые дела. Современные религиозные правила и предписания развивались постепенно, некоторые — после смерти Мухаммеда. Так, например, молитва в строго определенное время не была еще установлена во времена Омейядов.[1]

Вероятно, еще в начале мединского периода из многочисленных основных учений и установлений выделились в виде обязательных требований ислама следующие пять: 1) исповедание единого Бога-Аллаха и его посланника Мухаммеда; 2) совершение строго установленной молитвы в определенное время, с соблюдением определенных обрядов; 3) уплата известной суммы на военные и благотворительные нужды мусульманской общины; 4) пост в месяце рамадане; 5) совершение паломничества в Мекку к Каабе (по-арабски такое паломничество называется х а д ж). Все основания и правила мусульманской религии соединены в священной книге откровений Мухаммеда, называемой К о р а н о м; последний распадается на 114 глав (по-арабски с у р ы). Предание о словах и деяниях Мухаммеда, объединенное позднее в различных сборниках, носит название с у н н ы.

История первоначального ислама при Мухаммеде принадлежит, из-за состояния источников, к одним из наиболее темных и спорных вопросов в истории. А между тем для истории Византии VII века этот вопрос имеет громадное значение, так как от его посильного решения зависит очень многое в объяснении причин необычайно быстрых военных успехов арабов, повлекших за собой потерю для империи ее восточных и южных провинций, Сирии, Палестины, Египта и Северной Африки.

В виде примера разноречивости ученых мнений о первоначальном исламе можно привести мнения трех современных глубоких знатоков ислама. Один из них (Гольдциер) пишет: «Нет сомнения, что в душе Мухаммеда уже жила мысль о распространении своей религии за пределы Аравии и превращении учения, возвещенного вначале лишь ближайшим родственникам, во владычествующую над миром силу».[2] Другой ученый (Гримме) говорит, что, на ос-

---

[1] *I. Goldziher.* Muhammedanische Studien. Halle, 1890, Bd. II, S. 20.

[2] *I. Goldziher.* Die Religion des Islams. — Die Kultur der Gegenwart: Die Religionen des Orients, hrsg. P. Hinneberg, Bd. III, I, S. 106.

новании Корана, можно считать конечной целью Мухаммеда и ислама «полное обладание Аравией».[1] Наконец, третий современный нам ученый (Каэтани) пишет, что пророк даже не думал об обращении всей Аравии, всех арабов.[2]

При жизни Мухаммеда вся Аравия не была подчинена ему. Можно даже вообще сказать, что вся Аравия, в течение всего своего существования никогда не признавала исключительно одного властителя. В действительности Мухаммед господствовал над областью, обнимавшей, может быть, менее трети всей поверхности полуострова. Эта часть и находилась под влиянием новых идей ислама. Остальная часть полуострова продолжала жить в политических и религиозных условиях, немногим отличающихся от тех, которые там существовали до появления ислама. Мы уже знаем, что на юго-западе полуострова, в Йемене, было христианское государство, продолжавшее свое существование и в эпоху Мухаммеда. Но ведь и большинство племен в северо-восточной Аравии было христианским, так как преобладающей религией Месопотамии и арабских областей вдоль Евфрата было христианство, которое там сильно распространилось по сравнению с пришедшей в полный упадок официальной персидской религией. Таким образом, в момент своей смерти, Мухаммед не был ни политическим властителем всей Аравии, ни ее религиозной главой.

Интересно отметить, что вначале Византия видела в Мухаммеде и последователях его учения род арианства и ставила ислам наравне с другими христианскими сектами. Византийская апологетическая и полемическая литература выступает против ислама так же, как против монофизитов, монофелитов и представителей других еретических учений. Живший в VIII веке при мусульманском дворе и принадлежавший к сарацинской семье знаменитый Иоанн Дамаскин, например, не видел в исламе новой религии, но лишь аналогичный с другими ересями пример отпадения от истинной христианской веры. Византийские историки также весьма мало интересовались выступлением Мухаммеда и вызванным им политическим движением.[3] Из хронистов первым сообщает сведения о жизни Мухаммеда, «правителя сарацин и лжепророка», писавший в начале IX века Феофан.[4]

---

[1] *H. Grimme*. Mohammed. I. Das Leben. Munster, 1892, S. 123; *Ch. Diehl, G. Marçais*. Le Monde Oriental de 395 a 1018. Paris, 1936, p. 176.

[2] *L. Caetani*. Studi di storia orientale. Milano, 1914, vol. III, pp. 236, 257.

[3] См.: *K. Guterbock*. Der Islam im Lichte der byzantinischen Polemik. Berlin, 1912, SS. 6, 7, 11, 67—68.

[4] *Theophanes*. Chronographia, ed. C. de Boor, p. 333. См.: *W. Eischner*. Die Nachrichten uber den Islam bei den Byzantinern. — Der Islam, Bd. XXIII, 1936, SS. 133—162, 197—244.

В представлении средневековой Западной Европы мусульманство также не было особой религией, но лишь одной из христианских сект, родственной по догматам с арианством. Даже во второй половине Средних веков Данте в своей «Божественной комедии» относит Мухаммеда к еретикам и называет его одним из «сеятелей соблазна и раскола» (Seminator di scandalo e di scisma. Inf. XXVIII, 31—36).

Причины арабских завоеваний VII века

Обычно, в виде одной из главных причин поразительных военных успехов арабов в VII веке в борьбе с Византией и Персией приводится религиозный энтузиазм мусульман, переходивший часто в религиозный фанатизм, в полную нетерпимость. Арабы будто бы бросились на азиатские и африканские области, выполняя завет пророка, предписывавший обращение всего мира в новую веру, и одержанные арабами победы объяснялись религиозным воодушевлением, заставлявшим фанатиков-мусульман с презрением относиться к смерти и сделавшим, таким образом, их натиск непреодолимым.

Эта точка зрения должна быть признана ошибочной. В момент смерти Мухаммеда убежденных мусульман было немного; но и это меньшинство оставалось в Медине до окончания первых великих завоеваний; лишь очень немногие из них бились в Сирии и Персии. Громадное же большинство воевавших арабов состояло из бедуинов, знавших ислам лишь по имени, имевших в виду исключительно материальные, житейские выгоды и жаждавших добычи и необузданной вольности. О каком-либо религиозном энтузиазме с их стороны не могло быть и речи. Затем, первоначальный ислам был терпим. Коран прямо заявляет: «В религии нет принуждения» (II, 257). Известно терпимое отношение первоначального ислама к христианству и иудейству. Коран говорит о допущении Богом других религий: «Господь твой если бы захотел, сделал бы людей одной религиозной общиной» (XI, 120). Религиозный фанатизм и религиозная нетерпимость в исламе есть явление позднейшее, несвойственное арабской нации и объяснимое влиянием мусульман-прозелитов. Итак, вопрос о религиозном энтузиазме и фанатизм арабов-завоевателей VII века отпадает.

По новейшим исследованиям (например, Каэтани), настоящими причинами неудержимого натиска арабов были причины практического и материального характера. Бедная по природе Аравия не могла более уже удовлетворять жизненным потребностям арабов, которые, под угрозой нищеты и голода, должны были сделать отчаянную попытку спастись «из горячей темницы пустыни». Эти безысходные условия и объясняют ту всесокрушающую силу, с

которой арабы ринулись на Византию и Персию. Какого-либо религиозного элемента в этом движении искать нельзя.[1]

Но если даже признать некоторую правильность только что приведенной точки зрения, то тем не менее одними условиями аравийской жизни нельзя объяснить военных успехов арабов. Причину последних надо искать также в условиях жизни византийских восточных и южных провинций, прежде всего перешедших в руки арабов, а именно: Сирии, Палестины и Египта. Выше уже неоднократно отмечалось все усиливавшееся недовольство этих провинций из-за религиозных мотивов. Будучи большей частью монофизитскими и встречая, особенно после смерти Юстиниана Великого, ярко выраженную неуступчивость центрального правительства в отношении их монофизитских убеждений, эти провинции готовы были отделиться от Византии и предпочитали очутиться под владычеством арабов, которые отличались религиозной терпимостью и для которых важно лишь было, чтобы новые подданные платили определенные налоги; религиозные же их верования мало интересовали арабов.

С другой стороны, православная часть населения восточных провинций была также недовольна политикой центральной власти из-за некоторых уступок монофизитам, особенно в VII веке. В связи с монофелитской тенденцией Ираклия Евтихий, арабский христианский историк X века, говорил, что граждане Эмессы (Химса) называли императора «Маронитом (монофелитом) и врагом нашей веры»,[2] а Белазури, арабский историк IX века, говорил, что затем они обратились к арабам, говоря: «Ваша власть и правосудие приятнее нам, чем та тирания и те оскорбления, которым мы подвергались».[3] Это, конечно, арабское свидетельство, однако оно точно отражает образ мысли православного населения. Кроме того, большая часть населения византийских областей Сирии и Палестины в своей большей части принадлежало к семитской расе и, главным образом, к арабской народности. Поэтому арабы-завоеватели в покоренной стране встретили единоплеменное население, говорившее на их же языке. По словам одного ученого (de Goeje), «дело, таким образом, не шло о покорении иностранного владения, дань с которого была бы единственной прямой выгодой, но о возвращении части отечества, изнемогавшей под чужеземным игом».[4] Помимо благоприятного для арабов настроения среди монофизит-

---

[1] *L. Caetani.* Studi di storia orientale. Milano, 1911, vol. I, p. 368.

[2] Annales, ed. L. Cheikho. — Corpus scriptorum Christianorum Orientalium. Scriptores Arabici, II, 5, I.4. Латинский перевод — PL, t. CIX, col. 1088.

[3] *Baladhuri.* Liber expugnationum regionum. Ed. M. J. de Goeje. Leiden, 1866, p. 137.

[4] *M. J. de Goeje.* Memoire sur la conquête de la Syrie. Leiden, 1900, p. I; *C. Bekker.* The Expansion of the Saracens — the East. Cambridge Medieval History, vol. II, p. 345.

ского населения вышеназванных провинций и племенного с ним родства, не надо епускать из виду, что Византия и ее войска после продолжительных, хотя в конце концов и удачных войн с персами, были ослаблены и не могли оказать свежим арабским силам надлежащего сопротивления.

В Египте были особые причины для слабого сопротивления арабам. Главную причину следует искать в общем состоянии византийской армии. В количественном отношении воинские соединения были, скорее всего, достаточными, однако общая организация войска была слабой. Войско делилось на много подразделений, каждым из которых командовали пять различных дуксов, облеченных одинаковыми полномочиями. Их безразличие к общим проблемам провинции, их личное соперничество, отсутствие сотрудничества и координации в достижении общей цели, их военная бездарность — все это вместе парализовало сопротивление. Солдаты были не лучше командиров. При всей своей многочисленности, египетская армия была под плохим руководством и имела плохую подготовку. Все это создавало сильную тенденцию к дезертирству и пораженчеству. «Нет сомнения, что многочисленны те причины, которые объясняют потрясающий успех арабов, — говорил Масперо, — однако основная причина византийского поражения в долине Нила заключалась в удручающем состоянии армии, которой была доверена, против всякого ожидания, задача защиты Египта».[1] На базе изучения папирусов Гельцер пришел к выводу, что образовавшееся там, в период, предшествующий арабскому завоеванию, сословие крупных землевладельцев, фактически не только обособившихся от центрального правительства, но и не создавших настоящей местной власти, также явилось одной из важных причин падения византийского владычества в Египте.[2] Амелино, также на основе изучения папирусов, предположил, что другим важным фактором, обеспечившим арабское завоевание, стала слабость гражданской администрации Египта.[3] Английский папиролог Х. И. Белл назвал завоевание Египта арабами «не чудом, не примером божественной мести за отклонение от истинного христианства, а только лишь коллапсом системы, сгнившей на корню».[4] Следовательно,

---

[1] *J. Maspero.* Organisation militaire de l'Égypte Byzantine. Paris, 1912, pp. 119—132; *A. E. R. Boak.* Byzantine Imperalism in Egypt. — American Historical Review, vol. XXXIV, 1928, p. 8.

[2] *M. Gelzer.* Studien zur byzantinischen Verwaltung Ägyptens. Leipzig, 1909, S. 2.

[3] *E. Amelineau.* La Conquête de l'Égypte par les Arabes. — Revue historique, vol. CXIX, 1915, p. 282; *G. Rouillard.* L'administration civile de l'Égypte byzantine. Paris, 1928, pp. 241—248.

[4] *H. I. Bell.* The Byzantine Servile State in Égypt. — Jornal of Egyptian Archaeology, vol. IV, 1917, p. 106.

список основных причин успеха арабов включает религиозную ситуацию в Сирии, Палестине и Египте, этническое родство населения первых двух стран с жителями Аравии, слабость вооруженных сил, недостаточность военного руководства и слабость гражданской администрации, а также классовые отношения в Египте.

Что касается количества войск с обеих сторон, то надо иметь в виду, что как византийская, так и арабская историческая традиция в источниках чрезмерно преувеличивает их число. На самом деле войска обеих воюющих сторон были вовсе не так велики. Некоторые ученые для общего числа арабского войска, сделавшего сирийскую и палестинскую кампанию, дают цифру, и то опасаясь преувеличения, в 27 000 человек.[1] Византийское войско было, по всей вероятности, еще малочисленнее. Не надо также забывать, что военные действия вели не только аравийские арабы, но и арабы Сирийской пустыни, примыкающей к границам Византии и Персии.

При более внимательном изучении эпохи первоначального ислама его религиозная сторона в ходе событий того времени отступает на задний план. «Ислам, — по словам одного исследователя, — изменился в силу политическую, потому что он только как таковая мог восторжествовать над своими врагами; если бы ислам всегда оставался простым моральным и религиозным учением, он быстро перестал бы жить в скептической и материалистической Аравии, и особенно в столь враждебной обстановке Мекки».[2] По словам другого ученого, «бойцы ислама имели дело не столько с обращением, сколько с подчинением неверных.[3]*

Завоевания арабов до начала VIII века. Константин IV и осада арабами Константинополя

После смерти Мухаммеда (632) в качестве главы мусульман был избран его родственник Абу-Бекр, с титулом халифа, т. е. «наместника». Следующие три халифа, Омар, Осман и Али, также были избираемы, но династии не основали. Эти первые четыре

---

[1] *L. Caetani.* Studi di storia orientale, vol. I, pp. 370—371.
[2] Ibid., vol. III, p. 3.
[3] *I. Goldziher.* Vorlesungen uber den Islam. Heidelberg, 1910.

* О современном взгляде на причины арабских завоеваний и их успехов с позиций арабиста см.: *О. Г. Большаков.* История Халифата. II. Эпоха великих завоеваний. М., 1993, с. 13—15, 19. Взгляды О. Г. Большакова по данному вопросу близки позиции А. А. Васильева. Подчеркнув множественность причин завоеваний и их успехов, О. Г. Большаков в качестве основной выделяет ислам как политическую силу в аравийском обществе и благоприятную для завоеваний ситуацию в ближневосточных провинциях Византии.

преемника Мухаммеда известны под названием «правоверных халифов». Наиболее важные завоевания, совершенные арабами в византийских пределах, падают на время халифа Омара.

Рассказы о том, будто бы Мухаммед обратился письменно к современным ему государям, в том числе и к Ираклию, с предложением принять ислам, и о том, будто бы последний дал ему доброжелательный ответ, должны быть признаны позднейшим измышлением, не имеющим никакой исторической ценности,[1] тем не менее и в настоящее время есть ученые, которые признают эту переписку фактом историческим.[2]

При жизни Мухаммеда лишь отдельные отряды бедуинов переходили византийскую границу. Но при втором халифе Омаре события развернулись с большой быстротой. Хронология военных событий тридцатых и сороковых годов VII столетия очень темна и запутана. По всей вероятности, события шли в таком порядке: в 634 году в руки арабов перешла византийская крепость в Заиорданье Босра; в 635 году пал сирийский город Дамаск; в 636 году сражение при реке Ярмуке отдало в руки арабов всю Сирию, и в 637 или 638 году, после двухлетней осады, арабам сдался Иерусалим. Главную роль в последнем событии играли со стороны арабов сам халиф Омар, со стороны города — иерусалимский патриарх Софроний. Рассказ о договоре, на основании которого будто бы Софроний сдал Иерусалим Омару и в котором будто бы устанавливались гарантии для христиан в их религиозной и общественной жизни, сохранился, к сожалению, с некоторыми позднейшими добавлениями. Крест Господень удалось вывести из Иерусалима до взятия города арабами и отправить в Константинополь. С одновременным завоеванием Месопотамии и Персии закончился первый период арабских завоеваний в Азии. В конце тридцатых годов арабский вождь Амр появился у восточной границы Египта и начал его завоевание. Уже после смерти Ираклия арабы в 641 или 642 году завоевали Александрию. Амр-победитель послал это послание Омару в Медину: «Я захватил город, от описания которого воздержусь. Достаточно сказать, что я захватил там 4000 вилл с 4000 бань, 40 тысяч платящих подушный налог евреев и четыре

---

[1] См.: *L. Caetani*. Annali dell'Islam. Milano, 1905, vol. I. pp. 731—734. Юар рассматривает посольство Мухаммеда к «Цезарю Византии» как сомнительное. См.: *C. Huart*. Histoire des arabes. Paris, 1912, vol. I. pp. 145—155. Ж. Масперо называет этот призыв Мухаммеда «арабской легендой, содержащей, возможно, историческую основу» (Histoire des patriarches d'Alexandrie. Paris, 1923, p. 23); см. также: *Ch. Diehl, G. Marçais*. Le Monde oriental, p. 174.

[2] *J. B. Bury*. The Constitution of the Later Roman Empire. Cambridge, 1910, vol. II, p. 261; *M. Butler*. The Arab Conquest of Egypt. Oxford, 1902, pp. 139 ff.

сотни мест развлечений царского достоинства».[1] К концу сороковых годов Византийская империя была вынуждена покинуть Египет навсегда. Завоевание Египта сопровождалось дальнейшим продвижением арабов на запад по побережью Северной Африки. К 650 году Сирия, часть Малой Азии и Верхняя Месопотамия, Палестина, Египет и часть византийских провинций в Северной Африке были уже под властью арабов.*

Последние завоевания, приведя арабов к берегам Средиземного моря, поставили им новые задачи морской державы. Не имея собственного флота, арабы ничего не могли сделать против многочисленных византийских судов, для которых новые арабские прибрежные области были вполне доступны. Арабы быстро поняли положение вещей. Сирийский наместник и будущий халиф Моавия деятельно принялся за постройку кораблей, экипаж которых состоял в первое время из местного, привычного к морю греко-сирийского населения. По сведениям, извлеченным в последние годы из папирусов, выясняется, что в конце VII века одной из главных забот египетской администрации была постройка судов и оснащение их опытными моряками.[2]

Начиная уже с пятидесятых годов VII века, т. е. при Константине III, арабские суда Моавии начинают нападения; они в эти годы овладели важной византийской морской базой, островом Кипром, разгромили византийский флот, находившийся под начальством самого императора, у южных берегов Малой Азии, захватили остров Родос, на котором разбили знаменитый колосс Родосский, доходили до Крита и Сицилии и начали угрожать Эгейскому морю, направляясь к столице. Захваченные в этих экспедициях пленные, например в Сицилии, были переселены в Дамаск.

Благодаря вышеперечисленным завоеваниям арабов, лишившим ко второй половине VII века Византию ее восточных и южных провинций, империя утратила свое положение мировой Римской державы. Сильно уменьшившаяся территориально, Византия превратилась в государство с преобладающим греческим населением. Наиболее греческими частями его были Малая Азия, острова Эгейского моря и Константинополь с ближайшей к нему областью. Что

---

[1] *P. K. Hitti.* History of the Arabs. London, 1937, pp. 164—165.

* История великих завоеваний с позиций арабиста обстоятельно изложена в отмеченном выше втором томе «Истории Халифата» О. Г. Большакова. Тот же материал с позиций византиниста подробно рассмотрен в третьем томе «Истории Византии» Ю. А. Кулаковского.

[2] См.: *C. Bekker.* The Expansion of the Saracens — the East. — The Cambridge Medieval History. Cambridge, 1913, vol. II, p. 352; *C. Bekker.* Vom Vereden und Wesen der Islamischen Welt: Islamstudien. I. Leipzig, 1924, S. 96; *P. Kahle.* Zur Geschichte des mittelalterischen Alexandria. — Der Islam, Bd. XII, 1922, SS. 32—33, 35.

касается Балканского полуострова вообще, то он, включая Пелопоннес, к этому времени значительно видоизменился в своем этнографическом составе вследствие появления там крупных славянских поселений. Наконец, на западе Византии принадлежали разрозненные части Италии, не вошедшие в состав Лангобардского королевства, например юг Италии с Сицилией и другими островами этой части Средиземного моря, Рим, Равеннский экзархат. В византийских владениях Италии греческое население жило на юге ее и в Сицилии, где оно значительно увеличилось в VII веке, так как туда бежали перед арабским нашествием нежелавшие подчиниться завоевателям жители Египта и Северной Африки. Можно сказать, что Римская империя превратилась в Греческую империю. Задачи последней сузились и потеряли прежний широкий размах. Некоторые историки, как, например Гельцер, думают, что эти потери Византии принесли ей даже косвенно пользу, так как выделили национально чуждые и непокорные элементы; «жители же Малой Азии и тех частей Балканского полуострова, которые признавали власть императора, образовали по вере и языку совершенно однообразную, надежно лояльную массу».[1] Главное внимание империи с половины VII века должно было быть направлено на Малую Азию и Балканский полуостров.

Однако даже эти уменьшившиеся владения находились под постоянной угрозой лангобардов, славян, болгар и арабов. Л. Брейе писал, что «этот период показал Константинополю его историческую роль вечной обороны, которая длилась до XV века с чередующимися периодами сжатия и экспансии».[2]

В связи с влиянием арабских завоеваний на Византию весьма важно обратить серьезное внимание на информацию, сообщаемую византийскими агиографическими текстами — источником, на который не обращали внимания или пренебрегали. Византийская агиография дает живую и производящую сильное впечатление картину массовой миграции населения с прибрежных районов в центральные области империи под влиянием арабских вторжений на суше и по морю. Агиография подтверждает, расширяет и хорошо иллюстрирует те весьма краткие указания, которыми нас снабжают историки и хронисты. Основополагающее значение арабской опасности в перенаселении и концентрации населения областей центральных районов империи может отныне считаться полностью доказанным.[3]

---

[1] *H. Gelzer.* Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. Munchen, 1897, S. 951.

[2] *L. Brehier.* La Transformation de l'Empire byzantine sous les Heraclides. — Journal des Savants, n. s., vol. XV, 1917, p. 402.

[3] См.: *А. П. Рудаков.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, с. 65.

Дальнейшие завоевания арабов в Северной Африке на некоторое время приостановились из-за энергичного сопротивления берберов и междоусобной войны, вспыхнувшей между последним «правоверным халифом» Али и сирийским наместником Моавией. Эта кровопролитная война закончилась в 661 году насильственной смертью Али и появлением на престоле Моавии, который начал династию Омейядов и сделал столицей государства Дамаск.

Утвердив свою власть, Моавия возобновил наступательные действия против Византии, с одной стороны послав флот против столицы, с другой стороны возобновив дальнейшее продвижение на запад в Северной Африке.

Особенно тяжелые времена выпали на время энергичного императора Константина IV (668—685), когда арабский флот, пройдя через Эгейское море и Геллеспонт в Пропонтиду и сделав базой город Кизик, в течение нескольких лет ежегодно, обычно в летние месяцы, подступал к Константинополю и безуспешно осаждал его. Константин сумел, очевидно, хорошо подготовить столицу к осаде. Главную же роль в успехах византийского войска сыграл изобретенный сирийским греком-перебежчиком Каллиником «греческий огонь», иначе говоря, жидкий или морской огонь. Обычное название этого изобретения привело к известному недоразумению. Это был род взрывчатого состава, выбрасываемого специальными сосудами, или сифонами, и воспламенявшегося при попадании на неприятельских судах. Для этого в византийском флоте были построены специальные «сифононосные» суда, производившие страшное смятение среди арабов. Особенностью этого огня было то, что он горел и на воде. В течение довольно долгого времени тайна состава греческого огня зорко охранялась правительством, и это средство не раз содействовало успеху византийского флота.[1]

Все попытки арабских кораблей овладеть Константинополем окончились неудачей. В 677 году неприятельские суда ушли, направляясь к берегам Сирии, и у южного берега Малой Азии сильно пострадали от бури. Сухопутные военные действия арабов в Малой Азии также окончились не в их пользу. В таких обстоятельствах

---

[1] Рецепт греческого огня сохранился в трактате, приписываемом некоему Марку Греку (Marcus Graecus), который был, без сомнения, составлен по-гречески не позже IX века. Известен он в латинском переводе под заголовком «Liber ignium a Marco Graeco descriptus». Лучшее издание осуществлено М. Бертело (*M. Berthelot*. La Chimie au Moyen Age. Paris, 1893, vol. I, pp. 100—135). Есть французский перевод и хорошие комментарии. Более новое издание: *H. W. L. Hime*. The Origin of Artillery. London, 1915, pp. 45—63. См. также: *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Litteratur... SS. 636—637; *E. Gibbon*. Decline and Fall of the Roman Empire, ed. J. B. Bury, vol. VI, pp. 539—540. Они не знали об издании Бертело и цитировали старое издание: *F. Hofner*. Histoire de la Chimie. Paris,

уже состарившийся Моавия заключил с императором мир на условии уплаты ему определенной ежегодной дани.[1]

Столь успешным отражением арабов от Константинополя и заключением с ними выгодного и почетного мира Константин IV оказал большую услугу не только своему государству, но и вообще Западной Европе, от которой была удалена таким образом серьезная мусульманская опасность. Интересно отметить, что эта удача Константина произвела сильное впечатление на Запад, откуда, по словам хрониста, аварский каган и другие государи западных народов, узнав об этом, «послали императору через послов дары и просили его утвердить с ними мирную любовь... И настала, — заключает хронист, — великая безопасность на Востоке и Западе».[2]

При преемнике Константина IV, Юстиниане II, а именно, в первое его правление (685—695), на восточной арабской границе произошло событие, имевшее немаловажное значение в дальнейшем развитии арабо-византийских отношений. В горах сирийского Ливана издавна жили так называемые мардаиты, что в переводе обозначает «повстанцы, отступники, разбойники», которые представляли собой организованное войско и являлись оплотом византийской власти в этих местах. После покорения Сирии арабами мардаиты, отступив оттуда на север к арабо-византийской границе, своими набегами на окрестные области доставляли много хлопот и неприятностей арабам, но вместе с тем были, по выражению хрониста, «медной стеной», защищавшей Малую Азию от арабских вторжений. При новых мирных переговорах при Юстиниане II император, по просьбе халифа, обещавшего уплату известной дани, согласился переселить мардаитов во внутренние области империи, чем «разрушил медную стену».[3] Позднее они встречаются в качестве моряков в Памфилии (на юге Малой Азии), в Пелопоннесе, на острове Кефалонии и в некоторых других местностях. Подобное удаление от границы мардаитов безусловно укрепило положение

1842, vol. I, pp. 491—497. См. также: *M. Jahns*. Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens von der Urzeit bis zur Renaissance. Leipzig, 1880, SS. 512—514; *C. Oman*. A History of the Art of War in the Middle Ages. London, 1924, vol. II, pp. 206, 209—210; *C. Zenghelis*. Le feu gregeois. — Byzantion, vol. VII, 1932, pp. 265—286; *N. D. Charanis*. Chemical Warfare in the Middle Ages. Kallinikos Prepared Fire. — Journal of Chemical Education, vol. XIV, 8, 1937, pp. 360—365. Каллиник открыл, что добавление селитры к известным уже горючим смесям увеличивает их горючесть (p. 364).

[1] См.: *M. Canard*. Les expeditions des arabes contre Constantinople dans l'histoire et dans la legende. — JA, vol. CCVIII, 1926, pp. 63—80; *P. Kahle*. Zur Geschichte der mittelalterischen Alexandria. — Der Islam, Bd. XII, 1922, S. 33.

[2] *Theophanes*. Chronographia, ed. C. de Boor, p. 356.

[3] Ibid., p. 364.

арабов в новозавоеванных местностях и облегчило в будущем их наступательные действия вглубь Малой Азии. Мне кажется, что в данном факте нет достаточных оснований видеть, как думает проф. Ю. А. Кулаковский, «заботу императора о христианах, живших под властью иноверных владык». Подкладка переселения мардаитов была чисто политическая.[1]

Параллельно с действиями арабов под Константинополем и на восточной границе, их войска, начиная с шестидесятых годов, стали продвигаться на запад в Северной Африке, где в самом конце VII века перешел в руки мусульман Карфаген, столица Африканского экзархата, а в начале VIII века крепость у Геркулесовых Столпов Септем (Septem, теперь испанская крепость Сеута). В начале того же VIII века арабы, под начальством полководца Тарика, переправились из Африки в Испанию и быстро завоевали у вестготов большую часть полуострова. От имени Тарика, как известно, произошло современное арабское название Гибралтара, что в переводе означает «Гора Тарика». Итак, ислам грозил Западной Европе в первой половине VIII века уже со стороны Пиренейского полуострова.

Интересно отметить, насколько быстро и как глубоко арабский язык и культура распространились в Испании. Большое количество горожан-христиан приняли арабскую культуру, хотя они и не приняли ислам. Их было достаточно много для того, чтобы сформировать социальный класс, названный словом арабского происхождения — «мусарабы», то есть арабизированные. В IX веке епископ Кордовы Альваро жаловался в одной из своих проповедей:

«Многие из моих единоверцев читают стихи и волшебные сказки арабов, изучают сочинения исламских философов и теологов не для того, чтобы опровергать их, однако для того, чтобы научиться самим выражаться по-арабски правильнее и элегантнее. Кто из них изучает Евангелия, Пророков и Апостолов? Увы! Все способные молодые христиане знают только язык и литературу арабов, читают и с усердием изучают арабские книги... Если кто-либо заговаривает о христианских книгах, они с презрением отвечают, что эти книги не заслуживают какого-либо внимания. Горе! Христиане забыли свой собственный язык и едва ли можно найти одного на тысячу, кто был бы способен написать другу приличное поздравительное письмо по-латински. Однако неисчислимо множество тех, кто выражается весьма элегантно по-арабски и сочиняет стихи с большей красотой и изяществом, чем сами арабы».[2]

---

[1] *Ю. А. Кулаковский.* История Византии. СПб., 1996, т. III, с. 239—242.

[2] Alvari Cordubensis opera. Indiculus luminosus. Ed. F. H. Florez. España Sagrada. Madrid, 1753, vol. XI, p. 274. См. также: *И. Ю. Крачковский.* Арабская культура в Испании. М.; Л., 1937, с. 11—12.

Мать Феодоры передаёт внучкам иконы для поцелуя. Миниатюра из рукописи Истории Иоанна Скилицы. Национальная библиотека. Мадрид

Подобный процесс можно отметить и в Египте. 699-й год, когда арабский язык стал обязательным в государственном делопроизводстве, положил конец греческой и египетской литературе на египетской почве. После этой даты мы имеем эру переводов коптских сочинений на арабский.[1]

Отношения, установившиеся между арабами и туземным населением Сирии, Палестины и Египта, сильно отличались от отношений, создавшихся в Северной Африке, т. е. в современных Триполи, Тунисе, Алжире и Марокко. В Сирии, Палестине и Египте арабы, не встретив со стороны местного населения упорного сопротивления, а скорее, как было уже сказано выше, найдя в нем поддержку и сочувствие, относились к своим новым подданным терпимо. Они оставили христианам, за немногими исключениями, их храмы и право совершать богослужение и требовали за это правильной уплаты определенной подати и политической верности. Иерусалим, как одно из наиболее почитаемых мест для христианского мира, был открыт для паломников, приезжавших в Палестину из далекой Западной Европы на поклонение святым местам. Для паломников в Иерусалиме были, как и раньше, странноприимные дома и больницы. Не надо также забывать, что в данных областях арабы столкнулись с византийской культурой, под влияние которой они быстро подпали. Одним словом, в Сирии и Палестине между победителями и побежденными установились на довольно продолжительное время хорошие отношения. Несколько хуже дело обстояло в Египте; но и там, по крайней мере в первое время, положение христиан было терпимо.

После арабского завоевания патриаршества завоеванных провинций попали в руки монофизитов. Однако мусульманские наместники предоставили известные привилегии православному населению Сирии, Палестины и Египта и спустя некоторое время православные патриаршества Антиохии и Александрии были восстановлены. Эти патриаршества существуют еще и в наши дни. Арабский историк и географ X в. Масуди утверждает, что четыре священные горы — «Синай, Хорив, Оливковая гора около Иерусалима и гора Иордана», то есть гора Табор — оставались в руках православных. И лишь постепенно монофизиты и прочие «еретики», включая мусульман, заняли у православных ведущие места в культе в Иерусалиме и в святых местах. Иерусалим был позже, вместе с Меккой и Мединой, возведен в ранг священного мусульманского города. Для мусульман священный характер города ус-

---

[1] *N. Baynes*. — Journal of Egyptian Archaeology, vol. XVIII, 1932, p. 90. Он ссылается на: *L. Lefort*. La litterature egyptienne aux dernieres siecles avant l'invasion arabe. — Chronique d'Égypte, vol. VI, 1933, pp. 315—323.

тановлен тем фактом, что Моавия был провозглашен халифом в Иерусалиме.[1]

Иначе сложились дела в Северной Африке. Там громадное большинство туземцев, берберские племена, хотя и приняли формально христианство, однако на самом деле оставались прежними варварами. Берберы оказали упорное сопротивление арабам, которые за это страшно разорили и опустошили страну. Тысячи пленных были уведены на восток и проданы в рабство. «Еще теперь, — говорит Диль, — в мертвых городах Туниса, оставшихся, большей частью, в том состоянии, в какое их привело арабское вторжение, находят на каждом шагу следы этих ужасных разгромов».[2] Когда арабы в конце концов завоевали Северную Африку, многие местные жители выселились в Италию или Галлию. Менее чем через пятьдесят лет после арабского завоевания, африканская церковь, когда-то столь славная в летописях христианской истории, была почти совершенно уничтожена. «В течение почти двух веков, — по словам того же Диля, — Византийская империя собрала в этих странах, не без славы, тяжелое наследство Рима; в течение почти двух веков она, под защитой своих крепостей, обеспечила стране большое, несомненное процветание; в течение почти двух веков она в этой части Северной Африки поддерживала традиции античной цивилизации и приобщила, благодаря своей религиозной пропаганде, берберов к более высокой культуре: в пятьдесят лет арабское завоевание разрушило все эти результаты».[3]

Несмотря на быстрое распространение ислама среди берберов, христианство, однако, продолжало оставаться среди них, и даже в XIV веке мы слышим о «нескольких маленьких христианских островках» в Северной Африке.[4]

Славянское продвижение на Балканском полуострове и в Малой Азии. Основание Болгарского царства

Со второй половины VI века славяне уже не только нападали на Балканские владения империи и грабили их, но, проникая до Геллеспонта, Солуни (Фессалоник), южной Греции и берегов Адриатического моря, в большом числе оставались на полуострове.

---

[1] См.: *J. Wellhausen*. Das Arabische Reich und sein Sturz. Leipzig, 1902, S. 133. См. также: *В. В. Бартольд*. — Записки коллегии Востоковедов при Азиатском музее РАН, т. I, 1925, с. 468—469.

[2] *Ch. Diehl*. L'Afrique byzantine. Paris, 1896, p. 590.

[3] Там же, с. 592. См. также: *E. Mercier*. Histoire de l'Afrique septentrionale. Paris, 1888, vol. I, p. 218.

[4] См.: *H. Leclercq*. L'Afrique chretienne, vol. II, pp. 321—323. Бассе говорит, что христиане исчезли среди берберов в двенадцатом веке — Encyclopedie de l'Islam, vol. I, p. 721.

Об аваро-славянском нападении на столицу в 626 году при Ираклии речь уже была. В эпоху ираклейской династии славяне упорно продвигались по полуострову и все гуще его заселяли. Солунь (Фессалоника) была окружена славянскими племенами и с трудом находила защиту против их нападений за крепкими городскими стенами.

На своих кораблях славяне спускались до Эгейского моря, нападали на византийский флот и часто препятствовали продовольственному снабжению столицы. Император Констант II был вынужден предпринять кампанию «против Склавинии».[1] К этому времени относятся упоминания о миграции большого количества славян в Малую Азию и Сирию. При Юстиниане II славяне общим числом не менее 80 тысяч человек, согласно В. И. Ламанскому,[2] были перевезены в Опсикий, одну из фем Малой Азии. Одна часть из них (около 30 000) была мобилизована императором и позже была использована в борьбе против арабов, во время которой изменила императору и перешли на сторону арабов. Из-за этого ужасного проступка оставшиеся славяне Опсикия были подвергнуты страшным избиениям. Печать славянской военной колонии в Вифинии, провинции фемы Опсикия, сохранилась от того времени. Это ценный памятник, «новый фрагмент славянской племенной истории», который «дает луч света в сумерках великих переселений», как сказал Б. А. Панченко,[3] который опубликовал и интерпретировал эту печать. Начиная с VII века, вопрос о славянских поселениях в Малой Азии приобретает большое значение.

Вторая половина VII века была ознаменована также образованием на северной границе, в области нижнего Дуная, нового болгарского государства, последующая история которого будет иметь в высшей степени важное значение в судьбах Византии. В это время вопрос шел еще о древних болгарах, т. е. народе гуннского (тюркского) происхождения, тесно связанного с племенем оногуров. При Константе II болгарская орда под предводительством Аспаруха (Исперих), теснимая хазарами на запад из приазовских степей, поселилась близ устья Дуная, а затем перешла на его южный берег на византийскую территорию, в современную Добруджу, где, по предположению профессора Златарского, в силу известного договора, заключенного с Византией, болгары, как союзники последней, должны были охранять дунайскую границу империи от набегов

---

[1] *Theophanes*. Chronographia, ed. C. de Boor, p. 347.

[2] *В. И. Ламанский*. Славяне в Малой Азии, Африке и Испании. СПб., 1859, с. 3.

[3] *Б. А. Панченко*. Славянский памятник в Вифинии седьмого века. — Известия Русского археологического института в Константинополе, т. VIII, 1—2, 1902, с. 15.

других варваров.[1] Трудно сказать, правильна ли подобная догадка, так как о первоначальной истории болгар до нас дошло чрезвычайно мало сведений. Но во всяком случае, если даже такой договор был заключен, то сохранял свою силу недолго. Болгарская орда сильно беспокоила императора, и Константин IV в 679 году предпринял против болгар поход, окончившийся поражением византийского войска. Император вынужден был заключить с ними мир, обязался платить им ежегодную дань и уступил страну между Дунаем и Балканами, т. е. прежние провинции Мёзию и Малую Скифию (совр. Добруджу); устья Дуная и часть побережья Черного моря отошли к болгарам. Образовавшееся таким образом и признанное императором болгарское государство явилось новым опасным соседом для империи.

Тюркские болгары, обосновавшись на Балканском полуострове и постепенно распространяя свои владения, столкнулись с довольно плотным славянским населением тех мест. Пришлые болгары, дав славянам военную организацию и дисциплину, явились объединяющим началом для живших на полуострове в состоянии разрозненности славянских племен и образовали сильное государство, что, конечно, было для византийского правительства совершенно нежелательным и что позднее вызывало неоднократно военные действия империи против болгар и славян. Славянская среда, в какую попала сравнительно со славянами немногочисленная болгарская орда Аспаруха, оказала сильное влияние на племенное изменение пришлых болгар, которые, мало-помалу, стали терять свою гуннскую (тюркскую) национальность и к середине IX века, можно сказать, уже в своей большей части ославянились, сохранив до настоящего времени свое древнее название болгар.[2]

В 1899—1900 годах Русский археологический институт в Константинополе предпринял раскопки на предполагаемом месте древнего болгарского становища (аула), давшие чрезвычайно важные результаты. На месте древней столицы болгарского государства Плиски (или Плискова), около современного селения Абобы в северо-восточной Болгарии, на северо-восток от г. Шумлы (Шумен),

---

[1] *В. Н. Златарский.* Болгарская хронология. — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. XVII, 2, 1912, с. 40. См. также: *В. Н. Златарски.* История на българската държава през средните векове. София, 1918, т. 1, с. 19—122, 135—136. Златарский говорит, что Исперих со своими болгарами осел в районе севернее современной Добруджи в шестидесятых годах VII века, но до 668 года, когда умер Констант II. См. также: *J. Moravcsik.* Zur Geschichte der Onoguren.— Ungarische Jahrbucher, Bd. X, 1930, SS. 72—73, 80, 84, 89.

[2] См.: *L. Niederle.* Manuel de l'antiquite slave. Paris, 1923, t. I, pp. 100—103.

были открыты основания ханско-княжеского болгарского дворца и окружавших его стен с башнями и воротами, основания большой церкви, надписи, предметы искусства и украшения, золотые и медные монеты, свинцовые печати и т. д.[1] Открытый свежий материал, к сожалению, из-за состояния источников еще не может быть в достаточной мере освещен и объяснен, и в этом отношении следует пока ограничиться лишь домыслами и догадками. Однако, по словам Ф. И. Успенского, под руководством которого велись раскопки, «сделанные институтом наблюдения и раскопки на месте упомянутого лагеря (близ Шумлы) раскрыли весьма важные данные, по которым можно составить ясное представление о болгарской орде, поселившейся на Балканах, и о постепенных изменениях, которые в ней происходили под влиянием сношений с Византией».[2] «Как показывают древнейшие памятники болгарского быта, найденные при раскопках их древней столицы, — пишет в другом месте Ф. И. Успенский, — болгары скоро подчинились культурным влияниям, идущим из Константинополя, и ханы их постепенно вводили при своем дворе обычаи и обряды византийского двора».[3] Во всяком случае, большая часть добытых раскопками данных относится к эпохе более поздней, чем время Аспаруха, а именно к VIII—IX векам. Раскопки еще далеко не закончены.

План переноса столицы империи

В середине VII века положение Константинополя изменилось. Завоевания арабами восточных и юго-восточных провинций империи, их частые нападения на малоазиатские провинции, успехи арабского флота в Средиземном и Эгейском морях, с одной стороны, и основание болгарского государства на северной границе и постепенное продвижение к столице, берегам Эгейского моря и в Грецию живших на Балканском полуострове славян, с другой стороны, создавали новые условия для жизни Константинополя, который уже не чувствовал себя в прежней безопасности. Он, как известно, черпал свои силы именно из восточных провинций; но одна часть последних в середине VII века ушла из-под власти империи, другая же часть подвергалась опасности. В связи с этими новыми создавшимися условиями должен быть рассматриваем план императора

---

[1] См.: Ф. И. Успенский. Историко-археологическое значение Абобы и ее окрестностей, раскопки, наименование древнего поселения. (Материалы для болгарских древностей, Абоба-Плиска, гл. I). — Известия Русского археологического института в Константинополе, т. X, 1905, с. 1—15.

[2] *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи. СПб., 1914, т. I, с. 777.

[3] Там же, с. 729.

Константа II покинуть Константинополь и возвратить столицу в старый Рим или во всяком случае в какой-либо итальянский центр.

Хронисты объясняют отъезд императора из столицы тем, что он, убив одного из своих братьев и сделавшись вследствие этого ненавистным народу, вынужден был бежать.[1] Но это объяснение едва ли может быть принято с исторической точки зрения.

Дело было в том, что император не считал себя более в безопасности в Константинополе и поэтому обратил свое внимание на Запад. Кроме того, вполне возможно, что он, сознавая грядущую угрозу Италии и Сицилии со стороны арабов из Африки, решил личным присутствием укрепить власть империи в западной части Средиземного моря и не позволить арабам распространить их завоевания за пределы Египта. Может быть, император не имел в виду окончательно покинуть Константинополь, но хотел, ввиду новых условий, лишь дать империи второй центр на Западе, как то было в IV веке, чем и надеялся положить конец дальнейшему наступлению арабов на Запад. Во всяком случае, в современной исторической литературе в последнее время это стремление Константа II на Запад, несколько непонятное на первый взгляд, объясняется не расстроенным болезненным воображением императора, а условиями создавшейся тогда политической обстановки на востоке, юге и севере.

Между тем дела в Италии также не обещали спокойных условий жизни. Равеннские экзархи, не чувствуя над собой из-за дальности расстояния и сложности восточных событий крепкой власти императора, явно стремились к отпадению. С другой стороны, лангобарды владели большей частью Италии. Для императора оставался Рим, Неаполь, самый юг Италии с преобладающим греческим населением и остров Сицилия.

Констант II, покинув Константинополь, через Афины отправился в Италию и после пребывания в Риме, Неаполе и на юге обосновался в сицилийском городе Сиракузах. В Италии он и провел последние пять лет своего царствования. Планы императора не удались. Его борьба с лангобардами успеха не имела. Сицилии начинали грозить арабы. Против императора составился заговор, и Констант II жалким образом был убит в одной из сиракузских бань (668 г.).

С его смертью план перенесения столицы на Запад был оставлен, и сын Константа II, Константин IV, остался в Константинополе.

---

[1] *Georgius Cedrenus*. Historiarum compendium, Bonn. ed., vol. I, p. 762.

Религиозная политика династии. Монофелитство и «Изложение веры» (экфесис)

Персидские походы Ираклия, возвратившие империи монофизитские области, Сирию, Палестину и Египет, снова поставили на очередь вопрос об отношении византийского правительства к монофизитам. Еще во время походов Ираклий уже вступил в переговоры с монофизитскими епископами восточных провинций, чтобы путем известных догматических уступок сделать возможным церковное примирение. Последнее казалось достижимым, если православная церковь согласится признать в Иисусе Христе при двух естествах одно действование (энергию, ενεργεια) или одну волю (θελημα). От последнего греческого слова и самое учение о единой воле получило название монофелитства.[1] Антиохия и Александрия в лице своих назначенных Ираклием патриархов-монофизитов готовы были пойти навстречу подобному примирению. Константинопольский патриарх Сергий должен был также способствовать выполнению этого плана. Но против монофелитского учения восстал живший в Александрии палестинский монах Софроний, слова которого производили большое впечатление и угрожали нарушением примирительной политики Ираклия. Папа римский Гонорий, признавая вообще опасными споры о догматических вопросах, нерешенных вселенскими соборами, тем не менее признал правильным учение о единой воле. Между тем Софроний, возведенный в сан иерусалимского патриарха и получивший таким образом возможность иметь еще более сильное и широкое влияние, в своем синодальном послании к константинопольскому епископу со всей богословской ученостью доказывал несостоятельность монофелитского учения. Видя надвигавшуюся церковную смуту, Ираклий в 638 году издал составленный в христологической части патриархом Сергием указ, так называемый «экфесис» (εκθεσις) или «Изложение веры», который, как полагал император, мог бы примирить православных с монофизитами. «Экфесис» признавал в Иисусе Христе при двух природах одну волю. Однако, эта императорская мера не достигла желаемых результатов. С одной стороны, новый папа не одобрил «экфесиса» и, защищая в Иисусе Христе две воли и два действования, признал монофелитское учение ересью, что вносило совершенно неожиданную остроту в отношения императора к папе. С другой стороны, по самому времени опубликования «Изложение веры» уже не могло иметь того значения, на которое рассчитывал Ираклий. Главной целью императора было примирить восточные монофизитские провинции с православием. Но в 638 го-

---

[1] Весьма хорошая статья о монофелизме имеется в Le Dictionnaire de theologie catholique, ed. Vacant et Amman, vol. X, 2, col. 2307—2323.

ду, когда появился указ Ираклия, Сирия, Палестина и византийская часть Месопотамии уже не принадлежали Византии и находились во власти арабов. Оставался Египет, но и его дни были сочтены. Таким образом, монофизитский вопрос уже терял для Византии свою государственную важность, а вместе с этим терял значение и указ Ираклия; тем более, что подобные попытки религиозных компромиссов, при упорной неуступчивости большинства обеих сторон, никогда не давали удовлетворительных результатов и, конечно, вопроса не решали.

«Образец веры» Константа II

Церковная политика после смерти Ираклия, при Константе II, сводилась к следующему: после потери Египта, перешедшего в сороковых годах VII века к арабам, император, оставаясь сторонником монофелитства, несмотря на то, что этот вопрос потерял уже свое государственное значение и расстраивал отношения с папским престолом, встал на путь попыток примирения с папой при помощи некоторых уступок в монофелитском учении. В этих целях Констант II издал в 648 году «типос» (τυπος), или «Образец веры», запрещавший всем «подданным, в православии находящимся, в непорочной христианской вере пребывающим и к кафолической и апостольской церкви принадлежащим, иметь впредь какие-либо споры о единой воле или едином действовании (энергии), или о двух действованиях и двух волях».[1] Помимо запрещения дальнейших споров об одной или двух волях, «типос» повелевал снять выставленные в притворе храма св. Софии написанные рассуждения по данному вопросу, то есть, другими словами, «экфесис» Ираклия. Но это мероприятие Константа II не дало желанного церковного мира. Папа Мартин на Латеранском соборе, при участии представителей греческого духовенства, осудил «нечестивейший экфесис» (impiissima Ecthesis) и «злодейский типос» (scelerosus Typus) и объявил еретиками тех лиц, имена которых связаны были с составлением этих указов.[2] Наиболее выдающийся богослов VII века Максим Исповедник решительно выступил против типоса и вообще против монофелитства. В восточной церкви также стало замечаться неудовольствие по поводу церковной политики императора.

Разгневанный на папу из-за Латеранского собора Констант II приказал равеннскому экзарху арестовать его и доставить в Кон-

---

[1] *J. D. Mansi.* Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, vol. X, pp. 1029—1032; *K. J. von Hefele.* A History of the Councils of the Church. Edinbourgh, 1896, vol. V, pp. 95—96.

[2] *Mansi.* Ibid., pp. 1157—1158; *Hefele.* Ibid., pp. 112—113.

стантинополь. Папа Мартин был привезен в столицу, где суд обвинил его в стремлении поднять против императора западные области. Подвергнутый тяжелым униженияm папа был заключен в темницу, откуда через некоторое время отправлен в далекий Херсон, на южный берег Крыма, обычное место ссылки для опальных лиц в византийское время. В своих письмах из Херсона папа жаловался на трудные условия тамошней жизни и просил прислать ему туда съестных припасов, особенно хлеба, который «известен там разве по названию, а его и видом не видать».[1] Немногие, к сожалению, строки, посвященные в письмах Мартина Херсону, дают интересный материал для вопроса о культурном и экономическом положении Херсона в VII веке. Вскоре по прибытии на место ссылки папа там умер.

После некоторых переговоров с преемниками папы Мартина его второй преемник Виталиан примирился с императором и константинопольским патриархом. Раскол между церквами прекратился. Подобное церковное примирение с Римом имело для Византии и политическое значение, укрепляя в Италии влияние византийского императора.

Знаменитый противник монофелитства, Максим Исповедник, арестованный экзархом в Италии, был доставлен в Константинополь и, будучи по приговору суда подвергнут тяжелому увечью, страдальцем умер в далекой ссылке.

Шестой Вселенский собор и церковный мир

Хотя монофелитство уже потеряло, как мы знаем, государственный интерес, однако оно, даже после запрещения типоса, продолжало сеять смуту в умах населения. Тогда преемник Константа II, Константин IV, желая дать государству церковный мир, созвал в 680 году шестой Вселенский собор в Константинополе, который вынес осуждение монофелитству. Собор признал два естества Иисуса Христа, проявившиеся в одной Его ипостаси, и «две естественные воли и действования, согласно сочетавшиеся между собой для спасения рода человеческого».[2]

Мир с Римом был восстановлен. Послание от шестого собора, отправленное папе, называло его «предстоятелем первого престола вселенской церкви, стоящим на твердом камне веры» и объявляло, что послание папы к императору излагало истинное исповедание.[3]

---

[1] *Martini Papae* Epistola, XVI, (PL, LXXXVII, col. 202). См. также: *H. K. Mann.* The Lives of the Popes in the Early Middle Ages. London, 1925, vol. I, part III, p. 400.

[2] *Mansi.* Sacrorum conciliorum... collectio, vol. XI, pp. 629—640; *Hefele.* A History... vol. V, p. 175.

[3] *Mansi.* Ibid., pp. 683—688.

Таким образом, во время Константина IV византийское правительство стояло определенно против монофизитства и монофелитства. Александрийское, иерусалимское и антиохийское патриаршества, оторванные от империи арабским завоеванием, принимали тем не менее участие в шестом Вселенском соборе, послав своих представителей. Антиохийский патриарх Макарий, который, очевидно, жил в Константинополе и имел под своей юрисдикцией только Киликию и Исаврию,[1] выступал на соборе защитником монофелитства, за что был лишен сана и отлучен от церкви. Постановления шестого собора показали Сирии, Палестине и Египту, что Константинополь отказался от желания найти путь к религиозному примирению с провинциями, которые не входили более в состав Византийской империи. Религиозный мир с Римом был достигнут путем решительного отчуждения от монофизитского и монофелитского населения восточных провинций. Последнее обстоятельство способствовало дальнейшему укреплению власти арабов в этих провинциях. Сирия, Палестина и Египет окончательно обособились от Византийской империи.

Нельзя сказать, что соглашение, достигнутое с Римом на шестом Вселенском соборе, длилось очень долго. Даже в царствование Юстиниана II, преемника Константина IV, отношения между Византией и Римом снова обострились. Желая дополнить решения пятого и шестого Вселенских соборов, Юстиниан II созвал в 691 году в Константинополе синод, собравшийся в Купольном зале. Этот собор называется Трулльским, по месту его проведения,[2] или Пятошестым (Quinisextum), ввиду того, что он дополнил решения двух предыдущих Вселенских соборов. Этот синод сам себя провозгласил Вселенским собором. Папа Сергий отказался подписывать акты собора из-за некоторых параграфов, таких как запрещение праздновать субботу и разрешение священникам жениться. Следуя примеру Константа II, который выслал папу Мартина в Крым, Юстиниан приказал арестовать Сергия и доставить его в Константинополь. Однако итальянская армия защитила папу от императорского посланника, который не поплатился жизнью только благодаря вмешательству папы.[3]

Во время второго царствования Юстиниана II (705—711) папа Константин посетил по приглашению императора Константинополь. Это был последний папа, приглашенный в столицу Византийской империи. Юстиниан принимал его с высшим почетом, самолично,

---

[1] См.: *E. W. Brooks*. — English Historical Review, vol. XXXIV, 1919, p. 117.

[2] Греческое слово ο τροῦλλος означает свод или купол.

[3] См.: *F. Gorres*. Justinian II und das romische Papstum. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XVII, 1908, SS. 440—450.

как утверждает биограф папы, пал ниц перед папой с императорской короной на голове и целовал его ноги.[1] Юстиниан и папа достигли взаимоудовлетворяющего компромисса, однако точной информации об этом нет.* Папа Константин, как утверждает немецкий церковный историк Хефеле, последовал, без сомнения, тому пути «золотой середины», которого придерживался впоследствии папа Иоанн VIII (872—882), заявляя, что «он готов принять все те каноны, которые не противоречат истинной вере, добрым нравам и декретам Рима».[2] Папа Константин вернулся в Рим в безопасности и народ приветствовал его с большой радостью. Церковный мир казался наконец установленным внутри сильно сократившихся границ империи.

Возникновение и развитие фемного строя

В византийской истории организация фем обычно связывается со временем ираклейской династии. Фемный строй означает вызванную обстоятельствами времени областную организацию, отличительным признаком которой является возрастание военной власти провинциальных наместников, приведшее в конце концов к полному подчинению им гражданских должностных лиц. Процесс этот не был внезапным, но шел постепенно. Само греческое слово «фема» (το θεμα) в течение долгого времени обозначало военный отряд, поставленный в провинции; и только позднее этим словом стали называть не только военную часть, но и провинцию, где эта часть находилась. Таким образом, под фемами начали разуметь административные деления империи.

Главным византийским источником для данного вопроса является сочинение «О фемах», принадлежащее перу императора X века Константина Багрянородного, т. е. источник, далеко не современный для эпохи ираклейской династии. Кроме того, в основу этого сочинения положены использованные чисто внешним образом и частью буквально списанные географические сочинения V и VI веков. Поэтому для истории фемного строя в VII веке сочинение венценосного писателя дает немного сведений, хотя и у него начало фемной организации связывается с именем Ираклия. Император говорит: «Со времени царствования Ираклия Ливийца Ромейская империя уменьшилась в размере и была искалечена как с Востока, так и с Запада».[3] Много интересного, но местами еще не вполне

---

[1] Liber Ponitificalis, ed. L. Duchesne, vol. I, p. 391.

* Несмотря на известную двусмысленность, по контексту все же ясно, что мы не располагаем точной информацией о содержании компромиссных решений, а не о самом факте компромисса.

[2] *Hefele*. A History... vol. V, p. 240.

[3] De thematibus, 12.

разъясненного материала по данному вопросу дают арабские географы, Ибн-Хордазбех, в первой половине IX века, и Кудама, в начале X века. Но, как видно, и эти два географа не современники для эпохи Ираклия. Для более раннего времени приходится пользоваться случайными замечаниями хронистов и особенно латинским посланием Юстиниана II к папе по вопросу об утверждении шестого Вселенского собора, где дается перечень военных округов того времени, которые еще не называются фемами, а обозначаются латинским словом «войско» (exercitus).[1] В исторических источниках этого времени латинское слово exercitus и греческое στρατος, или иногда στρατευμα, часто употреблялись в смысле территории, или провинции, с военной администрацией.

Настоящим прообразом позднейшей фемной организации явились два основанные в конце VI века экзархата, равеннский и африканский, или карфагенский. Как известно, столь важные изменения в управлении Италией были вызваны нападениями лангобардов, а в Северной Африке нападениями туземных берберских племен, которых источники иногда называют маврами. Таким образом, центральное правительство в наиболее угрожаемых, большей частью пограничных районах империи, для большей успешности борьбы с врагами, стало на путь образования крупных территорий с сильной военной властью в своих пограничных провинциях.* Персидские и затем арабские завоевания VII века, отнявшие у Византии восточные провинции, совершенно изменили положение вещей в Малой Азии, которая из страны, до тех пор почти не нуждавшейся в защите, превратилась в территорию, наиболее угрожаемую со стороны новых соседей-мусульман. Византийское правительство было вынуждено принять на восточной границе решительные меры: произвести перегруппировку военных сил и установить новые административные деления, дав преобладающее значение столь важным в то время военным властям. Такая же опасность грозила со стороны недавно созданного арабского флота, который уже в VII веке становился хозяином Средиземного моря и грозил малоазиатскому побережью, островам Архипелага и даже берегам Италии и Сицилии. На северо-западе империи славяне занимали значительную часть Балканского полуострова, проникнув далеко на юг в Грецию, до Пелопонесса включительно. На северной

---

[1] *Mansi.* Sacrorum conciliorum... collectio, vol. XI, pp. 737—738. См. также: *H. Gelzer.* Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899, SS. 10—17.

* В соответствующем месте русской версии (с. 215) есть несколько слов, не включенных А. А. Васильевым в последующие издания. Между тем они важны: «которая <т. е. военная власть> постепенно завладела и гражданскими функциями».

границе образовалось во второй половине VII века болгарское ханство. Эти измененные обстоятельства заставили империю прибегнуть к образованию в наиболее опасных провинциях обширных территорий с сильной военной властью стоявших во главе их лиц, наподобие уже известных экзархатов. Империя была милитаризована.[1]

Тот факт, что фемы не явились результатом одного законодательного акта, означает, что каждая из них имеет свою собственную историю, иногда весьма длинную. Проблема происхождения фем может быть решена только путем специального исследования по каждой феме. Представляют в этой связи интерес сочинения Ю. А. Кулаковского. Военные меры, предпринятые Ираклием после его победы над Персией, полагал он, были отправной точкой нового административного режима. Брейе поддерживал в этом Кулаковского. Армения может считаться примером милитаризации империи под угрозой персидской опасности. Так, когда Ираклий реорганизовал Армению, он не учредил ни одного гражданского должностного лица. Власть их была чисто военной. Фемная система, таким образом, была только лишь приложением к другим провинциям порядка, учрежденного в Армении.* Ф. И. Успенский обращал особое внимание на славян. Когда они хлынули на Балканский полуостров, примерно во время складывания фем, то, по словам Ф. И. Успенского, славяне «содействовали к образованию фемного устройства Малой Азии, давая из себя значительное число охотников для колонизации Вифинии».[3] Это утверждение надо, однако, воспринимать с осторожностью, ибо нет свидетельств о большой иммиграции славян в Малую Азию до перемещения 80 тысяч славян в Опсикий при Юстиниане II в конце VII века.

Хорошо известно, что для защиты от надвигающейся опасности были созданы на Востоке в VII веке следующие крупные военные округа, названные позднее фемами: 1) Армениаки, на северо-востоке Малой Азии, на границе с Арменией; 2) Анатолики на юго-западе Малой Азии (от греческого слова ανατολη — «восток»); 3) «Императорский богохранимый Опсикий» (греч. οψικιον = лат.

---

[1] См.: *E. Stein*. Ein Kapitel vom persischen und vom byzantinischen Staate. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. I, 1920, SS. 76, 84; *E. Darko*. La militarizatione dell'Impero Bizantino. — Studi bizantini e neoellenici, vol. V, 1939, pp. 88—99.

* См. статьи Ю. А. Кулаковского по этому вопросу, опубликованные в третьем томе его «Истории Византии» (СПб., 1996, с. 334—380). См. также: *L. Brehier*. — Journal des Savants, n. s., vol. XV, 1917, p. 412, 505.

[3] *Ф. И. Успенский*. История Византийской империи. СПб., 1914, т. I, с. 685—686; *Ю. А. Кулаковский*. История Византии, СПб., 1996, т. III с. 341—342.

obsequium), служивший охраной столицы и занимавший часть Малой Азии, прилегавшую к Мраморному морю, и 4) морская фема Карависиев (Caravisinorum), названная позже, возможно, в VIII веке, Кивиреотской. Она занимала южный берег Малой Азии и соседние острова. Первые две, занимая всю центральную часть Малой Азии, от берегов Киликии на востоке до берегов Эгейского моря на западе, были предназначены служить защитой от арабов. Третья была щитом столицы от внешних врагов. Четвертая, морская фема, предназначалась для защиты от арабского флота.

Удивительная аналогия существует между фемной организацией и милитаризацией Персидской империи Сасанидов при шахах Каваде и Хосрове Ануширване в VI веке. В Персии также вся территория империи была разделена между четырьмя военными командованиями. Аналогия столь полна и столь близка, что Штайн объяснял это как умышленное желание императора заимствовать персидскую реформу. Источники, говорит он, дают основания считать, что Ираклий изучал реформы обоих персидских монархов и, возможно, даже имел доступ к каким-то материалам персидских архивов. «Учиться у своих врагов всегда было желанием истинных государственных деятелей».[1]

На Балканском полуострове округ Фракия, созданный против болгар и славян, и позже, может быть в конце VII века, греческий военный округ Эллада (Элладики), были образованы против славянских вторжений в Грецию. Примерно в это же время, возможно, округ Сицилия был организован для защиты против морских нападений арабов, начинавших уже грозить западной части Средиземного моря. Обычно, за немногими исключениями, во главе подобных округов — фем — стояли стратиги. Начальник Кивиреотской фемы назывался друнгарий, а Опсикия — комит.

Организация фем, таким образом, может быть отнесена к попытке Ираклия милитаризировать империю под влиянием персидской опасности. Ему удалось воплотить, насколько это вообще известно, реорганизацию только Армении. Блестящая победа над Персией, приведшая к возвращению Сирии, Палестины и Египта, создала срочную необходимость реорганизации в этих провинциях. У Ираклия, однако, не было времени выполнить эту задачу, потому что очень быстро он потерял эти территории, перешедшие к арабам. Персидская опасность была ликвидирована, однако новая, более страшная опасность, выросла вместо нее. Преемники Ираклия, следуя его инициативе, создавали военные округа (позже названные фемами) против арабов. Вместе с тем, императорами руководило возрастание славянской и болгарской опасности на севере империи.

---

[1] *E. Stein* in: Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher, Bd. I, 1920, SS. 84—85.

Вот почему эти принципы защиты и обороны были распространены на Балканский полуостров и Грецию.

В этих военных округах и экзархатах гражданские власти не сразу и не во всем заменялись военными властями. Гражданская администрация, гражданские провинции (эпархии) продолжали существовать при новом порядке в большинстве округов. Военные, облеченные полнотой власти ввиду внешних опасностей, упорно делали самих себя все более и более полновластными в гражданских делах. «Семена, посаженные Ираклием, — заметил Э. Штайн, — прекрасно взошли».[1]

Ираклий оставил определенный след и в византийском законодательстве. В опубликованном собрании «Новелл» его время представлено четырьмя, имеющими отношение к разнообразным проблемам, так или иначе связанным с церковью и датированными промежутком от 612 до 629 года. В источниках есть известные признаки существования других законов Ираклия, не сохранившихся полностью, но следы которых имеются. Есть даже возможность доказать, что некоторые из этих законов были восприняты и введены в законодательство германцами на западе и арабами на востоке. Это, по меньшей мере, может быть доказано для некоторых законов, посвященных чеканке монет, официальным печатям и публичным документам.[2]

Смута 711—717 годов

Три случайных императора, появившихся в течение шести лет на византийском престоле после Юстиниана II, Вардан или Филиппик, Анастасий II и Феодосий III, были один за другим низложены. В государстве царили безначалие и смута. Вардан своим монофелитством нарушил мирные отношения с Римом. Однако Анастасию удалось восстановить мир с папой. Особенно неудачны были внешние дела: болгары, мстя за смерть дружественного им Юстиниана, дошли до Константинополя; арабы, упорно продвигаясь сухим путем по Малой Азии и водным по Эгейскому морю и Пропонтиде, также грозили столице. Империя снова переживала критический момент, подобный времени перед переворотом 610 го-

---

[1] *E. Stein.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches... S. 140; *G. Ostrogorsky.* Uber die vermeintliche Reformtatigkeit der Issaurier. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXX, 1929—1930, SS. 397—400.

[2] См.: *R. Lopez.* Byzantine Law in the Seventh Century and its Reception by the Germans and the Arabs. — Byzantion, t. XVI, 2, 1944, pp. 445—461. Текст «Новелл» Ираклия есть в следующих изданиях: *K. E. Zacharia von Lingenthal.* Jus graeco-romanum, vol. III, pp. 38—48; *J. et P. Zepos.* Jus graeco-romanum, vol. I, pp. 27—39.

да. Снова империи был нужен энергичный и талантливый человек, который мог спасти ее от почти неминуемой гибели. Такой человек нашелся в лице стратига фемы Анатолики Льва, имевшего за собой многочисленных сторонников. Слабый Феодосий III, чувствуя полное свое бессилие перед надвигавшейся страшной опасностью, сложил с себя императорский сан, и Лев, даровавший ему жизнь, вступил в 717 году в торжественном шествии в Константинополь, где и был коронован патриархом в храме Св. Софии на царство. Военная власть, получившая столь широкие полномочия в фемном устройстве империи, дала последней императора в лице стратига фемы Анатолики, Льва.

Литература, просвещение и искусство

В том, что касается литературы и искусства, период с 610 по 717 год является самой темной эпохой за все время существования империи. После многогранной деятельности предшествующей эпохи, творческая, созидательная деятельность кажется умершей полностью. Основной причиной творческого бесплодия этого периода являлись, как можно думать, политические условия существования империи, которая вынуждена была направлять все силы на защиту от внешних врагов. Персидское и позже арабское завоевание культурно развитых и продуктивных в интеллектуальном отношении восточных провинций — Сирии, Палестины, Египта и Северной Африки, арабская угроза Малой Азии и даже самой столице, аваро-славянская угроза Балканскому полуострову — все это создавало практически невозможные условия для любой интеллектуальной и художественной (artistic) жизни. Неблагоприятные условия преобладали не только в провинциях, отторгнутых от империи, но и в тех, что продолжали являться ее частью.

За все это время Византийская империя не имела ни одного историка. Только дьякон Св. Софии Георгий из Писиды (провинция в Малой Азии), который жил при Ираклии, описал в гармоничных и правильных стихах военные кампании Ираклия против персов и авар. Он оставил три исторических сочинения: 1) «Об экспедиции императора Ираклия против персов»; 2) «О нападении авар на Константинополь в 626 году и их поражении в результате вмешательства Богородицы»; 3) «Ираклиада» — панегирик императору по случаю окончательной победы над персами. Среди других сочинений полемического, элегического и теологического характера мы можем выделить «Гексамерон» («Шестоднев»), своего рода философско-теологическую дидактическую поэму по поводу сотворения мира с намеками на современные автору события. Это сочинение, затрагивающее излюбленные сюжеты христианских писателей, распространилось за пределы Византийской империи; к

примеру, русский перевод был сделан уже в XIV веке. Поэтический гений Георгия Писиды был оценен и в последующие века. А в XI веке знаменитого византийского ученого и философа Михаила Пселла даже попросили решить вопрос — «Кто был лучшим стихописателем (writer of verse) — Еврипид или Георгий Писида?» Современный научный мир расценивает Георгия Писиду как лучшего византийского светского поэта.[1]

Среди хронистов были Иоанн Антиохийский и анонимный автор Пасхальной Хроники. Иоанн Антиохийский, который жил, вероятно, во времена Ираклия, писал всемирную хронику от Адама до смерти императора Фоки (610). Ввиду того, что сочинение дошло до наших дней только во фрагментах, среди ученых были долгие дискуссии об идентификации автора. Иногда его даже идентифицировали с Иоанном Малалой, который также был родом из сирийской Антиохии. Однако, как показывают сохранившиеся фрагменты, сочинение Иоанна Антиохийского значительно превосходило труд Малалы, так как оно не рассматривает всемирную историю с узкой точки зрения уроженца Антиохии, а имеет поэтому более широкий взгляд на историю. Автор демонстрирует также более искусное использование источников, относящихся к ранним периодам. Также во времена Ираклия неизвестный священнослужитель составил так называемую Пасхальную хронику, которая хотя и представляет из себя не более чем перечисление событий от Адама до 629 года, содержит некоторое количество интересных исторических замечаний. Основное значение этого компилятивного труда заключается в определении использованных источников, а также в той части, которая посвящена современным автору событиям.

В области теологии монофелитские споры VII века, как монофизитские споры предшествующих времен, обеспечили подъем весьма разнообразной литературы, которая, конечно, не очень хорошо сохранилась, осужденная соборами VII века и предназначенная судьбой к ранней гибели, подобным образом, как это происходило с монофизитскими писаниями. Об этой литературе можно судить почти исключительно на основании актов шестого Вселенского собора и на основании сочинений Максима Исповедника, который цитировал фрагменты не дошедших до нас сочинений в процессе их опровержения.

Максим Исповедник был одним из наиболее значительных византийских теологов. Будучи современником Ираклия и Константа II, он являлся убежденным сторонником православия в течение периода монофелитских споров VII века. За свои убеждения он был посажен в тюрьму и, после многочисленных попыток, сослан в далекую кавказскую провинцию Лазику, где он оставался до

---

[1] *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Litteratur... S. 709.

конца своих дней. В своих сочинениях, посвященных полемике, экзегезе Писаний, аскетизму, мистицизму и литургике, он отразил в основном влияние трех знаменитых отцов церкви — Афанасия Великого, Григория Назианзина и Георгия Нисского, — а также мистические взгляды так называемого *Дионисия Ареопагита* (Псевдо-Ареопагита), широко распространенные в Средние века. Сочинения Максима имели большое значение для развития византийского мистицизма. «Сочетанием сухого спекулятивного мистицизма Дионисия Ареопагита, — писал один из современных исследователей Максима, — с живыми этическими проблемами созерцательного аскетизма блаженный Максим создал живой тип византийского мистицизма, который проявлялся в многочисленных трудах последующих аскетов. Он, следовательно, может считаться основателем византийского мистицизма в полном смысле слова».[1] К сожалению, Максим не оставил систематического изложения своих взглядов и их нужно выводить из его многочисленных писаний. Помимо его теологических и мистических сочинений, Максим оставил большое количество интересных писем.

Влияние и значение сочинений Максима касалось не только Востока. Они нашли свой путь на Запад и позднее нашли свое отражение в сочинениях знаменитого западного мыслителя Иоанна Скота Эриугены, который также очень интересовался сочинениями Дионисия Ареопагита, и позже утверждал, что он достиг понимания «темнейших» идей Дионисия только благодаря «чудесной манере», в которой они были объяснены Максимом, которого Эриугена называет «божественным философом», «наимудрейшим», «самым выдающимся из наставников» и т. д. Сочинение Максима по поводу Григория Богослова Эриугена перевел на латинский.[2] Младший современник Максима, Анастасий Синаит излагал свои собственные полемические, экзегетические и литературные взгляды в стиле, подобном Максиму, проявляя, однако, гораздо меньше способностей.

В области агиографии можно отметить патриарха Иерусалимского Софрония, который пережил арабскую осаду Святого Города и написал обширное повествование о мученичестве и чудесах египетских национальных святых — Кира и Иоанна. Это сочинение содержит много информации по географии и истории нравов и обычаев. Еще более интересны писания Леонтия, епископа Неаполя Кипрского, который также жил в VII веке. Он был автором многих

---

[1] *С. Л. Епифанович.* Святой Максим Исповедник и византийское богословие. Киев, 1915, с. 137; *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Litteratur... SS. 63, 141.

[2] *А. И. Бриллиантов.* Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. СПб., 1898, с. 50—52.

житий, среди которых «Житие Иоанна Милостивого», патриарха Александрии в VII веке, особенно ценно для истории социальной и экономической жизни данного периода. Леонтий Неаполитанский существенно отличается от большинства агиографов тем, что он писал для народных масс. Его язык находится под сильным влиянием разговорного народного языка.[1]

В области церковной гимнографии VII век представлен Андреем Критским, уроженцем Дамаска, который провел большую часть своей жизни в Сирии и Палестине, после того как они попали под власть арабов. Позже он был назначен архиепископом Крита. Как автор гимнов, он знаменит в основном своим Великим каноном, который и теперь читается в православной церкви во время Великого поста. Некоторые части канона показывают влияние Романа Сладкопевца. В каноне повторены основные события Ветхого Завета, начиная с грехопадения Адама, а также слова и деяния Спасителя.

Этот краткий обзор литературных событий темных и трудных лет времени династии Ираклия показывает, что большая часть узкого круга византийских писателей этого времени происходила из восточных провинций, некоторые из которых были уже под властью мусульманских завоевателей.

Ввиду внешних событий времени династии Ираклия, не удивительно, что ни один из памятников искусства этого времени не существует в наши дни. Однако, то весьма незначительное количество памятников VII века, которое сохранилось, ясно говорит о солидной основе для художественной (artistic) жизни Византии, заложенной в «Золотой век» Юстиниана Великого.* Однако, если, начиная со второй половины VI века, византийское искусство лишь слегка проявляет себя в пределах империи, в VII веке это влияние очень четко видно за ее пределами. Известное количество датируемых церквей в Армении представляет блистательные примеры византийского влияния. Среди них собор в Эчмиадзине, восста-

---

[1] См.: *H. Gelzer*. Leontios' von Neapolis Leben des heiligen Johannes des Barmherzigen Erzbischofs von Alexandrien. Leipzig, 1893, S. XLI.

* Мысль А. А. Васильева здесь не очень ясна, ибо между первой и второй фразой есть очевидное противоречие. Сперва автор говорит о том, что ни один из памятников искусства этого времени не существует в наши дни. Далее же автор заявляет, что небольшое количество памятников все же сохранилось. Вероятно, учитывая конец абзаца, автор хотел сказать, что единственные памятники византийского искусства VII века сохранились за пределами собственно империи, показывая влияние византийского искусства на соседние народы. Эта стилистически неудачная формулировка восходит к первому американскому изданию (vol. I, p. 283) и повторена без изменений во французском варианте — t. I, p. 308.

новленный между 611 и 628 годами, и церковь цитадели в Ани (622). Мечеть Омара в Иерусалиме, построенная в 687—690 годах, является чисто византийским произведением. Некоторые фрески Санта Мария Антика в Риме относятся к VII веку и началу VIII.[1]

[1] *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantine, vol. I, pp. 329—359.

ГЛАВА 5

Эпоха иконоборчества (717—867)

Исаврийская, или Сирийская, династия (717—802)

До недавнего времени император Лев III (717—741), основатель новой династии, во всех исторических трудах назывался исавр-ийцем, а потомки его именовались исаврийской династией. Однако, в конце XIX века было выдвинуто мнение, что Лев был не исавром по рождению, но сирийцем.[1] В настоящее время эта точка зрения принимается некоторыми исследователями,[2] но отвергается другими.[3] Путаница в этом вопросе может быть прослежена до Феофана-хрониста начала IX века, автор основной информации о происхождении Льва. Он пишет: «Лев Исавриец... происходил из Германикеи, на самом же деле из Исаврии».[4] Латинский же перевод Феофана, сделанный папским библиотекарем Анастасием во второй половине того же IX века, сообщает, не упоминая ни словом об Исаврии, что Лев происходил из жителей Германикеи и был родом сириец (genere Syrus).[5] Житие Стефана Нового также называет Льва «родом сириец» (ο συρογενης).[6] Германикея, действительно, находилась в пределах северной Сирии, на восток от Киликии. Арабский источник также называет Льва «христианским жителем Мараша», т. е. Германикеи, умевшим правильно говорить по-арабски и по-ромейски.[7] Поэтому нет нужды предполагать, будто Феофан смешал сирийскую Германикею с Германикополем, входившим в состав провинции Исаврии.[8] Сирийское происхождение Льва, таким образом, становится очень вероятным.

---

[1] См.: *K. Schenk*. Kaiser Leons III Walten im Innern. — Byzantinische Zeitschift, Bd. V, 1896, SS. 296 ff.

[2] См.: *N. Iorga*. Les origines de l'iconoclasme. — Bulletin de la section historique de l'Academie roumaine, vol. XI, 1924, p. 147.

[3] *Ю. А. Кулаковский*. История Византии. СПб. «Алетейя», 1996, т. III (602—717 гг.), с. 299, прим. 3.

[4] *Theophanes*. Chronographia, ed. C. de Boor, p. 391.

[5] Chronographia tripertita, ed. C. de Boor, p. 251.

[6] PG, t. 100, col. 1084.

[7] См.: *E. W. Brooks*. The Campaign of 716—718 from Arabic Sources. — Journal of Hellenic Studies, vol. XIX, 1899, pp. 21—22.

[8] *Ф. И. Успенский*. История Византийской империи, т. II (1), с. 5.

Сын Льва III, Константин V Копроним (741—775), в первый раз был женат на Ирине, дочери хазарского кагана. От этого брака у них был сын Лев IV, часто называемый Хазар (775—780), который был женат на гречанке из Афин Ирине. Последняя, после смерти мужа, стала править государством за несовершеннолетием сына Константина VI, провозглашенного императором (780—797). Когда последний сделался единодержавным правителем, между ним и властолюбивой Ириной вспыхнула вражда и борьба за власть, окончившаяся тем, что мать свергла с престола и ослепила своего сына и сама сделалась единодержавной правительницей империи (797—802). С именем Ирины связывается вопрос о том, могут ли женщины в Византии осуществлять самодержавную власть, т. е. быть в полном смысле этого слова государем империи. С основания империи жены императоров носили титул «августы» и во время несовершеннолетия сыновей осуществляли императорскую власть, но всегда от имени своих сыновей. В V веке, как известно, Пульхерия, сестра Феодосия II, стояла во главе регентства во время несовершеннолетия брата. Исключительное положение по своему политическому влиянию занимала в VI веке Феодора, супруга Юстиниана Великого. Но это были примеры женского управления от имени сына или брата; политическое влияние Феодоры вполне зависело от воли ее супруга. Первым в истории Византии примером женщины, правившей со всей полнотой верховной власти, была мать несчастного Константина VI Ирина. Она была настоящий автократор. Подобное явление было новшеством в византийской жизни, противоречившим вековой традиции империи. С этой стороны любопытно отметить тот факт, что в официальных документах Ирина называлась не императрицей, а «Ирина — верный император» (василевс).[1] В представлении того времени законодательствовать мог лишь император-мужчина, для чего и была принята такая фикция. Переворот 802 года, во главе которого встал будущий император, один из высших гражданских сановников Никифор, свергла с престола Ирину, которая вскоре умерла в изгнании. С низложением Ирины окончилась Исаврийская, или Сирийская, династия. Таким образом, в период времени с 717 по 802 год Византия имела на престоле династию восточного происхождения, из Малой Азии или северной Сирии с примесью хазарской крови в лице супруги Константина V.

---

[1] См.: *K. E. Zacharia von Lingenthal.* Jus graeco-romanum, t. III, p. 55; *J. et P. Zepos.* Jus graeco-romanum, t. I, p. 45.

Отношения к арабам, болгарам и славянам

В момент восшествия Льва на престол Византия переживала один из критических периодов своей истории. Помимо ужасающей внутренней смуты, вызванной борьбой императорской власти с представителями византийской аристократии, особенно давшей себя почувствовать со времени первого низвержения Юстиниана II, арабская опасность с востока приближалась к столице, напоминая, но в гораздо более угрожающих формах, семидесятые годы VII века при Константине IV.

Арабские сухопутные войска, еще при двух предшественниках Льва III, прошли через всю Малую Азию на запад и заняли Сарды и Пергам, недалеко уже от побережья Эгейского моря. Несколько же месяцев спустя после вступления Льва в Константинополь, т. е. в 717 году, арабы, двинувшись из Пергама на север, дошли до Абидоса на Геллеспонте и, переправившись через него на европейский берег, быстро оказались под стенами столицы. В то же время сильный арабский флот, из 1800 судов различного типа, как сообщают византийские хроники, пройдя через Геллеспонт и Пропонтиду, приблизился к столице с моря. Началась настоящая осада Константинополя. Однако Лев, высказав блестящие военные способности, сумел прекрасно подготовить столицу к осаде. «Греческий огонь», как и прежде, при искусном пользовании производил опустошения среди судов арабского флота, а необыкновенно суровая зима с 717 на 718 год и голод окончательно расстроили мусульманские войска. В силу договора со Львом III и ввиду собственной опасности болгары также боролись во Фракии с арабами и наносили им тяжелый урон.

Год с небольшим после начала осады арабы удалились из-под Константинополя, который был спасен энергией и талантом Льва III. Первое упоминание о цепи, преграждавшей путь в Золотой Рог вражеским судам, сделано в связи с этой осадой.

Историки придают очень большое значение неудаче мусульман в попытке захватить Константинополь. Лев III своим успехом спас не только Византию и восточно-христианский мир, но также всю западноевропейскую цивилизацию. Английский историк Дж. Б. Бьюри называет 718 г. «вселенской датой» (an oecumenical date). Греческий историк Ламброс сравнивает эти события с персидскими войнами в Древней Греции и называет императора Льва Мильтиадом средневекового эллинизма. Если Константин IV остановил арабов под Константинополем, то Лев III окончательно заставил их повернуть. Это было последнее нападение арабов на «богохранимый» город. Если посмотреть с этой точки зрения, победа императора Льва приобретает всемирно-историческое значение. Экспедиция арабов против Константинополя, также как и имя Масламы, оставили зна-

чительный след в позднейшей исламской легендарной традиции. Имя последнего связывается также с мечетью, которую, как говорит традиция, он построил в Константинополе.[1]

Это, однако, была одна из самых блистательных эпох в истории раннего Халифата. Могущественный халиф Валид I (705—715), современник периода анархии в Византийской империи, мог соперничать с императорами в своих строительных достижениях. В Дамаске была возведена мечеть, которая, подобно Св. Софии для христиан, оставалась долгое время самым блистательным архитектурным памятником мусульманского мира. Могила Мухаммеда в Медине была столь же блистательна, как Святой Гроб в Иерусалиме. Интересно отметить, что в мусульманском мире эти здания ассоциировались с легендами, относящимися не только к Мухаммеду, но и к Христу. Первый призыв Иисуса, когда он вернется на землю, объявляет мусульманская традиция, произойдет с одного из минаретов мечети в Дамаске, а свободное пространство рядом с могилой Мухаммеда в Медине будет служить могилой Иисуса, когда Он умрет после Своего второго пришествия.[2]

Постепенно борьба между империей и халифатом приобретала характер Священной войны. Результаты же были неудовлетворительными и для греков, и для арабов, ибо греки не овладели Иерусалимом, а арабы не смогли взять Константинополь. «Под влиянием этого, — писал В. В. Бартольд, — среди христиан, также как и среди мусульман, идея триумфа государства была вытеснена идеей покаяния; и с одной, и другой стороны ожидали конца света. Обоим противникам казалось, что было бы справедливым достижение как раз перед концом света финальной цели их государств. В латинском мире, как и в греческом, распространилась эта легенда, что перед концом света христианский государь (франкский король или византийский император) войдет в Иерусалим и передаст свою земную корону Спасителю, тогда как мусульмане ожидали, что концу света будет предшествовать падение

---

[1] *J. B. Bury*. The History of the Later Roman Empire, vol. II, p. 405; *S. Lampros*. Ιστορια Ελλαδος, vol. III, p. 729. Самый подробный рассказ об осаде и связанными с ней легендами см.: *M. Canard*. Les expeditions des Arabes contre Constantinople. — Journal Asiatique, vol. CCVIII, 1926, pp. 80—102. Константин Багрянородный также приписывает постройку мечети в Константинополе Масламе: De administrando imperio. — Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, ed. J. J. Reiske et I. Bekker, pp. 101—102; ed. Moravcsik—Jenkins. Budapest, 1949, p. 92; *P. Kahle*. Zur Geschichte der mittelallterlichen Alexandria. — Der Islam, Bd. XII, 1922, S. 34; *X. A. Nomiku*. Το πρῶτο τζαμι τῆς Κωνσταντινουπολεως. — Ἐπετηρις Εταιρειας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, τ. I, 1924, σ. 199—201.

[2] См. работу В. В. Бартольда в «Записках Коллегии востоковедов» (т. I, с. 469—470).

Константинополя».[1] И не случайно, что царствование «единственного благочестивого» омейядского халифа Омара II (717—720) увидело столетие хиджры (около 720 года), когда конец мусульманского государства и одновременно конец света ожидались после неудачной осады Константинополя, во времена предшествующего халифа, Сулеймана.[2]

Четырнадцатью годами позже, в 732 году, арабское продвижение из Испании в Западную Европу было успешно остановлено при Пуатье Карлом Мартеллом, всемогущим майордомом слабого франкского короля.[3]*

После поражения 718 года, арабы при Льве III уже не предпринимали серьезных военных действий против империи, тем более что им стала грозить с севера, по-видимому, со стороны Кавказа, хазарская опасность. Известно, что Лев III устроил брак своего сына и наследника Константина с дочерью хазарского кагана, который и стал поддерживать своего нового родственника. Итак, Лев III в борьбе с арабами нашел себе двух иноземных союзников: сначала болгар, позднее хазар. Но тем не менее, арабы не были спокойны и, производя свои нападения в Малой Азии, все еще иногда глубоко заходили на запад, даже, например, до Никеи, т. е. почти что до берегов Пропонтиды. В конце своего правления Льву удалось нанести арабам сильное поражение при Акроиноне, во Фригии (теперь город Афиун Кара Хиссар на железной дороге в Конию). Арабы вынуждены были после этого очистить западную часть Малой Азии и отступить к востоку.

С битвой при Акроиноне мусульмане связывают легенду о турецком национальном герое Сайиде Баттал Гази, борце за веру, могилу которого показывают даже сегодня в одной из деревень на

---

[1] См.: *H. Lammens.* Études sur le regne du calife Omayade Moawia I. Paris, 1908, p. 444.

[2] В. В. Бартольд. Ук. соч., с. 470—471, прим. 11; *A. A. Vasiliev.* Medieval Ideas of the End of the World: West and East. — Byzantion, t. XVI, 2, 1944, pp. 472—473.

[3] В русском и первом английском издании моей «Истории Византийской империи» я скорее переоценил значение битвы при Пуатье. В первом русском издании (Пг., 1917) — с. 222; в первом английском — t. I, p. 290. См.: *A. Dopsch.* Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europaischen Kulturentwicklung. Wien, 1924, Bd. II, S. 298.

* Приводим здесь для сравнения формулировку значения битвы при Пуатье по русскому изданию 1917 года: «Через четырнадцать лет, а именно в 732 году, на западе Карл Мартелл оказал подобную же услугу Западной Европе поражением испанских арабов около Пуатье. Продвижение арабов в Западную Европу было в первой половине VIII века остановлено». Сопоставление здесь идет с поражением арабов при Константинополе. От себя хотелось бы добавить, что оба события представляются сопоставимыми по значению.

юг от Эскишехра (средневековая Дорилея). Историческим прототипом этого героя был борец за веру Абдаллах ал-Баттал, который пал в битве при Акроиноне.[1] Задача борьбы с арабами была блестяще разрешена Львом III.

В середине VIII века в арабском халифате вспыхнули тяжелые внутренние смуты в связи с переменой династии: Омайяды были свергнуты Аббасидами. Последние перенесли столицу и центр всего управления из Дамаска в далекий от византийской границы Багдад, на р. Тигр. Все это позволило преемнику Льва III Константину V рядом успешных походов продвинуть границу империи далее на восток на всем протяжении Малоазиатского полуострова.

Однако во времена Ирины, при халифе аль-Махди, арабы снова начали успешные наступательные действия в Малой Азии, и в 782—783 годах императрица была вынуждена начать переговоры о мире. Итоговое соглашение, заключенное на три года, было очень унизительным для империи. Императрица взяла на себя обязательство платить арабам ежегодную дань в размере девяноста или семидесяти тысяч динаров (денариев) в полугодовых взносах. Весьма вероятно, что войска, посланные Ириной в Македонию, Грецию и Пелопоннес в том же году (783) для подавления славянского восстания, были взяты с восточного фронта. Это ослабляло положение Византии в Малой Азии. В 798 году, после успешных операций арабской армии при халифе Харун ар-Рашиде, был заключено новое мирное соглашение с Византийской империей, сводившееся к уплате дани, как при халифе аль-Махди. Очень активные отношения были между императорами исаврийской династии и болгарами. Последние, недавно утвердившись на нижнем Дунае, должны были прежде всего отстаивать свое еще мало устроенное политическое существование против попыток Византии уничтожить дело Аспаруха. Условия же внутренней жизни Болгарии в VIII веке были в этом смысле очень затруднительны: с одной стороны, отдельные болгарские орды и их вожди соперничали друг с другом

---

[1] См.: *J. Wellhausen*. Die Kampfe der Araber mit den Romaern in der Zeit der Umajiden. Gottingen, 1901, SS. 444—445 (Nachrichten von der Klassische Gesellschaft der Wissenschaften zu Gottingen. Philosophisch-historische Klasse.); см. также специальную статью о Баттале: Encyclopedie de I'Islam, vol. I, p. 698; см. также: *В. В. Бартольд*. Ук. соч. с. 470; *D. B. Macdonald*. The Earlier History of the Arabian Nights. — JRAS, 1924, p. 281; *M. Canard*. Les expeditions des Arabes contre Constantinople. — Journal Asiatique, vol. CCVIII, 1926, pp. 116—118; *W. M. Ramsay*. The Attempts of the Arabs to Conquer Asia Minor (641—964 A. D.) and the Causes of Its Failure. — Bulletin de la section historique de l'Academie roumaine, vol. XI, 1924, p. 2. Мы обратимся к истории ал-Баттала позже, в связи с эпосом Дигениса Акрита.

из-за верховной власти хана и создавали династические смуты; с другой стороны, пришлые победители, тюркские болгары, должны были вести борьбу с покоренными ими славянами полуострова. Болгарские ханы конца VII и начала VIII века искусно действовали по отношению к своему самому опасному врагу, Византии. Как уже было замечено выше, болгары помогли Юстиниану II снова овладеть престолом, а Льву III оказали существенную помощь при отражении им арабов от Константинополя. После этого в течение тридцати с лишком лет византийские писатели ничего не говорят о болгарах. Во всяком случае, при Льве III болгары сумели сохранять с Византией выгодный мир, причем последняя выплачивала им даже некоторую сумму денег.

При Константине V отношения обострились. При помощи переселенных во Фракию с восточной границы сирийцев и армян император построил против болгар укрепления. Болгарский посол был презрительно встречен Константином, после чего болгары открыли военные действия. Константин совершил восемь или девять кампаний, сухопутных и морских, против болгар, поставив себе целью уничтожение болгарского ханства. Однако, войны шли с переменным успехом, и Константину не удалось добиться своей цели. Тем не менее, его энергичная борьба и ряд возведенных им против болгар укреплений позволяют некоторым историкам называть Константина «первым Болгаробойцей».[1]

В самой Болгарии в конце VIII века династические смуты прекращаются; резкий антагонизм между болгарами и славянами сглаживается. Одним словом, там созидается, мало-помалу, Болгария IX века, когда она, постепенно ославянившись, стала представлять собой мощное государство с определенными наступательными планами против Византии. Эта наступательная политика болгар сказалась уже в конце VIII века, при Константине VI и матери его Ирине, когда Византия после военной неудачи должна была согласиться платить Болгарии дань.

Когда в VIII веке идет речь о военных столкновениях между империей и болгарами, то под последними надо разуметь не только болгар, но и славян, вошедших в состав их ханства. Происходившее в VII веке заселение Балканского полуострова славянами продолжалось и в VIII веке. Один западный паломник к святым местам, современник Льва III, прибыв в пелопоннесский город Монемвасию, пишет, что последний находился в славянской земле (in Slawinia terrae).[2] Есть известие о славянах в VIII веке у Диррахиума

---

[1] *A. Lombard.* Études d'histoire byzantine: Constantin V, empereur des Romains. Paris, 1902, p. 59.

[2] Willibaldi vita, ed. G. H. Pertz. — Monumenta Germaniae Historica Scriptorum, vol. XV, p. 93.

и Афин.[1] Ко времени Константина V относится упомянутое уже выше знаменитое место в сочинении «О фемах» Константина Багрянородного: «ославянился весь Пелопоннес и сделался варварским, когда чума распространилась по всей вселенной».[2] Здесь речь идет о страшной эпидемии 746—747 годов, занесенной из Италии и опустошившей особенно юг Греции и Константинополь. Желая пополнить уничтоженное чумой население, Константин V переселил в столицу жителей из различных провинций. Таким образом, Пелопоннес в середине VIII века в глазах самих жителей империи уже был ославянившимся; к этому же времени надо отнести прилив новых поселений в Грецию на место жителей, погибших от чумы и отозванных императором для заселения столицы. В конце VIII века императрица Ирина отправила специальную экспедицию против «славянских племен» в Фессалонику, Грецию и Пелопоннес.[3] Наконец, греческие славяне заявили себя участием в заговоре против Ирины. Из этого видно, что славяне на Балканском полуострове, включая всю Грецию, в VIII веке не только плотно и крепко утвердились, но стали даже принимать участие в политической жизни империи и, конечно, оказывали своими принесенными обычаями влияние на социальные условия местной жизни. Болгары и славяне к IX веку сделались для Византии двумя очень серьезными врагами.

Внутренняя деятельность императоров Исаврийской, или Сирийской, династии

Законодательство. Лев III не только явился талантливым вождем и энергичным защитником империи против внешних врагов, но и мудрым законодателем. Уже во времена Юстиниана Великого, т. е. в VI веке, латинский язык его кодекса, дигест и институций был для большинства провинций империи малопонятным или даже совсем непонятным языком. В провинциях, особенно на Востоке, старые местные обычаи заменяли официальный закон, что мы уже выше видели на примере Сирийского Законника V века. Выпускаемые на греческом языке новеллы отмечали лишь акты текущего законодательства. Между тем, после того как на протяжении VII века империя последовательно теряла свои восточные провинции, Сирию с Палестиной и Египет, на юге — Северную Африку и на севере — северные области Балканского полуострова, она благодаря

---

[1] *А. А. Васильев.* Славяне в Греции. — Византийский временник, т. 5, 1898, с. 416—417.

[2] De thematibus, 53—54.

[3] *Theophanes.* Chronographia, ed. C. de Boor, pp. 456—457.

этому становилась более «греческой» по языку. Необходимо было дать для общего пользования подданным законник на греческом языке, отражавший на себе изменившиеся со времени Юстиниана Великого условия жизни.

Лев III, прекрасно осознав необходимость такого сборника, поручил дело составления последнего комиссии из выбранных им лиц. Результатом работы комиссии было опубликование от имени «мудрых и благочестивых императоров Льва и Константина» законодательного сборника, под названием Эклоги. Время издания ее точно неизвестно: в то время как западные ученые относят Эклогу к концу правления Льва (739—740 г.),[1] наш византинист В. Г. Васильевский считает более естественным относить ее к началу царствования, а именно к 726 году.[2] Недавно было высказано даже сомнение, можно ли вообще относить Эклогу ко времени Льва III и Константина V.[3] В настоящее время большинство исследователей вопроса считают, что дата публикации Эклоги — март 726 года.[4]

Заглавие Эклоги, что в переводе значит «выборка», «извлечение», дает понятие о ее источниках; оно таково: «Сокращенное извлечение законов, учиненное Львом и Константином, мудрыми и благочестивыми царями, из институций, дигест, кодекса, новелл Великого Юстиниана и их исправление в смысле большего человеколюбия» (по-гречески εις το φιλανθρωποτερον) или, как переводят другие, «в смысле улучшения».[5] В предисловии к Эклоге опреде-

---

[1] *K. E. Zacharia von Lingenthal.* Geschichte des griechisch-romischen Rechts. Berlin, 1892, S. 16; *P. Collinet.* Byzantine Legislation from Justinian (565) to 1453. — Cambridge Medieval History, vol. IV, 1923, p. 708 (он датирует выход Эклоги мартом 740 г.); *V. Grumel.* La Date de la promulgation de l'Ecloge de Leon III. — Échos d'Orient, vol. XXXIV, 1935, p. 331 (он датирует выход Эклоги мартом 741 г.).

[2] *В. Г. Васильевский.* Законодательство иконоборцев. — ЖМНП, т. CXCIX, 1878, с. 279—280; см. также: *В. Г. Васильевский.* Труды, т. IV, с. 163.

[3] *К. Н. Успенский.* Очерки по истории Византии. М., 1917, т. I, с. 216—218.

[4] *D. Ginnis.* Das promulgationsjahr der Isaurischen Ecloge. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXIV, 1924, SS. 356—357; *E. H. Freschfield* (ed.). A Manual of Roman Law published by the Emperors Leo III and Constantine V of Isauria of Constantinople A. D. 726. Cambridge, 1927, p. 2; *C. A. Spulber.* L'Écloge des Isauriens. Texte, traduction, histoire. Cernautzi, 1929, p. 83 (детальное обсуждение проблемы даты Эклоги — с. 81—86 данной книги); *G. Ostrogorski.* Die Chronologie des Theophanes im 7. und 8. Jahrhundert. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher, Bd. VII, 1930, S. 6.

[5] *K. E. Zacharia von Lingenthal* (ed.). Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini. Lipsiae, 1852; *J. et P. Zepos.* Jus graeco-romanum, vol. II, p. 11.

ленно говорится, что законы, изданные предшествующими императорами, были написаны во многих книгах, и что смысл их для одних является трудно понимаемым, для других совершенно непонятным, особенно для тех, кто не живет в богохранимом императорском граде.[1] Под многими книгами, о которых говорит Эклога, надо разуметь заступившие место Юстиниановых законных книг их греческие переводы и различные комментарии, вытеснившие употребление самих латинских подлинников. Находилось очень немного лиц, которые могли понимать эти греческие переводы и толкования; вследствие же многочисленности книг и разнообразия и противоречивости излагавшихся в них мнений, в гражданском праве Византии происходила значительная путаница. Лев III задался целью помочь делу. Идеей правды и справедливости проникнуты положения Эклоги, высказанные в ее предисловии: судьи должны «воздерживаться от всяких человеческих страстей, но от здравого помысла произносить решения истинной справедливости, не презирать нищего и не оставлять без обличения сильного, неправду деющего... Справедливо воздерживаться от всякого дароимания». Наконец, все служащие по судебным делам должны были получать определенное жалованье из императорского «благочестивого казначейства, с тем, чтобы они уже ничего не брали с какого бы то ни было лица, судимого у них, дабы не исполнилось на нас глаголемое пророком: „Продаша на сребре праведнаго“ (Амос 2, 6), и чтобы мы не навлекли на себя гнева Божия, сделавшись преступниками его заповедей».[2]

Содержание самой Эклоги, разделявшейся на 18 титулов, касается главным образом гражданского права и лишь сравнительно немного права уголовного. В ней идет речь о браке, обручении, о приданом, о завещаниях и о наследстве без завещания, об опеке, об отпущении рабов на свободу, о разного рода обязательствах (о продаже, покупке, найме и т. п.), о свидетелях; один титул содержит главу уголовного права о наказаниях.

Эклога во многом отступала от Юстинианова права и иногда даже противоречила ему, так как приняла в себя решения обычного права и судебной практики, существовавших параллельно с официальным законодательством Юстиниана. Сравнительно с последним Эклога во многом представляет значительный шаг вперед; например, во взгляде на брак можно отметить проведение более

---

[1] Ecloga, par. 11; *J. et P. Zepos*. Jus graeco-romanum, II, 13.

[2] Ecloga, par. 11, 13; русский перевод: *В. Г. Васильевский*. Законодательство иконоборцев. — ЖМНП, т. CXCIX, 1878, с. 283—285; см. также: *В. Г. Васильевский*. Труды, т. IV, с. 168—169; *C. A. Spulber*. L'Éclogue... pp. 5—9.

высоких, христианских начал. Глава о наказаниях изобилует телесными членовредительскими наказаниями, например, отсечение руки, урезание языка, ослепление, отрезание носа. Но последнее обстоятельство не дает нам права считать Эклогу варварским законом, так как в большинстве случаев эти наказания заступили место смертной казни. В этом смысле исаврийские императоры могли с полным основанием заявлять «о большем человеколюбии» своего законодательства. Не надо забывать и того, что Эклога угрожает одинаковыми наказаниями знатным и простым, богатым и бедным, тогда как Юстинианово право, нередко без достаточного основания, налагает на них различные наказания. Внешней особенностью Эклоги является обилие ссылок на Священное Писание для подтверждения того или другого юридического положения. «Дух римского права, — по словам историка, — преобразился в религиозной атмосфере христианства».[1] На протяжении VIII и IX веков, вплоть до вступления на престол Македонской династии (867 г.), Эклога служила руководством при юридическом преподавании вместо прежних институций и подвергалась неоднократно ученой переработке. Нам известны, например, Частная Эклога (Ecloga privata), Частная распространенная Эклога (Ecloga privata aucta).[2] Когда со вступлением на престол Василия Македонянина произошел поворот в пользу Юстиниановых законов, то узаконения императоров-исаврийцев были официально объявлены несообразностями (дословно «болтовней»), противоречащими божественному догмату и разрушающими спасительные законы.[3] Тем не менее, государи Македонской династии заимствовали из осужденного ими же законника многие статьи и внесли их в свои законники. Этого мало: сама Эклога подверглась еще новой переработке.

Интересно, что Эклога Льва и Константина вошла позднее в состав судебных книг православной церкви, и в частности русской. Так, она находится в печатной русской Кормчей книге под заглавием: «Леона, царя премудрого, и Константина верной царю гла-

---

[1] *J. B. Bury*. The Constitution of the Later Roman Empire. Cambridge, 1910, vol. II, p. 414.

[2] Их даты спорны, однако весьма вероятно, время их появления — где-то незадолго до восшествия на престол Василия I Македонянина в 867 году. См.: *Zacahria von Lingenthal*. Jus graeco-romanum, vol. IV, p. 4; *E. Freshfield*. A revised Manual of Roman Law founded upon the Ecloga of Leo III and Constantine V of Isauria. Ecloga privata aucta. Cambridge, 1927, p. 2; *Spulber*. L'Éclogue... pp. 94—95. См., однако: *Zacharia von Lingenthal*. Geschichte des griechisch-romischen Rechts. Berlin, 1892, S. 36 (по поводу Ecloga privata aucta в южной Италии при норманнском господстве).

[3] *Zachariä von Lingenthal*. Collectio librorum... p. 62; *J. et P. Zepos*. Jus graecoromanum, vol. II, p. 237.

визны» [1] (т. е. главы). Есть и другие следы влияния Эклоги на древние памятники славянского законодательства.

Конечно, нельзя рассматривать Эклогу как «в высшей степени смелое нововведение», что утверждает греческий византинист Папарригопуло, ярый поклонник императоров Исаврийского дома. По его словам, «теперь, когда принципы составителей Эклоги приняты гражданским законодательством наиболее передовых наций, пришел, наконец, час воздать почтение гению этих людей, которые тысячу лет тому назад боролись для того, чтобы освятить доктрины, только в наши дни восторжествовавшие».[2] Само собой разумеется, в подобных фразах надо видеть лишь слова увлеченного эллинского патриота. Но мы можем признать важное значение за Эклогой в том, что с ее появлением начинается новый период в истории греко-римского или византийского права, тянувшийся до вступления на престол Македонской династии, т. е. до эпохи реставрации Юстинианова права. Лев III своей Эклогой пошел навстречу требованиям жизни и времени.

К исаврийской династии, а именно ко времени Льва III, большая часть ученых относит еще три небольших законодательных памятника, а именно: Земледельческий закон, или Крестьянский устав (νομος γεωργικος), Военный закон (νομος στρατιωτικος) и Морской родосский закон (νομος ροδιων ναυτικος). Эти три памятника, существующие в многочисленных и отличных друг от друга редакциях, или изводах, следуют в рукописях часто вслед за Эклогой или другими юридическими памятниками. Ни имена их составителей, ни время их издания в рукописях не сообщаются. Поэтому отнесение их к тому или другому времени зависит от оценки их содержания, языка и сравнения с другими однородными памятниками.

Наибольшее значение из вышеназванных трех памятников имеет *Земледельческий закон* (*νομος γεωργικος, leges rusticae*). Крупнейший авторитет по византийскому праву, немецкий ученый К. Э. Цахариэ фон Лингенталь, менял свою точку зрения по поводу этого документа. Сперва он полагал, что Земледельческий закон является сочинением частного лица, составленным в VIII или в IX веке. Земледельческий закон, полагал он, является компиляцией, сделанной частью на основе законодательства Юстиниана, частью — на местных обычаях.[3] Позднее он был склонен полагать,

---

[1] В этой книге, известной на Руси уже вскоре после принятия христианства в X веке, были изложены правила апостольской церкви, Вселенских соборов, также как и гражданские законы православных византийских императоров.

[2] *C. Paparrigopoulo*. Histoire de la civilisation hellenique. Paris, 1878, pp. 205, 209.

[3] *K. E. Zacharia von Lingenthal*. Historiae Juris Graeco-Romani Delineatio. Heidelberg, 1839, p. 32.

что Земледельческий закон является продуктом законодательной деятельности императоров Льва и Константина и что он был опубликован либо непосредственно с Эклогой, либо вскоре после ее появления.[1] Он соглашался с русскими исследователями В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским, которые характеризовали этот документ как земское полицейское уложение, земский полицейский устав, трактующий об обычных проступках в земледельческом быту. Закон главным образом занимается разного рода кражами: леса, полевых и садовых плодов, проступками и недосмотрами пастухов, повреждениями животных и от животных, например, потравой, и т. д. Русский исследователь Б. А. Панченко, который занимался специально этим документом, называл Земледельческий закон дополнительной записью обычного права из области крестьянской практики; он посвящен тому для крестьян нужному праву, которое не нашло себе выражения в законодательстве.[2]

Это сочинение не датировано. Некоторые исследователи относят его к эпохе Льва III, однако надо признать, что этот вопрос еще далек от окончательного решения. Согласно Б. А. Панченко, «потребность в таком законе могла явиться и в VII веке; характер памятника, варварский и наивно-эмпирический, ближе подходит ко временам наибольшего упадка образованности, чем ко временам составления Эклоги».[3]* Еще, однако, не доказано, что Земледельческий закон был издан в VIII веке и, возможно, его публикация окажется связанной с предшествующим периодом. Вернадский и Острогорский утверждали, что Земледельческий закон был составлен при Юстиниане II, в конце VII века.[4] Последнее слово по этому вопросу было сказано русским историком Е. Э. Липшиц.

---

[1] *K. E. Zacharia von Lingenthal.* Geschichte des griechisch-romischen Rechts. Berlin, 1892, S. 250. Это мнение было разделено В. Г. Васильевским: Законодательство иконоборцев. — ЖМНП, т. CXCIX, 1878, с. 97; см. также: *В. Г. Васильевский.* Труды, т. IV, с. 199.

[2] *Б. А. Панченко.* Крестьянская собственность в Византийской империи. Земледельческий закон и монастырские документы. София, 1903, с. 86.

[3] Там же, с. 30.

* В соответствующем месте русской версии (с. 229) есть одна фраза, которая не была затем включена А. А. Васильевым в последующие издания: «Конечно, и последнее рассуждение не решает вопроса».

[4] *G. Vernadsky.* Sur les origines de la Loi agraire byzantine. — Byzantion, vol. II, 1926, p. 173; *G. Ostrogorsky.* Die wirtschaftlichen und sozialen Entwicklungs-grundlagen des byzantinischen Reiches. — Vierteljahrschrift fur Sozial- und Wirtschaft Geschichte, Bd. XXII, 1929, S. 133. Э. Штайн также склонен принимать эту датировку. См.: Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXIX, 1930, S. 355. Ф. Дельгер отбрасывает эту теорию: Historische Zeitschrift, Bd. CXLI, 1929, SS. 112—113.

После пересмотра всех существующих точек зрения, она склонна принимать вторую половину VIII века как наиболее вероятную дату составления Земледельческого закона. Иными словами, она подтвердила старое мнение К. Э. Цахариэ фон Лингенталя и В. Г. Васильевского.[1]*

Земледельческий закон обратил особенное внимание ученых тем, что в нем нет никаких указаний на колонат, т. е. на крепостное право, господствовавшее в поздней Римской империи. Зато в нем находятся указания на нечто новое, а именно: на личную крестьянскую собственность и на общинное землевладение. Последние нововведения приводятся в науке в связи с обширными славянскими поселениями в империи, принесшими туда родные им условия жизни. Положение, доказываемое в книге Б. А. Панченко, об отсутствии в законе указаний на общину, в современной литературе отвергается. Другие ученые, например Ф. И. Успенский, переоценивают значение нашего закона, придавая этому местному памятнику общее значение для всей империи и считая, что он «должен послужить точкой отправления в истории экономического развития на Востоке» в смысле свободного крестьянского сословия

---

[1] *Е. Э. Липшиц.* Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным Земледельческого закона). — Византийский сборник. М.; Л., 1945, с. 104—105.

* Уже после смерти А. А. Васильева лично Е. Э. Липшиц, или же при ее участии, было опубликовано несколько работ, в которых все вопросы, так или иначе связанные с Земледельческим законом и в целом с историко-правовым развитием Византии, получили дальнейшее развитие. См.: *Е. Э. Липшиц.* Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976; Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Историко-юридические этюды. Л., 1981; Византийский Земледельческий закон. Текст, исследование, комментарий подготовили Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская. Под ред. И. П. Медведева. Л., 1984. Со временем взгляды Е. Э. Липшиц изменились, и в 1976 г. она писала, что Земледельческий закон издан, скорее всего одновременно с Эклогой, то есть в двадцатых годах VIII века (Право и суд... с. 201—202). И. П. Медведев, подводя итоги изучения Земледельческого закона, писал о весьма вероятном южноиталийском происхождении закона (Византийский Земледельческий закон, с. 24—25). Е. Э. Липшиц в комментариях к изданию Земледельческого закона писала о том, что первоначальный текст памятника может восходить к середине VI в. (Византийский Земледельческий закон, с. 140—141). Сперва это была скорее всего компиляция, сделанная для нужд частного лица. Очевидная многослойность памятника и включение его текста в качестве приложения в рукописи Эклоги свидетельствуют, во-первых, о развитии памятника с течением времени и, во-вторых, об официальном признании Земледельческого закона в качестве общеимперского и придании его тексту окончательной редакции в начале VIII в. Таковы в настоящее время основные итоги изучения этого памятника.

и мелкого землевладения.[1] Но в таком случае может создаться впечатление, что крепостное право в VII или VIII веке вообще было отменено в Византии, чего на самом деле не было.[2] Ш. Диль, рассматривавший Земледельческий закон в своей «Истории Византии» как результат деятельности Льва III и его сына, также зашел очень далеко, утверждая, что он «ставил целью ограничить внушающее беспокойство развитие крупной земельной собственности, остановить исчезновение мелких свободных поместий и гарантировать крестьянам лучшие жизненные условия».[3]

Английский ученый В. Эшбернер (W. Ashburner) издал, перевел и внимательно изучил Земледельческий закон. Он, однако, не знал русского языка и поэтому не был знаком с результатами русских исследований. Эшбернер склонялся к тому, чтобы согласиться с Цахариэ фон Лингенталем, считавшим Земледельческий закон в том виде, в каком он есть, частью законодательства иконоборцев, являющимся в значительной мере записью существующих обычаев. Однако в то же время позиция Эшбернера отличалась в значительной мере от взглядов Цахариэ фон Лингенталя в трех важнейших моментах: 1) происхождение закона; 2) юридическое положение земледельческого класса; 3) экономический характер двух форм аренды, о которых в законе идет речь. Отношение Земледельческого закона и Эклоги, утверждал он, не столь тесное, как это хочется видеть Цахариэ фон Лингенталю. Эшбернер полагал, что состояние общества, описанное в Земледельческом законе, было таким, когда земледелец мог свободно переходить с места на место. Он, однако, согласился с немецким исследователем в следующем. Стиль формулировок этого закона предполагает, что это не продукт творчества частного лица, а результат деятельности лица, облеченного законодательной властью.[4]

---

[1] *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи. СПб., 1914, т. I, с. 28. См. также: *A. Vogt.* Basile Ier empereur de Byzance (867—886) et la civilisation byzantine a la fin du IXe siecle. Paris, 1908, p. 378.

[2] Рансимен также утверждал, что исаврийские императоры вводили эти новшества с вполне определенной политикой, направленной на уничтожение крепостного права. См.: *S. Runciman.* The Emperor Romanus Lecapenus and His Reign. Cambridge, 1929, p. 378.

[3] *Ch. Diehl.* Histoire de l'Émpire Byzantin. Paris, 1930, p. 69. См. также краткую заметку о значении Земледельческого закона в VIII в. в кн.: *Ch. Diehl, G. Marçais.* Le Monde Oriental de 395 a 1018, p. 256 et note 23.

[4] *W. Ashburner.* The Farmer's Law. — JHS, vol. XXX, 1910, p. 84; vol. XXXII, 1912, pp. 68—83. Издание текста: *C. Ferrini.* Edizione critica del νομος γεωργικος.— Byzantinische Zeitschrift, Bd. VII, 1898, SS. 558—571. Перепечатано в изд.: Opera di Contrado Ferrini. Milano, 1929, vol. I, pp. 375—395. (Более позднее издание текста закона указано в прим. * на стр. 329. — *Науч. ред.*)

Сарацинская армия в походе. Миниатюра из арабской рукописи, находящейся теперь в Национальной библиотеке. Париж

Теория исключительного влияния славян на обычаи внутренней жизни Византии, получившая силу благодаря авторитету Цахариэ фон Лингенталя и поддержанная выдающимися русскими исследователями в области византийской истории, заняла прочное место в исторической литературе. В добавление к общим рассказам о славянских поселениях, эти ученые использовали в качестве основного базиса для обоснования их теории тот факт, что идея о мелком свободном крестьянстве и общине была чужда римской юридической традиции. Следовательно, она должна была быть внесена в византийскую жизнь каким-то новым элементом — в данном случае славянами. В. Н. Златарский недавно поддержал теорию славянского влияния на Земледельческий закон, каковой он относил ко времени Льва III и объяснял болгарской политикой Льва. Он видел, что славяне под его властью стремятся перейти к болгарам и заключить с ними болгаро-славянский союз. Вот почему он внес в свой закон славянские обычаи и традиции, надеясь тем самым сделать условия внутренней жизни более привлекательными для славян.[1] Однако же более внимательное изучение Кодекса Феодосия и Юстиниана, новелл последнего и, в последнее время, данных папирологии и житий святых четко доказывает существование в Римской империи деревень, заселенных свободными землевладельцами, общинная земельная собственность которых существовала в очень древние времена. Нельзя, таким образом, делать общих выводов на основе Земледельческого закона. Он может служить только дополнительным свидетельством того факта, что в Византийской империи мелкое свободное крестьянство и свободная сельская община сосуществовали с крепостным правом. Теория славянского влияния должна быть отклонена, а внимание должно быть повернуто к изучению вопроса о мелком свободном крестьянстве и деревенской общине в период ранней и поздней Римской империи на базе новых и старых материалов, которые до сих пор еще недостаточно использованы.[2]

---

[1] *В. Н. Златарски.* История на българската държава през средните векове. София, 1918, т. 1, с. 197—200.

[2] См. весьма интересные главы по этому вопросу в двух книгах, которые практически неизвестны европейским и американским исследователям: *К. Н. Успенский.* Очерки истории Византии. М., 1917, с. 162—182; *А. П. Рудаков.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, с. 176—198. См. также: *Г. Вернадский.* Заметки о крестьянской общине в Византии. — Ученые записки Русской учебной коллегии в Праге, т. I, ч. 2, 1924, с. 81—97. Вернадский не был знаком с двумя предшествующими работами. См. также: *N. A. Constantinescu.* Reforme sociale ou reforme fiscale. — Bulletin de la section historique de l'Academie roumaine, vol. XI, 1924, pp. 95—96.

В последнее время было сделано несколько интересных попыток сопоставить Земледельческий закон с текстами византийских папирусов,[1] однако на основе значительного сходства фразеологии, иногда удивительного, никаких определенных выводов по вопросу о возможных заимствованиях сделать нельзя. Такое сходство, заявлял У. Эшбернер, доказывает только то, что доказательства и не требует: законодатели одной эпохи используют одни и те же выражения.[2]

Земледельческий закон имеет большой интерес с точки зрения славянской науки. Существует, например, древнерусский перевод этого памятника, вошедший в состав одной, в высшей степени важной по своему содержанию и историческому значению, компиляции, носящей в рукописях название: «Книги законные, ими-же годится всякое дело исправляти всем православным князем». Наш известный канонист А. С. Павлов дал критическое издание древнерусского перевода Земледельческого закона. Последний вошел также в сербские памятники юридического содержания.*

Очень часто в рукописях юридического характера, вслед за Эклогой и другими законодательными памятниками, можно найти Морской закон и Военный закон. Оба эти законы не датированы и относятся учеными по некоторым соображениям, во всяком случае не решающим вопроса, к эпохе Исаврийской династии.

Морской закон (νομος ναυτικος, leges navales) или, как он иногда называется в рукописях, Родосский Морской закон представляет собой устав торгового мореплавания. Некоторые исследователи предполагают, что этот закон был извлечен из второй главы четырнадцатой книги дигест, которая содержит заимствованный из греческого права так называемый lex Rhodia de jactu (Родосский закон об авариях) — закон, где речь идет о возложении убытков на хозяина корабля и прочих товарохозяев в случае, если для спасения корабля и груза часть последнего будет выброшена за борт (jactus). В настоящее время зависимость Родосского закона от дигест, также как и его связь с Эклогой, на чем настаивал Цахариэ фон Лингенталь, не принимается исследователями.[3]

---

[1] *G. Vernadsky.* Sur les origines de la Loi agraire byzantine. — Byzantion, vol. II, 1926, pp. 178—179.

[2] *W. Ashburner.* The Farmer's Law. — JHS, vol. XXXII, 1912, p. 71.

* Отмеченное выше, в прим. * на стр. 329, новое критическое издание Земледельческого закона содержит не только греческий текст, но и критическое издание славяно-русской версии закона (Византийский Земледельческий закон... с. 190—269) с историей изучения (с. 190—197), анализом рукописной традиции (с. 198—232), текстом с параллельным переводом (с. 233—264) и указателем слов древнерусской редакции (с. 265—269).

[3] *W. Ashburner.* The Rhodian Sea Law. Oxford, 1909, pp. LXVIII, LXXVIII, CXIII. (Есть русский перевод: *М. Я. Сюзюмов.* Морской Закон. — Античная древность и средние века. Свердловск, 1969, вып. 6. — *Науч. ред.*)

Этот закон, в том виде, в каком он до нас дошел, представляет собой компиляцию материалов разных эпох и разного характера. Большая их часть происходит, без сомнения, от местных обычаев. У. Эшбернер говорит, что третья часть Морского закона совершенно очевидно должна была войти в третью книгу Василик.[1] Отсюда он делает вывод, что было осуществлено второе издание Морского закона либо непосредственно теми, кто составлял Василики, либо под их руководством. Существующий ныне текст является, таким образом, его вторым изданием.[2]

По стилю Морской закон носит официальный характер, а по содержанию он значительно отличается от Юстиниановых дигест, т. е. от использованного Родосского закона об авариях, отражая на себе, очевидно, следы влияний позднейшего времени. В этом законе, например, устанавливается ответственность хозяина корабля, его наемщика и пассажиров за целость судна и груза; в случае бури или морского разбоя все они должны быть привлечены к возмещению убытков. Это было своего рода страхованием. Подобные особенности Морского закона объясняются тем, что со времени Ираклия, т. е. с VII века, морская торговля и вообще морское судоходство были сопряжены с большими опасностями ввиду морских нападений арабов и славян. Морские разбои стали обычным явлением, поэтому хозяева судов и купцы могли продолжать торговлю лишь на условии общности риска.

Время составления Морского закона может быть определено только приблизительно. Он, вероятнее всего, был составлен частными людьми между 600 и 800 годами. В любом случае, нет никаких оснований полагать, что происхождение Морского закона, Земледельческого закона и Военного было одинаковым.[3]

Несмотря на возвращение государей Македонской династии к нормам Юстинианова права, Морской закон продолжал действовать на практике и влиял на некоторых византийских юристов X—XII веков. Сохранившаяся практика Морского закона указывает на то, что византийское торговое мореплавание после VII и VIII веков не могло подняться. Завладевшие позднее торговлей Средиземного моря итальянцы имели свое собственное морское право. С падением же византийской морской торговли вышел из употребления и Морской закон, так что в юридических памятниках XIII—XIV веков о нем уже упоминаний нет.[4]

---

[1] По поводу этого свода законов эпохи Македонской династии см. подробно следующую главу.

[2] *W. Ashburner*. Rhodian Sea Law. Oxford, 1909, pp. CXII, CXIII.

[3] Там же, pp. CXII, CXIV.

[4] См. весьма обстоятельную статью по поводу родосского морского закона, написанную Х. Креллером: *H. Kreller*. Lex Rhodia. Untersuchun-

Военный же закон (νομος στρατιωτικος, leges militares) представляет собой извлечение из греческих изложений дигест и кодекса Юстиниана, Эклоги и некоторых других источников, прибавленных к закону позднее. Главное содержание Военного закона состоит в перечне наказаний, налагаемых на военных за их проступки (за восстание, неповиновение, бегство, прелюбодеяние и т. п.). Наказания, приводимые в законе, отличаются большой суровостью. Если правильна точка зрения ученых, что Военный закон относится ко времени Исаврийской династии,[1] то он может служить показателем той строгой военной дисциплины, которую ввел в войске Лев III.*

Однако, к сожалению, скудость информации не позволяет поддержать положительный ответ по вопросу о возможности отнесения данного закона к рассматриваемому периоду. В качестве подведения итогов рассмотрения этих трех законов отметим, что ни Земледельческий закон, ни Морской, ни Военный не могут рассматриваться с уверенностью как результат законодательной деятельности исаврийских императоров.[2]**

Фемы. Большинство ученых, начиная с Финлея, относят реорганизацию и дополнение провинциальной фемной системы, которая возникла в VII веке, к VIII веку, и, в частности, ко времени правления Льва III. Финлей писал: «Новая географическая организация по фемам была введена Львом и просуществовала столько,

---

gen zur Quellengeschichte des romischen Seerechtes. — Zeitschrift fur das Gesamte Handelrecht und Konkursrecht, Bd. XXV, 1921, SS. 257—367.

[1] См.: *Zacharia von Lingenthal.* Geschichte des griechisch-romischen Rechts, SS. 16—17; *он же.* Wissenschaft und Recht fur das Heer vom 6. bis zum Anfang des 10. Jahrhunderts. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. III, 1894, SS. 447—449.

* В соответствующем месте русской версии (с. 232) есть уточнение о роли дисциплины в армии Льва III, не включенное А. А. Васильевым в последующие издания: «и отчасти благодаря которой он смог с честью выйти из тяжелых условий, создавшихся в империи в момент вступления его на престол».

[2] Ш. Диль и Коллине поддерживают точку зрения, что эти три закона были результатом законодательной деятельности Исаврийской династии (Cambridge Medieval History, vol. IV, pp. 4—5, 708—710). Однако во введении к этому же тому (p. XIII) Дж. Б. Бьюри утверждает, что, согласно его точке зрения, после исследований Эшбернера такой взгляд неправомерен по меньшей мере в том, что касается первых двух кодексов.

** Гораздо более взвешенный взгляд современных русских исследователей о Земледельческом законе и его эволюции отмечен выше (прим. * на стр. 329). См. также: *В. В. Кучма.* Νομος στρατιωτικος. К вопросу о связи трех памятников византийского военного права. — ВВ, т. 32, 1971, с. 276—285. Данная статья содержит также перевод на русский язык Военного закона.

сколько само византийское правительство».[1] Особенно категорически в этом смысле высказывается Гельцер; по его словам, «Лев совершенно устранил гражданскую администрацию и передал гражданское провинциальное управление военным представителям».[2] «Лишь со времени Льва Исавра, — пишет Ф. И. Успенский, — происходит крутой поворот в сторону усиления власти стратига фемы за счет гражданской администрации провинций».[3] Но дело в том, что о мероприятиях Льва III в области провинциального устройства нет прямых известий. Существует перечень фем с некоторыми указаниями на их организацию, принадлежащий уже известному нам арабскому географу первой половины IX века Ибн-Хордазбеху.[4] Сопоставляя его данные с данными о фемах VII века, ученые приходят к некоторым выводам относительно фемных изменений в VIII веке, т. е. во время Исаврийской династии. Оказывается, что в Малой Азии, кроме трех уже перечисленных выше фем VII века, были созданы в VIII веке, может быть, при Льве III, две новых: 1) Фракийская фема в западной части Малой Азии, образованная из западных областей обширной фемы Анатолики и получившая свое название от стоявших там европейских гарнизонов из Фракии, и 2) Фема Вукелларий (Букелларий), представлявшая собой восточную половину уже известной также обширной фемы Опсикия и названная так от букелляриев (bucellarii), как назывались некоторые римские и иностранные войска, бывшие на службе империи. Константин Багрянородный говорит, что букелларии следовали за войском, доставляя ему пропитание.[5] Таким образом, к началу IX века в Малой Азии было пять фем, которые в источниках за это время и отмечаются как «пять восточных фем» (например, под 803 годом).[6] Европейских

---

[1] *G. Finlay.* History of the Byzantine Empire from DCXIV to MLVII. Edinbourgh, London, 1856; ed. H. F. Tozer. Oxford, 1877, vol. II, p. 29.

[2] *H. Gelzer.* Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899, S. 75.

[3] *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи. СПб., 1914, т. I, с. 812; Л., 1927, т. II, с. 55—56.

[4] Арабский текст Ибн-Хордазбеха с французским переводом см. в следующем издании: *M. J. de Goeje.* Bibliotheca Geographicorum Arabicorum. Leiden, 1889, vol. VI, pp. 77 ff. См. также: *H. Gelzer.* Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899, S. 82 ff; *E. W. Brooks.* Arabic Lists of Byzantine Themes. — JHS, vol. XXI, 1901, p. 67 ff. См. также список византийских фем в персидской географии конца IX века: *Hudud al-Alam.* The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. Trans. V. Minorsky, pp. 156—158; 421—422.

[5] De Thematibus, 28.

[6] *Theophanes Continuatus.* Historia. Bonn. ed., p. 6.

фем к концу VIII века, по-видимому, было четыре: Фракия, Македония, Эллада и Сицилия. Но если вопрос о количестве фем в Малой Азии к началу IX века может считаться установленным, то вопрос о полном устранении гражданских властей и перенесении их функций на военных начальников остается пока неясным. Решающая роль Льва III в организации фем не может быть доказана. Это скорее предположение.[1]

Завершение и распространение системы фем при Исаврийской династии было неразрывно связано с внешней и внутренней опасностью, которые испытывала империя. Образование новых фем путем разделения огромных территорий прежних фем диктовалось политическими соображениями. На своем собственном опыте Лев очень хорошо знал, как опасно оставлять слишком большую территорию в руках всемогущего военачальника, который мог восстать и потребовать титул императора. Так, внешняя опасность требовала усиления централизованной военной власти, особенно в провинциях, которым угрожали враги империи — арабы, славяне и болгары; с другой стороны, внутренняя опасность, исходящая от слишком сильных военачальников (стратегов), зависимость которых от центральной власти часто напоминает вассальные отношения, делала крайне необходимым сокращение огромных размеров территорий под их властью.

Лев III, желая увеличить и упорядочить финансовые средства империи, столь необходимые для его многосторонних предприятий, увеличил на одну треть поголовную подать с Сицилии и Калабрии, и для того, чтобы эта мера была проведена полнее, приказал составить точный список рождений детей мужского пола. Враждебно настроенный к иконоборцам хронист сравнивает последнее распоряжение Льва с поведением египетского фараона по отношению к евреям.[2] В конце правления Льва III наложил на жителей империи специальную подать для восстановления поврежденных сильными и частыми землетрясениями стен столицы. Стены были исправлены, о чем свидетельствуют сохранившиеся до нашего вре-

---

[1] См.: *Ю. А. Кулаковский.* История Византии, т. III, с. 338—339; *E. Stein.* Ein Kapitel vom persischen und vom byzantinischen Staate. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher, Bd. I, 1920, SS. 75—77; *G. Ostrogorsky.* Über die vermeintliche Reformtatigkeit der Isaurier. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXX, 1929—1930, S. 397; *G. Ostrogorsky.* Geschichte des byzantinischen Staates. Munchen, 1940, S. 105, Anm. 4; *Ch. Diehl, G. Marçais.* Le Monde oriental... Paris, 1936, p. 256.

[2] *Theophanes.* Chronographia, ed. C. de Boor, p. 410. См.: *F. Dolger.* Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit. Regesten I. Regesten der Kaiserurkunden des ostromischen Reiches. Munchen, Berlin, 1924, Bd. I, S. 36, Num. 300; *E. Stein.* — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXIX, 1930, S. 355.

мени надписи на башнях константинопольской внутренней стены с именами Льва и его сына и соправителя Константина.[1]*

Религиозные противоречия первого периода иконоборчества

История иконоборческого ** движения делится на два периода: первый период продолжался с 726 по 780 год и официально закончился седьмым Вселенским собором 787 года; второй период продолжался с 813 по 843 год и закончился так называемым Восстановлением Православия.

Изучение иконоборческой эпохи представляет очень большие затруднения из-за состояния источников. Все сочинения иконоборцев, акты императоров, деяния иконоборческих соборов 753—754 и 815 годов, богословские иконоборческие трактаты и т. д., были уничтожены восторжествовавшими иконопочитателями. Остатки иконоборческой литературы известны нам из отрывков, помещенных в творениях иконопочитателей в целях их опровержения. Определения иконоборческого собора 753—754 гг., например, сохранились в деяниях седьмого Вселенского собора. Определения собора 815 года сравнительно недавно были открыты в одном из трактатов патриарха Никифора. Немало отрывков иконоборческой литературы заключается в полемических и богословских трактатах иконопочитателей. Особенно важное значение в этом смысле имеют три знаменитых «Слова против порицающих святые иконы» известного богослова, полемиста и песнопевца Иоанна Дамаскина, современника двух первых императоров-иконоборцев. Таким образом, дошедшие до нас источники об иконоборстве имеют тенденциозный, враждеб-

---

[1] *A. Van Millingen.* Byzantine Constantinople, the Walls of the City and Adjoining Historical Sites. London, 1899, p. 98—99, а также иллюстрации между этими страницами.

* В соответствующем месте русской версии (с. 233) есть целый абзац, не включенный А. А. Васильевым в последующие издания: «Из вышеизложенного видно, что достоверными внутренними делами Льва III могут быть признаны Эклога, введение некоторых податей и исправление столичных стен. Что же касается до остальных трех законов, земледельческого, морского и военного, а также до завершения фемной организации, то эти явления внутренней жизни империи могут лишь с некоторым вероятием быть отнесены ко времени Льва III или вообще к VIII веку. Дальнейшая разработка этих вопросов заставит, может быть, отказаться, по крайней мере по отношению к некоторым из них, и от этой вероятности».

** Ввиду того, что для понятий «иконоборец», «иконопочитатель» в английском употребляются слова греческого происхождения, не очевидные по значению в первый момент для англоязычного читателя, А. А. Васильев в соответствующем примечании в английском тексте объясняет, какое из слов означает «иконоборец», а какое «иконопочитатель».

ный иконоборцам характер, вследствие чего и значение этого периода оценивалось учеными по-разному и нередко неправильно.

Прежде всего, поднимался вопрос о причинах на первый взгляд не совсем понятного для VII—VIII веков движения против икон, продолжавшегося с некоторым промежутком более ста лет и имевшего для империи очень серьезные последствия. Одни исследователи видели в политике императоров-иконоборцев религиозные причины, другие — причины политические. Думали, что император Лев III решил уничтожить иконы, надеясь этой мерой удалить одну из главных преград для сближения христиан с иудеями и мусульманами, отрицательно относившимися к иконам, и этим самым облегчить их подчинение империи. Особое внимание на иконоборческий период обратил известный нам греческий историк Папарригопуло, с тенденциозным взглядом которого на Эклогу мы уже знакомы. В его представлении неправильно называть данную эпоху иконоборческой, так как подобное определение неполно; параллельно с религиозной реформой, осуждавшей иконы, запрещавшей мощи, уменьшившей число монастырей и вместе с тем не коснувшейся основных догматов христианской веры, производилась реформа социальная и политическая; имелось в виду изъять народное образование из рук клира. Императоры-иконоборцы действовали не по личным или династическим капризам, а после зрелого и долгого размышления, с полным разумением общественных нужд и требований общественного мнения. На стороне их стояли наиболее просвещенная часть общества, большинство высшего духовенства и войско; конечную же неудачу иконоборческой реформы надо объяснять тем, что много оставалось еще ревнителей прежней крайней набожности, бывших противниками реформы, а именно — простой народ, женщины и многочисленные монахи; да и сам Лев III не сумел воспитать общество в новом духе.[1] Таковы вкратце взгляды Папарригопуло по поводу этой эпохи. Греческий историк, безусловно, переоценил реформаторскую деятельность императоров VIII века, называя ее замечательной попыткой революции социальной, политической и религиозной, но значение его трудов заключается в том, что он первый обратил внимание на сложность и важность иконоборческой эпохи и заставил других внимательнее к ней относиться. Были такие, кто видели в иконоборческой политике императоров религиозные и политические интересы с преобладанием последних; желая быть единым полновластным государем во всех сторонах жизни империи, Лев III

---

[1] *C. Paparrigopulo.* Histoire de la civilisation hellenique. Paris, 1878, pp. 188—191. Те же идеи были развиты автором в третьем томе изданной ранее (Афины, 1871—1877, переиздание — Афины, 1925) «Истории греческого народа».

надеялся при помощи запрещения иконопочитания вырвать народ из-под сильного влияния церкви, для которой иконы служили одним из главных оснований влияния, и этим самым иметь возможность властвовать над объединенным и в религиозном отношении народом. Итак, религиозная жизнь страны должна была подчиниться иконоборческой политике государей, для которых последняя была одним из средств к достижению их политических идеалов, «окруженных, — по словам историка, — сиянием религиозного (реформаторского) рвения».[1] В новейшее время ученые (например, француз A. Lombard) видят в иконоборчестве чисто религиозную реформу, имевшую целью остановить «успехи поднимавшего голову язычества» в форме неумеренного иконопочитания и «возвратить христианской религии ее первоначальную чистоту», причем религиозная реформа развивалась параллельно с реформой политической, имея отличную от последней историю.[2] Наконец, французский византинист L. Brehier обратил особое внимание на то, что иконоборчество заключает в себе два различных вопроса: во-первых, обычно трактуемый вопрос о почитании икон и, во-вторых, вопрос о законности религиозного искусства — позволено ли пользоваться искусством для изображения сверхчувственного мира, можно ли художнику изображать святых, Богоматерь и Спасителя? Другими словами, французский ученый выдвинул вопрос о влиянии иконоборства на византийское искусство.[3] Наконец, К. Н. Успенский переводил внимание с иконоборчества на политику правительства против усиления и возрастания монастырского землевладения. Он писал: «Как мы увидим впоследствии, выступления правительства Льва III с самого начала и в своей основной сущности были направлены против монастырей, занявших в империи к VIII в. ненормальное положение. Оно и не носило в своей основе религиозного характера. Но гонимому монашеству, носителям монастырского феодализма, было именно чрезвычайно выгодно перетянуть дело на богословскую основу, попытаться в деятельности правительства обнаружить богоотступничество и ересь, чтобы дискредитировать его, подорвать к нему доверие со стороны общества. Таким образом, здесь всегда искусно замаскирована суть дела и ее приходится разыскивать с большим трудом».[4]*

---

[1] *K. Schwarzlose.* Der Bilderstreit, ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und um ihre Freiheit. Gotha, 1890, SS. 42, 46, 48, 50.

[2] *A. Lombard.* Études d'histoire byzantine: Constantin V, empereur des Romains (740—775). Paris, 1902, pp. 105, 124, 127, 128.

[3] *L. Brehier.* La Querelle des images. VIII—IX siecle. Paris, 1904, pp. 3—4.

[4] *К. Н. Успенский.* Очерки по истории Византии. М., 1917, с. 213.

* Та же мысль, но в несколько иных словах, повторена К. Н. Успенским на с. 237. Из этого, второго изложения, хотелось бы отметить ин-

Ввиду этих разнообразных мнений очевидно, что иконоборческое движение было очень сложным явлением и, к сожалению, состояние источников до сих пор препятствует его прояснению.[1]*

Прежде всего интересно отметить, что все императоры-иконоборцы были родом с Востока: Лев III и его династия были исаврийцами или, может быть, сирийцами; возобновителями иконоборства в IX веке были Лев V из армян и, наконец, Михаил II и его сын Феофил, родом из Фригии, т. е. одной из внутренних областей Малой Азии. Если же мы обратимся к восстановителям иконопочитания, то увидим следующее: во-первых, оба раза вос-

---

тересное определение иконоборчества, не приводимое А. А. Васильевым: «В своей сущности это была не борьба по вопросу об отношении к иконам, а давно подготовлявшееся столкновение между императорским правительством *и монастырским феодализмом. „Иконный" вопрос является в действительности* одной из второстепенных линий в этом конфликте». — См. также: *Iorga*. Sur l'origine de l'iconoclasme. — Bulletin de la section historique de l'Academie roumaine, vol. XII, 1924, pp. 147—148. Г. Острогорский решительно отвергает теорию К. Н. Успенского: Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXX, 1929—1930, S. 399, Anm. 2.

[1] Последние обзоры иконоборческого движения сделаны Леклерком и Ф. И. Успенским. См.: *H. Leclercq*. Culte et querelle des images. — Dictionnaire d'archeologie chretienne et de liturgie, vol. VII, 1, 1926, col. 180—302; *Ф. И. Успенский*. История Византийской империи, т. 2, Л., 1927, с. 22—53, 89—109, 157—174. См. также: *E. J. Martin*. History of the Iconoclastic Controversy. London, 1930; *J. Marx*. Der Bilderstreit der byzantinischen Kaiser (в сводной библиографии у А. А. Васильева упоминаний об этой работе нет. — *Науч. ред.*); *G. B. Ladnér*. Origin and Significance of the Byzantine Iconoclastic Controversy. — Medieval Studies, vol. II, 1940, pp. 127—149; *L. Brehier*. «Iconoclasme». Histoire de l'Église. Ed. A. Fliche, V. Martin. Vol. V, 1938, pp. 431—470. Материал рассмотрен до 754 г. Работа очень важна. Она имеет прекрасную библиографию.

* Здесь представляется важным отметить следующее обстоятельство. А. А. Васильев, рассказывая о причинах иконоборчества, показал лишь одну группу причин этого явления — идеологическую. Между тем, представляется возможным сказать, что причины иконоборчества существовали как бы на двух уровнях — идейном и приземленно-материалистическом, земном. За политикой исаврийских императоров по отношению к церкви четко видна борьба за власть и влияние в обществе. Императоры стремились к упрочению собственной власти и к подчинению церкви своей власти, к уменьшению экономической роли церкви в обществе. В этом отношении во многом прав К. Н. Успенский, несмотря на свое очевидное преувеличение роли монастырского феодализма в истории Византии. Об исследовании иконоборчества уже после смерти А. А. Васильева см.: *М. Я. Сюзюмов*. Основные направления историографии истории Византии иконоборческого периода. — ВВ, т. 23, 1963, с. 199—226; *М. Я. Сюзюмов*. Первый период иконоборчества. — В кн.: История Византии, т. 2. М., 1967, с. 49—64, 427.

станавливали иконопочитание женщины, Ирина и Феодора; во-вторых, родом они были: Ирина — гречанка из Афин, Феодора — из Пафлагонии, малоазиатской области на берегу Черного моря, рядом с Вифинией, недалеко от столицы, — одним словом, не внутри полуострова. Указанная особенность в происхождении иконоборческих государей не может быть объяснена случайностью, и их восточное происхождение поможет лучше понять как их роль в движении, так и саму суть последнего. Восстановительницы же иконопочитания были родом из других областей.

Иконоборчество VIII и IX веков не было явлением совершенно новым и неожиданным; оно уже раньше пережило длительную эволюцию. Христианское искусство, изображавшее человеческие фигуры, было ли то в форме мозаики, фрески, скульптуры или резьбы, давно уже смущало многих истинно верующих людей, напоминая им об отвергнутом язычестве. В самом начале IV века один из испанских соборов постановил, что «не должно быть рисунков (picturas) в церкви, чтобы на стенах не изображалось то, что почитается и чему поклоняются» (ne quod colitur et adoratur in parietibus depingatur).[1]

Когда же в IV веке христианство получило право на законное существование, а в конце того же века сделалось государственной религией, церкви стали украшаться иконами. IV и V века считаются временем, когда иконоупотребление в церкви утвердилось и распространилось. Но тем не менее смущение продолжалось. Церковный историк IV века Евсевий Кесарийский называет почитание изображений Иисуса Христа и апостолов Петра и Павла «языческим обычаем».[2] Также в IV веке Епифаний Кипрский писал в одном из своих писем, что он разорвал на куски церковную завесу (velum) с изображением Христа, или одного из святых, так как «оно оскверняло церковь».[3] В V веке один сирийский епископ, еще до

---

[1] *J. D. Mansi.* Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, vol. II, 11. (Conciliorum Liberitanum, par. XXXVII). О другой интерпретации текста см.: *H. Leclercq.* Culte et querelle des images. — Dictionnaire d'archeologie chretienne et de liturgie, vol. VII, I, 1926, col. 215. Текст, однако, ясный. По поводу подлинности актов собора в Эльвире см.: *A. Harnack.* Geschichte der altchristlichen Literatur bis Eusebius. II. Die Chronologie der altchristlichen Literatur bis Eusebius. Leipzig, 1904, S. 450. О дате собора: *A. Piganiol.* L'Empereur Constantin le Grand. Paris, 1932, pp. 81—82.

[2] Historia ecclesiastica, VII, 18, 4.

[3] Греческий текст есть у Г. Острогорского: Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929, S. 74. Латинский перевод там же — S. 74, 86. См. также: *P. Maas.* Die iconoclastische Episode in dem Briefe des Epiphanios an Johannes. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXX, 1929—1930, S. 282; PG, vol. XLIII, col. 390. Против подлинности эпи-

своего посвящения в этот сан, учил не признавать иконы. В VI веке в Антиохии было настоящее возмущение, направленное против почитания икон, а в Эдессе возмутившиеся солдаты бросали каменьями в чудотворную икону Христа. Известны примеры нападения на иконы и их уничтожения в VII веке. Из примеров в Западной Европе интересно письмо папы Григория I Великого в конце VI века к епископу Массилии (Марселя), который приказал в подведомственных ему церквах разбить и выбросить иконы. Папа, хваля его за рвение в том отношении, что ничто, сделанное человеческой рукой, не может служить предметом поклонения (nequid manufactum adorari posset), вместе с тем упрекал епископа за то, что он, разбив иконы, лишил исторического образования людей неграмотных, «которые, смотря, по крайней мере, на стены, могли бы прочесть то, чего они не могут прочесть в рукописях».[1] В другом письме к тому же епископу папа писал: «За то, что ты запретил поклоняться иконам, мы тебя вообще хвалим; за то же, что ты их разбил, порицаем... Одно дело поклоняться картине (picturam adorare), другое дело при помощи содержания картины узнавать то, чему должно поклоняться».[2]

Итак, с точки зрения Григория Великого, как и многих других, иконы являются средством для народного образования.

На иконоборческое настроение восточных провинций оказывали некоторое влияние иудеи, не признававшие на основании своей религии иконопочитания и допускавшие иногда резкие выступления против икон. Со второй же половины VII века начинают подобным же образом влиять мусульмане, которые, помня слова Корана о том, что «кумиры гнусны и суть дело сатаны» (V, 92), видели в иконопочитании подобие идолопоклонства. Часто приводимое историками сообщение, будто арабский халиф Йазид II за три года до эдикта Льва издал в своем государстве указ, предписывавший уничтожение икон в церквах своих христианских подданных, многими учеными подвергается сомнению.[3] Во всяком

зода — D. Serruys в «Comptes-rendus de l'Academie des inscriptions et des belles-lettres» (Paris, 1904, vol. I, pp. 361—363); *G. Ostrogorsky*. Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites, SS. 83—88. Ср. однако — *H. Gregoire* in: Byzantion, vol. IV, 1909, pp. 769—770; F. Dolger в «Gottingische gelehrte Anzeigen» (1929, SS. 357—358; весьма интересная рецензия на книгу Острогорского); P. Maas в «Byzantinische Zeitschrift» (Bd. XXX, 1929—1930, SS. 279, 286); E. Stein в «Byzantinische Zeitschrift» (Bd. XXIX, 1928, S. 356).

[1] Epistolae, IX, 105 (PL, vol. LXXVII, col. 105); ed. L. M. Hartmann. Mon. Germ. Hist. epistolarum, II, 195

[2] Epistolae, XI, 13 (PL, vol. LXXVII, col. 1128); ed. Hartmann, VI, 10.

[3] См.: *C. Bekker*. Vom Werden und Wesen der Islamischen Welt: Islamstudien. I. Leipzig, 1924, S. 446. (Он утверждал, что эдикт Йазида действительно имел место.)

случае, с мусульманским влиянием на восточные области в смысле отрицания икон также надо считаться. Один хронист и самого императора Льва называет «сарациномыслящим» (σαρακηνοφρων),[1] хотя о прямом влиянии ислама на него оснований говорить нет. Наконец, одна из известных средневековых восточных сект, а именно секта павликиан, живших внутри Малой Азии и далее к востоку, также отрицала иконы. Одним словом, в восточных областях Византии, в Малой Азии, создалось ко времени Льва III уже довольно сильное иконоборческое движение. Один из наших церковных историков (А. П. Лебедев) о данном моменте пишет: «Можно положительно утверждать, что иконоборцев до времени иконоборства (в VIII веке) было много, и что они представляли собой силу, которой считала себя вправе опасаться сама церковь».[2] Одним из иконоборческих центров в пределах империи была, между прочим, внутренняя малоазиатская область Фригия.

Между тем, господство иконы в Византии достигло широких размеров. Иконами с изображениями Иисуса Христа, Богоматери, святых и различных сцен из Ветхого и Нового Заветов обильно украшались храмы. Изображения в церквах представляли собой мозаику, фреску или резьбу на слоновой кости, дереве или бронзе, т. е. были живописные иконы и иконы-статуи. Небольшие изображения воспроизводились в рукописях (миниатюры). Особенно почитались так называемые нерукотворные иконы, сделанные, по убеждению верующих, не рукой человека и отличавшиеся чудодейственной силой. Икона проникает в домашнюю жизнь: иногда иконы святых выбирались в качестве восприемников детей; вытканные изображения святых украшали парадное одеяние византийской аристократии. Есть, например, известие, что на тоге одного сенатора была вытканa история всей жизни Иисуса Христа.

Люди, воздававшие поклонение иконам, иногда понимали это поклонение слишком реально, т. е. чтили своим поклонением не то лицо, не ту идею, которые были изображены на иконе, а саму икону, сам материал, из которого она была сделана. Последнее являлось большим соблазном для многих из верующих, видевших в этом сходство с язычеством.

Наряду с этим, по словам Н. П. Кондакова, «в столице наблюдается характерное размножение монастырей, монашеских общин, всякого рода обителей, которых число к концу VIII века (может быть, правильнее к VIII веку) [3] возрастает в небывалой пропорции».

---

[1] *Theophanes*. Chronographia, ed. C. de Boor, p. 406. Иорга назвал этот эпитет образцом клеветы: Bulletin de la section historique de l'Academie roumaine, vol. XI, 1924, p. 143, note 3.

[2] *А. П. Лебедев*. Вселенские соборы шестого, седьмого и восьмого веков. СПб., 1904, с. 142.

[3] *Н. П. Кондаков*. Иконография Богоматери. Петроград, 1915, т. 2, с. 3.

По мнению проф. И. Д. Андреева, в иконоборческий период в Византии число монахов можно без преувеличения определить в 100 000 человек. «Вспоминая, — продолжает тот же ученый, — что у нас теперь в России (написано в 1907 г.) при 120-ти миллионном населении на необъятной территории насчитывается только около 40 000 монашествующих обоего пола, легко представить, какой частой сетью монастырей была покрыта сравнительно маленькая территория Византийской империи».[1]

Если поклонение иконам, чудотворным и обыкновенным, и мощам могло смущать многих людей, выросших в вышеобрисованных условиях того времени, то чрезмерное развитие монашества и великое умножение монастырей задевали уже чисто светские, государственные интересы. Благодаря неумеренному поступлению в монахи и уходу в монастыри молодых и здоровых людей, империя лишалась необходимых сил для войска, земледелия, промышленности и т. д.; одним словом, монашество и монастыри делались очень часто прибежищами для лиц, желавших избавиться от государственных обязанностей и вовсе не имевших искреннего стремления уйти от мира. Кроме того, богатые земельные угодья и другие имущества, отходившие к монастырям, были освобождены от государственных налогов и этим самым наносили ощутимый ущерб казне. Таким образом, в церковной жизни империи в VIII веке можно различать две стороны: религиозную и светскую.

Императоры-иконоборцы, будучи родом с Востока, были хорошо знакомы с существовавшими там религиозными взглядами; они на этих взглядах выросли; они с ними сроднились и, сделавшись императорами, перенесли их в столицу, чтобы положить в основание своей церковной политики. Императоры-иконоборцы не были ни неверующими, ни рационалистами, как о них говорили раньше. Наоборот, они были искренно и убежденно верующими и хотели очистить религию от тех искажений, которые с течением времени проникли в нее и отдалили от первоначального истинного направления.[2] С их точки зрения, поклонение иконам и почитание мощей являлось остатками язычества, которые во что бы то ни стало необходимо было уничтожить для возвращения христианской религии к первоначальному образцу. «Я император и священник» — писал

---

[1] *И. Д. Андреев.* Герман и Тарасий, патриархи Константинопольские: их жизнь и деятельность в связи с историей иконоборческой смуты. Сергиев Посад, 1907, с. 79.

[2] Об интересной переписке по догматическим вопросам между халифом Омаром II и Львом III, которая сохранена армянским историком Гевондом и может быть подложной, см. следующее подробное исследование: *A. Jeffery.* Ghevond's Text of the Correspondence between Umar II and Leo III. — Harvard Theological Review, vol. XXXVII, 1944, pp. 269—332.

Лев III папе Григорию II.[1] Исходя из этого положения, Лев III, будучи провозглашен императором, считал себя вправе сделать свои религиозные взгляды обязательными для подданных империи. В последнем нельзя усматривать чего-либо нового: это был обычный взгляд византийского императора, представителя идеи цезарепапизма, особенно знакомый нам по примеру Юстиниана Великого, считавшего себя полным хозяином как в светских, так и церковных делах. Лев III также являлся ярким представителем идеи цезарепапизма.

Первые девять лет правления Льва, посвященные им отражению внешних врагов и укреплению трона, не были ознаменованы какими-либо мерами относительно икон. Церковная деятельность императора в этот период выразилась в его требовании евреям и восточной секте монтанистов принять крещение.

Лишь на десятый год своего правления, т. е. в 726 году, император, по словам хрониста Феофана, «начал вести речь об уничтожении святых и досточтимых икон».[2] Большинство современных историков говорили об эдикте Льва III против икон, изданном им в 726 году или в 725 году. К сожалению, текст этого декрета неизвестен.[3] Вскоре после издания эдикта он приказал уничтожить очень почитаемую икону — статую Христа, стоявшую над одной из дверей Халки — так назывался великолепный вход в императорский дворец. Уничтожение иконы вызвало возмущение, в котором главное участие приняли женщины. Посланец императора, которому было велено уничтожить икону, был убит, за что защитники иконы Спасителя понесли тяжелые наказания. Это были

---

[1] *Gregorii II* Epistola XIII ad Leonem Isaurum Imperatorem (PL, t. LXXXIX, col. 521: «imperator sum et sacerdos»). Вопрос о том, являются ли письма Григория II Льву III подложными (см.: *L. Guerard*. Les Lettres de Gregoire II a Leon L'Isaurien. — Melanges d'archeologie et d'histoire, X, 1890, pp. 44—60) или подлинными (см.: *H. Mann*. The Lives of the Popes. London, 1925, vol. I, pp. 498—502) — не столь важен для наших целей. В любом случае, письмо было написано или сфабриковано на основании очень хороших свидетельств. См.: *J. B. Bury*. Appendix 14 к пятому тому его издания Гиббона; *Hefele—Leclercq*. Histoire des conciles, vol. III, 2, pp. 659—664; Cabrol в «Dictionnaire d'archeologie chretienne...» (vol. VII, I, p. 248). Новое издание писем Григория: *E. Caspar*. Zeitschrift fur Kirchengeschichte, Bd. LII, 1933, SS. 29—89, особенно S. 76. Последние исследования высказываются скорее в пользу подлинности этих писем.

[2] *Theophanes*. Chronographia, ed. C. de Boor, p. 404.

[3] Последние исследования: *Ch. Diehl*. Leo III and the Isaurian Dinasty (717—802). — Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 9. *H. Leclercq*. Culte et querelle des images. — Dictionnaire d'archeologie chretienne et de liturgie. Paris, 1926, vol. VII, I, col. 240—241; *Ф. И. Успенский*. История Византийской империи, т. 2, с. 25.

Василий II Болгаробойца — Псалтырь из Bibl. Marc. Codex XVII

первые мученики иконопочитания. О каких-либо других фактах преследования икон сведений нет.

Враждебное к иконам настроение Льва вызвало серьезное противодействие. Константинопольский патриарх Герман и римский папа Григорий II высказались решительно против предполагаемой политики императора. В Греции и на островах Эгейского моря вспыхнуло восстание во имя защиты икон, подавленное, правда, войсками Льва. Все это не давало ему возможности выступить с более решительными мерами.

Наконец, только в 730 году император созвал род собора, на котором был составлен эдикт против икон. Весьма вероятно, что этот собор не издавал нового эдикта, а скорее восстановил декрет 725 или 726 года.[1] Несоглашавшийся подписать его патриарх Герман был низложен и был вынужден удалиться в свое поместье, где мирно и окончил жизнь. Вместо него патриархом сделался Анастасий, который подписал эдикт. Это был первый эдикт против икон, изданный не только от имени императора, но и скрепленный подписью патриарха, т. е. как бы изданный также от имени церкви, что было очень важно для Льва.

Но и после издания этого эдикта, т. е. за последние одиннадцать лет правления Льва, источники молчат о преследовании икон; по-видимому, последнего не было на самом деле. Во всяком случае, о каком-либо систематическом гонении на иконы при Льве III не может быть и речи. Самое большее, что можно предположить, это отдельные факты преследования икон. По словам одного ученого, «в царствование Льва больше собирались преследовать иконы и иконопочитателей, чем преследовали на самом деле».[2]

Общепринятое представление о том, что иконоборческое движение VIII века началось не с уничтожения икон, а только с того, что их стали вешать выше, чтобы этим воспрепятствовать молящимся прикладываться к ним, должно быть оставлено. В византийских церквах большинство икон были изображения живописные (фрески) или мозаичные, т. е. такие, которые нельзя было отделить от церковных стен.

Враждебная иконам политика Льва III нашла отповедь в трех знаменитых защитительных словах против порицающих иконы Иоанна Дамаскина, жившего тогда в пределах арабского халифата. Два из этих слов были написаны, наверное, при Льве III; время написания третьего более или менее точному определению не поддается.

---

[1] См.: *H. Leclercq*. Constantin. — Dictionnaire d'archeologie chretienne et de liturgie, vol. III, col. 248. (Он относит второй декрет к 729 году.)

[2] *И. Д. Андреев*. Герман и Тарасий... с. 71.

О противодействии взглядам Льва со стороны папы Григория II было упомянуто выше. Преемник его, Григорий III, последний папа, утвержденный византийским императором, созвал в Риме собор и предал отлучению иконоборцев. После этого Средняя Италия ушла из-под влияния Византии и вошла окончательно в область интересов папских и западно-европейских. Южная Италия осталась за Византией.

Совершенно иной была картина в царствование Константина V Копронима (741—775), преемника Льва III. Воспитанный своим отцом, Константин проводил вполне определенную иконоборческую политику и в последние годы своего царствования начал преследование монастырей и монахов. Ни один из иконоборческих императоров не подвергался в сочинениях иконопочитателей таким поношениям как этот «многоголовый дракон», «жестокий преследователь монашеского чина», «этот Ахав и Ирод». Поэтому очень трудно составить беспристрастное мнение о Константине. Э. Штайн, конечно, не без некоторого преувеличения, называет его самым смелым и самым свободным мыслителем в истории восточной римский империи.[1]

Собор 754 года и его последствия. В момент вступления Константина на престол положение империи было таково, что ее европейские провинции придерживались иконопочитания, малоазиатские же имели в составе населения немало иконоборцев. Первые два года правления Константина прошли в борьбе его со своим зятем Артавздом, который поднял восстание против императора в защиту икон, принудил его покинуть столицу и заставил провозгласить себя императором. В течение года, когда Артавазд правил государством, иконопочитание было восстановлено. Однако, Константину удалось свергнуть Артавазда и вернуть себе трон. Главные виновники восстания понесли жестокие кары. Попытка Артавазда, показавшая Константину возможность при создании соответствующих условий без труда восстановить иконопочитание, заставила последнего принять решительные меры и твердо укрепить в народном сознании правоту иконоборческих взглядов.

Константин решил для этого созвать собор, который должен был бы обосновать иконоборческую политику, одобрить ее и этим самым создать в народе убеждение в правильности императорских мероприятий. Собор, на который съехалось более трехсот епископов, состоялся во дворце Иерии, на азиатском берегу Босфора, против Константинополя, в 754 году.[2] Однако патриархи на соборе

---

[1] *E. Stein*. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus. Stuttgart, 1919, S. 140.

[2] По поводу даты см.: *G. Ostrogorsky*. Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929, S. 14, Anm. 1; Histoire

отсутствовали: константинопольская кафедра была в то время вакантна; Антиохия, Иерусалим и Александрия отказались принять участие в соборе; папские легаты также на соборе не появлялись. Впоследствии это обстоятельство явилось в глазах противников собора основанием для признания недействительными его решений. Через несколько месяцев собор был переведен в Константинополь, где и был избран новый патриарх.

Определение собора 753—754 года, сохранившееся в деяниях седьмого Вселенского собора, вынесло окончательный приговор иконопочитанию, который гласит, что «всякая икона, сделанная из какого угодно вещества, а равно и писанная красками при помощи нечестивого искусства живописцев, должна быть извергаема из христианских церквей; она чужда им и заслуживает презрения. Да не дерзнет никакой человек заниматься таким нечестивым и неблагоприличным делом. Если же кто-либо с этого времени дерзнет устроить икону, или поклоняться ей, или поставить ее в церкви, или в собственном доме, или же скрывать ее, такой, если это будет епископ или пресвитер, или диакон, то да будет низложен, а если монах или мирянин, то да будет предан анафеме, и да будет он виновен и перед императорскими законами, так как он противник Божиих распоряжений и враг отеческих догматов». Из этого определения, помимо его общего значения для икон, важно отметить, что лица, виновные в иконопочитании, подлежат императорским законам, т. е. светской власти, чем впоследствии участники седьмого Вселенского собора и будут объяснять факты необыкновенного насилия, проявленного некоторыми императорами в отношении церкви и монахов. Анафема провозглашалась тому, кто «старается представить посредством вещественных красок свойства Бога-Слова... и лики святых, неприносящие никакой пользы, потому что это глупая затея и изобретение дьявольского коварства». В конце определения собор возгласил: «Новому Константину и благочестивейшему императору многая лета!.. Благочестивейшей и августейшей (императрице) многая лета!.. Вы утвердили догматы святых шести Вселенских соборов. Вы уничтожили идолослужение...» Анафеме были преданы патриарх Герман, «почитатель дерева», и Мансур, т. е. Иоанн Дамаскин, «мыслящий по-сарацински, злоумышляющий против империи, учитель нечестия, превратно толковавший Божественное Писание».[1]

---

de l'Église depuis les origines jusqu'a nos jours, ed. A. Fliche et V. Martin. Paris, 1936, vol. I, p. 468. 753 год, как правило, принимается исследователями вплоть до наших дней.

[1] *Mansi.* Sacrorum conciliorum... collectio, vol. XIII, pp. 323, 327, 346; 354, 355; *K. J. Hefele.* History of the Councils of the Church. Edinburgh, 1896, vol. V, pp. 313—315. См. интересную дискуссию по поводу влия-

Единогласное постановление собора произвело сильное впечатление. «Многие, — по словам проф. Андреева, — кого еще беспокоило смутное сознание неправоты иконоборцев, теперь, естественно, должны были успокоиться; у многих, которые прежде колебались в ту или другую сторону, благодаря сильной аргументации соборных определений, могли сложиться сознательные иконоборческие воззрения».[1] Народ должен был клятвенно поручиться в том, что он впредь не будет поклоняться иконам.

Преследование икон стало после собора проводиться в жизни с неумолимой жестокостью. Иконы разбивались, сжигались, замазывались и подвергались всяческим поруганиям. С особенной яростью преследовалось почитание Божией Матери.[2] Против иконопочитателей было открыто жестокое преследование, сопровождавшееся казнями, пытками, тюремными заключениями, конфискациями и изгнанием. Вместо икон появлялись изображения деревьев, птиц, зверей или сцен охоты, цирка, театра и т. д. По словам жития, Влахернский храм в Константинополе, лишенный прежнего своего благолепия и расписанный по-новому, превратился «в овощную лавку и птичник».[3] При уничтожении икон живописных (мозаик и фресок) и икон-статуй, погибали многочисленные памятники искусства. Немало погибло в то время и рукописей с миниатюрами.

Одновременно с преследованием икон шло и преследование мощей. Сохранилась сатира иконоборческой эпохи на чрезмерное почитание мощей, где говорится о десяти руках мученика Прокопия, о пятнадцати челюстях Феодора, о четырех головах Георгия и т. д.[4]

Большое ожесточение проявил Константин V также по отношению к монахам, этим «идолопоклонникам и мраколюбцам»,[5] и монастырям. Борьба с монахами была настолько напряженной, что некоторые даже считают спорным, как точнее определить преобразовательную деятельность данного периода: была ли это борьба с иконами или с монахами. К. Н. Успенский решительно утверж-

---

ния сочинений Константина против иконопочитания на акты Собора 754 г.: *G. Ostrogorsky*. Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929, SS. 7—29.

[1] *И. Д. Андреев*. Герман и Тарасий... с. 96.

[2] См.: *G. Ostrogorsky*. Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929, SS. 29—40.

[3] PG, t. C., col. 1120; *В. Г. Васильевский*. Труды, т. 2, с. 324.

[4] *C. Paparrigopulo*. История греческого народа. Афины, 1867, т. 3, с. 703—707 (по-гречески). Эта сатира принадлежит поэту первой половины одиннадцатого века Христофору Митиленскому. См.: *E. Kurtz*. Gedichte des Christophoros Mytilenaios. Leipzig, 1903, SS. 76—80, Num. 114. Русский перевод: *Д. Шестаков*. Три поэта греческого возрождения. Казань, 1906, с. 11—14.

[5] *В. Г. Васильевский*. Труды, т. 2, с. 322.

дал, что «историки и теологи сознательно искажали факты, выдвигая для этого периода на первый план икономахию вместо монахомахии».[1] Монахи подвергались всяческим преследованиям: их заставляли облачаться в светское платье, вступать в брак; они, держа женщин за руки, должны были проходить к ипподрому *при насмешках и оскорблениях собравшегося народа.* Хронист Феофан сообщает, что один наместник в Малой Азии собрал монахов и монахинь своей провинции в Эфесе и сказал им: «Пусть каждый из вас, кто хочет подчиниться императору и нам, наденет белое платье и немедленно возьмет жену, тот же, кто так не сделает, будет ослеплен и выслан на Кипр». Его поздравил Константин V, который написал: «Я нашел в вас человека, который согласно моему сердцу выполняет все мои желания».[2] Кипр был, очевидно, одним из мест, куда император ссылал упорствовавших монахов. Известно, что пяти монахам удалось оттуда бежать и достичь территории халифата. Эти монахи были доставлены в Багдад.[3] Монастыри отбирались и обращались в казармы и арсеналы. Монастырские имения конфисковались. Светским людям запрещалось искать убежища в монашестве.* Все это повело к тому, что многочисленные монахи уходили в места, незатронутые императорской политикой. По мнению некоторых ученых, в эпоху Льва и Константина в одну только Италию переселилось около 50 000 монахов;[4] последнее обстоятельство имелмадное значение для судеб средневековой южной Италии, так как поддержало там господство *греческой народности и православной церкви. Однако даже южная* Италия была, очевидно, не совсем свободна от бедствий иконоборчества. Есть интересное свидетельство, что в IX веке св. Георгий Декапольский *попал в руки иконоборческого епископа* южноиталийского города Гидра (совр. Отранто).[5] Многие монахи мигрировали также на северные берега Черного моря и на побережье Сирии и Палестины. Среди мучеников, пострадавших при Константине V, особенно известен св. Стефан Новый.

---

[1] *К. Н. Успенский.* Очерки по истории Византии. М., 1917, с. 228.

[2] *Theophanes.* Chronographia, ed. C. de Boor, p. 445, 446. Подобная информация содержится и в Житии св. Романа: *P. Peeters.* S. Romain le Neomartyr († 1 mai 780) d'apres un document georgien. — Analecta Bollandiana, t. XXX, 1911, p. 413. Св. Роман родился в Галатии около 730 года, оставил свою страну, отправившись на Восток, где был захвачен в плен арабами. Его мученическая кончина относится к 780 году.

[3] *P. Peeters.* S. Romain le Neomartyr... p. 419.

* Буквально в английском тексте у А. А. Васильева сказано: in the cowl — т. е. «в рясе».

[4] *И. Д. Андреев.* Герман и Тарасий... с. 78.

[5] См.: *F. Dvornik.* La vie de saint Gregoire de Decapolite et les Slaves Macedoniens au IXe siecle. Paris, 1926, p. 41, 58.

Пятилетнее правление преемника Константина V, Льва IV Хазара (775—780), по сравнению со временем его отца, является некоторым успокоением во внутренней жизни империи. Будучи сам сторонником иконоборства, Лев не чувствовал острой вражды к монахам, которые при нем снова начали иметь некоторое влияние. В свое кратковременное царствование он не успел ярко проявить себя и как иконоборец. Весьма вероятно, на Льва оказывала влияние его молодая супруга, афинянка Ирина, известная сторонница иконопочитания, на которую с надеждой обращали свои взоры сторонники последнего направления. «Его умеренное отношение к спору об иконах, — объяснял Г. Острогорский, — было, соответственно, переходом от тактики Константина V к реставрации святых икон при императрице Ирине».[1] Со смертью Льва IV (780) окончился первый период иконоборства.

Из-за малолетства его сына Константина, государством стала управлять мать, гречанка Ирина, решившая восстановить иконопочитание.

Несмотря на определенные симпатии к иконопочитанию, Ирина в первые три года своего правления не предпринимала никаких шагов к его официальному восстановлению. Подобная медлительность объясняется внутренними и внешними затруднениями империи, которая должна была вести борьбу с претендентом на престол, с арабами и жившими в Греции славянами. Кроме того, надо было приступить к восстановлению иконопочитания с большой осторожностью и подготовкой, так как большая часть войска была настроена иконоборчески, а каноны иконоборческого собора 753—754 гг., объявленные Константином V государственными законами, продолжали еще на многих оказывать известное влияние. Но надо думать, что многие представители высшего духовенства приняли решения иконоборческого собора не по убеждению, а поневоле, и потому представляли собой, по словам профессора Андреева, «материал, слишком податливый для реформаторских операций иконоборческих императоров, не могущий представить затруднений и для операций противоположного характера».[2]

Только через четыре года после начала правления Ирины патриархом Константинопольским был избран Тарасий, заявивший о необходимости созвания Вселенского собора для восстановления иконопочитания, а к папе Адриану I было отправлено посольство с приглашением прибыть на предполагаемый в Константинополе собор. Папа отправил на собор своих представителей.

---

[1] *G. Ostrogorsky.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929, S. 38.

[2] *И. Д. Андреев.* Герман и Тарасий... с. 98.

Собор состоялся в 786 году в храме св. Апостолов. Однако настроенные иконоборчески столичные войска ворвались в храм с обнаженными мечами и заставили распустить собрание. Казалось, иконоборческая партия снова восторжествовала, но ненадолго. Ирина хитростью избавилась от непокорных войск, заменив их другими, ей преданными, войсками.

В следующем 787 году собор был созван в вифинском городе Никее, где имел, как известно, место первый Вселенский собор. Семь заседаний собора, на которых император и императрица отсутствовали, происходили в Никее. Последнее же, восьмое заседание происходило в императорском дворце в Константинополе. Число собравшихся на собор епископов было более трехсот. Это был седьмой и последний в истории восточной церкви Вселенский собор.

По определению собора иконопочитание было восстановлено. «Честные» иконы были приняты, и думающие иначе подвергались анафеме. Анафема объявлялась всем, «обзывающим священные иконы идолами, говорящим, что христиане прибегают к иконам, как к богам, и что кафолическая церковь когда-либо принимала идолов». «Тогда, — по словам деяний собора, — сияющая счастьем благочестивейшая императрица взяла соборное определение и подписала его, а затем передала его соцарствующему ей своему сыну, чтобы и он подписал». После этого епископы возгласили многолетия и славословия «новому Константину и новой Елене».[1] По вопросу о мощах было постановлено, что если в возобновленных храмах не положены святые мощи, то следует это восполнить. Обращение монастырей в обыкновенные жилища подвергалось великому осуждению, и вместе с тем требовалось восстановление упраздненных иконоборцами и обращенных на мирские нужды монастырей. Большое внимание было обращено собором на поднятие нравственности духовенства: осуждалось приобретение церковных должностей за деньги (симония); запрещались двойные, т. е. смешанные, монастыри и т. д.

Значение Никейского собора заключается не только в восстановлении иконопочитания. Собор создал иконопочитателям организацию, которой у них недоставало в борьбе с их противниками, собрал воедино богословские доказательства в пользу иконопочитания, которые иконопочитатели после этого могли противопоставить иконоборцам. Одним словом, иконопочитательская партия получила в руки оружие, которого у нее раньше не было и с которым ей в будущем было уже легче бороться с иконоборцами, когда наступил второй период иконоборческого движения.

---

[1] *Mansi*. Sacrorum conciliorum... collectio, vol. XII, pp. 739—740.

Так называемая «иконоборческая» деятельность императоров восьмого века была только одной и, возможно, не самой важной характерной чертой этого времени. Однако большая часть сведений про это время происходит из более поздней, односторонней литературной традиции партии победившего иконопочитания, которая уничтожила практически все иконоборческие документы. Однако благодаря случайной и разбросанной (scattered) информации, которая сохранилась, можно прийти к выводу, что основная энергия Льва III и Константина V была направлена на секуляризацию крупной монастырской земельной собственности и на ограничение огромного количества монахов, то есть против элементов, которые благодаря выскальзыванию из-под государственного контроля и почти полностью независимому функционированию уменьшали жизненные силы и целостность империи.

Коронование Карла Великого и значение этого события для Византийской империи

Коронование Карла, по словам историка Брайса, «представляет собой не только центральное событие Средних веков: оно одно из тех очень немногих событий, о которых, вырывая их из общей связи, можно сказать, что, если бы они не произошли, история мира была бы иная».[1] В настоящий момент это событие имеет для нас значение постольку, поскольку оно отразилось на византийском государстве.

Как известно, в представлении средневекового человека Римская империя была едина, так что, когда в предшествующие века мы видели в империи двух или более императоров, это объяснялось тем, что два государя управляют единым государством. Выше было уже указано, что ни о каком падении Западной Римской империи в 476 году не может быть и речи. Идеей о существовании единой империи объясняется в VI веке военная политика Юстиниана на Западе. Эта идея продолжала жить и в 800 году, когда произошло знаменитое коронование Карла Великого в Риме императорской короной.

Но в то время как идея о единой империи в теории неизменно жила в сознании средневековья, в действительности восточный, или византийский, греко-славянский мир, каким он был уже к концу VIII века, и западный, романо-германский мир, являлись к этому времени и по своему языку, и по племенному составу, и по культурным задачам совершенно различными, обособленными мирами. Идея единства империи пережила себя и сделалась исто-

---

[1] *J. Bryce*. The Holy Roman Empire. New York, 1919, p. 50.

рическим анахронизмом, конечно, с нашей современной точки зрения, а не с точки зрения Средних веков.

Иконоборство сыграло некоторую роль в подготовке события 800 года. Папство, энергично протестовавшее против иконоборческих мероприятий в Византии и предавшее иконоборцев отлучению, стало искать себе друзей и защитников на Западе в лице возвысившихся во франкском государстве в VIII веке сначала майордомов, потом королей Каролингского дома. В конце VIII века на франкском престоле сидел самый знаменитый представитель этого дома, Карл Великий. Алкуин, ученый и преподаватель при дворе, писал ему знаменитое письмо в июне 799 г. «До сих пор в мире было три превознесенных (exalted) личности в мире. [Во-первых], это апостольская величественность, которая управляет престолом Святого Петра, главы апостолов... Другой — это императорское величие и светский владыка второго Рима, однако сообщение о том, как безжалостно правитель империи был лишен трона, не посредством чужих, а своими собственными гражданами, распространяется повсеместно.[1] Третий — это [обладатель] царского достоинства, каковым воля Господа нашего Иисуса Христа наделила вас, как правителя христианского народа, превосходящего по власти всех других сановников, более знаменитым в мудрости, более возвышенным в королевском достоинстве. Вы — мститель преступникам, поводырь тех, кто заблудился, утешитель тех, кто огорчен. Вам дано возвышать Бога».[2]

Взаимные интересы папы и франкского короля, которые привели в конце концов к коронации последнего, являются сложным вопросом, по-разному оцениваемым в исторической литературе.

Сам факт общеизвестен. В первый день Рождества Христова 800 года, во время торжественного богослужения в храме Св. Петра, папа Лев III возложил на коленопреклоненного Карла императорскую корону. Присутствовавший в церкви народ возгласил: «Карлу, благочестивейшему Августу, венчанному Богом, великому и миролюбивому императору, многие лета и победа!».

О значении принятого Карлом императорского титула учеными высказывались различные мнения. Одни полагали, что титул императора не давал Карлу никаких новых прав, что на самом деле он остался, как и прежде, «королем франков и лангобардов и римским патрицием»;[3] одним словом, Карл получил лишь одно

---

[1] Алкуин имеет в виду свержение и ослепление императора Константина VI собственной матерью Ириной.

[2] Mon. Germ. Hist. Epistolarum, IV; Epistolae Carolini Aeri, II, 288 (n. 173).

[3] *W. Sickel.* Die Kaiserwahl Karls der Grossen. Eine rechtsgeschichtliche Erorterung. — Mitteilungen des Instituts fur osterreichische Geschichtsforschung, Bd. XX, 1899, SS. 1—3.

имя. Другие думали, что в 800 году, в лице императора Карла, была создана отдельная Западная империя вне всякой зависимости от существования Восточной, или Византийской, империи.

Но оценивать явление 800 года с означенных точек зрения — это значит привносить в его оценку взгляды позднейших эпох. В конце VIII века не было и не могло быть еще ни представления о «титулярном» императоре, ни о создании отдельной Западной империи. Событие 800 года надо рассматривать с современной той эпохе точки зрения, как на него смотрели и сами действующие лица, т. е. Карл Великий и папа Лев III.

Ни тот, ни другой не имели в виду создавать Западную империю в противоположность империи Восточной. Карл был убежден, что в 800 году, по получении титула императора, он сделался государем и продолжателем прежней единой Римской империи. Рим только возвратил себе от Константинополя право императорского избрания. Как уже не раз замечено было выше, в умах людей того времени не было такого представления, будто две империи могли существовать одновременно; по самому существу своему империя была едина. «Императорский догмат единства империи покоился на догмате единства Бога, так как император в качестве Его временного наместника отправлял божественные полномочия на земле».[1] Обстоятельства того времени облегчали для Карла проведение в жизнь этого единственно тогда возможного взгляда на императорскую власть.

Взаимоотношения между Карлом и византийским императором начались задолго до 800 года. В 781 году было устроено бракосочетание между Ротруд, дочерью Карла, которую греки называли Эрутро, и Константином, византийским императором, которому тогда было 12 лет и чья мать Ирина была фактической правительницей империи.[2] Западный историк того времени, Павел Диакон, писал Карлу: «Я радуюсь, что ваша прекрасная дочь может поехать за моря и получить скипетр для того, чтобы сила королевства, благодаря ей, направилась в Азию».[3]

Тот факт, что в 797 году Ирина низложила императора и своего сына Константина и стала самодержавной правительницей импе-

---

[1] *A. Gasquet*. L'Émpire Byzantin et la monarchie franque. Paris, 1888, pp. 284—285.

[2] *F. Dolger*. Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit. Regesten. I. Regesten der Kaiserurkunden des ostromischen Reiches. Bd. I. Munchen; Berlin, 1924, S. 41 (Num. 339). Указаны источники и литература.

[3] «Versus Pauli Diaconi», XII. Poetae latini aevi carolini, I, 50. (В сводной библиографии у А. А. Васильева информации об этой работе нет. — *Науч. ред.*)

рии, шло в полный разрез с традициями Римской империи, где женщина никогда не правила со всей полнотой верховной власти. С точки зрения Карла и папы Льва, императорский трон считался вакантным, так как на нем восседала женщина, и поэтому Карл, принимая императорский венец, занял свободный престол единой Римской империи и сделался законным преемником не Ромула Августула, а Льва IV, Ираклия, Юстиниана, Феодосия и Константина Великого, — вообще императоров восточной линии. Интересным подтверждением этого является то, что в западных летописях (анналах), современных 800 году, и последующих веков, которые велись по годам византийских государей, непосредственно за именем Константина VI, сына Ирины, следует имя Карла.

Если такова была точка зрения Карла на данный вопрос, то как же отнеслась к провозглашению его императором Византия? Она отнеслась так, как соответствовало взглядам того времени. Не отрицая, конечно, прав Ирины на престол, Византия рассматривала событие 800 года как одну из столь многочисленных в ее истории попыток возмущения против царствовавшего государя и не без основания боялась, как бы провозглашенный император, как то делали прежние повстанцы, не пошел на Константинополь, чтобы силой свергнуть Ирину и овладеть императорским троном. Таким образом, в глазах византийского правительства это было лишь возмущением некоторых западных провинций против законного государя.[1]

Но, конечно, Карл понимал непрочность своего нового положения, так как вопрос о восточном императорстве его коронованием решен не был. Германский историк П. Шрамм, называвший коронацию Карла «актом насилия, который сломал права василевса», подчеркивал тот факт, что Карл не называл себя «императором римлян», официальным титулом византийских императоров, но imperium Romanum gubernans (управляющий римской империей. — *Науч. ред.*).[2] Карл понимал, что в Византии после смерти Ирины

---

[1] В 1893 году Дж. Б. Бьюри опубликовал весьма интересную и оригинальную статью по поводу Карла Великого и Ирины, в которой он выдвинул неожиданное предположение о том, что идея коронации Карла в 800 году шла от самой Ирины (*J. B. Bury*. Charles the Great and Irene. — Hermathena, vol. VIII, 1893, pp. 17—37). Эта статья осталась почти что неизвестна историкам, и сам Бьюри, формально не отказавшись от этой гипотезы, не упоминает ее в своей книге при описании переговоров Карла с византийским двором: A History of the Eastern Roman Empire, London, 1912, pp. 317—321. См.: *N. Baynes*. A Bibliography of the Works of the J. B. Bury. Cambridge, 1929, pp. 7—8, 136. По поводу молчания Бьюри о данной проблеме Бейнз замечает: «Это жалко: чувствуется, что здесь есть теория, которая должна быть истинной» (p. 8).

[2] *P. Schramm*. Kaiser, Rom und Renovatio. Leipzig, Berlin, 1929, Bd. I, SS. 12—13.

будет избран новый император, права которого на императорский титул будут признаны неоспоримыми на Востоке. Предвидя в грядущем подобные затруднения, Карл открыл переговоры с Ириной, предлагая ей вступить с ним в брак и «соединить, — по словам хроники, — восточные и западные области».[1] Другими словами, Карл понимал всю важность признания его нового титула со стороны Византийской империи. Ирина с благосклонностью отнеслась к предложению о браке, однако вскоре после этого она была свергнута и отправлена в ссылку (в 802 году), так что этот план никогда не был осуществлен.*

По низложении Ирины на византийский престол вступил Никифор. Между ним и Карлом велись переговоры, вероятно, о признании первым императорского титула второго. Но лишь в 812 году послы византийского императора Михаила I Рангаве приветствовали Карла в Аахене как императора. Это, наконец, узаконило императорское избрание 800 года. Возможно также, что с 812 года, в качестве противовеса титулу, носимому Карлом, титул «император ромеев» (Βασιλεὺς τῶν Ρωμαιων) стал официально употребляться в Византии для обозначения легитимного суверенитета Константинополя, в качестве символа верховной власти византийских императоров.[2] С 812 года было два римских императора, несмотря на то, что в теории продолжала существовать одна Римская империя. «Другими словами, — пишет профессор Бьюри, — акт 812 года оживил в теории положение V века. Михаил I и

---

[1] *Theophanes*. Chronographia, ed. C. de Boor, p. 475. Диль отрицает существование этих переговоров: Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 24. В 800 г. Ирине было пятьдесят лет. См.: *J. B. Bury*. Charles the Great and Irene. — Hermathena, vol. VIII, 1893, p. 24. Ирине было 44 года в 794 году. Острогорский сомневается по поводу этих переговоров: Geschichte des byzantinischen Staates, S. 128, Anm. 2.

* В соответствующем месте русской версии (с. 251) описание низложения Ирины гораздо подробнее. Детали этого описания, как видим, в последующие переиздания не попали: «Ирина благосклонно отнеслась к предложению Карла. Но в дело вмешался могущественный в то время патриций Аэций, который, низложив Ирину, отправил ее в ссылку. Планы Карла на брак с Ириной и на соединение под одной властью Запада и Востока не удались.

Может быть, Аэций тем, что воспрепятствовал браку между Карлом и Ириной, спас независимость Восточной империи от западного государя и избавил ее от возможности увидеть на византийском троне представителей фамилии Каролингов».

[2] См.: *F. Dolger*. Bulgarisches Cartum und byzantinisches Kaisertum. — Actes du IVe Congres international des etudes byzantines, Septembre 1934. Bulletin de l'Institut archeologique Bulgare, vol. IX, 1935, p. 61; *G. Bratianu*. Études byzantines d'histoire economique et sociale. Paris, 1938, p. 193.

Карл, Лев V Армянин и Людовик Благочестивый находились в таком же отношении друг к другу, как Аркадий и Гонорий, Валентиниан III и Феодосий II; Римская империя (imperium Romanum) простиралась от границ Армении до берегов Атлантики».[1] Но само собой разумеется, что подобное единство империи было лишь чисто номинальным, теоретическим. Обе империи жили совершенно особой жизнью. К тому же, и сама идея о единстве империи стала забываться на Западе.

Императорское достоинство, приобретенное Карлом для Запада, было недолговечным. Оно во время возникших смут после распадения Карловой монархии стало достоянием случайных лиц и в начале X века совершенно исчезло, чтобы во второй половине этого века снова появиться, но уже в антиисторической и уродливой форме «Священной Римской империи германской нации».

Начиная с 800 года, можно впервые говорить о Восточной Римской империи, что и делает, например, английский византинист Бьюри, который, как было замечено уже выше, озаглавил третий том своей истории Византии, охватывающий события с 802 года, т. е. года низложения Ирины, до начала Македонской династии, «Историей Восточной Римской империи», тогда как первые два тома его истории озаглавлены «История позднейшей Римской империи».*

Итоги деятельности Исаврийской династии

В исторической науке очень высоко ценятся заслуги первых представителей Исаврийского дома, особенно его родоначальника Льва III. Действительно, последний, вступив на престол после периода смуты и безначалия, выказал себя недюжинным полководцем, талантливым администратором и понимающим задачи времени законодателем. Религиозная политика иконоборцев стоит

---

[1] *J. B. Bury.* A History of the Eastern Roman Empire, p. 325. См. также: *L. Halphen.* Les barbares. Des grandes invasions aux conquêtes turques deu X[e] siecle. Paris, 1926, pp. 243—250. Титул «император ромеев» был обнаружен на одной императорской печати VIII века. Ссылаясь на это, Дельгер утверждал, что торжественный титул «император ромеев» встречается часто в официальных документах после 812 года, но не ранее; однако изредка он мог употребляться и ранее этой даты: *F. Dölger.* — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXXVII, 1937, S. 579; *H. Gregoire.* — Byzantion, vol. XI, 1936, p. 482. Обсуждение вопроса в целом есть у Острогорского: Geschichte des byzantinischen Staates, S. 137, Anm. 2.

* Это объясняет одну непоследовательность А. А. Васильева, которую внимательный читатель, возможно, уже заметил. В некоторых примечаниях А. А. Васильев, при ссылках на данную работу, добавляет указание vol. 3, в других примечаниях он этого добавления не делает.

особняком. Но в большинстве трудов иностранных ученых Лев III признается, например, греками «одним из величайших государей Восточной империи, одним из благодетелей человечества»,[1] немцами «одним из величайших людей на императорском троне», ясно понимавшим необходимость «коренной реформы во главе и членах»,[2] «человеком, которому суждено было кровью и железом произвести возрождение империи, великим военным гением».[3] Английский ученый называет дело Льва возрождением Римской империи,[4] а французский историк считает дело исаврийских императоров «одним из самых великих и наиболее достойных уважения усилий, которые когда-либо были сделаны для поднятия материального, морального и умственного уровня народа», и сравнивает их «обширную организационную попытку по степени ее важности с попыткой Карла Великого».[5] Недавно Ш. Диль утверждал, что со времени правления Исаврийской династии начался новый принцип жизни (a new principle of life), который навсегда обогатил мир.[6] В более или менее случайных оценках русских ученых, которые до сих пор, если не считать церковных историков, общей историей исаврийских императоров не занимались, нельзя заметить столь великого их превознесения. Вышедшие три тома Ю. А. Кулаковского * посвящены событиям до иконоборческих императоров. Первый том «Лекций...» С. П. Шестакова, покрывающих этот пе-

---

[1] *C. Paparrigopulo.* Ιστορια τοῦ ελληνικοῦ εθνους, vol. III, p. 467.

[2] *K. Schenk.* Kaiser Leons III Walten im Innern. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. V, 1896, SS. 289, 296.

[3] *H. Gelzer.* Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. Munchen, 1897, S. 960.

[4] *J. B. Bury.* A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395—800). London, 1889, vol. 2, p. 410.

[5] *A. Lombard.* Études d'histoire byzantine: Constantin V, empereur des Romains (740—775). Paris, 1902, p. 169.

[6] *Ch. Diehl* in: Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 26.

* В соответствующем месте исходной русской версии (с. 253) есть несколько слов, очень важных для истории науки. А. А. Васильев в 1917 году писал о выходе четвертого тома «Истории Византии» Ю. А. Кулаковского как о само собой разумеющемся событии: «Не вышедшие еще второй том истории Ф. И. Успенского и четвертый том Ю. А. Кулаковского должны будут начинаться именно с эпохи императоров-иконоборцев». Сопоставление в этой фразе вероятности появления очередного тома сочинения Ф. И. Успенского и Ю. А. Кулаковского может свидетельствовать, что Ю. А. Кулаковский не просто намеревался написать четвертый том своей истории, но и в какой-то мере пытался осуществить этот проект. Как известно, обобщающая работа Ю. А. Кулаковского в своем воплощенном варианте состоит из трех томов. В то же время известно, что первая половина второго тома «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского была в конце концов опубликована в 1927 году.

риод, никаких оценок не содержит. Весьма интересная и свежая оценка антимонастырского и антимонашеского движения [времени иконоборцев] * встречается в «Очерках...» К. Н. Успенского. Ф. И. Успенский заметил: «На Льве Исавре лежит ответственность за довольно грубый способ, с каким тонкий вопрос веры и богопочитания предоставлен был правительством военной и полицейской власти, оскорбившей религиозное чувство народа и делавшей из местного вопроса событие государственной важности».[1]

Признавая выдающуюся энергию и некоторый административный талант первых двух иконоборцев, из которых Лев безусловно спас империю, мы должны, на основании доступного нам исторического материала, воздержаться от преувеличенного их восхваления западными историками. Во всяком случае, их иконоборческая политика, как бы она ни была искренна с их стороны, вызвала в империи на протяжении более ста лет тяжелую внутреннюю смуту, нарушившую нормальную жизнь государства и безусловно его ослабившую. То же иконоборческое движение, уже в его первый период, т. е. в VIII веке, отдалило от Византии Италию, где папа, предав иконоборцев проклятию, обратил свои взоры на запад к франкским правителям, вступил с ними в тесные сношения и этим самым открыл новую, в высшей степени важную эпоху средневековой истории, заложив вместе с тем одно из оснований для будущего разделения церквей. Итак, в исаврийскую эпоху Византия потеряла Среднюю Италию, включая Равеннский экзархат, завоеванный в половине того же VIII века лангобардами и позднее переданный Пипином Коротким папе. Надо оговориться, что настоящая полная история Исаврийской династии еще не написана, и поэтому многие важные вопросы того времени не могут быть еще усвоены с желательной ясностью.

Особого внимания, например, заслуживает вопрос об уменьшении количества монахов и монастырей и о довольно частой, повидимому, секуляризации монастырской земельной собственности. Исследование этой социальной стороны деятельности императоров Исаврийского дома и связи ее с иконоборством является в настоящее время одной из насущнейших, очередных задач византиноведения. Внимательное изучение данного вопроса может и всю так называемую иконоборческую эпоху осветить с новой точки зрения,

---

Приходится признать, что это, видимо, единственное свидетельство современника о научных планах и намерениях Ю. А. Кулаковского. К сожалению, проверить сообщение А. А. Васильева практически невозможно, ибо архив Ю. А. Кулаковского не обнаружен.

* Этих слов в английском тексте нет. Вставка их, однако, представлялась необходимой для правильного построения русской фразы.

[1] *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи. Л., 1927, т. 2, с. 22.

Святая Феофано, первая жена Льва VI Мудрого. Миниатюра из Менология Василия II

открыть в ней еще более глубокий смысл и вскрыть ее общеисторическое значение.

Преемники Исаврийского дома и время Аморийской, или Фригийской, династии (820—867)

Государи с 802 по 867 год и их происхождение. Время с начала IX века до вступления на престол Македонской династии, т. е. до 867 года, рассматривалось обычно историками лишь как переход от эпохи оживления империи при императорах-исаврийцах к блестящей эпохе императоров Македонского дома. Но новейшие исследования показывают, что данный период представляет собой не простой эпилог и гораздо большее, чем пролог; он имеет свое самодовлеющее значение и знаменует новую фазу в византийской культуре.[1]

Происшедшая революция в 802 году свергла императрицу Ирину и возвела на престол Никифора I (802—811). По свидетельству восточных источников, Никифор был арабского происхождения,[2] т. е. происходил от пограничных с империей арабов; вероятно, один из его предков переселился в малоазиатскую область Писидию, где и родился Никифор. Революция, произведенная в пользу последнего, является по своему характеру одним из очень редких примеров в летописях византийской истории. Громадное большинство государственных переворотов в Византии совершалось военными людьми, вождями армии. В лице же Никифора на престол было возведено гражданское лицо, так как он стоял во главе финансового ведомства, т. е. был министром финансов. После того как Никифор в 811 году пал в битве с болгарами, в течение нескольких месяцев того же 811 года правил тяжелораненый в той же войне сын его Ставракий. Но еще до своей смерти он был низложен в пользу куропалата Михаила I, принадлежавшего к греческой фамилии Рангаве и женатого на Прокопии, сестре несчастного Ставракия и дочери Никифора I. Но и Михаил I царствовал недолго (811—813). Он был низложен, особенно ввиду его неудачной борьбы с болгарами, военачальником Львом, по происхождению армянином, который и известен в истории как Лев V Армянин (813—820). В 820 году Лев V был убит, и на престол был возведен один из начальников гвардии Михаил II (820—829),

---

[1] *J. B. Bury*. A History of the Eastern Roman Empire... p. VIII.

[2] См.: *Tabari*. Annales, III, 2, p. 695; Chronique de Michel le Syrien, trans. J. B. Chabot, III, I, 15; *E. W. Brooks*. Byzantines and the Arabs in the Time of Early Abbasids. — English Historical Review, 1900, p. 743. Ср. также: *Bratianu*. Études byzantines, pp. 187, 191—195 (об общей политике Никифора).

с прозванием «Косноязычный», родом из укрепленного города Амория из малоазиатской провинции Фригии, почему и его династия, давшая трех представителей, называется Аморийской, или Фригийской (820—867). Он был грубым, невежественным провинциалом, проведшим свои молодые годы во Фригии «среди еретиков, евреев и полуэллинизованных фригийцев».[1] Один поздний сирийский источник утверждает даже, что дед Михаила был обращенный еврей.[2] После смерти Михаила II царствовал его сын Феофил (829—842), женатый на знаменитой восстановительнице православия Феодоре, из малоазиатской провинции Пафлагонии. Последним представителем этой династии является их сын, развратный и бесталанный Михаил III (842—867), вошедший в историю с презрительным прозвищем «Пьяница».

Ни об одном византийском императоре не отзывались так плохо в византийской исторической традиции и последующей литературе, как о Михаиле III «Пьянице», «византийском Калигуле». Его невероятное легкомыслие, постоянное пьянство, ужасающее отсутствие благочестия (impiety), отвратительное шутовство и непристойность (scurillity) описывались многократно. В последнее время, однако, А. Грегуар предпринял значительные усилия для восстановления репутации Михаила. Он обращал внимание на многие факты времени Михаила и особенно на энергичную и успешную борьбу с восточными арабами. Он объявил, что этот последний правитель Аморийской династии обладал темпераментом гения и что он на деле начал (inaugurated) триумфальную фазу византийской истории (843—1025).[3] Нельзя идти так далеко, как это делает Грегуар, характеризуя Михаила гением. Однако ввиду того, что он был убит в возрасте 28 лет, может быть, он просто недостаточно прожил, чтобы достаточно показать размах своей энергии. Хотя он обладал некоторыми весьма нежелательными качествами, нужно признать, что он обладал энергией и инициативой и к тому же — и это, пожалуй, даже более важно — ему удавалось выбирать и сохранять рядом с собой талантливых и способных советников и исполнителей. Грегуар справедливо подчеркивал глубокое впечатление, оставшееся в народной традиции и народных песнях, от успешных военных действий Михаила против восточных арабов. Его победа на севере над русскими в 860—861 годах также оставила глубокий след.[4]

---

[1] *J. B. Bury*. A History of the Eastern Roman Empire. London, 1912, vol. III, p. 78.

[2] Chronique de Michel le Syrien, trans. Chabot, III, I, p. 72.

[3] *H. Gregoire*. Du nouveau sur le Patriarche Photius. — Bulletin de la classe des lettres de l'Academie royale de Belgique, vol. XX, 1934, pp. 38—39. Во многих своих статьях А. Грегуар развивает те же идеи.

[4] *A. A. Vasiliev*. The First Russian Attack on Constantinople in 860—861. Cambridge, Mass., 1946.

В малолетство Михаила его мать Феодора в течение четырнадцати лет управляла государством, передав главное руководительство делами своему любимцу Феоктисту. Когда Михаил достиг совершеннолетия, он, приказав убить Феоктиста и постричь в монахини свою мать, начал сам править государством. В этом перевороте главную роль сыграл дядя императора и брат Феодоры Варда, который, быстро достигнув высших званий византийского двора, куропалата и кесаря, стал очень влиятельным во всех правительственных делах. Один арабский посол, имевший аудиенцию у Михаила, оставил интересную зарисовку его полного безразличия к государственным делам. Посол писал: «Я не слышал ни единого слова с его губ со времени моего прихода до ухода. Говорил один переводчик, а император слушал и выражал свое согласие или несогласие движениями головы. Его дядя управлял всеми делами».[1] Варда являл собой тип в высшей степени талантливого человека, с успехом воевавшего с внешними врагами, понимавшего интересы церкви и искренно заботившегося о просвещении. Однако, и Варда был предательски умерщвлен благодаря проискам нового любимца императора, Василия, будущего основателя Македонской династии, об удивительной судьбе которого будет сказано ниже. Василий после убийства Варды был усыновлен бездетным Михаилом и коронован императорской короной. Но такое совместное императорство продолжалось немногим более года. Василий, заподозрив Михаила в злом умысле против него, после одного пира убедил товарищей убить его благодетеля. После этого Василий (в 867 году) сделался единодержавным правителем государства, основав наиболее известную династию в византийской истории.

Таким образом, в период с 802 по 867 год на престоле сидели два араба, т. е. семита; один грек, а именно Михаил I, женатый на дочери Никифора I, т. е. арабке; один армянин и, наконец, три фригийца, можно сказать, полугрека. Впервые на византийском престоле появились представители семитской расы. Итак, и в данный период восточные элементы играли значительную роль в управлении государством.

---

[1] История эта есть у арабского историка Табари — Annales, ed. M. J. de Goeje, III, 1451. Русский перевод: *А. А. Васильев*. Византия и арабы. СПб., 1900, т. I, с. 188, приложение, с. 58. (Во французском издании — *A. A. Vasiliev*. Byzance et les arabes. Paris, 1935, vol. I, pp. 321—322). См. также: *В. Р. Розен*. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, с. 147; *Ch. Diehl, G. Marçais*. Le Monde oriental... Paris, 1936, p. 329, n. 135; *J. B. Bury*. A History of the Eastern Roman Empire. London, 1912, pp. 280—281.

Внешние связи Византийской империи

Арабы и славяне. Восстание Фомы Славянина. В IX веке враждебные отношения между Византией и арабами почти не прекращались. На восточной сухопутной границе эти отношения вылились в форму однообразных, чуть ли не ежегодных столкновений, сопровождавшихся частыми обменами пленных. В пограничной области со стороны мусульман, на протяжении от Сирии до пределов Армении, был устроен ряд укрепленных пунктов, которые должны были служить защитой против нападений византийских войск. Такие же укрепленные города были и со стороны византийской границы. Это был своего рода малоазиатский limes. Сравнительно редко в IX веке столкновения на восточной границе принимали вид настоящих походов вглубь страны. Во всяком случае, по мере постепенного политического упадка и ослабления халифата в IX веке, с его сильными внутренними смутами и с получением в нем преобладающего значения сначала персов, а позднее турок, постоянные нападения мусульман на Византию с востока уже не грозили, как в VII—VIII веках, самому существованию империи; но сосредоточиваясь, большей частью, в близких к границам областях, эти нападения продолжали наносить сильный вред государству, подрывая благосостояние пограничных провинций, уменьшая их податную силу, уничтожая население. Современниками византийских государей в первые три десятилетия IX века были в халифате знаменитые халифы Харун-ар-Рашид (786—809) и Мамун (813—833), при которых персидское влияние получило исключительное преобладание, и арабская национальность должна была отступить на задний план.

Но если на сухопутной границе, за немногими исключениями, византийско-арабские столкновения не привели в данный период к важным результатам для той или другой стороны, то действия мусульманского флота в Средиземном море, повлекшие за собой для Византии потерю острова Крита, большей части Сицилии и ряда важных пунктов в Южной Италии, имели для империи в высшей степени существенное значение.

Одним из интересных моментов арабо-византийских отношений в первой половине IX века является участие арабов в восстании Фомы в царствование Михаила II.

Восстание Фомы, по происхождению славянина, поднятое им в Малой Азии и получившее размеры настоящей междоусобной войны, длившейся более двух лет, должно быть признано центральным событием времени Михаила II. Оно имеет большой интерес с различных точек зрения: с политической, религиозной и социальной.

С политической стороны восстание Фомы интересно тем, что ему удалось привлечь на свою сторону, за исключением войска двух фем, всю Малую Азию. Под его знамена, по свидетельству современного источника, собрались разнообразные жившие в Малой Азии и на пограничном Кавказе народности: родственные Фоме славяне, которые, как было уже замечено выше, образовали в Малой Азии, благодаря переселениям, обширные колонии, персы, армяне, грузины и представители некоторых других кавказских народностей.[1] На стороне Фомы оказалась столь внушительная сила, что халиф Мамун, не задумываясь, вступил с ним в тесный союз, обязуясь помочь ему в свержении Михаила и получив в свою очередь обещание от Фомы уступить ему некоторые пограничные территории Византии. Итак, в лице Фомы император получил в высшей степени опасного и грозного соперника. Восточные арабы, как видно, были очень заинтересованы ходом возникшего движения.

С религиозной стороны восстание Фомы интересно в том отношении, что он, воспользовавшись недовольством большого числа населения против возобновившегося иконоборства, объявил себя сторонником иконопочитания и даже выдавал себя за Константина, сына императрицы Ирины, восстановительницы православия. Этим Фомы также привлек на свою сторону многочисленных приверженцев. Наконец, в восстании Фомы можно заметить и социальную подкладку, так как в это время в Малой Азии, после того как сборщики государственных податей перешли на сторону Фомы, по словам источника, поднялись «арабы на господ»,[2] т. е. поднялись низшие классы против своих притеснителей, землевладельцев-помещиков, в надежде на лучшее будущее. Вспыхнувшая междоусобная война, по словам того же источника, «как бы некие открывшиеся Нильские пороги, затопила землю, не водой, а кровью».[3]

Фома, на сторону которого перешел также флот Эгейского моря, направил свои действия против Константинополя и, без труда справившись с противодействием на пути туда войск Михаила, осадил с суши и с моря столицу. Жившие в европейских провинциях Фраксии и Македонии славяне, после прибытия Фомы на европейский берег, присоединились к нему. Осада Константинополя Фомой продолжалась целый год. Михаил находился в очень трудном положении. Однако ему помогли два обстоятельства: с одной

---

[1] См. письмо императора Михаила западному императору Людовику Благочестивому: *Baronii* Annales ecclesiastici, ed. Theiner, vol. XIV, p. 63; Genesius, Bonn. ed., p. 33.

[2] *Theophanes Continuatus*. Historia, Bonn. ed., p. 53.

[3] Ibid.

стороны, ему удалось нанести поражение флоту Фомы; с другой стороны, неожиданно появившиеся с севера болгары под предводительством своего государя Омуртага разбили сухопутное войско Фомы. После этого Фома уже не мог вернуть себе прежней силы, и дело его было проиграно. Вынужденный бежать, он был схвачен и предан казни. Остатки его приверженцев без труда были уничтожены. Таким образом закончилось в 823 году это сложное, тянувшееся более двух лет восстание, после чего Михаил смог почувствовать себя более или менее твердо на троне.[1]

Для Византии восстание имело довольно важное значение. В лице Фомы потерпела неудачу попытка восстановить иконопочитание. Благодаря неуспеху его восстания халиф Мамун также потерпел неудачу в своих наступательных планах на Византию. Затем, восстание Фомы, по всей вероятности, произвело в Малой Азии серьезные социальные изменения. В VI веке, при Юстиниане Великом, в империи процветала система крупных земельных поместий, обрабатываемых крепостными крестьянами. При императорах Исаврийского дома в VIII веке, по крайней мере, в некоторых местностях, можно отметить противоположное этому явление мелких держаний, мелких крестянских собственников. Между тем в X веке снова появится преобладание крупной земельной собственности. Поэтому на IX век падает процесс преобразования мелких крестьянских держаний в крупные угодья, что и может быть приведено в связь с восстанием Фомы. Последнее, благодаря своей ожесточенности и продолжительности, разорило большинство мелких держателей, не могших более нести тяжестей налогов, и отдало их земли в руки богатых соседей. Это обстоятельство, по мнению некоторых историков, и было одной из важных причин появления в X веке громадных земельных владений, беспокоивших императорскую власть, особенно, как мы увидим ниже, в Малой Азии.[2]

До конца тридцатых годов IX века столкновения Византии с арабами на восточной границе большого значения не имели. Халифат переживал в то время крупные внутренние осложнения, в которые иногда искусно вмешивалось, поддерживая их, византийское правительство. Сын Михаила II Феофил был разбит в Малой Азии в 830 году, однако на следующий год разбил арабскую армию

---

[1] Детальное изложение событий восстания есть в следующих работах: *А. А. Васильев*. Византия и арабы, т. 1, с. 21—43; *idem*. Byzance et les arabes. Paris, 1935, t. 1, p. 22—49; *J. B. Bury*. A History of the Eastern Roman Empire. London, 1912, pp. 84—110; *Ф. И. Успенский*. История Византийской империи. Л., 1927, т. 2, с. 279—292. Издатели французского перевода моей книги говорят, что я считаю Фому армянином. Это не так. Я продолжаю считать его славянином.

[2] *G. Finlay*. History of Greece, ed. H. Tozer. Oxford, 1877, t. 2, p. 133; *J. B. Bury*. A History of the Eastern Roman Empire. London, 1912, p. 110.

пограничных войск и за свой успех получил блистательный триумф в Константинополе.[1] Последующие годы были для Феофила не очень успешными. Один арабский историк даже говорит о том, что Мамун думал о полном подчинении империи.[2] Феофил послал к Мамуну миссию с предложениями о мире, однако в 833 году. Мамун умер и его сменил его брат Мутасим. В течение первых лет правления последнего враждебные действия были приостановлены. В 837 году Феофил начал наступление, оказавшееся очень успешным. Он захватил и сжег крепость Запетру и занял некоторые другие места. За это он получил триумф, который был повторением пышного зрелища и церемониала, ждавшего его шесть лет назад.[3] В 838 году, однако, Мутасим снарядил большую армию, которая проникла далеко вглубь Малой Азии и, после долгой осады, заняла важный укрепленный город Аморий во Фригии, место рождения царствовавшей династии, «око и основание христианства», по преувеличенному выражению арабского хрониста. Мутасим думал уже о походе на Константинополь, но полученные им тревожные вести о военном заговоре в тылу вынудили его вернуться в Сирию.[4]

В анналах греческой церкви осада Амория связана с чудесной историей сорока двух знатных пленников-мучеников, которые, в ответ на отказ принять ислам, были отведены на берег Тигра и там обезглавлены. Их тела были брошены в реку, однако они чудесным образом плыли по поверхности воды. Их извлекли оттуда христиане и торжественно похоронили.[5] Аморийская неудача

---

[1] См.: *А. А. Васильев*. Византия и арабы. СПб., 1900, т. 1, с. 82—92; *idem*. Byzance et les arabes. Paris, 1935, t. 1, pp. 103—114; *J. B. Bury*. A History of the Eastern Roman Empire, pp. 254, 472—477. Описание триумфа: *Constantini Porphyrogenitis* De cerimoniis aulae byzantinae, pp. 503—507.

[2] *Yaqubi*. Historiae, ed. M. Th. Houtsma. Leiden, 1883, vol. II, p. 573; *А. А. Васильев*. Византия и арабы, т. 1, приложение, с. 9; во французском издании — p. 274.

[3] *А. А. Васильев*. Там же, с. 113—117; во французском издании — pp. 37—43; *J. B. Bury*. A History of the Eastern Roman Empire, pp. 260—262. Описание триумфа есть у Константина Багрянородного: De cerimoniis... pp. 507—508.

[4] *Tabari*. Annales, III, 1236. Самый подробный рассказ об аморийской кампании именно у Табари — Annales, III, 1236—1256. Анализ событий — *А. А. Васильев*. Византия и арабы, т. 1, с. 30—46; 119—140; во французском издании — pp. 144—177, 294—310. См. также: *J. B. Bury*. A History of the Eastern Roman Empire, pp. 262—272; *J. B. Bury*. Mutasim's March Through Cappadocia in A. D. 838. — JHS, vol. XXIX, 1909, pp. 120—129.

[5] См.: Acta 42 martyrium Amoriensium, ed. V. G. Vasilievsky et P. Nikitin. — Записки Академии наук, VIII сер., т. VII, 2. СПб., 1905, с. 35. Издание содержит греческий текст и детальный комментарий.

страшно повлияла на Феофила, который, потеряв надежду справиться собственными силами с арабами и боясь, очевидно, за столицу, обратился за помощью к западным державам. Его послы появились в Венеции, в Ингельхейме при дворе франкского государя Людовика Благочестивого и даже на далеком западе, в Испании, при дворе омаййадского халифа. Несмотря на эти попытки, западные державы, радушно встретив послов Феофила, помочь ему не смогли.

В течение всего остального периода Аморийской династии, в последние годы правления Феофила и в царствование Михаила III, внутренняя борьба в халифате не давала восточным арабам возможности возобновлять серьезные военные действия против Византийской империи. Было, однако, много случаев, когда византийские войска имели успех в борьбе с арабами. В 863 году Омар, эмир Мелитены, разорил византийский город Амис (Самсун) на берегу Черного моря. Возмущенный тем, что море поставило преграду его дальнейшему продвижению, он, как говорят, подобно Ксерксу, бичевал воду. В том же году, во время своего возвращения, он был перехвачен и окружен византийскими войсками под командованием Петроны. Произошла битва при Посоне (место это точно не локализовано), и арабские войска были практически уничтожены, а Омар убит.[1] Блестящая победа византийского оружия отозвалась на Ипподроме в Константинополе. Специальная песня, сохранившаяся в источниках, прославляла смерть эмира на поле битвы.[2]

Первое русское нападение на Константинополь

Среди почти ежегодных столкновений с арабами, источники неожиданно начинают говорить о первом нападении руссов, т. е. русских, на Константинополь. Сравнительно еще недавно это достопамятное для нас событие было относимо громадным большинством историков к 865 или 866 году и часто приводилось в связи с летописным походом Аскольда и Дира. Но после издания в 1894 году одним бельгийским ученым (Францем Кюмоном) найденной

Деяния дают интересный исторический материал. См.: *J. B. Bury*. A History of the Eastern Roman Empire, pp. 271—272. См. также: *А. А. Васильев*. Греческий текст жития сорока двух аморийских мучеников по рукописи Парижской Национальной библиотеки, № 1534. — Записки Академии наук, VIII сер., т. III, 1898, № 3, с. 16.

[1] *А. А. Васильев*. Византия и арабы, т. 1, с. 199—201; *J. B. Bury*. A History of the Eastern Roman Empire, vol. III, pp. 283—284.

[2] *Constantini Porphyrogenitis* De cerimoniis aulae byzantinae, Bonn. ed., pp. 332—333. См. также: *J. B. Bury*. The Ceremonial Book of Constantine Porphyrogenetos. — English Historical Review, vol. XXII, 1907, p. 434.

им в Брюсселе краткой греческой анонимной хроники это мнение пришлось признать неверным, так как хроника сообщает совершенно точную дату. Руссы подошли к Константинополю на двухстах судах 18 июня 860 года, но потерпели сильное поражение и потеряли много своих кораблей.[1] При этом нелишне вспомнить, что некоторые ученые, еще задолго до появления анонимной хроники, уже сомневались в прежней датировке этого события и путем различных хронологических комбинаций склонялись к 860 году. Так, знаменитый ученый XVIII века в Италии Ассемани относил первое нападение руссов к концу 859 или началу 860 года, о чем позднее ученые совершенно забыли.[2] Вполне независимо от Ассемани наш известный историк церкви Голубинский, еще за четырнадцать лет до издания анонимной Брюссельской хроники, пришел также к убеждению, что данное нападение руссов имело место в 860 или в самом начале 861 года.[3]

Современник последнего события патриарх Фотий называл в своей проповеди нападение руссов, этого «скифского грубого и варварского народа», «варварским упорным и грозным морем», «северной и страшной грозой».[4]

Борьба с западными арабами

Одновременно с военными столкновениями на востоке шла упорная борьба империи с западными арабами. Северная Африка, с большим трудом завоеванная арабами в VII веке, очень быстро освободилась от власти восточных халифов, так что после 800 года, например, аббасидские халифы уже не оказывали никакого влияния на страны к западу от Египта, где в Тунисе образовалась с 800 года сильная самостоятельная династия Аглабитов, владевшая большим флотом.

Византийские владения в Средиземном море подвергались со стороны арабов серьезной опасности. Уже в самом начале IX века, при императоре Никифоре I, африканские арабы помогали жившим в Пелопоннесе славянам во время их восстания и осады города Патр (Патраса). В царствование Михаила II Византия потеряла важный в стратегическом и торговом отношении остров Крит, захваченный арабскими выходцами из Испании, нашедшими убежище сначала в Египте и оттуда уже переправившимися на Крит.

---

[1] Anecdota Bruxellensia. I. Chronique byzantines du Manuscrit 11376. Ed. F. Cumont. Bruxelles, 1894.

[2] *J. B. Assemani.* Calendaria Ecclesiae Universae. Romae, 1755, vol. I, pp. 240—241; Romae, 1755, vol. IV, p. 9.

[3] *Е. Е. Голубинский.* История русской церкви. М., 1901, т. 1, с. 21—22.

[4] Photii in Rossorum incursionem Homiliae, I—II; Lexicon Vindobonense, ed. A. Nauck, pp. 201, 209, 221.

Арабский предводитель основал на острове новый город, окруженный глубоким рвом, по-арабски хандак, откуда и произошло другое название острова Кандия.[1] Со времени завоевания острова арабами Крит сделался гнездом пиратов, грабивших и разорявших острова Эгейского моря и прибрежные местности и наносивших этим большой ущерб политическим и экономическим интересам империи.

Еще ощутительнее для Византии была потеря Сицилии. Последняя уже в VII и VIII веках подвергалась иногда арабским нападениям, не имевшим серьезного значения. Но в эпоху Аморийской династии обстоятельства изменились. В конце правления Михаила II в Сицилии поднял восстание и был провозглашен императором Евфимий. Однако, убедившись, что собственными силами ему нельзя будет справиться с правительственными войсками, Евфимий призвал к себе на помощь в Сицилию африканских арабов. Последние, прибыв в Сицилию, начали овладевать островом. Евфимий между тем был убит сторонниками императора.[2] С точки зрения итальянского историка Габотто, Евфимий был мечтателем, идеалистом, мужественным борцом за независимость своей страны и продолжателем традиционной политики создания в Италии независимого государства «Римской итальянской империи» (Impero romano italiano). Характеристика Евфимия, даваемая Габотто, не подтверждается источниками.[3] Арабы укрепились в Панорме (Палермо) и постепенно заняли большую часть Сицилии, включая Мессину, так что к концу правления Аморийской династии из всего большого количества сицилийских городов, только Сиракузы остались в руках христиан. Естественным переходом для арабов из Сицилии было продвижение их в византийские владения в Южной Италии.

Аппенинский полуостров оканчивается на юге двумя полуостровами, из которых юго-восточный в древности назывался Калаб-

---

[1] Не ясно, был ли Крит завоеван арабами в 823 или 825 году. См.: *А. А. Васильев*. Византия и арабы, т. 1, с. 45—53 (о дате — с. 49, прим. 1); во французском издании — с. 49—61; *J. B. Bury*. A History of the Eastern Roman Empire, pp. 287—291. Брукс, в весьма важной с точки зрения критического подхода к источникам статье, относит завоевание к 828 году. *E. Brooks*. The Arab occupation of Crete. — English Historical Review, vol. XXVIII, 1913, p. 432.

[2] По поводу восстания Евфимия см.: *F. Gabotto*. Eufemio il movimento separatista nella Italia bizantina. Torino, 1890. См. также: *А. А. Васильев*. Византия и арабы, т. 1, с. 56—75; во французском издании — pp. 294—302, 478—480.

[3] *F. Gabotto*. Op. cit., pp. 6—7; *А. А. Васильев*. Ук. соч., с. 73—74 (в русском издании); p. 85 (во французском издании); см. также: *M. Amari*. Storia dei musulmani di Sicilia. Catania, 1933, vol. I, p. 412.

рией, а юго-западный — Бруттиумом. В византийское время в этих названиях происходит перемена. С середины VII века название Бруттиум становится все менее и менее употребительным и заменяется названием Калабрии, которое стало таким образом обозначать оба полуострова. Одним словом, под Калабрией стали разуметь совокупность византийских владений в Южной Италии вокруг Тарентского залива.[1]

Политическое положение Италии в IX веке представляется в таком виде. Византия удерживала за собой Венецию, большую часть Кампании с герцогством Неаполитанским и другими герцогствами и два южных полуострова. Венеция и Кампания находились лишь в некоторой зависимости от Византии, имея автономное управление. Юг Италии был прямо подчинен империи. Большей частью Италии владели лангобарды, которые в конце VII века, в лице герцога Беневентского, завоевали у Византии Тарент, т. е. дошли до берега Тарентского залива, и этим отрезали друг от друга оба византийских южных полуострова. С тех пор последние могли сообщаться между собой исключительно морем. После итальянских завоеваний Карла Великого и его коронования в Риме весь Аппенинский полуостров, за исключением византийских владений, перешел формально в руки западного императора. В действительности же власть его не заходила южнее границ папского государства и Сполетского герцогства. Герцогство Беневентское осталось самостоятельным.

В связи с постепенным завоеванием Сицилии арабский флот начал производить нападения на итальянское побережье. Взятие арабами Тарента при Феофиле сразу явилось серьезной опасностью для византийских южноитальянских владений. Прибывший на помощь императору в Тарентский залив венецианский флот потерпел сильное поражение. Между тем арабы хитростью захватили на восточном берегу полуострова укрепленный важный город Бари, откуда стали производить дальнейшие завоевания внутри страны. Прибывший туда с войском западный император Людовик II потерпел неудачу и должен был отступить. С другой стороны, арабские пираты в сороковых годах IX века появились в устьях Тибра, угрожая Риму, и, завладев богатой добычей, удалились. Во время этого нападения особенно пострадали римские базилики св. Петра и Павла, находившиеся за городскими стенами.

Подведя итоги арабо-византийским отношениям за время Аморийской династии, мы должны признать, что на западе Византия понесла крупные неудачи. Она потеряла Крит и Сицилию, — пер-

---

[1] *J. Gay*. L'Italie meridionale et l'empire byzantin depuis l'avenement de Basile Ier jusqu'a la prise de Bari par les normands, 867—1071. Paris, 1904, pp. 5—6.

вый до 961 года, а вторую навсегда, — и ряд важных пунктов в Южной Италии, хотя в последней арабы в половине IX века и не занимали еще больших сплошных территорий. Иные результаты борьбы с арабами были для императоров Аморийской династии на восточной границе, где империя при них почти целиком смогла отстоять свои пределы; происшедшие незначительные изменения не имели на общий ход дела какого-либо влияния. В этом отношении Аморийская династия имеет немалое значение для империи: на протяжении сорока семи лет она сумела выдержать наступательные действия восточных арабов, иногда очень серьезные, как например, Аморийский поход, и сохранить в общем целостность византийской территории в Малой Азии.

Византия и болгары в эпоху Аморийской династии

В начале IX века в Болгарии сидел на престоле энергичный воитель и внутренний организатор страны Крум, явившийся грозной опасностью для Византии. Император Никифор, чувствуя в нем сильного врага, который мог привлечь на свою сторону славянское население Македонии и Фессалии, переселил туда из других частей империи большое число колонистов. Этой мерой, вызвавшей, судя по источнику, большое раздражение среди переселенцев, император надеялся предотвратить опасность перехода живших там славян к болгарам.[1]

После нескольких столкновений с болгарами Никифор в 811 году предпринял против Крума большую экспедицию, но, будучи завлечен в засаду, потерпел страшное поражение. Сам Никифор пал в битве; его сын Ставракий был тяжело ранен; войско со всеми начальниками было перебито. После известной битвы при Адрианополе в 378 году, где пал император Валент в борьбе с варварами-вестготами, не было до Никифора ни одного случая, когда бы император пал в войне с варварами. Из черепа убитого императора Крум сделал чашу, из которой заставлял пить «болгарских боляр».[2]

В 813 году Крум опять же разбил Михаила I, который двигался против него во главе большой армии: даже части с азиатской границы были сняты для ее укрепления. Однако, численное превосходство византийских войск решающей роли не сыграло. Они были разбиты и обращены в бегство, кончившееся только тогда, когда достигли они стен Константинополя. В том же году, вскоре после провозглашения императором Льва V Армянина, Крум предпринял наступление на Константинополь и осадил его, желая

---

[1] *Theophanes*. Chronographia, ed. C. de Boor, vol. I, p. 486.

[2] Ibid., p. 491; *Cedrenus*. Historiarum compendium, Bonn. ed., vol. II, p. 42.

«вонзить копье в Золотые ворота» (в константинопольской стене), как утверждает один источник.[1] Однако овладеть столицей Круму не удалось. Дальнейшая опасность для Византии временно была устранена благодаря неожиданной смерти Крума.[2]

Еще при жизни Льва V, один из непосредственных преемников Крума, Омуртаг — «одна из самых выдающихся фигур ранней истории Болгарии»,[3] заключил с Византией мирное соглашение по меньшей мере на тридцать лет, одним из главных условий которого было определение границы между двумя государствами во Фракии. Следы этой границы в виде остатков земляных окопов сохранились до наших дней.[4] После заключения мира с болгарами, Лев V отстроил разоренные города Фракии и Македонии. При нем же была возведена в столице новая стена для лучшей защиты города против возможных в будущем болгарских нападений.

После этого в болгарско-византийских отношениях не было никаких выдающихся событий до начала пятидесятых годов IX века, когда болгарский престол перешел в руки Бориса (Богориса, 852—889), с именем которого соединяется известие об обращении Болгарии в христианство.

Христианство было известно в Болгарии еще задолго до Бориса, главным образом благодаря христианским византийским пленным, захваченным болгарами во время войн с империей. Языческие болгарские ханы сурово преследовали «совращенных и совратителей». По словам Ф. И. Успенского, «нет сомнения, что христианство в Болгарии стало распространяться весьма рано... даже в VIII веке при дворе князей были христиане. Борьбой между христианской и языческой партией объясняются многие смуты в болгарской истории и частая смена ханов».[5]

Обращение Бориса в христианство обусловливалось преимущественно политическими условиями страны, которые заставляли его искать теснейшего сближения с Византией. Греческое духовенство отправилось в Болгарию для проповеди христианства. Около 864 го-

---

[1] *Theophanes*. Chronographia, ed. C. de Boor, p. 503.

[2] *J. B. Bury*. A History of the Eastern Roman Empire, pp. 339—354; *Ф. И. Успенский*. История Византийской империи. Л., 1927, т. 2, с. 259—263; *S. Runciman*. A History of the First Bulgarian Empire. London, 1930, pp. 51—70.

[3] *Ф. И. Успенский*. История Византийской Империи. Л., 1927, т. 2, с. 263.

[4] См.: *J. B. Bury*. The Bulgarian Treaty of A. D. 814 and the Great Fence of Thrace. — English Historical Review, vol. XXV, 1910, pp. 276—287.

[5] См.: Известия Русского археологического института в Константинополе, т. X, 1905, с. 197. См. также: *Ф. И. Успенский*. История Византийской Империи. Л., 1927, т. 2, с. 453.

да царь Борис принял христианскую веру с наречением во святом крещении Михаилом; за ним крестились и его подданные. Непосредственное участие в деле обращения Бориса знаменитых братьев, славянских первоучителей свв. Кирилла и Мефодия не подтверждается достоверными свидетельствами. Итак, Болгария получила крещение из рук византийского духовенства, что для увеличения влияния империи на Балканском полуострове имело немаловажное значение. Борис, однако, видя, что Византия не соглашается дать болгарской церкви полной независимости и хочет сохранить за собой право на руководство духовной жизнью Болгарии, а также опасаясь попасть одновременно и в политическое подчинение империи, решил искать церковного союза с Римом и отправил к папе Николаю I посольство с просьбой прислать латинских священников. Папа с радостью отозвался на эту просьбу. Присланные латинские епископы и священники явились в Болгарию, откуда греческое духовенство было изгнано. Однако торжество папы было непродолжительным: Болгария снова обратилась к греческой церкви. Последнее событие относится уже ко времени Македонской династии.[1]

Хотя отношения между Константинополем и Римом были очень натянуты во время церковных колебаний Бориса, церковного разделения еще не было. Поэтому в его обращениях к греческому и латинскому духовенству нельзя видеть его выбора между православием и католичеством. В те годы официально существовала еще единая вселенская церковь.

Второй период иконоборчества и Восстановление Православия. Разделение церквей в IX веке

Первые государи периода 802—867 годов не являлись сторонниками иконоборчества и поэтому казалось, что иконопочитание, восстановленное Ириной, может постепенно укрепиться и не будет подвергнуто новым испытаниям. Император Никифор придерживался политики религиозной терпимости, сочетавшейся с идеей

---

[1] Последние исследования об обращении Болгарии в христианство: *F. Dvornik.* Les slaves, Byzance et Rome au IX[e] siecle. Paris, 1926, pp. 184—185; *В. Златарски.* История на българската държава през средните векове. София, 1918, т. 1, с. 31—152; *S. Runciman.* A History of the First Bulgarian Empire. London, 1930, p. 104. Со ссылкой на Златарского Рансимен пишет об обращении Болгарии в сентябре 865 года. См. также: *A. Vaillant, M. Lascaris.* La Date de la conversion des Bulgares. — Revue des etudes slaves, vol. XIII, 1933, p. 13 (у этих авторов дата обращения — 864 год); *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи. Л., 1929, т. 2, с. 451—479 (у него обращение относится к 865 году).

временного * господства над церковью. Признавая постановления Никейского собора и победу иконопочитателей, он в то же время не был ярко выраженным иконопочитателем. Подобная терпимая политика Никифора в глазах истинных ревнителей почитания икон граничила с ересью. По всей вероятности, религиозные вопросы интересовали императора весьма незначительно. Они имели для него значение лишь с точки зрения государства. Монашество при нем переживало иногда тяжелые моменты, особенно когда весьма уважаемый и любимый народом патриарх Тарасий был заменен новым патриархом Никифором, который был поставлен волей императора непосредственно из мирян. Этому назначению сильно воспротивился знаменитый Феодор Студит и его последователи студиты,** которые были позднее отправлены в ссылку.

Михаил I Рангаве правил только короткое время (811—813) и был под постоянным влиянием патриарха и монахов. Он был послушным сыном церкви и защитником ее интересов. Во время его правления Феодор и студиты были возвращены из ссылки.

Четверть века прошло с тех пор, как при Ирине было восстановлено иконопочитание. Однако иконоборческое направление продолжало жить в восточных областях Малой Азии и в рядах войска. В 813 году Лев, военачальник, по происхождению армянин, сделался императором. Будучи вынужденным скрывать свои иконоборческие взгляды во времена предшествовавших государей, при которых он пользовался большим влиянием как энергичный и талантливый военачальник, как только он низложил Михаила Рангаве и укрепил свое положение на престоле, стал проводить открыто свою иконоборческую политику. Источник вкладывает в уста императора такие слова: «Вы видите, что все государи, которые признавали иконы и поклонялись им, умерли или в изгнании, или на войне. Только не почитавшие иконы (государи) умерли своей смертью на престоле и, будучи с почетом перенесены в императорские усыпальницы, были погребены в храме Апостолов. Я также хочу им подражать и уничтожить иконы, чтобы после долгой жизни моей и моего сына царство наше удержалось до четвертого и пятого поколения».[1]

Иконоборческим мероприятиям Льва V со всей решимостью воспротивился патриарх Никифор, который позже был низложен

---

* Здесь интересно отметить изменение взглядов А. А. Васильева. В соответствующем месте русской версии (с. 266) сказано: «и господства государства над церковью».

** В соответствующем месте русской версии (с. 267) есть одно уточнение, не включенное А. А. Васильевым в последующие издания. Оно, между тем, важно: «Однако светская власть взяла верх».

[1] Scriptor incertus de Leone Bardae filio. Bonn. ed., p. 349

Святой Афанасий. Основатель Лавры на Афоне. Настенная живопись XVI века церкви Лавры

императором. Ранг первосвященника Константинополя был возложен на Феодота, который был в полном согласии с религиозной политикой Льва. В 815 году второй иконоборческий собор собрался в храме Св. Софии в Константинополе. Акты этого собора были уничтожены после восстановления почитания икон, но постановление собора сохранилось в одном из апологетических сочинений патриарха Никифора и было опубликовано.[1]

Собор, «укрепив и утвердив услышанное Богом учение святых отцов и следуя шести Вселенским соборам», «осудил несогласное с преданием или, еще вернее, бесполезное производство икон и поклонение им, предпочитая этому служение в духе и истине». Указав далее на то, что во время правления, перешедшего от мужчины к женщине, т. е. Ирине, «благодаря женской простоте», было восстановлено почитание «бездушного дерева», «бездушных икон», возжигание перед ними свечей и курение благовоний, собор запретил «не имеющее за собой никакого основания производство лжеименных икон католической * церкви», отменил поклонение иконам, установленное патриархом Тарасием, и осудил возжигание свечей и светильников и приношение благовоний. В конце своего определения собор 815 года, подтвердив иконоборческий собор 754 года, и еще раз провозгласив запрещение поклоняться иконам и бесполезность их производства, «воздержался от названия их идолами: ибо одно зло отличается от другого».[2] Итак, собор 815 года, восстановив в общем решения предыдущего иконоборческого собора, высказал, однако, сравнительно с последним, некоторую умеренность. Недавно, однако, было выдвинуто мнение, что второй период иконоборчества, особенно при Льве V и Феофиле, не был ни более умеренным, ни более терпимым, чем при Льве III и Константине V, но «только интеллектуально более бедным».[3]

Императоры-иконоборцы второго периода, Лев V Армянин, Михаил II Косноязычный и Феофил, должны были проводить свою политику уже в иных условиях, по сравнению с теми, что преобладали в первом периоде. Второй период длился только около

---

[1] По поводу этого собора см.: *G. Ostrogorsky*. Geschichte des byzantinischen Bilderstreites, SS. 46—60.

* Важно отметить, что до разделения церквей на восточную (православную) и западную (католическую) греческий термин *кафолическая* употреблялся в ином значении, обозначая *вселенскую* христианскую Церковь в целом.

[2] *M. D. Serruys*. Les actes du Concile Iconoclaste de l'an 815. — Melanges d'archeologie et d'histoire, vol. XXIII, 1903, pp. 348—349. Более позднее, но и лучшее издание — у Острогорского: Geschichte des byzantinischen Bilderstreites, SS. 48—51.

[3] *G. Ostrogorsky*. Ibid., S. 56.

тридцати лет (815—843).* Это объясняется отчасти тем, что иконоборцы первого периода настигли, так сказать, иконопочитателей врасплох. Последние не были ни достаточно организованы, ни объединены. Беспощадная борьба против икон заставила их сплотиться, укрепиться в вере, выработать приемы борьбы, собрать весь их догматический и полемический материал. Иконоборцы второго периода встретили поэтому гораздо более сильное сопротивление, чем их предшественники. Борьба для иконоборцев стала гораздо труднее. Особенно упорное противодействие им оказывали игумен Студийского монастыря Феодор и его последователи студиты, убежденные защитники икон, имевшие большое влияние на народ. Мало того, Феодор открыто говорил и писал против вмешательства императорской власти в дела церкви, отстаивая начала церковной независимости и свободы веры. Император, разгневанный взглядами Феодора и его деятельностью, отправил его в дальнюю ссылку. Высланы были и многие из его последователей.

Согласно сохранившимся источникам, которые практически все без исключения враждебны иконоборцам, преследование икон и их почитателей было весьма жестким (severe) во времена Льва V. Эти источники называют мучеников, которые пострадали в это время. С другой стороны, даже самые непримиримые противники Льва V признают, что его деятельность была очень эффективной и искусной по защите империи и мудрой в его административной деятельности. Согласно одному историку, патриарх Никифор, низложенный Львом, «сказал после смерти Льва, что государство ромеев потеряло весьма великого, хотя и нечестивого правителя».[1] Однако другие современники называли Льва «пресмыкающейся змеей» и сравнивали его время с «зимой и густым туманом».[2]

Мнения очень различаются между собой, когда речь заходит о религиозных взглядах преемника Льва, Михаила II. Тогда как одни историки считают его нейтральным, индифферентным человеком, который «стал на дорогу веротерпимости и провозгласившим свободы совести»,[3] другие называют его «убежденным иконоборцем,

---

* Перед этой фразой в соответствующем месте русской версии (с. 268) есть одно уточнение, не включавшееся А. А. Васильевым в последующие издания. Это уточнение представляется важным: «если первый период <иконоборчества> продолжался более пятидесяти лет».

[1] *Genesius*. Regna. Bonn. ed., pp. 17—18. См. также: *Theophanes Continuatus*. Bonn. ed., p. 30.

[2] *А. Доброклонский*. Блаженный Феодор Исповедник, аббат Студийский. Одесса, 1913, т. I, с. 850.

[3] *H. Gelzer*. Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. Munchen, 1897, S. 967; *K. Schwarzlose*. Der Bilderstreit, ein Kampf der griechischen Kirche

хотя и не фанатичным», «решившим поддерживать иконоборческую реформу Льва, гармонировавшую с его личными убеждениями, но в то же время отказавшимся от дальнейшего преследования иконопочитателей».[1] Современный исследователь полагал, что политическая программа Михаила состояла в попытке усмирения религиозного спора, хотя бы путем принудительного замалчивания спорного вопроса, и терпимости к каждой из споривших сторон.[2]

Во всяком случае, несмотря на свои иконоборческие склонности, Михаил не открывал преследований иконопочитателей, хотя, когда Мефодий, ставший впоследствии патриархом Константинопольским, доставил императору послание от папы и взывал к восстановлению иконопочитания, последний был подвергнут жестокому бичеванию и заключению в гробнице. Сравнивая время Льва V и царствование Михаила II, современники употребляли такие фразы: «огонь погас, но дым остался», «с пресмыкающейся змеей еще не был умерщвлен хвост ереси и корчился», «зима прошла, но не наступила совершенная весна» и т. д.[3] При Михаиле скончался знаменитый защитник икон и свободы церкви Феодор Студит.

Феофил, преемник Михаила II и последний иконоборческий император, был человеком хорошо образованным в теологических вопросах, отличавшимся ревностным почитанием Богородицы и угодников и автором нескольких церковных песнопений. В исторической литературе мнения о Феофиле очень противоречивы, начиная от самых отрицательных, до очень хвалебных. С точки зрения иконоборчества царствование Феофила было самым суровым временем во вторую эпоху этого движения. Главным советником и руководителем иконоборческой политики императора был будущий константинопольский патриарх Иоанн Грамматик, ученейший человек своего времени, обвиненный, что часто случалось с просвещенными людьми в Средние века, в чернокнижии и сношении с темными силами. Монахи, среди которых было немало иконописцев, подверглись жестоким преследованиям. Например, руки монаха-иконописца Лазаря были сожжены раскаленным железом. За ревностную защиту икон два брата, Феофан и Феодор, подверглись палочным ударам и выжиганию на их лбах определенных оскорбительных греческих стихов, которые были специально для

---

um ihre Eigenart und um ihre Freiheit. Gotha, 1890, S. 72; *Ф. А. Терновский.* Греко-восточная церковь. Киев, 1897, с. 487.

[1] *Н. Гроссу.* Блаженный Феодор Студийский. Его время, жизнь и творения. Киев, 1907, с. 151.

[2] *А. Доброклонский.* Блаженный Феодор Исповедник, аббат Студийский. Одесса, 1913, т. 1, с. 849.

[3] Там же, с. 850.

этой цели сочинены самим Феофилом. С этих пор они получили прозвание «начертанных».

Однако более критическое рассмотрение сохранившихся источников по Феофилу может заставить историков отказаться от утверждения, что преследования в его время были чрезвычайно суровы. Известий о жестоком обращении с иконопочитателями мало. Дж. Б. Бьюри полагал, что религиозные преследования Феофила не выходили за определенные границы, так как император настаивал на уничтожении икон только в столице и в ближайших окрестностях. Бьюри также полагал, что в течение всего второго периода иконоборчество процветало в Греции, на островах и на побережье Малой Азии. Этот факт не был полностью оценен историками. Английский исследователь также полагал, что только в исключительных случаях император прибегал к суровым наказаниям.[1] Для надлежащей исторической оценки второго периода, периода иконоборческого движения, еще далеко не все сделано и выяснено.

Феодора, супруга Феофила, была ревностной сторонницей иконопочитания и ее религиозные взгляды были хорошо известны ее мужу. Когда Феофил умер в 842 году, Феодора сделалась официальной правительницей государства за малолетством их сына Михаила. Первой задачей Феодоры было восстановить иконопочитание. Очевидно, сила сопротивления иконоборцев была гораздо менее значительной, чем в эпоху первой восстановительницы иконопочитания, так как Феодоре понадобился всего год с небольшим, чтобы созвать собор по данному вопросу для подтверждения ее религиозных устремлений, в то время как Ирина вынуждена затратить семь лет для той же задачи. Патриарх Иоанн Грамматик был низложен с патриаршего престола и константинопольская кафедра была предоставлена Мефодию, который очень пострадал во времена Михаила. Акты собора, созванного Феодорой, не сохранились, однако другие источники показывают, что они подтвердили каноны Никейского собора и восстановили иконопочитание. Когда собор закончил свою работу, в храме Св. Софии была проведена торжественная служба в первое воскресенье Великого поста, 11 марта 843 года. Этот день до сих пор отмечается как Праздник Православия в греческой православной церкви. До недавнего времени истинной датой восстановления иконопочитания, как правило, рассматривался 842 год.[2]

---

[1] *J. B. Bury*. A History of the Eastern Roman Empire, vol. III, pp. 140—141.

[2] См.: *C. de Boor*. Der Angriff der Rhos auf Byzanz. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. IV, SS. 449—453; *А. А. Васильев*. О годе восстановления Православия. — В кн.: *А. А. Васильев*. Византия и арабы. СПб., 1900, т. 1,

На Ближнем Востоке второй период иконоборчества был отмечен публикацией совместного послания в защиту икон за подписями трех восточных патриархов девятого века — Христофора Александрийского, Иова Антиохийского и Василия Иерусалимского.

Подводя итоги всему иконоборческому движению,* можно прийти к таким заключениям: иконоборческая партия черпала свои силы в придворной партии и армии, включая ее ведущих военачальников, некоторые из которых сделались императорами, как Лев III, Лев V и Михаил II. Иконоборческие настроения армии объясняются некоторыми исследователями тем фактом, что большая часть солдат была набрана среди восточных национальностей, по преимуществу армян, которые, как известно, были переселены в большом количестве в западные провинции, в основном во Фракию. Поэтому в своем большинстве войско было настроено иконоборчески по убеждению. Согласно одному исследователю, «на восточных солдат православный культ производил

приложение 3, с. 142—146. Х. Лопарёв утверждал, что восстановление Православия произошло не 11-го марта, а 11-го февраля 843 г.: *Хр. М. Лопарёв.* Агиография VIII—IX вв. как источник по Византийской истории. — Византийское обозрение, т. 2, 1916, с. 172, прим. 1.

* В этом подведении итогов А. А. Васильев не формулирует итоги иконоборчества для государства в целом. В связи с этим здесь хотелось бы привести следующую формулировку: «К последней четверти VIII в. основные цели иконоборчества были решены: материальное положение оппозиционного духовенства было подорвано, его сокровища и часть земель конфискованы, иконы и мощи, служившие объектом поклонения, сопровождавшегося богатыми дарениями верующих, уничтожены, многие монастыри были закрыты, а главное — подверглись разгрому крупные центры сепаратизма. Решена была одновременно и вторая задача иконоборцев — фемная знать была всецело подчинена престолу» (*Г. Г. Литаврин.* Византийская империя во второй половине VII—XII в. — В кн.: Культура Византии. Вторая половина VII—XII вв. М., 1989, с. 23). Среди новых исследований, рассматривающих иконоборческую проблематику, хотелось бы отметить работы американской исследовательницы Дж. Херрин (J. Herrin). В её книге «The formation of Christendom» (Princeton, 1987) рассмотрена история иконоборчества как одного из эпизодов истории развития и становления христианского мира. Анализ автора сводится, правда, к выявлению предпосылок иконоборчества. Во всем остальном следует традиционное изложение фактов. Представляет интерес следующая мысль автора. Поводом для начала иконоборческого движения (и особенно в армии) послужило массовое разочарование византийских солдат и жителей Малой Азии в традиционных святых и их изображениях, не уберегших от поражений в борьбе с арабами (p. 338, 343). См. также ее статью об одном из аспектов возникновения иконопочитания: Женщины и иконопочитание в ранней церкви. — В кн.: Восточно-христианский храм. Литургия и искусство. Редактор-составитель А. М. Лидов. СПб., 1994, с. 81—106).

впечатление чуждой религии, и им казались законными всякие насилия против тех, кого они называли идолопоклонниками».[1] Что же касается придворной партии и высшего духовенства, то гражданские власти и часть епископов меняли, по большей части, свои взгляды не по убеждению, а из-за страха или честолюбия. Население Константинополя и большая часть духовенства были на стороне иконопочитания. Императоры-иконоборцы, талантливые вожди и администраторы, победители арабов и болгар, про некоторых из них даже можно сказать, что они были спасителями христианства* и зарождавшейся западной цивилизации, преследовали иконы не во имя политических целей и амбиций. Они действовали так во имя искреннего убеждения, что работают во благо церкви и христианства. Религиозные реформы этих императоров были в то время губительными для исполнения их мудрых политических решений. Борьба с иконопочитателями привела к большим внутренним неурядицам и ослабила политические силы империи. Борьба эта привела также к разрыву с западной церковью и к постепенному отдалению Италии от Византийской империи. Только политическими причинами можно объяснить политику императоров-иконоборцев по отношению к монахам и монастырям. Очень трудно составить детальное представление о теологической доктрине иконоборцев, так как практически вся литература, касающаяся иконоборческого учения, была уничтожена иконопочитателями.** Однако даже среди иконоборцев были как люди умеренные, так и крайне радикальных позиций. Изображение икон рассматривалось как потенциальный источник двух опасностей: возврата к язычеству или возврата к какой-либо из ересей, осужденных Вселенскими соборами. В связи со вторым периодом иконоборчества важно подчеркнуть, что если в течение VIII века императоры Исаврийской династии всегда поддерживались восточными провинциями Малой Азии, то в IX веке ситуация меняется.

---

[1] *L. Brehier.* La querelle des images. Paris, 1904, p. 40.

* Имеется в виду Лев III. — *Науч. ред.*

** Нельзя, однако, сказать, что это совершенно невозможно. См.: *G. B. Ladner.* The Concept of the Image in the Greek Fathers and the Byzantine Iconoclastic Controversy. — Dumbarton Oaks Papers, vol. 7, 1953; *M. V. Anastos.* The Ethical Theory of Images Formulated by the Iconoclasts in 754 and 815. — Dumbarton Oaks Papers, vol. 8, 1954. Ср. также: *М. Я. Сюзюмов.* Первый период иконоборчества. — В кн.: История Византии. М., 1967, т. 2, с. 55. О трактовке иконоборчества в отечественной историографии советского периода см. также: *З. В. Удальцова.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 87—88. Данная книга, являясь весьма подробным обзором всех направлений советского византиноведения, хорошо показывает, что иконоборчество оставалось почти полностью за рамками внимания исследователей.

Во время второго периода иконоборчества «интерес к иконоборческим идеям начал повсеместно ослабевать. Движение было идейно исчерпанным».[1]

Партия иконопочитателей состояла из населения западных провинций, Италии и Греции, всех монахов и большей части клира, большей части жителей Константинополя, хотя иногда под влиянием обстоятельств они вынуждены были делать вид, что поддерживают иконоборчество, и, наконец, из населения различных других областей империи, таких как острова Эгейского моря и прибрежных провинций Малой Азии. Главной основой теологической доктрины иконопочитателей, развитой такими ее лидерами как Иоанн Дамаскин и Феодор Студит, было Священное Писание. Они рассматривали иконы не только как средство для просвещения народа. Они полагали также, что, благодаря сохранению святости и заслуг первообраза — Христа, Богородицы и святых — иконы обладают чудесной силой.

Иконоборческая эпоха оставила глубокий след в художественной жизни этого времени. Немало прекрасных памятников искусства, мозаик, фресок, статуй, миниатюр было разрушено во время борьбы по поводу икон. Богато украшенные стены храмов были либо покрыты штукатуркой, или новыми орнаментами. «Словом, — пишет Н. П. Кондаков, — в церковной жизни столицы наступило то протестантское запустение, которое рано или поздно должно было вытеснить всю художественную жизнь Византии. Масса образованных и богатых людей перебрались с семьями в Италию, множество монахов основали на громадном пространстве в Южной Италии, а также в Малой Азии и в Каппадокии пещерные обители и скиты, расписанные греческими иконописными мастерскими. Таким образом, греческое искусство и иконопись VIII—IX столетий приходится искать вне Византии, в Малой Азии или же в Южной и Средней Италии».[2] Однако, одновременно с разрушением художественных памятников с изображением Христа, Богородицы и святых, иконоборцы начали создавать новый тип искусства, обратившись к новым сюжетам. Они ввели орнаментику, стали изображать жанровые сцены, такие как изображение охоты, ипподрома, деревьев, птиц и животных. Некоторое количество прекрасных произведений искусства из слоновой кости, эмали и интересных миниатюр дошли до нас от времени иконоборческого движения. В целом художественные тенденции иконоборцев рассматриваются историками как возврат к классическим традициям Александрии и как очень су-

---

[1] *Ф. И. Успенский.* История Византийской империи. Л., 1927, т. 2, с. 358; *G. Ostrogorsky.* Geschichte des byzantinischen Staates. Munchen, 1940, SS. 53, 59.

[2] *Н. П. Кондаков.* Иконография Богоматери. Пг., 1915, т. II, с. 5.

щественная тенденция к реализму и изучению природы.[1] Одним из важных результатов иконоборческой эпохи является исчезновение в восточной церкви скульптурных изображений святых или сцен Священной Истории. Официально ни церковь, ни государство этого не запрещали, так что подобное исчезновение произошло само собой. В этом некоторые историки усматривают частичную победу иконоборцев над неумеренными иконопочитателями.[2]

Иконоборчество отразилось также на византийских монетах и печатях. Один совершенно новый тип монет и печатей развился под влиянием иконоборческих идей в VIII веке. Новые монеты и печати ограничивались иногда только легендами, без каких-либо изображений Христа, Богородицы или святых. Иногда использовался крест или монограмма в виде креста. В целом же на монетах изображали только крест и императорскую фамилию. Человеческие изображения едва ли лучше, чем изображения святых в предшествующие времена. Они совершенно условны.[3] Позже, когда иконопочитание было восстановлено, изображения Христа, Богородицы и святых опять появляются на монетах и печатях.

Иконоборчество отдалило от империи Италию и папство, что явилось одной из основных причин разделения церквей в девятом веке. Коронование Карла Великого папой в 800 году еще более отдалило папу от Византии. Окончательный разрыв произошел во второй половине IX века при Михаиле III, когда в Константинополе разыгралось известное дело Фотия и Игнатия.

Патриарх Игнатий, хорошо известный в свое время рвением в защиту иконопочитания, был низложен, после чего на патриарший престол был возведен светский человек, ученейший муж своего времени Фотий. В Византии тогда образовались две партии: одна за Фотия, другая за Игнатия, который не соглашался добровольно отказаться от патриаршества. Они постоянно анафематствовали друг друга, и их горячие споры заставили Михаила III созвать собор. Папа Николай I, который поддерживал Игнатия, также был приглашен, но послал вместо себя своих легатов. Последние, под влиянием подкупов и угроз, признали низложение Игнатия и избрание Фотия патриархом константинопольским. В противовес этому решению, папа Николай собрал собор в Риме, который предал анафеме Фотия и восстановил Игнатия. Михаил не обратил внимания на постановление римского собора и в резком письме к

---

[1] *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin. Paris, 1925, vol. I, p. 366.

[2] См.: *J. B. Bury.* A History of the Eastern Roman Empire... London, 1912, vol. III, p. 430.

[3] См.: *W. Wroth.* Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908, t. I, p. XCIII; *O. M. Dalton.* East Christian Art. Oxford, 1925, p. 224.

папе заявил, что константинопольская церковь не признает его притязаний на главенство во вселенской церкви. В это же время разыгралась история обращения болгарского царя Бориса в христианство, когда константинопольские и римские интересы также серьезно столкнулись. Созванный в год смерти Михаила (867) собор в Константинополе осудил и предал анафеме папу за его еретическое учение о прибавлении в символе веры filioque и за незаконное вмешательство в дела константинопольской церкви. Папа и патриарх в свою очередь предали друг друга анафеме. Таким образом произошло разделение церквей. В 867 году умер Михаил III, со смертью которого обстановка изменилась: новый император Василий I начал с того, что низложил Фотия и восстановил Игнатия.[1]

Литература, просвещение и искусство

Такое глубокое, сложное и интенсивное общественное движение, каким было иконоборчество, неизбежно должно было вызвать большую литературную активность. К сожалению, однако, литература иконоборцев была почти полностью уничтожена триумфаторами-иконопочитателями. Она известна в наши дни только по маленьким фрагментам, сохранившимся в трудах оппонентов иконоборцев, которые их цитировали с целью опровержения. Можно сказать, соответственно, что практически все сохранившиеся литературные произведения иконоборческого периода представляют только одну точку зрения.

Подобно предшествующему периоду династии Ираклидов, эпоха иконоборчества не имела историков, хотя хронисты этого времени оставили многочисленные сочинения, полезные для правильного понимания византийской хронографии и ее источников и весьма ценные для изучения самого иконоборческого периода. Георгий Синкелл,[2] умерший в начале IX века, оставил Хронографию от сотворения мира до царствования Диоклетиана (284 г. н. э.), каковую он написал во время своего пребывания в монастыре. Хотя это сочинение не проливает свет на иконоборческую эпоху, ибо автор не занимался современными ему событиями, хроника имеет очень большое значение для прояснения некоторых проблем предшествующей греческой хронографии, ибо Георгий использовал такие сочинения.

По настоянию Георгия Синкелла, его Хроника была продолжена в начале того же века его другом, Феофаном Исповедником, влияние которого как хрониста на литературу последующих периодов было весьма большим. Он был непримиримым врагом иконоборцев во

---

[1] О Фотии см. монументальный труд Ф. Дворника: *F. Dvornik*. The Photian Schism. History and Legend. Cambridge, 1948.

[2] Синкелл — высокий церковный титул в Византийской империи.

время второго периода движения. По приказу Льва V Армянина он был арестован и, после нахождения некоторое время в тюрьме, был сослан на один из островов Эгейского моря, где и умер в 817 году. Хроника Феофана посвящена периоду от царствования Диоклетиана, где Георгий Синкелл прервал свое изложение событий, до падения императора Михаила I Рангаве в 813 году. Несмотря на ярко выраженную восточно-православную точку зрения, весьма очевидную в его анализе исторических событий и личностей, несмотря на пристрастный характер изложения, сочинение Феофана весьма ценно не только из-за обширного материала, взятого из ранних источников, некоторые из которых не сохранились, но и в качестве источника современного событиям иконоборческого движения. Его хроника отводит иконоборчеству гораздо больше места, чем это обычно делают византийские хронисты. Сочинение Феофана было излюбленным источником последующих хронистов. Латинский перевод его хроники, сделанный папским библиотекарем Анастасием во второй половине IX века, имел такое же значение для средневековой хронографии на Западе, как греческий оригинал на Востоке.[1]

Другим значительным писателем этого времени был Никифор, патриарх Константинопольский в начале IX века. За свою смелую оппозицию иконоборчеству во времена Льва V Армянина он был низложен и сослан. В своих теологических сочинениях, часть которых остается неопубликованной, Никифор защищает с удивительной силой, основанной на глубоком убеждении, истинность взглядов иконопочитателей. Он опровергает аргументы иконоборцев главным образом в своих трех «Опровержениях невежества и безбожной бессмыслицы нечестивой Маммоны [это имя он применял к Константину V] против спасительного воплощения Слова Господа».[2] С исторической точки зрения, его «Краткая история», которая излагает события от смерти Маврикия в 602 году до 769 года, имеет значительную ценность. Несмотря на тот факт, что, желая дать этому сочинению характер популярного изложения, подходящего для широкого круга читателей, Никифор придал ему несколько дидактический характер, «Краткая история» остается важным источником, ибо она содержит много интересных фактов по политической и церковной истории этого периода. Поразительная схожесть этой «Истории» и сочинения Феофана может быть объяснена тем, что оба использовали один общий источник.[3]

---

[1] О Феофане см. статью Г. А. Острогорского «Theophanes», опубликованную в «Real-Enzyklopadie der klassischen Altertumswissenschaft» (s. v).

[2] См.: PG, vol. C, col. 205 ff.

[3] *R. Blake.* Note sur l'activite litteraire de Nicephore I[er], patriarche de Constantinople. — Byzantion, vol. XIV, 1939, pp. 1—15.

Наконец, Георгий Монах (Monachus) Амартол, также убежденный противник иконоборцев, оставил всемирную хронику от Адама до смерти императора Феофила в 842 году, т. е. до окончательной победы иконопочитания. Это сочинение имеет большую ценность для культурной истории периода, ибо оно содержит много обсуждений проблем, занимавших византийское монашество того времени, в частности: природа самого монашества, распространение иконоборческой ереси и распространение сарацинской веры. Сочинение дает также живую картину устремлений и вкусов византийских монастырей в IX веке. Хроника Амартола послужила основой для позднейших византийских обработок всемирной истории и оказала огромное влияние на начальные шаги развития славянских литератур, особенно русской. Достаточно сказать, что начало русских летописей тесно связано с сочинением Амартола. Рукопись древнерусского перевода Амартола содержит 127 миниатюр, которые еще не полностью изучены и оценены, но имеют очень большое значение для истории русского и византийского искусства XIII века. Эта рукопись является единственной иллюстрированной копией Хроники Амартола, дошедшей до нас.[1] За исключением одного анонимного автора, писавшего об императоре Льве V Армянине,[2] Амартол является единственным хронистом, современным периоду 813—842 годов. Он писал об этом периоде с узкой монашеской точки зрения, используя в основном устные рассказы современников и личные наблюдения. Рукописная традиция сочинения Амартола, которая изменялась и расширялась многократно в последующие столетия, дошла до нас в столь сложной и запутанной форме, что вопрос о подлинном тексте его сочинения является одной из самых сложных проблем византийской филологии. Только в самом начале двадцатого века был опубликован критический текст Амартола.[3] Недавно было опубликовано критическое издание древнерусского перевода Хроники Амартола, дополняющее греческий текст продолжения этой хроники, который послужил основой для славянского перевода.[4]

---

[1] См.: *Д. В. Айналов*. Хроника Георгия Амартола. — В кн.: Compte-rendu du deuxieme Congres international des études Byzantines (Belgrade, 1927). Belgrade, 1929, pp. 127—133.

[2] Про этот важный источник см.: *H. Gregoire*. Un nouveau fragment du Scriptor incertus de Leone Armenio. — Byzantion, vol. XI, 1936, pp. 417—428; *H. Gregoire*. Du nouveau sur la Chronologie byzantine: le Scriptor incertus de Leone Armenio, est le dernier continuateur de Malalas. — Bulletin de classe des lettres de l'Academie Royale de Belgique, vol. XXII, 1936, pp. 420—436.

[3] *Georgius Monachus*. Chronikon. Ed. C. de Boor. Vol. 1—2. Lipsiae, 1904.

[4] *В. М. Истрин*. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг.; Л., 1920—1930, т. 1—3.

Иконоборческая литература была почти полностью уничтожена победителями-иконопочитателями, однако часть актов иконоборческого собора 754 года сохранилась в актах седьмого Вселенского собора. Фрагменты обширного сочинения против почитания икон, написанного Константином V Копронимом, сохранились в трех «Опровержениях» патриарха Никифора. Этот император был автором еще нескольких литературных произведений.[1] Лев V приказал составить общий компилятивный свод, благоприятный иконоборчеству и основывающийся на Библии и отцах церкви. Подобный план был предложен и в ходе иконоборческого собора 754 года. Ни одно из этих сочинений не сохранилось. Некоторое количество иконоборческих поэм сохранилось в сочинениях Феодора Студита. Седьмой Вселенский собор постановил, что вся иконоборческая литература должна быть уничтожена и девятый канон собора звучит следующим образом: «Все детские игры, яростные насмешки и ложные писания, направленные против почитаемых икон, должны быть представлены в константинопольский епископат и там положены с другими книгами еретиков. Кто бы то ни было, уличенный в сокрытии этих книг, будет, если это епископ, священник или дьякон, низложен; если монах или светский человек — отлучен».[2]

Огромное количество литературного материала, посвященного защите иконопочитания, весьма важного в своем влиянии на писания последующих периодов, оставлено человеком, проведшим всю свою жизнь в провинции, которая уже не входила в состав империи. Это — Иоанн Дамаскин, уроженец Сирии, которая была тогда под арабской властью. Он был министром халифа в Дамаске и умер около 750 года в знаменитой палестинской лавре св. Саввы. Иоанн оставил много сочинений в области догматики, полемики, истории, философии, ораторского искусства и поэзии. Его основное сочинение — «Источник Знания», третья часть которого — «Точное изложение православной веры» — является попыткой систематического изложения основных положений христианской веры и догматики. Благодаря этому изложению, Иоанн дал в руки иконопочитателей мощное оружие в борьбе со своими оппонентами, какового они не имели в начальной стадии иконоборческого движения. Позднее, в XIII веке, это сочинение было использовано знаменитым отцом западной церкви Фомой Аквинским в качестве модели для своего труда «Summa Theologiae». Среди полемических сочинений Иоанна Дамаскина мы должны отметить три трактата «против тех, кто недооценивает святые иконы», где автор твердо

---

[1] См.: *G. Ostrogorski.* Studien zur Geschichte des Byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929, SS. 7—14.

[2] *Mansi.* Sacrorum conciliorum... collectio, vol. XIII, p. 430.

и решительно защищает почитание икон. В церковной литературе Иоанн особенно известен своими церковными гимнами, которые в известном отношении более сложны по форме, чем церковные песнопения Романа Сладкопевца, хотя по поэтической силе и глубине веры они относятся к лучшим гимнам христианской церкви. Иоанн был также автором многих прекрасных канонов для церковных праздников о Деве Марии или же в честь пророков, апостолов и мучеников. Особенно торжественна его пасхальная служба, песни которой выражают глубокую радость верующих вследствие победы Христа над смертью и адом. Под пером Иоанна церковные гимны достигли высочайшей точки своего развития и красоты. После него не было заметных писателей в области византийской церковной поэзии.[1]

Имя Иоанна Дамаскина тесно связано также с романом «Варлаам и Иоасаф», который пользовался огромной популярностью на всех языках в течение средних веков. Не представляет сомнения, что основа истории произошла от хорошо известной легенды о Будде. Весьма вероятно, что история является просто версией жизни Будды, воспринятой христианами Востока для собственного использования: автор сам говорит, что история была принесена ему из Индии. В течение Средних веков, вплоть до последнего времени, роман практически единодушно приписывался Иоанну Дамаскину, однако в 1886 году французский востоковед Х. Зотенберг выдвинул некоторые доказательства того, что Иоанн не мог быть автором этого сочинения, и многие согласились с его выводами.[2] Однако в последние годы исследователи, занимавшиеся этим сюжетом, менее уверены и склоняются более к предшествующей точке зрения. Так, если автор статьи об Иоанне Дамаскине, помещенной в «Catholic Encyclopedia» в 1910 году, говорит, что роман «Варлаам и Иоасаф» приписывается ему ошибочно,[3] то издатели и переводчики последних лет полагают, что имя св. Иоанна Дамаскина до сих пор имеет право появляться на титульной странице их изданий.[4]*

---

[1] *M. Jugie*. La Vie de S. Jean Damascene. — Échos d'Orient, vol. XXIII, 1924, pp. 137—161; *O. Bardenhewer*. Geschichte der altchristlichen Literatur. Freiburg, 1932, Bd. V, SS. 51—65.

[2] См.: *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Litteratur, SS. 886—890.

[3] *J. B. O'Conner*. John Damascene. — Catholic Encyclopedia, vol. VIII, 1910, pp. 459—461.

[4] St. John Damascene. Barlaam and Joasaph. With an English translation C. R. Woodward and H. Mattingly. London, New York, 1914, p. XII.

* Вопрос об авторстве Иоанна Дамаскина продолжал обсуждаться и в последующие годы. Атрибуция авторства «Варлаама и Иоасафа» именно Иоанну Дамаскину не бесспорна. В преамбуле текста упоминается поч-

Второй период иконоборчества отмечен активной деятельностью хорошо известного защитника иконопочитания Феодора Студита, аббата известного монастыря в Константинополе, который пришел в упадок при Константине V, но стал оживать при администрации Феодоры. При его руководстве был выработан новый устав для монастырей на основе общей жизни. Интеллектуальные запросы монахов должны были удовлетворяться школой, организованной в монастыре. Монахи должны были упражняться в чтении, в письме, в копировании рукописей, в изучении Писания и сочинений отцов церкви, а также в искусстве сочинения гимнов, которые они пели во время служб.

Будучи одним из крупных религиозных и общественных деятелей в грозный период иконоборчества, Феодор показал свои способности значительного писателя в разных литературных жанрах. Его догматические и полемические сочинения ставили целью разработать фундаментальные положения об иконах и иконопочитании. Его многочисленные проповеди, которые образуют так называемый Малый и Большой Катехизис, оказались наиболее популярными из его произведений. Он оставил также некоторое количество эпиграмм, акростихов и гимнов. Последние нельзя изучать и анализировать подробно из-за того, что некоторые из них до сих пор не опубликованы, тогда как другие появились в ненаучных изданиях, таких как русские богослужебные книги. Его большое количество писем религиозно-канонического и общественного характера весьма ценно для культурной истории своего времени.

Два последних царства этого периода были отмечены творческой деятельностью такой интересной фигуры, как Касия, единственной

тенный монах Иоанн монастыря св. Саввы, который принес эту историю в Иерусалим. Здесь есть одно (но единственное) совпадение с биографией Иоанна Дамаскина. Последний был монахом монастыря св. Саввы. Однако в некоторых латинских рукописях сообщается о том, что история эта была переведена с «индийского» на греческий монахом Евфимием, уроженцем Грузии. Греческие рукописи романа датируются временем не ранее XI века, а до этого времени о произведении упоминаний нет, что же касается грузинских рукописей этого сочинения, то они на несколько столетий древнее. Поэтому весьма вероятно, что прототипом всех христианских версий романа была грузинская версия «Варлаама и Иоасафа», восходящая, в свою очередь, к арабской версии, и далее на восток. Греческий текст, по-видимому, является переводом с грузинского и связь его с Иоанном Дамаскиным является надуманной, даже если просто взять во внимание даты рукописных версий сочинения. См.: [*St. John Damascene*]. Barlaam and Ioasaph. With an English Translation by G. R. Woodward and H. Mattingly. Introduction by D. M. Lang. Cambridge, Mass.; London, 1983, pp. XV—XXXII; см. также: *И. С. Чичуров.* Литература VIII—X вв. — Культура Византии. Вторая половина VII—XII вв. М., 1989, с. 130—131.

талантливой поэтессы византийского времени. Когда Феофил решил выбрать жену, в столице был устроен смотр невест, для которого самые красивые девушки были собраны со всех провинций в Константинополь. Касия была одной из них. Император должен был ходить между рядов девушек с золотым яблоком и протянуть его той, на которой он собирался жениться. Он собирался протянуть его Касии, которая нравилась ему больше других, однако ее несколько смелый ответ на вопрос императора заставил последнего изменить свои намерения, и он выбрал Феодору, будущую восстановительницу православия. Касия впоследствии основала монастырь, где и провела оставшуюся часть жизнь. Сохранившиеся поэмы и эпиграммы Касии отличаются оригинальностью мысли и живостью стиля. Согласно Крумбахеру, который специально занимался ее поэмами, «она была мудрой, но обычной женщиной, в которой сочеталась тонкая чувственность с глубокой религиозностью и полной искренностью, с легкой тенденцией к женскому злословию».[1]

Преследование иконопочитателей, прославленное впоследствии победившей стороной, дало богатый материал для многочисленных житий святых и обеспечило расцвет блистательного периода византийской агиографии.

Во время Аморийской династии был достигнут известный прогресс в области высшего образования в Византии и известное продвижение в разных областях знаний. При Михаиле III его дядя Кесарь Варда организовал высшую школу в Константинополе.[2] Эта школа была расположена во дворце. Там обучали семи основным искусствам по системе, созданной еще во времена язычества и воспринятой позже византийскими школами и Западной Европой. Их обозначают обычно как «семь свободных искусств» (septem artes liberales), разделенных на две группы — тривиум (trivium), включавший в себя грамматику, риторику и диалектику; и квадривиум (quadrivium), включавший в себя арифметику, геометрию, астрономию и музыку. В школе изучали также философию и древних классических писателей. Стремясь сделать образование доступным для всех, Варда объявил, что образование будет бес-

---

[1] *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Litteratur, S. 716. См. также: *J. B. Bury.* A History of the Eastern Roman Empire... London, 1912, vol. III, pp. 81—83.

[2] См.: *F. Fuchs.* Die hoheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig; Berlin, 1926, S. 26. Фукс полагал, что университет Варды был новым учреждением. Рассказ о том, что Лев III сжег университет Константинополя с библиотекой и профессорами является поздней легендой. См.: *L. Brehier.* Notes sur l'histoire de l'enseignement superieur a Constantinople. — Byzantion, vol. IV, 1929, pp. 13—28; vol. III, 1927, pp. 74—75; *F. Fuchs.* Die hoheren Schulen... SS. 9—10 (библиография).

платным. Профессоров университета хорошо оплачивала государственная казна. Знаменитый ученый этого времени Фотий был одним из профессоров университета Варды.

Эта школа стала центром, вокруг которого собирались лучшие умы империи во время следующей эпохи — эпохи Македонской династии. Фотий, первое патриаршество которого приходится на время Михаила III, стал центром литературного и интеллектуального движения второй половины IX века. Исключительно одаренный, со страстной любовью к знанию, он получил прекрасное образование и посвятил затем все свое внимание и энергию обучению других. Его образование было разносторонним, и знания его были обширными не только в области теологии, но также в грамматике, философии, естественных науках, праве и медицине. Он объединил вокруг себя группу людей, которые хотели обогатить свои знания. Фотий, как большинство широко образованных людей в средние века, был обвинен в том, что тратил время на изучение запрещенных наук — астрологии и магии. Легендарная традиция говорит о том, что в молодости он продал душу магу-еврею, [1] и так, согласно, Бьюри «патриарх становится тем самым одним из предшественников Фауста».[2] Как самый ученый человек своего времени, он не ограничивался только преподаванием, но посвящал также значительную часть своего времени литературной деятельности. Он оставил богатое и разнообразное литературное наследство.

Среди сочинений Фотия его «Библиотека», или как ее часто называют «Мириобиблион» («Тысяча книг»), имеет особое значение. Обстоятельства, которые привели к составлению этого сочинения, весьма интересны. Как кажется, в доме Фотия существовало что-то вроде клуба чтения, где круг избранных друзей собирался для того, чтобы читать литературные сочинения самого разного характера — светские и религиозные, языческие и христианские. Богатая библиотека Фотия была в распоряжении его друзей. Уступая их просьбам, он начал записывать обзоры прочитанных ими книг.[3] В «Библиотеке» Фотий приводит отрывки, иногда краткие, иногда очень пространные, из множества книг, также как свои выводы и критические замечания. Здесь масса информации о грамматиках, ораторах, историках, специалистах в естественных науках, докторах, соборах, житиях святых и т. д. Очень большое значение «Библиотеки» Фотия в том, что здесь можно найти фрагменты несохранившихся сочинений. В «Библиотеке» Фотия имеется информация только о прозаиках. Многочисленные другие сочинения Фотия относятся к теологии и грамматике. Он оставил также

---

[1] *Symeon Magister.* De Michaele et Theodora, cap. XXXI, p. 670.
[2] *J. B. Bury.* A History of the Eastern Roman Empire... vol. III, p. 445.
[3] Ibid., p. 446.

много проповедей и писем. В двух своих проповедях он упоминает о первом русском нападении на Константинополь в 860 году, свидетелем которого он был.

По универсальности характера своих знаний и по своей привязанности к изучению древних авторов, Фотий является представителем того интеллектуального направления в Византийской империи, которое проявилось, особенно в столице, с середины IX века. Это движение нашло свое выражение, в частности, в таком событии, как открытие университета Варды, преподаванию в котором Фотий уделял много времени. Со времени жизни Фотия, как результат его влияния, наблюдается тенденция установить более тесные и дружеские связи между светской наукой и теологией. Широта ума Фотия в отношении с другими людьми была такова, что даже исламский правитель (эмир) Крита мог быть его другом. Один из его учеников, Николай Мистик, патриарх Константинополя в X веке, писал в своем письме сыну эмира и преемнику, что Фотий «хорошо знал, что, несмотря на разницу в вере, являющуюся препятствием, мудрость, доброта и другие качества, которые украшают и придают достоинство человеческой природе, привлекают чувства тех, кто любит прекрасное, и вот почему, несмотря на разницу верований, он любил вашего отца, который обладал этими качествами».[1]

Патриарх Иоанн Грамматик, иконоборец, производил впечатление на своих современников глубиной и разнообразием своих знаний. Его поэтому даже обвиняли в колдовстве. Другим значительным человеком этого времени был Лев, известный математик, живший во времена Феофила. Он стал столь знаменит за границей благодаря своим ученикам, что халиф Мамун, весьма заинтересованный в развитии образования, отправил Феофилу личное письмо с просьбой прислать Льва в Багдад на короткое время, говоря, что он воспримет это как дружеский жест и предлагая за это, как говорит традиция, вечный мир и 2000 фунтов золота. Император отказался выполнить эту просьбу. Когда Феофил услышал об этом приглашении, он дал Льву жалованье и определил его государственным преподавателем в одной из константинопольских церквей. В этом случае Феофил обращался с наукой «как если бы это был секрет, необходимый хранить, подобно производству греческого огня. Он полагал, что это плохая политика — просвещать варваров».[2] В последующие годы Лев был избран епископом Фессалоники. Когда во времена Феодоры он был низложен за свои иконоборческие взгляды, Лев продолжал преподавать в Константино-

---

[1] Epistola II (PG, t. CXI, col. 37). См. также: *J. B. Bury*. A History of the Eastern Roman Empire... vol. III, p. 439.

[2] *Theophanes Continuatus*. Historia, Bonn. ed., p. 190. См. также: *J. B. Bury*. A History of the Eastern Roman Empire... pp. 436—438.

поле и стал главой высшей школы, организованной Вардой. Можно, наконец, вспомнить, что апостол славян Константин (Кирилл) учился под руководством Фотия и Льва и до своей миссии к хазарам занимал кафедру философии в высшей школе столицы.

Этот краткий обзор достаточен для того, чтобы показать, что литературная и интеллектуальная жизнь процветала во времена иконоборческого движения. Она, без сомнения, была бы для нас более насыщенной и разнообразной, если бы до нашего времени сохранились сочинения иконоборцев.

В связи с обменом письмами между Феофилом и Мамуном по поводу математика Льва интересно рассмотреть вопрос о взаимных культурных контактах между халифатом и империей в первой половине IX века. Халифат, управлявшийся в это время Харун ар-Рашидом и затем Мамуном, переживал блистательный период, характеризующийся развитием образования и наук. В своем желании соперничать со славой Багдада Феофил построил дворец по образцу арабских моделей. Некоторые свидетельства показывают, что влияние Багдада на Византийскую империю было очень плодотворным (stimulating),[1] однако разрешение этой сложной проблемы выходит за рамки этой книги.

Довольно часто утверждалось, что в области искусства эпоха иконоборчества дала только отрицательные результаты. Верно, что иконоборцы разрушили многие ценные произведения искусства. «Приходится сожалеть об их ярости. Их вандализм обеднил не только те века, в которые он имел место, но также и те, в которые живем мы».[2] Однако, с другой стороны, иконоборческая эпоха внесла новую струю жизни в византийское искусство, обратившись вновь к эллинистическим образцам, особенно александрийским, и введя восточные украшения, заимствованные от арабов, которые те, в свою очередь, заимствовали в Персии. И хотя иконоборцы радикальным образом изгоняли из религиозного искусства изображения Христа, Богородицы и святых, они были терпимы к изображению человеческой фигуры в целом, которое стало в эту эпоху более реалистичным под влиянием эллинистических моделей. Жанровые сцены повседневной жизни стали любимым сюжетом артистов и в целом это было время господства чисто светского искусства. В качестве примера этой тенденции можно привести следующий факт. На месте фрески, изображавшей шестой Вселенский собор, Константин V Копроним приказал поместить портрет своего любимого наездника.

---

[1] *J. B. Bury*. A History of the Eastern Roman Empire... vol. III, p. 438. Ср., однако: *F. Fuchs*. Die hoheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter, S. 18.

[2] *O. M. Dalton*. Byzantine Art and Archaeology. Oxford, 1911, p. 18.

Художественные памятники эпохи, как религиозные, так и светские, почти полностью погибли. Некоторое количество мозаик церквей в Фессалонике (Салонике) могут относиться к этому времени. Целая серия обработанных изделий из слоновой кости, особенно шкатулок из слоновой кости, также может быть отнесена к IX веку. Иллюстрированные рукописи иконоборческой эпохи, иллюстрации которых были сделаны византийскими монахами, свидетельствуют о новом духе, который проник в искусство. С точки зрения пострaничных иллюстраций наиболее интересна Хлудовская Псалтырь. Эта древнейшая из иллюстрированных Псалтырей хранится в Москве.[1] Остается только пожалеть, что существует так мало материала для изучения искусства иконоборческого периода. Многое из сохранившегося материала относится к иконоборческому времени только на основе косвенных данных, без полной в том уверенности.

Вот как оценивает Ш. Диль * значение иконоборческой эпохи по отношению к следующей, второму «золотому веку» византийского искусства — эпохе Македонской династии:

«Именно иконоборческой эпохе второй „золотой век“ византийского искусства обязан в конечном счете своими основными чертами. И речь не идет только об обновлении величия и материальном процветании, каковые императоры-иконоборцы дали монархии и которые позволили их последователям, продолжателям их дела, обеспечить Византии два века силы и блеска. С точки зрения и искусства, к эпохе иконоборчества восходят две взаимоисключающие тенденции, которые характеризуют Македонскую эпоху. Если в эту эпоху существовало имперское искусство, работающее на самодержцев, увлеченное классической традицией, интересующееся портретом, живой моделью и заставляющее ощутить вплоть до религиозного искусства влияние своих основных идей; если, в противоположность этому светскому искусству, существует искусство монашеское, более строгое, более традиционное, более теологическое и если, наконец, комбинация обоих приводит к появлению целой серии прекрасных шедевров, именно в иконоборческой эпохе следует искать плодоносящие зародыши этого чудесного цветения. И поэтому данный период заслуживает особого внимания в истории византийского искусства, как и вследствие того, что этот период дал, так и благодаря тому, что он подготовил в будущем».[2]

---

[1] *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin. Paris, 1925, vol. I, p. 379—381; *O. M. Dalton.* Early Christian Art. Oxford, 1925, p. 309.

* Во втором американском издании (с. 299) цитата из Ш. Диля сокращена. Перевод текста Ш. Диля в данном случае сделан с французского издания (т. I, с. 394).

[2] *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin. Paris, 1925, vol. I, pp. 385—386; *O. M. Dalton.* Byzantine Art and Archaeology. Oxford, 1911, p. 16. См. также: *J. B. Bury.* A History of the Eastern Roman Empire... pp. 429—434.

ГЛАВА 6

Эпоха Македонской династии (867—1081)

История Македонской династии делится на два периода, неравных по значимости и продолжительности. Первый продолжается с 867 по 1025 год — год смерти императора Василия II. Второй — короткий период с 1025 до 1056 года, когда умерла императрица Феодора, последняя представительница этой династии.

Первый период был самым блистательным временем политической истории империи. Борьба на востоке и на севере с арабами, болгарами и русскими увенчалась блистательным успехом византийского оружия во второй половине X и в начале XI века. Это произошло несмотря на отдельные поражения в конце IX и в начале XI века. Этот триумф Византийской империи был особенно велик при Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии. Он достиг своей высшей точки во время царствования Василия II. В то время сепаратистские движения в Малой Азии были подавлены, византийское влияние в Сирии усилилось, Армения была частично присоединена к империи, частично же — приведена в состояние вассальной зависимости; Болгария была преобразована в византийскую провинцию, а Русь, приняв христианство от Византии, вошла в более тесные религиозные, политические, торговые и культурные связи с империей. Это был момент высочайшей силы и славы, когда-либо достигнутый империей. Интенсивная законодательная работа выразилась в публикации гигантского кодекса, Василик. Количество знаменитых новелл, направленных против гибельного роста крупной земельной собственности, интеллектуальное движение вперед, ассоциируемое с именами патриарха Фотия и Константина Багрянородного, добавляют еще больше славы и значения первому периоду Македонской династии.

После 1025 года, когда могущественная фигура Василия II сошла с исторической сцены, империя вошла в период частых дворцовых переворотов и анархии, который привел к смутному времени 1056—1081 годов. С приходом первого из Комнинов, который захватил трон в 1081 году, империя вновь обрела свою силу. Внутренний порядок был восстановлен, и некоторое время интеллектуальная и художественная жизнь еще процветала.

Вопрос о происхождении Македонской династии

Вопрос о происхождении Василия, первого представителя Македонской династии, вызвал в науке ряд разноречивых мнений. Дело в том, что различные источники приписывают ему различное происхождение. В то время как греческие источники сообщают об армянском и македонском происхождении Василия, а армянские — исключительно об армянском происхождении, арабские источники называют его славянином. Отсюда вытекает, с одной стороны, общепринятое название династии Македонской; но, с другой стороны, одни ученые считают Василия армянином, другие, особенно в русской литературе до семидесятых годов XIX столетия, славянином. Большинство ученых видит в Василии армянина, поселенного в Македонии, и считает его династию армянской. Но, так как в Македонии жило много армян и славян, то самое вероятное, принимая во внимание показания арабских источников, видеть в Василии потомка смешанного союза — армяно-славянского.[1] По словам новейшего историка времени Василия, его семья могла быть армянской по своим предкам; но она постепенно, путем браков со славянами, которых много было в этой части Европы (т. е. в Македонии), сильно ославянилась.[2] Итак, если попытаться определить Македонскую династию более точно со стороны ее племенного состава, то правильнее всего называть ее династией армяно-славянской. В последние годы ученые стали придерживаться точки зрения, что Василий родился в македонском городе Хариуполисе.[3]

Судьба Василия, до избрания его на престол, была очень необычна. Явившись никому не известным юношей в Константинополь искать счастья, он обратил на себя внимание придворных своим ростом, громадной силой и умением объезжать наиболее диких лошадей. Слухи об этом дошли до императора Михаила III, который, приблизив его к себе, подчинился вполне своему новому любимцу. Василий вскоре был объявлен соправителем и коронован в храме Св. Софии императорской короной. Однако он жестоко

---

[1] *А. А. Васильев*. Происхождение императора Василия Македонянина. — ВВ, т. 12, 1906, с. 148—163.

[2] *A. Vogt*. Basile I et la civilisation byzantine a la fin du IXe siecle. Paris, 1908, p. 21, note 3. См. также: L'âge et l'origine de l'empereur Basil I (867—886). — Byzantion, vol. IX, 1934, pp. 223—260 (армянское происхождение); *Sirarpie Der Nersessian*. Armenia and the Byzantine Empire. Cambridge, Mass., 1945, p. 20: «армянское происхождение Василия I теперь в основном признается».

[3] *А. И. Пападопуло-Керамевс*. Fontes historae Imperii Trapezuntini. Petropoli, 1897, p. 79. См. также: *N. A. Bees*. Eine unbeachtete Quelle uber die Abstammung des Kaisers Basilios I, des Mazedoniers. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher, Bd. IV, 1923, S. 76.

отплатил своему благодетелю. Заметив, что Михаил начал подозрительно относиться к нему, Василий велел своим людям убить Михаила, после чего сам сделался императором и царствовал с 867 по 886 год. После него правили его сыновья Лев VI Философ, или Мудрый (886—912), [1] и Александр (886—913), переживший на год брата. Сын Льва VI, Константин VII Багрянородный, или Порфирородный (913—959), государь, не имевший никакой склонности к управлению и проводивший почти все свое время за литературной работой в кругу наиболее просвещенных людей своего времени, был вынужден отдать на долгие годы управление государством в руки своего тестя, начальника флота Романа Лакапина (919—944).[2] В 944 году сыновья последнего свергли отца с престола и заточили его в монастырь, но сами в свою очередь были свергнуты в 945 году Константином Багрянородным, который самостоятельно правил после этого с 945 по 959 год. После смерти его сына Романа II (959—963), процарствовавшего всего четыре года, остались вдова его Феофано и два несовершеннолетних сына, Василий и Константин. Феофано отдала свою руку талантливому военачальнику Никифору Фоке, который и был провозглашен императором (Никифор II Фока — 963—969). После насильственной смерти Никифора Фоки на престол был возведен энергичный военачальник, армянин по происхождению, Иоанн Цимисхий (969—976), женатый на Феодоре, сестре Романа II и дочери Константина VII Багрянородного. Только после смерти Иоанна Цимисхия настоящими императорами сделались два сына Романа II, Василий II, прозванный Болгаробойцей (976—1025), и Константин VIII (976—1028). Главное управление государством находилось в руках Василия II, при котором империя достигла высшей степени своего могущества и блеска. С его смертью начинается эпоха упадка Македонской династии. После кончины Константина VIII императором был престарелый сенатор Роман III Аргир (1028—1034), женатый на дочери Константина VIII Зое. После смерти Романа Аргира овдовевшая Зоя, имевшая уже около 56 лет от роду, вышла замуж за своего любовника Михаила Пафлагонянина, который и был, по настоянию Зои, провозглашен императором (Михаил IV Пафлагонянин — 1034—1041). Правление Михаила IV и кратковременное царствование его племянника Михаила V Калафата (1041—1042), двух случайных и ничтожных личностей на престоле, вызвали сильное брожение и острое недовольство в империи. В результате Михаил

---

[1] *A. Vogt.* La jeunesse de Leon VI le Sage. — Revue Historique, vol. CLXXIV, 1934, pp. 389—428.

[2] Весьма высокая оценка личности и деятельности Романа Лакапина дана в книге: *S. Runciman.* The Emperor Roman Lecapenus and His Reign. Cambridge, 1929, pp. 238—245.

Калафат был низложен и ослеплен. В течение менее двух месяцев Византия видела после этого в 1042 году на престоле необыкновенное зрелище: государством управляли две сестры, овдовевшая вторично Зоя и ее младшая сестра Феодора. Однако, Зоя в том же 1042 году вышла в третий раз замуж, и ее новый муж, провозглашенный императором, Константин IX Мономах, правил с 1042 по 1054 год. Престарелая Зоя умерла раньше своего третьего супруга. Отстраненная же от власти ее сестра Феодора пережила Зою и после смерти Константина Мономаха сделалась, наконец, самодержавной правительницей империи (1054—1056). После императрицы Ирины, известной первой восстановительницы иконопочитания в конце VIII и начале IX века, Зоя и Феодора являются в летописях византийской истории вторым и последним примером того, что на престоле восседала женщина, как самодержавная и полновластная василисса, т. е. императрица ромеев. Незадолго до своей смерти Феодора, по настоянию придворной партии, избрала себе в преемники престарелого патрикия Михаила Стратиотика, который после смерти Феодоры в 1056 году и вступил на престол. Со смертью Феодоры окончательно прекратилась династия македонских императоров, занимавшая престол в течение 189 лет.

Внешняя деятельность государей Македонской династии.

Отношения Византии к арабам и к Армении

Главная задача внешней политики Василия I, основателя Македонской династии, заключалась в борьбе с мусульманским миром. Обстоятельства как нельзя более благоприятствовали этому, так как при нем Византия находилась в мирных отношениях на востоке с Арменией, на севере с Русью и Болгарией и на западе с Венецией и западным императором, с которым интересы Византии сталкивались в Италии. Если к этому присоединить внутренние смуты в восточном халифате из-за все возраставшего влияния при арабском дворе турок, отпадение Египта, где в 868 году образовалась самостоятельная династия Тулунидов, междоусобную борьбу североафриканских арабов и трудное положение испанских Омайядов по отношению к местному христианскому населению, то все это еще более уяснит благоприятное положение, в каком находился Василий I для борьбы с восточными и западными арабами.

Однако империя, боровшаяся с арабами почти во все время правления Василия, не смогла использовать благоприятно сложившиеся для нее внешние условия.

Открытые в начале семидесятых годов удачные военные действия на востоке Малой Азии против последователей известной секты павликиан отдали в руки императора их главный город Тефрику и, расширив этим византийскую территорию, поставили Василия

лицом к лицу с восточными арабами. Но столкновения с последними вылились, после нескольких значительных сражений, в форму обычных ежегодных пограничных столкновений, не имевших общего значения и оканчивавшихся с переменным успехом то для одной, то для другой стороны. Тем не менее в результате малоазиатская граница Византии продвинулась значительно на восток.

Гораздо серьезнее были отношения Василия к западным арабам, которые к тому времени владели уже большей частью Сицилии и занимали некоторые важные пункты в Южной Италии. Южноитальянские смуты повлекли за собой вмешательство западного императора Людовика II, который овладел важным городом Бари и с которым Василий заключил союз для общих действий против западных арабов в целях изгнания их из Италии и Сицилии. Но союз не дал желанных результатов и скоро распался. После смерти Людовика жители Бари передали город византийским властям.

Между тем арабы заняли важный в стратегическом отношении остров Мальту, к югу от Сицилии, а в 878 году после девятимесячной осады приступом взяли Сиракузы. Интересное описание осады Сиракуз написано непосредственным свидетелем, монахом Феодосием, который жил там в это время и после падения города был захвачен в плен арабами в Палермо. Он писал, что во время осады голод опустошал город и что жители были вынуждены есть траву, кожу животных, молотые кости, смешанные с водой, и даже трупы. Голод вызвал эпидемию, которая унесла значительную часть населения.[1] После потери Сиракуз, другим важным населенным пунктом, который Византийская империя удерживала, оставался только город Тавромений, или Таормина, на восточном побережье острова. Это был поворотный момент во внешней политике Василия. Его планам общей борьбы с арабами не было суждено реализоваться. Взятие войсками Василия Тарента в Южной Италии и успешное продвижение вглубь страны под начальством талантливого Никифора Фоки в последние годы правления Василия могли служить некоторым утешением после сиракузской неудачи.

В последние годы своей жизни Василий, сделавший уже в начале своего царствования неудачную попытку заключить союз с западным императором против западных арабов, заключил союз, уже в целях борьбы с восточными арабами, с армянским царем Ашотом Багратидом (Багратуни). Но в это время Василия не стало.

Несмотря на потерю Сиракуз и на отсутствие выдающихся успехов в борьбе с арабами вообще, Василию удалось несколько

---

[1] Θεοδοσιου Μοναχοῦ τοῦ γραμματικοῦ επιστολη προς Λεοντα Διακονον περι τῆς αλωσεως Συρακουσης, ed. Hase, pp. 180—181; ed. Zureti, p. 167. См.: *А. А. Васильев*. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902, с. 59—68.

расширить свои пограничные владения в Малой Азии и восстановить утраченное до него значение византийского имени в Южной Италии. По словам новейшего исследователя того времени, «состарившийся Василий мог умереть в мире. Он выполнил как на востоке, так и на западе очень большое военное дело, которое в то же время было делом цивилизаторским; Василий оставил империю более сильной и более уважаемой, чем та, которую он получил».[1]

Если Василий I жил в мире со своими соседями, исключая арабов, то при его преемнике Льве VI Мудром (886—912) дело обстояло иначе. Тотчас по вступлении его на престол началась неудачная для Византии болгарская война, в связи с которой впервые в истории Византии появляются мадьяры (венгры, угры). К концу правления Льва VI у Константинополя стоят русские. Союзная с ним Армения, подвергавшаяся непрестанным арабским нашествиям, не смогла получить ожидаемой от Византии помощи. Вопрос о четвертом браке императора вызывал сильное внутреннее брожение в государстве. Все это указывает на то, что условия борьбы империи с исламом стали сложнее и труднее.

Дела с арабами при Льве VI шли вообще неудачно. Происходившие с переменным успехом военные столкновения на восточной границе не имели важных результатов. На западе мусульмане в самом начале X века овладели городом Регием, на итальянском берегу Мессинского пролива, после чего пролив оказался всецело в руках арабов; а в 902 году они завоевали последний значительный укрепленный пункт византийской Сицилии, Тавромений, или Таормину. С падением последнего центра Сицилия, можно сказать, всецело перешла в руки арабов, так как остававшиеся еще в руках греков небольшие пункты в Сицилии уже не имели никакого значения в дальнейшей истории Византии. Восточная политика Льва VI во вторую половину его царствования нисколько не зависит от отношений к сицилийским арабам.

Начало X века было ознаменовано многочисленными морскими операциями мусульманского флота. Еще в конце IX века критские пираты опустошали побережье Пелопоннеса и острова Эгейского моря. Еще более грозными стали морские нашествия арабов, когда их сильные два флота, сирийский и критский, действовали часто сообща. Особенно известно нападение мусульманского флота, под начальством греческого ренегата Льва Триполитанина, на Фессалонику (Солунь) в 904 году. После упорной осады мусульмане взяли Фессалонику. Однако через несколько дней они с большим

---

[1] См.: *A. Vogt*. Basile Ier empereur de Byzance (867—886) et la civilisation byzantine a la fin du IXe siecle. Paris, 1908, p. 337. См. также: Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 54.

числом пленных и богатой добычей удалились на восток в Сирию. Только после этого бедствия византийское правительство приступило к укреплению Фессалоники. До нас дошел подробный рассказ о завоевании Фессалоники арабами, принадлежащий перу местного священника, Иоанна Камениата,[1] лично пережившего все бедствия осады.

Морские успехи арабов побудили византийское правительство обратить внимание на свой флот, который был значительно улучшен. Но обширная морская экспедиция, предпринятая Львом VI против союзных восточных и критских арабов, потерпела неудачу. Константин Багрянородный, сообщая нам точный состав участвовавшего в этой экспедиции флота, отмечает присутствие в нем семисот русских.[2]

Таким образом, византийская политика по отношению к арабам при Льве VI была в высшей степени неудачна: на западе Сицилия была окончательно потеряна; в южной Италии, после отозвания оттуда выше названного Никифора Фоки, успехи византийского оружия прекратились; на восточной границе арабы, хотя медленно, но все-таки упорно двигались вперед; на море Византия потерпела ряд серьезных неудач.

Несмотря на религиозную вражду с арабами и военные столкновения с ними, в официальных документах встречаются иногда очень дружественные отзывы о них. Так, патриарх Константинопольский Николай Мистик писал «знатнейшему, самому уважаемому и возлюбленному» эмиру Крита, что «две силы всего мира — сила сарацин и ромеев — выделяются и светят как две большие звезды на небесах. И по этой причине мы должны жить сообща, как братья, хотя мы и различаемся в обычаях, привычках и религии».[3] В продолжительное правление Константина VII Багрянородного (913—959) и Романа I Лакапина (919—944) Византия до конца двадцатых годов X века не могла энергично бороться с арабами, так как должна была напрягать все силы на борьбу с Болгарией. Для империи явилось счастьем, что сам халифат в это время переживал эпоху распада, внутренних смут и образования

---

[1] De excidio Thessalonicensi narratio, ed. I. Bekker (в боннском издании «Продолжателя Феофана»), pp. 487—699. См. также: *А. А. Васильев*. Византия и арабы. СПб., 1902, т. 2, с. 141—153; *A. Struck*. Die Eroberung Thessalonikes durch die Sarazenen im Jahre 904. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XIV, 1905, SS. 535—562; *O. Tafrali*. Thessalonique des origines au XIVe siecle. Paris, 1919, pp. 143—156.

[2] De cerimoniis aulae byzantinae, Bonn. ed., p. 651. (vol. II, 44).

[3] Epistola, I (PG, vol. CXI, col. 28). См. также: *J. Hergenrother*. Photius von Constantinopel: Sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma. Regensburg, 1870, S. 600; *А. А. Васильев*. Византия и арабы. СПб., 1902, т. 2, приложение с. 197.

отдельных самостоятельных династий. Можно, однако, упомянуть успешную операцию византийского флота в 917 году, когда пират-ренегат Лев Триполитанский, захвативший в 904 году Фессалонику, был полностью разбит при Лемносе.[1]

После окончания болгарской войны у обоих противников, у империи и арабов, выделились талантливые военачальники. У греков появился доместик Иоанн Куркуас, этот, по словам хрониста, «второй Траян или Велизарий», завоевавший «почти тысячи городов», о котором было даже написано специальное, не дошедшее до нас сочинение.[2] Его талант привел к «новому рассвету на восточной границе», с ним, как кажется, наступил «новый дух в имперской военной политике, дух уверенной агрессии» (confident aggression).[3] Арабы получили энергичного вождя в лице представителя самостоятельной династии Хамданидов, властителя Алеппо в Сирии, Сейф-ад-Даулы, при дворе которого образовался богатый центр литературной деятельности и эпоху которого современники называли «золотым веком». В сороковых годах X века Куркуас одержал целый ряд побед в арабской Армении и взял много городов в верхней Месопотамии. В 933 году им была захвачена Мелитена, а в 944 году город Эдесса вынужден был отдать свою драгоценную реликвию — нерукотворный образ Спасителя (το μανδιλιον), перевезенный с большим торжеством в Константинополь. Это был последний триумф Куркуаса. Успехи эти сделали его «героем момента»,[4] однако его популярность встревожила правительство и он был снят со своего поста. В это время пал Роман Лакапин и на следующий месяц лишились трона его сыновья. Константин Багрянородный стал единственным императором. «Это был конец целой эры. Новые актеры ходили по подмосткам».[5]

Эпоха Романа Лакапина имела большое значение для византийской политики на Востоке. После трех столетий обороны, империя под руководством Романа и Иоанна Куркуаса начала наступление и стала побеждать. Граница была в совершенно ином состоянии по сравнению с тем, как обстояло дело при приходе Романа к власти. Пограничные провинции были относительно свободны от арабских набегов. В течение последних двенадцати лет правления Романа, мусульманские отряды лишь дважды пересекали границу.

---

[1] *А. А. Васильев.* Византия и арабы, т. 2, с. 219.

[2] *Theophanes Continuatus.* Historia, Bonn. ed., pp. 427—428.

[3] *S. Runciman.* The Emperor Romanus Lecapenus and His Reign. A Study of Tenth Century Byzantium. Cambridge, 1929, pp. 69, 135, 241—249.

[4] Ibid., p. 145. Большое количество арабских текстов о Сайф-ад-Дауле есть в книге: *M. Canard.* Sayf ad Daula. Algers, 1934. (Bibliotheca Arabica, publiee par La Faculte des Lettres d'Algers, vol. VIII).

[5] *S. Runciman.* Romanus Lecapenus... p. 146.

Роман утвердил главнокомандующим Куркуаса, «самого блистательного из полководцев, что дала империя для [*грядущих*]* поколений. Он вдохнул новый дух в армии империи и повел их победителями далеко в страну неверных... Иоанн Куркуас был первым в череде великих завоевателей и, как первый, заслуживает высокой оценки. И в этой похвале часть должна быть отдана Роману Лакапину, выбору которого империя обязана его службой и во время правления которого прошли эти славные двадцать лет».[1] Последние годы правления Константина Багрянородного ознаменовались ожесточенными столкновениями с Сейф-ад-Даулой, которые, после нескольких ощутительных для греков неудач, закончились, тем не менее, поражением арабов в северной Месопотамии и переходом византийских войск через Евфрат. В эти годы там отличались византийские вожди Никифор Фока и Иоанн Цимисхий, будущие императоры. Большая новая морская экспедиция, снаряженная против критских арабов, при участии отряда из 629 русских, потерпела полную неудачу, потеряв большую часть своих судов.[2] Однообразные столкновения греков с мусульманами на западе, в Италии и Сицилии, на общий ход событий влияния не имели.

Со времени побед на востоке Иоанна Куркуаса, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, перенесших границу империи за Евфрат, для Византии началась блестящая эпоха побед над мусульманами. По словам французского историка (Рамбо), «все неудачи Василия I были отомщены; дорога была открыта к Тарсу, Антиохии, Кипру и Иерусалиму... Константин мог (перед смертью) радоваться тому, что в его царствование было совершено столько великих деяний за дело Христа. Он открыл как для востока, так и для запада, как для эллинов, так и для франков (т. е. западноевропейских народов) эру крестовых походов».[3]

В кратковременное правление Романа II (959—963) энергичный и талантливый военачальник, известный уже нам Никифор Фока, завоевал остров Крит и тем самым уничтожил гнездо арабских пиратов, наводивших ужас на население островов и побережья Эгейского моря. В возвращенном Крите Византия получила важный стратегический и торговый пункт в Средиземном море.[4] С таким

---

* В английском тексте этого слова нет. Оно добавлено для правильного построения русской фразы.

[1] *S. Runciman.* Romanus Lecapenus... pp. 146—150.

[2] По поводу этой экспедиции см.: *А. А. Васильев.* Византия и арабы. Т. 2, с. 279—286.

[3] *A. Rambaud.* L'Empire grec au dixieme siecle. Constantin Porphyrogenete. Paris, 1870, p. 436.

[4] *A. M. Shepard.* The Byzantine Reconquest of Crete (A. D. 960). (U. S. Naval Institute Proceedings, vol. LXVII, no. 462). Annapolis, 1941, pp. 1121—1130.

же успехом Никифор Фока вел после этого войну на востоке с Сейф-ад-Даулой и после трудной осады даже овладел, правда временно, столицей Хамданидов Алеппо.

Деятельность следующих трех императоров, Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия и Василия II Болгаробойцы, представляет собой блестящие страницы военной истории империи в ее борьбе с исламом.

Никифор Фока во время своего шестилетнего правления (963—969) обратил главное внимание на восток, хотя временами и был отвлекаем оттуда враждебными отношениями к болгарам, осложнившимися еще вмешательством в борьбу русского князя Святослава, и столкновениями в Италии с германским государем Оттоном Великим. На востоке византийские войска, после занятия Тарса, овладели Киликией. В то же время византийскому флоту удалось отвоевать у арабов остров Кипр. В связи с падением Тарса, арабский географ XIII века Йакут сообщает интересную историю, основанную на рассказах беженцев. Согласно этой истории, Никифор Фока велел поднять над стенами Тарса два штандарта в качестве символов: один — «земли ромеев», другой — «земли ислама» и приказал глашатаям объявить, что вокруг первого должны собраться те, кто желают справедливости, беспристрастности, сохранения собственности, семьи, их жизни, их детей, хороших дорог, справедливых законов и хорошего обращения; вокруг же второго — те, кто стремятся к прелюбодеянию, к законам угнетения (opressive legislation), насилию, вымогательству, захвату земель и конфискации собственности.[1]

Обладание Киликией и Кипром открывало Никифору путь в Сирию. После этого он приступил к выполнению своей заветной мечты, — к завоеванию главного города Сирии Антиохии. После подготовительного вторжения в Сирию Никифор осадил Антиохию. Но осада затянулась, так что император, оставив у Антиохии войско, возвратился в столицу. Во время отсутствия Никифора, в последний год его правления (969), византийские войска овладели Антиохией. Главная цель была достигнута. Громадная добыча досталась победителям. «Так была отвоевана христианским оружием, — пишет французский историк (Schlumberger), — великая Антиохия, славный Феуполь (название это дано Юстинианом Великим), древняя соперница Византии на Востоке, город великих патриархов, великих святых, соборов и ересей».[2] Вскоре после этого в руки византийского войска перешел и другой важный

---

[1] *Yaqut*. Geographisches Worterbuch, ed. H. F. Wustenfeld, Bd. III, S. 527. См. также: *В. В. Бартольд*. Ук. соч., с. 476.

[2] *G. Schlumberger*. Un empereur byzantin au dixieme siecle. Nicephore Phocas. Paris, 1890, p. 723.

центр Сирии, Алеппо, резиденция Хамданидов. До нас дошел любопытный текст договора, заключенного между византийским военачальником и владетелем Алеппо.[1] В этом договоре точно определены границы и названия местностей в Сирии, которые или переходили во владение византийского государя, или становились в отношении к нему в вассальную зависимость. Из главных завоеванных пунктов во власть империи перешла Антиохия. Город Алеппо (по-арабски Халеб) становился вассальным. Мусульманское население облагалось определенной податью в пользу Византии. Христиане, живущие в вассальных областях, от всяких налогов освобождались. Правитель (эмир) Алеппо обязан был помогать императору в случае войны последнего с немусульманами в этих областях, давать охрану византийским торговым караванам, вступившим на его территорию. Восстановление разрушенных церквей было гарантировано христианам. Обеспечивалась свобода перехода христиан в мусульманство и мусульман в христианство.

Заключение этого договора произошло уже после смерти Никифора Фоки, павшего от руки убийц в конце 969 года. Можно сказать, что никогда еще мусульмане не подвергались такому унижению, как во время Никифора Фоки. Киликия и часть Сирии с Антиохией были от них отняты, а большая территория признала себя в вассальной зависимости от империи.

Арабский историк одиннадцатого века Йахйа Антиохийский пишет, что мусульманское население было уверено в том, что Никифор Фока мог покорить всю Сирию и все другие провинции тоже. «Военные экспедиции Никифора, — пишет хронист, — стали радостью для его солдат, так как никто на них не нападал и им не сопротивлялся. Он двигался вперед, куда ему хотелось, разрушал, что ему нравилось, не встречая ни мусульманина, ни какого-либо другого человека, который мог бы его остановить или воспрепятствовать ему делать то, что он хочет... Никто не был в состоянии ему сопротивляться».[2] Греческий историк этого времени Лев Диакон писал, что если бы Никифор не был бы убит, то он оказался бы в силах «установить границы их [греческой] империи на востоке в Индии, а на западе — на границе мира», иными словами, по Атлантическому океану.[3]

---

[1] Среди сочинений арабского историка тринадцатого века Камал-ад-Дина. См.: *G. Freytag*. Regnum Saahd-Aldaulae in oppido Halebo. Bonn, 1820, pp. 9—14. Латинский перевод есть в боннском издании истории Льва Диакона (Bonn, 1828, pp. 391—394).

[2] Histoire de Yahia-ibn-Said d'Antioche. Ed. et trad. de I. Kratchkovsky et de A. A. Vasiliev. — Patrologia Orientalis, t. XVIII, 1924, pp. 825—826 (127—128). Отдельное издание (издатель — L. Cheikho): Paris, Beyrouth, 1909, p. 135.

[3] Historiae, V, 4 (Bonn. ed., p. 81).

На западе политика Никифора Фоки была неудачна. При нем последние пункты, принадлежавшие еще в Сицилии Византии, были завоеваны мусульманами. Сицилия на этот раз всецело перешла в их руки. Главной задачей преемника Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия (969—976), было укрепить за империей приобретения в Киликии и Сирии. Первые годы своего правления Иоанн Цимисхий не мог лично участвовать в военных действиях на восточной границе. Война с русским князем Святославом и Болгарией и внутреннее восстание Варды Фоки, провозглашенного императором, требовали со стороны нового государя неустанного внимания. Но война закончилась удачно; восстание Варды Фоки было подавлено. Итальянские недоразумения разрешились бракосочетанием византийской принцессы Феофано с наследником германского престола, будущим императором Оттоном II. Только после этого Иоанн Цимисхий мог обратиться на восток.

Походы его против восточных мусульман были в высшей степени удачны. Особенно поразительным является его последний поход, о котором до нас дошел драгоценный источник в виде письма Иоанна Цимисхия к своему союзнику, армянскому царю Ашоту III, сохранившегося у армянского историка Матфея Эдесского.[1] План этого похода поражает своей смелостью. Император, поставив целью освободить Иерусалим из рук мусульман, предпринял настоящий крестовый поход. Выступив из Антиохии, он завладел Дамаском, после чего, устремившись к югу, вступил в Палестину, где ему добровольно подчинились города Назарет и Кесария; из самого Иерусалима пришла просьба о пощаде. «Если бы жившие там поганые африканцы, — пишет император Ашоту, — испугавшись нас, не укрылись в приморских замках, то мы, с Божьей помощью, побывали бы в святом граде Иерусалиме и помолились бы Богу в святых местах».[2] Но, очевидно, для дальнейшего наступления вперед сил было недостаточно, так что Иоанн Цимисхий, не дойдя до Иерусалима, направился вдоль берега моря к северу, завоевав на пути целый ряд городов. «Ныне, — пишет он с некоторым преувеличением Ашоту, — вся Финикия, Палестина и Сирия освобождены от порабощения мусульманам и признали власть византийских греков».[3] Это письмо содержит, конечно, много преувеличений. При его сравнении с

---

[1] *E. Dulaurier.* Bibliotheque historique armenienne. Chronique de Matthieu d'Édesse. Paris, 1858, pp. 16—24; *Хр. Кучук-Иоаннесов.* Письмо императора Иоанна Цимисхия армянскому царю Ашоту III — ВВ, т. 10, 1903, с. 93—111.

[2] *Dulaurier.* Ibid., p. 20; *Кучук-Иоаннесов.* Там же, с. 98.

[3] *Dulaurier.* Ibid., p. 22; *Кучук-Иоаннесов.* Там же, с. 100.

подлинной информацией, сообщаемой арабским христианским историком, Йахйей Антиохийским, очевидно, что результаты палестинской кампании были гораздо менее значимы. Вероятнее всего, византийская армия недалеко уходила за границы Сирии.[1]

Когда византийское войско возвратилось в Антиохию, император уехал в Константинополь, где и умер в начале 976 года. Одна византийская хроника пишет: «Народы испытывали великий страх перед нападением Цимисхия; он расширил землю ромеев; сарацины и армяне бежали, персы боялись, и отовсюду приносили ему дары и умоляли заключить с ними мир; он прошел до Эдессы и реки Евфрата, и наполнилась земля войсками ромеев; Сирия и Финикия были растоптаны ромейскими конями, и он одержал великие победы; мечь христиан носился (поражал) подобну серпу».[2]

Однако, последняя блестящая экспедиция Иоанна Цимисхия не имела своим результатом присоединения завоеванных областей. Его войска, как было уже отмечено, возвратились в Антиохию, главный опорный пункт византийских военных сил на востоке в конце X века.

При Василии II (976—1025), преемнике Иоанна Цимисхия, общее положение дел в государстве не благоприятствовало энергичной политике на востоке. Грозные для императорской власти малоазиатские восстания Варды Склира и Варды Фоки и продолжавшаяся более тридцати лет болгарская война требовали напряженного внимания со стороны Василия. После подавления вышеназванных восстаний, несмотря на болгарскую войну, император не раз принимал личное участие в борьбе с восточными мусульманами. Сирийским владениям Византии грозила со второны египетского халифа большая опасность. Находившийся в вассальных отношениях к империи Алеппо несколько раз был занимаем враждебными ей войсками. Своими личными, иногда совершенно неожиданными появлениями в Сирии, Василий восстанавливал там византийское влияние. Но каких-либо новых значительных завоеваний в этих областях Василию сделать не удалось. В самом начале XI века между императором и египетским халифом из династии Фатимидов был заключен мир. После этого у Василия II до самого года его смерти серьезных столкновений с восточными арабами не было. Алеппо за это время порвал свою вассальную зависимость от Византии.

Хотя официально между Василием и халифом Хакимом были установлены мирные отношения, последний иногда продолжал политику жестоких преследований христиан, которая, несомненно,

---

[1] См.: *В. В. Бартольд.* Ук. соч., с. 466—467. Он говорит, что весь рассказ о вторжении в Палестину относится к области фантазий.

[2] Georgius Hamartolus Continuator. Ed. E. Murault, p. 865.

очень огорчала (greatly chagrined) Василия как христианского императора. В 1009 году Хаким распорядился разрушить церковь Гроба Господня и Голгофу в Иерусалиме. Церковные святыни и богатства были захвачены (seized), монахи схвачены, а паломники стали подвергаться преследованиям. Йахйа Антиохийский писал, что исполнитель жестокой воли Хакима «стремился разрушить непосредственно Гроб Господен и сравнять его с землей. Он разбил на куски большую его часть и уничтожил его».[1] Испуганные христиане и иудеи толпились в мусульманских государственных учреждениях (thronged the Muslim offices), обещая принять ислам. Декрет Хакима о разрушении храма был подписан его христианским министром.

Василий не сделал ничего явного для защиты преследуемых христиан и их святынь. После смерти Хакима (1021) вновь наступил период терпимости к христианам и в 1023 году патриарх Никифор был послан в Константинополь объявить, что церкви и их собственность были возвращены христианам, что церковь Святого Гроба и все разрушенные церкви в Египте и Сирии восстановлены и что, в целом, христиане во владениях халифа находятся в безопасности.[2] Конечно, эти рассказы о быстром восстановлении храмов за столь короткий период являются преувеличением.

На западе сицилийские арабы производили ежегодные нападения на Южную Италию, и византийское правительство, будучи занято в других местах, ничего не могло предпринять против этого. Вмешательство в итальянские дела родственного византийскому двору германского государя Оттона II, после некоторых успехов, окончилось неудачно, так как арабы нанесли ему сильное поражение. В конце своего правления Василий II задумал обширную экспедицию для обратного завоевания Сицилии, но во время ее подготовки умер.

Начавшееся после смерти Василия смутное время в Византии ободрило мусульман, которые, особенно со стороны Алеппо, перешли в энергичное и успешное наступление. Дело было несколько поправлено молодым и талантливым вождем Георгием Маниаком, которому в начале тридцатых годов XI века удалось овладеть Эдессой и взять там вторую святыню города — апокрифическое письмо Иисуса Христа к Абгару, царю Эдесскому.[3]

---

[1] *В. Р. Розен.* Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, с. 46 (арабский текст), с. 48 (русский перевод). См. также «Анналы Йахйи Антиохийского» в издании Л. Шейхо — p. 196.

[2] См.: *В. В. Бартольд.* Ук. соч., с. 477. Лучший источник здесь — Йахйа.

[3] О первой реликвии Эдессы — чудесном образе Спасителя и его возвращении в Константинополь — см. выше.

После падения этого города император Роман III предложил арабам заключить договор. Первые два условия договора, касающиеся Иерусалима, заслуживают особого внимания. Прежде всего, христиане должны были получить право восстановить все разрушенные церкви, а церковь Святого Гроба должна была быть восстановлена на средства имперской казны. Во-вторых, император должен был иметь право утверждения патриарха Иерусалимского. В результате разногласий по многим пунктам договора, переговоры шли дительное время. Халиф, очевидно, не возражал против первых двух условий. Когда окончательное соглашение было достигнуто в 1036 году, император получил право восстановления церкви Святого Гроба на свои средства.[1] В 1046 году персидский путешественник Насири-Хусрау, который посетил восстановленную церковь, описывал ее как просторное здание, рассчитанное на 8000 человек. Здание, писал он, было сделано с максимальным искусством, с применением разноцветного мрамора, с орнаментами и скульптурой. Внутри церковь была повсеместно украшена живописными изображениями (pictures) и византийской золотой парчой. Легенда, сообщаемая этим персидским путешественником, гласит, что даже император прибыл в Иерусалим, но частным образом, так, чтобы никто не мог узнать его. Перс сообщает: «В дни, когда Хаким был правителем Египта, греческий Кесарь прибыл таким образом в Иерусалим. Когда Хаким получил известия об этом прибытии, он послал за одним из своих виночерпиев и сказал ему: „Есть человек такой-то и такой-то внешности и положения (condition), которого ты найдешь сидящим в мечети Священного Города. Пойди туда и приблизься к нему. Пусть он не думает, что я, Хаким, не знаю о его прибытии, однако скажи ему, чтобы он был в хорошем настроении, ибо у меня нет злых умыслов“».[2]

Попытки империи отвоевать Сицилию, несмотря на некоторые успехи Георгия Маниака, окончились ничем. В сицилийской экспедиции участвовала, между прочим, варяго-русская дружина, бывшая на службе Византии, и знаменитый герой скандинавских саг Гаральд-Гардрад.

Уже с первой половины XI века у Византии на востоке появляется новый враг в лице турков-сельджуков, отношения с которыми разовьются у империи в следующий период ее истории.

Итак, в эпоху Македонской династии, несмотря на смутное время в империи после смерти Василия II (1025), Византия, бла-

---

[1] *Yahya*. Annales, ed. L. Cheikho, pp. 270—271; Ibn-al-Athir, ed. Tornberg, IX, 313. См. также: *В. В. Бартольд*. Ук. соч., с. 477—478.

[2] *Nasir-i-Khusrau*. A Diary of a Journey Through Syria and Palestine. Transl. G. le Strange. London, 1896, pp. 59—60. (Palestine Pilgrim's Society, vol. IV).

годаря Никифору Фоке, Иоанну Цимисхию и Василию II, владела на востоке территорией до Евфрата и северной Сирией с Антиохией. Это был наиболее блестящий момент в истории отношений империи с восточными мусульманами.

Одновременно с мусульманскими делами на востоке в эпоху Македонской династии развивались очень живые и важные события в области отношений империи с Арменией.

Армения с давних пор являлась яблоком раздора еще между римлянами и персами. Их вековая борьба за это государство-буфер привела к тому, что в конце IV века Армения была поделена между соперниками: меньшая западная часть с городом Феодосиополем (теперь Эрзерум) отходила к Римской империи; восточная, более обширная часть Армении отходила к персидским Сасанидам и стала называться на востоке Персармением. «Политическое разделение страны, — пишет Адонц, — на две половины, на восточную и западную, повлекло за собой культурное раздвоение в жизни армянского народа, обусловленное различием государственности византийской и иранской».[1] Юстиниан Великий провел в Армении важные военные и гражданские реформы, имевшие целью уничтожить сохранившиеся еще некоторые местные устои жизни и обратить Армению в обыкновенную имперскую провинцию.

В VII веке арабы, после покорения Сирии и поражения Персии, подчинили Армению, о чем армянские, греческие и арабские источники дают разноречивые сообщения. Армяне, пользуясь обстоятельствами, отвлекавшими по временам арабов от армянских дел, пытались свергнуть новое иго, за что страна их не раз подвергалась жестокому опустошению. В конце VIII века, когда Армения была совершенно разорена арабами, пишет академик Н. Я. Марр, армянские «феодалы подверглись жестокому истреблению, величественные произведения христианского зодчества были разрушены. Словом, плоды всей культурной работы предшествующих веков были сведены на нет».[2]

В середине IX века арабский халиф, нуждаясь в армянской помощи для своей борьбы с Византией, пожаловал армянскому правителю Ашоту из фамилии Багратидов титул «князя князей». Ашот своим управлением на благо страны заслужил общее признание и четверть века спустя, в конце IX века, получил от халифа уже титул царя. Это было новое армянское царство с династией Багратидов. Узнав об этом, византийский император Василий I, незадолго до смерти поспешил воздать новому армянскому царю подобную же честь: он также отправил ему царский венец и

---

[1] *Н. Адонц.* Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, с. 3—4.

[2] *Н. Я. Марр.* Кавказский культурный мир и Армения. — ЖМНП, т. LVII, 1915, с. 313—314. См.: *В. В. Бартольд.* Ук. соч., с. 467.

Афон. Общий вид Большой Лавры

заключил с ним союзный и дружественный договор, называя Ашота в письме своим возлюбленным сыном и уверяя его, что из всех других государств Армения всегда останется его особенно близким союзником.[1] Из вышеизложенного явствует, что Ашот Багратид был нужен как императору, так и халифу в их взаимной борьбе в качестве союзника.[2]

Наступившие после Ашота смуты снова заставили мусульман вмешаться во внутренние дела Армении, и только Ашоту «Железному» в первой половине X века удалось при помощи византийских войск и царя Иверии (Грузии) более или менее очистить страну от арабов.[3] Сам Ашот даже лично отправился ко двору византийского императора Романа Лакапина в Константинополь, где встретил торжественный прием. Ашот II первый принял титул шаханшаха, т. е. царя царей. Ашот III во второй половине X века перенес официальную столицу своего государства в крепость Ани, которая после этого стала постепенно украшаться великолепными постройками и превратилась в богатый культурный центр. До первой мировой войны развалины Ани находились в составе России и долгое время изучались академиком Н. Я. Марром, раскопки которого дали блестящие, в высшей степени важные результаты как для истории Армении и культуры кавказских народов вообще, так и для лучшего уразумения византийского влияния на христианском Востоке в частности.

Новые волнения в Армении, связанные с болгарскими затруднениями Василия II, заставили последнего лично, после подчинения Болгарии, направиться походом в прикавказские страны. Результатом его было присоединение к империи части Армении и приведение другой части в вассальную зависимость. Это новое расширение империи на востоке, сопровождавшееся триумфальным въездом Василия в столицу, было последним военным торжеством, увенчавшим деятельное и славное правление престарелого василевса.[4] В сороковых годах XI века, при императоре Константине IX Мономахе, новая столица Армении, Ани, перешла во власть Византии. Этим был положен конец владычеству Багратидов, пос-

---

[1] *Jean Catholicos*. Histoire d'Armenie. Trad. A. J. Saint-Martin. Paris, 1841, p. 126.

[2] *А. А. Васильев*. Византия и арабы. СПб., 1902, т. 2, с. 83—84; *J. Laurent*. L'Armenie entre Byzance et l'Islam depuis la conquête arabe jusqu'en 886. (Bibliotheque des Écoles Françaises d'Athene et de Rome, vol. CXVII). Paris, 1919, pp. 282—283; *R. Grousset*. Histoire de l'Armenie des origines a 1071. Paris, 1947, pp. 394—397.

[3] Об этом времени см.: *S. Runciman*. Romanus Lecapenus... pp. 125—133; 151—174.

[4] *J. Laurent*. Byzance et les Turcs Seldjoucides dans l'Asie occidentale jusqu'en 1081. (Annales de l'Est publiees par la Faculte des Lettres de l'Uni-

ледний представитель которых, будучи вероломно приглашен в Константинополь, получил во владение от Византии взамен утраченной Армении земли в Каппадокии, денежную пенсию и дворец на Босфоре. Византийская империя была, однако, не в состоянии сохранить свою власть в Армении, население которой было недовольно как административной, так и религиозной политикой империи. Большая часть византийских войск, занявших Армению, к тому же была возвращена и отозвана для защиты Константина Мономаха сперва против восстания Льва Торникия, а затем — от печенегов. Пользуясь подобным положением дел, турки-сельджуки стали вторгаться в Армению и постепенно ее завоевывать.

Взаимоотношения Византийской империи с болгарами и мадьярами

Болгаро-византийские отношения во время Македонской династии имеют чрезвычайно важное значение для империи. Болгария, сделавшаяся при царе Симеоне страшным врагом Византии и угрожавшая даже столице и самой императорской власти, была в начале XI века окончательно побеждена и превратилась в византийскую провинцию.

При первом македонском государе Василии I отношения Византии к Болгарии отличались мирным характером. Тотчас после смерти императора Михаила III начавшиеся переговоры о воссоединении болгарской церкви с греческой пришли к благополучному результату. Сын царя Бориса Симеон был отправлен для получения образования в Константинополь. Подобные дружественные отношения были очень выгодны для обоих государств. Василий мог, не задумываясь о севере, направлять свои силы на борьбу с арабами на восток в глубину Малой Азии и на запад в Италию. Борис, в свою очередь, хранил этот мир, который был нужен ему для внутреннего упрочения своей незадолго перед тем принявшей христианство страны.

После вступления на престол Льва VI (886) мир с болгарами был сразу нарушен из-за таможенных недоразумений, наносивших удар болгарской торговле. Государем в Болгарии был в это время один из самых значительных в ее истории правителей Симеон, получивший, как известно, образование в Константинополе, лю-

---

versite de Nancy, vol. XXVII—XXVIII). Paris, 1913—1914, pp. 16—18. О деталях этой экспедиции в Армению и о взаимоотношениях Василия с Абазгией и Иберией см.: *G. Sclumberger*. L'Épopee byzantine a la fin du dixieme siecle. Paris, 1900, vol. 2, pp. 498—536; *R. Grousset*. Histoire d'Armenie, pp. 547—580.

бознательно перечитывавший, по словам источника, книги древних,[1] оказавший великие культурные услуги своему государству и мечтавший об исполнении обширных политических замыслов на счет Византии. Лев VI, чувствуя себя не в силах оказать должного сопротивления Симеону, так как войска его были заняты борьбой с арабами, обратился за помощью к диким мадьярам, которые согласились сделать неожиданный набег на Болгарию с севера и этим самым отвлечь внимание Симеона от Византии.

Это был очень важный момент в истории Европы. Впервые в конце IX века в международные отношения европейских государств было введено новое племя финно-угорского происхождения — мадьяры (венгры, угры; византийские источники часто их называют турками, а западные источники — аварами).[2]

Это было, по словам К. Грота, «первое выступление мадьяр на боевое поприще на глазах Европы в союзе с одним из самых культурных ее народов».[3] Симеон, потерпевший вначале неудачу в столкновении с мадьярами, сумел тем не менее справиться с обстоятельствами. Выиграв время при помощи переговоров с Византией и привлекши на свою сторону печенегов, Симеон разбил мадьяров, направившихся после этого разгрома на север к местам своего будущего обоснования на среднедунайской равнине. Покончив с мадьярами, Симеон устремился на Византию и после решительной победы над греками дошел, по сообщениям арабских хроник, до стен самого Константинополя. Побежденному императору удалось заключить с Симеоном мир на условии не предпринимать против болгар враждебных действий и ежегодно доставлять Симеону богатые дары.

После взятия и разграбления Фессалоники арабами в 904 году, о чем речь была выше, Симеон возымел намерение овладеть этим городом. Лев VI избавился от этого лишь уступкой болгарам других земель. От 904 года дошел до нас пограничный столб между Бол-

---

[1] *Nicolai Mystici* Epistola XX (PG, t. CXI, col. 133).

[2] Проблема происхождения мадьяров весьма сложна. Трудно определить, были ли они финно-угорского происхождения или тюркского. См.: *J. B. Bury*. A History of the Eastern Roman Empire... vol. III, p. 492; см. также: Cambridge Medieval History, vol. IV, pp. 194—195; *J. Moravczik*. Zur Geschichte de Onoguren. — Ungarische Jahrbucher, Bd. X, 1930, SS. 86, 89; *C. A. Macartney*. The Magiars in the Ninth Century, pp. 176—178 (в сводной библиографии о данной книге информации нет. Путем сопоставления с французской версией, можно установить, что ссылка на работу Макартни появилась при подготовке второго американского издания работы. — *Науч. ред.*). Я не видел книги: *J. Szinnyei*. Die Herkunft der Ungarn. Ihre Sprache und Kultur. Leipzig; Berlin, 1920.

[3] *К. Грот*. Моравия и мадьяры с девятого до начала десятого века. СПб., 1881, с. 291.

гарией и Византией с интересной надписью о договоре между ними.[1] Болгарский историк Златарский так определяет важное значение надписи: «По этому акту все славянские земли в теперешней южной Македонии и южной Албании, которые до того времени все еще находились под властью византийского императора, теперь (т. е. в 904 году) перешли к болгарской державе; другими словами, этим актом Симеон завершил объединение на Балканском полуострове под скипетром болгарского государя тех славянских племен, которые дали окончательную физиономию болгарской народности».[2]

После этого до конца правления Льва VI ни о каких враждебных столкновениях между Болгарией и Византией не слышно.

Со времени смерти Льва VI и до смерти Симеона Болгарского в 927 году Византия находилась почти в непрерывной войне с Болгарией. Симеон совершенно определенно стремился уже к завоеванию Константинополя. Напрасно патриарх Николай Мистик отправлял к нему унизительные послания, написанные «не чернилами, а слезами».[3] Иногда же тот же Николай Мистик, желая устрашить Симеона, грозил ему союзом Византии с Русью, печенегами, аланами и западными турками, т. е. мадьярами (венграми).[4] Но этот заведомо неосуществимый проект союза не оказал на Симеона желаемого влияния. Болгарская армия разбила греков во многих битвах. Греческие потери были особенно значительны в 917 году, когда византийские войска были уничтожены на реке Ахелой около Анхиала (во Фракии). Историк Лев Диакон посетил место битвы в конце X века и писал: «и теперь еще видны кучи костей у Анхиала, где было тогда бесславно перерезано войско ромеев».[5] После битвы при Ахелое путь на Константинополь был Симеону открыт. Однако в 918 году болгарские войска оказались занятыми в Сербии.[6] В 919 году умный и энергичный адмирал

---

[1] *Ф. И. Успенский.* Пограничный камень между Византией и Болгарией при Симеоне. — Известия Русского Археологического института в Константинополе, т. 3, 1898, с. 184—194.

[2] Рассказы о болгарах в Хронике Симеона Метафраста и Логофета. — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, т. XXIV, 1908, с. 160. См. также: *В. Н. Златарски.* История на българската държава през средните векове. София, 1918, т. 1, с. 339—342.

[3] *Nicolai Mystici* Epistola V (PG, t. CXI, col. 45).

[4] Ibid., XXIII (PG, t. CXI, col. 149—152).

[5] Historiae, VII, 7. (Цитируется по русскому изданию: *Лев Диакон.* История. Пер. М. М. Копыленко, ст. М. Я. Сюзюмова, комм. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. Отв. ред. — Г. Г. Литаврин. М., 1988, с. 65. — *Науч. ред.*)

[6] По поводу Сербии и Византии в первой половине десятого века см.: *C. Jireček.* Geschichte der Serben. Gotha, 1911, Bd. I, SS. 199—202; *F. Sišic.*

Роман Лакапин стал императором. Тем временем болгары продолжили свой путь на юг до Дарданелл,[1] и в 922 году взяли Адрианополь (Одрин). Затем их войска проникли, с одной стороны, в Среднюю Грецию, с другой — подошли к стенам Константинополя, который в какой-то момент попробовали захватить. Императорские загородные дворцы были преданы пламени. Симеон сделал даже попытку вступить в сношения с африканскими арабами для совместной осады столицы. За исключением Константинополя и Солуни вся Фракия и Македония находились в руках болгар. Во время раскопок, произведенных Русским Константинопольским Археологическим институтом около деревни Абобы, в северо-восточной Болгарии, были открыты колонны с наименованиями византийских городов, которыми владел Симеон, предназначенные для Большой церкви, построенной им близ княжеского дворца. На обладании большей частью территории империи на Балканском полуострове Симеон отчасти и основывал свое право именоваться царем болгар и греков.

В 923 или 924 году произошла знаменитая беседа между Романом Лакапином и Симеоном под стенами Константинополя. Император, прибывший первым, сошел с императорского корабля (yacht), а Симеон прибыл по суше. Оба монарха поприветствовали друг друга и стали беседовать. Речь Романа до нас дошла.[2] Было заключено своего рода перемирие, условия которого не были слишком тяжелыми, хотя Роман должен был платить Симеону ежегодную дань. Симеон, однако, был вынужден вскоре отойти от стен Константинополя, так как он предчувствовал большую опасность от недавно сформировавшегося сербского королевства, которое вело переговоры с Византийской империей. Кроме того, у него не было удовлетворительных результатов в переговорах с арабами. Позднее он начал подготовку к новой кампании против Константинополя, однако Симеон умер в самый разгар этих приготовлений (927).

Geschichte der Kroaten. Zagreb, 1917, Bd. I, SS. 127—129, 140—143; *Ст. Станоевич.* История сербского народа. Белград, 1926, с. 52—53 (по-сербски).

[1] *В. Н. Златарски.* История на българската държава през средните векове. София, 1918, т. 1, с. 412 (дата — 920 г.); *S. Runciman.* Romanus Lecapenus... p. 87 (дата — 919 г.); *S. Runciman.* A History of the First Bulgarian Empire. London, 1930 (Дарданеллы не упоминаются).

[2] *Theophanes Continuatus.* Historia, Bonn. ed., pp. 408—409; *Symeon Magister.* Bonn. ed., pp. 737—738. См.: *В. Н. Златарски.* История на българската държава през средните векове. София, 1918, т. 1, с. 464—469, особенно 467, прим. 1. Источники указаны: *S. Runciman.* First Bulgarian Empire, pp. 169—172; *S. Runciman.* Romanus Lecapenus... pp. 90—93; 246—248. Рансимен датирует эту встречу 924 годом.

При Симеоне Болгария достигла громадных пределов; границы ее шли от Черного моря до Адриатического и от нижнего Дуная до глубины Фракии и Македонии, не доходя немного до Фессалоники. С именем Симеона связывается первая попытка заменить на Балканском полуострове греческое владычество владычеством славянским. После смерти Симеона на болгарский престол вступил кроткий Петр, породнившийся с византийским императором. Империя признала за Петром царский титул. В то же время было признано Византией учрежденное еще Симеоном болгарское патриаршество. Мир длился примерно сорок лет. После долгой череды блестящих болгарских побед условия мира, «едва скрывающие упадок болгарского могущества»,[1] были удовлетворительны для Византии. Этот договор представлял реальный успех мудрой и энергичной политики Романа Лакапина. «Великая Болгария» времен Симеона была раздираема внутренними смутами. В связи с ослаблением политической мощи Болгарии, мадьяры и печенеги наводнили Фракию и в 934 году дошли вплоть до Константинополя. В 943 году они вновь появились во Фракии. Роман Лакапин заключил с ними пятилетний мирный договор, который был возобновлен после его падения и действовал во время всего правления Константина Багрянородного.[2] Позже, во второй половине X века, мадьяры наводняли Балканский полуостров много раз. Упадок болгарского могущества был очень выгоден Византийской империи. Никифор Фока и Иоанн Цимисхий продолжали упорную борьбу с болгарами. Им помогал и русский князь Святослав по приглашению Никифора Фоки. Однако Византия была встревожена успехами русского оружия в Болгарии, доведшими Святослава до византийской границы и позволившими ему затем вторгнуться настолько глубоко на территорию империи, что Начальная русская летопись замечает: «за малом бо бе не дошел Царягряда».[3] Иоанн Цимисхий, выступивший под предлогом защиты Болгарии против русского вторжения, после своей победы над Святославом завоевал уже для себя всю восточную Болгарию и захватил всю болгарскую династию. Таким образом, произошло при Иоанне Цимисхии присоединение к его державе восточного болгарского царства.

После его смерти покоренные болгары, воспользовавшись внутренними затруднениями империи, подняли восстание. Во главе болгар встал энергичный правитель западно-болгарского царства, Самуил, «один из наиболее выдающихся правителей первого бол-

---

[1] *S. Runciman.* Romanus Lecapenus... p. 100.

[2] См.: *J. Marquart.* Osteuropaische und ostasiatische Streifzuge. Leipzig, 1903, SS. 60—74 (по поводу вторжения 934 г.). См. также: *S. Runciman.* Romanus Lecapenus... pp. 103—108.

[3] Лаврентьевская летопись под 971 г.

гарского царства» [1] который, судя по всему, был и основателем новой династии Василия II. Борьба последнего с Самуилом была в течение долгого времени неудачна для Византии, особенно ввиду войн империи на востоке. Самуил расширил территорию завоеваниями и провозгласил себя болгарским царем. Только с начала XI века счастье стало переходить на сторону Василия, который за свою жестокость в борьбе с болгарами получил прозвание Болгаробойцы. Самуил, увидев 14 000 ослепленных Василием и возвращенных на родину болгар, умер, потрясенный подобным ужасным зрелищем. После смерти Самуила Болгария не могла уже продолжать сопротивления и быстро подчинилась Византии. В 1018 году первое болгарское царство прекратило свое существование и было обращено в византийскую провинцию с императорским наместником во главе, но с сохранением известной внутренней автономии.

Вспыхнувшее против империи около середины XI века сильное болгарское восстание под предводительством Петра Деляна было подавлено; следствием последнего восстания было уничтожение болгарской автономии. В заселенные болгарами земли во время византийского господства стала проникать эллинизация. Однако болгарская народность сохранила свою национальность, особенно благодаря образованию в XII веке второго болгарского царства.

Согласно одному австрийскому историку, «падение болгарского царства в 1018 году относится к числу самых важных и решающих событий XI века и Средних веков в целом. Романская (Византийская) империя была снова на подъеме и простиралась с Адриати-

---

[1] См. восторженную оценку деятельности Самуила у Златарского: *В. Н. Златарски*. История на българската държава през средните векове. София, 1918, т. 1, с. 742—743. По поводу Самуила см. также: *S. Runciman*. First Bulgarian Empire, pp. 241—243. Статус восточной и западной Болгарии в это время является дискуссионным и представляет собой сложный вопрос. Недавно была выдвинута гипотеза о том, что Иоанн Цимисхий завоевал всю Болгарскую империю, и восточную и западную, и что только после его смерти, во время внутренних волнений в Болгарии, Самуил восстал на западе и с успехом смог установить свою словено-македонскую империю. См.: *D. Anastastjević*. A Hypothesis of Western Bulgaria. — Bulletin de la Societe scientifique de Skoplje, vol. III, pp. 1—12. Далее А. А. Васильев пишет, что в издании Melanges Uspenski есть французский перевод этой статьи. Однако ни в примечаниях, ни в основной библиографии никакой информации об этом издании нет. А. А. Васильев предлагает далее обратиться к следующей, написанной на болгарском языке статье: *Й. Иванов*. Произходътъ на царь Самуиловия родъ. — Сборник в честь на Васил Н. Златарски. София, 1925, с. 55. — *Науч. ред.*)

ческого моря до Черного и от Дуная до южной оконечности Пелопонесса».[1]

Византийская империя и Русь

Во время македонских государей русско-византийские отношения развивались очень оживленно. По словам нашей летописи, русский князь Олег в 907 году, т. е. в царствование Льва VI Мудрого, стоял с многочисленными судами под стенами Константинополя и, разорив его окрестности и перебив большое количество греческого населения, заставил императора вступить с ним в соглашение и заключить договор. Хотя известные до сих пор византийские, восточные и западные источники об этом походе не упоминают и вообще не называют имени Олега, тем не менее надо признать, что в основе русского летописного сообщения, не лишенного легендарных подробностей, лежит действительный исторический факт. Очень вероятно, что предварительный договор 907 года был подтвержден в 911 году формальным договором, который, по сообщению той же русской летописи, давал русским важные торговые привилегии.[2]

Знаменитая «История» Льва Диакона, бесценный источник по истории второй половины X века, имеет интересный пассаж, на который обычно не обращали внимания, хотя в настоящее время его следует расценивать как единственный засвидетельствованный в греческих источниках намек на соглашения с Олегом. Этот намек

---

[1] *K. R. von Hofler.* Abhandlungen aus dem Gebiete der slavischen Geschichte. I. Die Walachen als Begrunder des zweiten bulgarischen Reiches der Asaniden, 1186—1257. Wien, 1879, S. 229. (Sitzungsberichte der philosophische-historische Klasse der Akademie der Wissenschaften, Bd. XCV).

[2] См.: *G. Ostrogorski.* L'expedition du prince Oleg contre Constantinople. — Annales de l'Institut Kondakov, vol. XI, 1940, pp. 47—62. Острогорский еще раз полностью доказал, что экспедиция Олега была реальным историческим фактом. Я подчеркиваю свое утверждение потому, что в настоящий момент изучение ранней истории Руси проходит решающий (crucial) момент. Волна гиперкритицизма охватила умы многих видных западноевропейских исследователей. Они относят Олега к легендарным фигурам, совершившим «легендарную» экспедицию против Константинополя. Подлинная (authentic) русская история, как предполагают, началась только в 941 г. с экспедицией князя Игоря против Константинополя. Все, что было до этой даты, объявляется легендой, смешанной (tinged) со сказкой. См.: *H. Gregoire.* La legende d'Oleg et l'expedition d'Igor. — Bulletin de la classe des lettres de l'Academie Royale de Belgique, vol. XXIII, 1937, pp. 80—94. Здесь не хватило бы места перечислять всех сторонников этой точки зрения. См.: *A. A. Vasiliev.* The Second Russian Attack on Constantinople. — Dumbarton Oaks Papers, vol. VI, 1951, pp. 161—225.

представляет собой обращение к Святославу, которое Лев Диакон вкладывает в уста Иоанну Цимисхию *: «Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который, *презрев клятвенный договор*** (τας ενορκους σπονδας), приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору приплыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды».[1] Эти «клятвенные договоры», заключенные с Византийской империей до времени Игоря, должны быть соглашениями с Олегом, о которых сообщает русский летописец. Интересно сопоставить с приведенными данными известие византийских источников об участии русских с начала X века в византийских войсках в виде вспомогательных отрядов и соответствующее место в договоре 911 года нашей летописи о позволении русским, если они пожелают, служить в войске византийского императора.[2]

В 1912 году американский еврейский ученый Шехтер издал и перевел на английский язык любопытный, к сожалению, сохранившийся лишь в отрывках еврейский средневековой текст о хазаро-русско-византийских отношениях в X веке. Ценность этого документа особенно велика тем, что в нем мы встречаем имя «царя Русии Хальгу (Хельгу)», т. е. Олега, и находим новые о нем известия, например, о его неудачном походе на Константинополь.[3]

---

* Текст цитируется по следующему изданию: *Лев Диакон*. История. Перевод М. М. Копыленко, статья М. Я. Сюзюмова, комментарий М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. Ответственный редактор — Г. Г. Литаврин. М., 1988, с. 57 (VI, 10). А. А. Васильев неоправданно, как представляется, сократил цитату.

** Курсив принадлежит в данном случае А. А. Васильеву.

[1] Historiae, VI, 10. См.: *A. Rambaud*. L'Empire grec au dixieme siecle. Constantin Porphyrogenete. Paris, 1870, p. 374; *А. Куник*. Сообщение о готском топархе. СПб., 1870, с. 87; *М. Я. Сюзюмов*. Источники Льва Дьякона и Скилицы. — Византийское обозрение, т. 2, 1916, с. 165.

[2] *А. А. Васильев*. Византия и арабы. СПб., 1902, т. 2, с. 166—167.

[3] *S. Schechter*. An Unknown Khazar Document. — Jewish Quarterly Review, N. S. vol. III, 1912—1913, pp. 181—219. Имя Ольги — с. 217—218. См.: *П. К. Коковцов*. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в десятом веке. — ЖМНП, т. XLVIII, 1913, с. 150—172; *П. К. Коковцов*. Заметка о иудео-хазарских рукописях в Кембридже и Оксфорде. — Вестник АН СССР, 1926, pp. 121—124. Новая интерпретация этих документов: *В. А. Мошин*. Ещё о новооткрытом хазарском документе. — Сборник Русского археологического общества в Королевстве С.Х.С. Београд, 1927, т. 1, с. 41—60. Автор отрицает упоминание в документе имени Олега и относит сообщения документов к более позднему времени — к 943—945 гг. Новый русский перевод этих документов есть в следующей работе: *П. К. Коковцов*. Еврейско-хазарская переписка десятого века. Л., 1932, с. XXVI—XXXVI, 113—123.

Однако, хронологические и топографические трудности, представляемые данным текстом, еще находятся в стадии предварительного изучения, и поэтому нам еще не представляется возможным высказать определенное суждение об этой новой и, безусловно, в высшей степени интересной находке. Во всяком случае, в связи с последней теперь делается попытка нового пересмотра летописной хронологии Олега.

В царствование Романа Лакапина столица дважды подвергалась нападению со стороны русского князя Игоря, имя которого, помимо русских летописей, сохранилось как в греческих, так и латинских источниках. Первый поход Игоря в 941 году, предпринятый им на многочисленных судах к черноморскому побережью Вифинии и в Босфор, где русские, опустошая страну, дошли по азиатскому берегу пролива до Хрисополя (совр. Скутари, против Константинополя), окончился для Игоря полной неудачей. Русские суда, особенно благодаря губительному действию «греческого огня», были большей частью уничтожены. Остатки судов возвратились на север. Русские пленники подверглись казни.

С гораздо большими силами был предпринят Игорем второй поход 944 года. По словам русских летописей, Игорь собрал большое войско из «варягов, руси, полян, славян, кривичей, тиверцев и печенегов».[1] Испуганный император отправил к Игорю и печенегам лучших бояр, богатые подарки и обещал первому платить дань, которую брал с Византии Олег. Игорь, подойдя к Дунаю и посоветовавшись с дружиной, решил принять условия императора и возвратился в Киев. В следующем году между греками и русскими был заключен менее выгодный для последних, в сравнении с договором Олега, договор и мир, «дондеже солнце сьяеть и весь мир стоит, в нынешние веки и в будущая».[2]

Дружественные отношения, оформленные этим договором, стали еще более определенными при Константине VII Багрянородном, в 957 году, когда русская великая княгиня Ольга приехала в Константинополь, где была с великим торжеством принята императором, императрицей и наследником. О приеме Ольги в Константи-

---

[1] Поляне, кривичи и тиверцы являлись племенами восточной ветви восточных славян, которые поселились на берегах Днепра и его притоках, также как и на притоках Днестра.

[2] Лаврентьевская летопись под 945 год; *А. А. Шахматов*. Повесть временных лет, I, 60. По поводу русско-византийских договоров существует большая литература, особенно на русском языке. См.: *А. А. Васильев*. Византия и арабы. СПб., 1902, т. 2, с. 164—167, 246—249, 255—256. См. также: *J. Kulischer*. Russische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1925, Bd. I, SS. 20—30; *K. Bartova*. Igor's Expedition on Tsargrad. — Byzantinoslavica, vol. VIII, 1939—1946, pp. 87—108.

нополе сохранилась официальная современная запись в известном сборнике X века «О церемониях византийского двора».[1]

Об отношениях Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия к Святославу в связи с болгарскими делами речь была уже выше.

Особенно важны отношения Василия II Болгаробойцы к русскому великому князю Владимиру, с именем которого связано представление об обращении в христианство его самого и русского государства.

В восьмидесятых годах X века положение императора и его династии казалось критическим. Поднявший восстание против Василия Варда Фока, имея на своей стороне почти всю Малую Азию, подошел с востока к самой столице, тогда как с другой стороны победоносные в то время болгары грозили ей с севера. В столь стесненных обстоятельствах Василий обратился за помощью к северному князю Владимиру, с которым ему и удалось заключить союз на следующих условиях: Владимир должен был отправить на помощь Василию шеститысячный отряд, взамен чего получал руку сестры императора Анны и обязывался за себя и за свой народ принять христианскую веру. Благодаря русскому вспомогательному отряду, так называемой «варяго-русской дружине», восстание Варды Фоки было подавлено, и сам он погиб. Избавившись от страшной опасности, Василий, по-видимому, не хотел соблюдать обещания, данного Владимиру, относительно сестры Анны. Тогда русский князь осадил и взял важный византийский город в Крыму Херсон (Корсунь). После этого Василий II уступил. Владимир принял крещение и получил в супружество византийскую царевну Анну. Год крещения Руси: 988-й или 989-й, в точности неизвестен; одни ученые стоят за первый, другие за второй. На некоторое время между Византией и Русью снова настали времена мира и согласия; обе стороны безбоязненно вели между собой торговлю.

В 1043 году, в царствование Константина Мономаха, в Константинополе произошла, по словам источника, между «скифскими купцами», т. е. русскими, и греками ссора, во время которой один знатный русский был убит.[2] Очень вероятно, что это обстоятельство послужило поводом к новому походу русских на Византию. Русский великий князь Ярослав Мудрый отправил в поход своего старшего сына Владимира с большим войском на многочисленных судах. Но русские суда потерпели полное поражение, особенно благодаря знаменитому «греческому огню». Остатки русского воинства во главе с Владимиром поспешно удалились.[3] Это было последнее

---

[1] *Constanine Porphyrogenitus*. De Cerimoniis aulae byzantinae, Bonn. ed., pp. 594—598.

[2] *Georgius Cedrenus*. Historiarum compendium. Bonn. ed., vol. II, p. 551.

[3] Наши основные источники: *Михаил Пселл*. Хронография. Зоя и Феодора. Перевод, статья и примечания Я. Н. Любарского. М., 1978,

нападение русских на Константинополь в Средние века. Этнографические изменения, происшедшие во второй половине XI века в степях современной южной России, в виде появления половцев, лишили русское государство возможности поддерживать прямые сношения с Византией.

Печенежская проблема

В XI веке пачинакиты (из греческих источников), или печенеги (из русских летописей), в течение довольно продолжительного времени оказывали громадное влияние на судьбу Византии; и был даже момент, незадолго до первого крестового похода, когда печенеги единственный раз во время своей краткой и варварской исторической жизни сыграли немаловажную роль во всемирной истории, о чем речь будет в своем месте.

Византия уже давно знала печенегов, поселившихся с IX века на территории современной Валахии, т. е. к северу от нижнего Дуная, и на равнинах современной южной России, так что территория, занятая ими, простиралась от нижнего Дуная до берегов Днепра, а иногда заходила и дальше. Если на западе граница печенегов соприкасалась с границей Болгарского государства, то на востоке постоянной границы быть не могло, так как с этой стороны непрестанно теснили печенегов другие варварские кочевые племена, особенно узы и куманы, или половцы. Для лучшего понимания последующих исторических событий надо всегда помнить, что печенеги, узы и куманы (половцы) были народы тюркского (турецкого) происхождения, т. е. были, можно сказать, такими же турками, как турки-сельджуки, угрожавшие Византии со стороны Малой Азии в XI веке. Дошедший до нас куманский словарь убедительно доказывает, что куманский или половецкий язык находится в ближайшем родстве с другими турецкими языками, и что различие между ними есть различие только диалектическое. Близкое родство между печенегами и турками-сельджуками имеет для будущего большое значение.

Византия рассматривала печенегов, как одного из своих самых важных северных соседей, служивших основой для сохранения равновесия на севере в отношениях империи к Руси, мадьярам и болгарам. В X веке Константин Багрянородный в своем труде «Об управлении империей», посвященном сыну и наследнику престола

с. 95—97 (Зоя и Феодора. Константин IX. XC—XCV). (В связи с тем, что представилась возможность привести ссылку на новое издание, исключены ссылки А. А. Васильева на издания Пселла его времени. — *Науч. ред.*) *Georgii Cedreni* Historiarum compendium. Bonn. ed., vol. II, pp. 551—555. См. также: *В. Г. Васильевский*. Труды, т. 1, с. 303—308; *G. Schlumberger*. L'Épopee byzantine. Paris, 1905, vol. III, pp. 462—476.

Роману, уделяет немало места печенегам. Прежде всего, царственный писатель советует для пользы государства жить с печенегами в мире и иметь с ними дружественные отношения; если империя живет в мире с печенегами, то ни русские, ни мадьяры, ни болгары не могут открыть враждебных действий против империи. Из того же сочинения видно, что печенеги служили посредниками в торговых сношениях византийских владений в Крыму, т. е. фемы Херсон, с Русью, Хазарией и другими соседними странами.[1] Очевидно, для Византии печенеги в X веке имели в высшей степени важное значение как в политическом, так и в экономическом отношении.

Во второй половине X века и в начале XI века обстоятельства изменились. Как известно, восточная Болгария была завоевана Иоанном Цимисхием, а вся Болгария — Василием II; после чего на Дунае печенеги, которых раньше отделяла от Византии Болгарская держава, стали непосредственными соседями империи, настолько сильными, многочисленными и упорными, что последняя была не в состоянии дать надлежащий отпор их натиску. С тыла печенегов теснили половцы. Церковный писатель XI века Феофилакт Болгарский в таких словах говорит о набегах печенегов, которых он называет скифами: «Их набег — удар молнии; их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко — от быстроты бегства... Самое худшее то, что они своим множеством превосходят весенних пчел, и никто еще не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются: число их бесчисленно».[2]

Однако, до середины XI века серьезная опасность для Византии со стороны печенегов, по-видимому, не угрожала. Около же середины этого века они перешли Дунай.

По словам В. Г. Васильевского, впервые выяснившего роль печенегов в истории, «это событие, оставляемое без внимания во всех новых исторических сочинениях, имело громадное значение в истории человечества. По своим последствиям оно почти так же важно, как переход за Дунай западных готов, которым начинается так называемое переселение народов».[3]

Император Константин Мономах (1042—1054) отвел в придунайской Болгарии печенегам земли для поселения и отдал в их

---

[1] *Constantini Porphyrogeniti* De administrando imperio, cap. 37—40. (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий под редакцией Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989, с. 154—167. Ссылки самого А. А. Васильева на иные издания данного сочинения исключены. — *Науч. ред.*)

[2] Oratio in Imperatorem Alexium Comnenum (PG, t. CXXVI, cols. 292—293).

[3] *В. Г. Васильевский*. Византия и печенеги. — Труды, т. 1, с. 7—8.

руки три крепости на Дунае. Обязанность печенежских поселенцев была защищать границы империи от нападений своих соплеменников, оставшихся за Дунаем, и от князей русских.

Но задунайские печенеги упорно стремились к югу. В первое время, несмотря на то, что печенеги, в громадном количестве (источники говорят даже о 800 000 человек),[1] перейдя Дунай, доходили до Адрианополя, а отдельные отряды и до самых стен столицы, войскам Константина Мономаха удавалось с ними справляться и наносить им чувствительные удары. Но предпринятая им в конце правления экспедиция против печенегов за Балканы окончилась разгромом византийского войска. «В страшном ночном побоище смятые полки византийские почти без сопротивления были истреблены варварами; только небольшая часть успела как-то добраться до Адрианополя. Все плоды прежних побед были потеряны».[2]

Полное поражение сделало невозможным для империи продолжение новой борьбы с печенегами и император вынужден был купить мир весьма дорогой ценой. Его щедрые дары побудили их пообещать мирно жить в своих провинциях на севере от Балкан. Печенежские князья были пожалованы византийскими придворными чинами.

Итак, к концу Македонской династии, особенно во время правления Константина Мономаха, печенеги были уже самым опасным северным врагом Византии, который в последующих событиях будет временами играть в высшей степени важную роль.

Отношения Византии к Италии и Западной Европе

Итальянские отношения имели для Византии важное значение, главным образом, ввиду арабских успехов в Сицилии и южной Италии. Что касается отношения Византии к Венеции, то республика св. Марка, совершенно освободившись в середине IX века от византийской зависимости, стала самостоятельной, так что, если между двумя государствами завязывались, как то и было, например, при Василии I, сношения, то это были уже сношения двух самостоятельных государств, интересы которых в X веке очень близко сходились в вопросе о западных арабах и адриатических славянах.

Из времени Василия I интересна переписка его с западным императором Людовиком II, из которой видно, что между обоими государями происходил горячий спор о неправильности присвоения Людовиком императорского титула. Таким образом, еще во второй половине IX века чувствовались последствия коронации 800 года.

---

[1] *Georgii Cedreni* Historiarum compendium... Bonn. ed., p. 585.
[2] *В. Г. Васильевский*. Византия и печенеги. — Труды, т. 1, с. 24.

Хотя некоторые историки утверждали, что письмо Людовика II Василию подложное,[1] современные исследователи не поддерживают этой точки зрения.[2] Попытка заключить союз между Василием и Людовиком II, как было уже сказано выше, окончилась неудачей. Занятие византийскими войсками Бари, Тарента и удачные действия в южной Италии против арабов византийского начальника Никифиора Фоки подняли там византийское влияние в конце правления Василия I, о чем также речь была выше. Мелкие итальянские владения, как например, герцогства Неаполитанское, Беневентское, Сполетское, княжество Салернское и другие, часто меняли свое отношение к Византии в зависимости от успешности или неуспешности ее действий против арабов. Папа Иоанн VIII, забыв о недавнем разрыве с восточной церковью, осознавая грозную для Рима арабскую опасность, вступил с Василием I в оживленные переговоры, соглашался на всевозможные уступки и явно стремился к заключению политического союза. Некоторые ученые даже стараются объяснить отсутствие в течение трех с половиной лет на Западе императора, после смерти Карла Лысого (877), тем, что Иоанн VIII будто бы намеренно никого из западных государей не короновал, не желая оскорбить столь нужного ему византийского государя.[3]

При Льве VI византийские владения в Южной Италии делились на две фемы: Калабрию и Лангобардию. Калабрия выделилась из фемы Сицилии, после того как с падением Сиракуз и Таормины Сицилия фактически перешла в руки арабов. Что касается Лангобардии, то в силу успехов византийского оружия в Италии Лев VI, как кажется, окончательно выделил ее в виде самостоятельной фемы со стратигом во главе из фемы Кефаллении или Ионийских островов. При постоянных военных действиях с переменным успехом границы Калабрии и Лангобардии отличались большой неопределенностью.

С усилением византийского влияния в южной Италии там в X веке замечается увеличение греческих монастырей и церквей, которые создали ряд культурных центров.

---

[1] См.: *M. Amari.* Storia dei Musulmani di Sicilia. Firenze, 1854, vol. I, p. 381, 522—523; *A. Kleinclausz.* L'Empire carolinigien: ses origines et ses transformations. Paris, 1902, p. 443 et suiv.

[2] *J. Gay.* L'Italie meridionale et l'empire byzantin depuis l'avenement de Basile Ier jusqu'a la prise de Bari par les normands. 867—1071. Paris, 1904, pp. 84, 87, 88; *M. Hartmann.* Geschichte Italiens im Mittelalter. Gotha, 1908, Bd. III, 1, SS. 306—307; *F. Dvornik.* Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siecle. Paris, 1926, pp. 220—221.

[3] *A. Gasquet.* L'Empire byzantin et la monarchie franque. Paris, 1888, pp. 459—460.

В том же X веке у Византии в Италии появляется сильный соперник и враг в лице германского государя Оттона I, который, будучи в 962 году коронован императорской короной в Риме папой Иоанном XII, стал известен в истории, как основатель «Священной Римской империи германской нации». Сделавшись императором, Оттон захотел быть и хозяином положения в Италии, что уже прямо задевало византийские интересы, особенно в феме Ланго-бардии. Переговоры между ним и восточным императором Ники-фором Фокой, который, быть может, мечтал о заключении насту-пательного союза с германским государем против мусульман, затя-нулись. Тогда Оттон сделал неожиданное, но неудачное вторжение в византийские южноитальянские области.

Для новых переговоров в Константинополь был отправлен в качестве императорского посла епископ города Кремоны Лиут-пранд, бывший уже раньше послом в Византии при Константине Багрянородном. Будучи встречен на берегах Босфора недостаточно почетно и пережив там немало унижений и уколов самолюбию, Лиутпранд написал рассказ о своем вторичном пребывании при византийском дворе в виде злостного памфлета, который является полной противоположностью благоговейному описанию его первого посещения Константинополя. Из его памфлета, называемого обык-новенно «Донесением о константинопольском посольстве» (Relatio de legatione constantinopolitana), видно, что в Византии продолжа-лись старые споры о титуле «василевса» для западного государя. Лиутпранд обвинял византийцев в слабости и бездействии и оп-равдывал своего государя. Вот что он пишет: «Кому служит Рим, о желании дать свободу которому вы шумите? Кому он платит налоги? Разве прежде не служил он куртизанкам? И вот, в то время когда все спали и даже находились в состоянии бессилия, мой господин, августейший император, освободил Рим от столь постыдного рабства».[1] Лиутпранд, видя, что греки, намеренно за-тягивая переговоры и не позволяя послу сноситься с его государем, готовили войска для отправки в Италию, употреблял все усилия, чтобы уехать из Константинополя, что ему удалось лишь после больших хлопот и проволочек.

Разрыв между двумя империями совершился, и Оттон I вторг-нулся в пределы Апулии. Однако новый византийский император Иоанн Цимисхий совершенно изменил политику: он не только заключил мир с германским государем, но и добился брака сына и наследника последнего, будущего императора Оттона II, с ви-зантийской принцессой Феофано. Между империями установился союз. Арабские нападения на южную Италию, против которых преемник Иоанна Цимисхия, Василий II, занятый внутренними

---

[1] Legatio, cap. XVII.

восстаниями, ничего не мог сделать, заставили предпринять поход на юг молодого императора Оттона II (973—983). Последний потерпел сильное поражение от арабов и вскоре умер. С этих пор попытки германского вторжения в византийские фемы на юге Италии надолго прекратились.

С конца X века произошла административная реформа в византийской Италии, где прежний «стратиг Лангобардии» был заменен «катепаном Италии», имевшим резиденцию в Бари. Распри между различными итальянскими княжествами помогали византийскому катепану справляться с нелегкой задачей защищать юг Италии против сарацин.

Сын византийской принцессы Феофано, воспитанный в глубоком уважении к Византии и к античной культуре, германский государь Оттон III (983—1002), современник и родственник по матери Василия II, ученик знаменитого ученого Герберта, будущего папы Сильвестра II, не скрывая своего презрения к германской грубости, мечтал об установлении прежней империи со столицей в древнем Риме. «Он один желал, — по словам историка Брайса, — опять сделать семихолмный город столицей империи, поставив Германию, Ломбардию и Грецию на их прежнее настоящее место подчиненных провинций. Никто не забывал так настоящего для того, чтобы жить в свете античного строя; ничья душа не была так объята пламенным мистицизмом и тем благоговением к славе прошлого, на котором основывалась идея средневековой империи».[1] Но, как бы ни был велик престиж древнего Рима, все-таки воображение Оттона III неслось главным образом к Риму восточному, к тому сказочно-пышному двору Византии, откуда происходила его мать Феофано. Только подражая византийским монархам, Оттон III надеялся восстановить императорский трон в Риме. Он называл себя imperator romanorum и будущую всемирную монархию Orbis romanus.

Однако молодой мечтатель на троне, собиравшийся своими несбыточными планами доставить немало осложнений и хлопот Византии, неожиданно умер в самом начале XI века, двадцати двух лет от роду (1002).

Если в начале XI века византийская южная Италия, благодаря вмешательству венецианского флота, была в безопасности от арабов, то вскоре в Италии появился у Византии новый враг, который некоторое время спустя будет уже страшной грозой для восточной империи. Этим врагом были норманны.

Первый значительный отряд норманнов прибыл в Италию в начале XI века по приглашению Мела, поднявшего восстание про-

---

[1] *J. Bryce*. The Holy Roman Empire. New York, 1919, p. 148.

тив византийского господства. Однако Мел и его норманнские союзники потерпели сильное поражение при Каннах, столь знаменитых победой Ганнибала во Вторую Пуническую войну. Войскам Василия II в этой победе оказали существенную помощь служившие в рядах византийского войска русские. Победа при Каннах настолько укрепила положение Византии в южной Италии, что император Михаил IV Пафлагонец в тридцатых годах XI века снарядил экспедицию для обратного отвоевания у арабов Сицилии под начальством знаменитого полководца Георгия Маниака, в войске которого участвовал скандинавский герой Гаральд-Гардрад и варяго-русская дружина. Несмотря на успех кампании, который выразился, между прочим, в овладении Мессиной, византийское предприятие в конце концов не удалось, особенно потому, что Георгий Маниак, заподозренный в честолюбивых замыслах, был отозван.[1]

Между тем норманны, пользуясь раздорами между Византией и римским престолом, приведшими, как известно, к окончательному разделению церквей в 1054 году, и держа сторону Рима, медленно, но успешно продвигались в византийской Италии. В конце нашего периода, т. е. в середине XI века, среди норманнов в Италии начал выделяться энергичный Роберт Гуискар, или Гвискард, главная деятельность которого разовьется уже после прекращения Македонской династии.

Социальное и политическое развитие. Церковные дела

Главным событием церковной жизни Византии за время Македонской династии является окончательное разделение церквей, восточной и западной, на восточно-православную и западно-католическую, завершившееся после почти двухвековых споров в середине XI века.

Первым делом основателя Македонской династии Василия I в церковной жизни империи было низложение патриарха Фотия и восстановление на патриаршем престоле низложенного при Михаиле III Игнатия. Этой мерой Василий надеялся укрепиться на только что приобретенном захватным путем троне, а именно: с одной стороны, он считал выгодным для себя жить в мире с папой; с другой стороны, желал угодить народу, среди которого, как он

---

[1] О Гаральде в армии Георгия Маниака см.: *В. Г. Васильевский.* Варяжско-русская и варяжско-английская дружина в Константинополе. — В кн.: Труды, т. 1, с. 289—290; *R. M. Dawkins.* Greeks and Northmen. — Custom is King: Essays presented to Dr. R. R. Marett. Oxford, 1936, pp. 45—46.

прекрасно знал, было очень много игнатиан, т. е. сторонников низложенного Игнатия. Император Василий и патриарх Игнатий в своих письмах к папе признавали силу и влияние последнего на дела восточной церкви. Император писал папе: «Отец духовный и божественно чтимый первосвященник! Ускори исправлением церкви нашей и через борьбу с несправедливостью даруй нам обилие благ, т. е. чистое единство, общение духовное, свободное от всякого спора и всякой схизмы. Церковь, единую во Христе, и стадо, повинующееся одному пастырю». Игнатий кончает свое полное уничижения перед папой письмо просьбой прислать в Константинополь папских викариев, чтобы «с ними добре и по надлежащему устроить церковь»; «мы примем их, — пишет Игнатий, — как Провидение Божие, являемое при посредстве верховного Петра и при посредстве вашего настояния».[1] Для папства это был момент кажущегося торжества на Востоке. Папа Николай I не дожил до этой победы. Отправленные из Византии на его имя письма были получены уже его преемником Адрианом II.

На соборах в Риме и затем, в присутствии папских легатов, в Константинополе (869) Фотий был низложен и вместе со своими сторонниками предан проклятию. На западе Константинопольский собор 869 года был признан Вселенским, каким и считается до настоящего времени.

Если в отношении византийской церковной жизни империя, можно сказать, уступила папе по всем пунктам, то нельзя того же сказать о церковных делах в Болгарии, где, как было уже сказано выше, в конце правления Михаила III восторжествовало латинское духовенство. Но Василий I, несмотря на противодействие папских легатов и недовольство самого папы, добился того, что латинские священники были удалены из Болгарии, и болгарский царь Борис снова примкнул к восточной церкви. Последнее обстоятельство имело громадное влияние на дальнейшую историческую судьбу болгарского народа.

Низложенный и преданный проклятию Фотий, живя в заточении и терпя многочисленные лишения, продолжал пользоваться прежней популярностью у своих сторонников, которые во время патриаршества Игнатия оставались преданными Фотию. Сам Василий, сознавая свою ошибку в отношении к Фотию, стал переходить на его сторону, начав с того, что возвратил Фотия из заточения, поселил его во дворце и поручил ему воспитание и образование своих детей. Поэтому, когда Игнатий в глубокой ста-

---

[1] *J. Mansi*. Sacrorum conciliorum... collectio, vol. XVI, pp. 47, 49. См. также: *А. Лебедев*. История разделения Церквей в девятом, десятом и одиннадцатом столетиях. М., 1905, с. 117, 120; *F. Dvornik*. The Photian Schism, History and Legend. Cambridge, 1948, pp. 136 ff.

Император и императрица, коронуемые Христом. Весьма вероятно, что это Роман IV Диоген и жена его Евдокия. Слоновая кость. Кабинет медалей (Cabinet de Medailles). Париж

рости скончался, Василий предложил Фотию занять патриарший престол. Восстановление Фотия знаменовало собой начало новой политики по отношению к папе.

В 879 году в Константинополе был созван собор, который по числу собравшихся иерархов и по общему великолепию обстановки превосходил даже некоторые из Вселенских Соборов. Этот собор, по словам одного историка, «представлял в целом поистине величественное явление, какого не видали со времени Халкидонского собора».[1] Легаты папы Иоанна VIII присутствовали на соборе и не только должны были согласиться на снятие с Фотия осуждения и на восстановление с ним общения римской церкви, но и выслушали без возражения прочитанный на соборе Никео-цареградский символ веры без прибавления уже распространенного на Западе filioque. На последнем заседании собора папские легаты воскликнули: «Кто не признает Фотия священным патриархом и не будет иметь с ним общения, то жребий того да будет вместе с Иудой и да не будет тот причислен к христианам!». «Прославлением Фотия, — пишет его католический историк, — открылись заседания собора, и тем же прославлением закончились».[2] Этот же собор доказывал, что папа является таким же патриархом, как и все другие патриархи, и что у него нет прав на управление всей церковью; поэтому и константинопольский патриарх в папском утверждении не нуждается.

Папа, будучи страшно раздражен постановлениями собора 879 года, отправил в Константинополь своего легата, который должен был настоять на уничтожении неугодных папе постановлений собора, а также добиться уступки относительно болгарской церкви. Однако ни император Василий, ни Фотий ни в чем не уступили папе, а его легат подвергся даже аресту. Раньше полагали, что когда весть об этом акте открытого неповиновения дошла до Иоанна VIII, он анафематствовал Фотия в торжественной церемонии, в храме ап. Петра, держа Евангелие в руках, в присутствии большого количества народа. Это была так называемая вторая схизма Фотия. Однако последние исследования Аманна (Amann), Дворника (Dvornik) и Грюмеля (Grumel) показали, что второй схизмы Фотия никогда не существовало и что ни Иоанн VIII, ни кто-либо из его преемников никогда не анафематствовал Фотия.[3] Взаимоотношения

---

[1] *J. Hergenrother.* Photius, Patriarch von Constantinopel: Sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma. Regensburg, 1867, Bd. II, S. 462.

[2] *J. Hergenrother.* Photius... Bd. II, S. 524. См. также: *F. Dvornik.* Op. cit, p. 187.

[3] См. весьма тонкий анализ этой проблемы А. Грегуаром: *H. Gregoire.* Du nouveau sur le Patriarche Photius. — Bulletin de la classe des lettres

между империей и Римом полностью не прекратились, хотя и стали случайными и неопределенными.

Фотий не до конца жизни оставался на патриаршей кафедре, которую он должен был покинуть при вступлении в 886 году на престол своего ученика и сына Василия I, Льва VI. Пять лет спустя Фотий умер, сыграв в высшей степени важную роль как в церковной, так и вообще в культурной жизни Византии.

Параллельно с только что изложенными отношениями к римской церкви время Василия I было ознаменовано целым рядом попыток распространения христианства среди язычников и иноверцев. При нем была сделана до сих пор еще не достаточно разъясненная попытка насадить христианство среди русов, которых Василий, по словам источника, будто бы «убедил сделаться участниками спасительного крещения» [1] и принять рукоположенного патриархом Игнатием архиепископа. Трудно пока точно сказать, о каких русах здесь идет речь. При Василии же была обращена в христианство большая часть славянских племен, поселившихся в Пелопоннессе; славяне-язычники остались в горах Тайгета. При нем же настойчиво проводилось насильственное обращение евреев в христианство.

Факт низложения Фотия императором Львом VI, преемником Василия, объясняется боязнью нового государя перед все усилившимся политическим влиянием Фотия и его партии, а также желанием Льва возвести на патриарший престол своего брата Стефана, чтобы при помощи последнего получить полную власть над церковным управлением империи, чему препятствовала бы твердая воля Фотия. При преемниках последнего можно заметить тенденцию к примирению с римской церковью на основании обоюдных уступок.

Церковные дела в Византии особенно осложнились в начале X века во время патриаршества Николая Мистика, самого выдающегося иерарха после Фотия, родственника и ученика последнего. Благороднейшие стороны Фотия, по словам историка, «жили в его ученике Николае Мистике, который более, чем другие, стремился следовать предначертанному им идеалу патриарха».[2] Этот патриарх оставил весьма интересное собрание писем, неоценимых с исторической и церковной точки зрения.

Между императором Львом и патриархом Николаем Мистиком возникли крупные разногласия из-за четвертого брака императора, против которого всеми силами восставал патриарх, доказывавший,

---

de l'Academie Royale de Belgique, vol. XX, 1934, pp. 36—53; *F. Dvornik*. The Photian Schism, pp. 202—236.

[1] *Theophanes Continuatus*. Bonn. ed., pp. 342—343.

[2] *J. Hergenrother*. Photius... Regensburg, 1868, Bd. III, S. 655.

что это противоречит церковным правилам.[1] Несмотря на это, император заставил одного пресвитера обвенчать его с Зоей, сделавшейся, таким образом, четвертой супругой императора, три первых супруги которого умирали довольно быстро одна за другой. После венчания, за отсутствием патриарха, сам Лев возложил на Зою императорскую корону, что дало повод Николаю Мистику впоследствии сказать, будто бы император был для Зои «и женихом, и архиереем».[2] Восточные патриархи, когда их спросили об этой проблеме, высказались в пользу разрешения Льву жениться четвертый раз.[3]

Это дело вызвало сильное смущение в народе. Непокорный Николай Мистик был низложен и отправлен в изгнание. На соборе в Константинополе, в присутствии папских легатов, было решено допустить подвергнутого епитимии императора к церковному общению, не расторгая его четвертого брака. На патриарший престол был возведен, после долгих колебаний, Евфимий.

Собор не дал империи церковного мира. Среди византийского духовенства образовались две партии. Одна, стоявшая на стороне Николая Мистика, была против признания четвертого брака императора и поносила нового патриарха Евфимия. Другая партия, представлявшая собой меньшинство, соглашалась с соборным постановлением относительно брака Льва и признавала в Евфимии избранника всей церкви. Партийное разъединение перешло из столицы в провинции. Повсюду происходила упорная борьба между николаитами и евфимитами. Некоторые видят в этой борьбе продолжение утихнувшей на время прежней вражды фотиниан с игнатианами.[4] Наконец, сам император понял, что только энергичный и опытный Николай Мистик мог поправить дело. Незадолго до своей смерти (912) Лев VI вызвал его из заточения и, после низложения Евфимия, восстановил на патриаршем престоле.[5]

---

[1] О четырех браках Льва Мудрого см. интересную статью Ш. Диля: *Ch. Diehl.* Figures byzantines. Paris, 1909, vol. I, pp. 181—215. (У А. А. Васильева это примечание завершается ссылкой на английский перевод книги Ш. Диля. — *Науч. ред.*)

[2] Epistola XXXII (PG, t. CXI, col. 197).

[3] *Eutychii Alexandrini patriarchae* Annales, ed. L. Cheikho, B. Carra de Vaux, H. Zayyat. Beyrouth; Paris, 1909, t. II, p. 74 (text. ar.); PG, t. III, col. 1145 (transl. lat.).

[4] *Н. Попов.* Император Лев VI Мудрый и его царствование с церковной точки зрения. М., 1892, с. 160.

[5] Весьма ценным источником по четвертому браку Льва и общей истории периода является следующее сочинение: *C. de Boor.* Vita Euthymii: ein Anecdoton zur Geschichte Leo's der Weisen, A. D. 886—912. Berlin, 1888. Издание, помимо греческого текста, содержит весьма ценное исследование «Жития» с исторической точки зрения.

Заботясь о церковном мире в империи, Николай Мистик хотел восстановить также отношения с Римом, прерванные из-за одобрения папой четвертого брака Льва. Во время регентства Зои, четвертой жены покойного императора, управлявшей государством за малолетством сына Константина VII Багрянородного, Николай Мистик был лишен влияния. Но, когда в 919 году управление государством перешло в руки тестя Константина, начальника флота Романа I Лакапина, и правительница Зоя была пострижена в монахини, тогда Николай Мистик снова получил прежнее влияние. Главным фактом последних лет его патриаршества было созвание собора в Константинополе из николаитов и евфимитов, которые с общего согласия составили «том единения» (ο τομος της ενωσεως). Этим соборным актом четвертый брак вообще был «объявлен безусловно недозволительным и недействительным, как запрещенный церковью и нетерпимый в христианской стране».[1] О четвертом браке Льва Мудрого в «томе единения» упоминания нет. Этот акт удовлетворил обе партии: николаиты и евфимиты заключили между собой мир, может быть, отчасти под влиянием, как думает профессор Дринов, «того ужаса, в который повергли византийцев успехи болгарского оружия».[2] После некоторой переписки с папой последний согласился послать в Константинополь двух епископов, которые, с его соизволения, осудили смущение, внесенное четвертым браком императора Льва. После этого общение между константинопольской и римской церквями было восстановлено. Русский церковный историк А. П. Лебедев по этому поводу пишет: «Патриарх Николай вышел из этого нового столкновения церкви Константинопольской с Римской полным победителем. Церковь Римская должна была уступить церкви Константинопольской и осудить свое собственное деяние!»[3] После смерти Николая Мистика в 925 году Роман Лакапин добился полного контроля над церковью и, как сказал С. Рансимен, «цезарепапизм еще раз оказался победителем».[4]

Очень интересной личностью с церковной точки зрения является император Никифор Фока. Будучи одним из наиболее одаренных императоров-воинов, имя которого связано с блестящими страни-

---

[1] *Н. Попов*. Император Лев VI Мудрый и его царствование с церковной точки зрения. М., 1892, с. 184. Ср. также: *Mansi*. Sacrorum conciliorum... collectio, t. XVIII, pp. 337—338.

[2] *М. С. Дринов*. Южные славяне и Византия в десятом веке. М., 1875, с. 21. Перепечатано в сочинениях М. С. Дринова, изданных В. Н. Златарским (т. 1, София, 1909, с. 365—520).

[3] *А. П. Лебедев*. История разделения Церквей в девятом, десятом и одиннадцатом веках. М., 1905, с. 325.

[4] *S. Runciman*. The Emperor Romanus Lecapenus and His Reign. A Study of Tenth Century Byzantium. Cambridge, 1929, pp. 70, 243.

цами византийской военной истории, он, особенно до вступления своего на престол, увлекался иноческими идеалами, носил власяницу и поддерживал тесные сношения со знаменитым основателем Большого монастыря на Афоне, св. Афанасием Афонским. Житие последнего сообщает, будто бы однажды в порыве религиозного увлечения Никифор открыл Афанасию свою заветную мысль уйти от мирской суеты и предаться служению Богу.[1] Византийский историк Лев Диакон пишет, что Никифор был суров и неумолим в молитвах и всенощных бдениях во имя Бога, невозмутим духом во время песнопений и нисколько не подвержен тщеславию.[2] Он был наполовину солдат, наполовину аскет.[3] Многие были смущены, когда при своем вступлении на престол аскетически настроенный Никифор Фока вступил в брак с молодой и красивой вдовой покойного императора Романа II, Феофано, которая пользовалась чрезвычайно сомнительной славой. Впоследствии на гробнице Никифора было между прочим написано, что Никифор «все победил, исключая женщины».[4]

Наиболее известным мероприятием Никифора в церковной жизни империи является его знаменитая «Новелла» 964 года о монастырях и связанных с ними религиозно-благотворительных учреждениях.

В Византии в эпоху Македонской династии монастырское землевладение приняло чрезмерные размеры и часто расширялось за счет свободных крестьянских участков, защитниками которых, как будет сказано ниже, выступили некоторые из государей этой династии. Еще перед началом иконоборчества, т. е. в конце VII и начале VIII веков, восточная церковь уже владела громадными земельными богатствами, что давало некоторым ученым основание сравнивать земельные богатства восточной церкви с такими же богатствами церкви западной эпохи франкских королей, жаловавшихся на пустоту своей казны из-за перехода их земельных богатств в руки духовенства. Императоры-иконоборцы VIII века, как известно, открыли поход против монастырей; часть монастырей была закрыта, и достояние их отобрано в казну. Последняя мера совпала

---

[1] Vie de Saint Athanase l'Athonite, ed. L. Petit. — Analecta Bollandiana, t. XXV, 1906, p. 21.

[2] История, V, 8. (Цитата дана по уже упоминавшемуся выше русскому изданию — М., 1988, с. 49. — *Науч. ред.*)

[3] *G. Schlumberger.* Un Empereur Byzantin au dixieme siecle. Nicephore Phocas. Paris, 1890. Репринтное воспроизведение: Paris, 1923, p. 366.

[4] Автор эпитафии — Иоанн, епископ Мелитинский. Она опубликована в боннском издании «Истории» Льва Диакона (Historiae, p. 453), а также в изд.: *Georgius Cedrenus.* Historiarum compendium, vol. II, p. 378. См. также: *K. Krumbacher.* Geschichte des byzantinischen Litteratur. Munchen, 1897, S. 368.

по времени с аналогичной секуляризацией церковных имуществ на западе в том же франкском государстве, при знаменитом майордоме Карле Мартелле. С окончанием иконоборчества и восшествием на престол Македонской династии число монастырей и количество земли, поступившей в их владение, стали быстро возрастать. Уже новелла Романа I Лакапина высказывала намерение несколько ограничить рост монастырского землевладения. Решительно по данному вопросу высказывается новелла Никифора Фоки 964 года.

Эта новелла, отмечая «явную болезнь» в монастырях и «других священных домах» в виде безмерного любостяжания, не считая апостольской заповедью или отеческим преданием «приобретение многодесятинных громадных поместий и множество забот о плодовых деревьях» и желая «вырвать с корнем зло богоненавистного *славолюбия», запрещает строить новые монастыри и делать в* пользу старых монастырей, богаделен и страннопримных домов, или же митрополитов и епископов, наиболее обычные пожертвования и вклады.[1]

Этот суровый закон, который должен был вселить сильное раздражение среди религиозно настроенного населения, не смог, даже при неполном его применении, долго просуществовать. Василий II отменил закон Никифора Фоки, «как направленный к оскорблению и обиде не только церквей и богоугодных домов, но и самого Бога»,[2] и восстановил силу прежних по данному вопросу законов Василия I и Льва VI Мудрого, т. е. Василик, и новеллы Константина Багрянородного. Василий отменил новеллу Никифора Фоки, потому что считал ее также причиной гнева Божьего, обрушившегося на империю в восьмидесятых годах X века, когда известные уже нам внешние и внутренние затруднения ставили на край гибели судьбу государства.

Никифор Фока сделал важный шаг в деле укрепления византийской церковной организации в южной Италии, т. е. в Апулии и Калабрии, куда во второй половине X века стало сильно проникать папское и вообще западное влияние, особенно в связи с коронованием германского государя Оттона I императорской римской короной и с усилением на юге Италии лангобардских интересов. Никифор Фока через своего патриарха запретил в Апулии

---

[1] *K. E: Zacharia von Lingenthal.* Jus graeco-romanum, vol. III, pp. 292—296; *В. Г. Васильевский.* Материалы для внутренней истории Византии: меры в защиту крестьянской земельной собственности. — ЖМНП, т. CCII, 1879, с. 224 и сл.; *J. et P. Zepos.* Jus graeco-romanum, vol. I, p. 249—252.

[2] *K. E. Zacharia von Lingenthal.* Jus... vol. III, p. 303; *В. Г. Васильевский.* Материалы по внутренней истории... с. 220; *J. et P. Zepos.* Jus graeco-romanum, vol. I, p. 259.

и Калабрии латинский церковный обряд и предписал придерживаться греческого. Это мероприятие послужило новым основанием для дальнейшего отчуждения папства от Византии, тем более что в последнее время царствования Никифора папа стал называть его императором греков, а титул императора ромеев, т. е. римского, как официально титуловался византийский государь, он перенес на Оттона германского.

Не лишена также интереса попытка Никифора Фоки провозгласить св. мучениками всех воинов, положивших жизнь свою на поле брани. Но против этого решительно воспротивились патриарх и епископы. Император должен был уступить.

С именами Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия связывается начало новой эпохи в жизни знаменитого монастырями Афона. Отдельные подвижники жили на Афоне со времени начала монашества в IV веке. Наряду с подвижниками в VII веке появились там небольшие и небогатые монастыри.

В эпоху иконоборческих смут VIII века в малодоступных местностях Афона искали спасения многие из преследуемых иконопочитателей, привозивших с собой церковную утварь, мощи и рукописи. Но спокойной жизни на Афоне не было из-за неоднократных опустошительных нападений арабов с моря; монахов убивали или увозили в плен. Поэтому до середины X века Афон пережил не-сколько запустений. Лишь при Никифоре Фоке афонское монашество укрепилось, когда уже известный нам св. Афанасий Афонский построил первый большой монастырь, ввел в нем общежительное устройство и дал своей киновии новый устав (по-гречески т и п и к, как в Византии назывались монастырские уставы), определявший дальнейшую жизнь монастыря. Подвижники (анахореты), недовольные введением на Афоне общежительного (киновитского) монашества, подали жалобу преемнику Никифора Фоки, Иоанну Цимисхию, на Афанасия, обвиняя последнего в том, что он нарушил древние обычаи Святой Горы (так уже назывался Афон в типике Афанасия). Цимисхий, разобрав дело, утвердил древний афонский устав, допускавший на Афоне как анахоретство, так и киновитство. По примеру св. Афанасия стали основываться другие монастыри, и притом не только греческие. При Василии II был уже монастырь Иверский, или Грузинский; выходцы из Италии основали монастыри Римский и Амальфитанский. Около 1000 года, когда умер в глубокой старости св. Афанасий, на Афоне было, по словам епископа Порфирия Успенского, глубокого знатока христианского Востока, 3000 «разнонародных монахов».[1] В XI веке есть известие уже и о русской обители. Впервые официально Афон был назван

---

[1] *Порфирий (Успенский), еп.* Восток Христианский. Афон. Т. 3 (1). Киев, 1877, с. 154.

Святой Горой во втором его уставе (типике), данном примерно в середине XI века императором Константином IX Мономахом.[1] Управление монастырями поручалось совету игуменов во главе с первым из них — протом (от греческого πρῶτος — первый); совет же назывался протатом. Таким образом, в эпоху Македонской династии на Афоне окончательно образовался в высшей степени важный культурный центр не только для Византии, но и для других стран.

Вопрос о разделении церквей, резко поставленный в IX веке, нашел свое окончательное разрешение в середине XI века. Помимо общих причин догматического характера, надо иметь в виду в данном случае условия южно-итальянской жизни в середине XI века, без сомнения, ускорившие факт разделения. Несмотря на известную уже нам меру Никифора Фоки относительно церковной организации в Апулии и Калабрии, латинское церковное влияние продолжало туда проникать. В середине XI века на папском престоле сидел Лев IX, который был не только религиозным, но и политическим деятелем. Клюнийское движение, охватившее тогда обширные круги западноевропейского духовенства и поставившее себе задачей реформу церкви в смысле восстановления ее павших нравов и распатанной дисциплины и уничтожения укоренившихся в церкви светских обычаев и привычек, симонии, брака духовенства и инвеституры, развивалось под непосредственным покровительством и руководительством папы. Клюнийцы, проникая в определенную область, ставили последнюю в духовном отношении в тесную зависимость от папы. Это движение стало делать большие успехи в Южной Италии, что было в высшей степени неприятно восточной церкви. Кроме того, Лев IX со своей точки зрения имел и политические основания для вмешательства в южно-итальянские дела. Между папой и константинопольским патриархом Михаилом Керуларием произошел обмен посланиями. Папа в своем послании ссылался на известный «Дар Константина» (Donatio Constantini), будто бы отдававший римскому епископу вместе с духовной и светскую власть. Но, несмотря на подобные осложнения, трудно было ожидать скорого разрыва, тем более что византийский император Константин IX Мономах был склонен к мирному разрешению вопроса.

В Константинополь прибыли папские легаты, среди которых находился высокомерный кардинал Гумберт. Легаты и особенно Гумберт гордо и заносчиво держали себя в отношении патриарха, который, уклонившись от каких-либо переговоров с ними, не со-

---

[1] *Порфирий (Успенский), еп.* Восток Христианский... с. 93, 170—171; *P. Meyer.* Die Haupturkunden fur die Geschichte der Athoskloster. Leipzig, 1894, S. 153.

глашался ни на какие уступки Риму. Тогда, летом 1054 года, легаты положили на алтарь храма Св. Софии отлучительную грамоту, в которой провозглашалась патриарху «Михаилу и сообщникам его, пребывающим в вышеуказанных заблуждениях и предерзостях, анафема... вместе со всеми еретиками, купно же с дьяволом и ангелами его».[1] В ответ на это Михаил Керуларий созвал собор, на котором была произнесена анафема на римских легатов и соприкосновенных к ним лиц, пришедших «в богохранимый град, подобно грому, или буре, или граду, или лучше, подобно диким кабанам, чтобы низвергнуть истину».[2]

Так произошел окончательный раскол западной и восточной церкви в 1054 году. Отношение трех восточных патриархов было для Михаила Керулария исключительно важным. Посредством патриарха Антиохийского, он известил патриархов Иерусалимского и Александрийского о разделении церквей, сопроводив новость соответствующими извещениями. Несмотря на незначительное количество источников, можно с уверенностью утверждать, что три восточных патриарха остались верными православию и поддержали патриарха Константинопольского.[3]

Для патриарха Константинопольского раскол 1054 года можно рассматривать как большую победу, которая сделала его совершенно независимым от папских претензий с запада. Его авторитет значительно возрос в славянском мире и среди восточных патриархатов. Однако с политической точки зрения раскол 1054 года был фатальным для империи, так как сводил на нет в будущем любую попытку стабильного соглашения с западом, находившимся под сильным влиянием папства. Это оказалось фатальным, ибо иногда Византийская империя очень нуждалась в западной помощи, особенно тогда, когда с востока стала усиливаться турецкая опасность. Вот как Л. Брейе оценивает последствия этого разрыва: «Именно этот раскол сделал бесполезными все усилия по примирению империи Константинополя и Запада, именно этот раскол проложил путь к упадку и падению империи».[4]

Окончательный разрыв церквей в 1054 году непосредственно ощутили только официальные круги церкви и правительства. Население оставалось очень спокойным и некоторое время даже не знало о доктринальных расхождениях Рима и Константинополя. Ин-

---

[1] PG, t. CXLIII, col. 1004.

[2] *А. П. Лебедев.* История разделения Церквей... с. 347.

[3] См.: *L. Brehier.* Le schisme oriental du XIe siecle. Paris, 1899, pp. 232—241.

[4] *L. Brehier.* The Greek Church. — Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 273. См. также: *J. Gay.* Les Papes du XIe siecle et la chretiennete. Paris, 1926, pp. 166—167; *M. Jugie.* Le schisme de Michel Cerulaire. — Échos d'Orient, vol. XXXVI, 1937, pp. 440—473.

тересно отметить отношение Руси к этому событию. Русские митрополиты XI века, назначаемые или утверждаемые Константинополем, естественно, приняли византийскую точку зрения. Однако русский народ не имел никаких претензий к латинской церкви и не мог найти каких-либо неточностей в ее учении.* Например, русский князь XI века обращался к папе за помощью против узурпатора. Этот призыв не вызвал ни удивления, ни протестов.[1]

Законодательная деятельность македонских императоров. Социальные и экономические отношения в империи. Прохирон и Эпанагога

Время Македонской династии отличается оживленной законодательной деятельностью. Василий I задался целью дать общий свод греко-римского, или византийского права, который должен был бы заключать в себе в хронологическом порядке законодательные акты, как древние, так и более новые, т. е., другими словами, Василий I задумал возродить законодательное дело Юстиниана, приспособив его к изменившимся условиям времени и дополнив позднейшими законами. Ввиду малого знакомства с латинским языком и указанной выше громоздкости четырех частей Юстинианова свода, право изучалось обычно по его греческим переводам, изложениям, извлечениям и комментариям, которые, получив преобладающее влияние в юридической практике, далеко не всегда отличались точностью и не раз имели результатом искажение первоначального текста. Василий I имел в виду удалить устаревшие и отмененные последующими новеллами законы и

---

* У А. А. Васильева здесь произошла подмена понятий. Дело вовсе не в том, что народ ничего не имел против латинской церкви и ее учения. В древности и в средние века количество активных участников исторического процесса, тех, кто реально мог повлиять на ход исторических событий, всегда и повсеместно ограничивалось господствующим классом и его непосредственным окружением. Влияние же широких народных масс на исторические события проявлялось, по сравнению с нашим временем, гораздо меньше. Вот почему в данном случае представляется более правильным говорить об отсутствии у народа знания и интереса к проблемам взаимоотношений Рима и Константинополя, тем более, что на повседневной жизни русского крестьянина, ремесленника или торговца все это никак не сказывалось. Что же касается русского князя, обратившегося за помощью к папе, то здесь, вероятнее всего, был жест отчаяния в борьбе за власть в сочетании с незнанием и непониманием, насколько Италия, Рим и папа во всех смыслах слова далеки от Руси.

[1] На эту тему можно найти интересную информацию в книге: *B. Leib.* Rome, Kiev et Byzance a la fin du XI[e] siecle. Paris, 1924, pp. 18—29, 51, 70 и т. д.

ввести в сборник законы новые; сохраненные в новом сборнике латинские термины и выражения должны были быть объяснены по-гречески. Общим языком законодательного предприятия Василия должен был быть греческий язык. Сам император характеризовал свою попытку в области законодательства как «очищение древних законов» (ανακαθαρσις τῶν παλαιῶν νομων).[1]

Зная, что намеченное законодательное дело займет много времени, Василий выпустил до его завершения Прохирон (Prochiron, по-гречески о προχειρος νομος), т. е. руководство по праву, имевшее целью дать желающим в руки краткое изложение тех законов, которые должны управлять государством и прежде всего установить в империи правосудие, «которым, по слову Соломона, — как говорится во введении к Прохирону, — возвышается народ» (Притчи 14, 34).[2] Прохирон распадается на сорок отделов (титулов) и заключает в себе главные нормы гражданского права и перечисление наказаний за различные проступки и преступления. Главным источником для него служили, особенно для первых 21 отделов, институции Юстиниана; другие части Юстинианова свода привлекались в гораздо меньшей мере. Притом, составители Прохирона обращались не к латинскому оригиналу свода, а к известным нам уже греческим переработкам и сокращениям. Интересно отметить, что Прохирон, упоминая во введении об Эклоге Льва и Константина, исаврийских императоров, называет ее «ниспровержением добрых законов, которое было для государства бесполезно и сохранение которого в силе неразумно».[3] Несмотря на подобное суровое суждение, Эклога исаврийских государей, очевидно, насколько была полезна и пользовалась таким распространением, что Прохирон во многих отделах, особенно после отдела 21-го, пользуется ее данными. Те же лица, которые бы заинтересовались более детальным изучением действующего права, должны были, судя по тому же введению Прохирона, обращаться к большому своду в 60 книгах, составленному также при Василии.[4]

---

[1] Imperatorem Basilii Constantini et Leonis Prochiron, ed. K. E. Zacharia von Lingenthal. Heidelberg, 1837, par. 3, 10; *E. Freshfield* (ed.). A Manual of Eastern Roman Law. The Prochiron Nomos published by the Emperor Basil I at Constantinople between 867 and 879 A. D. Cambridge, 1928, p. 51; *J. et P. Zepos*. Jus graeco-romanum, vol. II, p. 117.

[2] Imperatorem Basilii... par. 4.

[3] Imperatorem Basilii... par. 7; *E. Freshfield*. Ibid., p. 51; *J. et Zepos*. Ibid., vol. II, p. 116.

[4] В XII в. появилась Ecloga ad Prochiron mutata, адресованная грекоговорящим жителям норманнского королевства Сицилия. См.: *K. E. Zacharia von Lingenthal*. Geschichte der griechisch-romischen Rechts. Berlin, 1892, S. 36; *E. Fresfield* (ed.). A Manual of Later Roman Law, the Ecloga ad Prochiron mutata. Cambridge, 1927, p. 1; *K. E. Zacharia von*

В конце правления Василия был составлен другой законодательный памятник, Эпанагога (η επαναγωγη; в переводе «приведение, введение»), который некоторыми учеными не совсем правильно называется новым изданием, просмотренным и дополненным, Прохирона.[1] Эпанагога, по словам этого сборника, является введением к сорока томам «очищенных» прежних законов,[2] составленных при том же Василии, и, подобно им, разделяется на сорок отделов (титулов).

Что это были за законодательные сборники, один в 60 книг, упомянутый в Прохироне, другой в 40 книг, упомянутый в Эпанагоге, в точности неизвестно. Вероятно, они при Василии закончены и изданы не были, а при его преемнике Льве VI легли в основу изданных последним Василик, о которых речь будет ниже.

По мнению одних ученых, Эпанагога никогда не была официально опубликована и осталась лишь законопроектом; [3] по мнению других, Эпанагога была официально опубликованным законом.[4]

Эпанагога довольно сильно отличается от Прохирона. Во-первых, в ее начале внесены совершенно новые, в высшей степени интересные отделы о царской власти, о власти патриарха, о других государственных и церковных властях, дающие нам представление об основах государственного и общественного строя в Византии и об отношении церкви к государству.[5] Во-вторых, материал, заимствованный Эпанагогой из Прохирона, распределен иначе. Почти наверное можно сказать, что патриарх Фотий принимал участие в составлении Эпанагоги; особенно это сказывается в определении отношения царской власти к власти патриарха и в вопросе о положении вселенского патриарха Нового Рима, перед которым остальные патриархи являются только местными иерархами. По-

---

Lingenthal. Jus graeco-romanum, vol. IV, p. 53. Автор этого кодекса жил между десятым и двенадцатым веком.

[1] *A. Vogt.* Basile Ier empereur de Byzance (867—886) et la civilisation byzantine a la fin du IXe siecle. Paris, 1908, p. 134. — Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 712.

[2] Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum, ed. Zacharia von Lingenthal. Leipzig, 1852, p. 62; *J. et P. Zepos.* Jus graeco-romanum, vol. II, p. 237.

[3] *K. E. Zacharia von Lingenthal.* Geschichte des griechisch-romischen Rechts. Berlin, 1892, S. 22.

[4] *В. Сокольский.* О характере и значении Эпанагоги. — ВВ, т. 1, 1894, с. 26—27. См. также: *G. Vernadsky.* The Tactics of Leo the Wise and the Epanagoge. — Byzantion, vol. VI, 1931, pp. 333—335.

[5] См.: *G. Vernadsky.* Die kirchlich-politische Lehre der Epanagoge und ihr Einfluß auf das russische Leben im XVII. Jahrhundert. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher, Bd. VI, 1928, SS. 121—125.

добно Прохирону, Эпанагога, называя во введении Эклогу императоров-иконоборцев «болтовней исавров, направленной на противодействие Божественного учения и на уничтожение спасительных законов»,[1] и говоря о ее полной отмене, тем не менее в некоторых частях пользуется Эклогою.

Для нас Эпанагога, вместе с некоторыми другими законодательными памятниками Византии, еще интересна тем, что она была переведена на славянский язык. Извлечения из нее находятся в славянских кормчих и в нашей печатной кормчей. Идеи Эпанагоги оказывали влияние и на позднейшую русскую историю; так, например, в документах по делу патриарха Никона, при царе Алексее Михайловиче, прямо приводятся постановления Эпанагоги о царской власти.[2]

Оба вышеназванные памятника, Прохирон и Эпанагога, вместе с работой над «очищением древних законов», составляют одну из светлых страниц правления Василия, который, стремясь к большему распространению законодательного дела Юстиниана, т. е. возвращаясь к началам несколько забытого в империи римского права, освежал его и приближал к жизни привнесением в законники вызванных течением времени изменений в области права.*

Василики и Типукит

Работы Василия в этой области дали возможность его сыну и преемнику Льву VI Мудрому издать Василики, являющиеся наиболее полным памятником греко-римского или византийского законодательства, где на греческом языке переработаны и слиты в один кодекс все части Юстинианова Свода. Название Василик происходит не от имени, как иногда неправильно полагали, Василия I, при котором, как мы знаем, был подготовлен для них материал, а от греческого слова василевс — царь, император; поэтому Василики в переводе обозначают «императорские законы».

Юридическая компиляция Льва VI, распадающаяся на 60 книг, преследовала цель, намеченную его отцом, т. е. восстановить в силе законодательство Юстиниана с опущением законов, потерявших

---

[1] *K. E. Zacharia von Lingenthal.* Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum, p. 62; *J. et P. Zepos.* Jus graeco-romanum, vol. II, p. 237.

[2] *G. Vernadsky.* Die kirchlich-politische Lehre der Epanagoge. — Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher, Bd. VI, 1928, SS. 127—142. Автор говорит о влиянии идей Эпанагоги на время патриарха Филарета (1619—1631) и Никона (1652—1658).

* О Прохироне и Эпанагоге см. также исследование Е. Э. Липшиц: Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Историко-юридические этюды. М., 1981, с. 46—60 (Прохирон), с. 60—63 (Эпанагога).

свою силу или чуждых изменившимся условиям византийской жизни, — другими словами, приспособить его к действующему праву. Поэтому Василики не представляют собой полного, буквального перевода Юстиниановых законов. Часть новелл и других законодательных памятников, вышедших после Юстиниана, включая некоторые новеллы Василия I и даже Льва VI, также служили источниками для Василик.[1]* Ни одна из рукописей не содержит полный текст Василик: в разных рукописях сохранились разные части свода. В общей же сложности мы располагаем двумя третями сборника.

Для восстановления утраченных книг Василик большое значение имеет сочинение XI или XII века — Типукит (Τιπουκει-τος),[2] приписываемый византийскому юристу (jurisconsult) Пацису.[3] Сочинение представляет собой обзор содержания Василик по рубрикам, с указанием основных глав каждого раздела. Типукит содержит также указание повторяющихся пассажей по всем разделам.[4]

---

[1] См. «Введение» в начале Василик: Basilicorum lib. LX, ed. C. G. E. Heimbach. Leipzig, 1870, Bd. I, SS. XXI—XXII. Точная дата составления и издания Василик неизвестна: между 886 и 892 гг. (888, 889 или 890 год). См.: *C. G. E. Heimbach.* Über die angebliche neueste Redaction der Basiliken durch Constantinus Porphyrogeneta. — Zeitschrift fur Rechtsgeschichte, Bd. VIII, 1869, S. 417; *C. G. E. Heimbach.* Basilicorum libri LX. Leipzig, 1870, p. VI; *P. Collinet.* Byzantine Legislation from the Death of Justinian (565) to 1453. — Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 713.

* О Василиках см. также: *Е. Э. Липшиц.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Историко-юридические этюды. М., 1981, с. 63—80.

[2] Название образовано от греческих слов τι ποῦ κεῖται. По-латински — quid ubi invenitur? (Перевод в обоих случаях одинаковый: «что где находится». — *Науч. ред.*)

[3] Об авторе Типукита см.: Τιπουκειτος sive Librorum LX Basilicorum Summarium Libros I—XII. Ediderunt C. Ferrini et S. G. Mercati. Romae, 1914, praefatio (Studi e testi, vol. XXV); *G. Ferrari.* — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XXVII, 1927, SS. 165—166. P. Collinet объявляет, что Типукит — произведение неизвестного автора (Cambridge Medieval History, vol. IV, p. 722). См. также: *P. Noailles.* «Tipucitus». — Melanges de Droit Romain dedies a George Cornil. Gand, 1926, t. 2, pp. 175—196; *A. Berger.* Tipoukeitos: The Origin of a Name. — Traditio, vol. III, 1945, pp. 395—403. Бергер пишет (с. 400): «Если современные справочные издания мы называем „Кто есть кто“, то заголовок сочинения Пациса мы можем перевести „Что есть где“». Сочинение Бергера очень полезно.

[4] Обзор содержания книг I—XII был издан К. Феррини и С. Дж. Меркати (см. прим. 3). Обзор содержания книг XIII—XXIII есть в следующем издании: Μ. Κριτοῦ τοῦ Πατζη Τιπουκειτος, Librorum LX Basilicorum Summarium Libros XIII—XXIII. Ed. F. Dolger. Romae, 1929. (Studi e testi, vol. LI). Несколько статей К. Феррини о рукописях и реконструкции Василик можно найти в следующем издании: Opera de Contrado Feriini. Milano, 1929, t. I, pp. 349—363.

Типукит полностью еще не опубликован.*

Восстановление античного права в Василиках, несмотря на сделанные в нем изменения, которые приблизили его к жизни, было все-таки искусственным и не могло вполне заменить законодательных актов. Например, многие части Эклоги оставались в силе и после Василик, сделавшись предметом различных позднейших добавлений и обработок. Василики, тем не менее, остаются колоссальным достижением в области византийской культуры и юриспруденции, стоящим после Corpus Juris Civilis. Это до сих пор почти что книга за семью печатями и научное исчерпывающее изучение ее несомненно откроет новые горизонты и широкие перспективы.[1]

Книга Эпарха

Ко времени Льва VI надо относить один из любопытнейших памятников, «драгоценное сокровище, — по словам Ф. И. Успенского, — для истории внутренней жизни Константинополя»,[2] а именно так называемую «Книгу Эпарха», найденную в Женеве и изданную швейцарским ученым Николем (Nicole) в конце XIX века.[3] Дата документа точно не установлена. Возможно, он составлен в царствование Льва VI или позже, в десятом веке, возможно, даже при Никифоре Фоке (после 963 года).[4]

---

* Необходимо внести одну поправку. Типукит не был полностью опубликован при жизни А. А. Васильева. В итальянской монографической серии Studi e testi (тома 25, 51, 107, 179, 193) Типукит был издан полностью, в пяти томах между 1914 и 1957 гг. Издатели — C. Ferrini, S. G. Mercati, F. Dolger, S. Hoerman, E. Seidl.

[1] См. подробно: *F. H. Lawson.* The Basilica. — The Law Quarterly Review, vol. XLVI, 1930, p. 486; *A. A. Vasiliev.* Justinian's Digest. — Studi bizantini e neoellenici, vol. V, 1939, p. 734. Весьма полезная информация о Василиках есть в следующей книге: *A. Albertoni.* Per una esposizione del diritto bizantino. Imola, 1927, pp. 43, 55—57.

[2] *Ф. И. Успенский.* Константинопольский эпарх. — Известия Русского Археологического института в Константинопол, т. IV, 2, 1899, с. 90.

[3] Le livre du prefet ou l'edit de l'empereur Leon le Sage sur les corporations de Constantinople. Ed. J. Nicole. Geneve, 1893. О других изданиях на западноевропейских языках см. библиографию. (Есть русский перевод: Византийская книга эпарха. Вступительная статья, перевод и комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962. — *Науч. ред.*)

[4] В 1935 году греческий историк А. П. Христофилопулос, очевидно, установил точную дату — межу первым сентября 911 г. и одиннадцатым мая 912 г. Το επαρχικον βιβλιον Λεοντος Τοῦ Σοφοῦ και αι συντεχνιαι εν Βυζαντιω (Афины, 1935, с. 13). В своей рецензии на эту книгу Г. Миквиц объявил, что греческий автор разрешил проблему: (Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher, Bd. XII, 1936, S. 369). См. также: *G. Mickwitz.*

Никифор Вотаниат и императрица Мария. Миниатюра рукописи Coislin 79. Национальная библиотека. Париж

Эпархом назывался в Византии константинопольский градоначальник, облеченный громадными полномочиями, стоявший на самых высших ступенях византийской чиновной лестницы. На его обязанности лежало прежде всего охранение общественной тишины и безопасности в столице, для чего в его распоряжении находился большой штат подчиненных, которые составляли приказ или, как называли в Византии, с е к р е т эпарха. Помимо других многочисленных прав и обязанностей эпарха по его должности, его ведомству подлежали столичные корпорации, или цехи, ремесленников и торговцев.

Книга эпарха знакомит с этой до сих пор еще мало известной стороной внутренней жизни Константинополя. Книга эпарха перечисляет различные разряды ремесленников и торговцев, говорит о внутреннем устройстве их цехов, об отношении к ним государства и т. д. Начинает наш документ свое перечисление с такой корпорации, которая, с нашей точки зрения, не подходит под понятие ремесленной или торговой корпорации, а именно с корпорации стряпчих, или нотариусов (тавулляриев, οι ταβουλλαριου, tabularii). Затем из ремесленников идут ювелиры, обделыватели шелка-сырца, выделыватели шелковых материй, полотна, воска, мыловары, кожевники, хлебопеки. Из торговцев Книга эпарха называет менял, торговцев шелковыми тканями и платьями, шелком-сырцом, благовонными товарами, воском, мылом, различных мелочных торговцев, мясников, торговцев свиньями, рыбой, лошадьми, булочников, трактирщиков. Каждая корпорация пользовалась монополией, так что под страхом строгого наказания запрещалось заниматься двумя различными ремеслами, даже близко подходившими друг к другу. Вся внутренняя жизнь цехов, их устройство, производство, место торговли, нормировка цен и барыша, ввоз в столицу и вывоз из нее и т. д. — все это подлежало строгой регламентации со стороны государства. Свободной торговли и свободного производства не существовало. Главным лицом, имевшим право вмешиваться лично или через своих представителей во внут-

---

Die Kartellfunktionen der Zunfte. Helsingfors, 1936, S. 205. Однако Христофилопулос основывал свое заключение на ошибочном описании А. И. Пападопуло-Керамевсом одной греческой рукописи, находящейся в Константинополе. Согласно Пападопуло-Керамевсу, рукопись содержала Книгу Эпарха, однако теперь мы знаем, что это не так. Вместо этого, рукопись содержит некоторое количество распоряжений (ordinances) палестинского архитектора (architect) Юлиана Аскалонита. «Открытие» Христофилопулоса следует, таким образом, отвергнуть. См.: *D. Ghines*. Το επαρχικον βιβλιον και οι νομοι 'Ιουλιανου̂ 'Ασκαλονιτου. 'Επετηρις Εταιρειας Βυζαντινω̂ν Σπουδω̂ν, vol. XIII, 1937, pp. 183—191, в особенности pp. 183—185.

реннюю жизнь цехов и регулировать их производство или торговлю, был столичный эпарх.[1]

Материал о византийских цехах, сообщаемый Книгой эпарха, дает возможность провести интересную аналогию с цехами средневековой Западной Европы.

От времени Льва VI существует более ста новелл, которые дают очень богатый материал для внутренней истории Византии в конце девятого и в начале десятого веков. Они еще не изучены и не использованы должным образом.[2]

«Властели» и «бедные»

Законодательные работы Василия I и Льва VI вызвали на некоторое время оживление в юридической литературе X и XI веков, выразившееся в том, что, с одной стороны, юристы занялись толкованием и комментированием Василик (такие толкования обычно называются с х о л и я м и), а с другой стороны, составлением разнообразных сокращенных изложений и руководств.

Но X век отмечен в высшей степени интересным явлением в области законодательной деятельности византийских императоров, которые целым рядом новелл должны были отозваться на один из самых острых вопросов социально-экономической жизни той эпохи, а именно на вопрос о чрезмерном развитии крупного землевладения в империи в ущерб мелкому крестьянскому землевладению и свободной крестьянской общине.

---

[1] Обширная литература по поводу Книги Эпарха есть у Острогорского: *G. Ostrogorsky*. Geschichte des byzantinischen Staates. Munchen, 1940, S. 177, Anm. 3. См. также: *A. Stockle*. Spatromische und byzantinische Zunfte. Leipzig, 1911, SS. 147—148. На русском языке см. рецензию П. В. Безобразова (Византийский временник, т. XVII, 1911, с. 33—36), а также добавления к подготовленному им изданию книги Г. Ф. Херцберга «История Византии» (М., 1896).

[2] *K. E. Zacharia von Lingenthal*. Jus graeco-romanum, vol. III, p. 65—226; *J. et P. Zepos*. Jus graeco-romanum, vol. I, pp. 54—101. См. также: *G. Ostrogorsky*. Geschichte des byzantinischen Staates. Munchen, 1940, S. 172. См. также: *Henri Monnier*. La novelle XX de Leon le Sage. — Melanges Fitting, II. Monpellier, 1908; *idem*. La novelle 50 de Leon le Sage. — Melanges P. F. Girard. Paris, 1912; *idem*. Les novelles de Leon le Sage. Bordeaux, Paris, 1923. См. также: *C. A. Spulber*. Les Novelles de Leon le Sage. Traduction. Histoire. — Études de droit Byzantin, III. Cernautzi, 1934. (См. также в сводной библиографии А. А. Васильева указание на другую работу Анри Монье, примыкающую к данной теме: Études du droit byzantine. — Novelle revue historique du droit, vol. XVI, 1892, pp. 497—542, 637—672. — *Науч. ред.*)

[В соответствующем месте русской версии (с. 319—320) после данного абзаца есть довольно большой текст, объясняющий возникновение и развитие крупной земельной собственности, начиная с Римской империи. В последующие издания этот отрывок А. А. Васильевым, по не вполне понятным причинам, не включался. Несмотря на то, что с современных позиций объяснения А. А. Васильева не полны и во многом устарели, ниже, в круглых скобках, следует этот текст, достаточно важный для характеристики взглядов известного византиниста. — *Науч. ред.*]

(Римская империя передала Византии две основные черты социального строя: господство крупного землевладения (латифундии) и колонат, или крепостное право. Представителям римского крупного землевладения, а именно куриалам и поссессорам, на Востоке соответствовали архонты и ктиторы. Обладая крупной земельной собственностью, поссессоры пользовались большим влиянием в городских куриях, что при существовании в первые века Римской империи муниципального устройства, заключавшего в себе некоторую долю местного самоуправления, давало им еще большую силу. Однако уже в IV веке обстоятельства изменились. Римское правительство, имея податные затруднения с обедневшими к тому времени городами, сделало куриалов ответственными за внесение полностью тем или другим городом требуемой суммы налогов, а когда куриалы стали стремиться избавиться от столь разорительных должностей, оно сделало городские должности наследственными в определенных фамилиях. Эти мероприятия привели к разорению многих представителей крупного землевладения. Позднее, уже в византийское время, муниципальный строй стал разлагаться под давлением центральной власти. Лев VI покончил с оставшейся еще тенью муниципального устройства, закрыв городские курии и подчинив города окончательно императорской власти.*

---

* Литература, посвященная ранневизантийским городам и их эволюции, огромна. Поэтому здесь приведены лишь две выборочные ссылки, где приведена многочисленная литература: *Г. Л. Курбатов*. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (Конец античного города в Византии). Л., 1971; *Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева*. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму. — Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986, с. 100—197. О проблемах земли и земельной собственности см., например: *E. Patlegean*. Pauvrete economique et pauvrete sociale a Byzance. IVe—VIIe siecles. Paris, 1977, pp. 236—340 (глава «La terre et la societe»). В работе Э. Патлажан имеется прекрасная библиография.

Что касается невнимания А. А. Васильева к данной проблематике, то здесь, видимо, сыграли свою роль две причины: субъективное отсутствие интереса к этим вопросам; неразработанность — по сравнению с нашим временем — вопросов эволюции экономики в целом и городской жизни

В эпоху иконоборчества, т. е. в VIII и IX веках, по всей вероятности, как было уже отмечено выше, в связи с крупными славянскими поселениями на греко-римской земле, в империи появились мелкие крестьянские землевладельцы, многочисленные крестьянские свободные общины; стала отмечаться свобода крестьянских переходов; в поместьях крупных землевладельцев земли иногда обрабатывалась не крепостными, а вольными людьми — половниками и десятинниками (мортитами). Императоры-иконоборцы, направив отчасти свою борьбу против монастырского землевладения, также могли содействовать возрождению крестьянской собственности.

В VIII веке и начале IX в Византии создавалась солидная сила в виде крестьянской общины и мелкого крестьянского собственника, могущая, как казалось, дать отпор притязаниям несколько ослабленного крупного землевладения, однако позже картина снова меняется.)

Во время Македонской династии класс «могущественных» (δυνατοι), или магнатов [прежних архонтов и ктиторов, которых часто называют властелями, — выражением, заимствованным из славянского быта] * снова значительно вырос. На другом полюсе находился класс «бедных» [или убогих] ** людей (πενητες), которых можно сопоставлять с бедными людьми (pauperes) средневековой Западной Европы, или с «сиротами» московского периода русской истории. Бедные люди Византийской империи были мелкими земельными собственниками и членами общин, которых тяжелые налоги и различные повинности заставляли обращаться за помощью к могущественным магнатам, отказываясь от своей свободы и независимости.

Подобное, на первый взгляд, несколько неожиданное усиление властелей в X веке отчасти может быть объяснено, особенно для Малой Азии, где в X веке источники отмечают наибольшее число крупноземлевладельческих фамилий, результатами восстания Фомы в двадцатых годах IX века, о чем речь шла выше. Ожесточен-

---

в частности, в то время, когда сам А. А. Васильев писал свою работу. Отметим здесь еще раз, что — несмотря на все переиздания и добавления многочисленных примечаний и вставок — сочинение А. А. Васильева претерпело немного изменений, по сравнению с 1917—1925 гг., когда была опубликована исходная версия его «Истории Византии».

* Стоящие в прямых скобках слова есть только в исходной русской версии (с. 320).

** Об аграрных отношениях в Византии времени Македонской династии см. подробно: *А. П. Каждан.* Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960; *Г. Г. Литаврин.* Византийское общество и государство в X—XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976—1081 гг. М., 1977, с. 7—109, в особенности 96—109.

ность и продолжительность этого восстания были причинами разорения большинства мелких держателей и перехода их в руки богатых соседей. Но это лишь одна из предполагаемых причин. Вообще вопрос об усилении крупного землевладения в Византии в IX и X веках еще в должной мере не разъяснен.

Государи эпохи Македонской династии, по крайней мере, начиная с Романа I Лакапина (919—944) и кончая временем Василия II (976—1025), выступали энергичными борцами за дело мелкого землевладения и крестьянской общины против властелей. Причины такой борьбы императоров с крупным землевладением надо искать именно в чрезмерном увеличении последнего. Властели, располагая на своих обширных территориях большим числом крепостных, могли иногда выставить из них настоящее войско и, пользуясь этим, составляли заговоры против императора. Поэтому императоры, задавшись целью сломить силу властелей при посредстве защиты интересов мелкого крестьянства и крестьянской общины, этим самым выступали на защиту своего трона и власти, которым, особенно из Малой Азии, в X веке угрожала серьезная опасность.

Но императорам приходилось защищать не только крестьянские интересы, но и так называемые воинские участки или военно-поместное землевладение. Как известно, еще во времена Римской империи солдатам, стоявшим на границах, а отчасти и внутри государства, отводились земли с обязательством военной службы. Эти воинские участки дожили до X века, хотя и находились в состоянии упадка. Последним в IX и X веках стала точно также угрожать опасность со стороны властелей, которые стремились скупать воинские поместья, как они скупали крестьянские угодья. Поэтому императоры должны были выступить на защиту также и воинских участков.

Меры, предпринятые государями Македонской династии для защиты крестьянского и воинского землевладения, в сущности довольно просты и однообразны. Главным образом они заключались в запрещениях властелям вкупаться в крестьянские общины и приобретать крестьянские и воинские участки.

Меры правительства по данному вопросу открываются новеллой соправителя Константина Багрянородного, Романа I Лакапина, изданной в 922 году. В новелле выставлено три положения: 1) предпочтительное право при продаже и при отдаче во временную или наследственную аренду недвижимой собственности, т. е. земли, дома, виноградника и др., принадлежит крестьянам и их свободной общине; 2) властелям запрещается делать приобретения от бедных тем или иным способом, будет ли это посредством дара, завещания, покупки, найма или мены; 3) воинские участки, отчужденные каким-либо способом в течение последних тридцати лет или же

имеющие впредь быть отчужденными, возвращались без всякого вознаграждения к своему первоначальному назначению.

Постигшие империю вскоре после издания этой новеллы тяжелые бедствия подвергли испытанию мероприятия Романа. Необычайные морозы, неурожай, страшный голод и моровая язва главным образом отразились на судьбе крестьянства. Пользуясь отчаянным положением последнего, властели по ничтожной цене, за небольшое количество хлеба, скупали у бедных их земельные участки.

Ввиду столь открыто возмутительного отношения властелей Роман издал в 934 году вторую новеллу, в которой самым решительным и резким образом порицает жестокое любостяжание властелей, оказавшихся «для несчастных сельских жителей подобием мора или гангрены, въевшейся в деревенское тело и уготовлявшей его погибель».[1] Данная новелла представляла крестьянам, у которых властели, вопреки закону, купили землю, начиная с голодного года, право выкупа ее за ту же цену; по получении денег новые владельцы должны быть немедленно удалены. После упоминания об успехах византийского оружия над внешними врагами новелла заканчивается такими решительными словами: «Если мы достигли таких успехов против внешних врагов, то как нам не сокрушить домашних, внутренних врагов природы, людей и доброго порядка справедливым желанием свободы и острием настоящего законодательства».[2]

Однако и этот указ Романа I не остановил развития крупного землевладения и разложения мелкого крестьянского хозяйства и общины. Новелла Константина Багрянородного официально заявляет, что прежние законы не соблюдались. При нем против властелей были предписаны более решительные меры. Вступивший на престол благодаря своему браку с вдовой Романа II, Никифор Фока происходил из властельского сословия; поэтому интересы крупного землевладения были для него понятнее и ближе, чем для его предшественников. Его новелла, по словам В. Г. Васильевского, «несомненно свидетельствует о некоторой реакции законодательства в пользу властельского сословия, хотя в ней и говорится только о равно справедливом отношении к обеим сторонам».[3] Как сказано в новелле, «древние законодатели называли царей законными за-

---

[1] *Zacharia von Lingenthal.* Jus graeco-romanum, t. III, p. 247; *J. et P. Zepos.* Jus graeco-romanum, vol. I, p. 210.

[2] *Zacharia von Lingenthal.* Ibid., p. 252; *В. Г. Васильевский.* Материалы для внутренней истории Византийского государства. — ЖМНП, т. CCII, 1879. То же в изд.: *В. Г. Васильевский.* Труды, т. IV, Л., 1930, с. 281; *J. et P. Zepos.* Jus graeco-romanum, t. I, p. 214.

[3] *В. Г. Васильевский.* Там же (статья — с. 188; Труды — т. IV, с. 281); *J. et P. Zepos.* Ibid., p. 214.

щитниками, общим и для всех равным благом», от чего предшественники Никифора Фоки в своих законах уклонились. По словам той же новеллы, «они совершенно не заботились о благосостоянии властелей и даже не позволяли им оставаться при том, чем они владели».[1] Никифор Фока, отменив своей новеллой прежние постановления, дал новый простор своеволию и усилению властелей.

Самым упорным врагом властельского сословия был Василий II Болгаробойца. Представители малоазиатских властельских фамилий, Варда Фока и Варда Склир, восстали против императора и чуть не лишили его трона. Только вмешательство русского вспомогательного корпуса, посланного князем Владимиром, спасло императорский трон. Поэтому нет ничего удивительного, что Василий II видел в крупных землевладельцах опасных, заклятых врагов, с которыми он не стеснялся. Однажды, при своем проезде через Каппадокию, Василий был роскошно принят со всем войском в обширном поместье Евстафия Малеина. Император, почуяв в последнем возможность опасности вроде попыток Фоки и Склира, увез его с собой в столицу, где он и умер. После смерти Малеина все его обширные земли были конфискованы. Другой аналогичный случай рассказан в самой повелле Василия. Узнав в Малой Азии, что некто Филокалес, сделавшись из простых крестьян знатным и богатым и достигнув высоких служебных чинов, захватил все селение, где жил, и обратил его в собственное поместье, изменив даже само название его, Василий приказал разрушить его великолепные дворцы, сравнять их с землей, а бедным возвратить их достояние; самого же Филокалеса император вернул в первичное состояние простого крестьянина.[2] Очевидно, фамилии Фокадов, Склиров и Малеинов и такие типы, как Филокалес, представляли собой не всех крупных землевладельцев Малой Азии.

Знаменитая новелла 996 года отменила сорокалетнюю давность, которой прикрывались властели, незаконно владевшие крестьянскими участками и старавшиеся, по словам новеллы, «то посредством подарков, то посредством присущей им силы миновать этот срок и тогда уже получить в полную собственность то, что они дурным образом приобрели от убогих».[3] Имения же, приобретенные властелями в сельских общинах до первого законоположения Ро-

---

[1] *Zacharia von Lingenthal.* Jus graeco-romanum, vol. III, p. 297; *J. et P. Zepos.* Jus graeco-romanum, vol. I, pp. 253—254.

[2] *Zacharia von Lingenthal.* Ibid., p. 310; *J. et P. Zepos.* Ibid., p. 265; *В. Г. Васильевский.* Материалы... — ЖМНП, т. CCII, 1879, с. 217; Труды, т. IV, с. 314—315.

[3] *Zacharia von Lingenthal.* Ibid., p. 308; *J. et P. Zepos.* Ibid., p. 215—216; *В. Г. Васильевский.* Материалы... — ЖМНП, т. CCII, 1879, с. 215—216; Труды, т. IV, с. 312—313.

мана I, должны оставаться собственностью властелей, если последние могут доказать свое право на владение или письменными документами, или достаточными свидетелями. Для требований казны не существует никакой давности, так что казна «может отыскивать свое право, восходя назад ко времени Августа Кесаря».[1]

Воинские участки также не раз служили предметом заботы новелл македонских государей.

Кроме новеллы 996 года Василий II издал или, вернее, восстановил указ о налоге «а л л и л е н г и й», что в переводе значит «ручательство друг за друга, взаимное ручательство» (αλληλεγγυον). Еще в начале IX века император Никифор I Геник (насколько мы можем толковать краткое сообщение источника об этом) [2] издал распоряжение, переносящее ответственность за полный взнос податей бедными на их богатых соседей. Возможно, что это распоряжение *должно быть приведено в связь с известным уже мероприятием* императора Анастасия I о надбавке — эпиболе (adjectio sterilium). Система платежей на основе аллиленгия накладывала очень тяжелые налоговые платежи на крестьян. Это все очень хорошо объясняет, почему принадлежность к общине была обременительной и почему крестьяне предпочитали обладать отдельной собственностью.[3] Распоряжение Никифора I вызвало такую к себе ненависть, что его преемники, по-видимому, к нему не прибегали. Василий II, имея сильную нужду в деньгах для болгарской войны и желая нанести страшный удар властелям, снова издал закон, который сделал властелей в податном отношении ответственными за убогих, если последние не были в состоянии внести причитавшиеся им подати. Конечно, если бы подобная мера, за которую Василий II стоял твердо, продержалась долго, то могла бы привести к сильному разорению властелей, как светских, так и духовных. Но аллиленгий просуществовал лишь короткое время. В первой половине XI века император Роман III Аргир, вступивший на престол благодаря женитьбе на Зое, дочери Константина VIII, будучи сам не чужд властельских ин-

---

[1] *Zacharia von Lingenthal.* Jus graeco-romanum, vol. III, p. 315; *J. et P. Zepos.* Ibid., p. 269. *В. Г. Васильевский.* Материалы... с. 220; то же см. в изд.: *В. Г. Васильевский.* Труды, т. IV, с. 269.

[2] *Theophanes.* Chronographia, ed. de C. Boor, p. 486; *J. B. Bury.* A History of the Eastern Roman Empire, vol. III, p. 214.

[3] *G. Ostrogorsky.* Agrarian Conditions in the Byzantine Empire in the Middle Ages. — Cambridge Economic History, vol. I, pp. 202—203. Вопрос о связи «эпиболе» с «аллиленгием» остается спорным. См.: *F. Dolger.* Beitrage zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts. Leipzig, Berlin, 1927, SS. 129—139. См. также: *G. Bratianu.* Études byzantines d'histoire economique et sociale. Paris, 1938, pp. 197—201.

тересов и желая найти пути к примирению с высшим духовенством и землевладельческой знатью, отменил ненавистный для властелей аллиленгий.

Хотя указы македонских государей X века и полагали некоторый предел притязаниям властелей, тем не менее решительных результатов в желательном для императоров смысле они не дали. Постепенно в XI веке знаменитые новеллы забывались и выходили из употребления, тем более что в том же веке существенно изменилась и сама внутренняя политика византийских государей, которые стали явно покровительствовать крупным земельным собственникам. Подобные условия сильно содействовали закрепощению свободных крестьян. Однако, как свободная крестьянская община, так и свободное, не прикрепленное к земле крестьянство не совсем исчезли с территории империи, и с этими институтами приходится встречаться в позднейшее время.

Провинциальное управление

Провинциальное управление в IX веке и в эпоху Македонской династии шло по пути дальнейшего развития уже известного нам фемного строя, которое выражалось, с одной стороны, в дальнейшем постепенном дроблении прежних фем и вытекавшем отсюда увеличении их числа, а с другой стороны — в возведении на положение фем округов, носивших до этого другое название, как например, клисур.

Оба экзархата, рассматриваемые в науке как настоящие прообразы фем, уже давно ушли из-под власти империи: Карфагенский, или Африканский, экзархат был завоеван арабами в середине VII века, тогда как Равеннский был в первой половине VIII века завоеван лангобардами, вынужденными вскоре уступить присоединенные земли экзархата франкскому королю Пипину Короткому. Он, в свою очередь, передал их папе, чем положил в 754 г. основание знаменитому в средневековой истории папскому государству. Не считая экзархатов, в VII веке в Византии имелось уже пять воеводств,* не носящих еще названия фем. К началу IX века насчитывалось уже десять фем — пять азиатских, одна морская и четыре европейских. На основании данных, содержащихся в трудах арабского географа Ибн Хордазбеха и других источников, историки насчитывают в IX веке уже 25 военных округов, однако не все из них были фемами. Среди них было две клисурархии, один дукат и два архонтата. Составленная в 899 года обер-гофмаршалом двора (атриклином) Филофеем Табель о рангах, обычно включаемая в качестве составной части в Книгу Церемоний византийского

---

* Термин А. А. Васильева.

двора времени Константина Багрянородного, насчитывает 25 фем.[1] Константин Багрянородный в своем сочинении «О фемах» (X век) дает список в двадцать девять фем: семнадцать азиатских, считая четыре морских фемы, и двенадцать европейских, включая сюда еще Сицилию, часть которой образовывала фему Калабрию, после завоевания арабами в X веке собственно Сицилии. В эти же двенадцать европейских фем входит у Константина Багрянородного фема Херсона в Крыму, образованная, по всей вероятности, в IX веке и часто носившая название «климатов», или «готских климатов». Список, опубликованный В. Н. Бенешевичем, и относимый к царствованию Романа Лакапина до 921—927 года, упоминает тридцать фем.[2] В XI веке их число выросло до тридцати восьми.[3] Большая их часть управлялась военным должностным лицом — стратегом. Из-за частого изменения числа фем и из-за нехватки источников по историческому развитию фемной организации, наши познания об этой весьма важной стороне византийской жизни до сих пор весьма ограниченны и неточны.

Кое-что надо сказать о клисурах и клисурархах. Слово «клисура», которое означает даже в современном греческом «горное ущелье», в византийское время означало «пограничную крепость» с небольшой соседней территорией или вообще «небольшую провинцию», во главе которой стоял начальник-правитель (клисурарх), занимавший менее высокое положение, чем стратиг, и, вероятно, не соединявший в своих руках военных, гражданских и судебных полномочий последнего. Некоторые клисуры, как, например, малоазиатская Селевкия, Севастия и некоторые другие, со временем превращались в фемы, то есть повышались в своем значении.

Стоявшие во главе фем стратиги имели многочисленный штат подчиненных. Интересно, что, по крайней мере, при Льве VI Мудром стратиги восточных фем, куда включались и морские фемы, получали определенное содержание из сумм государственного казначейства, между тем как стратиги западных фем получали свое содержание из доходов подчиненного им округа, а не из казны.

Фемный строй достиг своего наибольшего развития при Македонской династии. После нее он постепенно начинает падать по мере развития завоеваний турок-сельджуков в Малой Азии, а также

---

[1] *J. B. Bury*. The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a revised text of the Kletorologion of Philotheos. London, 1911, pp. 146—147. (British Academy Supplementary Papers, 1.)

[2] *V. N. Beneševič*. Die Byzantinischen Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei... — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. V, 1926, SS. 118—122. По поводу даты — там же, S. 164—165.

[3] *Н. Скабаланович*. Византийское государство и церковь в одиннадцатом веке. СПб., 1884, с. 193—230.

затем в силу изменившихся условий в византийской жизни в эпоху Крестовых походов.

Смутное время (1056—1081)

Императоры. Уже после смерти Василия II Болгаробойцы в 1025 году империя вступила в период смут, частной смены иногда случайных государей и начинающегося общего упадка. Императрица Зоя, как известно, возвела на престол трех своих супругов. В 1056 году в лице императрицы Феодоры, сестры Зои, Македонская династия прекратила свое существование.

Империя после этого пережила смутный период в 25 лет, с 1056 по 1081 год, закончившийся возведением на престол Алексея Комнина, основателя известной династии Комнинов.

Этот смутный период, внешним признаком которого была частая смена случайных и, большей частью, бесталанных императоров, имел в истории Византии важное значение, так как в значительной мере создал в империи условия, вызвавшие впоследствии на Западе крестоносное движение. В эти двадцать пять лет внешние враги Византии сильно теснили ее: с запада норманны, с севера печенеги и узы и с востока турки-сельджуки. За это время территория империи значительно уменьшилась в своем размере.

Другой отличительной чертой данного периода была борьба военного элемента и крупной землевладельческой знати, особенно малоазиатской, с центральным бюрократическим правительством, — борьба провинции со столицей, закончившаяся после ряда колебаний победой войска и крупного землевладения, т. е. провинции над столицей, в лице Алексея Комнина.

Все императоры смутного времени XI века были греки по происхождению. Как известно, в 1056 году престарелая, почти уже умирающая императрица Феодора, по настоянию придворной партии, избрала в императоры почтенного по возрасту патрикия Михаила Стратиотика, после чего вскоре умерла. Михаил VI Стратиотик, ставленник столичной придворной партии, смог удержаться на престоле всего год с небольшим (1056—1057), так как против него поднялись войска в Малой Азии, провозгласившие императором военачальника, прославившегося уже борьбой с турками, Исаака Комнина, представителя крупной землевладельческой фамилии. Это была первая за разбираемый период победа военной партии над гражданским центральным правительством — первая победа провинции над столицей. Михаил Стратиотик был вынужден отречься от престола и окончил дни свои частным лицом.

Однако, на этот раз победа военной партии была кратковременной: Исаак Комнин правил всего с 1057 по 1059 год, когда он, по причинам, которые до сих пор представляются недостаточно

ясными, отрекся от престола и постригся в монахи. Возможно, что Исаак Комнин пал жертвой искусной интриги со стороны элементов, недовольных его самостоятельным и энергичным правлением. Император, ставя на первый план интересы государственной казны, наложил руку на незаконно приобретенные крупными собственниками, как светскими, так и духовными, земли и уменьшил жалованье крупных чиновников. В интриге против Исаака Комнина принимал участие, по всей вероятности, известный ученый и государственный деятель Михаил Пселл.

Преемником Исаака был Константин X Дука (1059—1067), талантливый финансист, защитник правильного правосудия, интересовавшийся преимущественно делами гражданского управления. На войско и вообще на военное дело новый император обращал мало внимания. Это было время реакции гражданского управления против восторжествовавшего при Исааке Комнине военного элемента, реакции столицы против провинции, «несчастное время господства бюрократов, риторов и ученых».[1] Однако внешняя опасность, грозившая империи с севера и востока, со стороны печенегов и узов с одной стороны, турок-сельджуков с другой, не оправдала антивоенного характера правления Константина Дуки. Чувствовалась настоятельная необходимость иметь на престоле государя-воина, который мог бы оказать надлежащее сопротивление неприятелю. Даже такой антимилитарист, каким был в XI веке ученый Михаил Пселл, писал, что в его время «войско есть нерв государства ромеев».[2] В таких обстоятельствах против императора составилась сильная оппозиция. Когда в 1067 году Контантина X Дуки не стало, государством в течение нескольких месяцев управляла его жена Евдокия Макремволитисса в качестве регентши с тремя сыновьями. Но военная партия нашла для нее супруга в лице талантливого военачальника Романа Диогена, родом из Каппадокии, который и сделался императором Романом IV Диогеном (1067—1071).

Вступление последнего на престол знаменует собой вторую победу военной партии. Четырехлетнее правление этого императора-воина окончилось для него трагически. Роман Диоген попал в плен, о чем будет речь ниже, к турецкому султану, который, однако, даровал ему свободу. По получении известия о плене императора столица взволновалась. После некоторых колебаний императором был провозглашен сын Евдокии Макремволитиссы от Константина Дуки, ее первого мужа, ученик Михаила Пселла,

---

[1] *H. Gelzer*. Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. Munchen, 1897, S. 1006.

[2] *C. Sathas*. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. IV, p. 58.

Михаил VII Дука, по прозванию Парапинак.[1] Евдокия постриглась в монахини. Возвратившийся из плена Диоген, вопреки торжественно данной ему гарантии личной безопасности, был варварски ослеплен и вскоре умер.

Михаил VII Дука Парапинак (1071—1078), любивший заниматься науками, беседовать с учеными, сам писавший стихи, не имевший никакой склонности к военным делам, восстановил бюрократический режим своего отца Константина Дуки. Но последний режим не соответствовал внешнему положению государства. Новые успехи турок и печенегов настоятельно требовали, чтобы во главе империи стоял император-воин, опиравшийся на армию, в которой население видело спасение государства. «Выразителем народных нужд, по словам одного историка, в этом отношении подавшим надежду на их удовлетворение»,[2] явился стратиг одной из малоазийских фем Никифор Вотаниат, который, будучи провозглашен императором в Малой Азии, принудил Парапинака постричься и уйти в монастырь, после чего вступил в столицу и был коронован патриархом. Правил Никифор III Вотаниат с 1078 по 1081 год. Но новый император, престарелый и физически слабый, не мог справиться ни с внутренними, ни с внешними затруднениями. Крупная землевладельческая аристократия провинции не признавала прав Никифора III на престол. В различных частях империи появились претенденты, оспаривавшие трон у Вотаниата. Особенно искусно воспользовался обстоятельствами один из его главных военачальников Алексей Комнин, племянник уже ранее царствовавшего Исаака Комнина и родственник царствовавшей также фамилии Дуков, поставивший себе целью добиться престола, что ему и удалось. Вотаниат отрекся от престола и удалился в монастырь, где был пострижен в монашество. В 1081 году Алексей Комнин был венчан на царство и, положив конец смутному времени в Византии XI века, открыл собой эпоху династии Комнинов. Его вступление на престол знаменовало собой победу военной партии и крупного провинциального землевладения.

Конечно, при столь частой смене императоров и почти не прекращавшейся тайной или явной борьбе за трон внешняя политика империи не могла стоять на надлежащей высоте, особенно ввиду той сложной и опасной для государства обстановки, которая создалась ввиду успешных действий главнейших врагов империи:

---

[1] Прозвание «Парапинак» произошло потому, что во время случившегося при этом государе неурожае номисму, то есть византийский золотой, требовали не за целый медимн хлеба, а за пинакий, как называлась четверть медимна.

[2] *Н. Скабаланович.* Византийское государство и церковь в одиннадцатом веке. СПб., 1884, с. 115.

турок-сельджуков с востока, печенегов и узов с севера и норманнов с запада.

Турки-сельджуки

Византийская империя знала турок уже давно. Проект турецко-византийского союза существовал во второй половине VI века. Турки служили в Византии как наемники, а также — в дворцовой гвардии.[1] Их было немало в рядах арабских войск на восточных рубежах империи. Турки принимали активное участие в осаде и грабеже Амория в 838 году. Но все эти сношения и столкновения с турками до XI века не имели важного значения для империи. С появлением в первой половине XI века на восточной границе турок-сельджуков обстоятельства изменились.[2]

Сельджуки (или сельджукиды) были потомками туркменского князя Сельджука, находившегося около 1000-го года на службе у одного из туркестанских ханов. Из киргизских степей Сельджук со всем своим племенем переселился в Бухарскую область, где он и его народ приняли ислам. Вскоре сельджуки настолько усилились, что два внука Сельджука во главе своих диких туркменских полчищ могли уже произвести нападение на Хорасан.

С середины же XI века сельджуки стали играть важную роль и в истории Византии, угрожая ее пограничным провинциям в Малой Азии и на Кавказе. Уже раньше было отмечено, что в сороковых годах XI века, при императоре Константине IX Мономахе, Армения с ее новой столицей Ани была присоединена к Византии. Но последнее обстоятельство лишило бывшее Армянское царство его значения, как государства-буфера между империей и турками, по крайней мере, на северо-востоке. Наступая после этого в Армению, сельджуки наступали уже на византийскую территорию. Одновременно с этим сельджуки стали продвигаться и в Малую Азию.

Во время энергичного, хотя и кратковременного правления Исаака Комнина восточная граница успешно оборонялась против натиска сельджуков. Но с его падением антивоенная политика

---

[1] См.: *Constantini Porphyrogeniti* De cerimoniis aulae byzantinae. Bonn. ed., p. 661; *Harun-ibn-Yahya* (IX век) в изд.: *M. de Goeje*. Bibliotheca geographum arabicorum, vol. VII, p. 121, 124. Описание Константинополя Харуна-ибн-Йахйи включено в географическое сочинение Ибн Русты (X век). См.: *A. A. Vasiliev*. Harun-ibn-Yahya and his Description of Constantinople. — Annales de l'Institut Kondakov, vol. V, 1932, pp. 156, 158; *J. Marquart*. Osteuropaische und ostasiatische Streifzuge. Leipzig, 1903, SS. 216, 219, 227.

[2] См.: *P. Wittek*. Von der byzantinischen zur turkischen Toponymie. — Byzantion, t. X, 1935, pp. 12—53; *P. Wittek*. Deux chapitres de l'histoire des Turcs de Roum. — Byzantion, t. XI, 1936, pp. 285—302.

Константина Дуки ослабила военные силы Малой Азии и тем облегчила вторжение сельджуков в византийские пределы. Может быть, центральное правительство, по мнению одного историка, даже не без удовольствия «взирало на несчастье этих упорных и гордых провинций». «Восток, подобно Италии, поплатился страшными потерями за ошибки столичного правительства».[1] При Константине X Дуке и после его смерти, во время семимесячного регентства его жены Евдокии Макремволитиссы, второй по счету султан сельджукидов Алп Арслан завоевал Армению со столицей Ани и опустошил часть Сирии, Киликию и Каппадокию. В главном городе последней, Кесарии, турки ограбили главную святыню города — церковь Василия Великого, где хранились мощи святого.[2] Византийский хронист писал по поводу времени Михаила Парапинака (1071—1078): «При этом императоре весь мир, земной и морской, был захвачен нечестивыми варварами, разрушен и лишился населения, ибо все христиане были ими убиты, и все дома и деревни Востока с их церквями были разорены, полностью разрушены и превращены в ничто».[3]

В таких обстоятельствах военная партия нашла правительнице Евдокии мужа в лице энергичного Романа Диогена. Новый император предпринял несколько походов против турок, из которых первые были довольно удачны. Но разноплеменное войско, состоявшее из македонских славян, болгар, узов, печенегов, варягов, франков, под которыми в это время в Византии разумели вообще представителей западноевропейских народностей, не являло собой хорошо организованного и обученного войска, способного с успехом противостоять быстрым движениям турецкой конницы и системе быстрых и смелых кочевых набегов (nomadic attacks). Особенно ненадежны в рядах византийского войска были составлявшие в нем легкую конницу узы и печенеги, которые при столкновении с турками тотчас же почувствовали с последними племенное родство.

Последний поход Романа Диогена закончился для него роковой битвой в августе 1071 года при Манцикерте (Маназкерт, теперь Мелазгерд) в Армении, на север от озера Ван. Незадолго до сражения отряд узов со своим вождем перешел на сторону турок. Это вызвало большое беспокойство в войске Романа Диогена. В пылу

---

[1] *C. Neumann.* Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzugen. Leipzig, 1894, S. 107. Французский перевод: Revue de l'orient latin, vol. X, 1905, p. 104.

[2] Michaelis Attaliotae Historia, p. 94; *Joannis Scylitzae* Historia. Bonn. ed., p. 661.

[3] 'Ανωνυμου Συνοψις Χρονικη. Опубликовано в: *Sathas.* Bibliotheca graeca medii aevi. Paris, 1897, vol. VII, p. 169. О турецких опустошительных набегах в XI веке, до 1071 года, см. Хронику Михаила Сирийца в переводе J.-B. Chabot, t. III, pp. 158—165.

завязавшейся битвы один из византийских военачальников распустил слух о поражении императорского войска, которое, будучи охвачено паникой, обратилось в бегство. Геройски сражавшийся Роман Диоген был захвачен в плен турками и с почетом встречен Алп Арсланом.

Между победителем и побежденным был заключен «вечный» мир и дружественный договор, главные пункты которого мы узнаем из арабских источников: 1) Роман Диоген получал свободу за уплату определенной суммы; 2) Византия должна была платить Алп Арслану ежегодно крупную сумму денег; 3) Византия обязывалась возвратить ему всех пленных турок.[1] Роман, после возвращения в Константинополь, нашел престол занятым Константином X Дукой и, подвергшись ослеплению, вскоре умер.

Сражение при Манцикерте имело серьезные последствия для империи. Хотя, согласно соглашению, Византийская империя, вероятно, не уступала Алп Арслану никакой территории,[2] ее потери были весьма велики, так как армия, защищавшая малоазийскую границу, была уничтожена и империя была не в состоянии противостоять последующему продвижению турок. Печальное положение империи было еще больше осложнено слабой «антимилитаристской» администрацией Михаила VII Дуки. Поражение при Манцикерте было смертельным ударом для византийского господства в Малой Азии, этой важнейшей частью Византийской империи. После 1071 года больше не было византийской армии, способной оказывать сопротивление туркам. Один исследователь заходит столь далеко, что утверждает — после этой битвы все византийское государство было в руках турок.[3] Другой историк называет это сражение «часом смерти великой Византийской империи» и продолжает: «хотя его последствия во всех его ужасных аспектах не проявились сразу, восток Малой Азии, Армении и Каппадокия — провинции, которые были домом для стольких знаменитых императоров и воинов и которые составляли основную силу империи — были потеряны навсегда, и турок поставил свои палатки кочевника

---

[1] См.: *G. Weil.* Geschichte der Chalifen. Mannheim, 1851, Bd. 3, SS. 115—116; *J. Laurent.* Byzance et les Turcs Seldjoucides en Asie Mineure, leurs traites anterieurs a Alexis Comnene. — Βυζαντις, vol. II, 1911—1912, pp. 106—126; *C. Cahen.* La campagne de Manzikert d'apres les sources musulmanes. — Byzantion, vol. IX, 1934, pp. 613—642.

[2] *J. Laurent.* Byzance et les Turcs Seldjoucides dans l'Asie occidentale jusqu'en 1081. (Annales de l'Est publiees par la Faculte des Lettres de l'Universite de Nancy, XXVII—XXVIII). Paris, 1913—1914, p. 95, note 1. См. также: *C. Cahen.* La bataille de Manzikert d'apres les sources musulmanes. — Byzantion, vol. IX, 1934, pp. 613—642.

[3] *A. Gforer.* Byzantinische Geschichten. Graz, 1877, Bd. III, S. 791.

на руинах древней римской славы. Колыбель цивилизации оказалась добычей грубой силы и исламского варварства».[1]

После катастрофы 1071 года и до вступления на престол Алексея Комнина в 1081 году, турки пользуются беззащитностью страны и внутренними раздорами империи, где та или другая партия не задумываясь приглашали их к себе на помощь и тем самым все глубже вводили во внутреннюю жизнь государства. Турки доходили по Малой Азии отдельными отрядами до ее западных границ. Поддерживая, например, Никифора Вотаниата в его стремлении захватить престол, турки дошли с ним до Никеи и Хрисополя (теперь Скутари, напротив Константинополя).

К тому же после смерти Романа Диогена и Алп Арслана ни турки, ни империя не считали себя связанными договором, заключенным этими правителями. Турки использовали любую возможность для грабежа византийских провинций Малой Азии и, по словам современного событиям византийского хрониста, входили в эти провинции не как бандиты-налетчики, но как постоянные хозяева.[2] Это утверждение, конечно, является преувеличением, по крайней мере для периода до 1081 года. Как писал Ж. Лоран: «В 1080 году, через 7 лет после первого появления на берегах Босфора, турки еще нигде не утвердились. Они не основали государства и представляли собой лишь блуждающих и неорганизованных грабителей».[3] Преемник Алп Арслана передал командование военными силами Малой Азии Сулейману-ибн-Куталмышу, который занял центральную часть Малой Азии и позже основал Румийский, или Малоазийский, султанат.[4] Ввиду того, что его столицей был красивейший и богатейший византийский город Малой Азии Иконий (совр. Конья), это государство сельджукидов часто называется Иконийским султанатом.[5] Благодаря своему цент-

---

[1] *H. Gelzer.* Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. Munchen, 1897, S. 1010.

[2] *Joannis Scylitzae* Historia. Bonn. ed., p. 708.

[3] *J. Laurent.* Byzance et les Turcs Seldjoucides dans l'Asie occidentale jusqu'en 1081. (Annales de l'Est publiees par la Faculte des Lettres de l'Universite de Nancy, XXVII—XXVIII). Paris, 1913—1914, pp. 13—26, 97 (note 3), 110—111.

[4] Слово «Рум» является искажением слова «Ромеи». Его употребляли мусульманские авторы для обозначения византийцев и их владений. «Рум» употреблялся также для обозначения Малой Азии.

[5] Для этого раннего периода в восточных источниках Иконий указывается как столица султаната. Греческие источники называют резиденцией Сулеймана Никею. См.: *J. Laurent.* Byzance et les Turcs Seldjoucides... p. 8 (et n. 1). p. 11 (et n. 1); *J. Laurent.* Byzance et l'origine de soultanat de Roum. — Melanges Charles Diehl: Études sur l'histoire et l'art de Byzance. Paris, 1930, pp. 177—182.

Парадное одеяние Фотия, митрополита Московского, с портретом Иоанна VIII Палеолога.

ральному положению в Малой Азии, новый султанат распространил свою власть как до Черного моря на север, так и до Средиземного моря на юге и стал опасным соперником империи. Турецкие войска продолжали продвигаться на запад, тогда как византийские войска не были достаточно сильны для того, чтобы противостоять им.

Продвижение вперед сельджукидов и, возможно, угрожающие перемещения северных узов и печенегов к столице побудили Михаила VII Дуку Парапинака в начале своего царствования обратиться за западной помощью и отправить послание папе Григорию VII, с обещанием отплатить за помощь папы содействием в воссоединении церквей. Григорий VII отреагировал благосклонно и послал целую серию посланий западноевропейским властителям и «всем христианам» (ad omnes christianos), в которых утверждал, что «язычники оказывают сильное влияние на христианскую империю и с неслыханной жестокостью разоряют все, практически до стен Константинополя».[1] Однако призывы Григория ни к каким реальным результатам не привели и никакая помощь с Запада послана не была. Папа тем временем оказался втянутым в длинную и жестокую борьбу за инвеституру с немецким королем Генрихом IV. К моменту восшествия [на престол] * Алексея Комнина стало очевидно, что продвижение на запад сельджукидов является смертельной опасностью для империи.

Печенеги

К концу Македонской династии печенеги были самыми опасными врагами Византии на севере. Византийское правительство разрешало им жить в областях на север от Балкан и присваивало печенежским князьям византийские придворные чины. Но, конечно, это не было настоящим разрешением печенежского вопроса, так как, уже не говоря о неспособности вообще печенегов приучиться к оседлой жизни, из-за Дуная непрестанно прибывали новые толпы печенегов и родственных им узов, устремляясь с целью грабежа византийской территории к югу. Исаак Комнин имел успех в борьбе с продвижением печенегов, «которые выползли из своих нор».[2] Он восстановил византийскую власть на Дунае и смог дать надлежащий отпор турецкому элементу.

Во время Константина Дуки на Дунае появились узы. «Это было настоящее переселение. Целое племя в числе 600 тысяч, со всем своим имуществом и скарбом, толпилось на левом берегу

---

[1] PL, t. CXLVIII, col. 329.

* В английском тексте этих слов нет. Они добавлены для правильного построения русской фразы.

[2] *Joannis Scylitzae* Historia. Bonn. ed., p. 645.

реки. Все усилия воспрепятствовать их переправе были напрасны».[1] Области Фессалоники, Македонии, Фракии и даже Эллады подверглись страшному опустошению. Один современный событиям византийский историк замечает, будто «все население Европы обсуждало (тогда) вопрос о выселении».[2] Когда ужасная опасность была устранена, народ приписал свое избавление чудесному вмешательству свыше. Часть узов даже поступила на службу к императору и получила в надел некоторое количество казенных земель в Македонии. Печенеги и узы, служившие в византийской армии, сыграли, как известно,* важную роль в фатальной битве при Манцикерте.

Новая финансовая политика Михаила VII Дуки Парапинака, который, по совету своего первого министра, сократил денежные подарки, отправляемые в придунайские города, привели к волнениям среди печенегов и узов придунайских областей. Заключив союз с задунайскими кочевниками и вступив в соглашение с одним из восставших против императора византийских военачальников, печенеги и другие жившие у Дуная племена, по всей вероятности, и славяне, двинулись на юг и, разграбив Адрианопольскую область, дошли до столицы, которую и осадили. Константинополь сильно страдал от недостатка пропитания. Это был тот критический момент для империи, когда Михаил Парапинак, под давлением сельджукской и печенежской опасности, отправил послание о помощи к папе Григорию VII.

Однако ловкие интриги византийской дипломатии посеяли, судя по всему, раздор среди осаждавших столицу союзников, которые сняли осаду и с богатой добычей возвратились на Дунай. К концу этого периода печенеги принимали довольно живое участие в борьбе за престол Никифора Вотаниата и Алексея Комнина.

Таким образом, узо-печенежский вопрос в эпоху смутного времени перед началом династии Комнинов отнюдь не был решен. Эта северная опасность, грозившая иногда и самой столице, перешла к Комнинам.**

---

[1] *В. Г. Васильевский.* Византия и печенеги. Цит. по изданию: Труды, т. 1. СПб., 1908, с. 26.

[2] *Michaelis Attaliotae* Historia, p. 84.

* В английском тексте этих слов нет. Они взяты из соответствующего места (с. 346) исходной русской версии.

** В соответствующем месте исходной русской версии (с. 346) есть несколько слов, не включенных А. А. Васильевым в последующие издания. Фраза о северной турецкой опасности в издании 1917 г. завершается так: «...перешла к Комнинам, при которых приняла еще более острые формы».

Норманны

К концу эпохи Македонской династии появившиеся в Италии норманны, пользуясь внутренними затруднениями Византии и ее разрывом с Римом, начали успешно продвигаться в сторону ее южно-италийских владений. Восточная империя не могла уделять должного внимания на западную опасность со стороны норманнов, так как была занята восточными нападениями турок-сельджуков, которые вместе с печенегами и узами, нападавшими на Византию с севера, являлись как бы естественными союзниками норманнов. По словам К. Ноймана, «империя защищалась в Италии только левой рукой».[1] Сильным орудием в руках норманнов в их борьбе с Византией был созданный ими флот, оказавший впоследствии сухопутным норманнским отрядам существенные услуги. Кроме того, у норманнов в середине XI века появилась крупная, энергичная личность — Роберт Гуискар, который «вырос из вождя разбойников в основателя государства».[2]

Главным делом Роберта Гуискара было подчинение византийской Южной Италии. Однако, несмотря на то, что Византийская империя сталкивалась с многими тяжкими трудностями, в пятидесятых и шестидесятых годах XI века борьба в Италии шла с переменным успехом. Роберт подчинил Бриндизи, Тарент и Реджо (Регий), а через несколько лет первые два города снова были взяты прибывшими в Бари византийскими войсками, в состав которых входили варяги. Но затем успех перешел на сторону норманнов.

Роберт Гуискар предпринял осаду Бари, главного центра византийского владычества в Южной Италии. Бари был в то время одним из самых укрепленных городов Южной Италии. В IX веке мусульмане лишь при помощи хитрости смогли на некоторое время овладеть Бари, а западный император Людовик II в том же деле встретил со стороны этого города упорное сопротивление. Осада Бари Робертом являлась крупным военным предприятием, в котором значительную роль сыграл норманнский флот, установивший блокаду порта. Осада продолжалась около трех лет. Наконец, весной 1071 года Бари вынужден был сдаться Роберту.[3]

Падение Бари знаменовало собой конец византийской власти в Южной Италии. В завоеванном городе Роберт приобретал в

---

[1] *C. Neumann*. Die Weltstellung des Byzantinischen Reiches vor den Kreuzzugen. Leipzig, 1894, S. 103. Французское издание: La situation mondiale de l'empire byzantin avant les croisades. — Revue de l'orient latin, vol. X, 1905, p. 100.

[2] Там же, с. 102, во французском издании — с. 99.

[3] Об источниках см.: *L. Gay*. L'Italie meridionale et l'empire byzantin depuis l'avenement de Basile Ier jusqu'a la prise de Bari pari les normands (867—1071). Paris, 1904, p. 536, note 3.

Апулии наиважнейший опорный пункт для быстрого и окончательного подчинения уже небольших остатков византийского владычества внутри страны. Подчинение Южной Италии развязало Роберту руки для завоевания Сицилии у мусульман.

Завоевание Южной Италии не имело своим последствием уничтожение в стране всяких византийских влияний. Преклонение перед Восточной империей, ее традициями и блеском ощущалось весьма сильно на всем Западе. Западная империя, будь то империя Карла Великого или Оттона Германского, являлась во многих отношениях отражением устоев, идей и внешних жизненных условий освященной многими веками Восточной империи. Норманнские завоеватели Южной Италии в лице Роберта Гуискара должны были еще в большей степени подчиниться обаянию Византии.

Роберт, герцог Апулии, рассматривая себя законным наследником византийских василевсов, сохранил в покоренной стране византийскую администрацию. В норманнских документах встречается название фемы Калабрии, во главе городов стоят стратиги или экзархи; норманны гордятся византийскими титулами. Греческий язык в богослужении также сохранился; в некоторых местах греческий язык при норманнах считался даже языком официальным. Вообще говоря, завоеватели и покоренные жили рядом друг с другом, не сливаясь, сохраняя свой язык, свои обычаи и нравы.

Честолюбивые планы Роберта Гуискара шли гораздо дальше скромных пределов Южной Италии. Учитывая внутреннюю слабость Византии и ее внешние затруднения, норманнский завоеватель стал мечтать об императорской короне восточного василевса.

Падение Бари весной 1071 года и фатальная битва при Манцикерте в августе того же года показывают, что 1071 год является одним из самых важных на всем протяжении византийской истории. В этом году Византия потеряла Южную Италию на Западе и подписала смертный приговор своему владычеству в Малой Азии на Востоке. Уменьшенная в своих размерах, лишенная источника своих главных жизненных сил в Малой Азии, Восточная империя значительно ослабла со второй половины XI века. Несмотря на некоторый подъем при Комнинах, она стала постепенно уступать как в политическом, так и в экономическом значении государствам Западной Европы.

Поняв опасность со стороны Роберта, император Михаил VII Дука Парапинак хотел предотвратить ее путем брачных уз между обоими дворами. Сын императора был обручен с дочерью Роберта. Но и это не помогло, и после низложения Михаила VII норманны усилили свои враждебные действия против империи и ко времени вступления Комнинов на престол собирались перенести войну из Италии на восточный берег Адриатического моря. Смутный период империи, закончившийся во внешней политике отступлением пос-

ледней на всех границах Европы и Азии и характеризующийся почти непрерывной внутренней борьбой, оставил вступившей на престол династии Комнинов * тяжелое государственное наследство.

Просвещение, наука, литература и искусство

Время Македонской династии, отмеченное бурной деятельностью в области внешних и внутренних дел, было также временем интенсивного развития в сфере образования, литературы, воспитания и искусства. Это было время, когда проявились самым четким образом основные черты византийской учености,** что выразилось в развитии более тесной связи между светским и теологическим элементом или примирении античной языческой мудрости с новыми идеями христианства в развитии универсального и всеобщего знания и, в конечном счете, в отсутствии оригинальности и творческого гения.*** Во время всего этого периода высшая школа в Константинополе была снова центром научных и литературных исследований, вокруг которого группировались лучшие интеллектуальные силы империи.

Император Лев VI, ученик Фотия, не будучи одаренным очень большим литературным талантом, написал много проповедей, церковных гимнов и других сочинений. Его основная заслуга заключалась в поддержке интеллектуальной атмосферы, созданной Фотием, так что, по словам одного историка, «он обеспечил себе почетное место в истории византийского образования в целом и образования церковного в частности».[1] Лев защищал и поддерживал всех ученых и литераторов. В его время «императорский дворец превращался иногда в новую Академию или новый Лицей».[2]

Особо выдающейся фигурой в идейной жизни десятого века был император Константин VII Багрянородный, сделавший много для интеллектуального развития Византии не только защитой образования, но и сочинением многочисленных оригинальных сочи-

---

* В соответствующем месте русской версии (с. 349) есть немаловажное уточнение, не включённое А. А. Васильевым в последующее издание: «В лице Алексея».

** Интересно отметить изменение взглядов А. А. Васильева. В соответствующем месте французской версии (т. I, p. 476) речь идет о культуре (culture).

*** Последние слова этой общей оценки представляются совершенно неоправданными. См. подробно: *Г. Г. Литаврин.* Особенности развития культуры Византии во второй половине VII—XII вв. — В кн.: Культура Византии. Вторая половина VII—XII вв. М., 1989, с. 617—635.

[1] *Н. Попов.* Император Лев VI Мудрый и его царствование с церковно-исторической точки зрения. М., 1892, с. 232.

[2] *Н. Попов.* Там же.

нений. Константин оставил все правительственные дела Роману Лакапину и посвятил большую часть своего времени тому, что его интересовало. Ему удалось создать в обществе плодотворное литературное и научное движение, в котором он сам принимал личное активное участие. Он много писал сам, побуждал писать других и ему удалось поднять образование своего народа на гораздо более высокий уровень. Его имя тесно связано с возведением многих прекрасных зданий; он страстно интересовался искусством и музыкой и тратил большие суммы денег на составление антологий из древних авторов.

До наших дней сохранилось большое количество сочинений времени Константина VII.* Некоторые из них написаны самим Константином, другие — с его личной помощью, тогда как еще один тип — антологии древних текстов и энциклопедий с отрывками по множеству вопросов, были составлены по его просьбе. Среди его сочинений выдержанная в хвалебных тонах биография его деда Василия I, «Об управлении государством» (De administrando Imperio), посвященная своему сыну и наследнику. Сочинение содержит много ценной информации по географии иностранных государств, их связям с Византией и византийской дипломатии. Сочинение открывается главами о северных народах — печенегах, русских, узах, хазарах, мадьярах (турках), из которых особенно первые двое играли ведущую роль в политической и экономической жизни X века. В сочинении речь идет также об арабах, армянах, болгарах, далматах, франках, южных итальянцах, венецианцах и некоторых других народах. Сочинение содержит также названия порогов Днепра, которые даны на двух языках — «славянском» и «русском», то есть скандинавском. Это одно из важнейших оснований, на которых основывается теория скандинавского происхождения первых «русских» князей. Сочинение написано между 948 и 952 годами (или 951 год), и написано в порядке, отличном от современного опубликованного текста. Бюри, посвятивший специальное исследование по поводу этого сочинения, называет его «лоскутной работой» (patchwork) .[1] Сочинение дает, тем не менее, впечатляющую картину политической, дипло-

---

* В английском тексте здесь есть уточнение, специально не переводившееся, ибо с точки зрения русской стилистики оно представляется излишним. А. А. Васильев пишет (p. 362): «of the time of Constantine VII in the tenth century».

[1] *J. B. Bury*. The Treatise De administrando Imperio. — Byzantinische Zeitschrift, Bd. XV, 1906, SS. 517—577. Г. Манойлович из Загреба опубликовал на сербо-хорватском четыре интересные статьи по поводу этого сочинения: Studije o spisu «De administrando imperio» cara Konstantina VII Porfirogenita. — Publications of the Academy of Zagreb, vol. CLXXXII,

матической и экономической мощи империи в X веке.[1] Много географического материала есть и в его третьем сочинении — «О фемах», частично основанном на географических трактатах V—VI веков. В это время было составлено большое сочинение «О церемониях византийского двора». Это прежде всего детальное описание сложных правил жизни византийского двора. Его можно рассматривать как «книгу дворцовых правил». Сочинение было составлено на основе данных официальных архивов двора различных периодов и содержащаяся в трактате информация о крещении, свадьбе, коронации, похоронах императоров, о разных церковных святынях, о приемах иностранных послов, о снаряжении военных экспедиций, о должностях и титулах и о многих других аспектах жизни, что является бесценным источником для изучения не только жизни при дворе, но и для общественной жизни всей империи. Византийский придворный церемониал, развившись и сформировавшись на базе Поздней Римской империи времени Диоклетиана и Константина Великого, позднее проник в придворную жизнь западной Европы и славянских государств, включая Россию. Даже некоторые придворные церемонии Турции двадцатого века * имеют следы византийского влияния. Константину мы обязаны подробным рассказом о триумфальном возвращении чудотворной иконы Спасителя из Эдессы в Константинополь. По народной традиции, это изображение было когда-то послано Христом правителю Эдессы.**

Из круга литераторов и ученых, собиравшихся вокруг Константина, происходит историк Иосиф Генесий, автор истории от времени Льва V до Льва VI (813—886 годы), и Феодор Дафнопат, написавший не сохранившееся историческое сочинение, несколько дипло-

---

1910—1911, pp. 1—65; vol. CLXXXVI, 1910—1911, pp. 35—103; 104—184; vol. CLXXXVII, 1910—1911, pp. 1—132. Автор кратко изложил содержание своих статей по-французски во время международного византинистического конгресса в Белграде в 1927 г. См.: Compte-rendu du Congres... Belgrade, 1929, pp. 45—47.

[1] Теперь мы имеем новое критическое издание «De administrando imperio», подготовленное Д. Моравчиком с английским переводом Р. Дженкинса (*Constantine Porphyrogenitus* De administrando imperio. Ed. G. Moravcsic, engl. transl. by R. Jenkins. Budapest, 1949). (Есть новый русский перевод: *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, перевод и комментарий под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. — *Науч. ред.*)

* Так в тексте (of the twentieth century). Учитывая, однако, тот факт, что в Турции монархический строй пал в начале XX века, правильнее, наверное, было бы говорить о рубеже XIX и XX веков.

** Об этой истории см. подробно: *Е. Н. Мещерская*. Легенда об Авгаре — раннесирийский литературный памятник. (Исторические корни в эволюции апокрифической легенды). М., 1984.

матических посланий, проповеди для христианских праздников и известное число биографий. По просьбе императора Константин Родосский сочинил поэтическое описание церкви Апостолов, которое особенно ценно, ибо дает нам картину этой знаменитой церкви, разрушенной позднее турками.

Среди энциклопедий, которые появились при Константине, было знаменитое собрание Житий святых, составленное Симеоном Метафрастом. К началу X века относится также «Палатинская Антология» (Anthologia Palatina), составленная Константином Кефаласом. Сборник получил название от единственной рукописи — Codex Palatinus, находящейся сейчас в Германии, в Гейдельберге. Заявление некоторых ученых о том, что Константин Кефалас был ни кем иным, как Константином Родосским, следует признать невозможным. «Палатинская Антология» является большим собранием коротких стихотворений христианских и языческих времен и является примером тонкого литературного вкуса X века.[1]

Ко времени Константина Багрянородного относится составление знаменитого «Лексикона Суды» (Suidas). Нет никакой информации ни о жизни, ни о личности автора этого лексикона, который является богатейшим источником для объяснения слов, собственных имен и предметов общего употребления (articles of general use). Литературные и исторические статьи по поводу не дошедших до нас сочинений являются особенно ценными. Несмотря на некоторые недостатки, «„Лексикон Суды“ является прекрасным памятником компиляторской деятельности византийских ученых в то время, как во всей остальной Европе наука была в полном упадке. Это еще одно доказательство, до какой степени Византийская империя, несмотря на все внутренние и внешние трудности, которые приходилось преодолевать, сохранила и развила остатки древней культуры».[2]*

Другой значительной фигурой периода Македонской династии был Арефа, епископ Кесарийский, живший в начале X века. Его всестороннее образование и глубокий интерес к литературным произведениям, как церковным, так и светским, отразился и на его

---

[1] См.: *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Litteratur... S. 727; *G. Montelatici.* Storia della letteratura bizantina (324—1453). Milano, 1916, pp. 120, 125.

[2] *Krumbacher.* Op cit., S. 568. О более новых исследованиях см. библиографию.

* Здесь, к сожалению, А. А. Васильев забывает уточнить, о какой именно библиографии идет речь. В общей библиографии, завершающей работу (см. второй том данного издания), никакой специальной библиографии о Суде нет. Хотелось бы отметить, что лишь в библиографии А. А. Васильев приводит информацию о критическом издании словаря: Suidas. Lexicon, edidit A. Adler, vol. I—V. Leipzig, 1928—1938).

собственных трудах. Его греческий комментарий на Апокалипсис, первый, насколько известно, его схолии к Платону, Лукиану и Евсевию, ценное собрание писем, до сих пор не опубликованное, сохранившееся в одной из рукописей, хранящихся в Москве — все эти материалы показывают, что Арефа был выдающейся фигурой в культурном движении X века.[1]

Патриарх Николай Мистик, хорошо известный благодаря своему активному участию в церковной жизни этого времени, оставил ценное собрание из 150 писем. Оно содержит послания, адресованные арабскому эмиру Крита, Симеону Болгарскому, папам, императору Роману Лакапину, епископам, монахам и разным должностным лицам гражданской администрации. В них есть материал о внутренней и политической истории X века.

Лев Диакон, современник Василия II и очевидец событий болгарской войны, оставил историю в десяти книгах, охватывающую период 959—975 годов и содержащую рассказ об арабской, болгарской и русской кампаниях империи. Эта «История» во всем очень ценна, так как является единственным греческим источником, современным описываемым событиям и рассказывающим о блистательном периоде Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. Сочинение Льва Диакона бесценно также информацией о первых страницах русской истории, ибо содержит большое количество информации о Святославе и его войне с греками.*

Сочинение Иоанна Камениата, священника из Фессалоники, об арабском завоевании Фессалоники в 904 году, уже упоминалось.

Среди хронистов этого времени следует упомянуть анонимного продолжателя Феофана (Theophanes Continuatus), описавшего события с 813 года по 961 на основе сочинений Генесия, Константина Багрянородного и продолжателя Георгия Амартола. Вопрос об идентификации автора этой компиляции до сих пор не разрешен.[2]

---

[1] По поводу Арефы и его окружения см. определенные сведения в статье М. А. Шангина: Византийские политические деятели первой половины X в. — Византийский сборник, М.; Л., 1945, с. 228—248 (А. А. Васильев, судя по всему, не знал, что еще при его жизни материалы из этой московской рукописи — речь идет о рукописи № 315 Исторического музея — были частично опубликованы тем же М. А. Шангиным: Письма Арефы — новый источник о политических событиях в Византии в 931—934 гг. — ВВ, т. 1, 1947, с. 235—260. Это не меняет, правда, сути дела, ибо большая часть произведений, входящих в состав этой рукописи, все равно не опубликована. — *Науч. ред.*)

* Есть новый русский перевод: *Лев Диакон.* История. Перевод М. М. Копыленко. Статья М. Я. Сюзюмова, комментарий М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988.

[2] С. П. Шестаков из Казани полагает, что автором «Продолжения Феофана» был Феодор Дафнопат. См.: The Question of the Author of the

Группу хронистов X века обычно представляют четырьмя именами — Львом Грамматиком, Феодосием Мелитенским, анонимным Продолжателем Георгия Амартола, Симеоном Магистром и Логофетом, так называемым Псевдо-Симеоном Магистром. Они, однако, не являются оригинальными писателями. Все они были компиляторами, сокращавшими или перерабатывавшими Хронику Симеона Логофета, полный греческий текст которой до сих пор не опубликован.* Есть, однако, ее древнерусский перевод, так что о неопубликованном греческом тексте можно составить хорошее представление.**

К X веку относится также весьма интересная фигура в византийской литературе — Иоанн Кириот, обычно известный под своим прозвищем — Геометр. Максимум его литературной активности

Continuation of Theophanes. — Compte-rendu du deuxieme congres international des etudes byzantines (Belgrade, 1927). Belgrade, 1929, pp. 35—45; *H. G. Nickles*. The Continuatio Theophanis. — Transactions of the American Philological Association, vol. LXVIII, 1937, pp. 221—227. (Есть новый русский перевод: *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей. Издание подготовил Я. Н. Любарский. СПб., 1992. Помимо перевода и комментариев к тексту, издание содержит важную статью Я. Н. Любарского о самом сочинении и о жанре византийских хроник — «Сочинение продолжателя Феофана. Хроника, история, жизнеописания?» (с. 201—265). Что касается автора произведения, то проблема заключается не только в не выявленной до наших дней личности составителя всего сборника в целом. Сочинение написано четырьмя авторами, из которых с большей или меньшей степенью вероятности устанавливаются двое — Константин Багрянородный (пятая книга сборника) и Симеон Логофет (первая половина шестой книги). См. статью Я. Н. Любарского, с. 218. — *Науч. ред.*)

* А. А. Васильев прав в том плане, что полного критического издания греческого текста до сих пор нет. В то же время ученый, утверждая так, не берет в расчет тот факт, что отдельные версии Хроники Симеона Логофета опубликованы и по-гречески. См. пояснения к следующей фразе.

** Сохраняя порядок примечаний А. А. Васильева, полностью меняю текст сноски, ибо автор, говоря о Хронике Симеона Логофета, ссылается на уже устаревшие работы, полностью перекрытые новейшими исследованиями. О данной Хронике см. подробно: *А. П. Каждан*. Хроника Симеона Логофета. — ВВ, т. 15, 1959, с. 125—143. В статье Каждана есть ссылки на всю предшествующую литературу вопроса, в том числе на работы В. Г. Васильевского и Г. А. Острогорского, отмеченные А. А. Васильевым. О Хронике Симеона Логофета см. также: *М. В. Бибиков*. Развитие исторической мысли. — В кн.: Культура Византии. Вторая половина VII—XII вв. М., 1989, с. 94—95. Вся информация об изданных рукописях Хроники есть в примечаниях к статье А. П. Каждана. Одним из важнейших изданий такого рода являются «Приложения» к боннскому изданию: Theophanes Continuatus ex recognitione I. Bekkeri. Bonn, 1838, pp. 603—760, 763—924.

приходится на время Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия и Василия II. Первый из них был его любимым героем. От него осталась коллекция эпиграмм и приуроченных к определенному случаю (occasional) поэм, сочинение в стихах об аскетизме («Рай») и несколько гимнов в честь Богородицы. Его эпиграммы и поэмы к случаю тесно связаны с важнейшими политическими событиями того времени, такими как смерти Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, восстания Варды Склира и Варды Фоки в поэме «Восстание», болгарская война и т. д. Все они имеют немалое значение для исследователя данного периода. Одна из поэм Геометра, по поводу его путешествия из Константинополя в Селиврию, по районам, где прошла война, дает удивительно сильную и патетическую картину страданий и разорения местного крестьянства.[1] Крумбахер был совершенно прав, когда говорил, что Иоанн Геометр относится к лучшим проявлениям (aspects) византийской литературы.[2] Многие из его поэм переведены на современные языки. Его прозаические сочинения — риторического, экзегетического и ораторского (oratorical) характера менее интересны, чем поэмы.

Во время царствования Никифора Фоки был также составлен Псевдо-Лукианов Диалог «Филопатрис». Он, как было сказано, представляет собой «византийскую форму гуманизма» и для X века свидетельствует о «возрождении греческого духа и классических вкусов».[3]

Один из лучших византийских поэтов, Христофор Митиленский, который лишь недавно стал хорошо известен, блистал в первой половине XI века. Его короткие сочинения, написанные в основном ямбическим триметром в форме эпиграмм или обращений к разным лицам, включая современных ему императоров, отличаются изяществом вкуса и тонким умом.[4]

---

[1] PG, t. CVI, col. 956—959. На русском языке: *В. Г. Васильевский*. Труды, т. 2, с. 121—122.

[2] *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Litteratur, S. 734. Польский филолог Й. Сайдак занимался сочинениями Иоанна Геометра и особенно его гимнами в честь Богородицы (Que signifie Κυριωτης Γεωμετριας? — Byzantion, vol. VI, 1931, pp. 343—353). См. также короткую заметку об Иоанне Геометре в общей истории византийской литературы Й. Сайдака: Literatura Byzantinska. Warszawa, 1933, pp. 725—726.

[3] *S. Reinach*. Le christianisme a Byzance et la question de Philopatris. В его же книге: Cultes, mythes et religions. Paris, 1922, vol. I, pp. 368, 391.

[4] См.: *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Litteratur... SS. 737—738; *G. Montelatici*. Storia della letteratura bizantina (324—1453). Milano, 1916, pp. 128—130; *E. Kurz*. Die Gedichte des Christophoros Mytilenaios. Leipzig, 1903. Русский перевод: *Д. Шестаков*. Три поэта византийского возрождения. Казань, 1906.

В X веке, когда византийская цивилизация переживала время блестящего подъема, представители варварского Запада приезжали на Босфор за образованием. Однако, в конце X и начале XI века, когда все внимание империи было сосредоточено на кампаниях, которые подняли империю на вершину ее военной славы, интеллектуальная и творческая активность немного упали. Василий II относился к ученым с презрением. Анна Комнина, автор XII века, замечает, что «наука... начиная с владычества Василия Порфирородного, и до самого царства императора Мономаха, находилась в пренебрежении у большинства людей, хотя и не исчезла вовсе».[1] Отдельные личности, тем не менее, продолжали усердно работать и проводили долгие ночи над книгами при свете ламп.[2] Однако высшее образование с государственной поддержкой на широкой основе возрождается только в середине XI века при Константине Мономахе, когда группа ученых, возглавляемая Михаилом Пселлом,* вызвала у императора интерес к их проектам и стала играть значительную роль при дворе. Начались горячие диспуты о сущности реформ высшей школы. Тогда, когда одна группа хотела создать юридическую школу, другие стремились к философской школе, то есть школе для образования общего плана. Волнение постоянно возрастало и дело доходило даже до уличных демонстраций. Император нашел хороший способ выйти из этой ситуации, организовав философский факультет и школу права. Основание университета произошло в 1045 году. Новелла по поводу его открытия сохранилась. Философское отделение, возглавляемое знаменитым ученым и писателем Пселлом, давало философское образование и стремилось дать своим студентам широкое образование. Школа права была своего рода юридическим лицеем или академией.

---

[1] А. А. Васильев дает ссылки на английские издания и исследования по поводу Анны Комниной. Сейчас у нас есть возможность дать ссылку на новое русское издание: *Анна Комнина*. Алексиада, V, 8 (перевод с греческого Я. Н. Любарского). СПб.: «Алетейя», 1996, с. 171. В соответствующем примечании (560) на с. 510 Я. Н. Любарский приводит цитату из Михаила Пселла, о которой указано в соответствующем примечании у А. А. Васильева. Пселл говорит об отношении Василия II к науке практически в таких же выражениях, что и Анна Комнина. А. А. Васильев в своем примечании ссылается также на одно английское исследование об Анне: *G. Buckler*. Anna Comnina. A Study. Oxford, 1929, p. 262.

[2] См.: *F. Fuchs*. Die hoheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig, Berlin, 1926, SS. 24—25.

* О Михаиле Пселле, его жизни, творчестве и роли в истории византийской культуры см. детальное исследование Я. Н. Любарского: Михаил Пселл. Личность и творчество. К истории византийского предгуманизма. М., 1978.

Византийское правительство чувствовало сильную нужду в образованных и опытных чиновниках, особенно — в юристах. Ввиду отсутствия специальных юридических школ, молодые люди черпали свои знания от практикующих юристов, нотариусов и правоведов, которые редко обладали глубокими и разносторонними знаниями в этой области. Юридический «лицей»,* основанный при Константине Мономахе, как раз и служил для удовлетворения этой срочной потребности. Лицей возглавлял Иоанн Ксифилин, знаменитый современник и друг Пселла. Как и ранее, образование было бесплатным. Профессора получали хорошее жалованье, шелковые одежды, питание и пасхальные подарки (Easter gifts). Прием был свободным для всех тех, кто хотел поступить, вне зависимости от социального или экономического статуса, лишь бы у них был достаточный уровень подготовки. Новелла по случаю основания юридической школы ** дает взгляд изнутри на правительственные взгляды по вопросам образования и юридического знания. Юридическая школа XI века имела четко выраженные практические цели, так как от нее ждали подготовки искусных чиновников, знакомых с законами империи.[1]

Глава философской школы, Константин Пселл, более известный под своим монашеским именем Михаил, родился в первой половине XI века. Благодаря своему прекрасному образованию, обширным знаниям и блестящим способностям, он стоял весьма высоко в оценках современников и стал одной из самых влиятельных личностей в империи. Он был приглашен ко двору, где ему дали важные обязанности и высокие титулы. В то же время он обучал философии и риторике большое количество студентов. В одном из своих писем он писал: «Мы подчинили кельтов [т. е. народы Западной Европы] и арабов. Они обратились к нашей славе с двух континентов. Нил орошает земли египтян, и мой язык [орошает] их дух. Один из этих народов называл меня факелом науки, другой — светилом, третий оказывал мне почести (honored), упот-

---

* А. А. Васильев здесь кавычек не ставит, однако разница между современным значением понятия «лицей» и средневековой школой в рамках Константинопольского университета столь велика, что постановка кавычек представлялась здесь необходимой.

** А. А. Васильев проявляет известную непоследовательность, называя в данном абзаце это учреждение тремя разными словами — лицеем, академией (в данной фразе) и школой (в следующей фразе). Столь близко стоящие разные по своей сути термины, характеризующие одно образовательное заведение, не могут не вызвать удивления. Именно поэтому, отчасти из стилистических, отчасти из логических соображений, в данной фразе «академия» заменена на «школу».

[1] *F. Fuchs*. Die hoheren Schulen... SS. 24—25. Работа содержит детальную информацию о философском факультете и юридической школе.

ребляя самые прекрасные слова».[1] Следуя примеру его друга Иоанна Ксифилина, главы юридической школы, он принял постриг под именем Михаила и провел некоторое время в монастыре. Но одинокая монашеская жизнь не соответствовала темпераменту Пселла. Он покинул монастырь и вернулся в столицу, где он вновь получил при дворе свое важное место. К концу жизни он достиг высокого положения первого министра. Умер он в конце XI века, вероятно, в 1078 году.[2]

Живя в эпоху смут и начинавшегося упадка империи, при частых сменах императоров, что нередко означало и смену направлений и политики, Пселл умел хорошо приспосабливаться к менявшимся обстоятельствам и, служа при девяти императорах, продолжал возвышаться в чинах и приобретать все более влиятельное положение. Пселл не пренебрегал ни лестью, ни заискиванием, ни взятками, чтобы создать свое благополучие. Нельзя, таким образом, сказать, что Пселл отличался большими нравственными достоинствами, хотя в этом отношении он ничем не отличался от громадного большинства людей той смутной и тяжелой эпохи.

Он обладал, тем не менее, многими качествами, которые ставили его значительно выше своих современников. Пселл был высокообразованным человеком, он много знал, читал и работал. Обладая обширными и разносторонними познаниями и большим трудолюбием, он оставил много сочинений в различных областях знания и литературы: в богословии, философии (где он следовал Платону), в естественных науках, филологии, истории, праве, поэзии, в речах и письмах. История Михаила Пселла, описывающая события от смерти Иоанна Цимисхия до последних лет жизни автора (976—1077), является весьма ценным источником для истории XI века, несмотря на некоторую пристрастность в изложении.* Во всем литературном творчестве Пселл был представителем светского знания, тесно связанного с эллинистической культурой. Очень заметно, что он не отличался скромностью в оценках самого себя. Он писал в своей хронографии: «Мне говорили, что речь у меня цветет всеми цветами радуги даже в простых разговорах и источает природную прелесть без всяких на то усилий.** Я бы о том и не подозревал, если бы мне много раз не напоминали об этом собеседники и не

---

[1] *C. Sathas*. Bibliotheca graeca medii aevi. Paris, 1876, t. V, p. 508.

[2] *E. Renaud*. Michel Psellos: Chronographie ou Histoire d'un siecle de Byzance, 976—1077. Paris, 1926, t. I, p. IX.

* Есть новый русский перевод: *Михаил Пселл*. Хронография. Перевод, статья и примечания Я. Н. Любарского. М., 1978.

** Цитата из Михаила Пселла во втором американском издании ограничивается только этой фразой. Цитата из Михаила Пселла во французском издании содержит также и следующую фразу.

таяли от удовольствия те, кто меня слушал».* В другом месте Пселл заявлял, что Константин IX «очень ценил мое красноречие и его уши всегда были привязаны к моим губам», что Михаил VI «искренне им восхищался и пил мед, который стекал с его губ», что Константин X «наполнял себя его словами как нектаром», что Евдокия «смотрела на него как на Бога».[1] Историки до сих пор расходятся в своих оценках на личность и деятельность Михаила Пселла. Кажется, тем не менее, очевидным, что он занимал высокое место в культурной жизни Византии XI века, как Фотий в жизни X и Константин Багрянородный в жизни IX веков.[2]

Период Македонской династии, особенно X век, рассматривается (is viewed) как период расцвета византийской эпической поэзии и византийских народных песен, главным героем которых был Василий Дигенис Акрит.** Интенсивная жизнь восточных окраин с ее почти беспрерывными военными действиями создавала большое поле для смелых подвигов и опасных приключений. Наиболее глубокое впечатление в памяти народа оставил на долгие времена герой этой пограничной области Василий Дигенис Акрит. Имя этого эпического героя, как видно, Василий. Дигенис же и Акрит — его прозвания. Прозвание Дигениса, что можно передать как «рожденный от двух народов», объясняется тем, что отец его был араб-мусульманин, а мать — гречанка-христианка. «Дигенисами» надо сказать, вообще называли детей от разноплеменных браков.*** Акритами же назывались в византийское время защитники крайних границ государства — от греческого слова ακρα — граница. Акриты, пользовавшиеся иногда полунезависимым положением от центрального правительства, сопоставляются не без основания с западноевропейскими маркграфами, т. е. правителями пограничных областей-марок и, в русской истории, с казаками украйны.

---

* Цитата по русскому изданию Я. Н. Любарского, с. 82 (Зоя и Феодора. Константин IX, гл. XLV). У А. А. Васильева в соответствующем месте ссылка на с. 139 работы Рено (выходные данные в прим. 179), а также на: *C. Sathas*. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. IV, p. 123—124.

[1] *E. Renaud*. Étude de la langue et de style de Michel Psellos. Paris, 1920, pp. 432—433; *E. Renaud*. Michel Psellos: Chronographie ou Histoire d'un siecle de Byzance, 976—1077. Paris, 1926, vol. I, pp. XIV—XV.

[2] *J. Hussey*. Michel Psellus. — Speculum, vol. X, 1935, pp. 81—90; *J. Hussey*. Church and Learning in the Byzantine Empire, 867—1185. London, 1937, pp. 73—88; *M. Jugie*. Michel Psellos. — Dictionnaire de theologie catholique, vol. XIII, 1936, col. 1149—1158; *В. Вальденберг*. Философские идеи Михаила Пселла. — Византийский сборник. М., 1945, с. 249—255.

** Есть новый русский перевод: *Дигенис Акрит*. Перевод, статьи и комментарии А. Я. Сыркина. Репринтное воспроизведение текста издания 1960 г. — М., 1994.

*** Ср.: Дигенис Акрит. М., 1994, с. 139.

Эпический герой Дигенис Акрит проводит всю жизнь в борьбе с мусульманами и апелатами. Апелатами, что первоначально означало «те, кто угоняет скот», затем «разбойники», назывались в византийское время горные разбойники, эти, по словам А. Н. Веселовского, «удальцы, крепкие духом и мышцами, полуразбойники и полугерои»,[1] которые, не считаясь ни с императором, ни с халифом, разоряли страну того и другого. В мирные времена с этими разбойниками совместными усилиями боролись христиане и мусульмане, тогда как во времена военных действий каждая сторона стремилась завоевать поддержку этих опасных людей. Рамбо говорил, что «в этих окраинных областях человек чувствовал себя очень далеко от Византийской империи. Можно было подумать, что находишься не в провинции просвещенной монархии, но в центре феодальной анархии Запада».[2]

На основании разных намеков, которые можно найти в эпосе о Дигенисе Акрите, можно утверждать, что истинное событие, на котором основано повествование, произошло в середине X века в Каппадокии и в области Евфрата. В эпосе Дигенис совершает великие подвиги и сражается за христиан и за империю. В его системе взглядов православие и Романия (Византийская империя) неразделимы. Описание дворца Дигениса дает хорошее представление о великолепии и богатстве, находимых во владениях крупных земельных собственников Малой Азии, по поводу которых так негодовал Василий II Болгаробойца. Как говорят, прототипом Дигениса Акрита был не христианин, а полулегендарный борец за исламскую веру Сайид Баттал Гази, имя которого связывается с битвой при Акроинионе.* Имя Дигениса оставалось популярным и в последующие периоды Византийской истории. Феодор Продром, поэт XII века, тогда, когда пытался воздать должную похвалу императору Мануилу Комнину, не смог найти ничего лучшего, как назвать его «новым Акритом».[3]

Согласно Дж. Б. Бьюри, «как Гомер отражает все стороны известного уровня раннегреческой цивилизации, как „Песнь о Ни-

---

[1] *А. Н. Веселовский.* Поэма о Дигенисе. — Вестник Европы, 1875, с. 753.

[2] *A. Rambaud.* Études sur l'histoire byzantine. Paris, 1912, p. 73.

* Источники этой точки зрения А. А. Васильева остаются неизвестными. В любом случае, однако, А. Я. Сыркин, автор весьма взвешенной статьи о Дигенисе в уже упоминавшемся новом русском издании поэмы, отказывается от каких-либо отождествлений (с. 136—150), а точку зрения, высказанную А. А. Васильевым, не упоминает вовсе.

[3] Bibliotheque grecque vulgaire, ed. E. Legrand. Paris, 1880, vol. I, 83 (v. 180), 96 (v. 546). См. также: Poemes Prodromiques en grec vulgaire. Amsterdam, 1910, p. 55 (v. 164); *E. Jeanseline, L. Oeconomos.* La Satire contre les Higoumenes. — Byzantion, vol. I, 1924, p. 328.

белунгах" отображает цивилизацию германцев периода великих переселений, так цикл о Дигенисе представляет собой всеобъемлющую картину византийского мира в Малой Азии, так же как и жизни пограничных областей».[1] Эпос пережил Византийскую империю. Даже сегодня народы Кипра и Малой Азии воспевают знаменитого византийского героя.[2] Около Трабзонда путешественникам до сих пор показывают его могилу, которая, согласно народным представлениям, защищает новорожденных против дурных заклинаний. По содержанию эпос весьма напоминает хорошо известные западноевропейские эпические легенды, такие как «Песнь о Роланде» времени Карла Великого, или эпос о Сиде, каждый из которых вырос из борьбы христианства с исламом.

Эпос о Дигенисе Акрите сохранился во множестве рукописей, древнейшая из которых относится к XIV веку.[3] Изучение эпоса недавно вошло в новую фазу в выдающихся исследованиях, начатых А. Грегуаром и блистательно продолженных его коллегами — М. Канаром и Р. Гузенсом (R. Goossens). Сейчас практически очевидно, что историческим прототипом Дигениса был Диоген, турмарх фемы Анатолики в Малой Азии, который погиб в 788 году, сражаясь против арабов.* Многие части поэмы датируются X веком, когда византийские войска дошли до Евфрата и когда могила Дигениса близ Самосаты была идентифицирована около 940 года. Весьма интересные связи были установлены между византийским эпосом, а также арабскими и турецкими эпическими сказаниями и даже со сказками «Тысяча и одна ночь». Этот эпос с его интересной исторической основой и связями с восточными эпосами, является одной из наиболее привлекательных проблем византийской литературы.[4]

---

[1] *J. B. Bury*. Romances of Chivalry on Greek Soil. Oxford, 1911, pp. 18—19.

[2] Некоторое количество «акритских» песен опубликовано: Σ. Κυριακιδης. Ο Διγενης 'Ακριτας. 'Αθῆναι, 1926, 119—150.

[3] *D. Heseling*. La plus ancienne redaction du poeme epique sur Digenis Akritas. Amsterdam, 1927, SS. 1—22. (Mededeelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen. Afdeeling Letterkune, Bd. LXIII, ser. A, n. 1).

* Время показало поспешность и ошибочность этого утверждения. Оно столь же бездоказательно, как и все другие отождествления, приводившиеся в современной А. А. Васильеву научной литературе, ибо базируется на произвольных интерпретациях и сопоставлениях. См. с. 136—137 статьи А. Я. Сыркина в упоминавшемся новом русском издании Дигениса Акрита. Хотелось бы также отметить, что поиск конкретного исторического прототипа героев эпических поэм представляется достаточно проблематичным.

[4] В 1942 г. А. Грегуар опубликовал прекрасную итоговую работу по этому эпосу на современном греческом: Дигенис Акрит. Византийский эпос в истории и поэзии. Нью-Йорк, 1942 (А. А. Васильев нигде не при-

Византийский эпос в форме народных былин (popular ballads) нашел отражение и в русских эпических сочинениях; эпос о Дигенисе Акрите имеет в ней свое место. В древней русской литературе встречается известное еще Карамзину «Деяние и житие Девгениево Акрита», которое он считал русской сказкой. Во всяком случае, «Девгениево деяние» имеет немалое значение для истории древней русской литературы, потому что древнерусская жизнь и литература, как известно, наиболее испытали на себе силу византийского влияния, как церковного, так и светского. Интересно отметить, что в русской версии поэмы о Дигенисе встречаются иногда эпизоды, которые до сих пор еще не найдены в греческих текстах.[1]

Интеллектуальная и художественная жизнь империи в трудные и смутные времена продолжала развиваться в Македонский период по всем направлениям. Творческая деятельность (the activity), например, Михаила Пселла не прерывалась. Это одно может служить показателем того, что культурная жизнь страны также не прерывалась. Случайные правители этого времени покровительствовали Пселлу, также как и представители Македонского дома.

Среди значительных писателей этого времени был Михаил Атталиат. Он родился в Малой Азии, однако позже перебрался в Константинополь, где выбрал юридическую карьеру. Его сохранившиеся сочинения относятся к области истории и юриспруденции. Его история, охватывая период 1034—1079 годов, основанная на личном опыте, дает правдивую картину времени последних македонских правителей и смутного периода. Стиль Михаила Атталиата уже показывает следы искусственного возрождения классицизма, который был столь распространен при Комнинах. Юридический трактат Михаила Атталиата, полностью основанный на Василиках, пользовался большой популярностью. Его задачей было издать весьма краткий общедоступный учебник права. Весьма ценная информация о культурной жизни Византийской империи в

водит выходных данных этой работы на греческом. Поэтому, за неимением лучшего, привожу название этой книги по-русски. — *Науч. ред.*) Ввиду того, что эта необходимая книга написана на современном греческом и поэтому доступна ограниченному количеству читателей, английский или французский перевод работы был бы очень желателен. Среди многочисленных статей А. Грегуара по этому вопросу, я хотел бы указать две, которые могут быть особо полезными в качестве введения: Le tombeau et la date de Digenis Akritas; Autour de Digenis Akritas. Обе статьи опубликованы: Byzantion, vol. VI, 1931, pp. 481—508; vol. VII, 1932, pp. 287—320.

[1] См. весьма важную работу по этому вопросу: *М. Сперанский*. Деяния Дигениса. — Сборник отделения русского языка и литературы, т. XCIX, 7, 1922. По-французски — *P. Pascal*. Le Digenis slave ou la Geste de Devgenij. — Byzantion, vol. X, 1935, pp. 301—334.

XI веке находится в уставе, составленном Михаилом для богадельни (poorhouse) и монастыря, которые он основал. Устав содержит инвентарь собственности богадельни и монастыря, который включал среди прочего список книг, переданных монастырской библиотеке.

Время Македонской династии имеет большое значение для истории византийского искусства. Период с середины IX века вплоть до XII века, то есть включая период династии Комнинов, характеризуется учеными как второй Золотой Век византийского искусства, считая первым время Юстиниана Великого. Иконоборческий кризис освободил византийское искусство, задыхающееся от церковных и монашеских влияний, и указало новые пути вне религиозных сюжетов. Эти пути вели к возврату к традициям ранних александрийских образцов, к развитию заимствованных от арабов украшений (ornaments), связанных поэтому с исламской традицией украшений, и к замене религиозных тем на исторические и светские мотивы, воплощенные с большим реализмом. Однако искусство македонской эпохи не ограничивалось имитацией или копией этих сюжетов. Оно создало кое-что новое и оригинальное. «Вновь оживший греческий стиль македонского и комнинского периодов дал нечто большее, чем физическая красота греческих образцов IV века. Он вобрал в себя серьезность (gravity) и силу предшествующих веков. Эти качества определили посредством своего влияния средневековый византийский стиль. Их влияние исключило грубые формы VI века, которые отныне можно было увидеть только в культовых центрах отдаленных провинций, где уже не чувствовалось притяжение столицы. Отсюда получилась смесь достоинства и изящества, сдержанности и порядка, чистая утонченность, которые стали характерными чертами византийского искусства эпохи его зрелости. Эти произведения соединили гармонию с религиозным чувством. У них была серьезность, которая отсутствовала у произведений искусства эллинистического времени. Было бы, наверное, преувеличением говорить о том, что в последние столетия византийское искусство все более систематически эллинизировалось. Однако очевидно, что глубокая и полная ориентализация не была более возможна».[1]

Знаменитый австрийский историк искусства Й. Стржиговский попытался обосновать теорию, которая тесно связана с эпохой македонской династии. По его мнению, приход к власти первого правителя этой династии, армянина по рождению, положило начало новому периоду в истории византийского искусства, в частности, периоду прямого влияния армянского искусства на Византию. Иными словами, вместо старого постулата о том, что Армения

---

[1] *O. M. Dalton*. East Christian Art. Oxford, 1925, pp. 17—18.

испытала сильное влияние византийского искусства, Стржиговский старается доказать обратное. Это правда, что армянское влияние сильно чувствовалось при Македонской династии. Правда и то, что многие армянские художники и архитекторы работали в Византии. Новая Церковь, построенная при Василии I, была, вероятно, сооружена по армянскому плану. Когда в X веке купол Св. Софии был поврежден землетрясением, армянскому архитектору, строителю собора в Ани, были поручены реставрационные работы. Однако, несмотря на то, что теории Стржиговского содержат, как говорил Ш. Диль, «много гениального и привлекательного», полностью их принимать нельзя.[1]

Василий I был великим строителем. По его распоряжению возведена Новая Церковь, строительство которой было важным моментом в строительной политике Василия, как и возведение Св. Софии во времена Юстиниана. При Василии был построен также новый дворец Кенургий, украшенный блестящими мозаиками. При Василии I были восстановлены и украшены Св. София и церковь Святых Апостолов. Св. София, поврежденная землетрясением 989 года, была также объектом заботы императоров X и XI веков.

При Македонской династии впервые появились имперские школы живописцев икон. Там было изготовлено не только значительное количество икон и живописи на стенах церквей. В школах брались также и за иллюстрирование рукописей. При Василии II появился знаменитый Ватиканский Менологий с прекрасными миниатюрами, исполненными восемью иллюстраторами, имена которых написаны на полях.[2] К этому времени относится также большое количество интересных, оригинальных и тонко исполненных миниатюр.

Основным центром художественной жизни был город Константинополь, однако в византийских провинциях этого времени также сохранились важные памятники искусства — церковь Скрипу (874) в Беотии; группа церквей на Афоне, датируемых от X до начала XI века; церковь св. Луки Стириса в Фокиде (начало XI века); церковь Неа Мони на Хиосе (середина XI века); церковь монастыря Дафни в Аттике (конец XI века). В Малой Азии многочисленные скальные церкви в Каппадокии сохранили большое количество весьма интересных фресок, некоторые из которых относятся к IX, X и XI векам. Открытие и изучение этих каппадокийских фресок,

---

[1] *J. Strzygowksi.* Die Baukunst der Armenier und Europa. Wien, 1918; *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin. Paris, 1925, vol. I, pp. 476—478; *O. M. Dalton.* East Christian Art. Oxford, 1925, pp. 34—35.

[2] *Sirarpie Der Nersessian.* Remarks on the Date of the Menologium and the Psalter Written for Basil II. — Byzantion, vol. XV, 1940—1941, pp. 104—125.

которые «показали удивительное богатство настенной живописи»,[1] тесно связано с именем св. отца Ж. Жерфаниона, который посвятил большую часть своей жизни тщательному изучению Каппадокии, «новой провинции византийского искусства».[2]

Влияние византийского искусства македонского времени распространилось за границы империи. Последние живописные изображения знаменитой римской церкви Santa Maria Antica, относящейся к IX или X веку, могут быть отнесены к лучшим произведениям Македонского Возрождения.[3] Святая София в Киеве (1037), как многие другие русские церкви, также относится к «византийской» традиции эпохи македонских императоров.

Блистательный период Македонской династии (867—1025) был также лучшим временем в истории византийского искусства с точки зрения жизненности и оригинальности искусства. Последующий период смут времени Комнинов, начиная с 1081 года, увидел рождение совершенно иного искусства, более сухого и более холодного. «Византийские знамена, принесенные (при Василии II) в Армению, постепенно отступили. Знамена турок-сельджуков приблизились. Внутри царил дух неподвижности, который нашел свое выражение в церемониях и парадах, духе Алексея Комнина и его двора. Все это отразилось в духе искусства того века, который предшествовал нашествию крестоносцев с Запада. Источники прогресса иссякли. Не было больше единой творческой силы. Единственным возможным изменением стало пассивное принятие внешних сил. Религиозный пыл был поглощен формальным исполнением обрядов. Литургическая система, контролируя живопись, имела результатом расцвет учебников, или путеводителей, по живописи, в которых дорога, какой необходимо было следовать, была точно указана. Композиция стала стереотипной, даже краски были предписаны заранее».[4]

---

[1] *O. M. Dalton.* East Christian Art. Oxford, 1925, p. 250.

[2] *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin. Paris, 1926, vol. II, pp. 567—579. См.: *G. de Jerphanion.* Une nouvelle province de l'art byzantin. Les eglises ruperstres de Cappadoce, vol. I, part I с альбомом прекрасных иллюстраций (plates). Ш. Диль не имел возможности использовать эту работу (Manuel d'art byzantin. Paris, 1926, vol. 2, pp. 908—909).

[3] *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin. Paris, 1926, vol. 2, p. 585.

[4] *O. M. Dalton.* East Christian Art. Oxford, 1925, pp. 18—19.

Указатель имен

Абгар V (Авгар, бар Ма'ну Уккама, т. е. Черный), в 13–50 гг. топарх сирийского государства Осроена со столицей в Эдессе, адресат писем Иисуса Христа — 413

Абдаллах ал-Баттал (ум. 740), мусульманский герой, борец за веру — 321

Абу Бекр (Абу Бакр, ок. 568–634), тесть Мухаммеда, халиф в 632–634 гг. (первый из четырех праведных халифов), при котором началась арабская экспансия — 288

Август (Октавиан, 63 до н. э. – 14 н. э.), римский император в 27 г. до н. э. – 14 г. н. э. — 63, 70, 113, 252

Августин Аврелий (Aurelius Augustinus, 354–430), епископ города Гиппона в Северной Африке, один из отцов древней Церкви, представитель латинской классической патристики, католический святой — 129, 187

Аврелиан, префект Константинополя при имп. *Аркадии** — 149, 150, 151

Аврелиан (Луций Домиций, 214–275), римский император в 270–275 гг. — 114, 141, 275

Агапит-диакон — 41

Агапит I, папа Римский в 535–536 гг. — 217

Агафий Миринейский (VI в.), византийский историк — 252, 253, 258

Адонц Николай Георгиевич (Тер-Аветикян Геворгов, 1871–1942), кавказовед, арменист — 414

Адриан (Публий Эллий, 76–138), римский император в 117–138 гг. — 106, 159, 207, 210

Адриан I, папа Римский в 772–795 гг. — 353

Азаревич Дмитрий Иванович (1848–1920), историк римского и византийского права, канонист — 91

Айналов Дмитрий Власьевич (1862–1939), византинист и искусствовед — 188

Акакий, патриарх Константинопольский в 471–489 гг. — 166, 167

Аларих (ок. 370–410), вождь вестготов с 395 г., король Аларих I с 409 г. — 148, 149, 161, 186

Аларих II, король вестготов в 484–507 гг. — 160

Александр, византийский император в 886–913 гг., сын имп. *Василия I*, соправитель имп. *Льва VI* — 401

Александр Великий (356–323 до н. э.), македонский царь в 336–323 гг. до н. э., сын *Филиппа II* — 113, 146, 271

Алексей I Комнин, византийский император в 1081–1118 гг. — 462, 464, 468, 470, 471, 490

Алексей Михайлович, русский царь в 1645–1676 гг. — 448

Алеман Николай (1583–1626), итальянский византинист греческого происхождения, хранитель Ватиканской библиотеки — 41, 191

Али (Али ибн Аби Талиб), сподвижник и зять Мухаммеда, арабский халиф в 656–661 гг. (четвертый из четырех праведных халифов) — 288, 292

---

* Имена, набранные *курсивом*, являются отсылочными.

Алкуин (Флакк Альбин, 735–804), аббат в Туре, ученый и поэт при дворе имп. *Карла Великого*, деятель «Каролингского возрождения» — 356

Алляций Лев (1586–1669), итальянский византинист греческого происхождения — 41

Алп-Арслан, султан турок-сельджуков в 1063–1072 гг. — 466, 467

Альваро (IX в.), епископ Кордовы — 294

Альбоин (VI в.), король лангобардов — 241

Альфан Луи (Halphen, 1880–1950), французский историк и востоковед — 74

Амантос Константин (Ἀμαντος, 1874–1960), греческий византинист — 70, 71

Амвросий (ок. 340–397), епископ Медиоланский (Миланский), представитель латинской классической патристики, католический святой — 137, 138

Аммиан Марцеллин (ок. 330–400), римский историк и философ-неоплатоник (ученик *Либания*), автор «Res gestae», задуманных как продолжение «Анналов» *Тацита* и охватывающих период с 96 по 378 г. — 81, 126, 129, 131, 132, 187

Амр (ʿАмр ибн ал-ʿАс, сер. VII в.), арабский полководец, руководивший захватом Египта (640–641 гг.), первый арабский наместник Египта — 289

Анастасий I, византийский император в 491–518 гг. — 68, 121, 168, 170–176, 183, 184, 191, 205, 214, 217, 220, 221, 223, 224, 233, 459, 468

Анастасий II (Артемий), византийский император в 713–716 гг. — 183, 310

Анастасий († ок. 879), аббат, папский библиотекарь (при папах Адриане II и *Иоанне VIII*), участник Константинопольского собора 869 г., переводчик на латынь хронографий патриарха *Никифора*, *Георгия Синкелла* и *Феофана Исповедника* в извлечении (Chronographia tripartita), составитель сборника житий пап (Liber Pontificalis) — 316, 389

Анастасий, патриарх Константинопольский в 730–754 гг., иконоборец — 348

Анастасий Синаит (ок. 640 – ок. 700), византийский богослов, святой — 313

Андервуд П. А. (Underwood), американский византинист — 262

Андреев Иван Дмитриевич (1867–1927), историк Церкви, богослов и византинист — 345, 351, 353

Андрей Критский (ок. 660 – 720 или ок. 726), святой, выдающийся гимнограф (создатель жанра канона), секретарь-синкелл при патриархе Феодоре I, участник VI Вселенского собора (679 г.), архиепископ города Гортины на Крите — 314

Анна, сестра имп. *Василия II*, жена вел. кн. *Владимира* Киевского — 426

Анна Комнина, дочь имп. *Алексея I Комнина*, писательница — 481

Анфимий из Тралл (VI в.), один из архитекторов храма Св. Софии в Константинополе — 260, 262

Анфимий, префект Константинополя при имп. *Феодосии II* — 161, 162

Анфим, патриарх Константинопольский с июня по ноябрь 536 г. — 217

Аполлинарий Младший (ок. 310 – ок. 390), епископ города Лаодикии в Сирии, византийский богослов и поэт, догматическая доктрина которого была осуждена на Константинопольском II Вселенском соборе 381 г. и Римском соборе 383 г. — 130

Аполлинарий Старший (IV в.), пресвитер в Лаодикии Сирийской, отец предыдущего — 130

Апсимар (Тиверий III), византийский император в 698–705 гг. — 267

Арефа Кесарийский (ок. 860 – после 944), митрополит Кесарии Каппадокийской, византийский богослов, экзегет и ритор — 477, 478

Ариадна (Ареадна), дочь имп. *Льва I*, жена имп. *Зенона Исавра* и позднее имп. *Анастасия I* — 121

Арий (ок. 260–336), александрийский пресвитер, ересиарх, доктрина которого окончательно осуждена на Константинопольском II Вселенском соборе 381 г. — 107, 108, 109

Аристотель Стагирит (384–322 до н. э.), древнегреческий философ — 182, 183, 257
Аркадий, византийский император в 395–408 гг. — 62, 64, 121, 144, 148–151, 153, 154, 163, 175, 189, 233, 360
Артавазд, зять имп. *Константина V* — 353
Артемий (Анастасий II), византийский император в 713–715 гг. — 267
Аскольд (ум. 882), киевский князь — 371
Аспар (сер. V в.), аланский или готский вождь, византийский полководец, имевший политическую власть в Византии в 50–60-е гг. V в. — 163
Аспарух (Исперих, кон. VII в.), болгарский хан — 298, 299, 300, 321
Аттила (ум. 453), гуннский вождь в 434–453 гг. — 156, 163, 166, 186
Афанасий Афонский (X в.), преподобный, основатель Лавры на Афоне — 440, 442
Афанасий Великий (295–373), святой, епископ Александрийский, один из ярчайших представителей греческой классической патристики, главный оппонент *Ария*, выдающийся агиограф — создатель жанра монашеского жития (ему принадлежит авторство жития преп. Антония Великого) — 108, 109, 122, 182, 313
Афинаида (Евдокия), жена имп. *Феодосия II* — 121, 155, 187
Ахилл, герой «Илиады» — 149
Ашот I Багратид (Асотий Великий Багратуни), армянский царь в 885–890 гг. — 403
Ашот II Железный (Асотий Багратуни), армянский царь в 913–929 гг. — 414, 416
Ашот III Милостивый (Асотий), армянский царь в 958–977 гг. — 410, 416

Байе Шарль (Bayet), французский искусствовед и византинист — 91
Байи Огюст (Bailly), французский византинист — 75
Байрон Р. (Byron), английский византинист — 75
Барденхевер Отто (Bardenhewer), немецкий византинист — 77
Бартольд Василий Владимирович (1869–1930), востоковед-арабист, исламовед, историк Средней Азии и историограф Востока — 319
Бассел Ф. В. (Bussel), английский византинист — 67
Баттифоль П. (Battifol), французский историк — 99
Бейнз Норман Х. (Baynes), английский византинист — 62, 91, 162, 186, 187
Белазури (Ал-Балазури, Баладзори, Ахмед ибн Йахйа ибн Джабир ал-Балазури, ум. 892 г.), арабский историк — 287
Белл Харолд Идрис (Bell, 1879–1967), английский филолог-классик и папиролог, хранитель и издатель папирусов Британского музея — 92, 287
Безобразов Павел Владимирович (1859–1918), историк-византинист — 61, 88, 89
Бенешевич Владимир Николаевич (1874–1938), историк церковного права и византинист — 461
Бобчев Стефан Савов (1853–1940), болгарский историк права и политический деятель — 161
Богишич В. (Bogišič), хорватский историк — 161
Болотов Василий Васильевич (1853/1854–1900), крупнейший русский историк древней Церкви — 98
Боран, персидская царица VII в. — 272
Борис I, болгарский царь в 852–888 гг. — 161, 376, 377, 388, 417
Брайс Дж. (Bryce), английский византинист — 191, 355, 432
Брейе Луи (Bréhier), французский византинист — 34, 72, 92, 291, 340, 444
Бриллиантов Александр Иванович (1867–1933 или 1934), русский византинист и церковный историк — 104

Броссэ Марий Иванович (Marie-Xavier F. Brosset, 1802–1880), востоковед, специалист по грузинской и армянской словесности, ученик *Ж.-А. Сен-Мартена* и С. де Саси, с 1836 г. жил в С.-Петербурге, сотрудничал в Азиатском музее АН, исполнял должность непременного секретаря и вице-президента АН, служил в Имп. Публичной библиотеке и Эрмитаже — 51

Буасье Гастон (Boissier, 1823–1908), французский антиковед — 95, 99, 125, 132

Буркхардт Якоб (Burckhard, 1818–1897), швейцарский искусствовед, антиковед и византинист — 96

Бьюри Джон Бател (Bury, 1861–1927), английский филолог и историк-византинист — 50, 62, 64, 65, 68, 72, 75, 204, 273, 318, 359, 383, 475, 485

Валент Флавий (328–378), римский император в 364–378 гг., соправитель имп. *Валентиниана I*, позднее имп. *Грациана* — 134, 143, 187, 375

Валентиниан I (Флавий Валерий, 321–375), западноримский император в 364–375 гг. — 120, 134

Валентиниан II (Флавий Валерий, 371–392), западноримский император в 375–392 гг. — 120, 138, 139

Валентиниан III (Флавий Плацид, 419–455), западноримский император в 425–455 гг. — 64, 206, 360

Валид I, арабский халиф в 705–715 гг. (шестой халиф из династии Омейядов) — 319

Варда Кесарь, дядя имп. *Михаила III* — 366, 394, 395, 396, 397

Варда Склир, глава восстания в Малой Азии, направленного против имп. *Василия II* — 411, 458, 480

Варда Фока, глава восстания в Малой Азии, направленного против имп. *Василия II* — 411, 426, 458, 480

Вардан (Филиппик), византийский император в 711–713 гг. — 267, 310

Василий I Македонянин (836–886), византийский император в 867–886 гг., выходец из фракийских крестьян, основатель Македонской династии — 366, 388, 400, 402, 403, 404, 416, 417, 429, 430, 433, 434, 436, 437, 445–449, 453, 475, 489.

Василий II Болгаробойца, византийский император в 976–1025 гг. — 399, 401, 408, 411, 412, 414, 416, 422, 426, 431, 433, 441, 442, 456, 458, 459, 462, 478, 480, 485, 490

Василий (IX в.), патриарх Иерусалимский — 384

Василий Великий (ок. 330–378/379), архиепископ Кесарии Каппадокийской (с 370 г.), святой, учитель Церкви, один из крупнейших представителей греческой классической патристики — 177, 178, 185

Василий Дигенис Акрит, византийский эпический герой — 484–487

Васильев Александр Александрович (1867–1953) — 68, 88, 454

Васильевский Василий Григорьевич (1838–1899), русский византинист — 43, 79, 80, 87, 89, 324, 328, 329, 428, 457

Вейс Никос А. (Βέης, Veïs, Bees, 1888–1958), греческий византинист, основатель и издатель «Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher» — 90

Велизарий (505–565), византийский полководец эпохи *Юстиниана Великого*, по происхождению германец, кампании Велизария описаны *Прокопием Кесарийским*, сопровождавшим его в походах — 198, 199, 202, 251, 252

Вигилий, папа Римский в 537–555 гг. — 218, 219

Виза, легендарный основатель города Византий — 110

Виталиан, лидер восстания против имп. *Анастасия I* — 172

Виталиан (ок. 600–672), папа Римский в 657–672 гг. — 304

Владимир, великий князь киевский в 980–1015 гг., святой — 426, 458

Вогюэ Мельхиор де (Vogué), французский археолог и востоковед — 189

Вольтер Франсуа Мари (наст. фам. — Аруэ, Voltaire, 1694–1778), французский писатель, мыслитель и публицист Просвещения — 44

Габотто Фердинандо (Gabotto, род. 1866), итальянский византинист — 373

Гайна, вестготский вождь, находившийся на службе у Империи и пользовавшийся влиянием в Константинополе в 395–400 гг. — 149, 151, 152, 153

Галерий (Гай Валерий Максимиан, 250–311), римский император в 293–311 гг. — 94, 102, 103, 115, 116, 180

Галла Плацидия (Галла Плацида Августа, 389–450), римская императрица, дочь имп. *Феодосия Великого*, сестра имп. *Аркадия* и *Гонория*, мать имп. *Валентиниана III* — 263

Галл, двоюродный брат имп. *Юлиана* — 120, 124

Ганнибал (247–183 до н. э.), карфагенский полководец — 433

Гаральд-Гардрад (Гаардрад), скандинавский (варяжский) вождь на византийской службе, брат норвежского короля св. Олафа (1047–1066); он же Нордбрикт, викинг — 413, 433

Гарнак Адольф фон (Harnack, 1851–1930), выдающийся немецкий историк раннего христианства, протестантский богослов, самый влиятельный представитель либеральной теологии на рубеже XIX–XX вв. — 96, 97, 107

Гаррисон Фредерик (Harrison, 1850–1928), английский историк — 72

Гегель Георг Фридрих Вильгельм (Hegel, 1770–1831), немецкий философ — 45

Гейзенберг Август фон (Хайзенберг, Heisenberg, 1869–1930), немецкий византинист — 74, 262

Гельцер Генрих (Gelzer, 1847–1906), немецкий историк-византинист — 66, 291, 336

Гельцер М. (Gelzer, 1886–1949), австрийский антиковед, специалист по истории древнего Рима — 287

Генрих IV (1050–1106), германский император в 1056–1106 гг. — 470

Георгий Амартол (Монах, IX в.), византийский хронист — 390, 478, 479

Георгий Маниак (1-я пол. XI в.), византийский полководец — 412, 413, 433

Георгий Писида (конец VI–VII в.), византийский поэт, автор эпических поэм о войнах *Ираклия I* против персов и аваров, а также поэтических произведений религиозно-дидактического характера (поэма «Шестоднев, или Сотворение мира», элегия «О суете житейской» и др.) — 267, 270, 311

Георгий Синкелл († после 810), византийский хронист — 388, 389

Герланд Эрист (Gerland, 1870–1934), немецкий византинист — 75

Герман I, патриарх Константинопольский в 715–730 гг., поборник иконопочитания — 348, 350

Геродот (между 490 и 480 – ок. 425 до н. э.), древнегреческий историк, «отец истории» — 110, 128, 251

Герцен Александр Иванович (1812–1870), русский писатель, публицист, общественный деятель — 78

Герцберг Густав Фридрих (Hertzberg, 1826–1907), немецкий византинист — 60, 61

Гесиод (VIII–VII вв. до н. э.), древнегреческий эпический поэт, первая историческая личность в истории античной литературы, автор поэм «Теогония» и «Труды и дни» — 123, 128

Гесихий Милетский (1-я пол. VI в.), византийский историк — 255

Гесселинг Д. (Hesseling), голландский византинист — 66, 67

Гефкен Й. (Geffcken), немецкий византинист — 133

Гиббон Эдуард (Gibbon, 1737–1794), английский историк-просветитель, антиковед и византинист — 46–49, 50, 53, 56, 80, 274

Гизо Франсуа Пьер Гийом (Guizot, 1787–1874), французский историк и политический деятель — 50
Гийан Р. (Guilland), французский византинист — 70
Глотц Гюстав (Glotz), французский историк — 69
Годфруа Жак (Godefroy, Gothofredus), французский юрист — 90
Голубинский Евгений Евстигнеевич (1834–1912), церковный историк — 372
Гольдциер Игнац (Гольдциэр, Goldziher, 1850–1821), венгерский востоковед-арабист, исламовед, историк арабской литературы — 283
Гомер, легендарный древнегреческий поэт, автор эпических поэм «Илиада» и «Одиссея» — 59, 123, 128
Гонорий (Флавий, 384–423), западноримский император в 395–423 гг. — 64, 144, 148, 153, 360
Гопф Карл (Hopf, 1832–1873), немецкий византинист — 58, 59, 60, 248
Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855), русский историк и общественный деятель — 79
Грациан (Флавий, 359–383), римский император в 375–383 гг. — 120, 134, 138, 139
Грегоровиус Фердинанд А. (Gregorovius), немецкий византинист — 60, 61, 148
Грегуар Анри (*Grégoire, 1881–1964*), *бельгийский филолог-классик* и византинист, один из основоположников бельгийской школы византиноведения, один из основателей и редактор журнала «Byzantion»; после 1939 г. жил в США — 99, 100, 365, 486
Гренье Пьер (Grenier), французский византинист-дилетант — 72
Григорий I Великий (Gregorius Magnus, ок. 540–604), святой, папа Римский в 590–604 гг., известный в русской традиции под именем «Григория Двоеслова», политический деятель, религиозный мыслитель, духовный писатель и проповедник — 219, 242, 243, 343
Григорий II (669–731), святой, папа Римский в 715–731 гг., поборник иконопочитания, осудивший на Римском соборе 729 г. иконоборческий эдикт имп. *Льва III Исавра* — 346, 348, 349
Григорий VII (Гильдебрандт, между 1015 и 1020–1085), папа Римский в 1073–1085 гг., один из наиболее последовательных и энергичных выразителей идеи папства и теократической доктрины Римской церкви — 470, 471
Григорий Богослов или Назианзин (ок. 330 – ок. 390), святой, один из отцов Церкви и представителей греческой классической патристики, епископ городов Сасимы и Назианза в Малой Азии, обличитель имп. *Юлиана Отступника*, патриарх Константинопольский (Григорий I) в 379–381 гг., председательствовал на Константинопольском II Вселенском соборе 381 г. — 137, 177, 178, 183, 185, 313
Григорий Нисский (ок. 335 – ок. 394), святой, младший брат *Василия Великого*, с 371 г. епископ города Ниссы в Каппадокии, богослов — 177, 178, 313
Гримме Х. (Grimme), немецкий востоковед — 283
Грот Константин Яковлевич (1853–1934), филолог-славист, историк-славяновед, архивист — 418
Груссе Рене (Grousset, 1885–1952), французский востоковед и медиевист — 70
Грюмель В. (Grumel), французский византинист — 92
Гумберт (сер. XI в.), кардинал, легат папы *Льва IX* — 443

Дагоберт I (Дагобер), франкский и аквитанский король в 623–639 гг. (из династии Меровингов) — 272
Далтон О. М. (Ormonde Maddock Dalton, 1866–1945), английский историк византийского искусства, археолог — 92
Данте Алигьери (1265–1321), итальянский поэт — 187, 285

Дворник Франтишек (Франсуа, Франциск Dvornik, 1893–1975), чешский аббат и византинист, ученик *Шарля Диля*; после 1939 г. жил в США — 436

Дёльгер Франц (Dölger, 1891–1968), немецкий византинист, редактор журнала «Byzantinische Zeitschrift» — 76, 89, 91, 98, 99

Демосфен (384–322 до н. э.), афинский оратор и политический деятель — 128

Деций (Гай Квинт Траян, 195–251), римский император в 249–251 гг. — 141

Диль Шарль (Diehl, 1859–1944), французский византинист — 69, 70, 74, 86, 91, 197, 211, 228, 297, 330, 361, 398, 489

Динер Берта (Diener), немецкая исследовательница — 75

Диоген (ум. 788), турмарх фемы Анатолики в Малой Азии — 486

Диоклетиан (243 – между 313 и 316), римский император в 284–305 гг., налаживал имперский порядок после кризиса III в., закладывая основы раннебизантийского деспотизма, устраивал массовые репрессии христиан — 70, 94, 97, 110, 113–117, 159, 179, 184, 227, 388, 476

Дионисий Ареопагит (I в.), ученик апостола Павла, первый епископ Афин, имя которого стало алонимом византийского философа-неоплатоника и богослова V-го или начала VI в. (Псевдо-Дионисия) — 313

Диоскор (сер. V в.), епископ Александрийский — 157, 164

Диоскор *(VI в.), египетский поэт* — 259

Дир (ум. 882), киевский князь — 371

Дитерих К. (Dieterich), немецкий византинист — 76

Дорофей (1-я пол. VI в.), византийский юрист, профессор Бейрутской юридической школы, в 528–533 гг. член кодификационных комиссий по изданию первого и второго Кодексов и возглавляемых *Трибонианом* комиссий по составлению Институций и Дигест Свода законов *Юстиниана Великого* — 208

Дринов Марин Стоянов (1838–1906), болгарский византинист и государственный деятель — 170, 439

Дьяконов Александр Петрович (1873–1943), историк Церкви, византинист, сириолог — 222

Дюканж Шарль (Du Fresne du Cange, Ducange, 1610–1688), французский филолог-медиевист, византинист и лексикограф — 42, 43, 44

Дюрюи Виктор (Duruy, 1811–1894), французский историк-антиковед и политический деятель, с 1863 по 1870 г. министр просвещения Франции — 98

Евагрий Схоластик (536/7 – ок. 600), антиохийский юрист, автор «Церковной истории», описывающей время с 431 по 594 г. — 247, 254

Евдокия, первая жена имп. *Ираклия* — 266

Евдокия Макремволитисса, жена имп. *Константина X Дуки* и позднее имп. *Романа IV* — 463, 464, 466, 484

Евдоксия, жена имп. *Аркадия* — 121, 148, 151, 153, 154

Евсевий Кесарийский (Памфил, ок. 263–339/340), епископ Кесарии Палестинской с 313 г., христианский историк и богослов, автор «Церковной истории», основоположник жанра ранневизантийской историографии — 96, 98, 101, 102, 107, 118, 179, 180, 181, 196, 342

Евсевий (IV в.), епископ Никомедийский, родственник имп. *Юлиана*, друг *Ария* и защитник его на Никейском соборе (325 г.), патриарх Константинопольский в 341–342 гг. — 107, 109, 123

Евтропий (сер. IV в.), византийский историк — 118

Евтропий, временщик при дворе имп. *Аркадия* — 148, 149, 151, 152

Евтихий (V в.), константинопольский архимандрит, ересиарх-докетист — 157

Евтихий (X в.), арабский христианский историк — 286

Евфимий II, патриарх Константинопольский в 907–912 гг. — 438

Евфимий, предводитель восстания на Сицилии против имп. *Михаила II* — 373
Елена, мать имп. *Константина Великого* — 94, 268
Елена, сестра имп. *Констанция*, жена имп. *Юлиана* — 120, 125
Ертов Иван Давыдович (1777–1842), писатель, византинист, автор исторических компиляций — 80

Жерфанион Г. (Jerphanion), французский византинист — 490

Заберган (VI в.), вождь кутургуров — 203
Захария (кон. VI – начало VII в.), патриарх Иерусалимский — 268
Зеек Отто (Seeck), немецкий антиковед — 75, 92, 103
Зенон (Зинон), византийский император в 474–491 гг. — 157, 165, 166, 168, 171, 175, 176, 193, 214
Златарски Васил Николов (1866–1935), болгарский византинист — 332
Зосим (2-я пол. V в.), византийский историк, автор «Новой истории», доведенной до 410 г. — 95, 143, 148, 186
Зотенберг Х. (Zotenberg), французский востоковед — 392
Зоя, четвертая жена имп. *Льва VI* — 438, 439
Зоя, жена имп. *Романа III* и позднее имп. *Михаила IV*, самодержавная императрица с 1042 г. (после смерти Михаила IV) — 401, 402, 459

Ибн Хордазбех (IX в.), арабский географ — 306, 336, 460
Ива († 457), епископ Эдесский с 435 г., сирийский богослов — 217
Игнатий, патриарх Константинопольский в 846–858 и 867–878 гг. — 387, 388, 433, 434, 437
Игорь (ум. 945), князь киевский в 912–945 гг. — 424, 425
Иерокл (VI в.), византийский грамматик и географ — 254
Иероним Вольф (Hieronimus Wolf von Göttingen, 1516–1580), немецкий византинист — 41
Иероним Стридонский (Евсевий Софроний, ок. 342–420), родом из города Стридона (в Далмации), богослов, экзегет и историк, переводчик Библии на латынь, один из великих учителей древней Церкви, представитель латинской классической патристики, католический святой — 123, 128, 158
Икономос Л. (Οἰκονόμος), греческий византинист — 70
Иоанн († 311), св. мученик, пострадавший в Александрии — 313
Иоанн Антиохийский (VI–VII в.), византийский хронист — 312
Иоанн Лаврентий Лид (Лидиец, VI в.), византийский писатель — 220, 254
Иоанн VII Грамматик, патриарх Константинопольский в 834–843 гг., иконоборец — 382, 383, 396
Иоанн Дамаскин (ок. 650 – до 754), византийский богослов и поэт, систематизатор ранневизантийского богословского наследия, святой — 284, 338, 348, 350, 386
Иоанн Златоуст (Иоанн Хризостом, ок. 346–407), византийский писатель и проповедник, патриарх Константинопольский в 398–404 гг., умер в ссылке — 151, 152, 153, 179, 185
Иоанн Каменниат (нач. X в.), солунский священник, автор сочинения о завоевании Фессалоники арабами — 405, 478
Иоанн Каппадокийский, префект Константинополя при имп. *Юстиниане Великом* — 223
Иоанн Ксифилин (2-я пол. XI в.), византийский юрист и историк, при имп. *Константине Мономахе* назначен номофилаком (ректором юридической школы), после увольнения от должности принял монашество и стал впоследствии патриархом Константинопольским (1064–1075) — 482, 483

Иоанн Киpиот (Геометр, X в.), византийский поэт — 479
Иоанн Куркуас, византийский полководец при имп. *Константине VII* — 406, 407
Иоанн Лествичник († между 650 и 680), византийский богослов и писатель, настоятель монастыря на Синае, автор аскетико-дидактического сочинения «Лестница, восходящая к небесам» — 257
Иоанн Малала (он же Ритор, VI в.), византийский хронист — 255, 312
Иоанн Мосх (VII в.), византийский агиограф, автор сочинения «Лимонарь» (Луг духовный) или «Синайский патерик» — 258
Иоанн Никиусский (кон. VII в.), епископ города Никиу, византийский историк — 240
Иоанн Скот Эриугена (Эригена или Иеругена, ок. 810 – ок. 877), французский богослов и философ (по происхождению ирландец), первый переводчик Псевдо-Дионисия на латынь — 313
Иоанн Троглита, византийский полководец — 258
Иоанн I Цимисхий (924–976), византийский император в 969–976 гг. — 399, 401, 407, 408, 410, 411, 414, 421, 424, 426, 428, 431, 442, 480, 483
Иоанн († ок. 586), епископ Эфесский (монофизит), историк Церкви и агиограф — 205, 256
Иоанн IV Постник, патриарх Константинопольский в 582–595, автор дидактических ямбов — 243
Иоанн VIII, папа Римский в 872–882 гг. — 306, 430, 436
Иов (IX в.), патриарх Антиохийский — 384
Иовиан (Флавий, ок. 331–364), римский император в 363–364 гг. — 120, 132, 133, 134
Иорга Николае (Iorga, 1871–1940), румынский византинист — 69, 73
Иордан (Йорнанд, VI в.), готский историк — 141, 186
Иосиф Генесий (X в.), византийский историк — 476, 478
Ипатия (ок. 370 – ок. 415), женщина-философ (неоплатоник) — 183
Ираклий, экзарх Африки — 245
Ираклий I (575–641), сын предыдущего, византийский император в 610–641 гг. — 50, 92, 240, 245, 246, 266, 267, 270, 271, 272, 273, 286, 289, 298, 302, 303, 306, 309–312, 334, 358
Ираклон (Ираклеон), византийский император в 641 г. — 266
Ирина, жена имп. *Константина V* — 317
Ирина, жена имп. *Льва IV*, мать имп. *Константина VI*, самодержавная императрица в 797–802 гг. — 317, 322, 323, 342, 353, 357, 358, 359, 360, 364, 377, 402
Исаак I Комнин, византийский император в 1057–1059 гг. — 462–465, 470
Исаак II Ангел, византийский император в 1185–1195 гг. — 50
Исидор из Милета (VI в.), один из архитекторов храма Св. Софии — 260, 262
Йазид II, арабский халиф в 720–724 гг. (девятый халиф из династии Омейядов) — 343
Йакут (Йакут ибн ʿАбдаллах ал-Хамави ар-Руми, ок. 1179–1229), арабский историк и географ — 408
Йахйа Антиохийский (Яхья, XV в.), арабский христианский историк, путешественник — 409
Йездегирд (Иездегерд), персидский шах в 438–457 гг. — 154, 155

Кавад Широе, персидский шах в 488–531 гг. — 271, 309
Калеб (Ацбыха, 1-я пол. VI в.), нёгус аксумский (эфиопский император) ок. 525 – ок. 550 гг. — 194

Калигула (Гай Цезарь Германик, 12–41), римский император в 37–41 гг. — 114
Каллиник (VIII в.), изобретатель «греческого огня» — 292
Канар М. (Canard), французский византинист — 486
Каподистрия Иоаннис (1776–1831), граф, первый президент Греции в 1827–1831 гг. — 53
Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), русский писатель и историк — 487
Карл Великий (742–814), король франков с 768 г., император с 800, основатель династии Каролингов — 63, 355–359, 360, 374, 387, 473
Карл Лысый (823–877), король Аквитании с 848 г., король Лотарингии с 869, император с 875 (из династии Каролингов) — 430
Карл Мартелл (ок. 688–741), франкский полководец, с 715 г. майордом Франкского королевства — 320, 441
Кассия (1-я пол. IX в.), византийская инокиня-поэтесса — 393, 394
Кассиодор (Флавий Магн Аврелий, ок. 490–583), римский политический деятель (с 514 г. консул при *Теодорихе I*) и латинский писатель (автор «Истории готов», сохранившейся лишь в эксцерптах *Иордана*) — 186
Каэтани Леоне (Caetani), итальянский востоковед — 284, 285
Кир, префект Константинополя в годы правления *Феодосия II* — 162
Кир († 311), св. мученик, пострадавший в Александрии — 313
Кирилл Скифопольский (VI в.), византийский агиограф, монах Лавры св. Саввы в Палестине — 258
Кирилл († 444), патриарх Александрийский в 412–444 гг., принимавший активное участие в догматических спорах (главный противник патриарха *Нестория*), в своей полемической и политической деятельности не стеснял себя никакими средствами — 156, 157, 182
Кирилл (Константин, 826 или 827 – 869), родом из Фессалоники (Солуни), просветитель славян, один из создателей славянской азбуки, святой — 82, 377, 397
Клавдий Готский (Марк Аврелий Готик, 219–270), римский император в 268–270 гг. — 141
Климент Александрийский (ок. 150 – до 215), христианский экзегет, богослов и философ, в сочинениях которого присутствует широкий синтез греко-римской культуры и христианской веры, александрийский пресвитер и основатель александрийской богословской школы — 176
Клинтон Х. Л. (Clinton), английский византинист — 92
Кольбер Жан-Батист (Colbert, 1619–1683), министр финансов Франции с 1665 г. (в годы правления *Людовика XIV*) — 42
Кондаков Никодим Павлович (1844–1925), выдающийся историк византийской и древнерусской культуры, археолог, искусствовед, византинист — 79, 80, 90, 91, 235, 268, 344, 386
Констант I (Флавий Юлий, ок. 320–350), римский император в 337–350 гг., младший сын имп. *Константина Великого* — 64, 118, 121, 122,
Констант II, византийский император в 641–668 гг. — 266, 298, 301, 303, 305
Константин I Великий (Флавий Валерий, ок. 272–337), римский император в 306–337 гг., единолично правил после 316 г. — 63, 93–98, 100–115, 117, 118, 121, 123, 134, 135, 141, 154, 172, 179, 180, 181, 184, 186, 190, 213, 227, 261, 268, 358
Константин II (Флавий Клавдий, 317–340), римский император в 337–340 гг., сын имп. *Константина Великого* — 118, 120, 121
Константин III (Констанс II, он же Констант II), сын *Константина II*, византийский император в 641–668 гг. — 266
Константин IV Погонат, византийский император в 668–685 гг. — 266, 292, 293, 299, 301, 304, 305, 318

Константин V Копроним, византийский император в 741–775 гг. — 317, 321–324, 326, 328, 349, 351–353, 355, 391, 393, 397, 446

Константин VI, византийский император в 780–797 гг. — 317, 322, 357, 358

Константин VII Багрянородный (Порфирогенет, 905–959), византийский император в 913–959 гг., единолично правил после 945 г. — 247, 252, 254, 323, 336, 399, 401, 405, 406, 421, 425, 427, 439, 441, 456, 457, 461, 474, 475, 478

Константин VIII, византийский император в 1026–1028 гг. — 401, 459

Константин IX Мономах, византийский император в 1042–1054 гг. — 402, 417, 426, 428, 429, 443, 465, 481, 482, 484

Константин X Дука, византийский император в 1059–1067 гг. — 463, 464, 466, 467, 470, 484

Константин XI Палеолог, византийский император в 1449–1453 гг. — 63

Константин I, папа Римский в 708–715 гг. — 305, 306

Константин, префект Константинополя в годы правления *Феодосия II* — 162

Константин Кефалас (Кефала, IX в.), византийский писатель, составитель знаменитого поэтического сборника Anthologia Palatina — 477

Константин Родосский (X в.), византийский поэт — 477

Констанций II (Флавий Юлий, 317–361), римский император в 337–361 гг., сын имп. *Константина Великого*, единолично правил после 352 г. — 64, 105, 118, 120–122, 124–127, 261, 262

Констанций I Хлор (Флавий Валерий, ок. 250–306), римский император в 293–306 гг., отец имп. *Константина Великого* — 94, 115, 116, 125

Копитарь Ерней (Бартоломей Копитар, Kopitar, 1780–1844), австрийский филолог-славист и этнограф (словенец по происхождению) — 250

Корипп Флавий Кресконий (сер. и вторая пол. VI в.), византийский латиноязычный поэт, автор панегирических поэм о днях имп. *Юстиниана Великого* — 199, 228, 258

Косма Индикоплов (Косьма Индикоплевст, Козьма Египтянин, VI в.), традиционное наименование автора «Христианской топографии» — 232, 233, 234, 254

Кребс Э. (Krebs), немецкий антиковед — 99

Крист В. (Christ), немецкий византинист — 77

Круг Филипп Иванович (Johann Philipp Krug, 1764–1844), немецкий и русский византинист — 77

Крум, болгарский хан в 802–815 гг. — 375, 376

Крумбахер Карл (Krumbacher, 1854–1909), выдающийся немецкий историк-византинист, основатель и первый редактор «Byzantinische Zeitschrift» — 66, 76, 86, 178, 394, 480

Кудама (X в.), арабский географ — 307

Кулаковский Юлиан Андреевич (1855–1919), филолог-классик, византинист, археолог — 81, 192, 294, 308, 361

Куник Арист Аристович (Ernst Eduard Kunick, 1814–1899), немецкий и русский византинист — 77

Кюмон Франц (Cumont, 1868–1947), бельгийский археолог, филолог, гебраист и религиовед (специалист по иудаизму и греко-римскому язычеству) — 371

Лаббе Филипп (Labbe, Labbeus, 1607–1667), французский издатель античных и византийских текстов — 42

Лависс Эрнест (Lavisse, 1842–1922), французский историк, атташе в министерстве *Виктора Дюрюи* — 74

Лазарь (1-я пол. IX в.), монах-иконописец — 382

Лактанций (Луций Цецилий Фирмиан, ок. 250 – ок. 325), латинский христианский писатель, историк и филолог — 101, 184

Ламанский Владимир Иванович (1833–1914), филолог-славист, историк и этнограф — 298

Ламброс Спиридон (Λάμπρος, 1851–1919), греческий византинист — 65, 90, 318

Лебо Шарль (Le Beau, Lebeau, 1701–1778), французский византинист, автор «Истории Византии» — 50, 51, 52, 80

Лебедев Алексей Петрович (1845–1908), историк Церкви и богослов — 344, 439

Лев (сер. IX в.), византийский математик, в годы правления имп. *Феофила* избран епископом Фессалоники, после 843 г. низложен за иконоборческие взгляды, впоследствии возглавлял высшую школу в Константинополе — 396, 397

Лев Грамматик (2-я пол. X – нач. XI в.), византийский хронист — 479

Лев Диакон (Лев Азиат, Лев Кариец, X в.), византийский историк — 409, 419, 423, 424, 440, 478

Лев I Великий, византийский император в 457–474 гг. — 64, 121, 162, 165, 175, 233

Лев II Младший, византийский император в 474 г. — 121

Лев III Исавр (Лев III Сириец, ок. 675–741), византийский император в 717–741 гг., уроженец Сирии, иконоборец, законодатель (издатель Эклоги), основатель так называемой Исаврийской династии — 55, 62, 112, 267, 311, 316, 317, 318, 320–324, 326–328, 330, 332, 335–337, 339–341, 343, 344, 346, 348, 349, 352, 355–357, 360–362, 380, 384, 446

Лев IV Хазар, византийский император в 775–780 гг. — 317, 353, 358

Лев V Армянин, византийский император в 813–820 гг. — 341, 359, 364, 375, 378, 380–382, 384, 389, 390, 476

Лев VI Мудрый (866–912), византийский император в 886–912 гг. — 401, 404, 405, 418, 419, 423, 430, 437, 439, 441, 447–450, 453, 454, 461, 474, 476

Лев Торникий, глава восстания против имп. *Константина IX* — 417

Лев Триполитанский (кон. IX – нач. X в.), пират — 404, 405

Лев IX (1002–1054), папа Римский в 1049–1054 гг., укреплял централизацию Западной церкви на основе принципов Клюнийской реформы — 443

Левченко Митрофан Васильевич (1890–1955), историк-византинист — 88, 89

Леконт де Сегюр Луи-Филипп (Le Comte de Ségur), французский византинист — 52

Лекьен Мишель (Le Quien, 1661– 1733), французский византинист, доминиканский монах — 44

Лемерль П. (Lemerle), французский византинист — 75

Леонтий, византийский император в 695–698 гг. — 267

Леонтий Византийский (VI в.), богослов, автор догматических и полемических сочинений — 257

Леонтий (VII в.), епископ Неаполя на Кипре, агиограф — 313, 314

Либаний (Ливаний, 314 – ок. 393), позднеантичный греческий ритор (родом из Антиохии), языческий философ, виднейший представитель «второй софистики», учитель *Иоанна Златоуста* и *Аммиана Марцеллина*, учитель и панегирист имп. *Юлиана* — 124, 127, 152, 179, 185

Липшиц Елена Эммануиловна (1901–1990), византинист, историк права — 328

Лициний (Валерий Лициниан, ок. 265–325), римский император в 308–324 гг. — 94, 100, 103, 141, 180

Лиутпранд (ок. 920–971), епископ Кремоны, историк и дипломат — 431

Ломбар А. (Lombard), французский византинист — 340

Лоран В. (Laurent, 1896–1973), французский византинист — 468

Лот Фердинанд (Lot, 1866–1952), французский антиковед и медиевист — 99

Лукиан Самосатский († 312), антиохийский пресвитер, ученик (?) Павла Самосатского, основатель сирийской богословской и экзегетической школы — 107

Людовик I Благочестивый (778–840), сын имп. *Карла Великого*, король Аквитании с 806 г., император франков в 814–833 и 834–840 гг. (из династии Каролингов) — 360

Людовик II († 875), король Италии и император франков в 855–875 гг. (из династии Каролингов) — 403, 429, 430, 472

Людовик XIII (1601–1643), французский король в 1610–1643 гг. (из династии Бурбонов) — 41

Людовик XIV (1638–1715), французский король в 1643–1715 гг. (из династии Бурбонов) — 41, 42

Мабильон Жан (Mabillon, 1632–1707), французский историк-медиевист, палеограф, издатель средневековых рукописей, ученый-бенедиктинец, член конгрегации мавристов в парижском монастыре Сен-Жермен де Пре — 44

Маврикий, византийский император в 582–602 гг. — 192, 238, 239, 242–245, 252, 254, 259, 389

Мазарини Джулио (Mazarini, Mazarin, 1602–1661), кардинал с 1641 г., первый министр Франции с 1643 (в годы правления *Людовика XIV*) — 41

Максенций (Марк Аврелий, ок. 280–312), римский император в 306–312 гг. — 94, 100, 102

Максим Исповедник (ок. 580–662), византийский богослов, один из основных оппонентов монофелитской ереси, в своих сочинениях подвел итоги ранневизантийской патристики, умер в ссылке — 303, 304, 312

Максим Эфесский (IV в.), философ-неоплатоник — 124

Максимиан (Марк Аврелий Валерий, ок. 250–310), римский император в 286–305 и 307–310 гг. — 94, 115, 116

аль-Мамун, арабский халиф в 813–833 гг. (седьмой халиф из династии Аббасидов) — 367, 368, 370, 396, 397

Манойлович М. (Manoilović), сербский византинист — 222

Мануил I Комнин, византийский император в 1043–1080 гг. — 485

Мардоний, учитель имп. *Юлиана* — 123, 124

Марк Аврелий (Антонин, 121–180), римский император в 161–180 гг., философ-стоик — 127

Маркиан, византийский император в 450–457 гг. — 121, 162, 163, 165, 233

Марр Николай Яковлевич (1864–1934), кавказовед, археолог, филолог и лингвист — 414, 416

Марсэ Жорж (Marçais), французский востоковед — 69

Мартин I, папа Римский в 649–655 гг. — 303, 304, 305

Мартина, жена имп. *Ираклия* — 266

Маслама (греч. Масалмас, нач. VIII в.), арабский полководец — 318

Масперо Ж. (Maspero), французский византинист — 259, 287

Масуди (ал-Мас'уди, Абу-л-Хасан 'Али ибн ал-Хусейн, ум. 965), арабский географ и историк — 296

Матфей Эдесский (XI в.), армянский историк — 410

аль-Махди, арабский халиф в 775–785 гг. (третий халиф из династии Аббасидов) — 321

Мел (нач. XI в.), глава антивизантийского восстания в Италии — 432

Менандр Протектор (VI в.), византийский историк — 202, 252, 253

Меркати Сильвио Джузеппе (Mercati, род. 1877), итальянский филолог-классик, историк-византинист и палеограф, инициатор издания первого византиноведческого итальянского журнала «Studi bizantini e neoellenici» (1924 г.) — 76

Меурсий, голландский византинист — 41

Мефодий (ок. 820–885), просветитель славян, один из создателей славянской азбуки, святой — 82
Мехмед II Завоеватель, турецкий султан в 1451–1481 гг. — 262
Мина, патриарх Константинопольский в 536–552 гг. — 217
Михаил I Рангаве, византийский император в 811–813 гг. — 359, 364, 375, 378, 389
Михаил II Травл (Косноязычный), византийский император в 820–829 гг. — 341, 364, 367, 368, 372, 380–382
Михаил III Пьяница, византийский император в 842–867 гг. — 365, 371, 373, 383, 384, 387, 388, 394, 395, 400, 417, 433
Михаил IV Пафлагонец, византийский император в 1034–1041 гг. — 401, 433, 434
Михаил V Калафат, византийский император в 1041–1042 гг. — 401
Михаил VI Стратиотик, византийский император в 1056–1057 гг. — 402, 462, 484
Михаил VII Дука Парапинак, византийский император в 1071–1078 гг. — 464, 470, 471, 473
Михаил Атталиат (XI в.), византийский историк — 487
Михаил Керуларий (Кирулларий), патриарх Константинопольский в 1043–1058 гг. — 443, 444,
Михаил Пселл (XI в.), византийский государственный деятель и писатель — 463, 481–484 , 487
Мишель А. (Michel), французский историк византийского искусства — 91
Моавия I (Мавия, Муавия, Му'авия ибн Абу Суфйан), арабский халиф в 661–680 гг., основатель династии Омейядов — 290, 292, 293
Монтелатичи Г. (Montelatici), итальянский византинист — 76
Монтескьё Шарль Луи (Montesquieu, 1689–1755), французский философ, писатель и историк, представитель французского Просвещения — 44, 45, 65
Монфокон Бернар де (Montfaucon, 1655–1741), французский историк-медиевист, палеограф, издатель средневековых рукописей, бенедиктинец, член конгрегации мавристов в парижском монастыре Сен-Жермен де Пре — 44
Морис Ж. (Maurice), французский нумизмат — 99, 100
Мортрейль Ж.-А.-Б. (Мортрёль, Mortreuil), французский правовед (цивилист и канонист), марсельский адвокат — 91
Муральт Эдуард Гаспарович (Eduard von Muralt, de Muralt, 1808–1895), археограф, историк, реформатский богослов и священник, родом швейцарец, жил в С.-Петербурге с 1833 по 1864, где в течение 26 лет работал библиотекарем Имп. Публичной библиотеки (составил первые каталоги греческих рукописей ИПБ) — 92
Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938), первый президент Турции в 1923–1938 гг. — 262
Мутасим (ал-Му'тасим би-ллах), арабский халиф в 833–842 гг. (восьмой халиф из династии Аббасидов) — 370
Мухаммед (ок. 570–632), мусульманский пророк — 274, 276–285, 288, 289, 319

Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский император в 1804–1814 и 1815 гг. — 45
Нарзес (Нарсес, ок. 478–568), византийский полководец, евнух, придворный имп. *Юстиниана Великого* — 200, 241
Насири-Хусрау, персидский путешественник — 413
Нектарий, патриарх Константинопольский в 381–397 гг. — 137, 152
Несторий, патриарх Константинопольский в 428–431 гг. — 156, 157, 182

Никифор (XI в.), патриарх Иерусалимский — 412
Никифор I, патриарх Константинопольский в 806–815 гг. — 338, 378, 380, 381, 389, 391
Никифор I, византийский император в 802–811 гг. — 317, 364, 366, 372, 375, 377, 378, 459
Никифор II Фока, византийский император в 963–969 гг. — 399, 403, 405, 407, 408, 409, 410, 414, 421, 426, 430, 431, 439–443, 450, 457, 458, 478, 480
Никифор III Вотаниат, византийский император в 1078–1081 гг. — 464, 471
Никифор Каллист (XIV в.), византийский писатель — 179
Николай I, папа Римский в 858–867 гг. — 161, 377, 387
Николай Месарит (XIII в.), епископ Эфесский, византийский писатель — 262
Николай Мистик, патриарх Константинопольский в 901–907 и 911–925 гг. — 396, 405, 419, 437–439, 478
Николь Жюль (Nicole), швейцарский византинист — 450
Никон (Никита Минов, 1605–1681), патриарх Московский в 1652–1667 гг. — 448
Нойманн Карл Иоганн (Neumann, 1857–1919), немецкий филолог-классик, византинист, историк греко-римской культуры и раннего христианства — 472
Нонн (сер. VI в.), византийский дипломат и историк — 253
Нугаре Пьер Жан-Батист (Nougaret), французский византиинст — 51

Одоакр (ок. 431–493), вождь германского племени скиров или герулов, король германцев, низложивший в 476 г. последнего западноримского имп. *Ромула Августула*; правитель Италии со статусом наместника византийского императора — 165, 166, 171
Олег (ум. 912), новгородский князь с 879 г., киевский князь в 882–912 гг. — 423, 424, 425
Ольга († 969), киевская княгиня, жена князя Игоря; ок. 957 г. приняла христианство — 425
Оман К. А. (Oman), английский византинист — 72
Омар I (Омар ибн аль-Хаттаб, Умар, ок. 591 или 581 – 644), сподвижник Мухаммеда, завоеватель Сирии, Палестины, Египта, основатель Арабского халифата, арабский халиф в 634–644 гг. (второй из четырех праведных халифов) — 288, 289, 315, 320
Омар (сер. IX в.), эмир Мелитины — 371
Омуртаг, болгарский царь в 814–831 гг. — 369, 376
Ориген (ок. 185–253 или 254), выдающийся богослов, экзегет и философ, сочинения которого оказали колоссальное влияние на развитие христианской мысли ранневизантийской эпохи, создатель первой (доникейской) системы христианской догматики; по недоразумению был признан еретиком, объявлен им в эдикте имп. *Юстиниана Великого* (543 г.) и посмертно анафематствован — 106
Осия (1-я пол IV в.), епископ Кордубский — 107, 109
Осман I (Осман ибн ал-'Аффан), зять Мухаммеда, арабский халиф в 644–656 гг. (третий из четырех праведных халифов) — 288
Острогорский Георгий Александрович (Ostrogorsky, 1902–1976), историк-византинист — 71, 212, 268, 353
Оттон I Великий (912–973), саксонский король в 936–973, германский император в 951–973 гг. — 431, 441
Оттон II Рыжий (955–983), германский император в 973–983 гг. — 412, 432
Оттон III (980–1002), германский император в 983–1002 гг. — 432, 473

Павлов Алексей Степанович (1832–1898), историк греко-римского и церковного права — 333

Павсаний (Паузаний, вторая пол. II в.), греческий путешественник, автор книги «Описание Эллады» — 148
Палладий Еленопольский (ок. 364 – ок. 430), ученик Евагрия Понтийского, историк египетского монашества (сочинение «Лавсаик») — 182
Панченко Борис Амфианович (1872–1920), историк-византинист, секретарь Русского археологического института в Константинополе, после революции служил в киевской ЧК — 298, 328, 329
Папарригопуло К. (Παπαρρηγόπουλος, Paparrhegopoulos, Paparigopoulo, 1815–1891), греческий византинист — 57, 58
Пацис (кон. IX – нач. X в.), византийский юрист — 449
Петр (Петър), царь Болгарии в 927–969 гг. — 421
Петр Делян (Оделян, сер. XI в.), глава антивизантийского восстания в Болгарии — 422
Петр I, русский император в 1694–1725 гг. — 118
Петр Патрикий (Магистр, VI в.), византийский историк — 252
Пиндар (ок. 518–442 или 438 до н. э.), древнегреческий поэт — 130
Пипин III Короткий (714–768), франкский майордом, с 751 г. франкский король, сын *Карла Мартелла*, отец *Карла Великого* — 362, 460
Пирс Г. (Peirce), английский историк византийского искусства — 92
Платон (428 или 427 – 348 или 347 до н. э.), древнегреческий философ — 130, 182, 183, 257
Плутарх Херонейский (ок. 46 – ок. 127), греческий писатель и философ-моралист — 148
Покровский Иосиф Алексеевич (1868–1920), историк греко-римского права — 211
Порфирий (Константин Александрович Успенский, 1804–1885), епископ Чигиринский, исследователь христианского Востока — 442
Приск Фракийский или Панийский (V в.), византийский ритор и историк, ездивший в 447 г. с посольством к гуннам и оставивший описание этой поездки — 186
Прокопий Кесарийский (ок. 500–562), византийский историк эпохи имп. *Юстиниана Великого*, автор сочинений «История войн Юстиниана», «О постройках Юстиниана», «Тайная история», секретарь военачальника *Велизария* — 174, 194, 202, 203, 205, 223, 224, 230, 237, 251, 252, 258
Прокопия, жена имп. *Михаила I* — 364
Птолемей Клавдий (II в.), греческий астроном, математик и географ — 232
Пульхерия, сестра *Феодосия II* — 121, 155, 162, 317

Райт Ф. А. (Wright), английский филолог-классик и византинист — 77
Рамбо Альфред (Rambaud, 1842–1905), французский историк — 74, 222, 407
Рансимен Стивен (Runciman), английский византинист — 68, 69, 439
Регель Василий (Андреас Фридрих Вильгельм) Эдуардович (1857–1932), византинист, медиевист, славист, редактор «Византийского временника», основатель «Византийского обозрения» — 89, 90
Ришелье Арман-Жан дю Плесси (1585–1642), герцог, французский кардинал с 1622 г., первый министр Франции с 1624 (в годы правления *Людовика XIII*) — 42
Роберт Гуискар (Гвискард, 1015–1085), предводитель норманнов, завоевавших южную Италию и Сицилию, герцог Апулии и Калабрии с 1061 г. — 433, 472, 473
Роман I Лакапин, византийский император в 919–944 гг., соправитель имп. *Константина VII* — 401, 406, 407, 416, 420, 421, 425, 439, 441, 456, 457, 459, 461, 475, 478
Роман II, византийский император в 959–963 гг. — 401, 407, 440, 457

Роман III Аргир (Аргиропул), византийский император в 1028–1034 гг. — 401, 413, 459

Роман IV Диоген, византийский император в 1067–1071 гг. — 463, 466, 467 468

Роман Сладкопевец (конец V в. – ок. 560), византийский гимнограф, усовершенствовавший жанровую форму кондака, дьякон в Берите, позднее в Константинополе — 183, 184, 258, 314, 392

Ромейн Й. (Romein), голландский византинист — 68

Ромул Августул, последний император Западной Римской империи в 475–476 гг. — 165, 358

Рот Карл (Roth), немецкий византинист — 73

Ротруд (Эрутро), дочь имп. *Карла Великого* — 357

Руайу Жак (Jacques Corentin Royou), французский византинист — 52, 80

Руфин Аквилейский (340–410), богослов и историк, переводчик сочинений *Оригена* и «Церковной истории» *Евсевия Кесарийского* на латынь — 181

Руфин Флавий (IV–V в.), родом из Аквитании, префект претория, временщик при дворе имп. *Аркадия* — 148

Сайдак Ян (Saidak), польский филолог-классик и византинист — 76

Саййид Баттал Гази, турецкий национальный герой, борец за торжество ислама — 320

Самуил, царь Болгарии в 976–1016 гг. — 422

Светоний (Гай Транквилл, ок. 70 – ок. 123 или 140), римский историк, биограф цезарей — 114

Свинтила, вестготский король 1-й пол. VII в. — 270

Святослав (ум. 972), князь киевский в 957–972 гг. — 410, 421, 424, 478, 479

Себеос (VII в.), армянский историк, участник Двинского собора (645 г.); сочинение Себеоса (или автора, скрывшегося под алонимом Себеоса), названное в русском переводе К. П. Патканова (Патканьяна, 1834–1889) «История императора Иракла», содержит историю Армении с древнейших времен до 661 г. — 262, 272

Сейф ад-Даула, хамданидский эмир Алеппо 1-й пол. X в. — 406, 407, 408

Сельджук, туркменский князь кон. X – нач. XI в. — 465

Сергий († 638), патриарх Константинопольский в 610–638 гг., церковный деятель монофелитского направления — 302, 305

Сен-Мартен Ж.-А. (Saint-Martin), французский арменовед — 51

Силко, правитель блеммиев и нубийцев 1-й пол. VI в. — 204

Сильвестр II (Герберт), папа Римский в 999–1003 гг. — 432

Симеон Логофет (Магистр, X в.), византийский хронист — 479

Симеон Метафраст (1-я пол. X в.), византийский агиограф — 477

Симеон, царь Болгарии в 893–927 гг. — 417–421, 478

Симмах (Квинт Аврелий, ок. 345–403), латиский оратор, префект Рима в 384–385, консул в 391 г. — 138, 139

Синезий Киренский (Синесий, между 370 и 375 или 379 – 412), философ-неоплатоник (ученик *Ипатии*), поэт и оратор, впоследствии под влиянием *Феофила Александрийского* стал христианином и епископом Птолемаиды в Ливии — 150, 151, 182, 183, 185

Сичилиано Луиджи (Siciliano-Villanueva, род. 1869), итальянский историк греко-римского права — 91

Скала Р. фон (Scala), немецкий византинист — 73

Созомен (V в.), византийский церковный историк — 126, 181, 254

Сократ (470/69–399 до н. э.), древнегреческий философ — 132

Сократ (V в.), византийский церковный историк — 181, 254

Соломон, византийский полководец, евнух и придворный имп. *Юстиниана Великого* — 199
София, жена *Юстина II* — 238
Софроний Палестинский († 638 или ок. 642), патриарх Иерусалимский в 634–638 гг., автор проповедей, житийных и других сочинений, соавтор *Иоанна Мосха* — 289, 313
Спасский Анатолий Алексеевич (1866–1916), историк Церкви, редактор журнала «Богословский вестник» — 105, 109
Ставракий, византийский император в 811 г. — 364, 375
Стилихон, временщик при дворе имп. *Гонория* — 148
Страбон (63 до н. э. – 24 н. э.), греческий географ — 110
Стржиговский Йозеф (Стриговский, Стжиговский, Strzygowski, 1862–1941), австрийский историк византийского искусства, востоковед — 188, 261, 488, 489
Сулейман, арабский халиф в 715–717 гг. (седьмой халиф из династии Омейядов) — 320
Сулейман ибн Куталмыш, основатель Румийского султаната — 468

Тайлер Р. (Tyler), английский историк византийского искусства — 92
Тарасий, патриарх Константинопольский в 784–806 гг. — 353, 378, 380
Тацит (Публий Корнелий, ок. 55 – ок. 120), римский историк — 44, 48, 110, 187
Теодорих I Великий (ок. 454–526), остготский король в 471–526 гг. (не путать с Теодорихом I (419–451), королем вестготов), основатель Остготского королевства в Италии (493 г.) — 166, 170, 171, 222, 263
Тертуллиан (Квинт Септимий Флоренс, ок. 160 – после 220), юрист, раннехристианский писатель, радикальный отрицатель языческой культуры — 106
Тиверий, византийский император в 568–572 гг. — 192, 238, 239, 242
Тит Флавий Веспасиан (39–81), римский император в 79–81 гг. — 105, 177
Тиллемон Луи-Себастьян де (Le Nain de Tillemont, 1637–1695), французский антиковед, аббат — 49
Тозер Х. Ф. (Tozer), издатель сочинений *Г. Финлея* — 54
Тотила (ум. 552), остготский король Италии с 541 г. — 199, 200
Трибониан (1-я пол. VI в.), византийский юрист, квестор «священного дворца» (смещен с должности после восстания Ника в 532 г., восстановлен в 534), в 533 г. магистр оффиций, в 528–533 гг. член кодификационных комиссий по изданию первого и второго Кодексов и глава комиссий по составлению Институций и Дигест Свода законов *Юстиниана Великого* — 207, 208, 212, 223
Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920), правовед и философ — 100
Тураев Борис Александрович (1868–1920), востоковед-египтолог, ассириолог, эфиопист, создатель русской школы историков древнего Востока — 275
Турки Никола (Turchi), итальянский византинист — 74

Уитмор Томас (Whittemore, 1871–1950), американский историк-византинист и археолог — 262
Ульфила (Вульфила, † 383), просветитель готов, переводчик Библии на готский язык — 141
Успенский Константин Николаевич (1874–1917), историк-византинист — 87, 88, 340, 351, 362
Успенский Федор Иванович (1845–1928), византинист, директор Русского археологического института в Константинополе, редактор «Византийского временника» — 79, 80, 82–86, 89, 113, 139, 163, 165, 172, 221, 271, 300, 308, 328, 329, 336, 362, 376, 450

Фальмерайер Якоб Филипп (Fallmerayer, 1790–1861), немецкий византинист — 59, 246–250

Федор Алексеевич, русский царь в 1676–1682 гг. — 212

Фемистий (ок. 317–390), ритор и философ, один из крупнейших представителей «второй софистики», руководитель высшей школы в Константинополе, синклитик (член Константинопольского сената), префект Константинополя — 185

Феодор Дафнопат (сер. X в.), византийский историк — 476

Феодор Мопсуестийский (Мопсуестский, ок. 350–428), сирийский богослов и экзегет, представитель антиохийской богословской школы — 217

Феодор Продром (XII в.), византийский поэт — 485

Феодор Студит (759–826), византийский богослов, автор догматико-полемических и морально-аскетических сочинений, оппонент иконоборчества, игумен Студийского монастыря — 378, 381, 382, 386, 391, 393

Феодора, дочь имп. *Константина VII*, сестра имп. *Романа II*, жена имп. *Иоанна Цимисхия* — 401

Феодора, жена имп. *Юстиниана Великого* — 194, 195, 216, 218, 221, 238, 252, 256, 264

Феодора, мать имп. *Михаила II* — 366

Феодора, жена имп. *Феофила*, мать имп. *Михаила III* — 342, 366, 383, 393, 394, 396

Феодора, младшая сестра имп. *Зои*, соправительница сестры в 1042 г., самодержавная императрица в 1054–1056 гг. — 399, 402

Феодорит Киррский (ок. 393 – ок. 466), блаженный, епископ города Кирра или Кира, близ Антиохии, сирийский богослов, экзегет и историк Церкви, автор апологетического сочинения «Врачевание эллинских недугов», «Церковной истории», агиографического сочинения «История боголюбцев» и др. — 181, 217, 254

Феодосий I Великий (ок. 345–395), римский император в 379–395 гг. — 63, 93, 120, 121, 133–138, 143, 144, 151, 233, 263, 332, 358

Феодосий II, византийский император в 408–450 гг. — 64, 120, 121, 154–161, 187, 207, 215, 259, 317, 360

Феодосий III, византийский император в 715–717 гг. — 267, 310

Феодосий Мелитинский (X в.), византийский хронист — 479

Феодот Касситер, патриарх Константинопольский в 815–821 гг. — 380

Феоктист, фаворит Феодоры, матери имп. *Михаила III* — 366

Феофан Византийский, историк VI в. — 253

Феофан Исповедник (ок. 758–817), византийский хронист — 284, 316, 346, 388, 389

Феофано, жена имп. *Романа II* и позднее имп. *Никифора Фоки* — 401, 440

Феофано (Феофана, ок. 950–991), византийская принцесса, германская императрица, жена имп. *Оттона II* — 410, 432

Феофил († 412), патриарх Александрийский в 385–412 гг., добивался верховенства александрийской кафедры, враг *Иоанна Златоуста* — 152

Феофил (кон. III – нач. IV в.), готский епископ, бывший участником Никейского I Вселенского собора (325 г.) — 141

Феофил, византийский император в 829–842 гг. — 365, 369, 370, 374, 380, 382, 383, 390, 394, 396, 397

Феофил († ок. 536), византийский юрист, комит священного консистория, профессор высшей школы в Константинополе, в 528–533 гг. член кодификационных комиссий по изданию первого и второго Кодексов, Институций и Дигест Свода законов *Юстиниана Великого*, автор Парафразы к Институциям — 207, 208

Феофилакт Болгарский († ок. 1107), блаженный, архиепископ Охридский, византийский экзегет — 428

Феофилакт Симокатта (Симокатт, VII в.), византийский историк — 168, 253
Фидий (V в. до н. э.), знаменитый древнегреческий скульптор — 139
Филипп II (ок. 382–336 до н. э.), македонский царь в 359–336 гг., отец *Александра Македонского* — 110
Филокалес, знатный землевладелец в Каппадокии — 458
Филосторгий (кон. IV– нач. V в.), церковный историк арианского направления — 133, 181
Филофей (кон. IX – нач. X в.), автор сочинения «Клиторологий» — 460
Финлей Георг (Джордж, George Finlay, 1799–1875), английский византинист — 53–57, 72, 335
Фока, византийский император в 602–610 гг. — 192, 238, 242–245, 259, 267, 268, 312
Фома Аквинский (Thomas Aqinas, ок. 1225–1274), итальянский теолог и философ, систематизатор схоластики, доминиканец, католический святой — 391
Фома Славянин, глава одноименного восстания в Малой Азии — 367–369
Фотий (между 810 и 828 – ок. 893), патриарх Константинопольский в 858–867 и 877–886 гг., церковный и политический деятель, ученый и писатель — 253, 372, 387, 388, 395–397, 399, 433, 434
Фравитта (кон. IV – нач. V в.), готский вождь на службе Империи — 151, 152
Франциск I (1494–1547), французский король в 1515–1547 гг. (из династии Валуа) — 41
Фримэн Эдуард А. (Freeman, 1823–1892), английский историк — 49, 56, 57
Фукидид (ок. 460 – ок. 400 до н. э.), древнегреческий историк, один из классиков аттической прозы — 48, 172, 230, 251
Фурд Эдуард (Foord), английский византинист — 73
Фюстель де Куланж Нюма Дени (Fustel de Coulanges, 1830–1889), французский антиковед — 142, 160

Хадиджа, жена *Мухаммеда* — 280
Хаймбах Густав Эрнст (Геймбах, Heimbach, 1810–1852), немецкий историк греко-римского права — 91
Хайхельхайм Фриц (Heichelheim, 1901–1968), немецкий антиковед, специалист по экономической истории древности; в 1930-е годы эмигрировал из Германии, жил вначале в Англии, затем в Канаде. — 70
Хаким, египетский халиф в 1009–1021 гг. (из династии Фатимидов) — 412, 413
Харун ар-Рашид, арабский халиф в 786–809 гг. (пятый халиф из династии Аббасидов) — 321, 367
Хаттон В. Н. (Hutton), английский византинист — 73
Хильдеберт II (Хилидебер, 570–595), король австразийских франков в 575–595, король Бургундии в 592–595 гг. — 242
Хинneберг П. (Hinneberg), немецкий историк — 74, 76
Хлодвиг I (Хлодовех, 465 или 466 – 511), король салических франков в 481–511 гг. (из династии Меровингов), основатель державы франков — 170, 171
Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), русский писатель и общественный деятель — 78
Хосров I Ануширван (Хосрой Нушинрван, Аношарван), персидский шах в 531–579 гг. (из династии Сасанидов) — 201, 202, 309
Хосров II Парвиз (Хосрой Парвез), персидский шах в 591–628 гг. (из династии Сасанидов) — 271

Христофор (IX в.), патриарх Александрийский — 384
Христофор Митиленский (1-я пол. XI в.), византийский поэт — 480

Цахариэ фон Лингенталь Карл Эдуард (C. E. Zachariae a Lingenthal, K. E. Zachariä von Lingenthal, 1812–1894), немецкий византинист — 90, 327, 329, 330, 332, 333
Цезарь (Гай Юлий, 100–44 до н. э.), римский полководец и государственный деятель — 110, 256
Целестин I († 432), папа Римский в 422–432 гг. — 156

Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856), русский философ и писатель — 78

Шварц Эдуард (Schwartz, 1858–1940), немецкий филолог-классик, византинист и канонист — 98
Шестаков Сергей Петрович (1864–1940), византинист — 85, 361
Шёнебек Х. фон (Schönebeck), немецкий историк — 100
Шехтер С. (Schechter), американский исследователь — 424
Шлюмберже Гюстав Леон (Schlumberger, 1844–1929), французский археолог и византинист — 66, 408
Шрамм П. (Schramm), немецкий византинист — 358
Штайн Эрнст (Stein), немецкий византинист — 75, 99, 187, 310, 349

Элагабал (Гелиогабал) — прозвище Марка Аврелия Антонина (204–222), римского императора в 218–222 гг. — 114
Энгельман Август, русский историк византийского права — 91
Эрхард Альберт (Ehrhard), немецкий византинист — 76
Эшбернер В. (Ashburner), английский византинист — 330, 335

Юлиан II Отступник (Флавий Клавдий, 332–363), римский император в 361–363 гг., философ-неоплатоник, стремившийся создать некую языческую церковь и одолеть христианство — 112, 122–126, 128, 129–133, 185, 186, 187, 252
Юстин I, византийский император в 518–527 гг., по происхождению македонский крестьянин, дядя имп. *Юстиниана Великого* — 167, 191, 193, 194, 221, 255
Юстин II, византийский император в 565–578 гг. — 191, 214, 237, 238, 239, 241, 242, 257, 258, 259
Юстиниан I Великий (482–565), византийский император в 527–565 гг. — 41, 62, 63, 68, 69, 75, 76, 112, 146, 160, 170, 174, 178, 190–201, 203–208, 210–221, 223–233, 235–242, 251, 253–257, 259–261, 263–265, 286, 324, 325, 327, 332, 346, 358, 369, 414, 445, 446, 448, 449, 488
Юстиниан II Ринотмет († 711), византийский император в 685–695 и 705–711 гг.; после первого свержения был подвергнут отрезанию носа, вернулся на престол при новом государственном перевороте, но был вновь свергнут и погиб — 267, 293, 305, 306, 310, 318, 322, 328

Ярослав Мудрый (ок. 978–1054), великий киевский князь с 1019 г. — 426

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. Г. Грушевой. К переизданию цикла общих работ А. А. Васильева по истории Византии . . . . . .

Глава 1. Очерк разработки истории Византии . . . . . .

Глава 2. Империя от времени Константина до Юстиниана Великого . . . . . .

Глава 3. Юстиниан Великий и его ближайшие преемники (518—610 гг.) . . . . . .

Глава 4. Эпоха династии Ираклия (610—717) . . . . . .

Глава 5. Иконоборческая эпоха (717—867) . . . . . .

Глава 6. Эпоха Македонской династии (867—1081) . . .

Васильев Александр Александрович (1867–1953) «История Византийской империи (время до Крестовых походов)» (серия «Византийская библиотека», раздел «Исследования»).

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»
Санкт-Петербург, ул. 2-ая Советская, д.27
Телефон издательства: (812) 277–2119
Факс: (812) 277–5319

Сдано в набор 20. 05. 1997 г. Подписано в печать 10. 02. 1998 г. Бумага офсетная. Формат 60×88$^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Объем 32 а. л. Тираж 3000. Заказ № 3541

Отпечатано с готовых диапозитивов в Санкт-Петербургской типографии «Наука» РАН: 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д.12.

Printed in Russia